

А.В.Комар

ПЕРЕЩЕПИНСКИЙ КОМПЛЕКС В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VII – НАЧ. VIII В.

Традиционный вопрос теоретической археологии о возможности и корректности использования археологических источников в реконструкции исторических событий, исторической картины определенного хронологического среза в последнее время становится все более актуальным в раннесредневековой номадистике Восточной Европы. Безоговорочно относясь к периоду “письменной истории”, наш объект, тем не менее, освещен письменными источниками настолько кратко, фрагментарно и противоречиво, что отказ от поиска путей расширения источниковой базы автоматически означал бы признание всей отрасли тупиковой, не способной к объективному развитию. Единственным выходом представляется раскрытие и развитие потенциала археологических источников, хотя и этот процесс не лишен проблем и “подводных камней”.

Письменные источники предлагают субъективную оценку события очевидцем, современником или же историком ближайших поколений, хранящих память о нем. Отбор событий избирателен – описываются только те из них, которые оказались важными или любопытными автору. Археологические источники, наоборот, хранят объективную информацию о всех без исключения событиях, развившихся в памятниках материальной культуры. Но если историческая информация письменных источников уже выражена вербально, то перевод в вербальную форму исторической части археологической информации сопряжен с целым комплексом проблем анализа и интерпретации археологических источников. Преодолеть последние на нынешнем этапе сложно, часто вообще невозможно, поэтому закономерным явлением в современном комплексном историко-археологическом исследовании есть отталкивание от события, упомянутого в письменных источниках, с последующим поиском его отражения в памятниках материальной культуры. Обратная схема используется не менее часто, а вот попытки реконструировать на основании археологического материала историческое событие, не отраженное в письменных источниках, встречаются редко и считаются наиболее уязвимыми для критики. И уж совсем экстравагантно выглядят попытки археологов оспорить какую-либо из распростра-

ненных в историографии исторических парадигм. Определенная логика в этом есть – при выборе доверять мнению современных или древних писателей, позиция последних будет всегда предпочтительнее, поскольку их попросту труднее уличить в ошибках или тенденциозности.

Обилие всевозможных проблем и опасностей, подстерегающих археолога на пути исторической интерпретации своего материала, обычно вынуждает к максимальной лаконичности и осторожности в выводах. Но что делать, когда предшественниками уже давно предложен целый ряд невероятно смелых и ярких гипотез, вызвавших оживленное обсуждение? Что делать, когда любой анализ археологических данных в этой области уже не обходится без контекста исторических парадигм, исторических интерпретаций? Способно ли привлечь внимание исследование, которое на месте существующих ответов снова проставляет знаки вопроса, предлагая вновь начать анализ источников там, где уже давно противостоят мнения авторитетных ученых?

Подобные вопросы, вероятно, возникают у каждого исследователя, подходящего к обсуждению проблемы знаменитой находки 1912 г. из Малой Перещепины, которое со времени публикации остроумной гипотезы Й.Вернера о принадлежности перещепинского комплекса погребению “кагана Великой Булгарии Куврата” (Werner J., 1984) продолжается в основном на уровне исторической интерпретации.

Яркая и, в хорошем смысле, провокационная книга Й.Вернера сразу же получила позитивные отклики со стороны болгарских археологов (Овчаров Д., 1986) и, особенно, болгарской публицистической прессы. В 1988 г. был издан болгарский перевод книги (Вернер Й., 1988), а в следующем году в Софии с небывалым ажиотажем прошли выставка перещепинского комплекса и посвященная ему научная конференция (Плетнева С.А., 1990). Также в 1989 г. в окрестностях с.Малая Перещепина провела разведку экспедиция Д.Витанова, торжественно установившая бетонный блок и колонну на вероятном месте обнаружения комплекса, объявив его “местом погребения хана Кубрата”. Занесенный в реестр болгарских культурно-исторических

ценностей памятник ныне является местом съездов болгарской общины Украины и одновременно ярким примером тонкой грани в восприятии человеческим сознанием научной гипотезы и факта, истории и политики.

Впрочем, болгарские исследователи были далеко не единодушны в оценке книги Й.Вернера. Гораздо сдержаннее отреагировал на гипотезу Д.Димитров, считающий перещепинский комплекс оставленным одним из потомков Кубрата (Димитров Д., 1987, с.109-112). Появилась и критика гипотезы Й.Вернера со стороны Х.Димитрова, И.Божилова, (Димитров Х., 1989, с.56, 57; Божилев И., Димитров Х., 1995, с.31-35) и А.Милчева (Милчев А., 1998, с.106-110), которые склоняются к версии о хазарском собственнике “клада”.

Непосредственно на выход книги Й.Вернера отечественные специалисты реагировали сдержанно, подлинным же катализатором нынешнего всплеска внимания к ней стал выход коллективной работы сотрудников Государственного Эрмитажа (Залеская В.Н. и др., 1997) и фотоальбома выставки (Сокровища хана Кубрата ..., 1997), посвященных полной публикации перещепинского комплекса. Их дополняет целая серия статей, детальнее раскрывающих положения отдельных разделов книги (Львова З.А., 1993; 1994; 1996; 1998; 2000а; 2000б; 2002; Львова З.А., Маршак Б.И., 1997; Соколова И.В., 1993 и др.). Несмотря на определенность названия книги – “Сокровища хана Кубрата” – полностью этой версии из авторского коллектива придерживалась только В.Н.Залеская, авторы же заключительного раздела, Б.И.Маршак и З.А.Львова, предполагали только наличие в комплексе части вещей, принадлежавших Кубрату, присутствие же тут одновременно нескольких групп вещей, не вписывающихся в общую схему (золотая сасанидская посуда и группы V-VI “варварских” предметов), вынудило их признать реальным и вариант, в котором последним обладателем “сокровищ” был хазарский правитель (Залеская В.Н. и др., 1997, с.87-100).

Именно последнюю модификацию гипотезы считает реальной А.И.Айбабин (Айбабин А.И., 1999, с.179-182). С.А.Плетнева поначалу склонялась к гипотезе Д.Димитрова о принадлежности комплекса одному из потомков Кубрата, точнее, Батбяну (Плетнева С.А., 1997, с.41-42; 1999, с.170-172), а затем согласилась с А.И.Айбабиным (Плетнева С.А., 2003, с.34-37). Безоговорочно гипотезу Й.Вернера о непосредственной принадлежности перещепинского комплекса Кубрату приняли А.Киш (Kiss Á., 1995, S.183-184), Ч.Балинт (Балинт Ч., 1996, с.56-59), Д.Овчаров (Овчаров Д., 1997, с.110-111), Р.С.Багаутдинов и А.В.Богачев (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.172), О.М.Приходнюк (Приходнюк О.М., 1999б, с.176; 2001, с.38-39) Р.Рашев (Рашев

Р., 2004, с.120-127) и др. Критически высказались Г.В.Гауссиг (Haussig H.W., 1984), М.Казанский и Ж.-П.Содини (Kazanski M., Sodini J.-P., 1987), Е.Х.Тот и А.Хорват (Toth E.H., Horvat A., 1992, S.217-218), П.П.Толочко (Толочко П.П., 1999, с.21, 22, 40, 41). Альтернативной “хазарской” версии, предложенной Б.И.Маршаком и К.М.Скалон (Маршак Б.И., Скалон К.М., 1972, с.7-19), придерживается Е.В.Круглов (Круглов Е.В., 1992б, с.33-34).

Несмотря на обилие мнений, до сих пор не до конца раскрытыми остаются многие важные вопросы собственно археологического плана, которые могут серьезно повлиять и на общеисторическую атрибуцию комплекса, также, в свою очередь, сопряженную с целым рядом источниковедческих проблем (Комар О.В., 2000а; 2001б). Речь не идет о кардинально новых подходах в изучении Перещепинского комплекса. Настоящая работа в целом отталкивается от капитальной и добротной во всех отношениях коллективной монографии сотрудников Эрмитажа (Залеская В.Н. и др., 1997), но при этом не является ни рецензией, ни обычной попыткой пересмотра позиций авторского коллектива. Она лишь предлагает развитие многих поднятых исследователями проблем и вопросов, а также постановку новых проблем, которые рельефно проступают при рассмотрении Перещепинского комплекса не сепаратно, а в контексте культурно и хронологически близких ему кочевнических древностей. Без глубокого изучения последних невозможно правильное понимание Перещепины, так же, как без правильного понимания этого ключевого во всех отношениях комплекса, невозможен полноценный анализ проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач.VIII в.

Решение опубликовать работу в настоящем виде было непростым: слишком широкий и разноплановый круг поднятых проблем, каждая из которых заслуживает отдельного серьезного исследования; слишком высокий уровень дискуссионности большинства вопросов, приближающийся к стадии полной глухоты к аргументам оппонентов; слишком мало еще сделано в систематизации археологической базы источников и слишком много – в накоплении различных гипотез и мнений; слишком мало получено прямых однозначных ответов, и слишком много расставлено новых знаков вопроса. Объектом анализа стал действительно яркий и сложный археологический комплекс, интерпретация которого на современном уровне анализа требует решения всего комплекса затронутых нами проблем.

Предлагаемая вниманию читателей работа состоит из двух частей: археологической и исторической, в рамках которых рассматриваются десятки самостоятельных вопросов, как остро дискуссии

онных, так и поднятых впервые, из области источникововедения, вещеведения, хронологии, нумизматики, лингвистики, социальной организации и духовной культуры древних тюрков, византийско-кочевнических отношений, политической истории Восточной Европы VI-VII вв. и т.д. Сумма ответов на эти вопросы, собственно, и составляет то историческое полотно, на котором постепенно вырисовывается процесс формирования, этнокультурная и персональная принадлежность Перещепинского комплекса.

Часть I. Археология

Раздел 1. Атрибуция памятника

Атрибутированный с момента своего открытия как “клад” (Зарецкий И.А., 1912; Макаренко Н.Е., 1912; Бобринский А.А., 1914) Перещепинский комплекс чаще всего называется так и сейчас, хотя в справедливости подобной атрибуции давно появились сомнения. Одним из первых версию о погребении высказал В.А.Гринченко. Поставив в один ряд открытый им комплекс из Вознесенки, могилы из Новогригорьевки и комплексы из Перещепины, Келегеев, Макуховки, Новых Санжар, исследователь предположил, что все они являются остатками погребений по обряду трупосожжения на стороне (Гринченко В.А., 1937, с.45-52). Такой вариант не исключает Н.А.Фонякова (Залеская В.Н. и др., 1997, с.108, 109); постепенно склонилась к нему и З.А.Львова (Львова З.А., 2002, с.155). Й.Вернер, наоборот, посчитал перещепинское “погребение” ингумационным. По аналогии с аварским погребением из Кунбабоня, где в обрыве разрушающегося раннесредневекового могильника были подобраны остатки скелета, отнесенные к комплексу¹, исследователь интерпретировал перещепинские золотые пластинки как обшивку деревянного гроба (Werner J., 1984, S.34). С этой версией согласилась З.А.Львова (Львова З.А., 1993, с.111-113), хотя, как справедливо отметили М.Казанский и Ж.-П.Содини, речь может идти и о деревянном ящике, в котором были сложены предметы (Kazanski M., Sodini J.-P., 1987, S.71-72).

Ч.Балинт и Й.Вернер уделяют важное значение словам К.И.Маджара, который через 50 лет после открытия комплекса вспомнил о костях человека, находившихся в нем (Балинт Ч., 1996, с.59; Werner J., 1992, S.436), но ни И.А.Зарецкий, ни М.Е.Макаренко, доисследовавшие место находки непосред-

ственно после ее обнаружения, костей не нашли. Не всплывала эта важнейшая информация и во время первых расспросов находчиков, а, как показывает практика археолога, находки костей, особенно человеческих, оказывают на крестьян не менее сильное впечатление, чем ценности. А поскольку находчиками в Перещепине в поисках вещей срыта была практически вся дюна до культурного слоя эпохи бронзы, отдельные кости животных в таких раскопках вполне могли попадаться, но ни человеческого скелета, ни его частей рядом с вещами однозначно не было.

Проблема атрибуции находки из Перещепины не изолирована и, на наш взгляд, должна решаться в комплексе с остальными находками этого же курга, т.е. еще 6 комплексами, очень сходными по инвентарю и условиям их обнаружения. Речь идет о комплексах из Келегеев, Новых Санжар, Макуховки, Ясиново, Лимаревки и Павловки. Опираясь на наличие костей коня, а также слоя угля над предметами в Келегеях, А.К.Тахтай считал этот комплекс воинским погребением (Тахтай А., (год не известен), Келегейский ..., с.3-4). Также погребением считала комплекс из Новых Санжар А.Т.Смиленко (Смиленко А.Т., 1968, с.165). А А.И.Айбабин, Р.Рашев и О.М.Приходнюк относят к погребениям всю группу подобных комплексов (Айбабин А.И., 1985, с.191, 197-202; Рашев Р., 2004, с.133; Приходнюк О.М., 2001, с.25-39).

Только одна из рассматриваемых находок происходит из кургана (Павловка); три обнаружены в эродированных песчаных дюнах (Перещепина, Келегеи, Новые Санжары). Отметим, что только в Келегеях, расположенных в зоне полупустынь (sic!), речь может идти о “подвижных песках” в буквальном понимании, для лесостепной же Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, с.87) это – натяжка. Изменение облика и “движение” задернованных и поросших лозой песчаных дюн украинской лесостепи – это процесс десятков лет, резко ускоряющийся только в случае эрозии. Такой ландшафт никак не препятствовал кратковременному сокрытию клада, тем более, что в условиях открытой местности именно балки и речные берега с зарослями камыша, лозы и деревьев до сих пор считаются наиболее скрытыми местами. Условие скрытности нарушает Павловка, где комплекс обнаружен в кургане (Багалей Д.И., 1905, с.85). Также на возвышенности располагался и ближайший к Павловке комплекс из Лимаревки, обнаруженный, правда, между курганами (Древности ..., 1874, с.16), но вполне возможно, что и в последнем случае речь идет о невысоком распаханном кургане.

¹ Принадлежность костей комплексу не подтверждается их экспертизой по С14 (сообщение П.Штадлера).

Связь сразу двух из рассматриваемых комплексов с курганными могильниками автоматически поднимает вопрос о их соотношении с погребальными памятниками. Несмотря на то, что три комплекса были доисследованы археологами “по горячим следам” (Перещепина, Келегеи, Новые Санжары), никаких костей человека ни в одном из комплексов обнаружить не удалось. Зато в трех обнаружены кости коня: в Келегеях – зубы, в Новых Санжарах – зубы, фрагменты черепа, ребер, предплечья, конечностей, в Ясиново – череп и “кости”. Детали снаряжения коня: седла, стремяна, удила, бляшки сбруи находились в Перещепине, Келегеях, Новых Санжарах, Ясиново, Павловке. Состав остального инвентаря из комплексов отображает таблица 1. Здесь выделяются несколько основных категорий: оружие (однолезвийные мечи, боевые ножи, колчан, наконечники стрел, обрывки кольчуги), поясные детали, украшения (перстни, серьги,

ожерелья), посуда (металлическая, керамическая и стеклянная); также в большинстве комплексов находились золотые византийские монеты. Набор вещей в Перещепине еще разнообразнее, но этот комплекс выделяется исключительным богатством даже из рассматриваемого ряда далеко не рядовых комплексов.

В сумме отчетливо вырисовывается полное боевое снаряжение воина-всадника (включая снаряжение коня), набор дорогих личных украшений и набор преимущественно дорогой пиршественной посуды – вполне обычный инвентарь погребения кочевого аристократа. Нет только самого важного компонента – человеческих костей.

Конечно, многое можно списать на условия обнаружения комплексов. Но ведь перстни, серьги, браслеты, гривны в труположении находчикам приходилось бы снимать с костей скелета, неужели ни в одном случае такие подробности не всплыли

Табл.1. Признаки обряда и инвентарь в комплексах келегейского типа.

	кости коня	удила	стремена	седло	бляшки сбруи	клинок, нож	кольчуга	стрелы, колчан	поясные детали	перстни	серьги	ожерелье	монеты	металлическая посуда	керамическая посуда	стеклянная посуда
Перещепина			x	x	x	x		x	x	x	x	x	x	x		x
Келегеи	x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Н. Санжары	x	x	x		x	x	x	x	x	x			x		x	x
Ясиново	x	x	x			x			x	x	x				x	
Лимарёвка					x				x	x			x	x		
Павловка				x										x		
Макуховка						x							x			

бы? В Келегеях и Новых Санжарах археологами небезуспешно просеивался грунт, почему даже тут не обнаружено никаких следов человеческого скелета? Версия о плохой сохранности костей также сомнительна, поскольку во многих случаях хорошо сохранялась более хрупкая органика: в Перещепине – дерево и обрывки ткани; в Келегеях – дерево и обрывки меховой одежды; в Павловке – деревянное седло. Ни в одном случае не отмечена и какая-либо закономерность расположения инвентаря, напоминающая рассредоточение вещей по скелету. Наконец, в чрезвычайно похожих по условиям обнаружения и доисследования, но более древних погребениях гуннского времени кости человека упоминают и находчики (Алешки, Здвиженское, Дмитриевка), и уж тем более их обнаруживали при

доисследовании археологи (Мелитополь, Антоновка, Новоивановка, Марфовка, к-з Калинина и др.) (см.: Засецкая И.П., 1994).

Версия о трупосожжении в нашем случае также маловероятна. В Келегеях, конечно, обнаружен слой угля над предметами, но ни один предмет не был обожжен. В группе же хронологически и культурно близких комплексов с остатками кремаций (Глodosы, могила I Новогригорьевки, Геленовка), кроме кальцинированных костей и большого количества остатков костра, бросается в глаза обожженность большинства предметов. Такая же ситуация и в Вознесенке, где даже при явном непогребальном характере комплекса все равно найден обожженный человеческий позвонок (Гринченко В.А., (год не известен), с.31). Наконец, за исключением

Глодос, все остальные комплексы этой группы не прятались, а обозначались на поверхности выразительными каменно-земляными сооружениями – курганами или валами.

Последний “типовой” вариант интерпретации – кенотаф – также с трудом приемлем. Ингумационные погребения “перещепинского круга” на сегодня представлены только подкурганном погребением с западной ориентировкой из Романовской, а кремации – погребением из Глодос, причем определение последнего как погребения, как увидим ниже, вызывает сомнения. Еще две известные кремации – Геленовка и м.І Новогригорьевки – просто не дотягивают до “перещепинского круга” по социальному положению. Погребений, в таком случае, оказывается гораздо меньше, чем “кенотафов”, что попросту противоречит логике. Для сравнения, отдельных комплексов вещей круга погребений с геральдическими наборами на сегодня известно только два: к.16 Наташино (Колотухин В.А., 1983, с.42) и “Царский курган” (Атавин А.Г., 1996, с.209), т.е. 3% от общей выборки. Эти комплексы вполне могут быть кенотафами, но статистика решительно не позволяет считать кенотафами рассматриваемые нами 7 комплексов перещепинского круга.

Психологии человека свойственно сводить объяснение непонятных явлений к знакомым категориям путем введения “фактора х” – набора вероятных объяснений, почему при “А есть Б”, тождество на самом деле таковым не выглядит. Базируясь на общенаучном принципе анализа прямых связей между явлениями (фактов), археология, тем не менее, нарушает его, пожалуй, чаще, чем какая-либо из существующих наук. Обусловлено это спецификой источников, являющихся лишь остатками отдельных фрагментов картины материальной культуры древнего населения. Реконструкция, допуск, условность, субъективизм присутствуют на всех без исключения стадиях и уровнях археологического исследования, делая “фактор х” не просто закономерным, но и необходимым элементом анализа, несмотря на то, что в глазах строгой теории науки вместо “х” в таких логических цепочках зияют обыденнейшие разрывы. Опасности, подстерегающие ученого в такой ситуации, описывать излишне, но, как это ни парадоксально, опаснее, чем любая ошибка в определении “фактора х”, – это его реальное отсутствие. Иногда простейшая прямая логическая связь, какой бы странной и непонятной она ни казалась, и является верной, нужно только подобрать к ней ключ.

Анализ комплексов круга Перещепины на сегодня вынуждает констатировать: это не клады, не погребения и не кенотафы, хотя комплексы явно как-то образом связаны с погребальным обрядом. Возможно, это – отдельный оригинальный вид по-

гребального обряда, согласно которому вместе с частью скелета или “шкурой” взнузданного коня покойника в яму помещались его оружие, одежда, личные украшения и посуда для загробного пиришества. Обряд сопровождался ритуальными действиями с использованием огня, и иногда, как в Келегеях, остатки костра также ссыпались в яму с предметами. Делалось это преимущественно втайне, во всяком случае, место захоронения вещей пытались скрыть. Само же тело покойника переправляли в загробный мир другим ритуалом и в другом месте, т.е. *наблюдается пространственное и временное разграничение двух ритуалов, связанных с погребением одного человека.*

Возможно, мы наблюдаем своеобразное разделение “мира людей” и “мира вещей”, для каждого из которых существовали особые правила перехода, особый проводник в загробный мир. В нашем случае человек по каким-то причинам не мог взять с собой в путь необходимые ему вещи, поэтому они отправлялись отдельно с его верховым конем. Легенды древних и первобытных народов изобилуют различными вариациями на эту тему. Например, у тюрков-тофаларов покойник, путешествующий в мир Эрлик-хана на верховом олене, должен был перейти через пропасть по канату, толщиной в волос. Оленя с грузом необходимых вещей духи переводили по безопасной дороге, а вот человеку предстояло пройти испытание самостоятельно, которое, разумеется, мог выполнить только человек без больших прегрешений при жизни (Алексеев Н.А., 1980, с.175).

Отдаленные археологические параллели подобным идеологическим представлениям находим на салтовских кремационных могильниках Подонья и Кубано-Черноморского региона, где обязательно присутствуют т.н. “тайнички” – обожженные комплексы ритуально испорченных предметов вооружения, снаряжения коня, орудий труда и т.п. (Кухаренко Ю.В., 1951; Михеев В.К., 1985; Шрамко Б.А., 1983; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1996; Аксенов В.С., Воловик С.И., 1999; Сорокина И.А., 2001). Несмотря на то, что все “тайнички” располагаются на могильниках посреди погребений, прямо с погребениями они не связаны. Только в уникальном п.99 Борисово такой комплекс располагался не в отдельной яме, а на плите перекрытия гробницы, под которой обнаружено 19 человеческих черепов и остатки обычного кремационного погребения (Саханев В.В., 1914, с.110-112; рис.10-12). Это погребение демонстрирует несомненную временную близость обоих ритуалов, но вещи и останки погребенного все равно пространственно разграничены каменной плитой. Нечто похожее наблюдаем и в близком Глодосам по инвентарю ингумационном п.248 Дюрсо, где непосредственно при покойнике

лежали только железные и бронзовые вещи, дорогие же сабля и золотые серьги оказались выше тела, в засыпке могилы (Дмитриев А.В., 2003, с.202). Наиболее ранние “тайнички” Борисово синхронны Вознесенке и близки по инвентарю и ритуалу, но суть ритуала в Вознесенке немного другая – это уже поминальный обряд, который совершался через большой промежуток времени после смерти и ритуала погребения, достаточный для сооружения большого мемориального комплекса. Это занимало не менее 40 дней, а в реальности гораздо больше. Например, Кюль-тегин умер 27 февраля 731 г., похоронен 1 ноября 731 г., а его курук освятили только 1 августа 732 г. (Кляшторный С.Г., 2003, с.54).

А.К.Амброз обратил внимание и на аварские параллели – отдельные комплексы обожженных деталей конского снаряжения (удила, стремяна, бляшки) иногда, как в салтовских “тайничках”, с наконечниками копий и топорами (Амброз А.К., 1982, с.216, 217). Отметим при этом, что достоверные аварские кремации до сих пор не известны, т.е. вещи из аварских “тайничков” обожжены согласно особому ритуалу. Также показательно, что костей не найдено и в ближайших к Перещепине комплексах из Бочи и Тепе; не подтвердилась, как уже упоминалось выше, и принадлежность человеческих костей комплексу из Кунбабоня.

Нужно вспомнить и более восточные параллели: два хакасских кургана из Копенского чаа-таса (Енисей), в т.ч. и знаменитый комплекс с металлическими сосудами, а также тюркские к.1 Курая IV и к.4 1935 г Туэзты (Алтай). Под курганом по центру находилось основное погребение по обряду труположения, вокруг которого располагались несколько комплексов с обожженными деталями сбруи, поясных наборов, вооружения и отдельными кальцинированными человеческими костями. А.А.Гаврилова считала их трупосожжениями, хотя в литературе они чаще именуются “тайничками” (Гаврилова А.А., 1965, с.64, 65).

Значение обожженных комплексов преднамеренно испорченных предметов, на наш взгляд, позволяют объяснить данные этнографии тюркских народов. Порча предметов при погребальных и поминальных ритуалах была обрядом общетюркским, отмеченным этнографами практически у всех современных тюрков. Не менее распространены представления о связи огня с “вратами” в “другой мир”. У тувинцев, хакасов, качинцев и теленгитов “передача” покойному предметов и его “кормление” совершались путем сжигания вещей или пищи, а якуты, сами практиковавшие обряд ингумации, отправляли к покойнику слугу путем сожжения его на специальном костре (Алексеев Н.А., 1980, с.172, 187, 197, 203, 209). Согласно Д.Плано Карпини, монголы сжиганием костей “переправляли” в иной

мир животных, посвященных Чингисхану, и коней, съедаемых на погребальном пире (Плано Карпини Д., 1997, с.35, 36, 38).

Вещи человека были в сознании тюрков не отделимы от него самого. Со смертью человека умирали и его вещи, но это, разумеется, не означало немедленное уничтожение или закапывание всех предметов покойного. Обычно они просто раздавались родственникам, а старые вещи сжигались, т.е. “отправлялись” умершему. У тувинцев на проходах с умершим часто “передавались” и отдельные вещи, принадлежавшие ему ранее умершим родственникам, но по разным причинам не “переданные” им при похоронах (Алексеев Н.А., 1980, с.174). Сожжение старых вещей покойного у алтайцев происходило на седьмой день после смерти (Традиционное мировоззрение ..., 1988, с.171). Значимость этого дня подчеркивают поминальные ритуалы большинства тюркских народов. Согласно представлениям теленгитов, умерший 7 дней “остаётся” в своей юрте и “отправляется в путь” только после этого срока. Происходило это при помощи шамана, совершавшего с родственниками ритуал на могиле. Шаман “вызывал” покойного, “спрашивал” его пожелания и, если тот просил какие-то вещи, их приносили и сжигали на могиле (Алексеев Н.А., 1980, с.197). Этот обряд, пожалуй, лучше всего объясняет происхождение “тайничков” на салтовских кремационных могильниках. Телеуты наоборот считали, что умерший не находится 7 дней в юрте, а обходит жилища всех родственников и знакомых вместе со своим конем, которого убивали не при похоронах, а только на седьмой день (Алексеев Н.А., 1980, с.199, 200, 220-222). Но и седьмой день не был последним днем пребывания умершего на земле, просто происходила его трансформация в дух. Телеуты различали *душу* живого человека – *кут* (др. тюрк. *kut, qut) (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.731; Древнетюркский словарь, 1969, с.471), *дух человека*, вышедший из него в момент смерти – *сюнэ*, и *дух*, в который превращался умерший, оставаясь на земле 40 дней, – *юзют* (др. тюрк. *je-bin) (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.731). Большинство тюркских народов считало, что окончательно дух покидает “Серединный мир” и отправляется в “Нижний мир” только через 40 дней (Алексеев Н.А., 1980, с.168-176). У бельтиров и сагайцев было принято все 40 дней кормить духа, сжигая для него еду или ставя отдельную тарелку (Фиельструп Ф.А., 2002, с.137-139). За это время, по различным представлениям, дух обитал рядом с юртой или на кладбище, слонялся между могилой и юртой или же обходил все места, где ему приходилось бывать при жизни, чтобы на 40-й день вернуться к поминающим его родственникам и окончательно удалиться в “Нижний мир”. Если же

дух не “уходил”, приглашали шамана, чтобы отправить его насильно (Алексеев Н.А., 1984, с.67, 68). У киргизов и казахов торжественный ритуал окончательных проводов духа назывался “аш” (“ас”). Иногда он совершался и до истечения 40 дней, а иногда и через 2-3 года. Связано это, скорее всего, с экономическими факторами, так как аш ложился тяжким бременем не только на семью, но и на весь род покойного. Только после совершения аша семья снимала траур, а вдова могла вновь выйти замуж (Фиельструп Ф.А., 2002, с.139-171).

Аш был обрядом общеплеменным, восходившим к той стадии развития древнего общества, когда смерть каждого члена племени касалась всего племени. Проводы же 3-го, 7-го и 40-го дней касались только членов семьи умершего. Обряды 3-го, 7-го и 40-го дней в древнетюркском назывались соответственно *üçin ötkär-, *jätisin ötkär-, *çuḡcuḡ ötkär-; для проведения “седьмин” и “сороковин” существовал и другой глагол: *jätisin ber-, *çuḡcuḡ ber- (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.608). Любопытно, что пратюркское *b:er- означало “давать”, “отдавать (долг)”; близкое значение и у *öte- (от *öt – “долг”) – “отдавать долг” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.337, 338, 700, 701). То есть семантика обряда подразумевает “отдавание долга” покойному, причем даже в прямом, а не переносном значении. Например, казахи, чувствуя приближение смерти, определяли, сколько скота и какие вещи нужно пожертвовать после их смерти, а также вознаграждение за проведение посмертных обрядов. Обычная доля жертвовавшейся части имущества составляла 1/4 или 1/3 (Фиельструп Ф.А., 2002, с.137-139).

Перещепина и сходные с ней археологические комплексы идеологически связаны с тюркскими обрядами седьмого дня, когда дух покидал дом, или сорокового дня, когда дух умершего уже окончательно отправлялся в путь в “Нижний мир”. Само погребение у большинства тюркских народов происходило в день смерти или на следующий день (Алексеев Н.А., 1980, с.222), поэтому погребальные церемонии были довольно простыми, не требующими длительной подготовки. Довольно же щепетильные вопросы дележа наследства требовали времени, возможно, поэтому непосредственно с телом клали только минимальный набор необходимых вещей, а оставшаяся после дележа наследства собственность “отдавалась” покойному отдельным ритуалом. По этнографическим данным, вещи покойника обычно сжигались на 7-й день, поэтому оставшиеся 33 дня пребывания в “Серединном мире” он как бы уже пользовался этими вещами, хотя снабдить его едой и вещами в дорогу можно было также и на 40-й день, когда дух уже отправлялся в путешествие в “Нижний мир”. Дух снаря-

жался конем или его символическим заменителем в виде сбруи и седла, своими старыми вещами, а также всеми предметами, которые он “загребует” от родственников через шамана. Последний всегда хорошо знал достаток и возможности каждой семьи, проводя обычно ритуал так, чтобы смерть близких не сопровождалась дополнительным экономическим ударом. Социальные разграничения со временем даже записывались на уровне идеологических представлений – например, у алтайцев сюнэ богатого человека путешествовал в иной мир на коне, тогда как сюнэ бедного человека это предстояло сделать пешком (Алексеев Н.А., 1980, с.163). И даже для очень богатых семей шаман “закрывал глаза” на старые и непригодные к использованию предметы, которыми снаряжали умершего, – при всей вере древних в загробную жизнь и правдивость совершаемых ритуалов, все довольно хорошо отдавали себе отчет в их условности, символизме.

Элемент “старых вещей” в Перещепине наблюдается довольно отчетливо: прохудившаяся и залатанная посуда (сасанидское блюдо кат.19, серебряные и золотые кубки, “блюдо Патерна”), отремонтированные колчан и ножны меча, пояс в изношенном состоянии, старое, уже не использовавшееся ожерелье кат.63 и т.д. Археологические следы аналогичного обряда рядового кочевнического населения, пожалуй, вообще вряд ли обнаружимы – тут трудно ожидать чего-то большего, чем разбросанные на сотни километров повешенные на шест или дерево шкуры коней с остатками тризны и костра от сожжения старой одежды и сломанных предметов, как это еще недавно делали рядовые алтайцы (Кубарев В.Д., 1984, с.76). Мало что изменит и вариант с закапыванием такого комплекса в землю, поскольку металлические предметы часто заменялись их символами в виде деревянных частей. Например, кумандинцы, несмотря на обычай оставлять на месте все вещи, использованные для похорон, уносили железные части орудий (Алексеев Н.А., 1980, с.200), а в раннесредневековом кавказском могильнике Мошевая Балка замена вещи ее деревянной частью хорошо прослеживается и в погребальном обряде (Савченко Е.И., 1999, с.161, 162).

Рассматриваемые нами поднепровские комплексы связаны исключительно с погребениями представителей высшего социального уровня, что не могло не наложить свой отпечаток на особенности ритуала. Предложенное выше возможное идеологическое объяснение обряда разделения погребения тела покойника и его вещей как во времени, так и пространственно, для похорон знати может быть дополнено и вполне рациональными причинами. Как отмечал А.К.Амброз, бичом богатых погребений во все времена оставались грабители могил,

вынуждавшие древних к тайным погребениям (Амброс А.К., 1982, с.210). Еще скифы, предвидя такую опасность, начали сооружать тайные боковые камеры и небольшие тайнички-ниши в стенах, дне погребальных камер, куда прятались самые ценные вещи. Оптимальным, конечно же, было бы тайное погребение царей, но это противоречило бы роли аристократии и правителей в древнем обществе. Сосредотачивая в своих руках не только военно-административные, но и часто религиозные функции, правитель выступал сакральным символом государства, племени, общины. Состояние его здоровья было символом силы и благополучия народа, смерть – всеобщим несчастьем (Фрэзер Д.Д., 1998, с.16-18, 281-306 и др.). Участие в похоронах правителя или его оплакивание – священная обязанность подданных, поэтому тайная церемония, разумеется, чаще всего была нежелательной. В то же время, осквернение могилы правителя, по представлениям древних, могло повлечь за собой очень опасные последствия для всего народа, поэтому стремление обезопасить царские могилы от ограбления выражалось в постоянном поиске эффективных ритуальных и практических “средств защиты”.

Такой “прагматизм” в погребальном обряде не был чем-то исключительным. Исследователями-этнографами неоднократно отмечалось наличие простого рационального смысла в большинстве запретов и обязательных ритуалов примитивных народов и древних религий. Особенно рационален в этом плане весь комплекс обрядов погребальной церемонии, обеспечивавший не только благополучный переход умершего в потусторонний мир, но и ограждение живых от его мертвого тела и возможного вредоносного влияния духа после смерти. Именно эти задачи и решал погребальный обряд, никогда сам по себе не являвшийся жестким ритуалом, не допускавшим отклонений. У тюркских народов при похоронах учитывались пол, возраст, социальное положение, вид смерти, место гибели, время года. Только приняв во внимание все эти факторы, родственники и определяли способ захоронения, а также комплекс необходимых сопутствующих ритуалов (Алексеев Н.А., 1980, с.76). При этом годились любые нововведения и отклонения, опирающиеся на религиозные или мифологические представления, но, разумеется, одобренные шаманами после “совещания” с соответствующими духами.

В отличие от кочевников индоиранской группы, доминировавших в Северном Причерноморье до кон. IV в. и хоронивших знатных покойников исключительно в курганах, тюрко-монгольские племена уже с первым своим появлением принесли традицию бескурганых богатых захоронений (Засецкая И.П., 1994, с.12-20). Тайные погребения

знатных лиц современники отмечали у гуннов (Иордан, 1997, с.110), хазар IX-X вв. (Ковалевский А.П., 1956, с.146, 147), монголов XIII в. (Плано Карпини Д., 1997, с.38, 39; Рубрук Г., 1997, с.101). В этих случаях речь шла о погребениях, но все же очень интересной представляется деталь погребального ритуала монголов, переданная братом де Бридиа по отчету спутника и переводчика Д.Плано Карпини – Бенедикта Поляка: “Некоторых, более важных, хоронят так: выкапывают тайно в поле квадратную яму..., а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто” (Дубровский Д.В., 2002, с.200). Тот же элемент “запутывания” путем выкапывания ложных могил отмечает и ибн-Фадлан в описании погребения хазарского царя (Ковалевский А.П., 1956, с.146, 147), хотя и сообщает несколько нереальное количество ложных “домов” – 19 (вероятно, элементарное преувеличение: вместо 2-х могил – 20). Смысл такой скрытности непонятен, поскольку автором тут же указывается, что над могилой пропускается река, а всех участников ритуала погребения убивают. Объяснение этого находим у других арабских писателей, повторяющих информацию об обычае хазар спешиваться возле *царских могил* (Заходер Б.Н., 1962, с.34). То есть наряду с тайной реальной могилой правителя, у хазар существовал также ее “публичный” вариант. Мотивы отвода реки для погребения и убийства всех участников похорон находим и в распространенной до сих пор в Подунавье легенде о похоронах Аттилы, проанализированной в связи с находкой из Большого Каменца Л.А.Мацулевицем (Мацулевич Л.А., 1934, с.57-59). По мнению С.А.Плетневой, сведения Н.Е.Макаренко о расположении места находки Перещепинского комплекса в низкой пойменной местности, несомненно заливавшейся водой во время разлива (Макаренко Н., 1912, с.206), вполне можно сравнивать с упомянутой легендой, так как хотя бы часть года место захоронения действительно было скрыто под водой (Плетнева С.А., 2003, с.46, 47). Хазарский и гуннский обряды сближает не только сюжет о “речном погребении”. У Иордана при передаче Присковского описания похорон Аттилы также сначала упоминается об открытой тризне на *кургане* (tumulus), и только затем ночью следовало тайное *погребение* тела с убийством его участников (Иордан, 1997, с.110).

Во всех указанных случаях однозначно разделение места погребения и места тризны, специально для которой сооружалась символическая могила для открытых проводов тела и последующих поминок. Именно такой явно была монгольская “ложная могила”, описанная братом Бенедиктом, поскольку все участники похорон, разумеется, видели, что тела там нет. Тюрко-монгольская традиция двух мо-

гил высшей знати: тайной и открытой, “погребальной” и “поминальной” очень близка к рассматриваемым нами комплексам перещепинского круга, но здесь проблема предотвращения ограбления была решена более специфическим образом. Как отмечали В.Д.Кубарев и Д.Баяр, ситуация, при которой нам до сих пор не известно ни одной могилы древнетюркских или монгольских правителей, зато их поминальные храмы-куруки не только открыты, но и, как в случае с Чингисханом, до нашего времени служат местом поклонений, не может быть случайной – наверное, именно этого и добивались их древние строители (Кубарев В.Д., Баяр Д., 2002, с.84).

Представления о раздельном переходе тела человека и его духа с остальными вещами в загробный мир могли сами по себе оказаться довольно эффективным средством защиты могил правителей от осквернения. В рассматриваемых нами комплексах перещепинского круга собраны не только дорогие оружие, сбруя, пояса, но и вообще все драгоценности до самых малых личных вещей (перстни, серьги), одежда с дорогой отделкой. Похоже, их собственники уходили в загробный мир привселюдно максимально скромно, как рядовые представители их народа (“земля всех уравнивает”). Зато дорогие вещи вместе с погребальными дарами и т.п. захоранивались вдали от людей в строгой секретности. Вскрывать саму могилу потенциальным грабителям не было смысла, найти же комплекс вещей было сложной задачей. Тем более, что, как показывает локализация интересующих нас комплексов, расположены они преимущественно в лесостепи, далеко от основных маршрутов передвижений кочевников (рис.1).

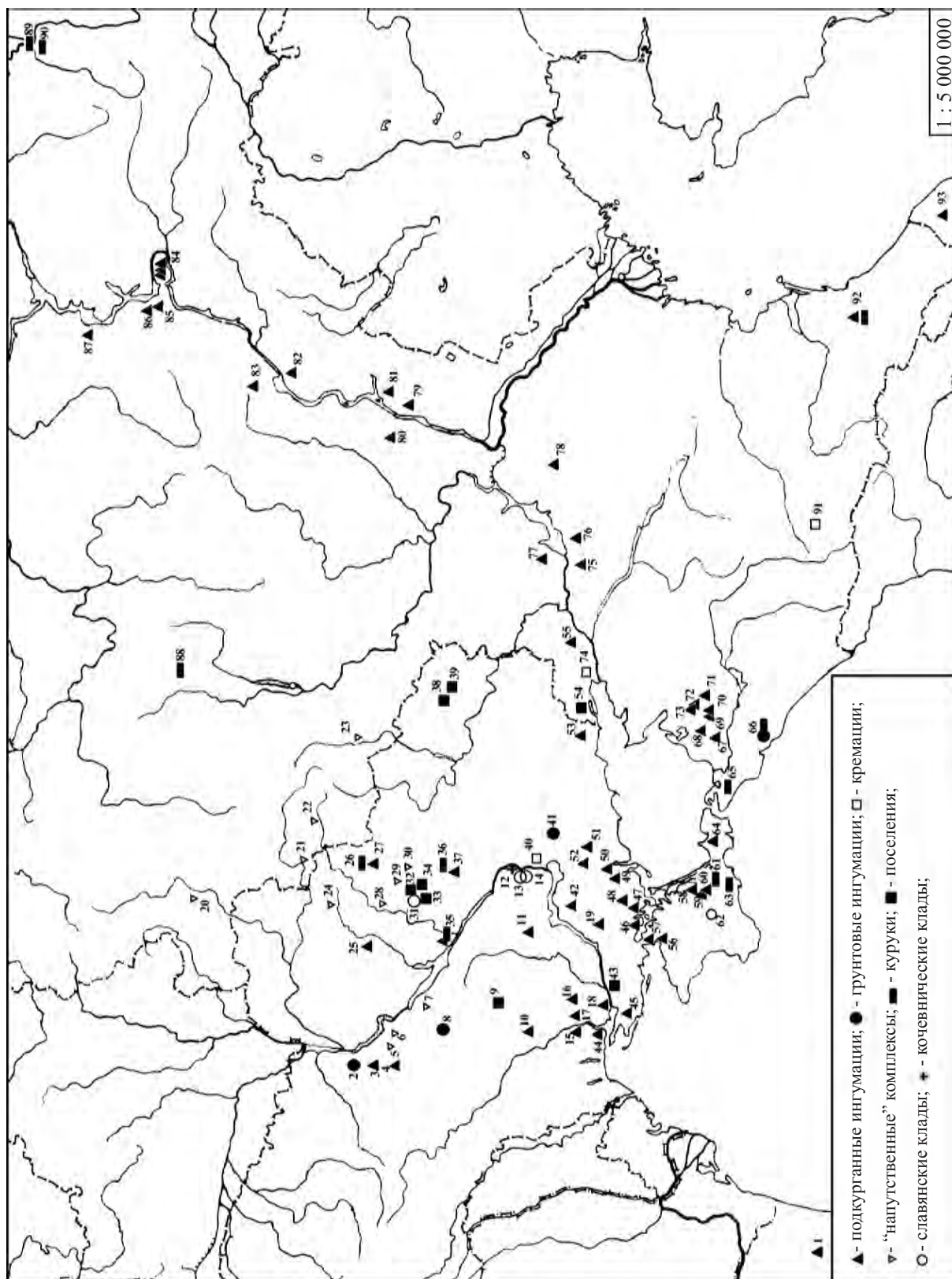
Расстояние от условной северной границы кочевий довольно существенно. Группы Павловка – Лимаревка и Ясиново – Глососы расположены на 150-180 км севернее, группа Перещепина – Макуховка – Новые Санжары – на 250 км, и только Келегеи находятся внутри основного ареала рядовых погребений. Иными словами, при скорости передвижения в 40-50 км в день, всадникам нужно было затратить от 4 до 7 дней, чтобы добраться от северной границы кочевий до места сокрытия комплексов круга Перещепины. Напрашивается предположение: не является ли это расстояние именно тем отрезком, который преодолевался за 7 дней пути? При обычной скорости передвижения (30-40 км в день) за 7 дней преодолевалось 210-280 км пути, но алтайская и монгольская степные породы лошадей способны на пробег около 70-80 км в день, (есть даже упоминания о цифре в “100 верст”) (Вайнштейн С.И., 1972, с.28), т.е. за 7 дней пути по ровной местности возможно было пройти вплоть до 500 км. Последняя цифра, разумеется, крайность, но она наглядно объясняет, почему Перещепину и

другие “лесостепные” памятники нельзя механически отрывать от расположенного в 550 км на юг от них комплекса из Келегеев.

Следуя нашему предположению, ритуал реконструируется так: погребальная церемония совершалась в день смерти или на следующее утро; тело хоронилось практически без дорогих вещей, которые собирались в посмертный “багаж” умершего, навьючивались на его лошадей или складывались в его повозку и сразу же после похорон с небольшой группой всадников отправлялись в путь на север, т.е., по представлениям тюрков, “к краю земли”. Всадники на отборных лошадях скакали 7 дней, затем останавливались в укромном месте и совершали ритуал “передачи” в иной мир вещей покойного, который в это же время “отправлялся в путь” в том же направлении, “подсказанном” ему дымом от ритуального сожжения жертвенных приношений. Участники ритуала зарывали комплекс вещей, убивали лошадей умершего, совершали поминальную тризну, после чего скрывали ее следы и возвращались домой; дух же находил своих лошадей с багажом и отправлялся в 33-дневную дорогу в иной мир.

Так выглядел бы описанный ритуал в случае с рядовым тюрком или же в случае обычных похорон правителя, не превращенных, подобно похоронам Кюль-тегина или Бильге-кагана, в торжественные публичные церемонии, требующие много времени на подготовку, на рассылку посольств и принятие делегаций, на постройку храма-курука и т.д. Но для нас важно не точное время совершения обряда, а сам его *принцип*, который в нашем случае больше всего соответствует принципу тюркского обряда седьмого дня.

Как все-таки атрибутировать Перещепинский и аналогичные ему комплексы при помощи существующих археологических терминов? Фактически, перед нами сепаратно зарытый *проводительный инвентарь*, но можно ли называть так вещи, не находящиеся на самом деле в погребении? Археологические остатки ритуалов, следующих за погребением тела, определяются обычно тремя терминами: “тризна”, “ритуальный комплекс” и “поминальный комплекс”. Термин “ритуальный комплекс” слишком широкий, покрывающий собой различные обряды без уточнения. Использовать же термин “поминальный комплекс” в нашем случае будет неверным. Тюркский обряд седьмого или сорокового дня не является “поминками”, как отметила В.П.Дьяконова, ему хорошо соответствует другое славянское название – “проводы” (Дьяконова В.П., 1975, с.59). Эти обряды нельзя путать, поскольку их определяют совершенно разные события: у славян на 40-й день после смерти духи умерших *возвращаются* домой и их *поминают*, тогда как у тюрков

- ▲ - подкурганые ингумации; ● - грунтовые ингумации; □ - кремации;
- ▽ - "напутственные" комплексы; ■ - куруки; ■ - поселения;
- - славянские клады; ✦ - кочевнические клады;

1 : 5 000 000

Рис. 1. Памятники VII – 1-й трети VIII в.: 1 – Мадара (Fiedler U., 1992); 2 – Геленовка (Rulikowski E., 1880); 3 – Белая Церковь; 4 – Журавлиха (Стрѣхар М.М., 1992); 5 – Малый Ржавец (Корзухина Г.Ф., 1996); 6 – Мартыновка (Корзухина Г.Ф., 1996; *Peckarskaja L.V., Kidd D., 1994*); 7 – Хаџки (Корзухина Г.Ф., 1996); 8 – Глodosы (Сміленко А.Т., 1965); 9 – Ясиново (ОАК за 1889 г; Айбабин А.И., 1985); 10 – Дымовка, к. XIV, п. 2 (Posta V., 1905; Айбабин А.И., 1985); 11 – Усть-Каменка, к. 63 (Костенко В.И., 1993); 12 – Майстров (Кропоткин В.В., 1962); 13 – Любимовка (Сміленко А.Т., 1975); 14 – Федоровка (Брайчевська А.Т., 1961; Сміленко А.Т., 1975); 15 – Ковалёвка, гр. II к. 1 п. 11 (Ковпаненко Г.Т. и др., Н.А., 1978); 16 – Христофоровка, к. 7 п. 7, 12 (Рутковская Л.М., 1979; Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003); 17 – Новая Одесса, гр. III к. 3 п. 3 (Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. и др., 1974.); 18 – Белозерка, к. 2, к. 14 (Скадовский Л.Г., 1897); 19 – Костогрызово, к. 1 п. 7 (Кубышев А.И. и др., 1977; Орлов Р.С., 1985); 20 – Трубчевск (Приходнюк О.М. и др., 1996); 21 – Гапоново (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996); 22 – Суджа (Корзухина Г.Ф., 1996); 23 – Колосково (Корзухина Г.Ф., 1996); 24 – Великие Будки (Щеглова О.А., 1990); 25 – Поставмуки, к. 2 (Авенариус Н.П., 1896); 26 – Рябовка, п. 1-4 (Обломский А.Н., Терпиловский Р.В., 1993; 2001); 27 – Березовка, к. 1 (Данилевич В.Е., 1905); 28 – Блажки (Корзухина Г.Ф., 1996); 29 – Новая Одесса (Корзухина Г.Ф., 1996); 30 – Козиевка (Корзухина Г.Ф., 1996); 31 – Мачехи (Макаренко Н.Е., 1911; Рудинський М., 1928); 32 – Новые Санжары (Тахтай А., (год не известен) Ново-Санджарівський ...; Сміленко А.Т., 1968); 33 – Макуховка (Зарецкий И.А., 1912; Семенов А.И., 1986б; Супруненко О.Б., 1998); 34 – Малая Перецетина (Зарецкий А.И., 1912; Макаренко Н., 1912; Бобринский А.А., 1914; Залеская В.Н. и др., 1997); 35 – Максимовка, п. 1, 2; “Топило”, к. 1 п. 3 (Левченко Д.И., 2001); 36 – Осиповка (Лиман), п. 24 (Беляев О.С., Молодчикова И.О., 1978); 37 – Заплавка, гр. I, к. 5 п. 3 (Шалобудов В.Н., 1983); 38 – Павловка (Багалеи Д.И., 1905); 39 – Лимарёвка (Древности ..., 1874; Писларий И.А., Филатов А.П., 1972); 40 – Вознесенка (Грінченко В.А., 1937; 1950); 41 – Новогригорьевка, м. I (Самоквасов Д.Я., 1908; Семенов А.И., 1988); 42 – Великая Знаменка, к. 14 п. 16 (Андрух С.И., Тоцев Г.Н., 1991); 43 – Келегеи (Фабриціус I., 1928; Тахтай А., (год не известен), Келегейський ...; Айбабин А.И., 1991); 44 – Аджиголь, к. 1F, п. 2 (Ebert M., 1913); 45 – Черноморское, к. 1 п. 11 (Симоненко А.В., Ольговский С.Я., 1982; Орлов Р.С., 1985; Толочко П.П., 1999); 46 – Васильевка, к. 2 п. 1, п. 2 (Кубышев А.И. и др., 1984; *Golden warriors ..., 1993*); 47 – Сивашовка, к. 3 п. 2 (Кубышев А.И. и др., 1983; Орлов Р.С., 1985; Орлов Р.С., Сміленко А.Т., 1986; Толочко П.П., 1999); 48 – Сивашское, к. 2 п. 2 (Кубышев А.И. и др., 1979; Орлов Р.С., 1985; Толочко П.П., 1999); 49 – Родионовка, к. 5 п. 2 (Кубышев А.И. и др., 1982; Орлов Р.С., 1985); 50 – Малая Терновка, к. 3 п. 1 (Кубышев А.И. и др., 1981, с. 182; Орлов Р.С., 1985), к. 24 п. 3 (Кубышев А.И. и др., 1982; Орлов Р.С., 1985); 51 – Аккермень I, к. 22 п. 2 (Вязьмитина М.И. та інші, 1960); 52 – Виноградное, к. 5, к. 35 (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996); 53 – Октябрьское, к. 6 п. 7 (Братченко С.Н. и др., 1976; Орлов Р.С., Сміленко А.Т., 1986); 54 – Морской Чулѣк (Толстой И., Кондаков Н., 1890); 55 – Епифанов (Красюковская) (Безуглов С.И., 1985); 56 – Портовое (Айбабин А.И., 1985; Баранов И.А., 1990); 57 – Рисовое, к. 2 п. 10, к. 13 п. 12 (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969); 58 – Крыловка, к. 3 п. 3 (Колотухин В.А., 1983); 59 – Наташино, к. 16, к. 17 п. 1 (Колотухин В.А., 1983; Баранов И.А., 1990); 60 – Богачёвка, к. 8 п. 12, к. 9 п. 5 (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989); 61 – Новопокровка (Гаврилов А.В., 1996; *Gavrilov A., 1997*); 62 – Тау-Кипчак (Баранов И.А., 1990); 63 – Айвазовское (Кругликова И.Т., 1957); 64 – Изобильное, к. 1 п. 4 (Колотухин В.А., 1992; Айбабин И.А., 1999); 65 – Джигинская (Кондаков Н., 1896); 66 – Борисово (Саханев В., 1914); 67 – Крупской, к. 4 п. 5 (Атавин А.Г., 1996); 68 – Чебургол (Семёнов А.И., 1982); 69 – Чапаевский, к. 29 п. 2 (Атавин А.Г., 1996); 70 – Старонижестеблиевская, к. 8 п. 1 (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991; Атавин А.Г., 1996); 71 – Калининская, к. 4 п. 10, к. 30 п. 3 (Атавин А.Г., 1996); 72 – Малаи, к. 13 п. 6 (Атавин А.Г., 1996); 73 – “Царский курган” (Атавин А.Г., 1996); 74 – Ливенцовка VII, к. 35; 75 – Ясырево, гр. II, к. 1, гр. III, к. 5 п. 9 (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974); 76 – Романовская (Семенов А.И., 1983; 1985); 77 – Карнаухово, к. 1 п. 2 (Ляпушкин И.И., 1958); 78 – Дорофеевка, к. 13 п. 1 (Лагоцкий К.С., Шилов В.П., 1977; Круглов Е.В., 1992г); 79 – Бережновка, гр. I к. 1 п. 7 (Синицын И.В., 1959), гр. II к. 111 п. 1 (Синицын И.В., 1960); 80 – Авилковский I, к. 1 (Синицын И.В., 1954); 81 – Иловатка, к. 3 п. 2 (Смирнов К.Ф., 1959); 82 – Бородаевка, к. 9 п. 5 (Синицын И.В., 1947); 83 – Зиновьевка (Рыков П., 1929); 84 – Брусяны, Малая Рязань, Новинки, Рождественский, Шелехметь (Матвеева Г.И., 1997; Багаутдинов Р.С. и др., 1998); 85 – Березовский (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000), 86 – Шиловка (Багаутдинов Р.С. и др., 1998); 87 – Новосёлки (Богачев А.В., 1998); 88 – Арцибашево (Монгайт А.П., 1951); 89 – Уфа (Ахмеров Р.Б., 1970); 90 – Новинка (Werner J., 1956); 91 – Мокрая Балка (Кузнецов В.А., 1985); 92 – Чир-Юрт (Путинцева Н.Д., 1961; Магомедов М.Г., 1977; 1983); 93 – Уч-Тене (Иессен А.А., 1965).

Fig. 1. Monuments of the VIIth – early VIIIth c.

они наоборот окончательно *уходят* и их *проводят*. *Проводы духа* и *похороны* – это части общего ритуала *процания с умершим*. Фиксированные же поминки и ежегодные поминальные дни – это уже часть постоянного многопланового *общения с духами предков*, проживающими в параллельном “Нижнем мире”. Также другое значение имеет и обряд, называемый “тризной”: у тюрков ему соответствуют *погребальная тризна* – обед в день похорон, а также *поминальная тризна*, совершаемая через год в сопровождении ристалищ и состязаний – “аш”. Не удовлетворяет и используемый в салтоведении термин “тайнички”, поскольку в нашем случае он не покрывает сопроводительную жертву коня, а на салтовских могильниках такие комплексы однозначно не могли закапываться тайно.

На наш взгляд, ближе всего к сути рассматриваемого тюркского обряда приближается термин “*напутственный комплекс*”, но для археологии раннесредневековых кочевников Восточной Европы их вполне можно выделять и в отдельный тип памятников – “*комплексы келегейского типа*” (по находке с наиболее полным набором признаков).

В контексте предложенной интерпретации довольно интересной представляется и проблема Глодос. Этот комплекс заметно выбивается из ряда синхронных кремаций “тайным” береговым расположением, отсутствием курганной насыпи и особенностями обряда. Остатки кремации в Геленовке и в могиле I Новогригорьевки занимали довольно большую площадь под насыпью, что при глубине их залегания практически на уровне древней поверхности делает вполне вероятной версию о кремации на месте. В Глодосах же речь идет о небольшой яме диаметром около 1 м и глубиной 0,7 м, куда были сложены остатки кремации. Последние выглядят довольно странно: кости представлены настолько мелкими фрагментами, что даже для гистологического анализа были отобраны только 22 из них (Гинзбург В.В., Добряк В.И., 1965, с.71). Более крупные фрагменты, т.е. большая часть скелета, в таком случае, были просто оставлены на месте кремации. Также полностью отсутствуют и кости коня, хотя среди вещей представлены остатки снаряжения как минимум двух коней. Вопросы возникают и при анализе состава вещей. Возникает впечатление, что после кремации были собраны только металлические вещи, преимущественно драгоценные, причем далеко не полностью, что отразилось во фрагментарности наборов деталей нагрудных украшений, меча, боевого ножа, снаряжения коней, серебряной посуды и т.д. Анализируя эти факты, мы высказывали ранее предположение о возможности интерпретации комплекса как спрятанных вещей из ограбленного погребения по обряду кремации (Комар О.В., 1999а, с.72-75).

Комплекс действительно не очень похож на осмысленный отбор кремированных останков. Заполнение ямы и состояние костей показывают, что кремированный скелет был разрушен на мелкие фрагменты еще на месте сожжения. Выбрать же кости из золы в таких условиях очень трудно – нужно просто брать их вместе со всеми остатками костра. Но то же касается и мелких фрагментов инвентаря. Быстрое собирание предметов вместе с остатками костра как раз и способно доставить в комплекс то количество мелких фрагментов человеческих костей, которое и обнаружено в Глодосах. Приблизительно такая же ситуация и с тюркскими, и хакасскими “тайничками”, где человеческие кости представлены только единичными мелкими фрагментами (Гаврилова А.А., 1965, с.64, 65). Можно было бы, вслед за А.К.Амброзом, предположить, что кости из комплексов принадлежат поминальной человеческой жертве ритуала *дохиа*, отмеченного Менандром и Феофаном у тюркютов и хазар (Амброз А.К., 1982, с.217-219), поэтому их и не собирали специально. Но, как уже отмечалось (Комар О.В., 1999а, с.72, 73), этому противоречит наличие рубленых ран на костях из Глодос. Для полноценной службы своему хозяину в ином мире тело и основные органы жертвы должны были остаться неповрежденными. Например, у якутов считалось недопустимым повреждение костей и сухожилий жертвенного коня, поскольку иначе конь будет хромать на том свете (Алексеев Н.А., 1980, с.189). Тувинцы при трапезе мясом жертвенного барана старались не потревожить ни одной кости (Вайнштейн С.И., 1991, с.259), запрет на повреждение костей животных, посвященных мертвым, отмечал и Д.Плано Карпини у монголов (Плано Карпини Д., 1997, с.35). Именно поэтому наиболее распространенными методами умерщвления жертвенных животных и людей в большинстве древних культур были удушение, перерезание горла или удар ножом в сердце. Человек же из Глодос, очевидно, просто погиб в сражении.

Железные вещи из Глодос (меч, боевой нож, наконечник копья, стремена, удила), как и в салтовских “тайничках”, были сломаны или согнуты, т.е. преднамеренно испорчены. Сделано это было еще *до кремации*, поскольку многие железные фрагменты в комплекс не попали. В комплексах келегейского типа практически все оружие и железные детали сбруи также сохранились только в сломанном состоянии, но, учитывая условия находок, преднамеренность можно утверждать только в случае с серебряными перещепинскими стременами. В отличие от предметов из комплексов келегейского типа, глодосские вещи обожжены, но эта обожженность *не может быть следствием их нахождения на огне при покойнике*. В то время, как, например, серебря-

ный кувшин и какие-то стеклянные изделия попросту расплавились, нагрудные украшения и обкладки оружия обгорели лишь слегка (причем степень оплавленности разная даже у деталей ножен одного ножа), некоторые же предметы совсем не пострадали. Получается, что, как и в комплексах келегейского типа, в Глodosах все украшения, вплоть до серег и перстней, с покойника *изначально были сняты*. Бросили их в огонь только в самом конце ритуала, когда костер уже угасал, поэтому последние из брошенных вещей и пострадали меньше всего. Позже на месте кремации постарались собрать в пепле металлические вещи, что удалось не полностью. Судя по расположению вещей в яме в виде двух куч и остаткам грубой полотняной ткани (Сміленко А.Т., 1965, с.8; 23-25), собранные вещи были сложены в два мешка, в которых и закопаны. Спрятали комплекс, как и полагается для комплексов келегейского типа, на берегу реки, практически в лесостепи. На месте же самой кремации, над оставленными костями покойника, двух коней и жертвенных животных (как минимум одного барана), скорее всего, был сооружен курган. Как показывает пример могилы I Новогригорьевки (Самоковасов Д.Я., 1908, с.133), кремации действительно пытались грабить, поэтому смысл в изъятии драгоценных вещей с места кремации и их отдельном захоронении, несомненно, был. Но вполне возможно также, что Д.Я.Самоковасовым за признаки ограбления было принято именно намеренное изъятие вещей с места кремации. Делалось это, скорее всего, также исходя из представления о том, что человек отправляется в путь только на 7-й день после смерти. Обожженные в погребальном костре вещи превращались в “духов вещей” и жили вместе с духом человека еще некоторое время на земле, но отправлялись в “Нижний мир” они не с телом, а с духом, т.е. все равно на 7-й день во время первого ритуала проводов.

Такая реконструкция погребального обряда делает Глodosы своеобразным вариантом комплексов келегейского типа, подчеркивая связь последних именно с погребальным, а не поминальным обрядом. Одновременно, если исходить из положения, что “вещи повторяют судьбу людей” (Традиционное мировоззрение ..., 1988, с.171), необожженность вещей в остальных комплексах келегейского типа, пожалуй, может указывать на то, что тела их собственников были похоронены по обряду ингумации.

Место перещепинского комплекса в ряду комплексов келегейского типа, конечно, особое, но не столько благодаря деталям обряда, сколько просто исключительному богатству набора вещей. Судя по остаткам деревянных досок и золотой обивки с отпечатками ткани (Львова З.А., 1993, с.112), пред-

меты находились в деревянном ящике, обитом дорогой тканью с золотыми нитями и квадратными золотыми пластинками, предметы в котором были сложены кучкой шириной 1,5 м. Такое сооружение напоминает описанный ибн-Фадланом “погребальный дом” хазарского царя (Ковалевский А.П., 1956, с.147), но, поскольку в нашем случае погребения не было, скорее, речь идет о сундуке – вещи весьма значимой в интерьере юрты, служившей показателем достатка и благополучия. В алтайских песнях как символ особого благополучия упоминаются золотые и серебряные сундуки (Традиционное мировоззрение ..., 1988, с.151), вероятно, украшенные так же, как и перещепинский, золотыми и серебряными пластинами. Сундук также был тесно связан и с погребальным обрядом: у бурят известен обычай хоронить супругов в сундуках, изготовлявшихся для приданого невесты (Галданова Г.Р., 1986, с.135), а у качинцев в сундуках хоронили богатых людей (Усманова Н.С., 1980, с.110).

Если в схему вычислений размеров перещепинского ящика Б.И.Маршака и З.А.Львовой (Залеская В.Н. и др., 1997, с.59, 60) ввести размер длинной стороны около 1,5 м, то при трехрядном горизонтальном украшении сторон и крышки золотыми пластинками получится сундук размерами около 1,5x1x0,7 м, но, учитывая утрату части пластинок, высота ящика могла быть и выше – до 1 м. Этого достаточно, чтобы сложить сюда металлическую и стеклянную посуду, седло, сбрую, украшения, оружие и одежду. Если же все перещепинские вещи сложить в “саркофаг” размерами 2,9x0,72x0,51 м, как предлагают З.А.Львова и Б.И.Маршак (Залеская В.Н. и др., 1997, с.60), то при условии расположения вещей в длину в нем на 1,5 м, места человеку тут просто не найдется. Да и возникнет закономерный вопрос, почему серьги, браслеты, перстни, гривны и т.п. вещи не были рассредоточены по скелету, а сложены вместе с остальными драгоценностями в кучу? Почему тело было заложено сверху серебряной и стеклянной посудой (Макаренко Н., 1912, с.208)? З.А.Львова объяснила это сожжением покойника, предполагая, что в “саркофаг” были высыпаны лишь часть золы и пережженных костей (Львова З.А., 2002, с.155), но тогда становится непонятным сам смысл сооружения саркофага в виде длинного гроба. Из аналогий вспоминаются разве что длинные плитовые могилы под кремационные погребения Борисовского могильника (Саханев В., 1914).

Нужно учесть еще один важный вариант. Согласно запискам современников, у монголов XIII в. сундуки с утварью вообще не снимались с повозок (Рубрук Г., 1997, с.92; Вайнштейн С.И., 1991, рис.34, 2), а при похоронах повозки, на которых везли мертвых, разламывали, правда, не совсем ясно

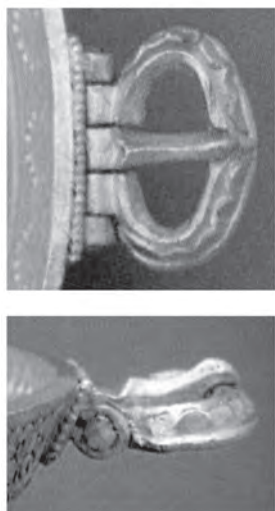

Рис. 2. Пряжка сосуда № 20 Надьсенмиклошского клада. Масштаб 1 : 1.

Fig. 2. A buckle of vessel № 20 of Nagyszentmiklos hoard. The scale of 1 : 1.

из текста, закапывали ли повозку вместе с юртой или оставляли на могиле (Плано Карпини Д., 1997, с.38, 39). У тюрков-кумандинцев зафиксирован последний вариант – сломанная повозка оставалась на могиле (Алексеев Н.А., 1980, с.200). Но у кочевников Северного Причерноморья XI-XIV вв. археологически хорошо известно именно зарытие повозки в разобранном состоянии в могиле (Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003; Рассамакин Ю.Я., 2003). Поскольку по отчетам И.А.Зарецкого и Н.Е.Макаренко можно предполагать наличие в Перещепине не только досок, но и довольно массивных брусьев, никак не применимых в сундуках или саркофаге, не исключено, что вещи здесь находились в разобранной повозке. У ал-Куфи сохранилось описание именно таких повозок “с перекрытиями и дверцами, обитыми золотыми и серебряными пластинами, устланных внутри соболями и украшенных шелками” дочери хазарского кагана, выданной в 761 г. за арабского наместника Язида ас-Сулами (Абу Мухаммад ибн А’сам ал-Куфи, 1981, с.63). Похожее повозки описывает Г.Рубрук у монголов (Рубрук Г., 1997, с.92), т.е. речь идет о довольно устойчивой в кочевнической среде традиции. В случае наличия в Перещепине деталей такой повозки, очевидно, ей и принадлежали украшения обивки.

Погребения коня или его шкуры с головой и конечностями в Перещепине не было, зато в сундуке находился почти полный комплект сбруи. Это не значит, что конь, привезший повозку к месту сокрытия комплекса, не был принесен в жертву. Просто его шкура могла быть натянута на дерево, шест

или на деревянное сооружение, согласно общему тюрко-монгольскому обряду жертвоприношения коня, описанному у савиров (“туннов”) Дагестана 2-й пол.VII в. (Мовсэс Каланкатуази, 1984, с.128), гузов (Ковалевский А.П., 1956, с.128), половцев (Рубрук Г., 1997, с.101), монголов XIII в., а также у целого ряда современных тюркских народов (Дубровский Д.В., 2002, с.198-208). При этом, как отметил Д.В.Дубровский в отношении погребений монголов, такой обряд не противоречил скрытности погребения, поскольку установка шеста именно на могиле не была обязательной – его можно было поставить на любом возвышенном месте (Дубровский Д.В., 2002, с.200, 201). По сравнению с другими комплексами келегейского типа, в Перещепине также отсутствовала керамическая посуда, но ее с лихвой компенсировало обилие металлической и стеклянной.

Основная масса вещей на момент похорон, несомненно, принадлежала одному человеку, но также возможно, что в комплексе присутствовали и вещи, доставшиеся по наследству, которые надо было “передать” умершим родственникам, а также отдельные погребальные дары от членов рода, подданных. Последние выявить сложно, поскольку “нестандартные” элементы могли оказаться в комплексе случайно, уже во время собирания коллекции. Это, например, может касаться обломков ременных наконечников “мартыновского” типа (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.113), которые были сломаны в древности, но, в отличие от поврежденной металлической посуды, не представляли собой особой ценности и, главное, не могли символизировать целый предмет, поскольку на поясе они уже давно не могли крепиться. Разумеется, просто отбрасывать все “неудобные” вещи никак нельзя, но и не учитывать обстоятельства собирания комплекса после его обнаружения было бы крайне неосторожным. Показательна в этом плане история формирования т.н. “коллекции из Княжей Горы”, под “маркой” которой перекупщиками в кон.XIX – нач.XX в. долгое время продавались находки из различных пунктов Среднего Поднепровья.

Наличие в комплексе сразу нескольких мечей – не случайность, учитывая, что византийский меч (кат.25) подарочный и, к тому же, он мог быть только парадным, если “варварский” меч (кат.55) действительно был сделан для левши (Залеская В.Н. и др., 1997, с.173). Но, кроме него, в комплексе есть как минимум обломок еще одного меча (кат.114). Он, в отличие от предыдущих, двулезвийный, и вполне возможно, что богатые воины могли держать по несколько клинков разного типа специально для различных условий боя. Смущает только тот факт, что Р-образные петли от ножен двух мечей (кат.40, 82) принадлежат обычным, “левосторонним” ножам,

т.е. речь все-таки может идти о предметах минимум двух человек (отца и сына?). По обкладкам же оружия возможно нахождение в комплексе даже 4-х мечей, что уже нарушает принцип рациональности и заставляет искать объяснение в ритуальных причинах. А.И.Семенов сравнивал эту ситуацию с Вознесенкой, где найдены комплекты из трех сабель и кинжалов (Семенов А.И., 1986а, с.34), но там сам ритуал прозрачный – он принадлежит больше к воинским культам и связан с поминанием воина воинами, чем и вызван специфический набор вещей из поминального комплекса. Параллель с Перещепиной можно провести только в одном случае: если три сломанных клинка, как и в Вознесенке, принадлежали дружинникам, символически (или даже реально) отправляющимся со своим господином в иной мир.

Этот обряд нельзя механически сравнивать с описанным Менадром жертвоприношением четырех пленных кочевников Турксанфом (Дестунис С., 1860, с.422), поскольку последние выполняли всего лишь роль посланников, которые должны были передать отцу Турксанфа Истеми какое-то послание уже *после погребения* последнего. С тем же обрядом *дохун* Феофан соотносит жертвоприношение 300 пленными византийцев после смерти хазарского тудуна (Чичуров И.С., 1980, с.64). Но в Вознесенке и Перещепине жертвы могли быть только добровольными и только из окружения правителей, поскольку служить “сыну Неба” в загробном мире было очень высокой честью. Сломанный или согнутый при ритуале меч уже сам по себе символизировал смерть воина, поэтому реального жертвоприношения можно было и избежать. Так, Д.Плано Карпини, описывая посвящение коней Чингисхану, замечает, что на них просто никто не садился до их смерти (Плано Карпини Д., 1997, с.33). Вероятно, ломая свой меч, воин обязывался не служить больше ни одному другому господину и присоединиться к умершему после своей смерти. Впрочем, А.И.Семеновым справедливо отмечена находка обожженного человеческого позвонка в норе грызуна, отходящей от комплекса предметов в Вознесенке, свидетельствующего, что жертвоприношение таки могло иметь место (Семенов А.И., 1988, с.100-101).

Фраза З.А.Львовой о том, что в составе перещепинского комплекса находились детали от “более чем десяти поясных наборов” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.45), объясняется отнесением к поясным всех пряжек и деталей ремней, независимо от их размера и типа. Но в комплексе также должны присутствовать пряжки и детали портупей и ремней минимум трех мечей и трех кинжалов, колчана, сбруи. Поэтому корректнее говорить о деталях “ремней”, а не “поясов”. Обилие же различных

ремней у кочевников, привыкших приторачивать к седлу и поясу, вычлнить на лошадь одновременно множество предметов, позволяет считать количество перещепинских ремней вполне разумным и закономерным.

Перещепинский комплекс однозначно не клад – здесь нет ни слитков драгоценных металлов, ни обилия неиспользованных под украшения монет. Только вещи, представляющие собой предметы необходимости или просто ценные для покойника, могли быть сложены в его посмертный “багаж”. Погребальными дарами можно было бы считать “лишние” комплекты браслетов и нагрудных украшений, но они, возможно, принадлежали к женскому убору (Залеская В.Н. и др., 1997, с.94, 95). Похожая ситуация наблюдается и в Глудосах, где, по мнению А.Т.Смиленко, часть украшений создают впечатление женских (Смиленко А.Т., 1965, с.9). В Келегеях к таковым принадлежат пирамидальная подвеска головного убора и янтарные бусы, в Новых Санжарах – парные подвески головного убора, вторая пара серег, бусы и зеркало. Присутствие “женских” вещей, наряду с выразительными воинскими, выглядит странно, если речь не идет о парном погребении. В условиях многоженства тюркских вельмож погребение одной из жен вместе с мужем выглядит вполне возможным, но в комплексах келегейского типа возможны и варианты символического замещения жены ее вещами.

Обратим внимание на такие “лишние” предметы, как серьги, подвески головного убора, браслеты. Ритуал траура жены по умершему мужу у телеутов предписывал 7 дней ходить с распущенными волосами, в одежде, вывернутой наизнанку, с отпортым воротником и *снятыми украшениями*. На седьмой день вдова заплетала косы и укладывала их вокруг головы, завязав концы на лбу, как это делали умершим замужним женщинам. Несомненно, что такой обряд отражал символическую смерть вдовы (Традиционное мировоззрение ..., 1988, с.155). Снятые украшения можно было одеть только через год. Не менее года ходили с распущенными волосами вдовы у казахов и киргизов (обычно до аша), но у них известен обряд заплетания кос на третий, седьмой и сороковой дни во время поминок (Фиельструп Ф.А., 2002, с.170, 171), т.е. в эти дни вдова как бы “оживала” вместе со своим мужем. Мотив “умирания” вдовы и ее “оживания” после последних проводов духа умершего совершенно очевиден в мировоззрении тюркских народов. Но в случае с комплексами келегейского типа нас интересует больше всего ритуал символического “умирания” вдовы и ее “проводов” на 7-й день вместе с мужем у телеутов, который заставляет серьезно отнестись к версии о возможности символического

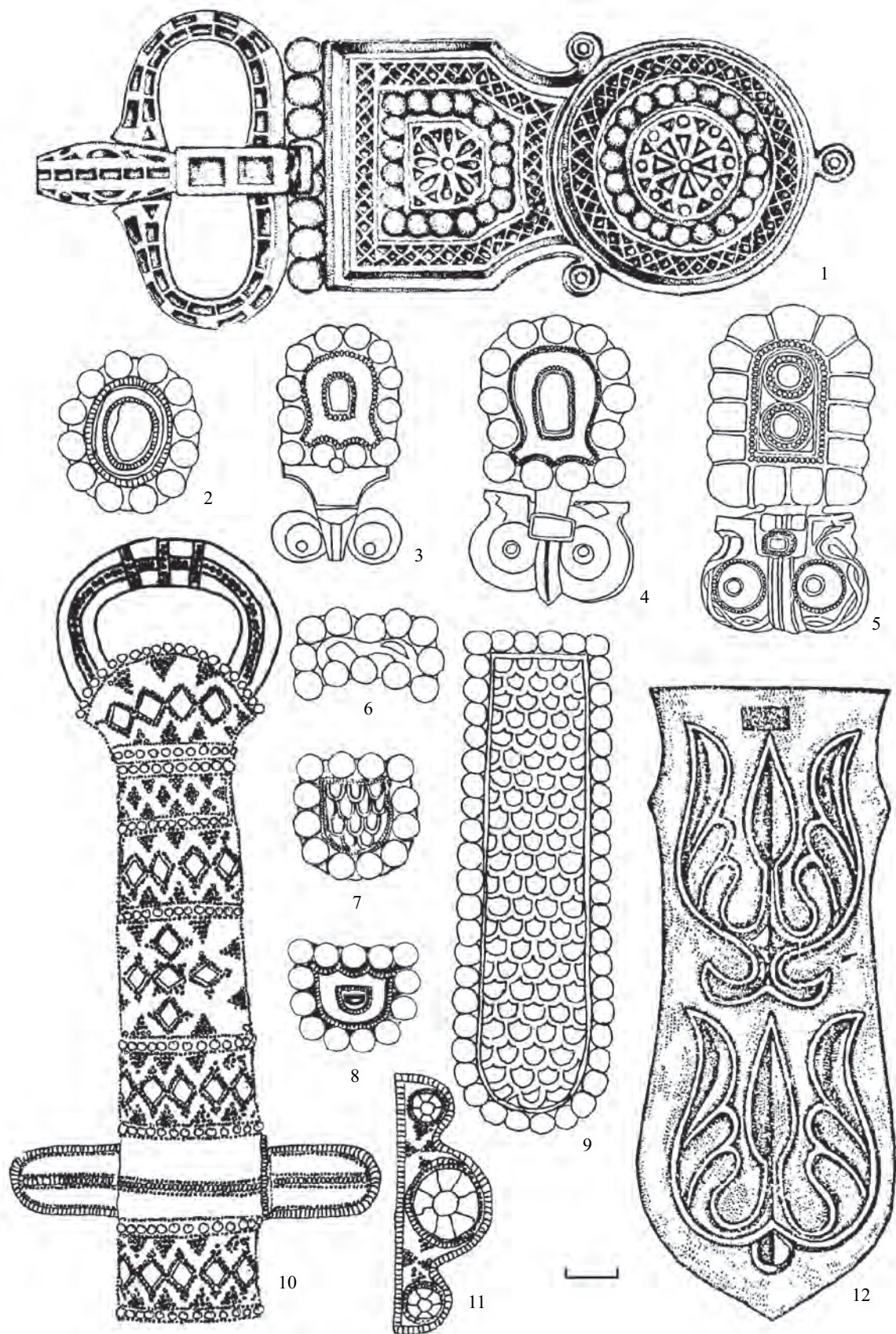

Рис. 3. Предметы византийского подарочного комплекта из Перещепины (1-4, 6-12) и Келегеи (5).
 Fig. 3. Items of Byzantine gift set from Pereshchepina (1-4, 6-12) and Kelegei (5).

замещения жены ее одеждой и украшениями в комплексах келегейского типа.

Возможно, другое, более прозаическое, объяснение подсказывают среднеазиатские росписи, на которых мужчины обильно украшены диадемами, ожерельями, серьгами и браслетами (Беленицкий А.М., 1973, с.15, 21, 23, 25, 31; табл.3; 10; 19; Восточный Туркестан ..., 1995, табл.27-29). Учитывая тесную связь тюрков с Согдом, можно предполагать, что элементы “восточной роскоши” проникали также и в среду кочевнической знати. Например, использование ручных и ножных браслетов отмечено в погребении из Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965). В любом случае, на факт присутствия в комплексах келегейского типа вещей “женского” облика следует обратить серьезное внимание, поскольку за ним стоят либо особенности погребального обряда, либо же особенности мужского убора рассматриваемой группы кочевников.

Раздел 2. Вещевой комплекс

Один из первых исследователей Перещепинского комплекса Н.Е.Макаренко, рассматривая предметы из состава находки, разделил их по происхождению на две группы: персидскую и византийскую (Макаренко Н., 1912, с.211). Й.Вернер выделил три группы: сасанидскую, византийскую и варварскую (Werner J., 1984). На основании детального культурно-технологического анализа более дробное деление групп было предложено В.Н.Залесской, З.А.Львовой и Б.И.Маршаком (Залесская В.Н. и др., 1997), причем следует признать, что тщательность фиксации исследователями технологических приемов, связывающих перещепинские предметы, позволила нам сделать большинство наблюдений еще до непосредственного знакомства с комплексом и лишь уточнить их в процессе дальнейшей работы². Главные же причины отличия нашей интерпретации отдельных моментов связаны, в первую очередь, с использованием более широкого круга археологических аналогий из кочевнических комплексов Северного Причерноморья и Аварского каганата.

Й.Вернер, В.Н.Залесская, З.А.Львова и Б.И.Маршак рассматривали происхождение всех групп вещей перещепинского комплекса фактически уже сквозь призму исторической интерпретации, наделив его собственника не только этнической и племенной принадлежностью, но даже именем и биографией. Действительно, довольно трудно избежать немедленного выхода на уровень

исторических событий, когда сам археологический комплекс уже заставляет оперировать такими понятиями, как “Византия”, “Иран”, “Аварский каганат”. Но все же справедливее, нам кажется, вернуться к неопределенному термину “кочевники” и рассмотреть комплекс поэтапно в общем контексте истории и археологии раннесредневековых народов Восточной Европы, отложив исторические и этнические интерпретации до заключительной части работы.

2.1. Сасанидская группа

Присутствие данной группы вещей в перещепинском комплексе – пожалуй, один из наиболее ярких и интересных фактов. Группа состоит из серебряной и золотой посуды (кат.19-23), а также перстня (кат.18). Сасанидские изделия представлены не только в Перещепине, но и в большинстве комплексов келегейского типа: в Келегеях (блюдо), Павловке (кувшин), Лимаревке (кувшин), Глodosах (кувшин), Ясиново (перстень). Ч.Балинт относит сюда же и Вознесенку (Балинт Ч., 1996, с.61), но обломки блюда здесь трудноопределимы. Л.А.Мацулевич считал их византийскими, как, впрочем, и несомненно сасанидское блюдо из Келегеев (Мацулевич Л.А., 1940, с.140). В Новых Санжарах к изделиям сасанидского круга, возможно, принадлежит литая стеклянная чаша, чье изготовление Н.М.Гулиев связывает с Кавказской Албанией (Гулиев Н.М., 1972, с.18, 19).

И Б.И.Маршак, и Ч.Балинт рассматривают Северное Причерноморье как зону, в которую непосредственно доходили купцы, торговавшие сасанидскими изделиями (Балинт Ч., 1996, с.61; Залесская В.Н. и др., 1997, с.67). Но таких находок нет в Крыму, в славянских лесостепных кладах и в Карпатской котловине, нет здесь и важных маркеров торговли – сасанидских монет, что противоречит версии о широком “сасанидском рынке” в северо-понтийской зоне. Отсутствие в кочевнических комплексах среднеазиатских подражаний сасанидским сосудам, согдийских надписей, среднеазиатских монет и т.п. признаков, позволивших Т.С.Нунену объяснить прикамские находки функционированием ветви “Шелкового пути”, связывающей Камско-Уральский регион со Средней Азией (Noonan T.S., 2000), не позволяет говорить и о продолжении этой ветви на запад через степь. Как отметил В.Ю.Морозов, “восточная” степная цепочка пути выстраивается из 12 пунктов находок изделий сасанидской торевики в Казахстане, Южном Приуралье и Баш-

² Выражаем признательность З.А.Львовой за ценные консультации и помощь в ознакомлении с материалами Перещепинского комплекса.

кирии, в то время как на Волге таких находок пока нет (Морозов В.Ю., 1996, с.148-152). Вероятно, это объясняется “восточными” каналами поступления сасанидских изделий в Прикавказье.

Другой канал функционировал в это время на Северном Кавказе. По мнению Ю.А.Прокопенко, наиболее интенсивно торговля шла через Дербент, о чем свидетельствуют около 30 находок иранских серебряных и бронзовых сосудов в Дагестане; менее интенсивно использовалось для этих целей Дарьяльское ущелье (Прокопенко Ю.А., 1999, с.115-118). Скорее всего, именно через северокавказские каналы сасанидская посуда напрямую и попадала к рассматриваемой нами группе кочевников.

В отличие от зон находок сасанидской металлической посуды на Северном Кавказе, в Прикавказье, Приуралье (Морозов В.Ю., 1996; Прокопенко Ю.А., 1999, с.115-118), ни в одном из восточноевропейских кочевнических комплексов этого времени пока не обнаружено сасанидских монет, свидетельствующих бы о двустороннем торговом обмене. В данном случае кочевники выступают исключительно как потребители, причем находки из подкурганых погребений еще более углубляют характер этих взаимоотношений. Так, в п.1 к.2 Васильевки (Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др., 1984) в составе поясного набора находились два наконечника (рис.19, 23), аналогичных наконечникам пояса из Ирана (Balint Cs., 1992, Taf.28, 22), в котором, правда, заметно византийское влияние. Зато на сбруйной бляшке из погребения к.5 Виноградного выгравирована краткая пехлевийская надпись (рис.18, 29), которая могла быть только знаком мастера. Учитывая выразительные иранские аналогии кочевническим ювелирным изделиям с грануляцией (Balint Cs., 1978, fig.8; fig.14), следует полагать, что вся мода на украшение поясных и сбруйных деталей зернью сформировалась у данной группы кочевников под *непосредственным* влиянием иранского ювелирного искусства. Такие отношения возможны исключительно в условиях тесного контакта и географического соседства, т.е. речь должна идти о группе кочевников, переселившейся от границы с Персией в Северное Причерноморье в пределах одного поколения.

Как показывает чрезвычайно близкое причерноморским по инвентарю подкурганное погребение из Уч-Тепе (Азейбарджан) (Иессен А.А., 1965), наиболее вероятной зоной такого контакта является район Дербента. Попытку Ч.Балинта пересмотреть датировку и этническую принадлежность уч-тепинского погребения, приписав его албанскому вельможе и датировав концом VI в. (Balint Cs., 1992), трудно признать удачной. Поиск автором отдаленных аналогий инвентарю среди иранских изделий и нековчевицких ингумаций с западной

ориентировкой так и не снял ни одного из пунктов “ковчевицкой” версии: перед нами расположенное в степи впускное подкурганное погребение, комплекс погребального обряда, инвентаря и антропологии которого находит практически полное соответствие в ковчевицких погребениях степной зоны Восточной Европы от Поднепровья до Заповольжья и не имеет больше никаких аналогов на территории Кавказской Албании. Доля погребений с западной ориентировкой в северопричерноморской группе подкурганых погребений действительно небольшая – 11,8%, а с учетом бескурганых ковчевицких погребений и того ниже – 9,5% (Комар О.В., 2002а, с.8, 9). Но она существует, и именно в этой группе находится упоминавшееся выше погребение из к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996). В междуречье Дона и Волги тоже известны два подкурганых погребения с западной ориентировкой этого времени – ст.Романовская (Семенов А.И., 1985) и к.13 Дорофеевского могильника (Круглов Е.В., 1990а). Прессованные имитации литых золотых или серебряных поясных деталей с грануляцией из Уч-Тепе также не являются ранним или специфическим “албанским” признаком. Это отличие от литых степных гарнитур, замеченное Ч.Балинтом, вряд ли объясняется более низким имущественным статусом погребенного, как считал А.И.Семенов (Семенов А.И., 1987, с.60). Как будет показано ниже, перед нами действительно признак хронологический, но не “ранний”, а наоборот “поздний”. Впечатление Ч.Балинта о ранней позиции Уч-Тепе основано на традиционной ошибке вещеведов – перенесении закономерностей развития культуры одного культурного ареала в другой. Поясные наборы “геральдического” стиля раннеаварского времени, традиционно опускаемые венгерскими археологами в кон. VI в., выполнены в основном в технике прессовки из тонкого листа серебра различного качества и часто заполнены внутри белой “пастой”, которая при анализах оказалась окислами сплавов олова и свинца. Литые геральдические детали у авар единичны, но в Восточной Европе наблюдается абсолютно противоположная картина. И в Крыму, и на Северном Кавказе, и у славян, и в финно-угорских могильниках Поволжья полностью преобладают цельнолитые “геральдические” изделия, прессованные же подражания им появляются только на позднем этапе, в эпоху отживания “геральдических” традиций. В хорошо изученном аланском могильнике Мокрая Балка использование именно прессованных имитаций изделий с грануляцией, подобных уч-тепинским, является одним из характерных признаков катакомб этапа 3, по Г.Е.Афанасьеву, на котором происходит постепенное изживание “геральдических” форм, а несомненно синхронная уч-тепинскому погребению

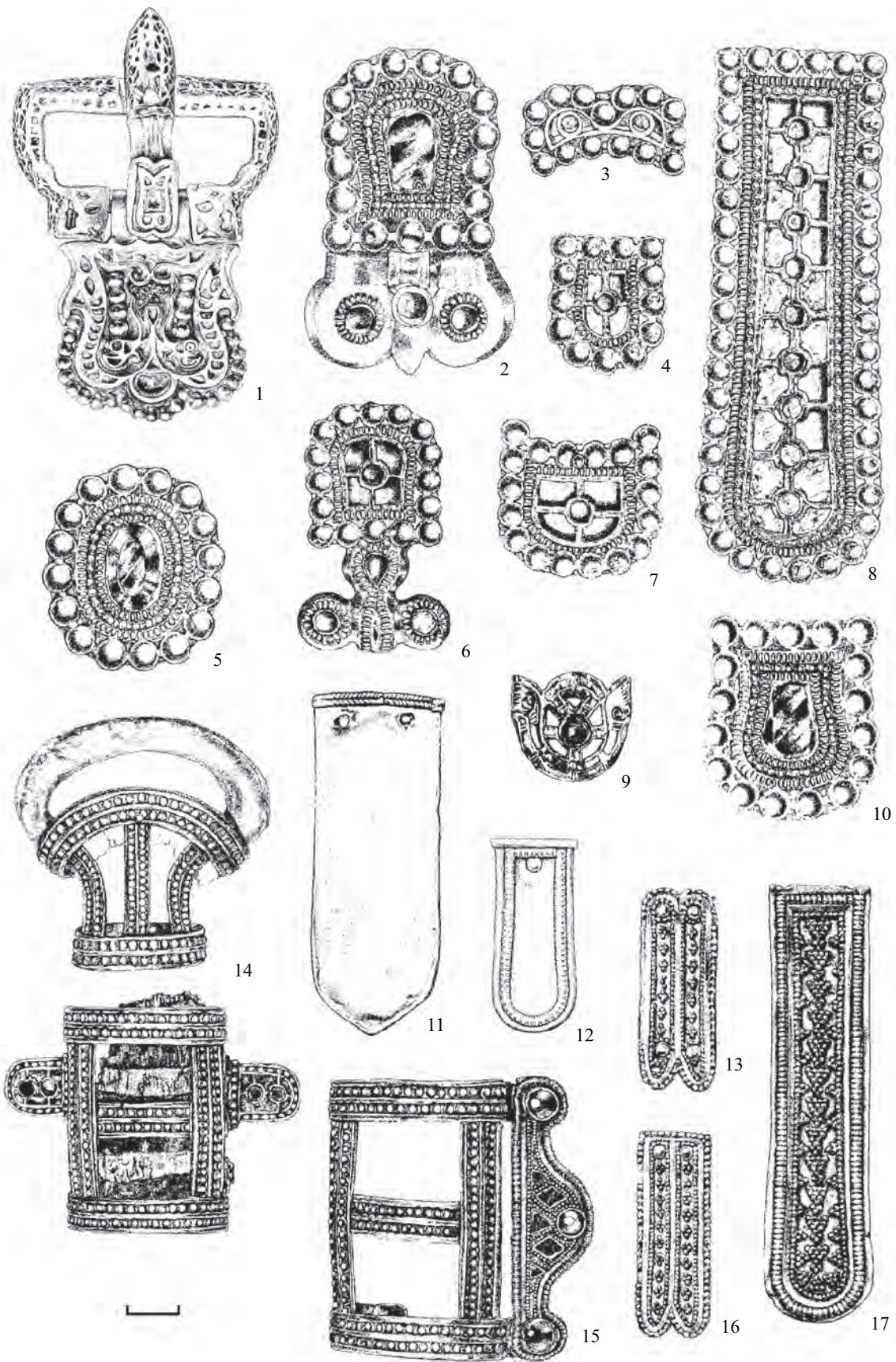

Рис. 4. Предметы византийского подарочного комплекта из Кунбабоня.
 Fig. 4. Items of Byzantine gift set from Kunbabony.

нию кат.117 могильника имеет и самостоятельный репер нижней границы в виде солида Ираклия и Ираклия Константина (613-641 гг) (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с.35-41; рис.134).

Подкуранные погребения с сасанидскими вещами или изделиями иранского стиля заметно уступают в роскоши комплексам келегейского типа, но, тем не менее, они принадлежат к наиболее богатым погребениям своей группы, в которых наряду с серебряными деталями присутствуют и золотые. В более скромных погребениях, с серебряными наборами “геральдического” стиля, иранское влияние не ощутимо, т.е. изделия сасанидского стиля наряду с золотыми изделиями выступают одновременно маркером имущественной и аристократической верхушки данного кочевнического общества.

По мнению Т.С.Нунена, серебряные сасанидские сосуды рассматривались элитой Западнотюркского каганата как символы престижа и власти (Noonan T.S., 2000, p.299). В этом плане присутствие серебряной посуды в большинстве комплексов келегейского типа дополнительно подчеркивало высокий ранг их собственников. Особенно это удалось “перещепинскому” правителю, и количество, и качество посуды из погребения которого однозначно свидетельствует о высочайшем ранге. Подчеркивают его и золотые сосуды сасанидской группы.

Большой золотой кувшин и ложчатая чаша (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.21, 22), по заключению Б.И.Маршака, были изготовлены специально для царского двора. Такие предметы не предназначались для торговли и могли покинуть двор только при чрезвычайных обстоятельствах: либо в качестве исключительно эксклюзивного дипломатического дара, либо же во время разграбления царских сокровищ Сасанидов в Дастакерте византийцами и тюркютами в 628 г (Залеская В.Н. и др., 1997, с.67, 68, 125, 126). В любом случае, речь идет о правителе незаурядного кочевнического объединения, достигшего на определенном этапе политического или военного паритета с империей Сасанидов.

2.2. Византийская группа

Следующая группа предметов отражает тесные контакты рассматриваемого объединения кочевников с другой империей – Византийской. Группа условно делится на три подгруппы: собственно византийские вещи, вещи, изготовленные византийцами для кочевников, монеты.

Историческая информативность предметов разная, поэтому остановим внимание только на наиболее интересных группах вещей.

2.2.1. Металлические сосуды

Византийская металлическая посуда являлась одним из предметов торговли, поступавшим по каналам Великого шелкового пути с Запада на Восток. Причем находки серебряных византийских сосудов уже с согдийскими надписями в Прикамье убедительно демонстрируют, что продукция византийских торевтов служила долгое время и вне Византии предметом оживленного обмена (Noonan T.S., 2000, p.285). Большой спрос вынудил согдийских мастеров изготавливать подражания не только сасанидским, но и византийским сосудам, подделывая даже клейма (Маршак Б.И., 1971, с.60). Также изготавливались и подражания византийским золотым монетам (Прокопенко Ю.А., 1999, с.114-115).

В отличие от наблюдаемой картины на востоке, западнее Волги находки византийской металлической посуды VII в. очень редки. В кочевнических комплексах Восточной Европы она представлена только в Перещепине, к.2 Подгорненского IV (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999) и, как уже упоминалось выше, возможно, в Вознесенке. То есть, в отличие от широко доступной знати данной группы кочевников сасанидской посуды, византийская наоборот оказывается *эксклюзивной группой* предметов, присутствующей в VII в. только в наиболее богатом погребальном комплексе из Перещепины. Этот факт, скорее всего, свидетельствует в пользу поступления большинства византийских сосудов из комплекса в составе дипломатических даров. Косвенно это подтверждается и отмеченным нумизматами фактом широкого распространения использовавшейся в торговле серебряной византийской монеты в Центральной Европе, на Балканах, в Крыму, Закавказье, на Северном Кавказе, даже в Прикамье, при их полном отсутствии в восточноевропейских кочевнических комплексах, что не позволяет говорить о наличии прямых торговых контактов византийцев с интересующей нас группой кочевников (Smeadly J., 1988, p.118).

В.Н.Залеская предложила разделить перещепинские византийские сосуды на три группы по хронологическому признаку (Залеская В.Н. и др., 1997, с.41), но это деление оказывается удачным и по другим соображениям.

Самое позднее – блюдо с крестом (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.5), сделанное в заключительный период правления Ираклия (629/30 – 641 гг). Более ранняя вторая группа – ручной прибор из ковша (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.3) и кувшина (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.4), изготовленных во времена Маврикия-Тиберия (582-602 гг). Вероятнее всего, блюдо и ручной прибор попали к перещепинскому собственнику в два при-

ема, хотя, возможно, и одинаковыми путями: в качестве подарков.

Последнюю группу составляют предметы с наиболее ранними клеймами – блюдо епископа Патерна (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.1) с пробирным знаком 498 г и амфора (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.2) со знаками 1-й пол.VI в. Эти изделия сходны еще по двум причинам: оба были реставрированы и оба покрыты позолотой, выполненной в одной технике (Залеская В.Н. и др., 1997, с.112, 113). Достаточно грубая техника позолоты с использованием ртути, а также наличие на блюде Патерна приклепанных медальонов с крестами и гнезд для вставок позволили В.Н.Залеской предположить, что речь идет о варварской доработке предметов, сделанной христианами в “ставке Куврата” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.43, 113).

Предположение о “варварской” позолоте на самом деле проверяемо – ни на варварских предметах из Перещепины, ни на “варварских” предметах из восточноевропейских кочевнических комплексов этого времени подобной техники позолоты серебра пока не известно. Способы золочения вещей, использовавшиеся в это время кочевниками, – это горячая инкрустация золотым листом и “насечка” для железных изделий в Глосах, Вознесенке и Перещепине. Позолота серебра еще более редка. В Перещепине ее можно отметить на серебряных наконечниках кат.117, где они просто покрыты припаянной золотой фольгой. На серебряном зеркале кавказского круга из Геленовки тонким золотым листом инкрустированы углубленные части орнамента – лепестки и “треугольники” (Rulikowski E., 1880, s.6; fig.10). Эта техника напоминает инкрустацию углубленного декора на серебряных поясных деталях из аварского п.696 Будакалаш-Дунапарта (Vida T., Pastor A., 1996)³. Но они, в свою очередь, в такой технике имитируют тонкую амальгамную позолоту углубленных частей декора германских пальчатых фибул, сходную по стилю и технике в Восточное Европе с позолотой вещей славянского Мартыновского клада. Интереснее для нас предметы из разрушенного в Екатеринославской губ. в 1925 г кургана, где ожерелье из 72 монет оказалось серебряными густо позолоченными отливками с солидов Константа II (Голенко К.В., 1956). Грубая золотая отливка солида известна в Келегеях (Семенов А.И., 1991, с.124; рис.1, 3), совсем схематическая – в Шиловке (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XIII, 10). Интересующие же нас екатеринославские отливки отличаются от явно варварских изделий качественной передачей обеих сторон монеты, а также составом (позолоченный сплав серебра и меди), поэтому вполне закономерно предположе-

ние об их изготовлении ювелиром другой школы. Но заказчик все же однозначно был кочевником интересующей нас группы, поскольку оттиск монеты сделан уже с характерного дважды пробитого экземпляра двадцатикаратного солида Константа 642-646 гг, идентичного перещепинским. К сожалению, способ золочения отливок нам не известен, поэтому сравнить его с перещепинским пока невозможно, но, все же, локализация такой мастерской, производившей золочение, при “перещепинском” дворе маловероятна.

При любви рассматриваемой группы кочевников к золотым роскошным предметам умение золотить более дешевые вещи однозначно проявило бы себя в других изделиях, особенно в комплексах более низкого социального ранга. Но близкое отливкам монет сочетание удельных частей золота, серебра и меди в погребении из Виноградного фиксируется в биллоновых изделиях (Орлов Р.С., Рассамакин Ю.Я., 1996, с.103-108), т.е. дешевые версии золотых предметов получались кочевниками все же сплавами и инкрустацией.

На этом фоне техника золочения перещепинских вещей с использованием ртути очень специфична. При внешней простоте и грубости ручного нанесения амальгамы золочение при помощи ртути очень надежно и, заметим, используется до сегодняшнего дня. Но даже теоретический механизм поступления ртути к кочевникам не ясен, тем более сомнительно использование кочевническими мастерами технологий на основе этого металла. Такие технологии могли быть доступны только стационарным высокотехнологическим мастерским, поэтому вряд ли случайно, что в Перещепине вызолочены с использованием ртути только два изделия византийского круга.

Обращаясь к “дунайской” версии, можно отметить использование позолоты серебряных и бронзовых предметов аварами, известное, правда, только начиная со среднеаварского периода. Но аварская версия реставрации сосудов возможна лишь с одним серьезным уточнением – выполнить ее мог только ювелир византийской школы.

Одновременность реставрации и позолоты сосудов, конечно, остается на уровне гипотезы, но В.Н.Залеской отмечен важный момент: позолота на амфоре скрывает швы от спайки частей амфоры и следы грубой обработки ее отдельных деталей (Залеская В.Н. и др., 1997, с.113), что закономерно вызывает предположение о намеренности данной операции. Реставрировать же этот сложный сосуд мог исключительно ювелир византийской школы, хотя и работающий грубее своих византийских коллег. Это же впечатление возникает и при взгляде на

³ Выражаем признательность Тивадару Вида за возможность ознакомиться с материалами могильника.

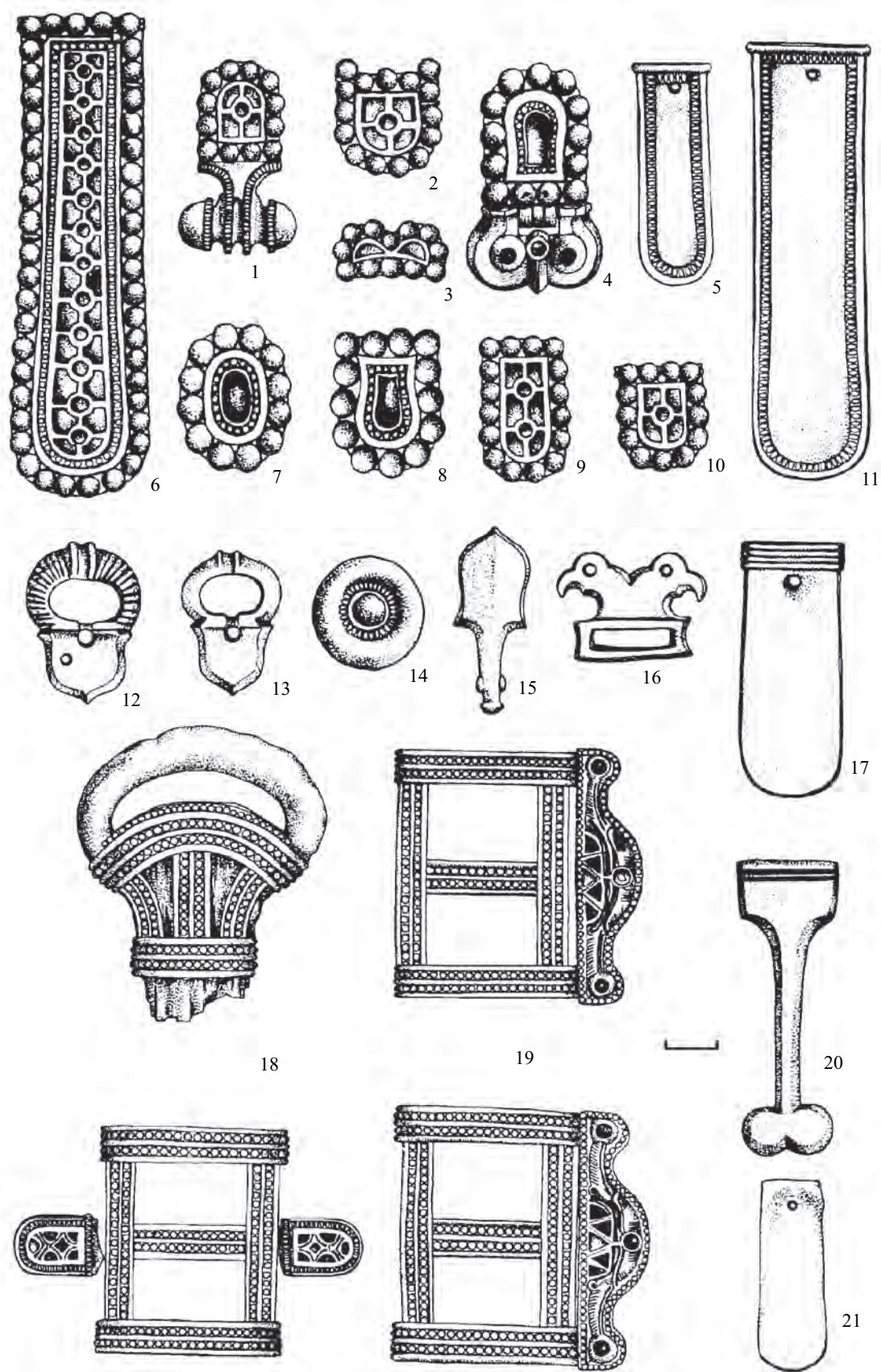

Рис. 5. Предметы византийского подарочного комплекта из Бочи.
 Fig. 5. Items of Byzantine gift set from Bocsá.

приклепанные золотые медальоны на блюде Патерна, поскольку только ювелир, хорошо знакомый с византийской торевтикой, мог знать, что на блюде отломаны именно медальоны с крестами. Наконец, сама техника исполнения золотых медальонов тесно связывает их с гнездами выступов перещепинского меча кат.25 (Залеская В.Н. и др., 1997, с.91, 92; Львова З.А., 2002, с.41), византийский мастер которого оставил на обороте обкладок рукояти маркировки греческими буквами (Львова З.А., Семенов А.И., 1985, с.79; рис.3). И хотя теоретически функционирование ювелирной мастерской византийской школы, состоящей из пленных греческих мастеров, изготавливающих и реставрирующих сосуды по заказу авар, возможно, на практике аргументация данного положения встречается с непреодолимым препятствием полного отсутствия подобных примеров в археологическом материале.

Ситуацию, правда, призвана кардинально изменить новая концепция Ч.Балинта об аварской принадлежности Надьсентмиклошского клада, предполагающая наличие у авар уже в кон.VII в. развитой местной школы торевтики, соединяющей византийские и согдийско-сасанидские традиции (Balint Cs., 2002). Не останавливаясь на полном анализе гипотез, положенных в ее основу, следует отметить серьезную недооценку автором венгерской, а точнее, “кабарской” или “салтовской” версии происхождения клада. В.Е.Флёрова обратила внимание на находку практически полной аналогии надьсентмиклошскому сосуду № 7 (Gschwantler K., 2002, kat.7) у Краснодара (Флёрова В.Е., 2001а, с.103-107; рис.24б). Особо же показательна типичная салтовская пряжка чаши № 20 (Gschwantler K., 2002, kat.20), не имеющая никаких аналогий вне салтовского культурного ареала (рис.2)⁴. Сама пряжка на чаше – следствие ремонта, замены сломанной или потерянной пряжки, судя по ее отличию от пряжек других чаш. Но она не может быть и случайной, приделанной несколько столетий спустя. Противоречит этому, в первую очередь, тонкостенность и хрупкость надьсентмиклошских сосудов, использовавшихся явно не так уж и долго. Второе, пряжка выполнена из золота, хотя подавляющее большинство салтовских поясных наборов этого стиля сделаны из серебра, реже – бронзы. Следовательно, салтовский ювелир использовал не просто готовую пряжку, а лишь ее форму для отливки пряжки из золота. Поскольку непосредственно у венгров – “завоевателей родины” – такие пряжки пока не известны, сосуд № 20 однозначно реставрировался еще в салтовском ареале, т.е. на

территории Хазарского каганата. Подвижное соединение рамки со щитком в салтовских пряжках горизонтов I/II-II (Комар А.В., 1999, таб.4) практически не использовалось. Такое соединение вновь входит в моду на этапе горизонта III, на пряжках этого же горизонта появляется и рельефный декор рамки, аналогичный надьсентмиклошской пряжке (Крыганов А.В., 2001, рис.3, 10). Характерный декоративный стиль оформления салтовских поясных наборов горизонта III (Комар А.В., 1999, таб.4) – полураскрытые округлые бутоны “лотоса” – находим и на горлышке надьсентмиклошского кувшина № 7 (Gschwantler K., 2002, kat.7), на что обращали внимание С.А.Плетнева и Т.И.Макарова (Макарова Т.И., Плетнева С.А., 1983, с.74). Погребения салтовского горизонта III уверенно относятся к сер.IX в. – времени пребывания мадьяр в Северном Причерноморье. К этому же горизонту принадлежит и единственное степное салтовское погребение из Чистяково (Тахтай А.К., 1999; Комар О.В., 1999б), которое может быть связано с кабарам – хазарским племенем, восставшим против центральной власти Хазарского каганата и присоединившимся к мадьярам. Независимо от того, кому именно принадлежал Надьсентмиклошский клад, и когда были изготовлены его отдельные составляющие, факты, как минимум, его доработки ювелиром салтовской традиции и время попадания в землю не ранее “эпохи завоевания родины” венграми совершенно бесспорны.

Сомнений в том, что и авары имели собственные традиции изготовления металлических сосудов, конечно же, нет, но в VII в. речь идет только об очень простых формах и технике (Garam E., 2002, fig.1; 4; 8; 11; 13; 14; 22), не имеющих на самом деле ничего общего с изделиями Надьсентмиклошского клада и сложной византийской торевтикой. Более того, несмотря на массу сведений письменных источников о захвате аварами византийских сокровищ и выплате им дани в виде золотой и серебряной посуды, из многочисленных аварских погребений происходит всего несколько бронзовых византийских сосудов, обломок серебряного блюда из Тепе (Vida T., 2002) и серебряная чаша из славяно-аварского клада в Земянском Врбовке (Štefanovičova T., 1996, kat.5.193). Последний относится уже ко II средне-аварскому периоду и происходит из северной зоны расселения славянских племен Аварского каганата, поэтому к самим аварам клад вряд ли имеет отношение. Наличие у этой группы славян отдельного от авар “канала” отношений с Византией подтверждается присутствием в кладе 18 серебряных

⁴Источниками всех рисунков и фотографий предметов, выполненных другими авторами, но использованных нами при составлении таблиц, являются публикации, приведенные в тексте при первом упоминании соответствующего комплекса.

монет (милиарисиев и гексаграмм) Константина IV, неизвестных пока в аварских погребениях. Из самих аварских комплексов ранне- и среднеаварского периодов происходит пока только блюдо из Тепе. Оно сохранилось исключительно как серебряный лом, а вместо искомых следов реставрации на нем присутствуют только выразительные следы его грубого разламывания при, в целом, довольно неплохой сохранности самого фрагмента. Скорее всего, блюдо из Тепе все еще было в прекрасном состоянии, когда его просто разделили на четыре неравные части, как считается, при дележе захваченной аварами добычи (Дайм Ф., 2002, с.303).

К сожалению, точно не известно, не сделано ли это было уже находчиками комплекса, но у авар такое пренебрежительное отношение к византийским сосудам из драгметаллов могло иметь и определенную идеологическую подоснову. Выше мы уже упоминали об отдельной нагрузке металлической посуды у тюрков как социального маркера. Похоже, что и у авар серебряные и золотые сосуды были предметами значимыми, причем не только в социальном, но и в ритуальном смысле. Сохранившиеся в аварских комплексах высшего социального ранга металлические сосуды имеют *исключительно местные формы* (Garam E., 2002, fig.14; 22, B, C). Если это правило касалось не только погребальных комплексов, но и быта наделенных определенными сакральными функциями правителей, то принимать пищу и пить вино или воду из “чужих” сосудов аварской высшей знати попросту было нельзя по обычаям. Как параллель общего порядка можно вспомнить описанное Приском застолье у Атилы, на котором, в отличие от своих гостей, пользовавшихся золотой и серебряной посудой, Атила принимал еду на деревянном блюде и пил из деревянной чаши (Латышев В.В., 1948, с.259). Эта ситуация, воспринятая Приском как подчеркнутая скромность Атилы, на самом деле была данью древним традициям и ритуалам, гарантом соблюдения которых в кочевых обществах обычно и выступал верховный правитель. Возможно, следуя подобной традиции, аварская знать и была вынуждена ценить не богато украшенные византийские сосуды, а переплавленные из них скромные серебряные кувшины и кубки, а также обитые золотыми обкладками деревянные кувшины и чаши (Garam E., 2002, fig.11; 18; 19). Существовавшие мастерские, в таком случае, были ориентированы не на реставрацию византийских сосудов, а наоборот, на их переплавку и переделку в местные формы. Очевидно, именно поэтому огромные аварские добычи и византийская дань и остаются по сей день археологически трудноуловимы.

Совсем другую ситуацию мы наблюдаем в случае с блюдом епископа Патерна. Принадлежавшее

церкви г.Томи блюдо на первом этапе своего использования потеряло золотые медальоны. Перейдя каким-то образом к новому собственнику, блюдо было реставрировано: сначала его покрыли позолотой, затем на нем появились приклепанные золотые медальоны с крестами и гнезда со вставками. В таком виде блюдо интенсивно использовалось, о чем свидетельствует стертая местами позолота. Возможно, что уже в древности блюдо прохудилось, но также возможно и его повреждение при обнаружении, так как находчики попытались грубо выломать блюдо из земли.

Наиболее интересующий всех исследователей вопрос: каким образом попал к “перещепинскому” кочевнику этот предмет церковной утвари, не подлежащий ни продаже, ни дарению светским лицам?

Версию Й.Вернера о связи блюда с “христианством” Куврата (Werner J., 1984, S.29-38), пожалуй, отбрасывает уже одно наличие этого предмета в составе сокровищ варварского правителя, а тем более, в составе напутственного комплекса тюркского языческого обряда проводов. Попытка З.А.Львовой вновь привлечь к аргументации элементы христианской символики на перещепинских предметах (Львова З.А., 2002, с.39-43) также не может быть принята во внимание, поскольку присутствуют они исключительно на вещах византийского производства, что хорошо осознает и сама исследовательница, предлагая как компромиссный вариант ситуацию “притворного” христианства Куврата, оставшегося на самом деле тенгрианцем, но позволявшем исповедовать христианство отдельным приближенным из своей ставки (Львова З.А., 2002, с.37, 38). В таком случае, правда, остается непонятным, каким образом о “притворстве” Куврата не знали несомненно греческие священники, которым надлежало бы находиться в ставке и совершать богослужение? И второе, зачем язычники все-таки отняли у “кочевнической церкви” блюдо Патерна и положили его в “напутственный багаж” Куврата? Неужели сыновья Куврата таким образом “попросили” отца “забрать свое христианство с собой в могилу”, или же они просто позаботились, чтобы он мог в “Нижнем мире” самостоятельно проводить еще и христианские обряды?

Гораздо проще другой вариант объяснения – рассматриваемая нами группа кочевников элементарно захватила блюдо в одном из набегов на христианские страны.

Надпись об изготовлении блюда в 498 г. по заказу епископа г.Томи Патерна автоматически привлекает наше внимание к бурным событиям истории Подунавья, среди которых: и вторжения кутригуров 40-50-х гг VI в., и последующие сокрушительные аварские походы, продолжавшиеся до

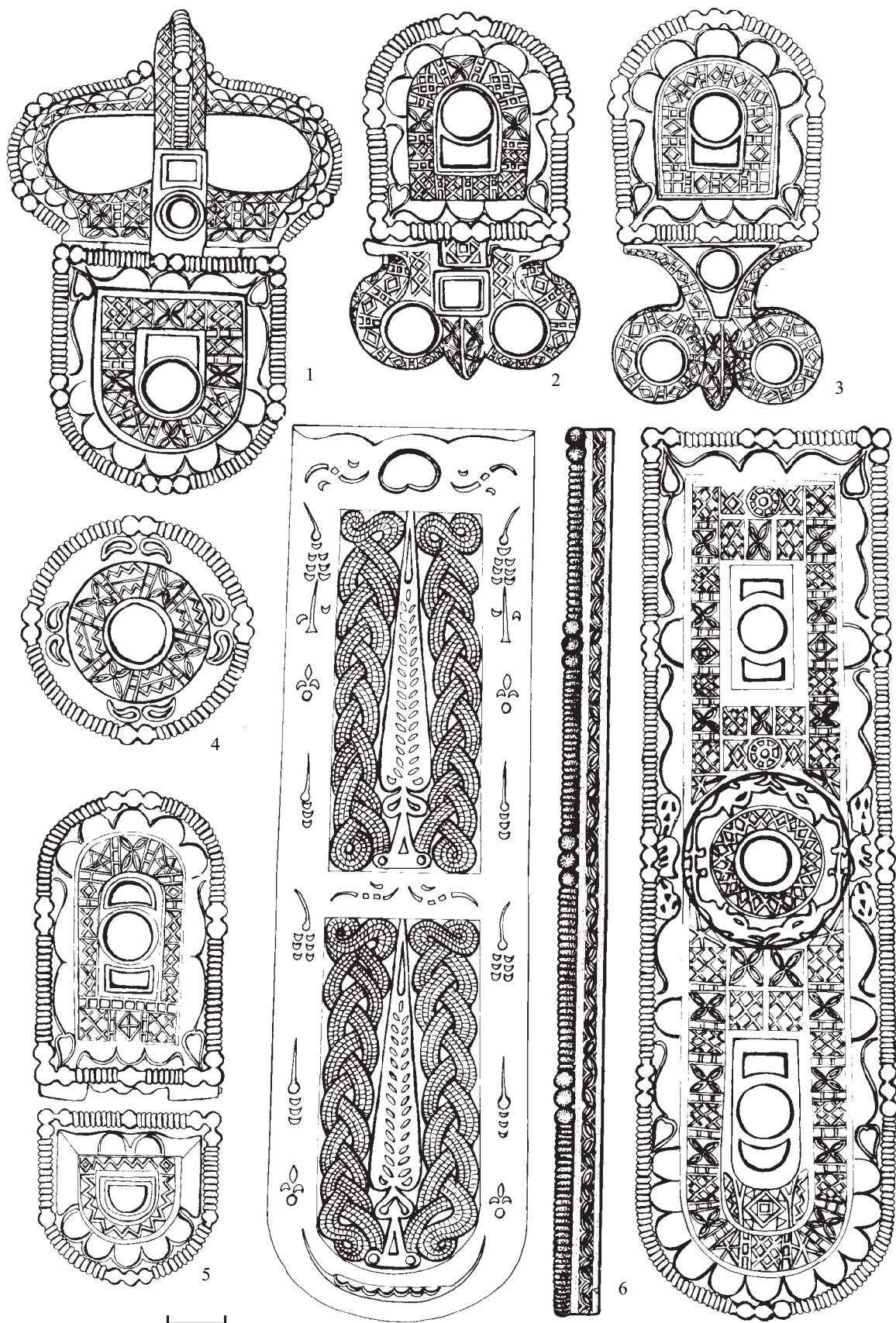

Рис. 6. Византийский подарочный пояс из Сирмия.
 Fig. 6. A Byzantine gift i.e. a belt from Sirmium.

626 г. З.А.Львова в связи с перещепинским блюдом обращала внимание также на факт использования церковных сокровищ Ираклием в 622 г для уплаты дани аварам (Чичуров И.С., 1980, с.169). Следует заметить, впрочем, что церковные сокровища в это время не только захватывались варварами, но и часто спасались благодаря своевременному их вывозу на безопасную территорию. Они, разумеется, не могли перейти в собственность частным лицам, но вполне могли быть переданными другим церквям, причем не только византийским. От 498 г до сер. VII в. блюдо Патерна могло неоднократно сменить место хранения, поэтому следует учитывать все возможные варианты, один из которых переключает наше внимание с Подунавья на другой регион.

Противостояние Византии и Персии в Закавказье вынуждало византийских императоров оказывать постоянную поддержку лояльным правителям Армении, Грузии, Албании, а также христианским церквям этих стран. Наряду с материальной поддержкой, византийцы также часто передавали и мощи святых. Подобные акты становились обычно поводом для постройки новых церквей (разумеется, православных), для которых с византийскими дарами поступали дорогие элементы отделки, церковная утварь (Никоноров А., 2004). Именно таким путем могло попасть в Закавказье и блюдо Патерна. Наиболее вероятные периоды, когда это могло произойти: кон. VI в. – время войны Византии и Персии в Закавказье, в которой важная роль отводилась Армении; эпизод войн 622-630 гг, когда Ираклий лично возглавлял кампанию в Закавказье; и 40-50-е гг VII в., когда его политику в отношении закавказских церквей продолжил Константин II (Никоноров А., 2004). Время Ираклия интересно сразу по нескольким причинам. Во-первых, учитывая сложные отношения византийской церкви и монофизитов, передача мощей и церковной утвари закавказским церквям в основном связана с деятельностью Ираклия и патриарха Сергия, пытавшихся объединить церкви под учением монофизитства (Успенский Ф.И., 2001, т.2, с.67-69), а также позже Константа II. Во-вторых, с именами Ираклия и Сергия связан известный эпизод собирания церковной утвари 622 г, который И.С.Чичуров связывал с уплатой дани “варварам” (Чичуров И.С., 1980, с.169).

Ситуация 622 г на самом деле была гораздо сложнее, поскольку договор с аварами был лишь частью подготовки Ираклием грандиозной персидской кампании. После завоевания персами Иерусалима этот поход перерос из разряда чисто военных кампаний в разряд событий религиозных (“возвращение гроба Господня”), что и подтолкнуло патриарха Сергия пожертвовать часть сокровищ храма св. Софии на военные нужды. Его примеру последовали столичные и провинциальные епископские хра-

мы (Успенский Ф.И., 2001, т.2, с.41). Среди подобных пожертвований вполне могли оказаться и дары епископа г.Томи, отдавшего старое блюдо епископа Патерна. Но речь, разумеется, шла не о буквальном использовании церковной утвари для выплат войскам и аварам, а лишь о ее *переплавке* для чеканки монет. Об этом совершенно ясно говорит Феофан: “По недостатку в деньгах он [Ираклий] занял их из богатых домов, взял также из великой церкви паникадила и другие церковные сосуды, перелил в крупные и мелкие деньги” (Оболенский В.И., Терновский Ф.А., 1884, с.227). Поэтому в 622 г, вопреки предположениям, никакой церковной утвари к аварам или другим варварам непосредственно от византийцев попасть не могло.

Поступить в качестве дара она могла только церквям Армении, Албании и Грузии – христианских стран, которые византийцы активно пытались склонить к халкидонитству. В Армении еще в 591 г в противовес монофизитскому католикосату Двина византийцами был учрежден халкидонитский Аванский католикосат. Его ликвидировал Хосров II в 604 г, а в 609 г на Двинском соборе армянские епископы осудили халкидонитское учение. Иная ситуация сложилась в Грузии, где благодаря деятельности католикоса Кириона I (595-610 гг) халкидонитство пустило глубокие корни. В противостоянии армянской и грузинской церквей Албания больше склонялась в сторону грузинского пути, не исповедуя догматически монофизитство. Во всяком случае, на Персидском соборе 612/613 гг среди халкидонитов находился даже убежденный монофизит католикос Албании Виро, ставший во время вторжения хазар в Албанию в 628-630 гг фактически главой албанцев, а новый албанский князь Варраз-Григор принял крещение от Ираклия, формально объединив церкви (Шагинян А.К., 2003, с.61-63; Никоноров А., 2004). Какую конкретно форму поддержки “лояльных” церквей при этом практиковали византийцы, в деталях, конечно, не известно, но именно с этими эпизодами и связано усиление византийского влияния в материальной культуре церквей стран Закавказья в 1-й трети VII в.

Техника реставрации и золочения блюда Патерна выглядит несколько грубоватой для Византии, но она вполне допустима для мастеров Закавказья. Интересно, что технологически реставрированная амфора близка к золотой чаше (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.24), имитирующей сасанидскую, которая, по мнению Б.И.Маршака, изготовлена именно в Закавказье (Залеская В.Н. и др., 1997, с.127). Закавказская локализация искомым нами “реставрационной” мастерской снимает проблему сочетания христианства и ювелирной техники, более грубой по сравнению с византийской. Объяснимым в данном случае становится и механизм попадания блюда

Патерна и амфоры к кочевникам: последние вполне могли захватить анализируемые предметы во время масштабного разграбления хазарами Закавказья в 627-630 гг или 684/685 гг, когда их вторжение затронуло все три христианских страны: Грузию, Армению и Албанию, а также во время отдельных вторжений в Албанию (662, 665, 680 гг). Албанские источники действительно упоминают увиденные у хазар в 629 г “серебряные кубки и сосуды для питья с резьбой, целиком (отделанные) золотом, которые принесены были ими из тбилисской добычи” (Артамонов М.И., 2002а, с.170). В данном случае особо следует подчеркнуть технологическую деталь, связывающую упомянутый отрывок с блюдом Патерна, – золочение серебряной посуды.

2.2.2. Византийские изделия “варварского” стиля

Группа вещей, изготовленных византийскими мастерами специально для варваров, наиболее основательно выделена в составе перещепинского комплекса и описана З.А.Львовой (группа I) (Залеская В.Н. и др., 1997, с.68-71; Львова З.А., 1996). В нее входят меч с кольцевым навершием (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.25) (рис.3, 10, 11), поясной набор с псевдопряжками (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.30-37) (рис.3, 2-4, 6-8), два наконечника (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.28, 29), золотой ритон (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.26), часть деталей обивки неизвестных предметов (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.27, 38), а также украшения сбруи (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.48-53), занимающие, по мнению З.А.Львовой, промежуточное положение между группами I и II.

Дискуссию о центре производства данного комплекта не все исследователи считают завершенной, хотя византийская принадлежность мастерской стала очевидной уже после открытия греческих букв на обратной стороне обкладок рукояти меча (Львова З.А., Семенов А.И., 1985, с.79; рис.3). Локализацию еще больше упрощает наличие в составе поясного набора большой золотой пряжки константинопольской работы (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.8) (рис.3, 1).

Слишком жесткий метод отбора поясных деталей З.А.Львовой, основанный исключительно на их технологическом сходстве, заставил исключить пряжку из набора с псевдопряжками (Залеская В.Н. и др., 1997, с.70, 71) и объединить его с наконечником кат.9 (рис.3, 12). Стилистическая и технологическая близость наконечника и пряжки неоспорима, но сомнения в их принадлежности одному поясу у нас возникли уже при одной попытке оценить степень изношенности пряжки. Судя по

состоянию сохранности вставок, пряжка и наконечник использовались очень интенсивно или просто долго. В этих условиях наконечник должен оставить на рамке множество царапин и быть не менее поцарапанным и даже деформированным. Но поцарапанный участок рамки меньше по ширине толщины наконечника, грани же самого наконечника вообще не пострадали. И это при том, что наконечник еле втискивается, фактически не проходит в рамку пряжки! На одном ремне с пряжкой кат.8 он однозначно мог находиться разве что как один из наконечников дополнительных свисающих ремешков, но это только поднимает другую проблему.

Византийские пояса VII в. были наборными, богато украшенными бляшками, наконечниками и дополнительными ремешками. Само предположение о том, что широкий пояс со столь великолепной пряжкой мог быть абсолютно “голым”, вызывает удивление, других же технологически комплектных пряжке деталей в Перещепине нет. Наконец, в аналогичном наборе из Кунбабоня большая византийская пряжка сочеталась с теми же поясными деталями, что и в Перещепине, при отсутствии любой другой поясной пряжки или деталей, комплектных пряжке технологически. “Изъяв” по технологическому признаку поясные пряжки также из наборов в Кунбабоне, Кунаготе и Озоре, З.А.Львова предположила, что это является специфической деталью погребального обряда (Залеская В.Н. и др., 1997, с.46, 49, 50). Но во всех трех комплексах поясные пряжки *есть*, и то, что все они выполнены в другой технологической традиции, чем поясные бляшки, является определенной закономерностью, нуждающейся в объяснении.

Мастер, изготовивший перещепинский поясной набор, конечно же, не делал пряжку, скорее всего, перед ним наоборот стояла задача сделать к уже готовой византийской пряжке поясной набор варварского облика. То же касается и кунбабоньского пояса (рис.4). В Озоре и Кунаготе к византийскому набору прессованных золотых бляшек (рис.34, 1-11) прилагались серебряная позолоченная и бронзовая посеребренная пряжки аварского облика (рис.33, 7, 10). В погребении 1928 г из Игара наоборот к византийской серебряной позолоченной пряжке был сделан набор золотых прессованных поясных деталей с декором в близкой стилистике, но все же уже “варварской” (Fettich N., 1929, tabl. IX, 1-14; Garam E., 2001, taf.XXXVII, 2). В п.696 Будакалаш-Дунапарта похожая бронзовая позолоченная византийская пряжка сочеталась с набором литых серебряных, инкрустированных золотом, деталей, декорированных в совсем другой геометрической манере (Vida T., Pastor A., 1996). А в п.16 Кестхей-Фенекпушты к серебрянной византийской пряжке добавили “византиноидный” местный по-

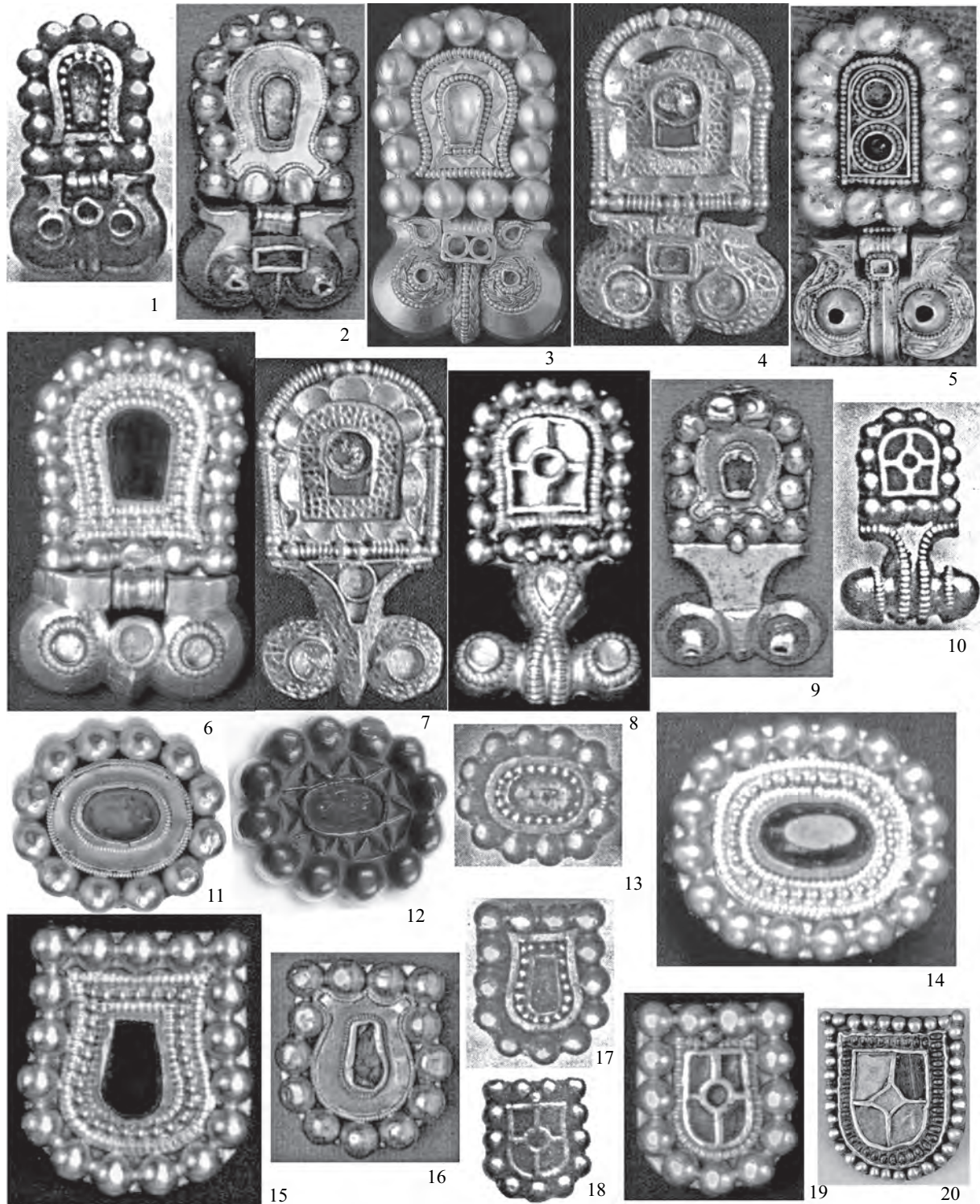

Рис. 7. Детали поясов: 1, 10, 13, 17, 18 – Боча; 2, 9, 11, 16 – Перещепина; 3 – Тече; 4, 7 – Сирмий; 5 – Келегеи; 6, 8, 14, 15, 19 – Кунбабонь; 12 – Венгрия; 20 – Портовое. Масштаб разный.

Fig. 7. Parts of belts: 1, 10, 13, 17, 18 – *Bocsa*; 2, 9, 11, 16 – *Pereshchepina*; 3 – *Tepe*; 4, 7 – *Sirmium*; 5 – *Kelegei*; 6, 8, 14, 15, 19 – *Kunbabony*; 12 – *Hungary*; 20 – *Portovoie*. A scale is different.

ясной набор (Garam E., 2001, taf.XXX, 3). Пожалуй, только пояс из пограничного Сирмия (Porović I., 1997) (рис.6) оснащен пряжкой, сделанной в той же мастерской, но это, как видим, скорее, исключение из правил.

Чем же объясняются пояса с византийской пряжкой, но деталями “варварского” стиля и наоборот, с византийскими деталями, но “варварской” пряжкой? Объяснение, несомненно, надо искать в семантике собственно византийских поясов. Й.Вернер считал, что большая пряжка из Перещепины является символом патрицианского титула (Werner J., 1984, S.40-42). Но И.Божилев и Д.Димитров возразили, уточнив, что поясом наделяли только *должностных лиц* (Божилев И., Димитров Х., 1995, с.33). Параграф 23 „Книги эпарха” гласит, что за нарушение установленного порядка эпарх “будет лишен пояса и звания”. С этим согласуются данные Иоанна Эфесского, на которые обратила внимание В.Б.Ковалевская, – отстранение патрикия Маврикия от должности было совершенно срезанием пояса (Ковалевская В.Б., 2000, с.214). По словам Прокопия Кесарийского (НА, XIV, 8), при ревизии годных к военной службе солдат у непригодных и состарившихся гвардейцы отнимали пояса (Прокопий Кесарийский, 1993, с.396). Другой известный эпизод из книги Феофилакта Симокатты (Кн. VI, 4-18) рассказывает о том, как константинопольский ювелир заподозрил в краже императорского телохранителя, гепида по происхождению, и тем раскрыл убийство. Основанием послужило то, что переданные ему на переплавку детали золотого пояса, снятого с убитого члена императорской свиты, “были сделаны замечательно”, а “форма сгибов обличала высокое положение владельца”, которое не согласовывалось с “варварской внешностью” гепида. Оправдываясь, гепид заявил, что пояс был захвачен им во время битвы у сына лангобардского царя (Феофилакт Симокатта, 1996, с.174-175).

Как видим, значение пряжки и поясных деталей у византийцев было действительно разным: в то время как пряжка указывала на *должность* собственника пояса, техника изготовления и форма поясных бляшек отображали его *происхождение и положение*. Пояс, в целом, определял статус человека, но только в комбинации с другими инсигниями или внешними признаками, в первую очередь, одеждой. Рассказывая о грабежах и бесчинствах стасиотов в Константинополе, отнимавших у встречных “и одежду, и пояс, и золотые пряжки, и все прочее, что у них было”, Прокопий Кесарийский (НА, VII, 15-18) замечает: “По этой причине большинство людей впредь стало пользоваться медными поясами и пряжками и носить одежду много хуже той, что предписывал их сан” (Проко-

пий Кесарийский, 1993, с.338, 339). Но о том, что не всякий золотой пояс свидетельствовал о знатности, говорит история со св.Феодором Сикеотом. Его мать была гетерой и собственницей гостиницы на важной “императорской дороге”. Тем не менее, отправляя сына на службу в столицу, она сумела купить для него дорогую одежду и золотой пояс (Сорочан С.Б., 2001, с.270). Этот эпизод еще раз подчеркивает связь золотых поясов со службой в государственном аппарате, а не знатностью, но, повторимся, о положении его собственника свидетельствовали *техника изготовления и форма деталей* пояса.

Частные эргастрии золотых и серебряных дел мастеров (хрисохоев и аргиропратов) располагались в Константинополе на главной улице столицы рядом со Священным дворцом и храмом св. Софии (Сорочан С.Б., 2001, с.215). Эта зона расположения самых дорогих лавок и мастерских охранялась специально нанятой стражей, которой в случае необходимости могла помочь и стража дворца. Поскольку хороших мастеров-хрисохоев было немного, а их эргастрии располагались рядом, они должны были хорошо знать “почерк” друг друга, а также всех влиятельных заказчиков. Тем более интересным становится упомянутый выше эпизод с гепидом-убийцей, в котором ювелир столкнулся с изделиями мастера *не своего круга*, более того, при немедленном судебном разбирательстве ни один из ювелиров не опознал пояс убитого юноши, сделанный явно не так уж и давно, что и воодушевило гепида на рассказ об убитом им в битве внебрачном сыне *лангобардского царя*.

Напрашивается вывод, что как дипломатические дары, так и “ранговые” пояса членов императорской свиты и высших сановников изготавливались в закрытых придворных мастерских – т.н. государственных корпорациях (Δημοσία Σωματεία), где работали зависимые ювелиры, которым запрещалось менять свою профессию и место работы (Чекалова А.А., 1986). Остальную константинопольскую знать обслуживали свободные ювелиры Аргиропратии, а провинциалы были вынуждены довольствоваться услугами местных ювелиров, хотя, следует отметить, государственную службу могли нести только столичные аргиропраты. Явное стремление подчинить государственному контролю весь рынок предметов роскоши, а также четкие регламентации в законодательстве относительно использования “знаковых” элементов в оформлении одежды, поясов, сбруи, украшений и месте их производства (Codex Justinianus, XI, 11) позволяют нам согласиться с мнением В.Б.Ковалевской, что производство золотых поясов в Византии было поставлено под контроль государственного аппарата (Ковалевская В.Б., 2000, с.214).

Великолепные золотые пояса типа перещепинского, вне всякого сомнения, – работа государственных столичных ювелиров. Их изготовление для вождей и знати кочевников могло быть санкционировано только на высшем, пожалуй, императорском уровне. О существовании же в Византии VII в. независимых мастерских, “специально работающих для кочевнической знати” (особенно аварской!), которое часто безапелляционно предполагается археологами, в реальности не может идти и речи в свете византийского законодательства, жестко поставившего под государственный контроль ювелирное и оружейное ремесло. Заказ поступал только со двора и однозначно “дворцовым ремесленникам” (*artifices palatini*), а потребности двора в подобных заказах определялись исключительно соображениями дипломатов. В этом контексте сочетание в заказном поясе византийских и варварских элементов делалось намеренно, подчеркивая варварское происхождение собственника.

Византийские пояса из Кунаготы и Озоры сообщали византийцу о знатности носивших их лиц, но пряжка сразу выдавала варвара, не находящегося на византийской службе, т.е. потенциально врага. Эта предосторожность была не лишней, поскольку обилие на службе у Византии военачальников варварского происхождения и варваров-федератов могло бы стать причиной фатальных недоразумений во время вероятного военного конфликта с аvarами. “Варварский” вид пряжек из Кунаготы и Озоры вообще подталкивает к предположению, что византийские пояса были посланы аvarам без пряжек, добавленных местными ювелирами. Судя по наличию позолоченных бронзовых копий, пряжка из Игара к “должностным” не относилась, поэтому этот аvarский пояс даже с византийской пряжкой воспринимался как варварский. То же касается и серебряного пояса из Кестхей-Фенекпушты. Что же означали пояса с несомненно ранговыми пряжками из Перещепины и Кунбабоня? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать ниже, рассмотрев примеры дипломатических контактов с кочевниками, а также весь комплекс перещепинских предметов группы I, по З.А.Львовой, и их аналогии.

В комплексах келегейского типа аналогии предметам из группы I, по З.А.Львовой, находят только псевдопряжки. Впрочем, псевдопряжки из Келегеев можно считать только приближенной ана-

логией (рис.3, 5; 7, 5). Их рамки литые, технологически в целом схожи с перещепинскими, но щитки – всего лишь подражание, выполненное в технике горячей прессовки при помощи матрицы, отлитой с оттиска разобранных деталей оригинальной псевдопряжки. Скорее всего, также оттиск представляла собой и литейная форма для рамки. На ней наблюдается имитация плетенки из скани, наведенная мастером при помощи резца, в то время, как на псевдопряжке из Тепе (рис.7, 3) скань настоящая. Келегейские рамки вылиты непосредственно по оттиску, а при помощи оттиска щитка вылили лишь матрицу. Прессованное подражание закономерно оказалось несколько крупнее оригинала. При компоновке деталей это дало небольшую диспропорцию ширины рамки и щитка, хотя на всех известных оригинальных псевдопряжках щиток в месте соединения всегда совпадает по ширине с рамкой. Судя по характерной технике исполнения имитирующего зернь проволочного бордюра (наличие “экватора”), сделана копия была ювелиром византийской выучки, впрочем, той же техникой владел и мастер, изготовивший несомненно варварский комплект ювелирных изделий из Глодос (Bühler B., 2002).

Наиболее близкие по форме и технике исполнения перещепинским детали происходят из богатых аvarских комплексов Бочи и Кунсентмиклош-Бабоня⁵ (рис.4, 5, 7), причем речь идет не только о поясе, но и о мече и ритоне, что, по мнению З.А.Львовой, свидетельствует о принадлежности их к набору дипломатических даров, выполненных “специальной постоянно функционирующей византийской мастерской, изготавливающей подарки для варваров” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.68-71, 137). В комплекте, на наш взгляд, не хватает еще одного предмета – колчана, имеющего во всех трех комплексах совершенно одинаковую конструкцию. Каркас перещепинского колчана (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.87) выполнен вполне в технике изделий группы II, по З.А.Львовой, но дополнен пластинами с пальметтами, относящимися к группе V (рис.26, 7). Как показал технический анализ, пластины на самом деле были вмонтированы туда позднее и в первоначальном виде отсутствовали (Залеская В.Н. и др., 1997, с.80). От аvarских каркасов колчана отличает только наличие орнаментальной “косички”, но это отличие не существенно, поскольку данный прием хорошо известен и на

⁵ З.А.Львова считала пояс из Кунбабоня лишь “приблизженной культурно-стилистической аналогией” перещепинскому, исходя из представления о цельнолитом “жемчужнике” первого (Залеская В.Н. и др., 1997, с.70, 146). Мы не располагаем рентгенограммами упомянутых деталей, но даже при визуальном осмотре пояса эту версию пришлось отбросить. Характер вмятин, хорошо заметных на большинстве деталей, а также пропорциональность соотношения размеров и веса перещепинских и кунбабоньских деталей, однозначно свидетельствуют о полом “жемчужнике” кунбабоньского пояса. К такому же выводу пришла и Б.Бюлер.

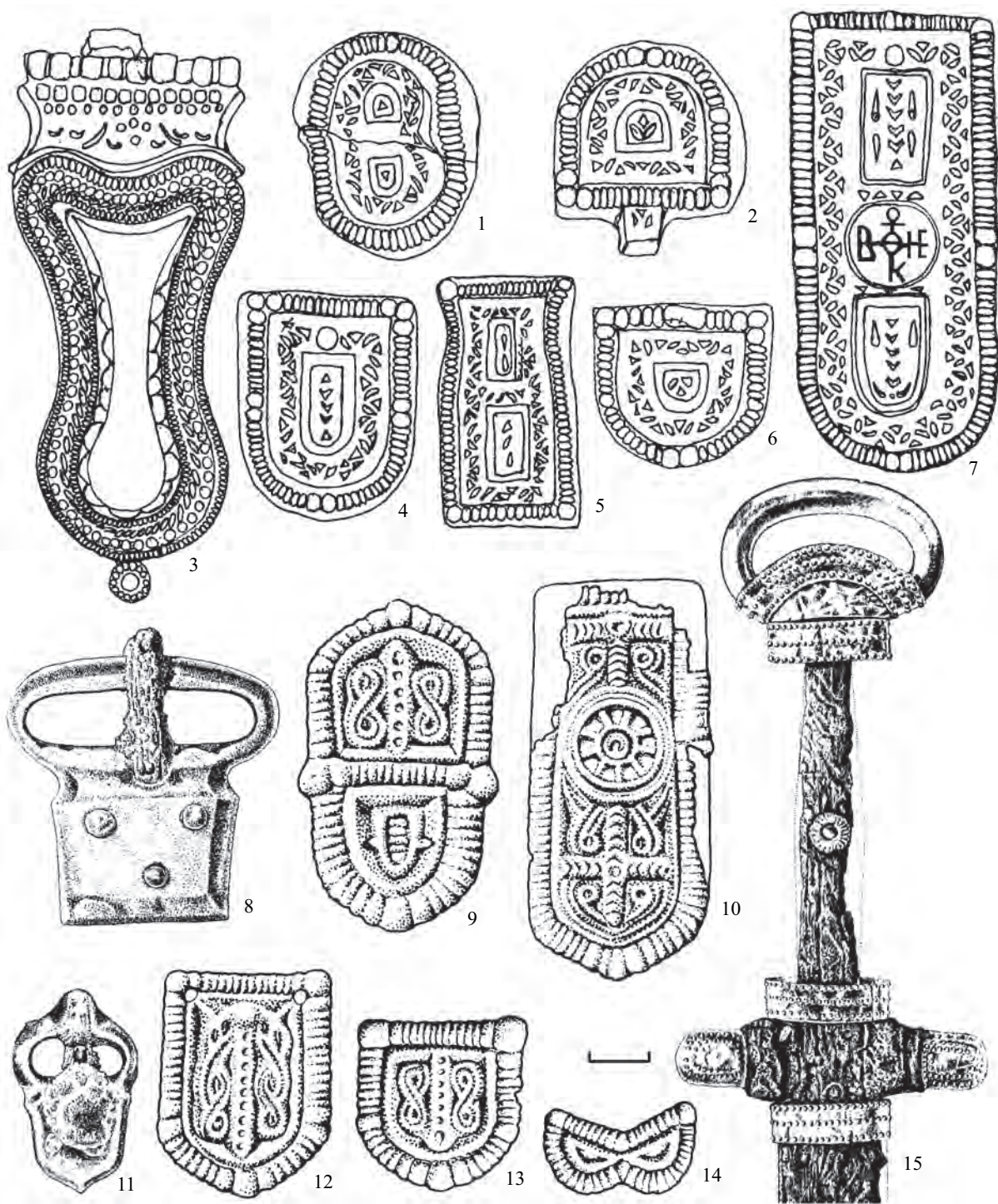

Рис. 8. Детали поясов и оружие из Мерсины (1-7) и Кечкемета (8-15).
 Fig. 8. Parts of belts and weapon from Mersina (1-7) and Keckemet (8-15).

византийских изделиях. В Перещепине в комплект также должны входить украшения сбруи (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.48-53); в Кунбабоне же к нему однозначно относятся ножны ножа и золотая кружка (Toth E.H., Horvat A., 1992, Fb.Taf.7; 9), ви-

зантийское происхождение которой выдает и техника отжимки на станке, и поясok перегородчатой инкрустации на шейке (рис.17, 4), а также бляшка с инкрустацией от неизвестного предмета (Toth E.H., Horvat A., 1992, Fb.Taf.2).

Если перед нами действительно дипломатические дары, нужно ответить на два важных вопроса. Первый – чьи вкусы они должны были удовлетворять, и второй – их знаковая семантика.

Ответ на первый вопрос, несомненно, лежит в области поисков прототипов формы и стилистики оформления вещей. Даже поверхностный взгляд на стилистику рассматриваемого комплекта убеждает в его эклектичности и, в определенном смысле, даже нетипичности для культуры кочевников. Ни авары, ни восточноевропейские кочевники не пользовались в 1-й пол. VII в. парадными мечами с кольцевым навершием и такого типа петлями ножен (рис.3, 10, 11; 4, 14, 15; 5, 18, 19; 38, 1-4). В Восточной Европе перещепинский меч просто является единственной находкой, у авар же все известные экземпляры или носят выразительные признаки византийского изготовления, или являются их грубыми подражаниями.

По одним чертежам и в одной технике, очевидно, просто в одной мастерской, выполнены мечи из Бочи и Кунбабоня. Интересно, что, пытаясь создать индивидуальный декор каждого из мечей, мастера инкрустации, тем не менее, пользовались набором вставок одних размеров. Вследствие этого вставки, подошедшие без проблем для напаянных гнезд петель ножен кунбабоньского меча, оказались слишком высокими для петель из Бочи, украшенных в стиле *cloisonne*. Чтобы выйти из положения, ювелир прорезал отверстия в нижней пластине под каждую вставку так, что последние оказались “утопленными”. Мечам из Бочи и Кунбабоня очень близок меч из Надькереша (Awaren in Europa ..., 1985, Abb.21). Конструкция и техника исполнения петель ножен у него полностью аналогична мечу из Кунбабоня, но ромбовидные гнезда здесь выполнены под стиль *cloisonne* (все вставки ныне отсутствуют, возможно, их и не было изначально). В этом же стиле оформлены и выступы перекрестья, хотя сюжет декора иной, чем в Боче и Кунбабоне. Это – несомненно византийская работа, но другой мастерской или той же, но из другой “серии” заказов, поскольку форма петель ножен надькерешского меча ближе петлям из Ченгеле и Кунаготы. Большинство остальных аварских находок мечей с кольцевым навершием являются уже подражаниями. Наиболее поздний и отдаленный вариант – это меч из Кунаготы с тисненными античными сюжетами декора (Laszlo G., 1955, pl.LIX, 1). Гораздо проще мечи из Кецелея, Кечкемета, Вышеграда. Не обладающие достаточной квалификацией мастера, тем не менее, пытались хотя бы визуально симитировать декор византийских оригиналов. В Кецеле (Laszlo G., 1955, pl.LI; LI), например, наколотые на пластинке и вырезанные треугольники и ромбики “зерни” просто напаяны на нижнюю пластину пе-

тель ножен. Простыми наколами декорированы обкладки меча из Кечкемета (Toth E.H., 1980) (рис.8, 15). Обкладки же меча из Вышеграда (Awaren in Europa ..., 1985, Abb.19) вообще практически лишены декора и сделаны в строгом “гладком” стиле раннеаварских мечей. Здесь мы имеем дело с явным случаем пресловутого возникновения моды путем копирования “престижных” вещей.

Отделка перещепинского меча гораздо богаче всех известных на сегодня аварских аналогий при использовании, в целом, одинаковой техники исполнения отдельных деталей с мечами из Бочи и Кунбабоня. Здесь, очевидно, просто имело место намеренное создание более роскошного варианта. На наш взгляд, к ремням этого меча относятся выполненные точно в стиле обкладок выступов перекрестья пряжка и наконечник (кат.101, 102) (рис.33, 5), а также, возможно, и ременная обойма (кат.46). Стилистически едины с обкладками рукояти и ножен также зерненные наконечники (кат.28, 29) (рис.19, 1), которые не имеют никаких комплектных поясных деталей и, скорее всего, принадлежали декоративным подвесным ремешкам портупеи.

З.А.Львова и Б.И.Маршак отмечают прототипы мечей с кольцевым навершием (рис.38, 1-4) в Северном Китае и согдийской живописи 3-й четв. VII в. Афрасиаба (Залесская В.Н. и др., 1997, с.70). Мечи и кинжалы с кольцевым навершием известны также в Коре в V-VI вв. (Świątoslawski W., 2001, rys.2, A, C), а во 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в. – на согдийских фресках Пенджикента (Беленицкий А.М., 1973, с.21, 32; табл.28), Варахши (Амброз А.К., 1986, рис.1, 27), Фундукистана (Balint Cs., 1978, fig.6, 2), в живописи Восточного Туркестана и на тюркском изваянии из Арыксай (Восточный Туркестан ..., 1995, табл.49, 5, 6, 18, 23) (рис.9, 1, 2). Археологических аналогий в Согде, к сожалению, пока не известно, но, судя по распространенности этого типа оружия в живописи, именно согдийские образцы и были взяты за основу при создании мечей с кольцевым навершием рассматриваемого подарочного комплекта. Теоретически аварскими прототипами петель ножен мог бы быть экземпляр из п.5 Кишкёрош-Вагохид (Laszlo G., 1955, pl.IV, 16), но погребение однозначно не ранее Бочи, т.е. это – обычная имитация. Точные же аналогии фигурным петлям ножен известны в живописи Афросиаба, дающей одновременно четкую дату их бытования в Согде – 3-я четв. VII в. (Арджанцева И.А., 1987) (рис.9, 3). А вот отделка грануляцией и вставками скорее имитирует богатый декор сасанидского оружия, также к сасанидской стилистике относятся и наконечники портупеи (кат.28, 29) (Balint Cs., 1978, fig.4, 1; 8).

Следующий предмет комплекта – поясные наборы – также эклектичен. Византийские мастера не

стали выдумывать отдельного “варварского” типа поясных пряжек и просто использовали более, чем респектабельные, массивные золотые пряжки – знаки рангов высших должностных лиц. Но к ним пришлось добавить поясной набор варварского облика, установить причины выбора прототипа которого, – задача сложная, но интересная.

Поясные наборы с псевдопряжками, также как и мечи с кольцевым навершием, вряд ли использовались кочевниками до момента попадания к ним рассматриваемых византийских даров. Наиболее очевидно это для авар, псевдопряжки у которых лишь подражают богато декорированным “каганским”. Это касается и непосредственных подражаний типа Папа-Урдомб – Пакапушта (Garam E., 2000, fig.5; 6), и более простых типа Кёрнье (Salomon A., 1969, Abb.5), где сохраняется имитация круглых вставок на рамках. Редкий же для авар экземпляр псевдопряжки без декора из Чагашёга (Awaren in Europa ..., 1985, Abb.48) варианта 16, по И.О.Гавритухину (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.33), является безусловным импортом из региона Поволжья-Приуралья, хотя тут более распространены щитки в виде “рыбьего хвоста”. Подражания инкрустированным золотым псевдопряжкам известны также на Северном Кавказе (Balint Cs., 1992, taf.16) и Дону (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.47, 31), т.е. фактор влияния моды рассматриваемых византийских наборов надо учитывать для всей Юго-Восточной Европы.

Псевдопряжки отсутствуют в составе геральдических поясов у наиболее многочисленной группы восточноевропейских кочевников VII в. – северо-причерноморской, не известны они и в погребениях Нижнего Поволжья. В комплексе из к.16 Наташино (рис.46, 27, 28) находился набор из четырех одинаковых пряжек, напоминающий набор с псевдопряжками, но все же принципиально отличный своей функциональностью. Найдены псевдопряжки только в одном подкурганном погребении на Нижнем Дону (сообщение А.А.Иванова), а также в двух погребениях восточноприазовской группы – Чапаевском и Малаях (Атавин А.Г., 1996) (рис.45, 4, 5), т.е. можно условно говорить о локальности этой моды у кочевников. На востоке – это поздний тисненый пояс из Борижар (Нурмуханбетов Б., 1969, табл.1, 2), также прессовка – поясной набор из пещеры на р.Чибижек в Минусинской котловине (Кызласов И.Л., 1999, рис.12, 1-4). В м.8 Кудыргэ прессованные подражания приуральским псевдопряжкам со щитком в виде “рыбьего хвоста” находились на сбруйных ремнях (Гаврилова А.А., 1965, табл.XIV, 9, 10). При этом все псевдопряжки принадлежат к уже финальным, чисто декоративным типам, что говорит о их безусловном *заимствовании* из другой культурной среды.

Истоки моды, несомненно, следует искать в культурных ареалах, где бытовали псевдопряжки 4-го и 5-го типов, по И.О.Гавритухину (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.33, 34). Поискам именно в этом направлении и посвящена одна из последних работ исследователя (Гавритухин И.О., 2001г), анализирующая и суммирующая наработки предшественников, а также новые находки. Согласно гипотезе И.О.Гавритухина, появление поясов с подвесками и псевдопряжек в Восточной Европе связано с военной активностью I Тюркского каганата, а носителями моды, в первую очередь, были тюркюты и зависимые от них племена. Постулируемая исследователем жесткая связь между появлением псевдопряжек и многочисленных поясов на самом деле не очевидна. Как показал обзор Ч.Балинта (Balint Cs., 2000), пояса с дополнительными ремешками у византийцев и персов известны уже в VI в. Ранние византийские пояса “геральдического” стиля с дополнительными ремешками синхронны поясам стиля “Суцидава” (Айбабин А.И., 1999, рис.44; Csallany D., 1961, taf.XXV, 14). При этом у кочевников Северного Причерноморья 2-й пол.VI – нач.VII в. использовались пояса только с одной византийской пряжкой, без подвесок и накладок (Комар О.В., 2002а, с.7), хотя влияние культуры кочевников I Тюркского каганата здесь уже ярко проступает в погребении из Суханово украшениями стиля Морской Чулэк – Шамши (Приходнюк О.М., 2001, рис.26). Пояса с одной пряжкой находились и в наиболее ранних погребениях могильников аваро-гепидского круга (Гавритухин И.О., 2001в, с.97), т.е. европейские кочевники опаздывают, по сравнению с Византией, во времени начала использования поясов с дополнительными ремешками.

Было ли это следствием интенсивных контактов Византии с тюрками или нет – пока остается неизвестным, связь же поясов с дополнительными ремешками и псевдопряжек у самих тюрков вообще представляется нам ошибочной. Пояс из к.394 Алтыназара (Левина Л.М., 1996, рис.134), положенный И.О.Гавритухиным как опорный в систему эволюции псевдопряжек на востоке (Гавритухин И.О., 2001г, с.57), отличается важной деталью – дополнительные ремешки подвешивались к пряжкам, имевшим, на самом деле, не декоративное, а *функциональное* значение. В п.1 к.454 Алтыназара к поясу были привешены в кожаных чехлах: кинжал, нож, ложка, точильный камень, серебряный пенал, кочедык (Левина Л.М., 1996, с.219; рис.137). Свободными остались только два ремешка, один из которых (с Т-образными бляшками), скорее всего, предназначался для сабли. Состав “нужных” предметов на поясе кочевника варьировался в зависимости от ситуации, причем каждый из предметов имел на поясе определенное место, которое

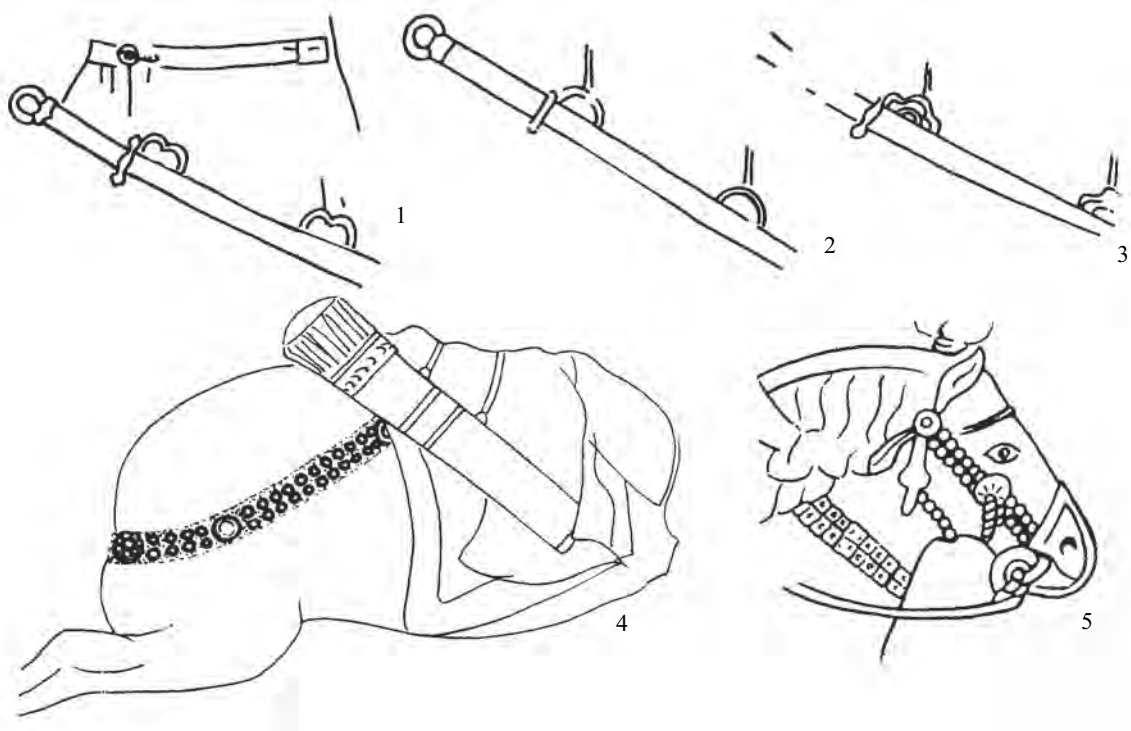

Рис. 9. Изображения мечей и сбруи в согдийской живописи и торевтике: 1-3 – *Afrasiab*; 4 – *Varakhsha*.

Fig. 9. The images of swords and harness in Sogd painting and toreutic art: 1-3 – *Afrasiab*; 4 – *Varakhsha*.

в случае отсутствия надобности в данный момент в предмете, могло быть занято декоративным ремешком “парадного” варианта пояса. Пояс из п.1 к.494 уже поздний, поэтому ремешки несъемны, и к ним уже прикреплены декоративные накладки. В более раннем же к.394 остается свобода выбора: к каждой пряжке можно было подвесить или ремешок с декоративным окончанием, или предмет. Конструкция такого пояса идеально приспособлена к потребностям пастуха-скотовода, пребывающего целый день в движении вместе со своим стадом и поэтому вынужденного носить все наиболее нужные вещи с собой. То же касается и лесных охотников, которыми в VII в., как и сейчас, была, как минимум, северная часть алтайских тюрков. На самый простой полотняный пояс предметы привязывались кожаными ремешками (Вайнштейн С.И., 1972, рис.20; 1991, рис.84). Классический же кожаный пояс тюрков VIII-IX вв., доживший в различных вариациях практически до наших дней, имел большое количество прорезей, укрепленных от разрыва металлическими бляшками (Кубарев В.Д., 1984, рис.7). В эти прорези продевались тонкие кожаные ремешки подвесных предметов, расположение и количество которых на поясе можно было легко варьировать. Тюркский пояс – вещь сугубо функциональная, поэтому независимо от его “па-

радности” или “повседневности”, пояс всегда был готов к использованию.

Замена функциональных пряжек на псевдопряжки означала принципиальное непонимание кочевнического пояса. Свободные пряжки парадного варианта воспринимались соседями как чисто декоративные, лишённые функциональной нагрузки, соответственно пряжки подражаний выполнялись уже в декоративной манере, постепенно эволюционируя к заключительным, чисто декоративным вариантам. Прототипами псевдопряжек типа 4, по И.А.Гавритухину, несомненно, были “псевдопряжки” типа 5 с прорезью варианта “в”. Но никакой эволюции прорези псевдопряжек от варианта “а” до варианта “в” не было, поскольку вариант “б” известен еще на византийских пряжках 1-й пол. VI в. (Айбабин А.И., 1990, рис.39, 1). Все псевдопряжки с прорезью вариантов “а”-“в” являются лишь вариациями византийского прототипа варианта “б” (Айбабин А.И., 1990, рис.39, 10). Этот важный вывод связывает начало формирования стиля псевдопряжек со средой, тесно связанной культурно с Византией. Как показывает картографирование распространения псевдопряжек типа 5 (Гавритухин И.О., 2001г, рис.17), основными их ареалами являются Северный Кавказ, Среднее Поволжье и Прикамье. Совершенно неожиданный только один из реги-

онов – Сирия, откуда происходит поясной набор, поразительно близкий средневожским (Balint Cs., 1992, taf.7). Эта находка закономерно позволила Ч.Балинту поднять вопрос о сирийско-иранском вкладе в формирование стиля поясов с псевдопряжками и поясов “типа Мартыновки” в целом. Пытаясь как-то объяснить столь нелогичную для его схемы находку, И.О.Гавритухин предположил, что данный пояс выполнен сирийскими мастерами по заказу представителя “военных дружин из Почья и Приуралья”, якобы находившихся в составе войск тюркотов, участвовавших вместе с Ираклием в персидской кампании 627-628 гг, а затем нанятых на службу Ираклием и поселенных в Сирии (Гавритухин И.О., 2001г, с.42-44). Столь сложная и заведомо недоказуемая конструкция окажется ненужной, если обратить внимание на тот факт, что ареал распространения псевдопряжек на Северном Кавказе, Сирии, Среднем Поволжье и Приуралье одновременно является и зоной находок сасанидских монет, стекла и серебряной посуды. Находки же камско-уральских типов псевдопряжек в Восточном Приуралье (Левина Л.М., 1996, рис.125, 22; 127, 16, 19) и Южном Казахстане (Нурмуханбетов Б., 1969, табл. I, 2) заставляют вспомнить о уже рассматриваемой выше *Волго-Уральской ветви “Шелкового пути”*, определенную роль посредника в котором играла и Сирия (Маршак Б.И., 1971, с.59-63).

В стороне остается только славянский лесостепной ареал в Среднем Поднепровье, но и здесь неожиданно проявляется выразительный “сирийский” импульс в виде поясных наборов без псевдопряжек из Козиевки и Вильховчика (Приходнюк О.М., 2001, рис.55; 67), находящихся очень близкие аналогии в Сирии и Иране (Balint Cs., 1992, taf.2; 3; 5). Отмечая его, И.О.Гавритухин выделяет “дунайский мост”, связывающий малоазийские и среднеднепровские находки (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.93, 94). Получается своеобразная картина “обтекания” двумя культурными импульсами Черного моря, один из которых (“западный”) через “нижнедунайское звено” приводит к появлению у славян наборов “византийско-сирийского” облика типа Вильховчика и Козиевки, а второй (“восточный”) – через “северокавказское” или, что гораздо более вероятно, “рязано-окское звено” – наборов с псевдопряжками. Причиной существования таких “мостов”, очевидно, была потребность славян в латунном и цинковом сырье, главные источники которого, по мнению А.Н.Егорькова и О.А.Щегловой, располагались именно на Ближнем Востоке (Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001, с.286-290).

Таким образом, появление и распространение моды на пояса с псевдопряжками происходило в среде *оседлых народов*, граничащих с магистралями “Великого Шелкового пути”, и действитель-

но было связано с эпохой I Тюркского каганата (а точнее, уже Западнотюркского) – наиболее заинтересованного участника и посредника торговли. Вероятно, именно к купцам “Великого Шелкового пути” и обратились в поисках прототипа пояса “восточного стиля” константинопольские ювелиры или их заказчик из императорского двора. Следует отметить, правда, два варианта информаторов: собственно купцы и купцы-разведчики. Согласно Прокопию Кесарийскому (НА, XXX, 12), в Византии “издревле за счет казны содержались многие люди, которые отправлялись в пределы врагов, проникали в царство персов под видом торговцев или под каким-либо иным предлогом, и, тщательно все разведав, по возвращении в землю римлян могли известить начальствующих лиц о вражеских секретах” (Прокопий Кесарийский, 1993, с.416). Если византийцы заблаговременно подготавливали “плановое” посольство к кочевникам, для изучения их вкусов, рангов, политического устройства под видом купцов можно было направить разведчиков, которые, впрочем, вряд ли могли оторваться от общего каравана и попытаться самостоятельно проникнуть в чужие неизвестные земли. Такая подготовка посольства требовала не менее года, в случае же экстренного снаряжения миссии проще было обратиться непосредственно к купцам, бывавшим в интересующем византийцев регионе и знакомым лично или понаслышке с интересующими их народами. В обоих случаях, ценность информации и купцов, и “купцов-разведчиков” прямо зависела от степени вовлеченности рассматриваемой нами группы кочевников в международную торговлю, а также близости территории их проживания к основным торговым магистралям.

Интересующие нас наборы с золотыми псевдопряжками были сделаны мастерами на базе привезенного им как образца обычного рядового пояса. Таковым мог стать пояс типа славянского из Хацков (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.21; 22), финно-угорского из Урьи (Голдина Р.Д., 1985, табл.LIV) или же, менее вероятно, кочевнического из Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.6; 7). Впрочем, в случае с кочевниками (по крайней мере, с восточноевропейскими) мы должны учитывать все ту же возможность проникновения моды на псевдопряжки уже под влиянием подарочных византийских поясов. Интересно, что Т-образная бляшка перещепинского пояса (рис.7, 9), в отличие от бляшек из Кунбабона и Бочи (рис.7, 8, 10), сделана на базе редких, практически декоративных бляшек варианта 8, по А.И.Айбабину, известных в склепе 273 Эски-Кермена (Айбабин А.И., 1990, с.53, рис.52, 4), славянском кладе из Суджи (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.70, 5), аланской кат.11 Чми (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 101), а также на по-

ясе из Сирмия (рис.7, 7). У восточноевропейских кочевников такие бляшки не известны. Также редки в кочевнических комплексах и омегообразные бляшки (рис.3, 6; 4, 3; 5, 3), известные в Келегеях и Чапаевском (рис.48, 37, 38); восточнее – в Борижарах, т.е. в комплексах, где есть псевдопряжки. Пожалуй, это еще раз подчеркивает заимствованный характер поясов с псевдопряжками у кочевников. Наиболее же близкий набор прототипов деталей перещепинского пояса, как это ни парадоксально, демонстрируют славянские “днепровские” клады.

Ситуация довольно странная. Византийцы не имели точного представления о мечах и поясах интересующей их группы кочевников и были вынуждены пользоваться услугами информаторов, которыми, как показывает согдийский тип мечей комплекта, явно были купцы “Шелкового пути”. Последние же в качестве “восточного” пояса предложили византийцам не реальный кочевнический пояс, а пояс оседлых народов, вероятнее всего, славянский или финно-угорский, т.е. добытый через Камо-Уральскую ветвь “Шелкового пути”, заметных признаков связи с которой, как мы убедились выше, у интересующей нас группы кочевников не наблюдается. Локализация перещепинской находки в Поднепровье, по идее, делает обращение к славянским поясам объяснимым хотя бы по территориальному признаку, но в таком случае возникает другой вопрос: почему же тогда с этой группой кочевников не были близко знакомы сами византийцы и зачем тогда услуги купцов “Шелкового пути”? Логическая цепочка подталкивает нас к единственному выводу: на момент посылки даров интересующие нас кочевники проживали еще далеко от византийских границ, но, одновременно, западнее Камо-Уральской ветви “Шелкового пути”.

Уже упомянутый выше перещепинский большой наконечник ремня (кат.9) (рис.3, 12), судя по размерам, должен относиться к набору с еще более крупной пряжкой, чем представленная в Перещепине. В.Н.Залеская, вслед за Й.Вернером, относит его к “патрицианскому поясу”, т.е. изделиям внутривизантийского круга (Залеская В.Н. и др., 1997, с.42). Но, несмотря на характерную технику исполнения, чисто византийским его признать трудно. Декор пальметтами, несмотря на выразительную христианскую символику, мог быть просто подобран как похожий на согдийские образцы, а вот форма наконечника для “чистых” византийских изделий не характерна. За исключением одной находки из Египта, наконечники с боковыми выступами не известны на территории византийского лимеса, они редки в Крыму, а наибольшее их распространение отмечено в регионах, где использовались пояса с псевдопряжками (Гавритухин И.О., Облом-

ский А.М., 1996, с.32; рис.43, 51; 44), т.е. опять в зоне “Шелкового пути”: от Сирии через Северный Кавказ, Прикамье, Приуралье до Восточного Приаралья. Вряд ли это совпадение случайно, возможно, наконечник все же относится к группе изделий “варварского” стиля. Впрочем, в составе наборов византийского облика наконечники с боковыми выступами все же известны, но только в поясах 2-го среднеаварского периода типа Тарнамера (Гавритухин И.О., 2001в, с.11-113; рис.39, 2, 34, 37, 48, 56; Garam E., 2001, taf.104; 105). О временной близости у авар поясов этого стиля и поясов горизонта Бочи говорит наличие в погребении из Тагабани-Кертварош тисненой U-образной бляшки, имитирующей бляшки с крупной поллой грануляцией по контуру из комплексов круга Бочи-Перещепины (Гавритухин И.О., 2001в, рис.39, 28).

На основании имеющегося у нас материала, конечно, трудно утверждать, что в Перещепине присутствуют и детали от крупного набора, созданного на основе поясов типа Тарнамера, но только эта версия может устроить сторонников объединения больших пряжки и наконечника в один набор. В перещепинском же поясе с псевдопряжками наконечник кат.9 мог быть привешенным только на дополнительном ремешке, но тогда непонятно, почему он один и таких же деталей нет в Кунбабоне, Сирмии и Боче. Мог он попасть в комплекс и как реликвия, например, с отцовского пояса или как “последний подарок” с сыновнего. Возможна и версия “варварского” искусственного комбинирования двух разных подарочных поясных наборов.

Существование как минимум еще одного более крупного набора с псевдопряжками подтверждают келегейские подражания, которые длиннее перещепинских на сантиметр и имеют богаче декорированную рамку (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, Abb.1, 3, 4) (рис.7, 5). Для того, чтобы сделать отпечаток, ювелиру надо было иметь хотя бы одну настоящую псевдопряжку. Если это было сделано еще в Константинополе для того, чтобы получить более дешевый и простой вариант псевдопряжки, то это предполагает просто наличие оригинального подарочного пояса, более роскошного, чем перещепинский, который изготавливался одновременно с келегейскими подражаниями и, скорее всего, для тех же кочевников. Если же подражания выполнены ювелиром византийской выучки уже местного центра, то оригинальный пояс был разобран для образца или просто частично раздран правителем своим родственникам или же наиболее отличившимся вассалам. Снятая с каганского пояса и подаренная привселюдно пряжка или бляшка служила своеобразным “орденом”, почетной наградой или знаком отличия. Интересно, что такое же объяснение возможно и для кунбабоньского по-

яса, где, как и в Келегеях, по каким-то причинам осталось всего две псевдопряжки.

В любом случае, форма перещепинского наконечника кат.9 пока не может быть признана “внутривизантийской”, а тем более характерной для поясов высших должностных рангов.

Комплектным наконечнику кат.9 может оказаться предмет кат.11, состоящий из раскованной изогнутой пластинчатой дуги с петлями и широкой цепочки. По мнению В.Н.Залесской, это – византийский браслет, подвергшийся “варварской” доработке, вследствие чего с него была снята одна из пластин-дуг (Залесская В.Н. и др., 1997, с.119). Другое решение подсказывают позднеаварские материалы. В погребениях из п.2 Секкуташа и Хохенберга (Daim F., 2000, Abb.37, 2; 73), пояса из которых, по мнению Ф.Дайма, выполнены в “итало-византийском” стиле, такие же “браслеты” использовались в качестве ременных обойм. Они крепились к ремню пластиной с гвоздиками, в Перещепине же к пластине, как и к остальным ременным деталям, припаяны петли. Также петлями крепилась к ремню и функционально идентичная обойма вознесенского пояса (рис.31, 2). Показательно, что ее задняя пластина так же, как и в Перещепине, изогнута дугой. Это не было сделано намеренно, просто постоянное усилие, прилагаемое при протягивании сквозь обойму конца ремня, со временем деформировало обойму. Судя по длине пластины перещепинской обоймы, ширина пояса, к которому она крепилась, равнялась 6 см. Это как раз соответствует ширине пояса большой византийской пряжки кат.8. Единственный аргумент против включения обоймы в состав пояса с псевдопряжками косвенный – это отсутствие таких же деталей в Кунбабоне, Боче и Сирмии.

На ремне шириной 6 см псевдопряжки длиной 5,5 см могли располагаться как непосредственно на ремне, так и на свисающих ремешках, полностью на ремне или со свисающими рамками. Обычно при реконструкции предпочтение отдается последнему варианту (Garam E., 2002, fig.2), что, вероятно, предполагается, исходя из наличия на щитках и рамках псевдопряжек вмятин от их взаимного соприкосновения. Но для такой деформации совершенно не обязательно свободное свисание рамок псевдопряжек, поскольку во время верховой езды рамки в любой позиции подлетали вверх и ударялись о свои же щитки. На конце такой ремень сужался до 3,5 см и пропускался в наконечник кат.34, который без труда входил в пряжку кат.8. Если обойма кат.11 принадлежала к этому же поясу, то затем ремень протягивался и сквозь нее, причем обойма рассчитана и на участок ремня полной ширины, т.е. ремень протягивался дальше места своего сужения. При этом обойма не обязательно распо-

лагалась сразу вслед за пряжкой – возможно также и небольшое провисание пояса, как на фреске сер. VIII в. из Рима (Daim F., 2000, Abb.80).

Не менее важна, чем форма, стилистика оформления комплекта. Мечи из Бочи и Кунбабона оформлены в довольно выдержанной стилистике, на фоне перещепинского, можно даже сказать, строгой. А вот перещепинский пышно декорированный меч кому-то показался даже недостаточно роскошным, вследствие чего уже после изготовления ножен на них появилась крупная вставка в напаянном гнезде конструкции “разрезной нахлест” (Львова З.А., Семенов А.И., 1985, с.80) (рис.16, 5). З.А.Львова считает, что вставку мог добавить от себя варварский ювелир при ремонте (Залесская В.Н. и др., 1997, с.94, 135). Но интересно, что гнездо окружено кольцом проволоочной псевдозерни, аналогичной использованной на обкладках ножен. Для того, чтобы это сделал варварский ювелир, ему нужно было или обладать достаточными навыками изготовления подобной византийской псевдозерни, или же просто снять часть такой псевдозерни с ножен в менее заметном месте. В таком случае следует признать, что варварский мастер обладал хорошим чувством стиля и довольно высокой квалификацией.

Пожалуй, наиболее ярко вкусы группы кочевников, для которых изготавливался перещепинский меч, отразили обкладки глудосского оружия, обильно украшенные зернью и вставками (рис.10). В оформлении поясных наборов с псевдопряжками использованы не только псевдозернь и вставки, но и наиболее бросающийся в глаза ободок из полых шариков. Нет сомнений, что именно данный элемент, по расчету мастеров, и отображал особенности вкуса кочевников, для которых проектировался пояс. Крупными полыми шариками декорирован золотой поясной набор из Вознесенки (рис.11), обкладки оружия и подвески из Глудос (Сміленко А.Т., 1965, табл.ІІІ, 1; IV, 5; VI, 3, 4, 6; VII, 2) (рис.17, 3, 9; 18, 9), но это уже следующий этап развития стиля. Ободки из обычной литой крупной зерни присутствуют на обкладках “варварского” меча и “колесике” из Перещепины (кат.41-43) (рис.14, 2, 5; 15, 14). Они характерны также для женских украшений группы Морской Чулэк – Суханово (рис.18), связанных происхождением с регионами Казахстана и Киргизии, т.е. зоной расселения племен Западнотюркского каганата (Комар О.В., 2000б, с.140). Использовались такие ободки и на собственно византийских (Garam E., 2001, fig.2, 13; 3, 7) и позднеасанидских (Balint Cs., 1978, fig.14, 1-3, 9) изделиях. Но подобные образцы декора дали бы, скорее, оформление пояса в стиле Портового (рис.19, 27, 44; 48, 49, 60), если, конечно, византийцы не сделали поправку на традиционный

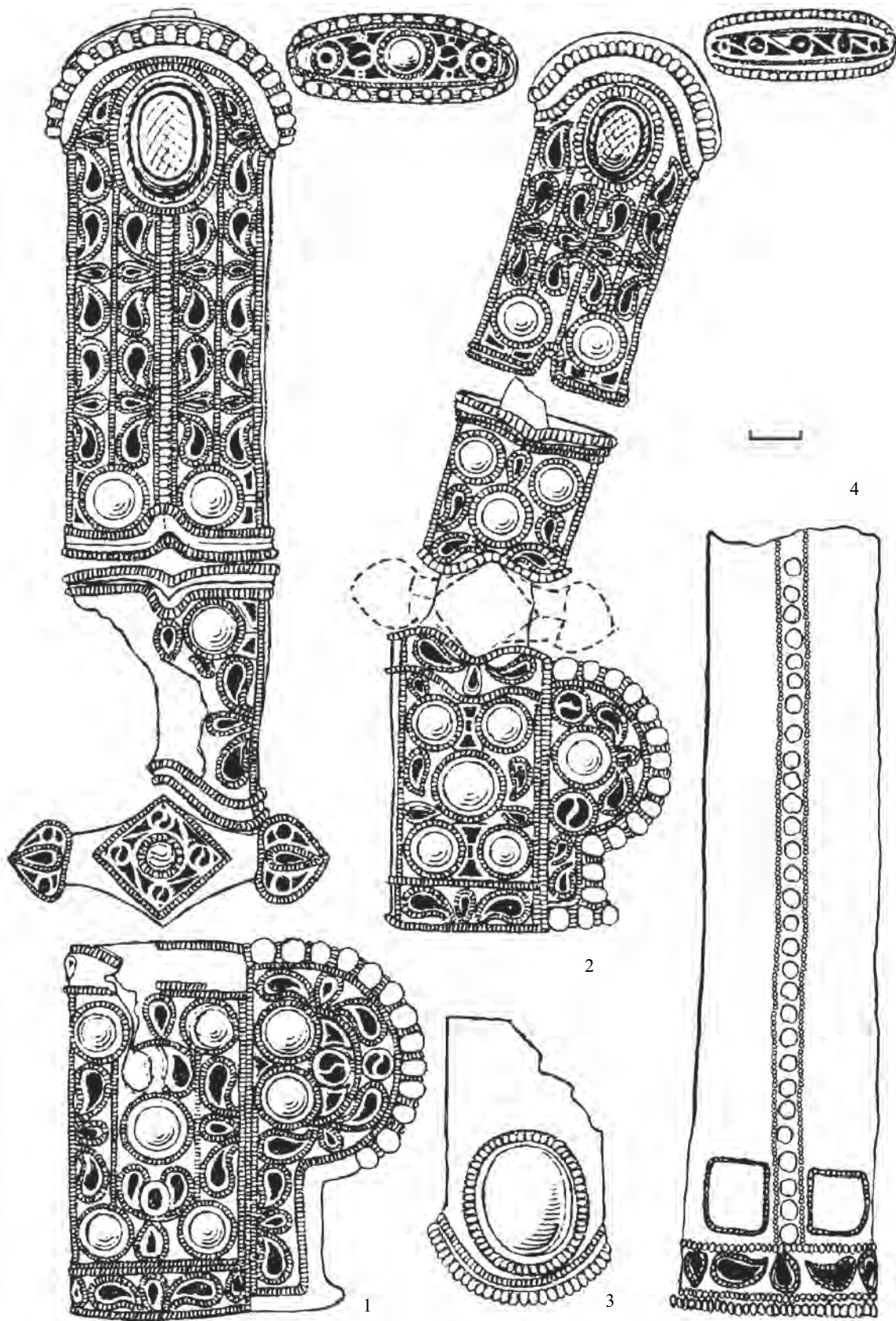

Рис. 10. Декоративная облицовка оружия из Глодос.
 Fig. 10. A decorative coat of weapon from Glodosy.

восточный “перебор” с пышностью украшений. Как уже подчеркивалось нами, вещевые комплексы арцибашевского типа с золотыми и серебряными изделиями, декорированными грануляцией и вставками, скорее всего, отображали принадлежность их собственникам к определенному социальному рангу, отличая их от рядовых комплексов сивашовского типа и комплексов высшей знати перещепинско-вознесенского типа (Комар О.В., 2000б, с.139, 140; 2002, с.13). Не имея достаточной информации о “языке” стиля оформления ювелирных изделий кочевников, византийцы могли просто допустить, что именно величина зерненного ободка поясных деталей и подчеркивала статус его собственника, что, кстати, судя по поясу из Вознесенки, было совсем недалеко от истины.

Другой вариант ответа, возможно, дают ручки в виде кольца из шариков перещепинских кружек (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.69-71) (рис.26, 3). У двух серебряных (кат.71) и обложенной золотом деревянной (кат.70) кружек ручки литые, у золотой же (кат.69) она полая, поскольку ручка спаяна из двух частей (Залеская В.Н. и др., 1997, с.193). Данный тип ручки специфически тюркский, известный, кроме степной торевтики, только тесно связанным с тюркютами согдийцам (Маршак Б.И., 1971, с.52). В любом случае, поскольку в раннеаварских могильниках вещей с крупной зернью вообще не известно, можно сделать уверенный вывод, что пояса с псевдопряжками типа перещепинского разрабатывались на основании расспросов купцов-разведчиков “Шелкового пути” о какой-то группе кочевников, не контактировавшей тесно с византийцами, и смутных собственных византийских представлений о вкусах элиты кочевников Западнотюркского каганата.

Третий предмет рассматриваемого комплекта – коленчатый ритон (кат.26) – изделие собственно византийское, которым просто заменили обычный варварский рог с оковками. Четвертый элемент – колчан – также выполнен в едином стиле. Судя по китайским и восточнотуркестанским аналогиям VIII в. (Залеская В.Н. и др., 1997, с.210, 211; Восточный Туркестан ..., 1996, табл.46), тип колчана с трапециевидным расширенным кверху карманом даже более “восточный”, чем согдийские, хотя в целом, это наиболее распространенный тип тюркского колчана VIII-IX вв. В Европе близкий берестяной колчан обнаружен в Сивашовке, а у авар, наряду с металлическим каркасом, известны и обычные костяные обкладки верха колчана этого же типа (Вона I., 1995, S.36). Согласно Маврикию Стратегу, византийцы не просто были хорошо знакомы с аварскими луками и их принадлежностями, но даже пытались поставить их на собственное вооружение (Pohl W., 1992, S.19), поэтому вполне

логично, что колчаны из Кунбабоня и Бочи отвечали аварским стандартам. Смущает лишь одно обстоятельство: все известные на сегодня восточные находки и изображения аналогичных колчанов с закрытым расширенным трапециевидным верхом датируются не ранее VIII в., что делает сомнительной версию о возможности их использования аварами уже в VI в., когда они пришли в Европу. Не имеем ли мы дело с той же ситуацией заимствования через посредников, как и в случае с мечом с кольцевым навершием или, позже, саблей и аркообразными стременими?

Пятый элемент комплекта – посуда. Золотая кружка из Кунбабоня (Toth E.H., Horvat A., 1992, Fb.Taf. 9) полностью повторяет аварские формы и могла бы даже быть принятой за аварское изделие, если бы не поясок перегородчатой инкрустации, выполненный в технике, идентичной наблюдаемой на псевдопряжках и обкладках оружия (рис.17, 4; 4, 3). Золотой кубок из Бочи (рис.25, 4) технологически относится к одной группе с ритоном, о чем свидетельствуют одинаковые ободки; точно такие же вальцованные полоски использованы и в обкладках ножа из Кунбабоня (Toth E.H., Horvath A., 1992, Fb.Taf. 7). Кружка из Бочи серебряная, но явно комплектна кубку. Также комплектом сделаны и серебряные кубок, и кружка из Кунаготы (Garam E., 2002, fig.4). Они немного грубее, но также, кстати, украшены характерным для византийских изделий ободком из вальцованной полоски (рис.25, 5). Интересно, что на безусловно аварских изделиях ободок также часто декорирован, но по-другому – пунсоном нанесены полусферические выпуклости (Garam E., 2002, fig.13). Серебряный кубок, близкий по форме кубку из Бочи, находился в комплексе из Тепе (Garam E., 1993, taf.93, 1); в Озоре кубок уже другой формы (Garam E., 2002, fig.8; 22, C). Являются ли все рассмотренные комплекты посуды подарочными, или часть из них просто сделана местными мастерами византийской выучки, утверждать сложно. Но, на наш взгляд, безусловно византийское происхождение кунбабоньской кружки позволяет все же с большой долей уверенности относить к подарочной группе и сосуды из комплексов с псевдопряжками, т.е. из Бочи и Тепе.

Изготовление золотых и серебряных сосудов специально по аварским образцам означало не только хорошее знакомство византийцев с формами аварской посуды, но и обычаями авар. Как мы уже рассматривали выше, собственно византийская посуда, несмотря на всю пышность форм и декора, не ценилась аварской знатью по мировоззренческим причинам. Зато византийские подражания деревянным аварским сосудам уже попали в погребальные комплексы. Их использование не повлекло конфликта с традициями, а следовательно, особое зна-

чение придавалось не материалу и “руке” изготовителя, а форме. Эта удачная находка византийских дипломатов несомненно должна была стать приятным сюрпризом и вызвать расположение аварских правителей.

При “перещепинском” дворе не наблюдалось ни ограничений с использованием “чужих” форм посуды, ни проблем с изготовлением собственной посуды, поэтому посуду варварского облика, но византийского изготовления, в Перещепине выделить трудно. Отдельные византийские приемы наблюдаются разве что на кубке со вставками (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.76; с.202), но их мало для того, чтобы предполагать его подарочное происхождение. Очевидно, если в состав подарочного комплекта “перещепинскому” правителю и входила посуда из драгоценных металлов, то она была обычной византийской.

К сожалению, в Кунбабоне и Боце не сохранилось или не было снаряжения коня, поэтому не ясно, поступил ли к аварам еще один предмет византийской работы – сбруя. Перещепинский комплект сбруи составляют 249 деталей (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.48-53). В отличие от круглых тисненых бляшек из Бочи (Laszlo G., 1955, fig.XLVII, 9-16), где использован орнаментальный поясик из псевдозерни, среди перещепинских так украшены только 4 наконечника (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.48; 49), на остальных же бляшках зернь литая, что делает перещепинский сбруйный набор одним из наиболее трудоемких предметов всего анализируемого комплекта. Примечательно также, что по количеству затраченного золота сбруйный набор почти в три раза превосходит весь поясной с большой византийской пряжкой вместе.

С предложенным З.А.Львовой разделением технологически и стилистически единого комплекта на две сбруи (Залеская В.Н. и др., 1997, с.54-57) нам согласиться трудно, поскольку в перещепинском комплексе найдены лишь одна пара стремян и одно седло, т.е. комплект снаряжения лишь одного коня. Различие между деталями наблюдается только в разной технике исполнения зерни наконечников (проволочная псевдозернь) и бляшек (литая зернь). Обсуждая этот вопрос с З.А.Львовой, мы сверили результаты пробирования деталей сбруи. Оказалось, что наконечники кат.48 и один из наконечников кат.49 (№ 1930/32) выполнены из золота пробы 900, в то время, как остальные детали – из золота 958 пробы. Интересно, что различия во внутренних размерах устья между парными наконечниками кат.49 еще раньше заметила З.А.Львова (Залеская В.Н. и др., 1997, с.164), т.е. они были однозначно сделаны из разных заготовок; заметна также разница и в толщине перегородок инкрустации. На бляшках “две руки” поймать сложнее, различаются

они только по заполнению с обратной стороны, но это может быть следствием уже их “очистки” после обнаружения комплекса.

Судя по сохранившемуся обрывку ремня с отпечатками бляшек (кат.54), полукруглый вырез бляшек типа кат.52 не случаен, а сделан намеренно для их сочетания с круглыми бляшками, судя по нынешним размерам отпечатка, бляшками кат.51. Именно этот отпечаток и ввел в заблуждение З.А.Львову. Для предложенного исследовательницей варианта реконструкции сбруи потребовалось бы минимум 42 бляшки типа кат.51, но их в комплексе всего лишь 4, т.е. столько же, сколько и наконечников, что вряд ли случайно. Обратим внимание и на тот факт, что кожаный фрагмент ремня элементарно *усох*. Отпечаток фигурной бляшки (кат.52) размерами 3,3х3,7 см на обрывке сбруйного ремня сейчас равен 2,9х3 см, т.е. степень усыхания ремня по длинной стороне 19%, по короткой – 13%, в среднем – 16%. При средней пропорции усыхания ремня диаметр круглой бляшки по отпечатку в 3 см должен равняться 3,57 см, что соответствует не бляшкам типа кат.51 (3,2 см), а бляшкам типа кат.50 (3,6 см), которых в комплексе более, чем достаточно – 141. Обрывок ремня (кат.54), хотя и неясен по ориентации, но все же показывает, что бляшки типа кат.50 и кат.52 располагались в два ряда. Если поместить сверху круглую, а внизу фигурную бляшку (рис.12, 1), то даже в плотный подбор получится более 3 м ремня (85 колонок), плюс еще 1 м ремня двухрядной композиции из круглых бляшек (28 колонок) (рис.12, 2), которые можно было пустить отдельно на оголовье или ритмично чередовать. Этого вполне достаточно для классических двухрядных сасанидских схем, включая и оголовье, которое, кстати, на изображениях довольно часто украшено несколько иначе, чем нагрудная часть ремней (Balint Cs., 1978, fig.10; Vona I., 1980, Abb.12; 13, 5, 6). Бляшки типа кат.53 (рис.37, 34) располагались в точках перекрещивания ремней или же на свисающих вниз ремешках подвесок (14 шт.), а 4 бляшки типа кат.51 украшали ремни с наконечниками.

Поскольку в восточных регионах превалировала однорядная схема сбруйных бляшек-розеток (Беленицкий А.М., 1973, табл.8-13; 23; 25; 28; 30), находящих, что интересно, близкие аналогии в аварских могилах (Laszlo G., 1955, fig.LXX, 2-7; 16-19; Salamon A., 1969, Abb.6, 12, 13; 8, 10; Vona I., 1980, Abb.15, 3-5; Daim F., 1987, taf.192, 2; Garam E., 1992, taf.38, 1-15), прототипом роскошной перещепинской сбруи явно были сасанидские образцы, развившиеся, впрочем, и в Согде (рис.9, 4, 5). Согласно реконструкции И.Боны (Vona I., 1980, Abb.14), у авар также использовалась двухрядная схема расположения бляшек на части сбруи (задней

и оголовье). Это могло послужить для византийцев основанием считать, что кочевники предпочитают именно сасанидскую двухрядную схему. У восточноевропейских кочевников, судя по находкам сбруи в Глодосах, Вознесенке, Новых Санжарах, Сивашовке, к.5 Виноградного и к.13 Дорофеевки, на самом деле единого стандарта сбруйных бляшек не было, зафиксированное же в трех последних погребениях расположение бляшек указывает на их однорядное расположение. Близкие перещепинским по форме, размеру и декору бляшки можно отметить в Келегеях (рис.27, 5), но они, учитывая наличие в комплексе имитированных псевдопряжек, – скорее всего, лишь подражание перещепинским. Более простые бляшки из Вознесенки, Глодос и Новых Санжар (рис.27, 3; 37, 44) повторяют конструкцию перещепинских – золотые или серебряные бляшки внутри имеют тонкую бронзовую подкладку, края верхнего слоя загнуты внутрь (Сміленко А.Т., 1965, с.32; 1968, с.162). Отмеченные З.А.Львовой аварские аналогии (Залеская В.Н. и др., 1997, с.166-169) свидетельствуют, что сбруя подобного облика использовалась, начиная с горизонта Бочи-Кунбабоня, и аварами, но речь идет о небольших прессованных бляшках, более сходных с вознесенскими, чем перещепинскими. Явно синхронны вознесенским схожие с перещепинскими бляшками типа кат.50 аварские прессованные изделия из Фёнлака, Гатера и Дунапентеле (Fettich N., 1926, taf.V; VI; Garam E., 1995, Abb.4, 2), поэтому речь идет о стиле, появившемся у авар во время получения византийских даров и бытовавшем некоторое время и далее. Это подталкивает к предположению, что похожий роскошный комплект сбруи все же поступил в качестве подарка и одному из аварских правителей и стал образцом для подражаний. Есть, правда, и комплекс горизонта Бочи с набором прессованных бляшек, схожих с перещепинскими, но без признаков влияния остальных предметов подарочного византийского комплекта – это погребение из Сегвар-Шаполдала (Bona I., 1980, Abb.16). В п.90 Кернье такой же набор бляшек (Salamon A., 1969, Abb.8, 1) сочетался с раннеаварскими стремянами, но, к сожалению, последние бытовали и до II среднеаварского периода, а в самом погребении присутствовали тисненные бляшки с “плетенкой” и геометрическим декором (Salamon A., 1969, Abb.8, 2, 3). Погребение из Сегвар-Шаполдала, на наш взгляд, все же оставляет шанс, что рассматриваемые аварские бляшки могут оказаться не подражаниями, а наоборот прототипами для перещепинской сбруи. Парадокс заключается в том, что если принять вариант изготовления перещепинской сбруи по аварским прототипам, то

у нас тогда не остается никаких доказательств поступления такого же подарочного сбруйного комплекта собственно к аварам. То есть или комплект проектировался с учетом аварских образцов, но не для авар; или же авары получили такой комплект и сымитировали его, но тогда византийские мастера ориентировались на сасанидские образцы сбруи, пытаясь создать некий “восточный” стиль для кочевников – соседей персов или согдийцев.

Итак, специально разработанный византийцами подарочный комплект включал пояс с большой византийской пряжкой и поясными деталями “варварского” стиля, сбруйный комплект, меч с портупей, колчан с соответствующими ремнями и ритон. “Аварский” вариант дополнялся стилизованными под аварские сосудами (кружкой и кубком), а также ножом в ножнах (Кунбабонь). Только один из “общих” предметов комплекта – колчан – мог быть сделан по аварским образцам. Наиболее же важные и дорогие вещи комплекта – пояс, меч и сбруя – разработаны под вкусы некой отдаленной восточной группы кочевников, находящейся под культурным влиянием Согда и Персии. Непосредственной информации о ней византийцы практически не имели и поэтому черпали ее преимущественно от купцов-разведчиков “Великого Шелкового пути”, также, впрочем, знакомых с этой группой весьма поверхностно. Тем не менее, подарок, похоже, был принят благосклонно, и удачно “апробированный” первым посольством к кочевникам комплект был повторен немного в другой вариации, дополнен аварскими сосудами и использован еще раз для важного посольства к аварам.

Такую хронологию событий подсказывает еще одно обстоятельство – наличие в Боче (рис.5, 12, 13, 15, 16, 20) деталей “геральдического” стиля, использовавшихся в это время у восточноевропейских кочевников и на Северном Кавказе. Несмотря на присутствие в аварских комплексах ряда подражаний “геральдическим” деталям (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.72-74; рис.74; 75), *точные аналогии*, выполненные в технике литья с полным сохранением формы оригинала, единичны. Это – бляшки из Хайдушобосло (Lorinczy G., 1992, Abb.3, 4), Лиоберсдорфа⁶ (Daim F., 1987, taf.192, 1), Манджелоса (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.74, 109), псевдопряжка из Чаташёга (Awaren in Europa ..., 1985, Abb.48), пряжка из Дескал (Balint Cs., 1992, taf.31, 12) и т.п. Наиболее же близкий восточноевропейским кочевническим небольшой набор “геральдических” пряжек и бляшек находится именно в Боче. Судя по его имитации вместе с мечом с кольцевым навершием в Кецеле (Laszlo G., 1955, pl.LIII), “геральдические” детали

⁶ Благодарим Ф.Дайма за возможность ознакомиться с материалами могильника.

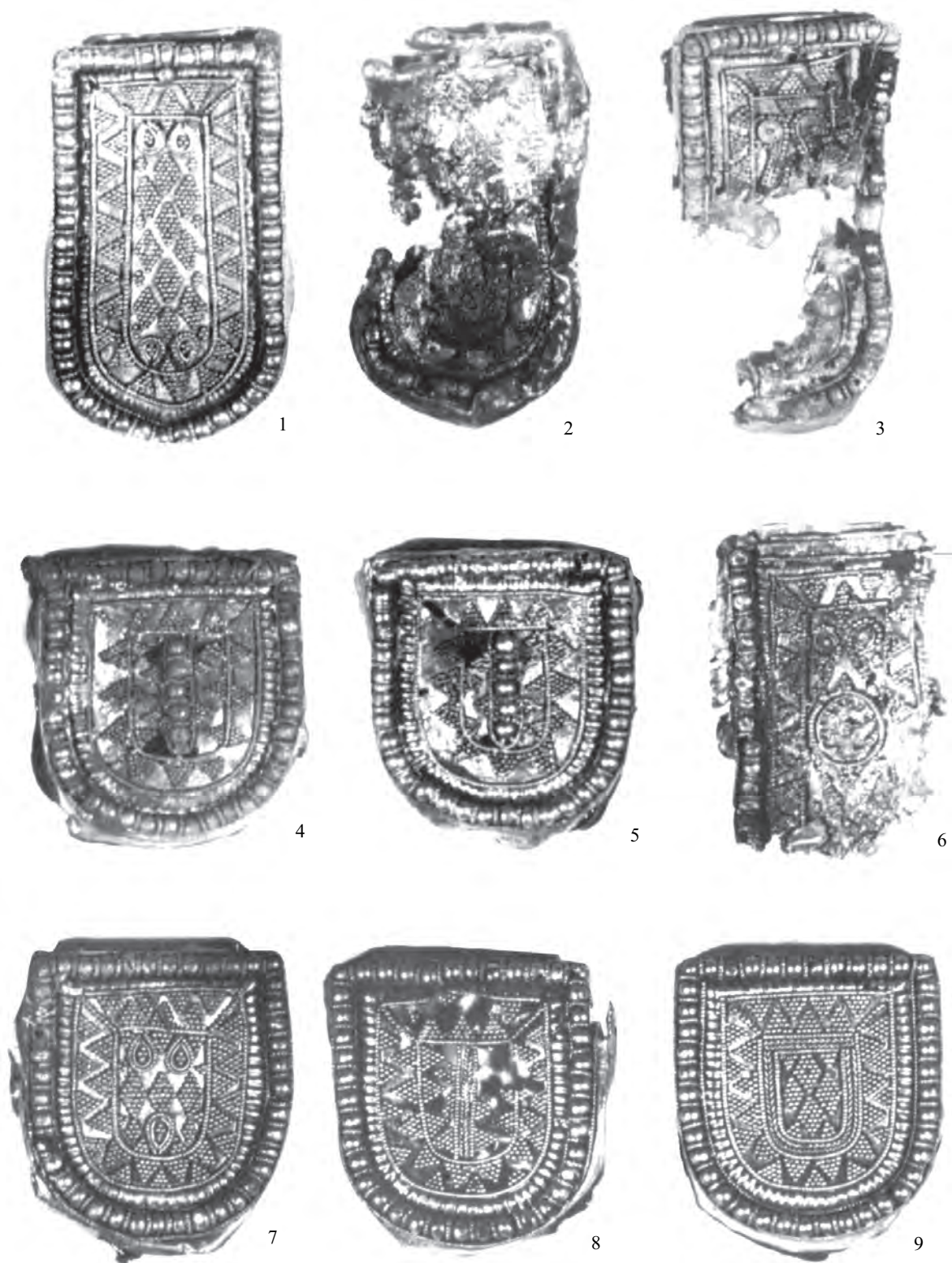

Рис. 11. Золотой поясной набор из Вознесенки. Масштаб 1 : 1.
Fig. 11. A golden set of a belt from Voznesenka. The scale of 1 : 1.

в Боче были использованы для ремней подарочного меча или же колчана. Скорее всего, византийским посольством к “перещепинскому” двору был привезен назад в Константинополь “для образца” набор кочевнических ремней, частично использованных как образцы при подготовке комплекта из Бочи.

2.2.3. Византийские украшения

Группа предметов, выполненных по чисто византийским образцам, довольно небольшая. Маленькая пряжка (кат.6) (рис.46, 31) и комплектная к ней обойма (кат.7) относятся к ремешку одного из византийских изделий. Никаких оснований относить пряжку к поясным и сужать ее дату до 2-й пол. VI – нач. VII в., как это сделала В.Н.Залеская (1997, с.116, 117), нет. Поясная пряжка этого типа из склепа 273 Эски-Кермена 2-й пол. VII в. (Айбабин А.И., 1990, рис.43, 1) в два раза крупнее, а малая пряжка этого же типа находилась в склепе 257 Эски-Кермена вместе с пряжкой типа “Сиракузы” 2-й пол. VII в. и пряжкой варианта 4-2, по А.И.Айбабину, 2-й пол. VII – нач. VIII в. (Айбабин А.И., 1990, с.42, 43; рис.42, 2). Принадлежность перещепинской пряжки и обоймицы к какому-то из конкретных предметов комплекса установить сложно; не исключено, что они принадлежали несохранившемуся кожаному предмету, например, подарочному кошельку с монетами.

Теоретически также возможно и присутствие в комплексе деревянной византийской шкагулки, к которой В.Н.Залеская относит тисненые золотые накладки (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.16; с.43). Но нельзя не заметить, что они выглядят слишком уж технологически простыми на фоне предметов константинопольской работы из комплекса. Тисненые обкладки явно имитируют бордюр из зерни, а также круглые и каплевидные гнезда со вставками, окруженные зернью. Одновременно тиснение внутреннего тоненького ободка имитирует проволочную псевдозернь, т.е. стиль декора, которому подражают обкладки, все же синтезированный варварско-византийский. Данное изделие вряд ли может быть византийским, корректнее говорить просто о наличии в нем византийской традиции.

Два золотых шарнирных браслета (кат.10) на оборот могут входить в один подарочный комплект с изделиями “варварского” стиля. А вот пара литых браслетов с утолщениями посередине (кат.12) (рис.51, 18), отнесенная В.Н.Залеской к византийским изделиям (Залеская В.Н. и др., 1997, с.120), никаких технологических или стилистических признаков византийского изготовления на самом деле не несет и принадлежит к “варварской” группе (см.

ниже). Совсем не является браслетом, как уже аргументировалось выше, ременная обойма кат.11.

Три перстня с монограммами (кат.13-15) (рис.13) – находки уникальные для кочевнических комплексов, поскольку дают теоретическую возможность прочесть имя их собственника. Сами византийские перстни в комплексах келегейского типа обычны: в Келегеях были два комплекта из перстня с плоским щитком и перстня со вставкой (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, Abb.6, 1-3, 6); в Новых Санжарах – перстень с конусовидным щитком (Смиленко А.Т., 1968, рис.1, 5), аналогичный перстням из мерсинского клада (Кондаков Н., 1896, табл. XVIII, 4, 5). Не только эти перстни, но и перстни со вставками из Глодос и Ясиново выглядят богаче и атрактивнее, чем перещепинские с монограммами. Это дает нам некоторую гарантию от версии о “награбленных” перстнях и особо подчеркивает значение нанесенных на них монограмм как определенных символов. Греческие монограммы в кочевнических комплексах Поднепровья известны только в Вознесенке: на серебряном орле византийской работы и двух маленьких круглых бляшках, входящих, скорее всего, в сбруйный набор и являющихся, на наш взгляд, знаком византийского мастера (Гринченко В.А., 1950, рис.5; табл.3, 19).

Чтение монограмм с “варварскими” именами всегда гипотетично, поэтому оно будет разобрано в исторической части настоящей работы. Здесь же можно отметить лишь несомненное наличие в монограммах перстней кат.14, 15 лигатуры “ПТКГ”, убедительно атрибутированной В.Зайбтом как сокращение титула “патрикий” (Werner J., 1984, S.44). Перстни кат.14, 15 с этой монограммой (рис.13, 2, 3) и перстень кат.13 (рис.13, 1), скорее всего, разновременны и сделаны разными мастерами. Они могли принадлежать двум разным людям или же одному человеку, получившему через некоторое время титул патрикия, с чем и было связано появление двух перстней с такой лигатурой. В обоих случаях следует констатировать как минимум два эпизода политических контактов Византии с кочевниками, один из которых даже закончился получением варварским правителем титула патрикия.

2.2.4. Монеты

Золотые византийские солиды из комплексов перещепинского круга и кочевнических погребений также маркируют важные этапы византийско-кочевнических отношений.

Наиболее ранними находками являются солиды Юстина I (518-527 гг) из Лимаревки (Кропоткин В.В., 1962, с.35) и Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, с.180). Столь ранняя дата чеканки при отсутствии

других монет в комплексах могла бы вызвать закономерные сомнения в возможности их использования до 2-й пол.VII в., но в комплексе из Келегеев присутствует солид Юстиниана I (545-565 гг) (Семенов А.И., 1991, с.124); такой же солид найден и в аварском погребении горизонта Озоры – Кунаготте (Garam E., 1992, S.138), а в п.2 могилы 5 Песчанки, датирующейся по инвентарю 1-й пол.VIII в., находился солид Юстина II (565-578 гг) (Кропоткин В.В., 1962, с.30), что указывает на очень длительное бытование солидов VI в. в варварской среде Восточной Европы. В кладе из Белояровки, чье происхождение безусловно связано с эпизодом кутригуро-утигурской усабицы 558-559 гг, находились 50 солидов Юстиниана I 546-547 гг чеканки. Все упомянутые солиды относятся к легкому двадцатикаратному типу, чеканившемуся специально для выплат варварам, в основном кочевникам (Семенов А.И., 1991, с.124; Залеская В.Н. и др., 1997, с.20-23; Smeadly J., 1988). “Легкий” солид Юстиниана I найден также на Дону, в Цимле; в целом же монеты Юстиниана в степной зоне обнаружены в Луганске, в с.Кичкас (Запорожская обл.), вблизи с.Вилково (Одесская обл.), на Водянском городище (Волгоградская обл.) (Кропоткин В.В., 1962, с.31, 35, 48). Поступления солидов Юстина I и Юстиниана I в степь были связаны с выплатами кутригурам и утигурам, а на Северном Кавказе – савирам. Разгром и подчинение этих племен аварами и тюркютами, вероятно, привел к временному прекращению поступлений византийских выплат восточноевропейским кочевникам, но солиды вполне могли продолжать поступать тюркютам в процессе дипломатических контактов.

Окончание перерыва маркируют солиды времени Маврикия-Тиберия (582-602 гг) из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М1) и к.17, 61 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1977). Следующий хронологический этап представляют солиды Фоки (602-610 гг) из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М2, 3), Новых Санжар (Кропоткин В.В., 1962, с.36), к.13 Дорофеевки (Семенов А.И., 1991, с.124) и Староджерелиевской (Кропоткин В.В., 1962, с.22). Как отметила И.В.Соколова, аналогичный новосанжарскому перещепинский солид кат. М3, хотя и имеет марку CONOB, на самом деле двадцатикаратный (Залеская В.Н. и др., 1997, с.22), также легкого веса и солиды из Дорофеевки и Староджерелиевской, что определяет это поступление солидов Фоки как выплату. В аварских погребениях солиды Фоки отмечены в п.3 Сентэндре, п.30 Деска G, п.2 Кишомбора, но они полновесные (Garam E., 1992, S.141, 142), т.е. интересующая нас выплата не зависима от аварских.

Возможно, с этой же выплатой связан и легкий солид Ираклия 610-613 гг чеканки из Келегеев (Семенов А.И., 1991, с.124), не известный больше в других кочевнических комплексах, впрочем, он, как и ранний единичный легкий солид Константа II из Перещепины (кат.М51), мог просто поступить вместе с легкими солидами этого же правителя, но другой партии чеканки или же с солидами периода 613-625 гг. Солиды Ираклия и Ираклия Константина периода 613-629 гг чеканки и подражания им известны в п.24 Осиповки (Беляев О.С., Молодчикова И.О., 1978, рис.2, 4), Келегеях (Семенов А.И., 1991, с.124), к.13 Дорофеевки (Семенов А.И., 1988, с.103), Шиловке (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XIII, 9)⁷, к.14, 16, 20 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.28). Их более узкая датировка не разработана, но нельзя не заметить, что иконографически выделяются два варианта аверса. Тип 2А, по С.Морриссон (Morrisson С., 1970, S.255-257) – Ираклий Константин изображен мальчиком чуть выше плеча Ираклия – Осиповка, Келегеи, Чир-Юрт (Телегин Д.Я., 2001, рис.10; Семенов А.И., 1991, рис.1, 3; Магомедов М.Г., 1983, рис.28, 3, 6). Он аналогичен монетам выпуска в 22 карата 615-625 гг из аварского погребения в Сынпетру-Джерман (Dorner E., 1960, fig.4, 5). На солидах типа 2В из Шиловки и Чир-Юрта Ираклий Константин уже изображен молодым человеком, почти равным по уровню плечей отцу (Магомедов М.Г., 1983, рис.28, 2, 4; Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XIII, 9). Подбородок выделен широким округлым контуром, но признаки бороды специально не подчеркнуты. Только на четком экземпляре этого варианта из кат.20 Клинь-Яра III (Флёров В.С., 2000а, рис.336, 1) хорошо заметно, что Ираклий Константин уже с бородой. На перещепинских солидах 629-632 гг чеканки (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М6-9) Ираклий Константин такой же, но Ираклий уже изображен с длинными усами и бородой. Учитывая эти отличия, мы полагаем, что солиды с аверсом типа 2В чеканены однозначно позже солидов типа 2А. Поскольку наиболее вероятная причина массовой чеканки легковесных “аварских” солидов с аверсом типа 2А периода 613-625 гг – это выплаты 620-625 гг, датировка солидов с аверсом второго варианта, похоже, должна ограничиться периодом 626-628 гг В Чир-Юрте представлены солиды и первого, и второго вариантов, поэтому их поступление к кочевникам, скорее всего, было единовременным.

Следующий выпуск Ираклия и Ираклия Константина 629-632 гг в Перещепине представлен четырьмя солидами (кат.М6-9) и двумя медальонами (кат.М4, 5). Солид этого же выпуска у кочевников известен вне Перещепины только в подкурганном

⁷ Отнесение нами времени чеканки солида к 629-632 гг (Комар А.В., 2001а, с.28) – следствие недоразумения.

погребении из Печеной (Залеская В.Н. и др., 1997, с.28); информация же О.М.Приходнюка и В.М.Хардаева, с ссылкой на определение В.А.Анохина, о наличии солидов 629/630 гг чеканки в Келегеях (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, S.601) ошибочна. Согласно выводам И.В.Соколовой, тяжелые медальоны были чеканены в Константинополе специально для подарка варварскому правителю, вместе с ними поступили к нему и солиды этой же чеканки (Залеская В.Н. и др., 1997, с.18, 19). Судя по очень ограниченному “выплеску” данных солидов из кочевнического двора, речь идет не о выплате, а о подарке правителю. Косвенно подтверждают это и подражания солидам 613-628 гг чеканки из Чир-Юрта и, особенно, Келегеев. Келегейская подвеска, отлитая с солида 613-625 гг, показывает, что до следующего поступления монет 638-641 гг чеканки кочевники начали испытывать своеобразный “монетный голод”, хотя, что несколько странно, подражание имеет характерную пробу солидов и византийских вещей комплекса (958), а не “варварскую” (900) (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, S.608). Не исключено, что в данном случае речь просто идет о намеренном копировании “счастливого” отцовского талисмана, отлитого из золота более поздних монет.

Солид Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона 630-639 гг чеканки известен в степи в кладе на острове у с.Майстров (Запорожская обл.). Клад состоял из “нескольких сотен” монет, из которых сохранился лишь упомянутый выше солид (Кропоткин В.В., 1962, с.32). Выпуск двадцатикратных солидов 637/638 г в Перещепине наиболее многочисленный (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М11-50; Семенов А.И., 1986а, кат.1347), но вне Перещепины известны только экземпляр из Макуховки (Семенов А.И., 1986б, с.33) и случайная находка из Жаботино (Черкасская обл.) (Кропоткин В.В., 1962, с.37; Залеская В.Н. и др., 1997, с.22, 23). И.В.Соколова датирует чеканку этой серии традиционно 637/638 г, но отмечает при этом, что дата 637 г противоречит историческим данным, согласно которым Ираклеон был коронован только в июле 638 г (Залеская В.Н. и др., 1997, с.19, 26). Поскольку чеканка монет с коронованным Ираклеоном ранее его коронации была невозможной, приходится заключить, что выпуск отчеканен не ранее 4 июля 638 г. Полновесные солиды выпуска 638-641 гг с надписью CONOB на обороте в Перещепине представлены только одним экземпляром (кат.М10), по четыре – в Новых Санжарах (Кропоткин В.В., 1962, с.36; Семенов А.И., 1986а, с.96, 97; Залеская В.Н. и др., 1997, с.27, 28) и Келегеях (Семенов А.И., 1991, с.124, 125; Залеская В.Н. и др., 1997, с.27).

Выплату времени Константа II маркируют двадцатикратные солиды из Перещепины и Новых

Санжар. Наиболее ранний выпуск 642 г представлен одним экземпляром из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М51, с.20); выпуск 642-646 гг – 17 экз. из Перещепины (кат.М52-69) и два из Новых Санжар (Семенов А.И., 1986а, с.96). Учитывая, что выпуск 642 г известен, из даты чеканки второго выпуска 642-646 гг этот год можно исключить, сужив дату до 643-646 гг. Отливки с солида этого выпуска находились и в уже упоминаемом выше разрушенном кургане из Екатеринославской губернии (Голенко К.В., 1956). Солид этого же периода из Келегеев полновесный, а его дата чеканки, вероятно, может быть сужена до 644/645 г (Семенов А.И., 1991, с.126). По мнению И.В.Соколовой, выплаты легких солидов Ираклия с сыновьями и Константа могли поступить и в два приема, но более вероятно их поступление одной партией в начале правления Константа, когда легкие солиды Ираклия еще не разошлись с монетного двора (Залеская В.Н. и др., 1997, с.24). Независимо от решения, важно констатировать, что Византия дважды: в 638 г и 642-646 гг чеканила монеты для выплат этой группе кочевников.

Солид Константа II выпуска 646-651 гг из погребения в Журавлихе (Стрихар М.М., 1992, с.197) является единственной монетой этого выпуска в кочевнических комплексах Северного Причерноморья. Он близок солидам № 13-16, по С.Морриссон, но имеет официну “В”; исследователь сужает дату чеканки таких монет с литерой ε у креста до 646/647 гг (Morrisson C., 1970, S.336). Последующие выпуски Константа II и его наследников оседают уже в погребениях следующих хронологических периодов преимущественно к востоку от Дона (Семенов А.И., 1988, с.103; 1991, с.126, 127; Круглов Е.В., 2002а), где представлены хронологически непрерывно солиды до выпуска Константина V 751-757 гг, после которого византийская монета больше не поступала в Хазарию (Комар А.В., 1999, с.131, 132). Интересно отметить, что неполновесных экземпляров, маркирующих специальные выплаты кочевникам, в погребениях больше нет, хотя случайная находка двадцатикратного солида Константа II и Константина IV 659-668 гг чеканки возле хут.Чембурко у Анапы (Кропоткин В.В., 1962, с.23; Залеская В.Н. и др., 1997, с.23), пожалуй, должна отображать существование как минимум еще одной выплаты. Солиды Константа II этого времени известны в к.3 Романовской (661-663 гг) и к.14 Подгорненского IV(651-654 гг и 661-663 гг) (Семенов А.И., 1988, с.103, 109). Из Купянского уезда Харьковской губ. происходит находка выпуска 654-659 гг (Кропоткин В.В., 1962, с.37). Не исключено, что в это же время поступил и солид из Журавлихи 646/647 г чеканки, но также весьма вероятно и его попадание в Северное Причерно-

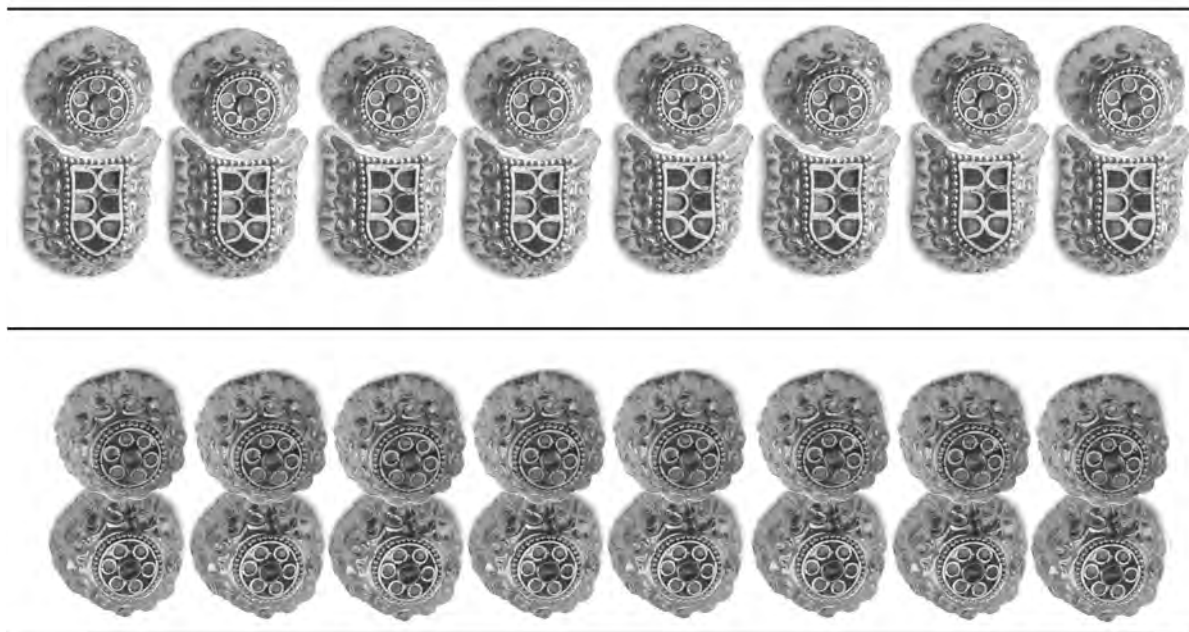

Рис. 12. Вариант реконструкции перещепинских сбруйных ремней.
 Fig. 12. A variant of Pereshchepina harness straps reconstruction.

морье вместе с другими полновесными солидами Константа II 643-646 гг.

Позднейшие монеты в комплексах перещепинского круга представлены в погребении из Романовской. Здесь были солид Константина IV 681-685 гг чеканки и солид Леонтия II 695-698 гг чеканки (Семенов А.И., 1985, с.91, 92). Монеты этих же выпусков вместе с солидами Константина IV 674-681 гг и Юстиниана II 687-692 и 692-695 гг найдены в к.2 Подгорненского IV (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.35, 36). Солиды Леонтия II 695-698 гг и Тиберия III 698-705 гг пересекаются в п.1 к.2 Саловского IV (Парусимов И.Н., 1998, с.19-20). Отдельные находки солидов Тиберия III 698-705 гг следует отметить также в Большой Орловке (Косяненко В.М., 1983, с.115), п.1 к.4 Потайного I (Копылов В.П., Смоляк А.Р., 1988, с.60), комплексе из Вакуровского бугра (раскопки В.А.Никонова 1990 г). Трёмиссис Юстиниана II 692-695 гг найден в к.18 Козинского I (Семенов А.И., 1988, с.103), а солид Юстиниана II 705-711 гг находился в к.3 Вербового Лога IX (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.40). Интересная и показательная особенность – монеты политических противников Юстиниана II и Тиберия III в комплексах не пересекаются так же, как не пересекаются и монеты Тиберия с монетами Константина IV. Похоже, мы имеем дело с двумя разными эпизодами поступлений монет, первый из которых был связан с Юстинианом II, а второй – с Тиберием. Последний же из рассмотренных выпусков Юстиниана II 705-711 гг мог

поступить как во время Юстиниана, так и позже в 711-715 гг, во время правления Вардана Филиппика, поскольку монет этого хазарского ставленника, как это ни странно, в кочевнических погребениях времени Хазарского каганата пока нет, а случайная находка трёмисса 711-713 гг чеканки известна в г.Лубны Полтавской обл. (Алексеев М.О., Сидоренко О.В., 1999). Последующий период маркируют поступления монет Льва III и Константина V (Семенов А.И., 1988, с.103; 1991, с.126, 127; Круглов Е.В., 2002а, с.89), но связаны они уже только с раннесалтовскими комплексами.

Рассмотренные находки византийских монет в кочевнических погребениях позволяют уверенно говорить о многократности поступлений византийского монетного золота в степь в виде выплат (партии с двадцатикратными солидами) или подарков (медальоны и полновесные солиды). Вариант торгового обмена более сложен, поскольку И.В.Соколовой отмечен запрет на вывоз золотой монеты из Византии (Залеская В.Н. и др., 1997, с.20, 21). Отрицали возможность поступлений золотой монеты к кочевникам вследствие торговых отношений и Дж.Смедли и А.И.Семенов, рассматривая такие находки как отражение дипломатических контактов или совместного участия в военных предприятиях (Smeadly J., 1988; Семенов А.И., 1991, с.127). Хорошим подтверждением этому является ситуация 2-й пол.VIII – X в.: несмотря на соседство Византии и Хазарии в Крыму, несмотря на выразительные крымские импорты в салтовских погребениях, на-

ходок византийских солидов младше выпуска Константина V 751-757 гг на салтовских памятниках нет. Как мы уже аргументировали, само прекращение поступлений связано с разрывом политических отношений между хазарами и Византией в 760-761 гг после брака дочери хазарского кагана и арабского наместника Закавказья Язида ас-Сулами (Комар А.В., 1999, с.131, 132), но последовавший сразу же новый конфликт хазар с арабами не восстановил дружеских отношений с Византией, которая до, да и после эпизода сооружения Саркела, находилась с Хазарией в состоянии “вооруженного нейтралитета” или конфронтации. Не менее показательны и полное отсутствие византийских монет в славянских кладах VII в., хотя именно на это время приходятся выразительные связи Крыма с Поднепровьем, отраженные в археологическом материале (Айбабин А.И., 1990, с.70-72).

На наш взгляд, золотая византийская монета все же участвовала в торговом обмене византийцев и кочевников, но таким образом шел только *отток* золота от кочевников, все поступления же были связаны с дипломатическими выплатами и дарами.

В интересующее нас время выделяются 10 основных периодов монетных поступлений:

1) 545-565 гг – выплаты Юстиниана I утигурам, кутригурам и савирам. Монеты еще долго обращаются в среде кочевников Восточной Европы, переходя из рук в руки.

2) 582-602 гг – поступления полновесных солидов Маврикия – Тиберия.

3) 602-610 гг – выплата времени Фоки.

4) 625-628 гг – поступления полновесных солидов Ираклия и Ираклия Константина.

5) 629-632 гг – поступление полновесных солидов и подарочных медальонов Ираклия и Ираклия Константина.

6) 638-641 гг – выплата солидами Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона.

7) 643-646 гг – выплата солидами Константа II.

8) 651-663 гг – поступления или выплата солидами Константа II.

9) 695-705 гг – поступления полновесных солидов Константина IV, Леонтия II, Юстиниана II и Тиберия III. Поступления распадаются на две части: а) солиды Константина IV, Леонтия II и Юстиниана II первого периода правления; б) солиды Леонтия II и Тиберия II.

10) 705-715 гг – солиды Юстиниана II второго периода правления.

Корреляция выплат и поступлений с историческими событиями (табл.2) показывает интересную закономерность: все периоды поступлений к кочевникам полновесных солидов и подарков совпадают с периодами союзнических отношений Византии

с западными тюркютами или хазарами. Особенно интересен отмеченный И.В.Соколовой факт отсутствия в Восточной Европе наиболее массовых у авар легких солидов 619-629 гг выпуска (Залеская В.Н. и др., 1997, с.23). Хотя Ираклий вполне мог расплатиться и со своими северокавказскими союзниками 625-630 гг легкими солидами, этого, похоже, не случилось, что свидетельствует о целенаправленной чеканке легковесных монет для конкретных выплат.

Версию З.А.Львовой и Б.И.Маршака о том, что выплаты 638 и 643-646 гг “днепровским” племенам предназначались для их “подкупа” против авар (Залеская В.Н. и др., 1997, с.91), следует отбросить сразу – после 626 г Византия больше не имела никаких военных конфликтов с аварами. Все выплаты двадцатикратных солидов восточноевропейским кочевникам, кроме наиболее ранних юстиниановских, относятся к периодам, для которых мы не имеем информации о контактах Византии с кочевниками Восточной Европы. Нетрудно заметить также, что во всех этих случаях византийцы терпели сокрушительные поражения от врагов и отчаянно нуждались в воюющих против тех же врагов союзниках, которыми, как показывает табл.2, из кочевников в это время могли быть западные тюркюты и хазары – “златолюбивый, звериных нравов народ косоносцев” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81). Единственным исключением является эмиссия 638 г, отчеканенная после потери Антиохии. Очевидно, по оценке византийских дипломатов, персы вполне могли потерять Закавказье уже в 638 г. Но последние оправались, и только после победы при Нихавенде в 642 г арабы сумели захватить Восточное Закавказье. Впрочем, И.В.Соколова права: в этой ситуации эмиссия Ираклия 638 г могла быть и просто придержанной в казне до “более нужного случая” и поступить к кочевникам уже вместе с солидами Константа II в виде единой выплаты, вероятнее всего, в 645 г.

Погребение из Романовской, на наш взгляд, вряд ли маркирует отдельное поступление солидов Константина IV и Леонтия II, поскольку монеты этих же выпусков идут в комплекте с солидами Юстиниана II в к.2 Подгорненского IV. История отношений хазар с византийцами в 695-711 гг крайне сложна, и при определении времени поступлений монет здесь нужно учитывать несколько моментов. Свергнутый в 695 г и сосланный в Херсонес Юстиниан II в 700-704 гг установил отношения с хазарами, а затем бежал к ним. Вероятно, по политическим соображениям он расплатился с хазарами за помощь только своими монетами, а также монетами Константина IV и Леонтия II, но не Тиберия Апсимара. Во второй период своего правления отношения с хазарами у Юстиниана резко испорти-

Табл. 2. Корреляция поступлений византийских монет в восточноевропейскую степь с политическими событиями

Периоды выплат и поступлений солидов к кочевникам	Исторические события	Контакты византийцев с кочевниками Восточной Европы
545-565 гг. (выплаты)	551, 559 гг. – вторжения кутригуров в византийские земли; 560-562 гг. – этап союзных отношений Византии с аварами; с 562 г. – войны Византии с аварами	Выплаты Юстиниана I утигурам, кутригурам и аварам
582-602 гг. (поступления)	583-587 гг. – аваро-византийская война, заключение временного мира; 588 г. – возвращение тюрками Боспора Византии; 589 г. – вторжение тюрков в Персию и хазар в Албанию; 600 г. – временное объединение Западного и Восточного Тюркских каганатов Дулу-ханом (Бугя-каганом)	589 г. – союз Византии, западных тюрков и хазар; совместные боевые действия в Закавказье; 600 г. – посольство тюрков в Константинополь
602-610 гг. (выплаты)	602 г. – начало войны Византии с Персией; 603 г. – восстание и кушан против персов, призыв на помощь тюрков и их вторжение в Персию; 603-604 гг. – восстание албанцев против персов; 604-608 гг. – наступление персов на Византию, захват Сирии	
625-628 гг. (поступления)	625 г. – вторжение тюрков в Закавказье; 626 г. – осада персами и аварами Константинополя, поражение авар; осада тюрками и византийцами Тбилиси; 627-628 гг. – персидский поход Ираклия и тюрков; убийство Хосрова II	625 г. – посольство Андрея к западным тюркам, заключение союза против Персии; 626-628 гг. – совместные боевые действия в Закавказье и Персии
629-632 гг. (подарок)	629 г. – мир Византии с Персией; захват тюрками Албании; 630 г. – вторжение тюрков в Армению, гибель их предводителя джабгу; убийство Тун-джабгу-кагана, смута в Западном каганате; вывод тюркских войск шадом из Албании; 632 г. – образование Хазарского каганата	630 г. – отправка дочери Ираклия Евдокии к джабгу тюрков для заключения брака; её возвращение из-за гибели жениха
638-641 гг. (выплата)	636 г. – поражение византийцев от арабов в битве на р. Ярмук; 637 г. – поражение персов от арабов в битве при Кадисии; захват арабами Иерусалима. 638 г. – захват арабами Антиохии; 640 – захват арабами армянской крепости Двин.	
643-646 гг. (выплата)	642 г. – решающее поражение персов от арабов в битве при Нехавенде; захват арабами Египта; 642/643 гг. – захват арабами Дербента, начало конфликта с хазарами; поход на Баланджар; 645-646 гг. – контрнаступление византийцев, неудачная попытка вернуть Александрию	Лето 645 г. – союзное участие тюрков в войне византийцев против арабов
646-668 гг. (поступления или выплата)	647 г. – захват арабами Кессарии Каппадокийской; 648/649 гг. – нападение арабов на Кипр; 652 г. – Армения и Грузия признают власть Халифата; 653 г. – поход Константа II в Армению; 654 г. – действия Мавриана в Армении против Хабиба ибн Масламы; поход арабов на Баланджар, их разгром хазарами; 654 г. – высадка арабов на Родос; разорение Ионии; 656 г. – смерть халифа Османа; начало усобицы в Халифате; 661 г. – провозглашение халифом Муавии; конец смуты	Нач. 654 г. – союзные войска хазар и алан приходят на помощь Мавриану в Армении.

лись, поэтому монеты этого времени могли попасть к хазарам только от херсонитов как часть выкупа за город в 711 г или же позже от Вардана Филлипики, хотя последняя версия и маловероятна до обнаружения в кочевнических погребениях монет собственно Филлипики. Поступления же монет Тиберия Аписмара явно связаны с его “просьбой” 704 г выдать ему голову Юстиниана II, скрывающегося у хазар, а также, частью, с выкупом херсонитов 711 г.

Механизм распределения выплат внутри племен Западнотюркского или, позже, Хазарского каганатов в каждом конкретном случае, очевидно, был индивидуален. Доля племени зависела от его вклада в конкретных боевых операциях, от благосклонности кагана и т.д. Но рассматривать наличие одинаковых выплат как этноплеменной признак, конечно же, будет ошибкой. Достаточно вспомнить красноречивое описание готовящейся мобилизации 626 г в “Истории страны Алуанк”: “И вот он [Джебу хахан] распорядился, чтобы все, кто находился под его властью, все племена и роды, проживающие в горах и долинах, на суше или островах, оседлые или кочующие, бреющие головы или носящие косы, чтобы все они были готовы [явиться] по первому же зову его” (Мовсэс Каланкагуаци, 1984, с.78). В реальности, разумеется, мобилизации всей страны не происходили, и в конкретных исторических событиях участвовали лишь отдельные племена. Поэтому наличие в комплексах солидов одних выпусков, скорее, указывает на участие их собственников или их предков в одних исторических событиях.

“Архаические” монеты Юстина I и Юстиниана I связывают Келегеи, Лимаревку и Уч-Тепе. Поскольку находки брактеатов Юстиниана I, а также подражаний его солидам известны даже в Турфанской котловине (Восточный Туркестан ..., 1995, с.292), следует предполагать их обращение в среде тюрко-согдийской верхушки, участвовавшей в торговле Великого Шелкового пути. Поступления Маврикия-Тиберия связывают Перещепину с Чир-Юртом и событиями вторжения тюркютов 589 г в Албанию; такой же солид или подражание найден и вблизи Бухары (Кропоткин В.В., 1962, с.47). Следующая выплата Фоки (Перещепина, Новые Санжары, Дорофеевка, Староджерелиевская) разошлась в этой группе кочевников (к сожалению, нам не известен вес монет из Камунты и Чми) (Кропоткин В.В., 1962, с.30, 31). Поступления времени тюрко-византийского военного альянса 625-628 гг имеют еще более широкую географию – Осиповка, Келегеи, Дорофеевка, Чир-Юрт, Шиловка; также следует отметить находки в Киргизии и Таджикистане (Кропоткин В.В., 1962, с.46, 51). Эксклюзивные подарочные поступления 630 г объединяют Перещепину с Печеной и, особенно, находкой золото-

го брактеата Ираклия и Ираклия Константина 630 г чеканки в Таджикистане (Кропоткин В.В., 1962, с.51). Выплата 638 г, если она была независимой, связывает Перещепину с Макуховкой; выплаты же Константа II 643-646 гг – с Новыми Санжарами и курганом из Катеринославской губ. Келегеи со своими полновесными солидами этих же выпусков занимают несколько особую позицию, но, в целом, группа комплексов: Перещепина, Макуховка, Новые Санжары и Келегеи, как видим, оказывается тесно связанной не только специфическим погребальным обрядом, но и политическими связями их собственников.

2.3. “Варварская” группа

По качеству и эстетической ценности вещей эта группа заметно уступает византийской и сасанидской группам, что обычно привлекало к ней наименьшее внимание исследователей. Перещепинский комплекс объявлялся содержащим только элементы “интернациональной культуры знати”, лишенной какой-либо конкретной культурной и, тем более, этнической специфики, что позволяло отдельным исследователям даже относить комплекс к славянским древностям (Рыбаков Б.А., 1939, с.330; Брайчевский М.Ю., 1950, с.39-45). Подобная риторика не исчезает со страниц и ныне, но ее несостоятельность стала очевидной после работ З.А.Львовой и Б.И.Маршака, предложивших, наряду с анализом традиционных морфологических и стилистических признаков, также и анализ технологии изготовления вещей (Маршак Б.И., 1971, с.51-53; Львова З.А., 1994; Залеская В.Н. и др., 1997, с.66-84).

Критерии выделения “археологической культуры” или “культурного типа” в каждой из областей археологии различаются. Откровенно бессмысленно механически сравнивать палеолитические “индустрии” и мезолитические культуры с переднеазиатскими городскими культурами эпохи бронзы, а последние с культурами кочевников раннежелезного века – слишком велика разница в хозяйственном укладе. Тем не менее, взяв для сравнения только один компонент культуры – вещевой набор, мы обнаруживаем полную идентичность основных принципов его анализа для всех эпох: функция – морфология – технология – стилистика. Именно специфика дизайна, изготовления и декора функционально одинаковых вещей и служит показателем культурной специфики вещевого набора любого археологического памятника.

Выделив из перещепинского комплекса предметы иранского и византийского производства, мы оказываемся перед необходимостью опреде-

лить культурную специфику “варварской” группы. Предметы этой группы разделены З.А.Львовой и Б.И.Маршаком по технологическому признаку на 6 групп (группы II-VII) (Залеская В.Н. и др., 1997, с.72-84), но это деление несколько условно, что подчеркивалось и самими исследователями.

Группа II неоднородна и, на наш взгляд, распадается на две слабо связанные между собой подгруппы или, скорее, даже группы. Детали облицовки ножен и рукояти меча (кат.40-42) (рис.14, 2, 5; 15, 1, 14), а также “колесико” (кат.43) выполнены в едином декоративном и технологическом стиле с использованием мелкой, средней и крупной зерни, в отличие от зерненных изделий византийской группы I, где использовалась только зернь одного размера, преимущественно мелкая (средняя есть только на бляшках сбруйного набора). На изделиях группы IIб (кат.44-47, кат.87) зерни и скани нет вообще, зато есть напаянные гнезда для вставок под стиль *cloisonne*, аналогичные технологически гнездам византийских вещей “варварского” стиля из группы I, а также Бочи и Кунбабоня; есть также украшенные “косичкой” полоски, которых нет на изделиях группы IIа. Сходны с аварскими и ободки облицовки колчана (кат.87), который, как мы уже отмечали выше, скорее всего, относился к одному подарочному комплекту с вещами I группы. В той же византийской традиции прокатаны и ободки (кат.47), предположительно, от рога. Группа IIб совершенно очевидно связана с группой I. Ее связи с группой IIа, по З.А.Львовой, выражаются только в похожей конструкции коробочки наконечника ножен и наконечников ремней из двух листов (Залеская В.Н. и др., 1997, с.72), но это – схожесть геометрического решения “выкройки”, а не стиля и не технологии. На наш взгляд, группа IIб выполнена мастерами византийской выучки и даже может относиться к византийским предметам “варварского” стиля. Противоречит этому только наличие гнезда конструкции “разрезной нахлест” на наконечнике кат.45 (рис.36, 21), поскольку, по наблюдению З.А.Львовой, в Перещепине такая конструкция не использована ни на одном из византийских изделий (Залеская В.Н. и др., 1997, с.76), но и это не безусловно, поскольку уже упоминавшееся выше гнездо вставки на бутероли меча с кольцевым навершием (рис.16, 5) могло быть выполнено и греческим ювелиром, во всяком случае, речь идет уже о мастере “гладосской” выучки. Само предназначение гнезда наконечника кат.45 не совсем понятно, так как по его центру находится золотой гвоздик – такой способ крепления вставки не повторяется ни на одном известном нам предмете изделий перещепинского круга.

Предметы группы IIа принадлежат к обкладкам оружия, причем непонятное по назначению

“колесико” (кат.43) также, возможно, имеет к ним какое-то отношение. Форма перещепинского наконечника ножен (рис.15, 1) чрезвычайно близка обкладкам оружия из Келегеев и Вознесенки (рис.15, 2, 3; 16, 2; 27, 2), а также Глосос (рис.10, 1, 2). Накладка с фигурным вырезом и круглыми вставками (рис.15, 14) очень близка изделиям из Макуховки (рис.15, 17, 18). Р-образные бляшки с грануляцией, закрывающие скобы ножен (рис.14, 2, 5), известны в кат.11 Чми (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 101), сами же Р-образные скобы характерны для подкурганых кочевнических погребений Восточной Европы (рис.44, 1-4); по двум вставкам на выступе к ним ближе всего петли из к.5 Виноградного и Глосос (рис.10, 1). “Колесики” также были в Макуховке и Ясиново, похожее – в кургане из Большой Орловки (Косяненко В.М., 1983, с.14). Стиль оформления предметов группы IIа – зернь различного размера, фигурки из треугольников зерни, круглые вставки, окруженные ободком из зерни – мы обнаруживаем в Макуховке и Келегеях, а также в целом ряде погребений с наборами арцибашевского типа: Арцибашево, к.14 Белозерки, к.5 Виноградного, п.2, к.2 Васильевки, хут.Крупской, Мадара и т.п. мужские, а также женские: Джигинская, Новопокровка, к.17 Наташино, Уфа (рис.18; 19).

Справедливо сравнивая стиль и технику исполнения украшений группы также с Глососами (Залеская В.Н. и др., 1997, с.73, 94), З.А.Львова и Б.И.Маршак даже называют эту “мастерскую” “гладосской”, что в технологическом плане не совсем точно. Дело в том, что, наряду с общими технологическими традициями (зернь различных размеров, гнезда конструкции “разрезной нахлест”, скань “бегущая волна”), в Глососах присутствуют и такие, которых нет в рассматриваемой нами группе, – полые шарики, проволочная псевдозернь с “экватором”, характерные для мастеров византийской выучки (Bühler В., 2002, S.121-130) (рис.17, 3, 9). Эти же элементы наблюдаем и на поясном наборе из Вознесенки (рис.11; 17, 7). Глососы и Вознесенка демонстрируют уже следующую стадию развития стиля перещепинской группы IIа, для которой характерно слияние “варварских” и византийских технологических приемов. Интересно также, что если в Келегеях все изделия с высокой “солидной” пробой золота принадлежат к византийским, то в Глососах даже изделия совершенно одной “руки” могут иметь разные пробы: “солидные” и “варварские”, т.е. изготавливались в несколько приемов из золота различного качества (Сміленко А.Т., 1965, с.59, 60).

Наиболее ранние проявления стиля группы IIа в Восточной Европе обнаруживаем в погребении из Суханово (рис.18, 15, 18) (Приходнюк О.М.,

2001, с.34, 35; рис.26) с пряжкой “Суцидава” кон. VI – нач.VII в. Истоки форм и стиля женских украшений прозрачно иллюстрируют материалы джетысарских погребений Восточного Приаралья (рис.18, 7, 21-24) (Левина Л.М., 1996, рис.109, 1, 3-6; рис.119; рис.148; рис.149), комплекса из Борового (Казахстан) (Засецкая И.П., 1975, кат.13-32), погребения из Шамши (Чуйская долина) (рис.18, 10, 17) (История Киргизской ССР, 1984, цветная вклейка), Пенджикента (Распопова В.И., 1980, рис.74, 1-4). Это – зона расселения племен Западнотюркского каганата, с экспансией которого во 2-й пол.VI в. и связано появления этого стиля в Восточной Европе. Близкие по стилю и технологии поясные детали с грануляцией из мужских погребений (рис.19), на наш взгляд, имеют другие истоки и стилистически связаны с изделиями сасанидского круга (Balint Cs., 1978, fig.4; 8; 14; 1992, taf.4). Как уже отмечалось выше, наличие пехлевийской надписи на бляшке этого стиля из Виноградного (рис.18, 29) делает вероятным даже прямое изготовление таких наборов иранскими мастерами.

Таким образом, стиль изделий рассматриваемой группы синтезированный, состоящий из нескольких культурных компонентов. В целом его можно назвать “тюрко-иранским”, различая, тем не менее, три традиции: “сухановскую” (преимущественно женские украшения; преобладание исходных среднеазиатских форм, техники и стиля декора; использование крупной, средней и мелкой зерни, скани, обилие стеклянных вставок, перегородчатая инкрустация, отсутствие композиций из треугольников и ромбиков зерни) (рис.18, 2, 3, 6-8, 10-24; 24, 12, 13), “арцибашевскую” (преимущественно украшения пояса, оружия и сбруи, влияние иранских форм и стиля; использование средней и мелкой зерни, литой псевдозерни, образующих различные композиции из треугольников и ромбиков, лишь отдельные вставки в напаянных гнездах) (рис. 15, 1, 14, 17, 18; 18, 29, 31-35; 19, 2-25, 28-45) и “глодосскую” (пышное покрытие зернью и вставками всей поверхности предмета, использование проволочной псевдозерни, полых шариков, скани, вставок в гнездах различной конструкции, перегородчатой инкрустации, бисера, византийских мотивов в декоре) (рис.10; 11; 17, 2, 3, 7-9; 18, 9, 25; 24, 20, 21, 32, 33).

Самая яркая позднейшая “глодосская” группа наименее представительна – Глодосы, Вознесенка, Келегеи, Романовская, Джигинская, Новопокровка. В Келегеях к изделиям “глодосской” группы принадлежит пирамидальная подвеска (рис.24, 6), но она, возможно, и просто византийской работы, зато использование проволочной псевдозерни на обкладках оружия (рис.15, 2; 16, 2) однозначно относит их уже к изделиям позднейшего синтезиро-

ванного варварско-византийского стиля. Именно к этому стилю могут принадлежать перещепинские изделия группы Пб: в Глодосах мы находим и аналогии технологии прокатки полосок кат.47, и гнезда для перегородчатой инкрустации, и “изогнутые” каплевидные гнезда, как на наконечниках кат.44, 45. Перещепинские же предметы группы Па явно принадлежат к другой группе – “арцибашевской”.

Группа Пш также неоднородна (Залеская В.Н. и др., 1997, с.74-79). Подгруппу Пша составляют обломок меча (кат.55), 5 золотых бляшек с аметистами и горным хрусталем (кат.56), а также бляшка с гранатовой вставкой (кат.57). К этому комплексу примыкают бляшки с аметистами и изумрудом подгруппы Пшб (кат.58, 59).

Наиболее ярким и выразительным предметом здесь, несомненно, является обломок однолезвийного меча кат.55 (рис.20, 1; 21, 1, 2). Съёмное перекрестье с ромбовидным расширением по центру и каплевидными выступами на концах известно в довольно узком круге памятников: это Вознесенка (рис.20, 2-4), Глодосы (рис.10, 1, 2), п.138 Борисово (рис.22, 11). Судя по форме вырезов обкладок ножа (рис.15, 17), такое же перекрестье было и в Макуховке. В Вознесенке перекрестья просто позолочены золотым листом. В Глодосах же они дополнительно декорированы псевдозернью и инкрустацией вставками. Перещепинское перекрестье украшено по-другому – в технике золотой “насечки”. А.И.Семенов отметил использование этой техники на стременах, псалях и ножах из Вознесенки, на ноже из Глодос (Семенов А.И., 1988, с.103-108). Исследователем, в основном, очерчен и круг аналогий: тюркские погребения Алтая и Монголии, Согд, хакасская культура чаатас, раннесалтовский к.1 Саловского I могильника (с “подквадратным ровиком”) (Копылов В.П., 1981, с.20), салтовские кремационные могильники Дюрсо и Молдаванка. Инкрустация серебром по железу известна в салтовском Алексеевском “кладе” (Афанасьев Г.Е., 1993, рис.12; 13) и у авар (Balint Cs., 1996, kat.5.59). Речь идет о специфической центральноазиатской традиции, наиболее ранний образец которой в Восточной Европе обнаружен именно в Перещепине.

Сверху и снизу перекрестье меча кат.55 зажато золотыми окантовками (рис.21, 1, 2). Верхняя оформлена “трилистниками” в стиле ножен меча из коллекции Алексеева (Balint Cs., 1992, Taf.24; 25) (рис.14, 1; 21, 3, 4), которые, по мнению А.И.Семенова, могут происходить из Макуховки (Семенов А.И., 1986б, с.34). Еще ближе перещепинским “трилистники” группы сбруйных бляшек из Вознесенки (рис.21, 6-10). На ромбовидных бляшках “трилистники” с завитками вниз сочетаются с “трилистниками” с завитками вверх (рис.21, 6). На похожем сбруйном наборе из аварского комплекса

Рис. 13. Перстни с монограммами. Масштаб 1,5 : 1.
Fig. 13. Seal-rings with monograms. The scale of 1.5 : 1.

в Капталантоти (Awaren in Europa ..., 1985, Abb.23) волюты завернуты только вверх, а “трилистники” с завитками вниз есть на бляшках из п.144 Тиса-фюреда (Гавритухин И.О., 2001в, рис.5, 4). Стилю последних близко оформление парных квадратных украшений из Перещепины (кат.62), где на тисненый декор были сверху добавлены вставки в напаянных гнездах (рис.21, 5). И в Вознесенке, и в комплексах II среднеаварского периода проникновение нового стиля пресованных изделий явно связано с византийским влиянием. Но происхождение рассматриваемого нами стиля не обязательно византийское, поскольку прототипами таких “трилистников” вполне могут быть и “трилистники” обкладок кинжала из Борового (Засецкая И.П., 1975, кат.27). Датировка последнего 2-й пол.VI в., т.е. уже эпохой Тюркского каганата, сейчас не вызывает сомнений, поскольку его аналогия из корейской могилы 14 в Керим-лоо датируется не ранее сер.VI в. (Arazawa W., Manome J., 2000, p.72).

Очевидно, под влиянием оформления “макуховских” ножен подобной конструкции ожидали и для перещепинского меча кат.55 З.А.Львова и Б.И.Маршак, поскольку никаких обкладок рукояти или ножен, за исключением полоски кат.86, к комплектации данного меча не было отнесено. Возможно, это и правильно с точки зрения доказуемости суждений, но все же нельзя не отметить излишнюю строгость метода отбора: одна технология – один мастер – один набор. Таким образом, мастера как бы лишаются права владеть различными техниками и изготавливать вещи разного стиля; отрицается возможность существования стилистической и технологической эклектики; не допускается наличие разделения труда в одной мастерской. По

такому принципу, например, ножны из коллекции Алексеева (рис.14, 1; 21, 3, 4) распадутся на детали разных мечей: квадратные обкладки с Р-образными выступами выполнены в стиле перещепинской группы Па, а их Р-образные скобы с “трилистниками” и бутероль должны быть удалены в подгруппу VIб, хотя орнаментальные мотивы соответствуют также и мечу из подгруппы Ша. Пожалуй, детали этого меча, даже если они и не происходят из Макуховки, убедительно показывают взаимосвязь всех трех упомянутых подгрупп, связанных с одной культурной средой, “школой”, возможно, даже мастерской.

Меч кат.55 имеет выраженную лицевую сторону (рис.21, 1, 2), которая указывает, что при ношении меча слева он должен быть повернут лезвием вверх. Нормальная логика подсказывает его принадлежность левше и, соответственно, правостороннее ношение, но в Перещепине нет обкладок “правосторонних” ножен. Подобный парадокс обнаруживаем и в погребении из Уч-Тепе, где меч уложен слева от покойника, имеет “левосторонние” петли, но вложен в ножны лезвием к петлям (Семенов А.И., 1987, с.64, 65). Такая же ситуация и в погребении из Чапаевского: меч лежал слева, лезвием к петлям (Атавин А.Г., 1996, табл.4, 1; 5, 1). Ритуальное переворачивание меча в данном случае исключено, поскольку рукоять уч-тепинского меча также имеет лицевую сторону. Отметив это обстоятельство, З.А.Львова предположила, что ритуал включал и “переворачивание” рукояти, а в Перещепине – перекрестья (Львова З.А., 2000б, с.153, 154), но это трудновыполнимо. Рукояти обоих мечей в таком случае просто разламывались бы и собирались заново, причем в Перещепине пришлось

бы опять в горячем виде снимать и одевать перекрестье и золотые полоски. Смысл таких действий откровенно непонятен, особенно учитывая, что результат больше напоминает “мелкое вредительство”, а не “обезвреживание” покойника. Наконец, рассматриваемый перещепинский клинок и так дошел до нас в сломанном состоянии, что, учитывая преднамеренно сломанные серебряные стремяна из комплекса, вполне может быть отражением настоящего обряда обезвреживания.

Остаются только два реальных варианта: либо перещепинский меч действительно сделан для левши и носился справа, но его ножны по каким-то причинам не попали в ритуальный комплекс, либо же что он, как и мечи из Уч-Тепе и Чапаевского, вкладывался в обычные “левосторонние” ножны. Заметим также, что принадлежность как минимум части перещепинских вещей правше подтверждает большая византийская пряжка кат.8: характер царапин на внутренней стороне ее рамки указывает, что пояс одевали, держа пряжку в левой руке и уверенно продевая конец ремня с наконечником правой. В случае плохого владения правой рукой, рамка была бы поцарапана бессистемно, а при ношении пояса левшой пряжкой справа, поцарапана была бы противоположная часть рамки. Зачем же правше понадобился “леворучный” меч в левосторонних ножнах? Вынуть меч из таких ножен правой рукой на самом деле можно. Речь идет о “японском” варианте – ножны левой рукой переворачиваются вертикально перед собой с поворотом кисти, после чего меч правой рукой вынимается движением сверху вниз. Аналогия совсем не покажется далекой, если вспомнить о трех вознесенских и шиловской саблях со срезанными под углом остриями (рис.38, 5-7), характерными для японских и танских клинков VII-VIII вв. (Восточный Туркестан ..., 1995, с.393).

Гадать о точном смысле такого способа ношения меча кочевниками, конечно, трудно. Единственный рациональный мотив, который приходит на ум, – это знаковая символика поднятого обнаженного клинка командира, всегда означавшего в кавалерии начало атаки. При обычном способе обнажения меча клинок неминуемо оказывается сверху, в японском же варианте, наоборот, опускается вниз, позволяя, таким образом, отдать в процессе две команды: “готовься!” и “в атаку!”.

Второй, менее вероятный вариант объяснения связан с отказом интерпретации обломка клинка кат.55 как меча. В наиболее близких по набору вооружения Перещепине комплексах из Глудос и Вознесенки сабля сочеталась с коленчатым (рис.10, 2; 22, 7, 10) или прямым (рис.22, 1, 2) однолезвийным боевым ножом, причем на лезвии и глудосского, и двух вознесенских ножей наблюдается тот же спо-

соб золотой “насечки”, что и на перещепинском экземпляре (рис.22, 1, 2). Поскольку коленчатые ножи вкладывались в ножны лезвием вверх, такую же схему вполне можно допустить и с прямыми ножами. Сохранившаяся часть перещепинского клинка, конечно, крупновата для обычного боевого ножа. В данном случае речь должна идти об экземпляре длиной минимум 0,5-0,6 м, что, впрочем, не выходит за рамки допустимого. Если клинок кат.55 действительно является остатками крупного боевого ножа, то носился он в обычных левосторонних ножнах лезвием вверх, традиционно для тюрков подвешенный к поясу в районе живота.

Ножны из коллекции Алексева (Макуховки?) довольно наглядно демонстрируют, что ножны и обкладки перещепинского меча кат.55 также могли быть оформлены в стиле групп Па и VIб. Им вполне могут принадлежать наконечник ножен кат.42 (рис.15, 1), бляшки Р-образных скоб кат.40 (рис.14, 2, 5) и их ободки кат.82 (рис.14, 3, 6), накладка кат.41. Особенно следует подчеркнуть тесную связь деталей Р-образных скоб кат.40 и 82, которые, как показывают аналогии из кат.11 Чми (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 101), относятся к одному комплекту. Золотые зерненные Р-образные пластинки из “Макуховки” и Чми пробиты гвоздями точно так, как и перещепинские кат.40 – они явно крепились к деревянной поверхности. Показательно также, что одна из Р-образных пластинок кат.40 (№ 1930/118) разорвана (рис.14, 5), в то время, как одна из Р-образных скоб кат.82 деформирована (рис.14, 6). Похоже, эти Р-образные скобы в древности просто отломали от ножен во время обряда. Идентичный обряд наблюдаем в Иловатке, где, как продемонстрировал А.К.Амброз, во время погребального обряда Р-образные скобы боевого ножа отломали от ножен (Амброз А.К., 1986, с.58, 59). Втиснуть экспериментальным путем золотые пластинки кат.40 в скобы кат.82 мы, разумеется, не пытались, хотя по размеру они подходят, вариант же реконструкции петель представлен на рис.14 (рис.14, 4).

Особенности подгрупп IIIа и IIIб заключаются в особом приеме – использовании “плоской” зерни (рис.18, 28, 30; 21, 1). Она, похоже, лилась так же, как и обычная, но потом сплющивалась в разогретом виде. Получались неравные по высоте кружочки, которые уже на бляшках довольно грубо механически подшлифовывались, чтобы подогнать по высоте. Бляшки кат.56, 57 имеют длинные штырьки и, вполне возможно, крепились к деревянной основе. Как предполагает Б.И.Маршак, это был щит. К сожалению, ни в одном из подкурганских погребений этого времени Восточной Европы щитов нет. Нет их и на изображениях воинов из Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.ХII, 1), поэтому

судить о их форме и оформлении не приходится. Такими бляшками можно было украсить также колчан, седло, налучье и сам лук. В хорошо документированном погребении из к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамакин, 1996) круглые бляшки украшали Р-образные скобы палаша. Такую возможность допускает и Б.И.Маршак, замечая, правда, что Р-образных скоб такого типа в Перещепине только 4 (кат.82, 83), а бляшек 5 (Залеская В.Н. и др., 1997, с.208). Но одна из этих бляшек на самом деле выпадает из группы из-за вставки горного хрусталя, т.е. как раз однотипных бляшек именно четыре. Другое дело, что скобы кат.82, скорее всего, закрывались пластинами кат.40 (рис.14, 4) с двумя напаянными вставками, т.е. отношение бляшек кат.56, 57 к петлям ножен действительно сомнительное.

Группа бляшек побольше с короткими петлями (кат.56, 58) отнесена З.А.Львовой к деталям пояса (Залеская В.Н. и др., 1997, с.48, 177, 178), но в данном случае опять поправка терминологическая – речь может идти об украшениях *ремней* сбруи, портупей меча или колчана, любом ремешке, находящемся постоянно на виду. Схожесть оформления делает наиболее вероятной их отношение к портупей меча кат.55, но мастер мог просто не раз использовать удачную, по его мнению, технологическую находку, во всяком случае, бляшка кат.59, судя по форме петель, к этому же ремешку никак не относилась.

Подгруппа Шв, в целом, довольно специфична и не имеет аналогий по форме предметов среди синхронных кочевнических комплексов. Исключением является только ожерелье из монет кат.64, аналогичные которому, очевидно, находились в разрушенном кургане из Екатеринославской губ, а также, возможно, более позднем к.2 Погорненского IV (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.41). Ожерелье из Келегеев другое – здесь монеты просто подвешивались при помощи приклепанных петелек, тогда как перещепинское кат.64 соединялось византийским способом последовательно в ряд. Ожерелье кат.63 отличается от кат.64 напаянными гнездами конструкции “разрезной нахлест”. Вставки в них сейчас отсутствуют, но легкий равномерный обжим верхнего края отдельных гнезд свидетельствует о первоначальном наличии камней. Последние начали выпадать еще во время активного использования ожерелья, о чем свидетельствуют монеты кат. М30, 62 – их гнезда прижали инструментом типа клещей, чтобы предотвратить выпадение расшатанных камней. Зато на ряде других монет – кат. М31, 61, 63, 65, 67, 69 – наоборот, наблюдается разжимание гнезда с целью вытащить камень. Другая группа монет – кат.М32, 34, 37, 40, 45, 46, 48, 60, 64 – имеет гнезда, деформированные многократными бессистемными нажимами с разных сторон

уже после изъятия камней. Судьба ожерелья кат.63 представляется таковой: на первом этапе оно было украшено камнями, которые периодически поджимали в гнездах из-за их выпадения; на втором этапе утрата камней показалась собственнику ожерелья критической, и оставшиеся камни были изъаты из гнезд для вторичного использования; на третьем этапе ожерелье больше хранилось, чем использовалось, вследствие чего от тряски при транспортировке пустые гнезда бессистемно деформировались от соприкосновения с другими предметами в шкапулке или сундучке с драгоценностями; наконец, на четвертом этапе уже поврежденное и, скорее всего, разорванное ожерелье попало в “напутственный” комплекс. Состояние этого ожерелья важно учитывать при оценке длительности “запаздывания” монет, использованных для его изготовления. Так, однозначно не подтверждается гипотеза Й.Вернера об изготовлении ожерелья специально для погребения. И даже при принятии версии, что монеты были превращены в ожерелье непосредственно после поступления (643-646 гг), следует учитывать, что ожерелье попало в комплекс уже фактически в виде лома, старой реликвии, памятной, тем не менее, покойнику.

Витые гривны, подобные гривне кат.61, но одночастные, находились в Келегеях (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, Abb.7, 1), Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991, рис.3,1) и Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.30). Основу перещепинской гривны кат.61 также составляла обычная византийская витая гривна, но ее грубо разрубили пополам зубилом, вставив посередине звено с изумрудными вставками. Новая трехчастная конструкция позволяла сложить гривну, но особым эстетизмом изделие при этом не отличалось. Мастер то ли попытался просто увеличить гривну в размерах, то ли подражал какому-то образцу, заменив его приблизительно похожей схемой. Такую же схему с центральным инкрустированным медальоном по центру можно отметить для нагрудных цепей из Глодос (Сміленко А.Т., 1965, табл.І; II, 2). Интересно, что в Старонижестеблиевской и Уч-Тепе одним комплектом с гривнами шли и наручные проволочные браслеты, в Перещепине в такой комплект входят браслеты кат.60 (рис.23, 1), выполненные с использованием прокатанных полосок, идентичных использованным на медальоне гривны кат.61. Их прототипы вряд ли были “варварскими”. Многочастная конструкция с шарнирами и замками – это византийская традиция. Вполне возможно, что мастер просто пытался изготовить отдаленные подражания увиденным византийским оригиналам (Werner J., 1984, S.18, 19). По стилистике (оформление высокими гнездами для вставок или псевдогнездами) браслетам также близки византийские

серьга, булавка и брошь из аварских комплексов Оштопаны, п.5 и п.9 Кестхей-Фенекпушты (Garat E., 2001, taf.41, 3; VI, 2; XIX, 2) (рис.23, 2, 3).

Также, похоже, лишь подражаниями аграфам были и парные квадратные бляшки с тиснением и вставками (кат.62) (рис.21, 5), отдаленными аналогиями которым в восточноевропейских кочевнических погребениях являются лишь романовские аграфы (Семенов А.И., 1985, с.95). По краям бляшек расположены тисненные “трилистники” с завитками вниз, верхний “лист” которых оформлен в виде треугольной вставки. Как уже указывалось, по общей схеме композиции к ним близки квадратные бляшки из среднеаварского п.144 Тисафюрета (Гавритухин И.О., 2001в, рис.5, 4), а по элементам декора – бляшки из Вознесенки (рис.21, 6-10). Важно отметить и то, что здесь варварским мастером использована техника тиснения по матрице, которая уже полнее представлена в Келегеях, Вознесенке, Ясиново, Романовской, Новых Санжарах, Геленовке и т.д.

При помощи тиснения по матрице получены и полусферические половинки золотых обкладок пастовых “пуговиц”, являющихся деталями какого-то украшения с использованием монет кат.65 (рис.51, 15). Эти монеты объединяют изделия кат.65 с ожерельем кат.64, а обкладки “пуговиц” – с золотыми сферическими пуговицами кат.107. В кочевнических комплексах Восточной Европы они известны только в Келегеях, Вознесенке (рис.51, 5, 6, 12, 13, 14), Геленовке и к.13 Дорофеевки, а также в курганах Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.27, 4, 13) и более поздних раннесалтовских курганах. Крупные бронзовые “пуговицы” с декором в виде литой псевдозерни были также в Октябрьском (рис.51, 7, 8) – это единственный комплекс, кроме Келегеев, где пуговицы сочетаются с изделием “геральдического” стиля (поздним дериватом пряжки с В-образной рамкой). Использование полых шариков на перещепинском поясном наборе с псевдопряжками, как отмечалось выше, – византийская традиция, у кочевников она отмечена в основном в тех же комплексах, где были “пуговицы”, – в Келегеях (пирамидальная подвеска), Вознесенке (поясной набор), Глодосах – (пирамидальные подвески, подвески нагрудных украшений, облицовка оружия).

Особняком в группе стоит золотая ложка кат.68. Прямых аналогий в кочевнических погребениях ей нет, да и вообще в синхронных восточноевропейских комплексах металлические ложки – находки крайне редкие. Серебряная византийская ложка из Мартыновки (Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994, Taf.45) сделана в античных традициях и имеет мало общего с массивной перещепинской. Последней по этому показателю ближе бронзовые финно-угорские ложки (Голдина Р.Д., 1985, табл.ХХI, 23-30; Обо-

рин В.А., Чагин Г.Н., 1988, ил.45-49), хотя и они заметно отличаются, причем не только по форме, но и явной ритуальной нагрузкой. Учитывая же их сходство с тюркскими колотушками шаманов (Алексеев Н.А., 1984, фото 17, ж-к), можно даже усомниться, действительно ли эти финно-угорские изделия были “ложками”.

Из группы вещей византийского производства, по В.Н.Залесской, нами выше были изъяты золотые браслеты с ребром-утолщением посередине кат.12 (рис.51, 18). Неровность их отливки, проковки, шлифовки, неидентичность формы уже сами по себе не позволяют считать эти вещи византийскими. Непонятно и утверждение В.Н.Залесской о широкой распространенности браслетов данного типа в Северном Причерноморье в VI-VII вв. (Залесская В.Н. и др., 1997, с.120). Браслеты из серебра и бронзы с утолщениями на концах действительно очень частая находка в крымских погребениях указанного периода, а также в славянских кладах. Но среди них нам пока не известно ни одного экземпляра с утолщением посередине. Круг аналогий в Северном Причерноморье предельно узок: это золотые браслеты из Глодос (Сміленко А.Т., 1965, табл.V, 7) и Новых Санжар (Сміленко А.Т., 1968, с.161). Их происхождение также вряд ли связано с византийским Подунавьем. Наличие в Новых Санжарах характерного кавказского зеркала с орнаментом в виде многоугольных звезд (Сміленко А.Т., 1968, с.162) и фрагмента канцирского кувшина подсказывает обратить внимание на Северный Кавказ и Закавказье, где данный тип браслетов был распространен в VII-IX вв. (Апхазова Н.И., 1979, с.120; Ковалевская В.Б., 1981а, рис.1, 44). Использовался он и в Приуралье (Голдина Р.Д., 1985, с.37, табл.IV, 7), а также в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.141, 23-25). Браслеты с несомкнутыми концами часто изображены на тюркских изваяниях, а тип с ребристым утолщением посередине известен по находкам из Копенского чаатаса (Кубарев В.Д., 1984, с.33; рис.5, 17). Столь широкая география распространения браслетов с утолщением посередине не позволяет определить истоки их формы, но то, что основной ареал охватывает зону от Северного Кавказа до Алтая, все же явно указывает на не-византийское происхождение типа. В перещепинском комплексе браслеты кат.12, пожалуй, технологически ближе всего к ложке кат.68. Интересно, что на аналогичном браслете из Глодос (Сміленко А.Т., 1965, табл.V, 7) напаяна вставка, т.е. сохраняется и общий стиль: массивный золотой литой предмет с напаянной вставкой для камня. Поэтому мы считаем возможным условно объединить браслеты с изделиями группы III.

Поскольку изделия подгруппы несколько разнородны по кругу аналогий и технике, при даль-

нейшем анализе целесообразно использовать более дробное деление: подгруппа Шв/1 – браслеты кат.60, гривна кат.61, ожерелье кат.64; подгруппа Шв/2 – “аграфы” кат.62, украшения кат.65 и пуговицы кат.107; подгруппа Шв/3 – ложка кат.68 и браслеты кат.12.

Подгруппа Шг состоит из трех одинаковых перстней с вставками из сапфира и тигрового глаза (кат.66) и серьги с сапфировой бусиной (кат.67). А.К.Амброз считал эту группу появившейся под влиянием Византии (Амброз А.К., 1981, с.18), но этот вопрос до сих пор доказательно не решен. Прямая аналогия перстням с четырьмя шариками около вставки известна только в Новых Санжарах (Смиленко А.Т., 1968, с.161), более отдаленный вариант – перстень с геммой из к.13 Дорофеевки (Круглов Е.В., 1992г, рис.4, 4); похожие перстни известны и в ломоватовской культуре (Голдина Р.Д., 1985, табл.II, 32). То есть и технологически, и морфологически это все-таки “варварские” изделия. Сложнее ситуация с серьгами. Вопрос их происхождения и распространения был рассмотрен Д.А.Сташенковым. Исследователь от версии о византийских прототипах постепенно склонился к версии о восточном, тюркском происхождении серег данного типа, претерпевших, по его мнению, серьезное видоизменение под византийским влиянием (Сташенков Д.А., 1997, с.63, 64; 1998, с.119-221). Перещепинская серьга (рис.24, 9) в предложенном эволюционном ряду одна из самых ранних, далее его продолжают серьги с неподвижной каплевидной подвеской из Новых Санжар⁸ и серьги с подвижными подвесками из Келегеев, Ясиново, к.1 Шиловки и др. (рис.24, 8, 10, 11, 15-19).

З.А.Львовой отмечена еще одна особенность группы Ш, связывающая ее с другими кочевническими комплексами, – это набор камней (Залеская В.Н. и др., 1997, с.79). Только в Перещепине и Романовской отмечены сапфиры и изумруды, причем характерно вторичное использование сапфирных и изумрудных бус. Аметисты же, кроме двух упомянутых комплексов, также были в Новых Санжарах, Ясиново и к.1 Шиловки, причем во всех трех случаях украшали серьги. По мнению А.И.Семенова, поступление сапфиров, изумрудов и аметистов в степь было кратковременным (Семенов А.И., 1985, с.97) и, вероятно, оно отражает какой-то эпизод контактов с Византией. Интересно при этом, что, согласно Кодексу Юстиниана, для украшений поясов и сбруи использовать жемчуг, изумруды и сапфиры разрешалось только императору, рынок же

драгоценных камней находился под государственным контролем, и это нужно учитывать при анализе вещей византийской стилистики (Adams N., 2000, p.38). В саму Византию изумруды, сапфиры и аметисты привозились из Эфиопии, Индии и Цейлона, а вывозили отсюда изумруды, по словам Козьмы Индикоплова, в “страну эфталитов”, т.е. в Среднюю Азию, где этот камень был особенно популярным (Пигулевская Н.В., 1951, с.29, 56, 60, 61).

Следующая группа IV (Залеская В.Н. и др., 1997, с.80) представлена серебряными кубками кат.78-80. Б.И.Маршак, вслед за Й.Вернером, сравнивает их с аварскими и даже больше – делает вывод, что они аварского производства и могли быть “приобретены” или “захвачены Кувратом у авар” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.80, 203-205). Согласиться с подобной оценкой трудно. Как уже было упомянуто выше, наиболее ранние аварские кубки из Бочи, Тепе, Кунаготы несут выразительные признаки византийской технологической традиции. Они заметно отличаются от перещепинских по форме: гораздо сильнее профилированы, на ножке нет выступа (Garam E., 2002, fig.22, B) (рис.25, 4, 5). Еще больше отличается декор перещепинских кубков, который не находит никаких аналогий среди аварских древностей. Отдаленной параллелью можно было бы считать декор низа кубков каннелюрами (рис.25, 3), но они резко отличны: аварские вогнуты внутрь (рис.25, 4), а не наружу, к тому же перещепинские оформлены в виде лепестков. Оба эти приема известны в согдийской торевтике (Маршак Б.И., 1971, рис.12; 26), причем указанные сосуды выполнены в совершенно разных стилях. Никакого отношения к аварской торевтике сосуды группы IV однозначно не имеют. Их настоящие аналогии Б.И.Маршаком отмечены – это фрагмент ножки сосуда из Глодос (Смиленко А.Т., 1965, рис.39) и экземпляры из Китая и Монголии (Залеская В.Н. и др., 1997, с.204). Ближе всего к китайским (Mango M.M., 2000, fig.6, 2) кубки кат.79 (рис.25, 3, 6). Более приземистая форма у кубка из Урьи (Голдина Р.Д., 1985, табл.LIV, 9), а его выступ на ножке, подобно китайским кубкам династии Тан (Daim F., 2000, Abb.57), декорирован крупной псевдозернью.

Явно зависимы от серебряных 5 золотых кубков (кат.73-75) (рис.25, 1, 2), составляющих подгруппу VIa вместе с декорированными в стиле группы V кубками кат.72 (рис.26, 6), но они сделаны разными мастерами (Залеская В.Н. и др., 1997, с.81, 82). Выделяется кубок кат.76, на котором вме-

⁸Набор серег и подвесок из Новых Санжар, вопреки распространенному убеждению, не погиб во время войны. Он хранится в Музее исторических драгоценностей (Киев), но депаспортизирован. Подвески и серьги ныне соединены в “цепочку”, и в таком виде они неоднократно издавались в каталогах. О.М.Приходнюк даже приводит их как “анalogии” новосанжарским вещам (Приходнюк О.М., 2001, с.32; фото 16).

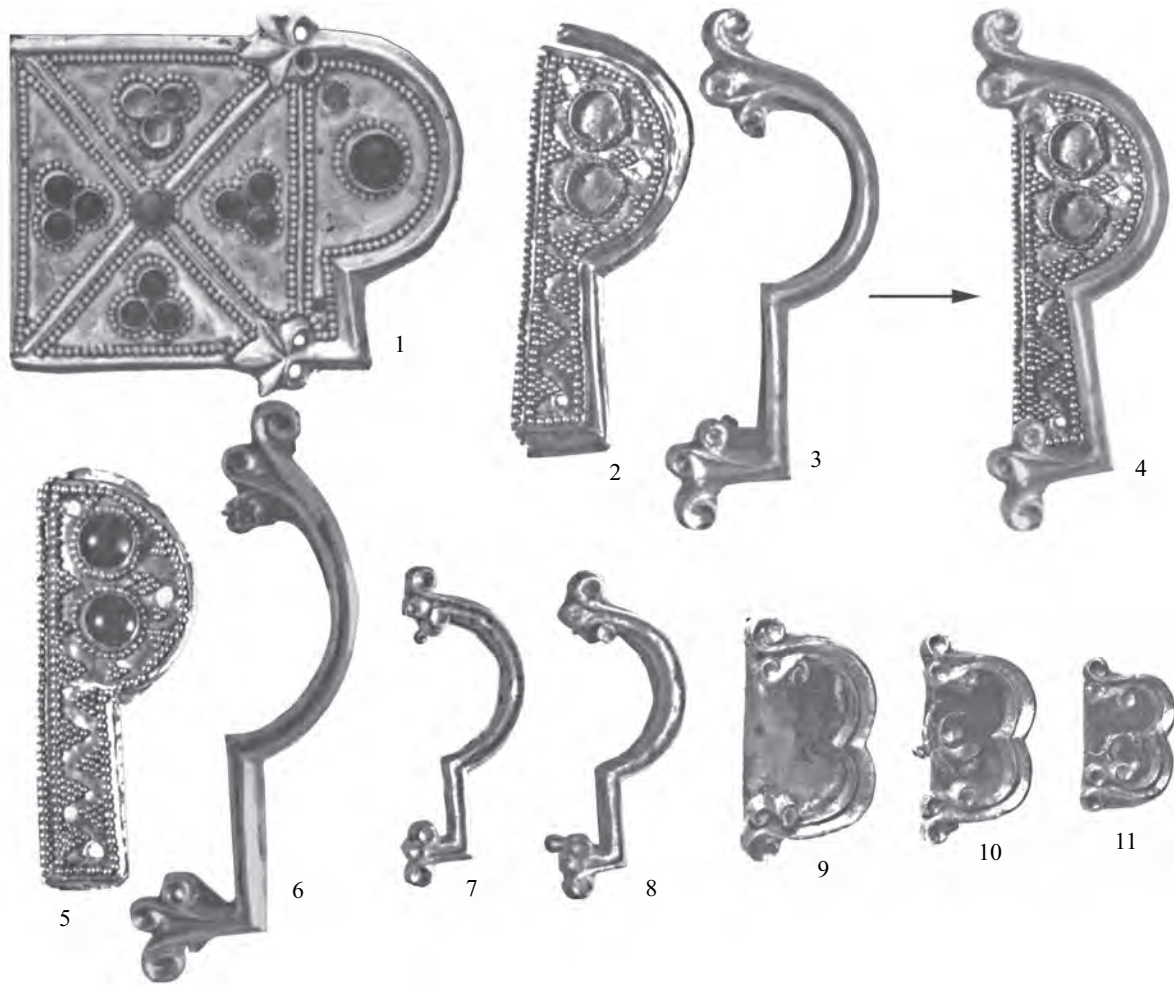

Рис. 14. Скобы ножен: 1 – коллекция Алексеева (Макуховка?); 2-11 – Перещепина; 4 – вариант реконструкции.

Fig. 14. Staples of a scabbard: 1 – Alekseev's collection (Makuhovka?); 2-11 – Pereshchepina; 4 – a variant of reconstruction.

сто чеканки напаяны гнезда с крапанами под вставки из зеленого стекла, а также проволока для жемчужных бус. Такое же оформление нанизанными на проволоку жемчугами у крупного медальона из Глодос (Сміленко А.Т., 1965, табл.ІІІ, 2) и аграфов из Романовской (Семенов А.И., 1985, с.92). Кубок доработан в “варварско”– византийской “глодосской” традиции, поэтому и создает впечатление византийской работы (Залесская В.Н. и др., 1997, с.97).

В подгруппу VIб собраны P-образные скобы меча и кинжала (кат.82, 83), B-образные накладки (кат.84), пряжка и наконечник ремня (кат.97, 98), золотая облицовка посоха (кат.96). P-образные скобы (рис.14, 3, 6-8), как уже отмечалось выше, ближайшие аналогии находят в обкладках меча из собрания Алексеева, возможно, происходящих из Макуховки

(рис.14, 1). P-образные петли меча кат.82, а также пластинки кат.40, скорее всего, принадлежали ножнам меча кат.55. Судя по наличию таких же петель у ножен боевого ножа кат.83 (рис.14, 7, 8), к мечу кат.55, как и в Глодосах, прилагался отделанный в том же стиле нож.

Парные P-образные скобы боевого ножа иллюстрируют интересную конструктивную особенность перещепинских ножен. И у авар (Toth E., 1996, kat.5.424), и у кочевников Казахстана VI в. (рис.22, б) ножны ножей снабжались только одной верхней P-образной скобой, нижняя же была полукруглой. В Пенджикенте в сцене пиршества в помещении XVI/10 такие ножны изображены только у одного из гостей, возможно, тюрка (Беленицкий А.М., 1973, табл.19; 21). Такая же конструкция ножен и у лангобардских кинжалов из Кьюзи (Vallet

Ф., 1995, fig.6) и Кагель Тросино (Yerousanou A., 1999, Abb.77), очевидно, заимствованная у авар. Впрочем, у лангобардов (Амброз А.К., 1986, рис.7, 5) и персов (Balint Cs., 1992, Taf.26, 4) известны и экземпляры вообще только с одной Р-образной скобой. Ножны ножа только с одним фигурным полукруглым выступом были и в аварском п.5 Кишкёрош-Вагохид (Laszlo G., 1955, pl.IV, 16). Нет второй скобы и среди обкладок глососского ножа, но их состав, возможно, просто не полон. Парные скобы известны по изображениям согдийских ножей, но они обычно полукруглые (Беленицкий А.М., 1973, табл.19; 20). Две Р-образные скобы на ножнах ножа можно отметить только на находке из Ирана (Амброз А.К., 1986, рис.3, 10) и, согласно реконструкции А.К.Амброза, в Иловатке (рис.22, 5).

Три золотые В-образные обкладки кат.84 (рис.14, 9-11) А.К.Амброз отнес к облицовке окончания ножен (Амброз А.К., 1981, рис.5, 17). Б.И.Маршак оспаривает это решение и считает обкладки “недоделанными” скобами ножен согдийского стиля (рис.9, 1), которые бросили в комплекс просто как золотые предметы (Залеская В.Н. и др., 1997, с.83, 207, 208). В таком случае, возникает закономерный вопрос: почему ни одна из трех накладок не имеет сохранившуюся пару? Не являются ли они вообще остатками оригинальных трехпетельных ножен сабли или ножен двух кинжалов с двумя скобами разных размеров? На обкладках отсутствуют петли для их крепления к ремню тем же способом, как и петли кат.83; нет здесь и отверстий от гвоздей. Но версии о “полуфабрикате” противоречат золотые бляшки с крапановыми гнездами, явно прибитые в древности к какой-то поверхности. Отсутствие отверстия под такую бляшку на самой крупной обкладке не позволяет предполагать, что именно она была скрепляющей. Но все три обкладки однозначно крепились к вложенной в них деревянной основе золотыми гвоздиками, скрепляющими и саму конструкцию скоб. Разумеется, заметного усилия на разрыв они не выдержали бы, а значит, все три В-образные обкладки были не функциональными, а чисто декоративными, покрывающими выступы неизвестного предмета. Это могли быть петли ножен сабли, колчана, налучья, крепившихся к ремню более надежным способом – при помощи железных петель. Последние на ножнах ножа из Вознесенки (рис.16, 3) просто обжимают золотое окончание, в рассматриваемом же нами случае они, скорее всего, были вбиты в деревянные части выступов. В данном случае важно признать, что мы просто не понимаем до конца предназначение самих предметов, вывод же З.А.Львовой и Б.И.Маршака на основании версии о “полуфабрикате” о их принадлежности к хронологически позднейшим изделиям комплекса, сделанным уже для погребения, на

основании чего так же датирована и вся группа VI (Залеская В.Н. и др., 1997, с.83), представляется нам пока слабо аргументированным.

Пряжка кат.97 (рис.46, 26) в своем роде уникальна (Залеская В.Н. и др., 1997, с.219, 220), но “разбор на детали” ничего особо необычного не обнаруживает. Овальная рамка с восьмеркообразным внутренним контуром и углублением для язычка, а также сам язычок с выступом-площадкой и подтреугольным сечением переднего конца типичны для византийских пряжек VII – нач.VIII в. Необычен только рамчатый щиток, характерный для согдийских (Распопова В.И., 1980, рис.61, 1-8) и более поздних салтовских пряжек. Вопрос их происхождения уже рассматривался нами (Комар А.В., 2001б, с.108, 109), и наиболее вероятной представляется их связь с тюркскими костяными пряжками. Настоящая перещепинская пряжка является как бы “византийским прочтением” тюркской конструкции. К ней технологически примыкает наконечник кат.98 (рис.36, 5), напоминающий по форме и конструкции византийские, но близкий к нему наконечник из Келегеев (рис.36, 7), несмотря на вальцованную полосу византийской традиции, имеет “варварскую” пробу (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, S.607; Abb.1, 1), т.е. сделан уже на месте. На другом изделии из Келегеев – наконечнике ножен ножа (рис.16, 4) – находим и характерную для большинства предметов подгруппы VIб полосу с продольной бороздкой (Залеская В.Н. и др., 1997, с.82) (рис.16, 6). Три таких же наконечника с такими же окантовками были и в Вознесенке (рис.16, 3, 7, 8); та же полоска использована и в наконечнике ножен сабли (рис.16, 1).

Последний интересующий нас предмет подгруппы VIб – облицовка посоха (кат.96) – прямых аналогий в синхронных восточноевропейских кочевнических комплексах не имеет, но подобная вещь известна в торческом (?) погребении из Таганчи (Gawrysiak-Leszczynska W., Musiannowicz K., 2002, rys.16). Его действительно можно рассматривать как своеобразный “скипетр”, символ власти (Залеская В.Н. и др., 1997, с.219), хотя в качестве такового жезл высотой в человеческий рост мог использоваться кочевником только в спешенном или сидящем на троне состоянии. Возможно и более прозаическое объяснение данного посоха – это необходимый предмет для передвижения пожилых людей, а также хромающих вследствие полученной серьезной травмы или раны. Нельзя также исключать и определенной ритуальной нагрузки посоха. Во всяком случае, в кургане из Большой Орловки находились целых 5 бронзовых позолоченных наверший, состоящих из шара диаметром 8,5 см и припаянной к нему трубки длиной 7 см (Косыненко В.М., 1983, с.115). Эти вещи, разумеется,

крупнее, но в Вознесенке были и близкие по размерам обкладки деревянного предмета (рис.15, 9), которые обычно считают обкладками рукояти, но, с таким же успехом, мы можем иметь дело и с навершием деревянного посоха.

Набор из пяти золотых трубочек и фигурных бубенчиков-цветков (кат.104) к группе VIб не отнесен, но из всех перещепинских групп технологически он ближе всего именно к этой группе. Набор напоминает финно-угорские (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXII; XXIII, 35; XXIV, 5-8, 40; 1995, рис.4, 53; Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990, табл. XLI, 1-7; XLIII, 10, 11, 25) и славянские (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.69, 1-23) пронизки, более отдаленно – финно-угорские (Краснов Ю.А., 1980, рис.29-31) и аварские (Szöke В.М., 2000, taf.5) наконечники (известные у авар, правда, только в зоне контакта со славянами). Перещепинская же золотая обкладка кат.100 могла принадлежать распространенным в том же ареале бронзовой псевдовитой гривне или гривне из скрученной проволоки (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXIV, 26, 28, 29; Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990, табл. XLIII, 36; Корзухина Г.Ф., 1996, табл.14, 4; 16, 4, 5; 76, 4, 8, 10). Несколько смущает лишь наличие внутри цветков-бубенчиков железных окислов (Залесская В.Н. и др., 1997, с.227), вероятно, оставленных железным язычком или же проволочным стержнем.

Группа V (Залесская В.Н. и др., 1997, с.80, 81) состоит из предметов “тюрко-согдийского” стиля. В группу Va входят пластины колчана кат.87, обкладки лук седла кат.88 и облицовка деревянной кружки кат.70. Пластины (рис.26, 7), как мы полагаем, подарочного колчана (кат.87) были дополнены во время ремонта или вследствие недостаточной роскошности колчана для его собственника. Напомним, по той же причине на бутероли подарочного византийского меча появилась дополнительная большая вставка. Поскольку немедленная доработка вещей сразу после получения подарка выглядит несколько странно, вероятнее всего, что предметы были просто подновлены через определенный промежуток времени. Возможен и вариант обновления предметов после их перехода к другому собственнику, например, от отца – к сыну.

Золотые обкладки лук седла кат.88 (рис.26, 1, 2) выполнены в той же технике, что и пластины колчана. Аналогии именно таким металлическим обкладкам в рассматриваемое время нам не известны. Покрытие луки седла золотым листом – это традиция более раннего гуннского, а для Алтая – и пазырыкского времени. В Бугутском поминальном комплексе 582 г в честь Таспар-кагана найдены железные обкладки, украшенные в характерной тюркской манере золотой насечкой. На одной из них нанесено изображение дракона,

на другой – грубая имитация “свернутых” пальметт (Войтов В.Е., 1996, рис.49, 1, 2). “Свернутые” пальметты украшают костяные накладки седла из к.5 Катанды II (Гаврилова А.А., 1965, рис.8, 1, 3), завитки попроще – хакасскую пластину из Уйбата II (Киселев С.В., 1949, табл. LIX, 27). Тот же мотив свернутого на конце завитка характерен и для аварских костяных обкладок (Fettich N., 1926, fig.18; Csallany D., 1948, Taf. LXXIV, 1-4; Garam E., 1975, fig.24; 1995, Abb.6, 2; Daim F., 1987, Taf.146), но ритм изгиба стебля здесь копирует китайские образцы (Daim F., 1987, Abb.26). Композиция близка к перещепинской только на катандинских обкладках. На тюркских обкладках из Узунтала (Савинов Д.Г., 1982, рис.10, 1) принцип в целом тот же, но концы побегов уже не свернуты. Это еще не перещепинская “растрепанная” пальметта – ближе всего к ней подходят костяные обкладки лук седла из п.1 к.2 Брусян II в Среднем Поволжье (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. LXXI, 11, 12) и к.17 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.27, 24), но и они не идентичны. Следует согласиться с Б.И.Маршаком, что перещепинские пальметты по стилю все же больше согдийские (Залесская В.Н. и др., 1997, с.211).

Золотая облицовка деревянной кружки кат.70 (рис.26, 3) выполнена в очень близком стиле. Это также ручное тиснение с использованием мотива “растрепанной” пальметты, но она в деталях ближе пластинам колчана. Б.И.Маршак считает не совсем понятным сочетание золота и дерева в оформлении кружки, предполагая, что мастер работал не для последнего владельца комплекса, для которого не характерна экономия золота (Залесская В.Н. и др., 1997, с.193, 194). Это было бы так, если бы кружка не задумывалась как деревянная. Рассмотренные нами выше сюжеты об использовании деревянной посуды Аттилой и аварской знатью подчеркивают особое ритуальное значение деревянной посуды для кочевников. У скифов деревянные чаши с золотыми обкладками были связаны с воинскими культами и служили своеобразным символом воинского ранга. Как и у тюркютов, их изображали на каменных изваяниях и клали в погребения воинов, причем отношение к чашам было бережным, о чем свидетельствуют случаи скрепления треснувших чаш золотой проволокой (Бессонова С.С., 1991, с.87, 88). Роль деревянной посуды у индоиранских и тюркских народов именно как ритуальной, использовавшейся при различных культах и церемониях, хорошо отражена письменными источниками и этнографией (Кисель В., 2002, с.41-45; Фиельструп Ф.А., 2002, с.9). Обычные деревянные “тыквообразные” сосуды для питья, которые использовались в застолье наряду с роговыми и серебряными, увидел католикос Виро в 629 г в ставке тюркютского шада (Артамонов М.И., 2002а, с.170, 171). Но в нашем случае золотая от-

делка сосуда все же больше склоняет к версии о его ритуальной нагрузке.

Основу перещепинской кружки составлял обычный тюркский круглодонный деревянный сосуд без ручки (Кубарев В.Д., 1984, рис.6; табл.ХI, 78; ХII, 84; ХVII, 105; ХVIII, 112; XXXVIII, 222) или с ручкой-петелькой (Кубарев В.Д., 1984, рис.6; табл.ИV, 33; VII, 48; X, 70; XV, 98; XXXII, 194; XLIV, 10; L, 256; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, рис.4, 1), но в последнем случае ручка должна была быть срезана при монтажке золотых обкладок. Поскольку у двух деревянных кружек из Кунбабоня (Garam E., 2002, fig.14, 2, 3) при монтажке золотых обкладок ручку добавляли отдельно, вероятнее всего, что и перещепинская деревянная кружка изначально изготавливалась без ручки. Сплошные золотые обкладки придали кружке минимальный кольцевой поддон и ручку из кольца шариков, сблизив ее по форме и виду уже с металлическими тюркскими сосудами (Киселев С.В., 1949, табл. LI, 5; Кубарев В.Д., 1984, рис.6, 9-11). Близкие по форме сосуда, но с другим расположением ручки известны и в живописи Пенджикента (Беленицкий А.М., 1973, табл.17; 21); по мнению Б.И.Маршака, у согдийцев они появились под влиянием тюркютов (Маршак Б.И., 1971, с.78). У восточноевропейских кочевников близкие аналогии выполнены только в глине – это гончарные кувшины из Ясиново (Айбабин А.И., 1985, с.196; рис.7), п.248 Дюрсо (рис.30, 30) и п.2 к.2 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.142; табл.ХIV, 14).

Стиль группы Va – это ручное тиснение по золотому листу с использованием различных вариаций пальметт. Декор наносился при помощи давящего инструмента с обратной стороны листа, в отличие, например, от обкладок ножен кинжала из п.2 Кунбабоня (Toth E., Horvath A., 1992, Fb.Taf.7), где линии прочерчены по лицевой стороне. Круг восточноевропейских аналогий, в целом, очерчен Б.И.Маршаком (Маршак Б.И., 1971, с.51-53; Залеская В.Н. и др., 1997, с.80, 81). Это, прежде всего, Вознесенка и Романовская, где тиснение именно ручное (рис.15, 3, 7, 8-10; 27, 1, 2, 7-10; 36, 23). При помощи штампа нанесены полупальметты и пальметты на сбруйных бляшках из Келегеев и Глудос (рис.27, 5, 6; 37, 35), а также на поясных деталях из Ясиново и Новых Санжар (рис.34, 33-36; 36, 24). Общий вывод Б.И.Маршака о связи данного стиля с искусством Согда в целом бесспорен, но некоторые положения исследователя все же выглядят не совсем аргументированными. Это касается, в первую очередь, наличия “иудейских мотивов” на кружке кат.70, где Б.И.Маршак видит мотив “неопалимой Купины” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.195-199). Знакомство восточноевропейских кочевников с иудейским искусством VII в. на сегодня является

совершенно недоказуемой гипотезой. Единственная же отдаленная аналогия “пылающим” стеблям пока известна на наконечнике ножен из Вознесенки (рис.15, 3; 27, 2) – памятнике откровенно языческом. Центральная часть остальных трех пластин облицовки кружки украшена разделенным ромбом (рис.26, 3), аналогии которому Б.И.Маршаку в синхронной тюркитике были не известны (Залеская В.Н. и др., 1997, с.198, 199), но этот элемент на самом деле украшает бляшки одного из многочисленных сбруйных наборов из Вознесенки (рис.27, 3, 4) и бляшки из Келегеев (рис.27, 5). Вознесенские сбруйные наборы и обкладки различных вещей с пальметтами выполнены разными мастерами, поэтому можно говорить о некоем декоративном стиле “перещепинско-вознесенского двора”, понимаемым каждым из мастеров по-своему.

Группу Vб цельнометаллических перещепинских кружек с яйцевидным туловом (кат.69, 71) сближает с деревянной кружкой кат.70 ручка в виде кольца из шариков, но, если у серебряных сосудов (кат.71) это – обычная тюркская ручка с прокладкой в виде лепестков, то у ручки золотой кружки кат.69 сверху имеется плоская площадка, отмеченная на тюркских кружках только на экземпляре из Юстыда (Кубарев В.Д., 1984, рис.12, 1), а также на хакасских кружках из Копенского чагата (Киселев С.В., 1949, табл.LVI, 1, 2), согдийских кружках (Маршак Б.И., 1971, рис.22; 23; 25) и китайских эпохи Тан (Залеская В.Н. и др., 1997, с.193). Кружки на кольцевом поддоне с яйцевидным туловом и круглой ручкой представляют собой наиболее распространенный тип посуды, изображенный на тюркских изваяниях VIII-IX вв. (Кубарев В.Д., 1984, рис.6; табл.II-L; Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 2002, рис.7; 12), эту же форму воспроизводят и аварские металлические сосуды (Garam E., 2002, fig.14, 1, 4-8), т.е. речь идет об определенной традиции деревянных воинских кружек, сложившейся у кочевников Центральной Азии уже в сер.VI в. Несмотря на территориальную близость к аварским, перещепинские кружки серьезно отличаются от них в деталях. Это – отсутствие высокого горла-раструба, ручка в виде кольца из шариков с прокладкой-розеткой, высокий кольцевой поддон, которые наоборот тесно связывают перещепинские сосуды с металлическими кружками восточных тюрков и хакасов VIII-IX вв. (Маршак Б.И., 1971, с.51-58; Плетнева С.А., 1999, с.171, 172).

Кружки кат.69-71, по наблюдениям Б.И.Маршака, сделаны тремя разными мастерами, что свидетельствует о существовании уже развитой традиции изготовления подобных сосудов и не может не поднять закономерный вопрос о соотношении хронологии европейских и восточных изделий. Перещепинские сосуды традиционно относятся к VII в.,

Рис. 15. Декоративные детали облицовки клинкового оружия: 1, 14 – Перещетина; 2 – Келегеи; 3, 4, 6-11, 13, 15, 16 – Вознесенка; 5 – Борисово, п.99; 12, 17, 18 – Макуховка.

Fig. 15. Parts of decorative coat of cold steel: 1, 14 – Pereshchepina; 2 – Kelegei; 3, 4, 6-11, 13, 15, 16 – Voznesenka; 5 – Borisovo, burial 99; 12, 17, 18 – Makuhovka.

но все восточные находки тюркских металлических сосудов пока связаны только с эпохой расцвета II Тюркского каганата и государств, возникших на его руинах. Тюркское влияние на согдийскую торевтику прослеживается с VIII в. и связано, скорее всего, с тесными согдийско-тюркскими отношениями нач.VIII в. (Кляшторный С.Г., 1964, с.78-100). VIII в. также датируются согдийские и танские аналогии ручкам в виде кольца из шариков (Залеская В.Н. и др., 1997, с.98). Теоретически возможно возникновение “тюрко-согдийского” стиля перещепинских кружек в более раннее время, но тогда его следует относить ко времени тесных отношений Согда с западными тюркютами, вызвавших сильное взаимовлияние (Маликов А.М., 2000, с.14, 15). Но здесь нужно обязательно учитывать механизм преемственности культуры западных и восточных тюркютов, связи между которыми в последней трети VII в. серьезно ослабели. Новый контакт культуры западных тюркютов с культурой II Тюркского каганата, с которой, как отмечалось, и связаны большинство находок тюркских металлических сосудов, произошел только в нач.VIII в. Приходится заключить, что наиболее вероятно существование синтезированного тюрко-согдийского стиля металлической посуды, ставшей прототипом для сосудов II Тюркского каганата и более поздних – это рубеж VII-VIII вв., что уже практически неприемлемо для Перещепины, учитывая изношенное состояние многих сосудов из комплекса.

Влияние Западнотюркского каганата в Восточной Европе фиксируется лишь до 630 г. Б.И.Маршак отмечает рискованность предположения, что только лишь появившийся в 1-й трети VII в. стиль согдийского декора мог настолько быстро эволюционировать в кочевнической среде, чтобы дать результат, наблюдаемый на перещепинских изделиях группы V, уже в 1-й пол.VII в. (Залеская В.Н. и др., 1997, с.98), но иначе невозможно избежать датировки времени зарытия перещепинского комплекса VIII в. Компромиссным решением, на наш взгляд, будет вариант попадания рассматриваемых традиций в Европу вместе с группой тюркютов, бежавших в 50-60-х гг на запад после разгрома Западнотюркского каганата. Также нужно обратить внимание и на возможность нового восточного импульса в 70-х гг. VII в. после арабского завоевания Средней Азии и поражения тюрко-согдийской коалиции.

В группу Vв входят две половинки облицовки статуэтки льва кат.89 (рис.26, 4, 5) и четыре пластинки (кат.90-93). Их объединяет тиснение с рельефными гранями, которое визуальнo сближает стиль с изделиями группы VIб, а трубочка кат.94 сходна и использованием ободка с продольной бороздкой. По технике и декору ближайше аналогии – это сбруйные бляшки из Келегеев (рис.27, 6).

Ручное тиснение с острыми рельефными гранями, хотя, конечно, и не столь выразительное, можно отметить в Вознесенке на наконечнике ножен сабли (рис.27, 2). Прямые аналогии же по форме имеет только статуэтка сидящего льва кат.89.

З.А.Львова подвергла сомнению интерпретацию А.И.Семенова обкладок именно как облицовки статуэтки (Львова З.А., 2002, с.152), но версия об их креплении к плоской поверхности однозначно не выдерживает критики. Обе половинки объемны и при расположении на твердой ровной поверхности были бы моментально деформированы любым прикосновением. К тому же, на них нет никаких следов крепления. Единственное логичное объяснение этому – бляшки были приклеены органическим клеем к объемным “вкладышам”. Это могли быть либо две половинки статуэтки льва, либо целая статуэтка. Две похожие половинки, тисненные из золотого листа, известны в Вознесенке (рис.28, 2). Бляшки сильно пострадали, но на них хорошо различается голова льва с разинутой пастью. Уши переданы небольшими полукруглыми выступами, а свисающая вниз грива – рельефным волнистым тиснением. На одной из бляшек заметно отверстие от гвоздика, свидетельствующее о том, что они облегли неширокую деревянную основу. Похоже, это была дешевая имитация массивной серебряной статуэтки льва, найденной в том же комплексе (рис.28, 3; 29).

Одна или иногда две пары сидящих каменных львов с оскаленной пастью – частый атрибут грандиозных тюркских поминальных сооружений – куруков (Кубарев В.Д., Баяр Д., 2002, рис.7-9; 11). Львы находились только в куруках типа I, по В.Е.Войтову, соорудившихся в честь каганов и членов их семей (Войтов В.Е., 1996, с.27-32). Именно к типу I по форме и размерам и принадлежит Вознесенский комплекс (Комар О.В., 2000б, с.130, 131). Каменные львы куруков исполняли функцию хтонических стражей (Войтов В.Е., 1996, с.97, 98). Поскольку в Вознесенке не было каменной скульптуры и других каменных сооружений, кроме вала, вполне вероятно, что функции каменных львов могли быть символически переложены на их маленькие серебряные и деревянные копии. К такой мысли подталкивают и находки в хакасских кремациях обложенных металлическим листом деревянных статуэток лежащих баранов (Левашова В.П., 1952, с.129). Лежащие каменные бараны в куруках типа I составляли обязательную пару львам. По мнению В.Е.Войтова, расположение изваяний баранов в куруке Кюль-тегина указывает на их более высокое положение по сравнению с львами в “космической оппозиции” (Войтов В.Е., 1996, с.98, 99). Не отрицая особое значение для кочевников овцы, выражавшееся и в ритуальном почитании

этого животного, заметим все же, что в нашем случае речь идет о мире “перевернутом”, потустороннем. Тюркский курук не просто очерчивал участок “мира мертвых”. В нем находился “вход” в “Нижний мир”, функции которого в каганских куруках играла каменная насыпь в виде усеченной пирамиды, а в простых “оградках” – столб или живое дерево, символизирующие мифологическую “Золотую гору” с золотым деревом на ее вершине, уходящим кроной в “Небо” (Войтов В.Е., 1996, с.116, 117). Из “Серединного мира” такая гора проводила шаманов в мир “Верхний”, а из “Нижнего мира” она вела в мир “Серединный”, т.е. в мир живых. Вероятно, связаны с этими представлениями и жертвенники-обо, которые сооружали из камней в виде пирамидок, часто с кольцевыми или четырехугольными выкладками вокруг (Окладникова Е.А., 1986; Жуковская Н.Л., 2002, с.30, 31). Обо также представлял собой модель “Золотой горы”, связывающей миры, поэтому принесенная здесь жертва кратчайшим путем попадала к духам “Верхнего” или “Нижнего” миров. В фольклоре волжских болгар сохранились представления о “Горе” как о входе только в “Нижний мир” (Гафиулина К., 2002, с.69). Также и в тюркских поминальных памятниках – куруках – роль модели “Золотой горы”, разумеется, ограничивалась только связью с “Нижним миром”.

Вход в курук всегда располагался с восточной стороны. Двигаясь с востока на запад мимо вереницы балбалов по дорожке к куруку, человек как бы направлялся в “страну мертвых”. По дороге он должен был столкнуться не просто со “стражами врат”, но одновременно и “проводниками”, поскольку у кочевников-тюрков не только отсутствовали представления о трансформирующей силе “ворот”, но и о самих “воротах”, чаще всего просто ассоциируемых с костром. “Стражи” у тюрков ожидали путников у “пропасти”, “перевала”, “подножия горы” и, скорее, не *пропускали*, а *переводили* человека из одного мира в другой. Первой его встречала пара сидящих каменных львов, затем – пара лежащих баранов. Их статичные неподвижные позы резко контрастируют с повседневным тюркским искусством, где все животные передавались в стремительном движении или, по крайней мере, стоя. Лежащие же скульптуры, вероятно, совсем не случайно связаны только с памятниками погребально-поминальными. В дни поминальных церемоний возле скульптур куруков, скорее всего, разжигали костры, поэтому проход между парами львов и баранов одновременно соединялся с очистительным проходом между двумя кострами, причем именно костры и выступали в роли “ворот”. Львы “охраняли” первый рубеж – ров, символизирующий границу между мирами живых и мертвых. Бараны находились на рубеже втором – у входа в замкнутое

валом или стеной пространство, представляющее собой своеобразную модель “Нижнего мира”, по представлениям тюрков, во многом повторяющего “Серединный мир” (Алексеев Н.А., 1980, с.163-176; 1984, с.49-64; Традиционное мировоззрение ..., 1988, с.86-99; Вайнштей С.И., 1991, с.241). Т.е. в то время как львы охраняли переход из “Серединного” в “Нижний” мир, бараны уже встречали человека у входа в “обитаемую часть” “Нижнего мира”, где находились его предки. Разумеется, наиболее важным и непреодолимым был именно рубеж между “Серединным” и “Нижним” мирами, мирами живых и мертвых. В куруке через его символ – ров – был перекинут мост, “реальная” же граница представлялась тюркам в виде бездонной горной пропасти. Способы перехода через нее современные тюркские народы описывают по-разному, но, на наш взгляд, у древних тюрков именно хтонические львы охраняли “мост”, в какой бы форме он реально не представлялся, или переводили через пропасть каким-нибудь другим способом.

Функции небольших деревянных и металлических статуэток львов из Перещепины и Вознесенки (а у хакасов – статуэток баранов), использовавшихся при обрядах проводов и поминок, скорее всего, заключались в обеспечении духу умершего беспрепятственного перехода из “Нижнего мира” в “Серединный” или наоборот. Из этнографических параллелей ближе всего здесь, пожалуй, представления тувинцев об “эренах” – духах-помощниках шаманов. В отличие от духов-хозяев мест и злых духов, эрен жил в своих вместилищах – изображениях, которые изготавливали в виде фигурок из дерева, войлока, ткани или металла (Алексеев Н.А., 1984, с.91-95; Вайнштей С.И., 1991, с.241-247). Также можно отметить и представления хакасов о тесах – семейных духах-покровителях, изображавшихся в виде антропоморфных, зооморфных фигурок или просто в виде березовой рогатки (Бутанаев В.Я., 1986). Рассматриваемые нами статуэтки львов и баранов не были собственно “эренами” или “тесями”: к услугам “обитающих” в них духов-помощников львов и баранов человек прибегал только один раз при переходе в иной мир. Возможно, именно поэтому ни львы, ни бараны не отмечены этнографами у тюрков в разряде эренов, тесей и вообще духов-помощников живых людей.

После Перещепины и Вознесенки вновь мотив парных сидящих львов появляется в Восточной Европе только на золотоордынских золотых браслетах XIII-XIV вв., но он уже заметно отличен. Г.Ф.Валева-Сулейманова связывает происхождение браслетов с торевтикой салтовского круга, отмечая однако, что местные истоки имеют только браслеты с львиными головами, изображения же парных сидящих львов проникло в золотоордынскую торев-

тику под влиянием искусства Передней Азии (Валеева-Сулейманова Г.Ф., 2002). Несколько иной сюжет с изображением львов со сдвоенным туловищем на монгольских пайцзах М.Г.Крамаровский связывает с заимствованием индийских сюжетов через посредничество Тибета (Крамаровский М.Г., 2002, с.217). Монголы возвращают в восточноевропейскую степь и яркий “звериный стиль” скифо-сарматской эпохи с популярным сюжетом сцен терзания жертвы кошачьими хищниками (Ефимов К.Ю., 1999, рис.4, 4, 5). У сарматов изображения кошачьих перестают использоваться со II в. н.э., полностью же реалистическое искусство исчезает в погребениях кочевников Восточной Европы в IV в. н.э. Для гуннского времени можно отметить только схематические изображения козлов на колтах (Засецкая И.П., 1975, кат.2; 10); далее следует серьезный перерыв, оканчивают который только рассматриваемые находки из Перещепины и Вознесенки, а также к.17 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.23) и к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.ХII, 1).

В Вознесенке, кроме упомянутых двух статуэток львов, есть и третье изображение льва на серебряной пластине (рис.36, 25), но оно выполнено уже в характерной тюркской позе зависания над землей во время прыжка или бега, что еще раз указывает на связь перещепинских и вознесенских сидящих статуэток не с повседневным искусством, а именно с похоронно-поминальной обрядностью. Реалистические изображения тюркского стиля в Перещепине, Вознесенке и к.17 Чир-Юрта сочетаются с изделиями с тюрко-согдийскими “растрепанными” пальметтами, подчеркивая тесную связь двух стилей. В Романовской также есть реалистические изображения, но не животных, а птиц (Семенов А.И., 1985, рис.2-4), с которыми сравнима небольшая перещепинская статуэтка-навершие кат.106 (рис.28, 5). Вознесенская же статуэтка орла (рис.28, 4) византийского происхождения. Дальнейшее развитие реалистического стиля (и образа льва, в частности) в торовитике Хазарского каганата демонстрируют ковши из к.2 Подгорненского IV могильника, Коцкого городка и к.17 Кип III, детально рассмотренные В.Е.Флёровой (Флёрова В.Е., 2001а, с.97-116; рис.20; 21; 24в). Представленные на них сюжеты охоты на львов (а на ковше из к.2 Подгорненского IV – на тигра), разумеется, не могли отражать восточноевропейские реалии хазарского времени. Речь идет о сюжетах эпических или мифологических, подчеркивающих происхождение рассматриваемого населения из зон обитания среднеазиатских львов и дальневосточных тигров.

Пряжка кат.81 отнесена в группу V, скорее всего, благодаря орнаменту литыми полупальметтами, хотя технологически она вполне самостоятельна, и

в Перещепине изделий этого стиля и техники больше нет. Тисненный растительный орнамент можно отметить на золотом наконечнике из п.1 к.2 Васильевки (рис.19, 23), но он другой и стилистически. Сама пряжка оригинальна и, пожалуй, даже если она не согдийского производства (Залеская В.Н. и др., 1997, с.206), то все равно импортная не только для рассматриваемой группы кочевников, но и для Восточной Европы в целом. Небольшой щиток похожей формы у перещепинской пряжки кат.121 (рис.46, 24) и пряжек из аварских п.1 Кишкёрош-Вагохид (Laszlo G., 1955, pl.I, 12), п.85 Ардац-Мечки и п.97 Линц-Цицлау (Гавритухин И.О., 2001в, рис.38, 2, 39), но они просто вырезаны из пластины. Несколько сложнее щиток пряжки из п.696 Будакалаш-Дунапарта (Vida T., Pastor A., 1996, kat.5.264). Он бронзовый, верхний щиток толще, по его поверхности был прочерчен орнамент, после чего пряжку позолотили. Также пластинчатый и щиток пряжки из Пенджикента (Распопова В.И., 1980, рис.61, 18), но археологические находки дорогих согдийских пряжек нам, собственно, не известны. На согдийских фресках часто изображены удлиненные лировидные пряжки без щитка (Распопова В.И., 1965, рис.5; 6), очень напоминающие железные пряжки из Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.27). Рамка перещепинской пряжки подлировидная, но, в отличие от обычных рамок византийской традиции, для язычка сделано лишь углубление, без выступов-ограничителей. Язычок – тонкий узкий, выступом по центру с углублением под пастовую вставку сходен с язычком пряжки кат.97 (рис.46, 26), но они сделаны в разных стилях. Похоже, мастер в равной степени дистанцировался от византийских и согдийских пряжек, создав оригинальный вариант. Мы все же склонны считать пряжку изделием согдийского или иранского мастера, сделанной для кочевника.

Группа VII (Залеская В.Н. и др., 1997, с.84) в технологическом и культурном плане малоинформативна, аварские же аналогии облицовке деревянного ящика или повозки рассмотрены З.А.Львовой (Залеская В.Н. и др., 1997, с.60, 61, 222, 223).

Из предметов, не вошедших в технологические группы, отдельную группу представляют серебряные литые и кованные предметы: стремяна (кат.120), пряжки (кат.121, 123), обкладки ножен меча (кат.116).

Перещепинские стремяна (рис.39, 9), как и многие предметы из комплекса, уникальны, главным образом, благодаря материалу изготовления. Они специально рассматривались А.И.Айбабиным, пришедшем к выводу о их восточном тюркском происхождении (Айбабин А.И., 1974, с.32-34). Сама форма стремян довольно распространенная как территориально, так и хронологически. В Ев-

ропе им соответствуют “раннеаварские” стремяна (Kovrig I., 1955), бытующее на самом деле до второго среднеаварского периода. Из аварских аналогий можно отметить близкие экземпляры, выкованные из квадратного в сечении прута с раскованной подножкой из п.90 Кёрнье (Salamon A., 1969, Abb.8, 5, 6), Сент-Эндре (Garam E., 1991, taf.89), п.696 Будакалаш-Дунапарта (Vida T., Pastor A., 1996, kat.5.280) и др., расходящиеся выступы на петле были у стремени из п.109 Чико (Hampel J., 1905, taf.205, 1). Но столь распространенные в Венгрии в VII в. железные “раннеаварские” стремяна до сих пор не обнаружены ни в одном кочевническом погребении Восточной Европы. Их нет также на Северном Кавказе, а в Приуралье можно отметить лишь дериват из п.122 Неволино (Голдина Р.Д., Водолаго Н.М., 1990, табл.XLXIX, 10) и стремя из п.382 Бирска, в котором вместе с псевдопряжкой находилась хорезмийская монета 50-60-х гг VIII в. (Мажитов Н.А., 1990, с.264-266; рис.2, 16); остальные экземпляры происходят из более поздних погребений. Долго бытует этот тип стремян и на востоке – в тюркских погребениях Узунтала аналогичные перещепинским стремяна относятся ко 2-й пол.VIII – IX в. (Савинов Д.Г., 1982, рис.4, 12, 13).

Поскольку в Сивашовке, Бородаевке и Павловке находились целые седла, можно предположить, что у восточноевропейских кочевников в это время широко использовались кожаные петли или деревянные стремяна. Эта зона довольно большая: от Северного Причерноморья до Восточного Приуралья. Но в более восточных регионах в тюркских погребениях с конем VI-VII вв. стремяна также находка довольно редкая. С.И.Вайнштейн специально обратил внимание на изображение тюркского всадника на обложке лука седла из могилы 9 Кудыргэ, ноги которого свисают свободно (Вайнштейн С.И., 1966, с.66), что свидетельствует об архаической технике верховой езды. В Европе VII в. Аварский каганат, пожалуй, оказывается зоной наибольшего распространения стремян. У авар стремяна “раннеаварского” типа уже в сер.VII в. заимствовались их западными соседями – баварами (Амброз А.К., 1973б, с.91), факт же полного отсутствия подобных находок в кочевнических погребениях Восточной Европы, пожалуй, свидетельствует об *отсутствии какого-либо аварского влияния в этом регионе.*

Появление здесь железных стремян стало следствием какого-то нового культурного импульса. Как показывает самая большая коллекция стремян из Вознесенки, где присутствовало аркообразное стремя с золотой инкрустацией (рис.40, 3), аналогичное изображению на фреске из Уструшаны (Семенов А.И., 1988, рис.5, 1-7, 9), речь идет об импульсе с востока, возможно, связанном с притоком новой группы тюркского населения после разгро-

ма Западнотюркского каганата. Из сохранившихся железных восточноевропейских стремян ближе всего к перещепинским – стремяна из Глodos, выкованные из квадратного в сечении прута. Но одно из этих стремян “восьмеркообразное” (рис.39, 2), а другое, похоже, было круглой формы (рис.39, 8), близкое стремени из п.248 Дюрсо (рис.30, 2). Высокие трапециевидные петли отмечены только в Вознесенке и Ясиново на стремянах уже аркообразного типа, хотя одно из вознесенских стремян (рис.40, 1) еще близко по форме перещепинским.

Вероятно, также принадлежали к деталям седла две пряжки кат.123 (рис.46, 11). Их поверхность сильно исцарапана, что свидетельствует об интенсивном неаккуратном использовании и об их нахождении не на виду. От серии пряжек с прямоугольной или трапециевидной рамкой и прямоугольным щитком из комплексов “сивашовского” типа (рис.45, 17-20; 46, 8, 13) перещепинские пряжки отличаются несколькими деталями. Прежде всего, это – наличие на рамке не углубления для язычка, а выступов-ограничителей. Эта деталь сближает их с пряжками из поминальника в Мокрой Балке и Вознесенки (рис.46, 15-17), к.1 Ясырево II (рис.46, 14), кат.7, 113 Мокрой балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.19, 6; 125, 3), Султановского (ОАК за 1900 г., с.53, рис.119). Специфично и расположение выступа на язычке, сдвинутого к его кончику. Так же расположен выступ и у пряжек кат.121 (рис.46, 25), чуть ближе, по центру, – у пряжек кат.97 (рис.46, 26) и кат.81. У пряжки кат.101 (рис.33, 5) и пряжки из Вознесенки (рис.45, 24) выступ также смещен к кончику язычка, но он оформлен в виде шарика, а не прямоугольной площадки. Небольшие выступы-фиксаторы можно отметить на скалистинских пряжках нач.VIII в. (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.38, 5; 47, 21; 50, 1). Такое расположение отражает специфический способ фиксации ремня, при котором язычок пропускается в отверстие ремня за фиксатор, не позволяющий слететь ремню с язычка при резком ослаблении натяжения. Эта конструкция излишня для поясов, где натяжение как раз стабильно, – такие пряжки, скорее, использовали для крепления различных болтающихся предметов. Судя по величине прорези, пряжками кат.123 могли крепить стремяна.

Серебряные “лировидные” пряжки кат.97 представлены двумя вариантами (рис.46, 24, 25), аналогии которым в паре известны в склепе 1897 г Гижгида (Амброз А.К., 1971, рис.6, 12, 14). Несмотря на то, что в кочевнических поясах геральдического стиля крайне трудно различить местные и сделанные на заказ оседлыми мастерами вещи, в случае с пряжками кат.97 можно все же уверенно относить их к изделиям византийского производства. “Лировидные” пряжек с выступами-ограничителями для

Рис. 16. Детали облицовки клинкового оружия: 1, 3, 7, 8 – Вознесенка; 2, 4 – Кеелеги; 5, 6 – Перещепина. Масштаб разный.

Fig. 16. Parts of cold steel coat: 1, 3, 7, 8 – Voznesenka; 2, 4 – Kelegei; 5, 6 – Pereshchepina. The scale is different.

язычка на рамке и подвижным щитком в известных нам кочевнических погребениях пока нет, особо подчеркивает же византийскую работу внутренний В-образный контур рамок пряжек (ср.: Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.42, 48). Только с небольшой перещепинской пряжкой (рис.46, 24) отдаленно сравнима В-образная пряжка из Родионовки (рис.46, 20). Судя по размещению фиксатора на язычке, перещепинские пряжки делались для ремешков с нестабильным натяжением, поэтому версия З.А.Львовой об их отношении к снаряжению коня (Залесская В.Н. и др., 1997, с.54) вполне приемлема, правда, с уточнением, что принадлежали они не “варварскому” седлу, а, скорее всего, подарочной сбруе византийской работы.

Серебряные обкладки кат.116 принадлежат ножнам меча, целиком закрытым серебряными листами или же с высокой бутеролью. В восточноевропейских кочевнических погребениях такого типа ножен пока не известно: тут использовалось только покрытие полосками серебра или золота частей ножен и рукояти (к.5 Виноградного, Уч-Тепе, Чапаевский) (рис.44, 1, 2, 4). В Вознесенке покрытие ножен, скорее всего, было сплошным, но тут использовались золотые листы гораздо меньших

размеров, а в Глодосах ножны принадлежат к очень дорогому богато декорированному варианту. Высокая бутероль была у ножен из коллекции Алексева, но их конструкция явно другая (Balint Cs., 1992, taf.25). Пожалуй, ближе всего перещепинским ножнам кат.116 ножны из п.248 Дюрсо (рис.30, 19), а из аварских – ножны меча из Кецеля (Garam E., 1991, taf.45). Впрочем, при выборе площади покрытия ножен серебром или золотом слишком многое зависело от элементарного достатка собственника.

Серебряный цилиндр с напаянной зернью кат.118, по предположению З.А.Львовой, также мог принадлежать к облицовке этого меча (Залесская В.Н. и др., 1997, с.51, 234), но его место в ней не понятно. По размерам, форме и способу изготовления из серебряной пластины, свернутой в трубочку и закрепленной тремя ободками, он очень схож с характерными аланскими предметами (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.56, 22; 92, 6; 100, 8; 104, 8; 105, 11; 130, 12; 133, 16; Флёров В.С., 2000а, рис.39, 28). О их предназначении единого мнения среди исследователей нет (реликвариум, кисточки, коробочки для благовоний), можно отметить лишь их нахождение чаще всего в области грудной клетки или шеи, свидетельствующее о ношении пред-

мета на шнурке, а также остатки дерева внутри. Известны похожие подвески и в Крыму, но уже в салтовское время (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.31, 27; 42, 31; 121, 13). У авар использовался чисто декоративный вариант похожих подвесок с двумя петельками (Игар, п.1898 г.) (Fettich N., 1929, tab.VI, 3, 4; Garam E., 2001, Taf.XVII).

Три серебряных, покрытых золотым листом наконечника кат.117 относятся к отдельной подгруппе вещей VIIIб. U-образная форма, техника изготовления (тиснение из серебряной пластины по матрице с последующим запаиванием плоской пластиной и дополнительным закреплением сверху ободком), крепление одним гвоздиком – все соответствует ремненным наконечникам византийской традиции из Мартыновки и аналогичным им (Pekarskaja L., Kidd D., 1994, Taf.32-34; 55, 5, 6; 56, 10, 14, 18). Обломки двух наконечников “мартыновского” типа присутствуют и в составе коллекции из Перещепины (кат.113) (рис.49, 10, 11), но, как уже отмечалось, относиться к ним нужно осторожно, поскольку эти вещи вполне могли подsunуть, как происходящие из Перещепины, и перекупщики из Полтавы или Киева, и сами крестьяне. Наконечники кат.113 изделиям кат.117 явно не комплектны. Последние отличаются золочением фольгой, в то время как на “мартыновских” наконечниках кат.113 такая техника просто закрыла бы декор, зато на них гораздо тщательнее выполнена пайка. Поясные наконечники U-образной формы, тисненные из листа с запаиванием задней стенки, можно отметить в Вознесенке, Глодосах, Ясиново, Новых Санжарах. Но они золотые, также на них не использовался дополнительный верхний ободок, присутствующий, как уже упоминалось, на некоторых изделиях из Мартыновки и Хацков (Жорзухина Г.Ф., 1996, табл.22, 7). На раннеаварских наконечниках (Daim F., 1987, Taf.10, 2/1-4) такие ободки использованы для закрепления наконечников, сложенных из одной пластины, в Мартыновке – для паянных двух-четырёхсоставных деталей, в Перещепине же ободки прижимают золотую фольгу, которой покрыты наконечники. Само использование золотой или серебряной фольги для инкрустации металлической основы характерно для Вознесенки, Новых Санжар, м.І Новогригорьевки, но там она закреплялась просто пайкой.

Перещепинские детали можно было бы вполне рассматривать как промежуточные между мартыновскими и вознесенскими поясными деталями, если бы не одно обстоятельство. Отметив наличие внутри двух из рассматриваемых наконечников окислов железа, З.А.Львова высказала интересную мысль о том, что они, подобно обкладкам меча из п.1 Сегед-Ченгеле, могли покрывать выступы перекрестья меча (Залесская В.Н. и др., 1997, с.233,

234). Подтверждает такую возможность и меч из Вышеграда (Awaren in Europa ..., 1985, Abb.19). В таком случае, в Перещепине должны находиться остатки сходного с аварскими “варварского” подражания мечу с кольцевым навершием. Слабой стороной этой версии является отсутствие других деталей оружия, которые доказательно объединятся с наконечниками кат.117. Окислы железа внутри двух наконечников можно объяснить и проще: они могли появиться, например, если серебряными наконечниками закрыли концы уже сложенных ремешков, скрепленных тонкой железной пластиной.

Группа VIII важна для сравнения Перещепины с рядовыми кочевническими погребениями, где золотых изделий нет. К сожалению, параллели тут крайне скудны. “Геральдических” деталей не сохранилось и в Макуховке, их не было в Глодосах, Новых Санжарах и Ясиново, а в Вознесенке можно отметить только две пряжки (рис.46, 15, 17) и бляшку (рис.48, 41), представляющие уже “постгеральдический” горизонт. Лишь в Келегеях сохранились несколько серебряных деталей, которые находят аналогии в подкурганых рядовых погребениях (рис.45, 25; 48, 37, 54).

Итак, рассмотренные нами основные группы “варварских” вещей из Перещепины показывают их явную морфологическую, технологическую и стилистическую близость к наборам других богатых кочевнических комплексов Северного Причерноморья. Наибольшее количество связей с Перещепиной обнаруживают Глодосы, где находят параллели изделия групп IIa, IIб, IIIa, IIIв/1, IIIв/2, IIIв/3, IIIг, IV, Va, VIa, VIIIб. Несколько дальше Вознесенка – группы IIa, IIIa, IIIв/2, Va, Vв, VIб, VIIa, VIIIб, но здесь следует отметить хорошо представленную группу Va, лишь контурно намеченную в Глодосах. Менее богатые комплексы включают еще меньше аналогий технике “варварских” вещей Перещепины: Келегеи – группы IIa, IIIв/1, IIIв/2, IIIг, Va, VIб, VIIa; Новые Санжары – группы IIIв, IIIв/2, IIIв/3, IIIг, Va, VIIIб; Ясиново – группы IIa, IIIв/2, IIIг, Va, VIIIб; Романовская – IIIв/2, IIIг, Va, VIa; Макуховка – IIa, IIIa, VIб.

Отметим, что речь идет об общих технологических и стилистических соответствиях, отражающих культурную близость комплексов. При учете же морфологии предметов дистанция между Перещепиной и указанными выше комплексами заметно изменится, ее можно выразить рядом: Макуховка – Перещепина – Келегеи – Романовская – Глодосы/Вознесенка – Новые Санжары – Ясиново. В Макуховке и Келегеях все “варварские” вещи теоретически могли быть выполнены мастерами, обслуживающими “перещепинский” двор. То же касается и Романовской, хотя аграфы из погребения – изделия “варварско”-византий-

ской “гладосской” выучки, в самой Перещепине использовавшейся еще редко и лучше всего представленной в Гладосах и Вознесенке. Сами Гладосы и Вознесенка демонстрируют практически полный набор технологических и стилистических признаков “перещепинских” ювелиров, но целый ряд новых типов вещей, не представленных в Перещепине, свидетельствует о том, что речь идет о той же ювелирной “школе”, но уже другого хронологического этапа. Еще дальше Новые Санжары и Ясиново – комплексы, обнаруживающие культурную близость с Перещепиной, но сходные уже, в первую очередь, с Вознесенкой.

Изучая соотношения предметов различных групп Перещепины, З.А.Львова и Б.И.Маршак пришли к выводу о возможности построения их относительной хронологии (Залеская В.Н. и др., 1997, с.94-100), в систему которой, правда, была включена серьезная ошибка в виде более ранней позиции Гладос относительно Перещепины. Это повлекло хронологическое обособление групп V и VI, оснований для которого на самом деле нет. Аналогии в комплексах горизонта Вознесенки находит не только гладосская сбруя. Речь также идет о перекрестьи меча (рис.10, 1), непарных стремених, использование которых отмечено также в Вознесенке и Новых Санжарах, а у авар – во II среднеаварском периоде (Амброз А.К., 1973б, с.93), наконечнике копья (Сміленко А.Т., 1965, рис.19, 1), известном также в м.І Новогригорьевки (Семенов А.И., 1988, рис.2, 1) и п.248 Дюрсо (рис.30, 13), но ни в одном более раннем кочевническом комплексе, небольших трехлопастных наконечниках стрел “салтовских” типов (Сміленко А.Т., 1965, рис.25, 1, 2), появляющихся только в Вознесенке, штампованном наконечнике ремня (рис.36, 1) и т.д. В пользу поздней позиции Гладос решительно свидетельствует и п.248 Дюрсо, включавшее близкую гладосским саблю с Р-образными скобами (рис.30, 26), наконечник копья (рис.30, 13), стремя с круглой дужкой (рис.30, 2) и золотые подвески головного убора (рис.30, 28, 29), наряду с аналогичным ясиновским удилами и кувшином (рис.30, 1, 30), а также, что важно, раннесалтовскими уздечными распределителями и ромбовидным перекрестьем сабли (рис.30, 11, 17, 26).

“Отсутствие тюркского влияния” в Гладосах З.А.Львова и Б.И.Маршак видят в отсутствии здесь изделий с пальметтами, а также кувшинов тюркских форм (Залеская В.Н. и др., 1997, с.98). При этом не обращается внимание на сам обряд (трупосожжение), тюркский коленчатый кинжал с инкрустацией золотой насечкой, кресало (Сміленко А.Т., 1965, рис.19, 11), находящее аналогии на Алтае, тюркских каменных изображениях (Куба-

рев В.Д., 1984, рис.9, 1, 5, 6; Савинов Д.Г., 1982, рис.5, 18), а в Восточной Европе – только в п.4 к.11 Шелехметьского могильника (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 1), принадлежащем к горизонту Вознесенки, но включающем уже “классическую” раннесалтовскую саблю. Наконец, гладосские изделия с инкрустацией ошибочно ставятся на одну планку с тисненными вознесенскими, из-за чего исследователям становится непонятным отсутствие в Гладосах декора пальметтами.

Последнюю ситуацию проясняет роскошный золотой пояс из Вознесенки (рис.11; 31) (Комар А.В., 2003), украшенный полым “жемчужником”, зернью и псевдозернью, сканью и гнездами для вставок, которому, к большому сожалению, до сих пор не уделялось должного внимания в литературе. Пояс по технологии изготовления и стилю полностью идентичен обкладкам оружия из Гладос и, найденный в одном комплексе, не вызвал бы ни малейшего сомнения в его изготовлении тем же ювелиром единым комплектом с оружием. Самое поразительное в этой ситуации то, что в Гладосах поясного набора как раз и не было, т.е. вознесенский поминальный курук вполне мог быть сооруженным в честь собственника Гладосского комплекса! Остальные три вознесенских золотых пояса, изготовленные из золотой фольги с бронзовой подкладкой, не идут с упомянутым поясом ни в какое сравнение и явно принадлежали людям более низкого социального ранга. Три сабли, три боевых ножа и три пояса здесь составляют комплекты трех знатных дружинников-телохранителей правителя, символически или реально принесенных в жертву во время поминальной церемонии. Их оружие было покрыто тонкими золотыми листами с вручную прочерченным орнаментом пальметтами и единичными вставками камней (рис.16, 1; 27, 1, 2), но оно так же, как и пояса, не может быть сравнимо по роскоши с обкладками гладосского оружия, богато украшенного зернью и инкрустацией. Изделий с пальметтами в Гладосах нет по единственной причине – вещи этого правителя выполнены на гораздо более высоком технологическом уровне с намеренным подчеркиванием роскоши, по сравнению с предметами “дружинного” круга. Гладосские же параллели в Перещепине так же, как и вознесенские, маркируют связи этого комплекса с культурой кочевников следующего хронологического этапа.

Фактически, это означает, что практически все группы и подгруппы варварских вещей Перещепины находят продолжение в более поздних комплексах и поэтому в рамках самой Перещепины их хронологическое членение невозможно. Из несомненных фактов взаимосвязей перещепинских технологических групп следует отметить доработ-

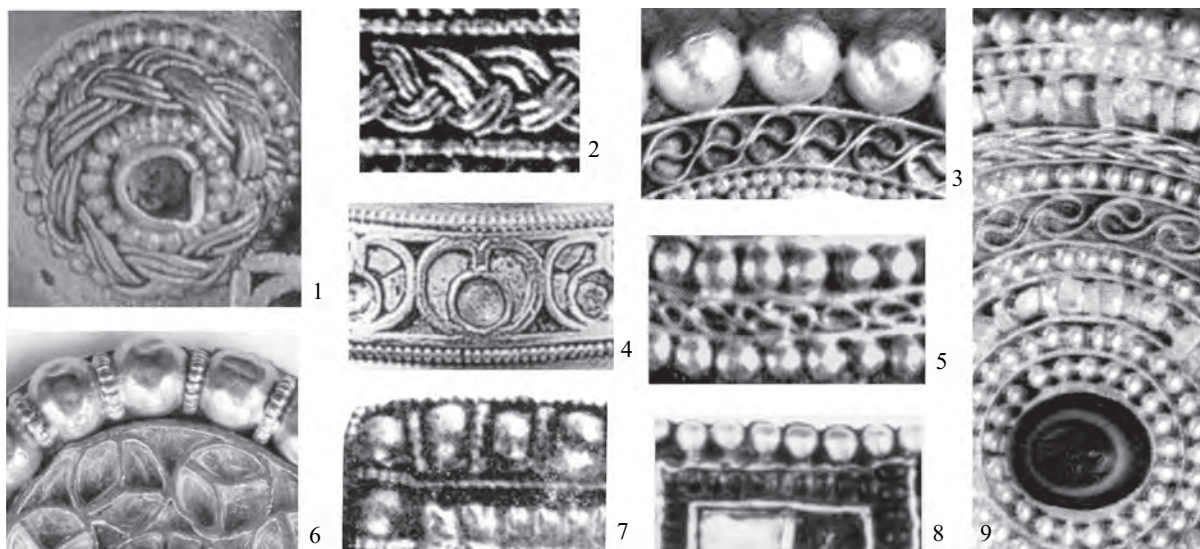

Рис. 17. Технологические элементы византийских (1, 4, 6) и варварско-византийских (2, 3, 5, 7, 8, 9) изделий: 1 – *Тепе*; 2, 7 – *Вознесенка*; 3, 9 – *Глодосы*; 4 – *Кунбабонь*; 5 – *Перещепина*; 6 – *Озора-Тотипушта*; 8 – *Портовое*.

Fig. 17. Technological elements of Byzantine (1, 4, 6) and barbaric-Byzantine (2, 3, 5, 7, 8, 9) items: 1 – *Tepe*; 2, 7 – *Voznesenka*; 3, 9 – *Glodosy*; 4 – *Kunbabony*; 5 – *Pereshchepina*; 6 – *Ozora-Totipushta*; 8 – *Portovoie*.

ку “варварскими” ювелирами византийских подарочных меча и колчана соответственно в технике групп III и Va, сломанные серебряные пряжки (вероятно, от подарочной сбруи), перемонтированные облицовки деревянной кружки и посоха (группы Va и VIб), изношенную и залатанную металлическую посуду (группы IV, VIa). Эти вещи использовались долго, далеко не одно десятилетие. Как уже отмечалось выше, о синхронном существовании стилей групп IIIa, IIIa и VIб говорят ножны из коллекции Алексева (Макуховки). На ножке кружки кат.69 композиция из спаянных в ленту кружочков похожа на декор изделий групп IIIa-IIIб; группы Va, Vб, VIa, VIб сходны наличием вариаций тюрко-согдийских пальметт. А если учесть сосуществование элементов всех упомянутых групп в Глодосах и Вознесенке, становится понятным, что речь идет об устойчивых традициях, бытующих одновременно в одной культурной среде, хронологическое соотношение которых проявляется только на уровне преобладания стилей.

Вопрос о культурном соотношении Перещепины и комплексов келегейского типа, в целом, с рядовыми подкурганными и бескурганскими кочевническими погребениями гораздо сложнее. Вещные наборы погребений состоят преимущественно из украшений и деталей пояса, ремешков обуви, сбруи, а также оружия и иногда личных украшений. Их механическое сравнение с Перещепиной невозможно по элементарной причине – это пропасть

социальной дистанции. В литературе довольно часто приходится встречать мнение, что серебряные “геральдические” пояса – признак высокого социального ранга. Так Р.С.Орлов, считая Сивашовку самым богатым погребением этого круга и указывая на наличие заметного имущественного расслоения среди погребений “сивашовского типа”, отказался рассматривать Перещепину и Глодосы как комплексы одновременной им знати (Орлов Р.С., Рассмакин Ю.Я., 1996, с.102, 103). А.Г.Атавин также определил комплекс с золотыми деталями пояса из хут. Крупской как погребение “вождя”, а погребения с серебряными поясами – как принадлежащие “дружинной верхушке” (Атавин А.Г., 1996, с.230, 231). Подобная позиция Р.С.Орлова даже вызвала у С.А.Плетневой ожидание увидеть в неопубликованной части комплекса из Сивашовки богатство, равное Перещепине (Плетнева С.А., 2003, с.37). В реальности в погребении нет ни одной золотой детали, но Сивашовка действительно демонстрирует большой набор мелких серебряных геральдических пряжек и бляшек от пояса, обуви, сбруи. Их количество выглядит солидно на фоне таких комплексов, как Ковалевка, Аккермень, Аджиголь, к.2 Белозерки, Родионовка, п.2 Рябовки, Октябрьское, Бородаевка с одной бронзовой пряжкой или бляшкой, а также на фоне погребений с небольшими бронзовыми наборами: Дымовки, п.10 к.2 и п.12 к.13 Рисового, Авилковского, к.111 Бережновки II и т.д., но “богатство” Сивашовки меркнет при элементарном

сравнении с комплексами, где присутствуют золотые изделия.

Соотношение стоимости золота и серебра в Византии VII в. равнялось около 1:14 (1 либра золота = 72 номисмы; 1 либра серебра = 5 номисм). Учитывая, что рассматриваемые нами кочевнические комплексы демонстрируют выразительные следы связей с Византией, это соотношение можно считать условно реальным и для кочевников. Чтобы сравнить имущественный статус собственников комплексов келегейского типа и рядовых погребений, рассмотрим два из дошедших до нас фрагментарно, но все же лучше других, комплекса из Келегеев и Новых Санжар. Общий вес золотых изделий из Новых Санжар равен 258 г, серебряных – 92 г, что при “византийской конвертации” эквивалентно 3704 г серебра. В Келегеях, к сожалению, известен вес только золотой части комплекса – 293 г, что эквивалентно 4102 г серебра, но из серебряных изделий следует учесть обломки сасанидского блюда, весивших в среднем около 500 г. Для сравнения, общий вес серебряных изделий Мартыновского клада равен 3,3 кг (Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994, S.24), что, в свою очередь, в несколько раз превышает суммарный вес серебряных изделий из всех (!) известных на сегодня подкурганых погребений восточноевропейской степи с геральдическими поясами. При этом не менее показательным, что в богатых на серебро славянских кладах мы сталкиваемся максимум с позолоченными изделиями, но не с золотыми.

Погребения с поясами, в оформлении которых использованы золотые детали, автоматически выделяются из общей массы. Таких пока немного: Арцибашево, Уч-Тепе, хут.Крупской, Старонижестеблиевская, к.5 Виноградного, п.1 и 2 к.2 Васильевки, к.14 Белозерки, п.3 к.30 Калининской, Новиковка, Мадара. Но и они очень далеки по роскоши от реальных поясов правителей. Даже если отбросить подарочный византийский пояс из Перещепины, о “варварском” эталоне можно судить по золотому поясу из Вознесенки (рис.11; 31). Он, к сожалению, пострадал в огне, но вес поясных бляшек и наконечников восстанавливается по наиболее сохранившимся экземплярам: бляшки (5x25 г), наконечники (5x31 г) и обойма (34 г) первоначально весили около 314 г. От пряжки сохранилась только рамка сложносоставного щитка весом в 42 г (рис.31, 1); утрачены рамка, язычок, верхняя пластина щитка и две петли для крепления. Поскольку утраченные части составляли большую часть веса пряжки, ее первоначальный вес был около 100 г, а пояс в целом, таким образом, весил около 400 г. Это немного, по сравнению с Перещепиной, но следует отметить, что на этом этапе происходит серьезное уменьшение веса по-

ясных деталей за счет использования тиснения вместо литья, облегченного “жемчужника”, поэтому сравнивать вознесенский пояс корректнее с “княжескими” аварскими поясами из Кунаготы, Озоры, Игара, которые первый заметно превосходит.

Небольшие зерновые бляшки и наконечники поясов из Арцибашево, хут. Крупской, Мадары – как бы более скромные варианты вознесенского пояса, а пояс из Уч-Тепе – их тисненный, технологически более простой вариант. Только отдельные золотые детали использованы в серебряных наборах к.5 Виноградного, п.1 и 2 к.2 Васильевки, к.14 Белозерки, п.3 к.30 Калининской, а в Портовом из золота выполнены зернь и гнезда для вставок. Эти погребения демонстрируют несомненную связь с перещепинской группой Па, также с ней тесно связаны и бескурганые женские погребения из Новопокровки, Морского Чулёка, Джигинской, п.2 Уфы, подкурганное к.17 Наташино, демонстрирующие и влияние группы Ш, хотя женские комплексы по общему набору технологических приемов, стилистике и типам украшений, конечно, гораздо ближе Глудосам.

Наличие связи Перещепины с рядовыми погребениями равнозначно наличию в последних золотых изделий, а количество таких связей прямо пропорционально их ассортименту. Очень интересно при этом, что, в отличие от культуры Аварского каганата, где мы наблюдаем картину постоянного заимствования типов украшений, в т.ч. и поясных, рядовым населением у знати, у восточноевропейских кочевников бронзовых подражаний золотым изделиям мы не обнаружим. Если в аварских могильниках одни и те же типы поясных деталей могут быть выполнены из золота, серебра, бронзы, у рассматриваемой нами группы кочевников бронзовые детали повторяют только серебряные, но даже серебряные не повторяют золотых. Несмотря на то, что хороший серебряных дел мастер легко мог изготовить подражание зерненым бляшкам и наконечникам из серебра (особенно способом тиснения, как в Уч-Тепе), на серебряных поясных деталях зернь присутствует исключительно на золотых пластинах, которые вставлялись в серебряное обрамление или же напаивались на более жесткую серебряную основу. Единственным исключением выглядит прессованная бронзовая бляшка из Дымовки (рис.19, 26) с псевдозернью, наколотой с оборота, но здесь нет и “классических” композиций из треугольников зерни, т.е. бляшка не является механическим подражанием золотым.

Отмеченная закономерность подталкивает к выводу о *ранговом* значении золотых поясных деталей с грануляцией для рассматриваемой группы кочевников. Да, в Сивашовке было много деталей

из серебра, но ни одной золотой или со вставкой, зато в к.14 Белозерки детали из плохого серебряного сплава, тем не менее, дополнялись золотыми гнездами для вставок и двумя маленькими деталями, обтянутыми золотой фольгой с грануляцией. Показателен еще один пример – в п.1 к.2 Васильевки наряду с качественными серебряными наконечниками с золотыми вставками присутствуют серебряные бляшки геральдического типа, выполненные значительно крупнее и грубее своих прототипов (рис.48, 8, 28, 30). Мастер, изготовивший эти бляшки, не имел готовых форм и был вынужден “на глаз” имитировать детали. Трудно предположить, что это – работа того же ювелира, но даже при крайнем варианте изготовления этих бляшек в той же мастерской, но подмастерьем мы все равно приходим к выводу, что золотых дел мастера не изготавливали детали серебряных геральдических поясов и даже не держали в своей мастерской литейных форм для них. Особый статус таких ювелиров несомненен, а иметь постоянную практику при дороговизне золота они могли только при ставках верховных или локальных правителей.

Связь золотых деталей поясов определенного типа с рангами, а также их изготовление ювелирами, работающими только при ставках правителей, напоминает отмеченную нами выше ситуацию с ранговыми золотыми поясами в Византии. Прокопий Кесарийский (ВР, Кн.1, XVII, 28) свидетельствует, что и у персов было “запрещено носить золотые перстни, пояса, пряжки или что-либо подобное, если это не пожаловано царем” (Прокопий Кесарийский, 1993, с.53). Сходная картина у рассматриваемой нами группы кочевников означает признаки государственной организации, в которой не просто люди имущие, а именно *представители власти* должны были четко выделяться из общества. Взаимозаменяемость серебряных и бронзовых деталей, очевидно, отражала лишь имущественный статус, хотя разница материала все же подчеркивала грань между людьми с бронзовыми и серебряными поясами. В определенном смысле это было сродни покрытию юрты темным или белым войлоком у тувинцев (Вайнштейн С.И., 1991, с.24). Но человек с золотой деталью на поясе, украшенной грануляцией или вставками, подчеркивал свою связь с людьми, носящими целый пояс таких деталей, последние же привселюдно демонстрировали свою связь с правителем, по письменным упоминаниям у тюркотов, хазар и монголов, сидящем на “золотом троне”, живущем в “золотой юрте”, а тюркотов – даже на “Золотой горе”. Показательна и взаимосвязь понятий “правитель – столица – государство” у монголов, где “Золотая орда” означало и ханскую юрту, и ханскую ставку, и все политическое объединение, подвластное хану (Султанов

Т.И., 2002, с.14-16). Подобно “темным”, “белым” и “золотым” юртам, существовали “темные” (бронзовые), “белые” (серебряные) и золотые пояса, но, если “золотая” юрта полагалась только правителю, золотые пояса или детали пояса подчеркивали принадлежность к “золотому дому правителя” в его широком понимании, т.е. “государству”. Запрет на нарушение этой вертикали, в которой даже люди имущие не могли позволить себе ни одного золотого “рангового” знака в уборе, указывает на хорошо развитую, давно функционирующую систему социальной организации четко стратифицированного общества.

Несмотря на огромную территорию распространения рассматриваемых нами памятников (от Северного Причерноморья до Нижнего Заволжья), речь не может идти о “разношерстном”, наспех слепленном политическом образовании кочевников, что подтверждается и единством погребального обряда, деталей убора, вооружения. Перед нами серьезное раннегосударственное образование, археологическая вертикаль которого на сегодня сходится к комплексам Среднего Поднепровья: Перещепине, Вознесенке и Глодосам.

Наряду с анализом связей, следует отметить также и другое – это факт резкого отличия “варварских” вещей из Перещепины от территориально и хронологически близких славянских кладов, от погребений оседлого населения Крыма, Кавказа, Приуралья. Крайне слабы и связи этой культуры с культурой Аварского каганата. Столь часто эксплуатируемые в литературе сравнения Перещепины с аварскими комплексами круга Бочи и Кунбабоня касаются исключительно предметов I группы, т.е. стиля и техники, в одностороннем порядке предложенных кочевникам византийцами. В данном случае речь идет о заимствованиях из одного источника, но не о прямых контактах собственно культур авар и восточноевропейских кочевников, которые, несмотря на наличие общих исходных центрально-азиатских элементов и воспринятых уже в Европе византийских, развивались на этапе Перещепины *совершенно самостоятельно*.

Оценивая дистанцию между подкурганными кочевническими погребениями и комплексами келегейского типа в сравнении с памятниками соседних культур, мы фиксируем несомненную их близость. Рассматривая же жестко только кочевнические комплексы, фиксируем их несомненное различие. В этой ситуации можно придерживаться версии о социальной природе различий, предложенной нами, можно делать упор на этнические различия, возможные как для одновременных, так и разновременных памятников; существует также и хронологическая версия, справедливость которой мы рассмотрим ниже.

Раздел 3. Хронология

Выразительный состав Перещепинского комплекса позволил еще Н.Е.Макаренко датировать основную часть его предметов VI-VII вв., а сокрытие комплекса в землю исследователь отнес к кон.VII – VIII в. (Макаренко Н., 1912, с.211). Благодаря обильному монетному материалу, комплекс уже почти столетие используется как опорный в системах хронологии археологических памятников огромной территории от Центральной Европы до Алтая. Но датировка попадания комплекса в землю при этом колеблется у разных исследователей от кон.40 гг. VII в. (Werner J., 1984) до нач.VIII в. (Гринченко В.А., 1937, с.45-52; Айбабин А.И., 1999, с.182; Мажитов Н.А., 1990, с.266), что создает диапазон, фактически равный трем поколениям человека. Подчеркивать важность установления точной даты сокрытия Перещепинского комплекса излишне, важно объяснить другое: что и каким образом мы собираемся искать.

Единственным показателем правильности и эффективности методов и теоретических оснований любого анализа, хронологического в том числе, является практика. Науке вряд ли нужна блестящая теоретическая модель, которую невозможно применить на практике, или применение которой не дает серьезных результатов. Любая практическая схема также должна “работать” у других исследователей, на другом материале, иначе самоцелью становится *процесс*, а не *результат* научного поиска. В своей практике нам пока не доводилось ни “открывать” новые методы анализа, ни замыкаться на одном из выбранных методов как на единственно верном. Современная теория археологии предлагает довольно широкий спектр методов, и выбор наиболее эффективного из них в каждом конкретном случае подсказывает исключительно специфика материала.

Остановиться на некоторых вопросах теоретического плана нас вынуждает не необходимость обоснования “правильности” нашего выбора, а другое обстоятельство. Это – существование различного понимания исследователями самих задач хронологического исследования, критериев и принципов периодизации, а также вкладывание в одни и те же понятия различного смысла, что очень часто не позволяет свести результаты, полученные разными методами анализа, к единому знаменателю из-за разного “языка” терминов. Еще прискорбнее, что ситуация разногласий между специалистами-хронологами часто используется другими исследователями для безапелляционного подбора удобных для себя дат либо путем поиска в литературе соответствующего мнения, либо путем вычисления “среднего арифметического” между

разными мнениями, либо же самостоятельными выкладками псевдохронологического характера, усугубляющими и без того запутанную картину противоречий внутри самого “хронологического цеха”.

3.1. Вводные замечания

“Хронология” не является специальной археологической дисциплиной. Это – лишь вспомогательный “инструмент”, позволяющий группировать артефакты по признаку времени их возникновения. Специфика использования этого “инструмента” в каждой из дисциплин разная, прежде всего, из-за различия целей и задач, которые должна решить группировка артефактов по хронологическому признаку. Проще всего требования истории – хронология артефактов должна дать ориентиры *историческим событиям*, с которыми связано их появление (миграции населения, основание, разрушение поселений и т.п.). В археологическом вещеведении хронология призвана определить время возникновения и бытования *вещей* определенных типов, показать динамику их видоизменения во времени. Датировку археологического *комплекса* вещеведение определяет статистическим усреднением времени бытования различных вещей из его состава, предлагая временной диапазон, более всего отвечающий именно такой *комбинации предметов*. Совершенно другие задачи возлагает на хронологию археологическая, а точнее, историческая этнология, изучающая *материальную культуру* древнего населения. Здесь хронология решает проблему времени возникновения и исчезновения, динамики развития *культуры*, оперируя уже не отдельными предметами, а *комплексами*. Группы однокультурных закрытых комплексов со сходным набором признаков отражают изменение культуры во времени, маркируя *этапы* или *периоды* в ее развитии. Датировка конкретного *комплекса* определяется его принадлежностью к определенному *периоду*, выделение же таких этапов развития культуры и является конечной целью хронологического исследования в археологической этнологии. Полученная система является *хронологией (периодизацией) культуры (памятника)*, в то время как вещеведение предлагает *хронологию артефактов*.

В идеале датировки *комплекса* в обеих системах должны совпадать, но на практике в современной раннесредневековой археологии Восточной Европы получить такой результат практически невозможно. Причина в неадекватности источниковой базы: в то время как археологическая этнология закономерно оперирует лишь материалами

однокультурными, для вещеведения культурных границ практически не существует, что приводит к широкому использованию датировок, полученных для похожих *инокультурных* предметов. Мы специально подчеркиваем это обстоятельство – прямому сравнению подлежат лишь предметы из одной социо-экономической и культурной среды, выход за рамки которой при анализе нуждается в каждом конкретном случае в аргументации.

Характерная для вещеведения “абберрация” размывает понятия: “культура”, “этнос”, “родоплеменной коллектив”, “контакт”, даже “расстояние”. Тем не менее, для раннего средневековья они составляли часть реальности, вне которой не существовало кабинетных “культурных и торговых связей”. Древние общества отличались высокой степенью закрытости, на постепенное преодоление которой ушли многие столетия *глобальных социально-экономических преобразований*. Хозяйство носило самодостаточный натуральный характер, и к обмену, денежному или натуральному, вынуждала невозможность произвести определенный продукт в рамках минимальной социо-экономической ячейки – семьи. Если потребность не удовлетворялась в рамках рода или племени, а военно-политическая обстановка это позволяла, происходил выход на новый уровень контактов – с представителями соседних племен или этносов. Эта, на первый взгляд, простая ситуация означала формирование нового *экономического макрорегиона*, объединяющего, пускай и на небольшой территории, две разные экономические системы, два разных общества.

Отметим сразу, глубокое слияние экономических систем двух различных обществ в средневековье случалось крайне редко, более того, такие контакты никогда не были непрерывными, поскольку даже между одноэтническими племенами время от времени обязательно вспыхивали раздоры и войны. Локальные же экономические макрорегионы могли объединиться в крупный экономический регион только при определенных сложных политических раскладах. Как показывает история инспирированных согдийскими купцами “шелковых войн” тюркотов с китайцами и персами, а затем прокладывание оружием и дипломатией торгового пути к Византии, одного наличия продукта и спроса на него для установления обмена было мало, такие отношения формировались серьезнейшими усилиями на межгосударственном уровне. При этом политический разрыв автоматически приводил к нарушению и остальных отношений, что, при довольно беспокойном характере кочевнических образований, сводило на практике их отношения с любыми не зависимыми от них народами к системе “импульсов” контактов, зачастую с длительными перерывами.

Каждый разрыв приводил или к временной изоляции, или же к переориентации на другого партнера. Археологическая картина в таком случае покажет наличие в одних комплексах разнокультурных импортов, которые, даже при полной синхронности времени их бытования в центрах производства, в новой среде окажутся синхронными лишь частично. Еще интереснее ситуация, когда установление контактов с другими ремесленными центрами попадет на “излет” определенной моды. Здесь становится уже неважным, когда возникают эти вещи, и сколько они бытуют в исходной среде. Контакт, произошедший в любой точке этого отрезка, может создать серьезный спрос в другой культурной среде, а, как известно, именно спрос и обуславливает предложение. В этом случае даже совершенно одинаковые вещи, изготовленные в одной мастерской для “внешнего” и “внутреннего” заказчика, могут оказаться на практике асинхронными.

Пока мы говорили об импортах, но еще сложнее и тоньше вопросы ремесленных или шире – культурных контактов и заимствований. Рассматривая проблему распространения “моды” в раннем средневековье, Д.А.Сташенков отметил глубокую консервативность и традиционность средневекового ремесла, особенно связанного с художественными вкусами и традициями определенных групп населения. Многочисленные примеры нормативного запрета инноваций, а также сопротивление традиционных потребителей свидетельствуют, что изменения культурной традиции были тесно связаны с изменениями в самом традиционном обществе (Сташенков Д.А., 1998, с.216-18), т.е. процессами гораздо более высокого уровня, чем примитивное желание следовать “моде”. Кочевники в этом плане также не исключение. Современные тюркские народы Южной Сибири сумели сохранить до XX в. многие элементы идеологических представлений раннесредневековых тюрков, их религиозных и погребальных обрядов, обычаев, элементов убора и быта. Зафиксированная этнографами глубокая архаичность быта и традиционной культуры тюрков Сибири никак не согласуется с расхожим в исторической литературе представлением о “культурной распаханности” кочевников, их открытости любым культурным влияниям. Очевидно, такие процессы все же происходили гораздо сложнее, чем нам представляется, и роль традиционной культуры в них всегда оставалась решающей.

Как, например, расценить широкое распространение в тюркском мире VII в. поясных наборов “геральдического” типа, связанных по происхождению со средой пограничных византийских формирований, состоящих преимущественно из наемников и федератов (Амброз А.К., 1981, с.16; 1994, с.49; Айбабин А.И., 1990, с.57)? Значение поясных

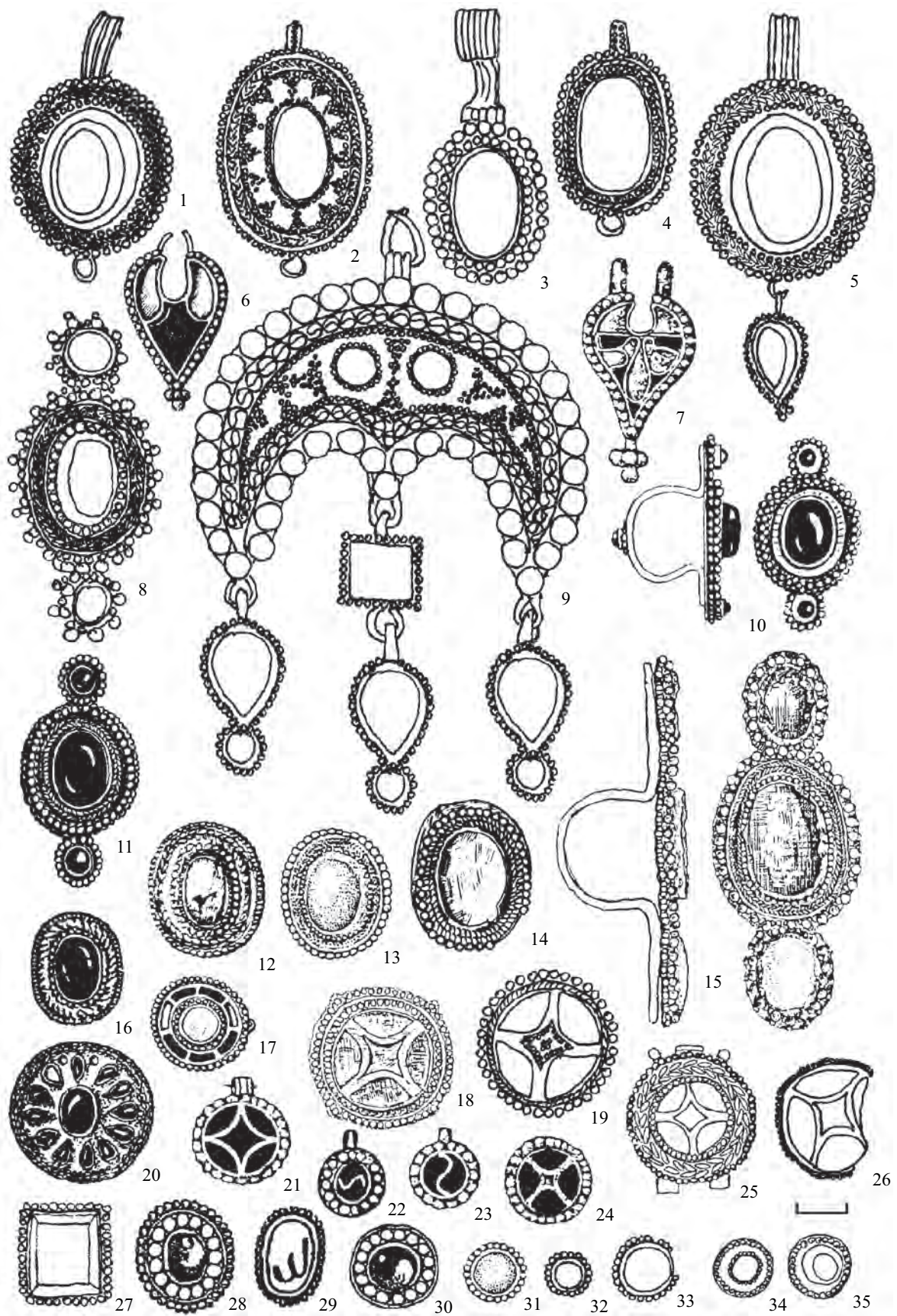

Рис. 18. Ювелирные украшения кочевнических комплексов: 1, 5 – Джигинская; 2, 4, 8, 19 – Уфа, п.2; 3, 6, 11 – Морской Чулэк; 7, 16, 21-24 – Алтынасар; 9, 25 – Глодосы; 10, 17 – Шамши; 12 – Наташино, к.17; 13, 31 – Мадара; 14, 27 – Кеlegeи; 15, 18 – Суханово; 20 – Новопокровка; 26 – Вознесенка; 28, 30 – Перешепина; 29, 33 – Виноградное, к.5; 32, 34, 35 – Васильевка, к.2, п.2.

Fig. 18. Jewellery of nomads complexes: 1, 5 – Dzhiginskaia; 2, 4, 8, 19 – Ufa, burial 2; 3, 6, 11 – Morskoi Chulyok; 7, 16, 21-24 – Altynasar; 9, 25 – Glodosy; 10, 17 – Shamshi; 12 – Natashino, barrow 17; 13, 31 – Madara; 14, 27 – Kelegei; 15, 18 – Sukhanovo; 20 – Novopokrovka; 26 – Voznesenka; 28, 30 – Pereshchepina; 29, 33 – Vinogradnoie, barrow 5; 32, 34, 35 – Vasilievka, barrow 2, burial 2.

деталей как символов ранга было присуще не только Византии, у кочевников эта система была развита, пожалуй, даже гораздо более серьезно (см.: Добжанский В.Н., 1990). Что же могло заставить воина одеть не свой пояс, где каждая бляшка говорила о многом, а чужой, пускай даже аттрактивный, но совершенно “немой” для его соплеменников? Единственное разумное объяснение – это вертикаль, начинающаяся с вождя или его окружения, а это, в свою очередь, тянет за собой выводы уже политического плана, поскольку вельможа мог сменить свой пояс только на подарок доблестного союзника (но не слабого союзника и уж, тем более, не врага). Когда, почему и при каких обстоятельствах это могло произойти, каким был механизм смены поясов у остальных кочевников, сколько времени занял этот процесс, и что стало причиной его успеха – это, пожалуй, только главные из вопросов, на которые предстояло бы ответить, отказавшись от простой и ни к чему не обязывающей версии об “интернациональной моде”.

Культурные влияния или взаимовлияния древних обществ всегда были следствием целого комплекса политических, экономических, этнических и идеологических факторов. Констатация факта культурного влияния автоматически ставит перед историком проблему реконструкции его механизма, т.е. на практике всего комплекса отношений между разными народами, государствами, обусловивших наблюдаемый результат. Если же речь идет об истории дописьменной, доказанный факт культурного влияния сам становится историческим источником, отражающим межэтнические политические и экономические отношения. Подчеркивая это, мы хотим обратить внимание исследователей на то, что частое использование “всуе” термина “культурные влияния” не столь уж безобидно – это серьезные выводы, нуждающиеся в не менее серьезном обосновании. В археологии же, как показывает практика, далеко не всегда можно уверенно определить не только направление влияния, роль “посредников” в нем, но и само его существование.

Особо следует остановиться на явлении “посредничества”. Если в обменных операциях с импортами мы можем быть уверены, что их передача происходит во временной промежуток, близкий

ко времени изготовления вещи, то как быть с посредничеством культурным, когда определенные элементы культуры среды А попадают в среду С их заимствованием из среды В? В условиях нелинейности, импульсности контактов древних народов совершенно реальным может оказаться вариант, когда один и тот же стиль появляется в среде С, в то время как в исходной среде А он уже исчезает. Всегда различным будет и время существования стиля в обществах с различным уровнем развития ремесла. Ритм смены “моды” в высокоразвитом обществе всегда чаще, а именно оно обычно и предлагало новые стили обществам с ремеслом менее развитым и, как правило, гораздо более консервативным. С опозданием познакомившись с инновацией и затратив намного больше времени на ее освоение, “варварский” ремесленник просто не мог тут же отказаться от нее, если в исходном регионе за это время в моду начали входить другие вещи. Какой бы длины не была цепочка “посредников”, в каждом “звене” заимствование происходило по своим причинам, а его дальнейшее существование определялось только внутренними законами. Поэтому, в отличие от импортов, все подражания в разной культурной среде заведомо асинхронны, вопрос только в количественном выражении этой асинхронности, которая на современном уровне возможностей археологии часто просто неразличима.

Рассматривая вопрос соотношения “локальных” хронологий, нельзя не упомянуть и о существовании такого направления, как “синхронизация”, пожалуй, самым ярким представителем которого для раннесредневековой археологии Восточной Европы является И.О.Гавритухин. Отталкиваясь от довольно простой и не требующей, по его мнению, никаких доказательств аксиомы о том, что все похожие вещи бытуют в разных культурах одновременно, исследователь создает синхронистические таблицы для огромных территорий и большого количества культур на основании отдельных морфологически схожих вещей, вырванных из контекста своей культуры. Представляя финальную картину как результат успешной “синхронизации региональных шкал”, исследователь не обращает внимание на то, что “сходятся” они

исключительно после его основательной “коррекции” “локальных шкал”, а точнее, хронологических схем других исследователей. Автор предлагает свое оригинальное видение хронологии памятников Подунавья и Аварского каганата (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.60-63, 69-76; Гавритухин И.О., 2001в), Крыма (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.63-69), Северного Кавказа и Закавказья (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.76-84; Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998; Гавритухин И.О., 2001б), Поволжья и Приуралья (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.84-89; Гавритухин И.О., 1996; 2000), наконец, степных памятников Восточной Европы и салтовской культуры (Гавритухин И.О., 2005). Отдавая дань блестящей эрудиции автора, читатель, тем не менее, остается в растерянности от осознания того факта, что ни одна из “локальных шкал”, предложенных десятками исследователей, не отвечает действительности. Вопрос далеко не шуточный, поскольку в случае верности подхода И.О.Гавритухина оказывается совершенно бесполезным в хронологическом плане глубокое изучение однокультурного материала, исчезает его внутренняя логика, индивидуальная для каждой из культур, а всевозможные методы хронологического анализа отдельных памятников и культур оказываются несостоятельными перед “методом синхронизации”, предлагающим “сверхкультурные” хронологические горизонты.

Оценить работоспособность предложенной автором схемы мы можем только на материале кочевнических комплексов, что и будет сделано ниже, здесь же отметим другое. Работы И.О.Гавритухина утверждают *линейность* распространения стилей и форм вещей, жесткую синхронность их бытования и видоизменения в раннем средневековье на огромной территории Евразии от Испании до Китая, которая, таким образом, невольно оказывается *единым социо-культурным макроорганизмом*, живущим и развивающимся в едином ритме. Доказательство этого положения стало бы, без преувеличения, серьезнейшим *открытием* в истории и культурологии, поскольку начало процессов *глобализации* в таком случае следует относить не к традиционным XVII-XVIII вв., а к VI-VII вв., т.е. на *тысячелетие* раньше!

Не разделяя столь оптимистических настроений, мы склонны считать раннее средневековье все же *эпохой закрытых традиционных обществ*, культура каждого из которых развивалась *по собственным законам*, подвергаясь внешнему влиянию не постоянно, а эпизодически, и в силу конкретных, поддающихся анализу причин. Ритмы изменений традиционных культур разных обществ совпадали только в случае их вовлечения в единый

ряд событий, но отзвуки этих процессов в каждом из обществ были индивидуальны так же, как и их отражение в материальной культуре. И даже если в каких-то случаях мы не в состоянии на современном уровне возможностей зафиксировать эту разницу во временных отрезках, это не значит, что причинно-следственный ряд может быть нарушен или обойден при анализе.

Сравнение динамики развития различных культур на большой территории, а также использование материалов других культур при хронологическом анализе, несомненно, не только возможны, но и часто нужны, поскольку далеко не все культуры или памятники обладают достаточным набором абсолютных реперов. Но достигается это не механической синхронизацией отрезков бытования предметов похожего стиля и формы в разных культурах, а последовательным рассмотрением специфики культур в одних и тех же временных отрезках, причем с гораздо более высокой степенью допуска. Для группировки комплексов различных культур со схожим набором вещей мы используем в своих работах понятие *горизонт*. Для однокультурных комплексов *горизонт* линейен и обычно совпадает с *периодом культуры*. Но распространение вещей того же стиля в другой культуре может совершенно не совпадать с ее внутренней периодизацией. Более того, как подчеркивалось выше, комплексы одного горизонта в различных культурах могут формироваться и в разные временные отрезки. Схема реального горизонта для большого макрорегиона – это не *прямая*, а всегда *кривая* линия, отражающая разницу рамок бытования схожих вещей в разных культурах.

Модель выделения горизонта в рамках одной культуры также нуждается в объяснении. Подразумевая под горизонтом группу комплексов с набором схожих признаков, мы, тем не менее, не отождествляем жестко его с периодом культуры. Ситуацию в общих чертах можно смоделировать при помощи схемы, приведенной на рис.32. Комплекс признаков горизонта С (который мы условно заменим словом “стиль”) появляется позже “стиля” горизонта А во время наибольшего распространения “стиля” В. Поскольку “стиль” С становится успешным конкурентом “стилю” В, уже с момента его появления начинается закат стиля В, распространение которого постепенно сужается, уступая место “стилю С”. Последний также не вечен, и как только появляется новый конкурентоспособный “стиль” D, повторяется картина вытеснения “стиля” С стилем D, а последнего – “стилем” E и т.д. Подчеркнем жестко: “стиль”, сменяющий предыдущий, всегда появляется не после момента угасания старого стиля, а во время его наибольшего распространения, поскольку сам и является *при-*

чиной его постепенного угасания. Поэтому пространственный метод датировки комплексов “по морфологически самой поздней вещи” изначально ошибочен, как ошибочно и жесткое линейное разграничение горизонтов во времени. Для адекватной передачи картины нам понадобится еще один термин – *хронологический срез*. В нашей схеме “чистый” набор признаков горизонтов А, В, С, D, Е возможен только в узких точках срезов *a, c, e, g* и *i*. Речь идет о кратких моментах пиков распространения “стилей” горизонтов, тогда как общее время бытования “стилей” занимает отрезки *a-e* для “стиля” В, *c-g* для “стиля” С и *e-i* для “стиля” D. Время наибольшего распространения “стилей” горизонтов – это срезы *b-d* для горизонта В, *d-f* для горизонта С, и *f-h* для горизонта D. Именно эти срезы и являются *периодами культуры*. На раннем этапе каждого периода стиль доминантного горизонта сосуществует с элементами стиля предыдущего горизонта, на позднем – со стилем следующего горизонта, на пике же влияние других горизонтов слабо ощутимо.

На практике любая теоретическая схема встречается с сотней нюансов, часто сводящих ее эффективность практически к нулю. В нашем случае, в первую очередь, важна величина временных отрезков бытования разных стилей, а также время формирования конкретного комплекса. При кратковременности горизонтов и длительности формирования комплекса мы можем наблюдать картину сосуществования не двух-трех, а гораздо большего количества стилей. В этом случае уже нужно искать не хронологический срез, в рамках которого возможно сосуществование такого набора элементов, а срез, в рамках которого наиболее вероятно окончание формирования комплекса. Последнее особенно важно при работе с погребальными памятниками, где комплекс представляет собой погребение с набором вещей одного человека.

Отметим сразу, единственный критерий “старых” и “новых” вещей в погребении, не датированных точно при помощи клейм или надписей, – это степень изношенности *однотипных* предметов. Наличие вещи “старого” стиля одинаковой сохранности с вещами стиля “нового” – это скорее свидетельство принадлежности комплекса к начальному этапу формирования “нового” стиля, когда отдельные элементы “старого” еще активно использовались и в новых изделиях. То же касается и случая наличия отдельных вещей “нового” стиля в комплекте “старых”, если они однотипны и при этом одинаковой сохранности, то речь, скорее, идет о комбинации двух стилей или о появлении элементов нового стиля, еще не выкристаллизовавшегося в “чистом” виде, чем о механическом смешении старых и новых вещей. Разумеется, учитывать

нюансы каждого конкретного комплекса возможно только в случае очень небольшой выборки, при большой же выборке мы вынуждены прибегать к статистическому усреднению, сознательно пренебрегая “частностями”. Это – не ошибка, просто важно не пропустить момента, когда “частности” тоже складываются в определенную закономерность, иногда позволяющую уточнить основные выводы анализа.

Построение схемы *относительной хронологии* комплексов – несомненно, главная задача хронологического исследования, но не конечная. Таковой является хронология *абсолютная*, играющая первостепенную роль в историческом анализе археологических данных. Возможности собственно археологических (а не естественнонаучных) методов определения абсолютных датировок комплексов довольно ограничены – это надписи или клейма на вещах, указывающие на даты их изготовления. Наиболее частыми подобными находками в раннесредневековых комплексах являются монеты.

Многолетнее обсуждение датирующих возможностей монет (Афанасьев Г.Е., 1979; Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с.43-46; Амброз А.К., 1980, с.11-12; 1989, с.13-15; Балинт Ч., 1984, с.17-19; Valint Cs., 1992, S.402-405; Stadler P., 1996, S.457-459; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.58, 59; Гавритухин И.О., 2005; Морозов В.Ю., 1998; Дайм Ф., 2002, с.290-291; Круглов Е.В., 2002а и др.) не привело ни к доказательству возможности механически датировать комплексы по дате чеканки последней монеты, ни к отказу исследователей от этого способа. Ни разделение монет на “датирующие” и “недатирующие”, ни вычисление их среднестатистического запоздания, на наш взгляд, не способны обеспечить датирование отдельных комплексов по монетным находкам. В археологическом комплексе монета – это такой же предмет ремесленного изготовления, как и остальные. Он имеет дату изготовления и время своего использования: теоретически возможное и реальное. Поскольку в нашем случае речь идет о “варварской” среде, практически теряет смысл понятие “монетное обращение”. Выключенная из среды своего происхождения, монета переставала быть носителем денежной системы, превращаясь в один из объектов *натурального обмена*, украшение и т.п. Рамки “жизни” монет VII в. для Восточной Европы наглядно демонстрируют драхмы Хосрова II (590-628 гг), которые в Прикамье в погребениях запаздывают на срок до 350 лет (Морозов В.Ю., 1998, с.380), а в Древней Руси они известны в четырех погребениях XI-XII вв. (Равдина Т.В., 1988, кат.63; 68; 115; 147), т.е. речь уже идет о половине тысячелетия! Закономерно, что в таких условиях значение приобретает только одна дата – дата чеканки монеты.

Дата чеканки монеты из погребения дает абсолютный ориентир, ранее которого совершение погребения было невозможным. Поскольку в номадистике *погребение* тождественно понятию *комплекс*, полученный абсолютный репер указывает на дату, ранее которой не могло завершиться его формирование. Пользуясь языком математики, перед нами *нижняя граница значений неизвестного*. Серия комплексов одного *горизонта* или *периода культуры* с монетами дает возможность определить по дате чеканки позднейшей монеты и рубеж, после которого были совершены остальные погребения горизонта, определяя нижнюю границу завершения формирования комплексов определенного периода культуры. Верхний рубеж периода культуры всегда совпадает с нижней границей следующего периода, поэтому серия нижних границ различных периодов культуры и служит *абсолютными реперами* в ее периодизации. При достаточно плавном развитии культуры полученная “лесенка” довольно жестко связана, поэтому, если появляется новый абсолютный репер для какого-нибудь из периодов, это автоматически означает подвижки всей системы. Чем больше взаимосвязанных звеньев, имеющих собственные абсолютные реперы, тем надежнее вся система периодизации.

Если в случае с датировкой погребений мы получаем одностороннюю точку отсчета, то вещевед оказывается в гораздо более сложной ситуации. Полученный репер означает лишь, что до этого рубежа бытовали все вещи из комплекса. Но сколько они существовали до этого рубежа и существовали ли вообще? Хорошо, если бы все монеты попадали в комплекс в год чеканки, но монета с таким же успехом может оказаться и самой старой вещью в комплексе, существующей уже к тому времени 50-100, а иногда и гораздо больше лет. Поскольку при относительно небольшом временном разрыве между монетой и вещами никакого способа проверки запаздывания нет, среди исследователей-вещеведов хорошо заметны разногласия, связанные с тем, датируют ли монеты из комплексов горизонта конец бытования вещей (или шире – стиля), время их наибольшего распространения или же время появления. Попытка объективно разобраться в проблеме обычно приводит к формулированию очень широких и размытых рамок времени существования горизонта, обычно превышающих реальные, если, конечно, исследователи не пытаются расширить круг абсолютных реперов за счет исторических событий.

Использование фактора исторических событий в археологическом анализе вызывает неоднозначную реакцию у многих исследователей, причем, оглядываясь на историю археологии, можно констатировать, что попытки “очистить” археоло-

гию от наследия исторической науки сопровождали большинство новых теоретических движений и направлений в археологии. Не разделяя “прогрессивных” настроений, мы, тем не менее, вынуждены заметить, что квалифицированный историко-археологический анализ требует серьезного отношения к письменным источникам, которое никак не тождественно ссылкам на обобщающие работы или цитаты древних авторов. Особенно актуально это для истории Восточной Европы VII-VIII вв., не только слабо обеспеченной источниками, но и усложненной их различными толкованиями. Учитывая этот фактор, возможности корреляции рассматриваемого нами археологического материала с историческими событиями будут рассмотрены во второй части настоящей работы.

Отдельный вопрос – запись абсолютных границ, представляющих собой отрезок на временной оси. Начальная и конечная точка отрезка должны иметь числовое значение, выраженное в одной из принятых единиц измерения времени. Датировка отдельных археологических комплексов сегодня возможна иногда с точностью до нескольких часов (зафиксированные письменными источниками погребения видных людей XVII-XVIII вв.), другие же комплексы невозможно датировать уже диапазона в несколько сот тысяч лет (раннепалеолитические памятники). Раннесредневековая археология, как основной единицей измерения, обычно оперирует столетием. Но при возможности сузить дату в ход идут и части этой единицы: “половина столетия”, “треть”, “четверть”, даже “десятилетия”. Такие единицы четко фиксируются на абсолютной шкале, чего, к сожалению, не скажешь о способе “уточнения” даты при помощи определений “начало”, “середина”, “конец”. Что, к примеру, должно означать “начало века”: это первые годы или десятилетия, первая четверть или треть? Археология, конечно, полна условностей, но нельзя же их добавлять еще и размытостью научного языка. Опасение многих отечественных исследователей использовать в качестве единиц записи годы основано на ложном впечатлении о “размытости” больших единиц измерения времени. Тем не менее, к примеру, “размытое” понятие “VII век” на самом деле означает период с 1 января 601 г. по 31 декабря 700 г, а “вторая треть VII века” должна падать на период с 3 мая 634 г по 2 августа 667 г Парадокс, но рамки “634-667 гг” оказываются даже шире, чем “вторая треть VII в.”! На наш взгляд, если в принципиальных моментах датировка комплекса, горизонта или периода культуры может быть сужена до единицы меньше, чем столетие, лучше всего использовать для ее записи все же годы, просто отдавая себе отчет в том, что привязка границы к конкретному году столь же условна, как и любая привязка к точкам начала или конца столетия.

Второй вопрос записи абсолютных хронологических рамок – это рациональность выражения допуска. Что, к примеру, означают записи абсолютных границ типа “560/600 – 620/630”? Автор не уверен в определении точки границы и поэтому дает диапазон значений неизвестного в рамках “560-600 гг” и “620-630 гг”? Предлагает узкие (600-620 гг) и широкие (560-630 гг) рамки совершения погребений? Или же речь идет о двух возможных диапазонах 560-620 и 600-630 гг? Далее, почему разброс “допуска” границы колеблется от года (“около 500”, “около 600”, “около 650”) до 40 лет (“560/600”, “680/720”) (Гавритухин И.О., 2001б, с.48)? И как определять длительность существования горизонта по такой схеме? Несомненно, каждый исследователь имеет право на индивидуальное видение материала, но любая, даже аргументированная попытка ввести в систему записи абсолютных хронологических рамок допуск, выраженный в числовом значении, создает серьезные неудобства в ее понимании и использовании. Наверное, стоит вспомнить, что каждая система, и хронологическая в том числе, уже изначально подразумевает подчинение частного общему. *Усреднение* как общего набора признаков, так и абсолютных рамок практически обязательно, иначе *система* опять распадется на частности. На наш взгляд, при определении абсолютных хронологических рамок нужно ориентироваться не на максимально широкие и не на максимально узкие границы, а на усредненный, статистически *наиболее вероятный диапазон* совершения погребений. Как уже отмечалось выше, условность, допуск – неперемные атрибуты любого археологического исследования, поэтому не запись археологической датировки четкими цифровыми рамками лишена здравого смысла, а лишь ее *восприятие как объективной реальности*.

Задача, которая стоит перед нами в следующем разделе, заключается в определении места Перещепины в периодизации культуры кочевников Северного Причерноморья и шире – восточноевропейской степи, а также в установлении наиболее вероятных абсолютных рамок сокрытия комплекса.

3.2. Хронология культуры кочевников Восточной Европы VII – 1-й пол.VIII в.

3.2.1. Современное состояние вопроса

Вопросы хронологии отдельных раннесредневековых кочевнических памятников Восточной Европы тем или иным образом затрагивались в работах около трех десятков исследователей. Совсем

другая ситуация с общей периодизацией степных памятников и периодизацией отдельных культурных групп.

Первая попытка систематизации раннесредневековых кочевнических памятников Восточной Европы принадлежит А.К.Амброзу, который разделил комплексы V-VIII вв. на шесть групп и обосновал их относительную и абсолютную датировку (Амброз А.К., 1971; 1981). Более дробная периодизация гуннского периода была предложена И.П.Засецкой (Засецкая И.П., 1978; 1986; 1994) и нами (Комар А.В., 2000), дискуссия же А.К.Амброза и И.П.Засецкой в отношении датировок групп II и III, по А.К.Амброзу, нами, в целом, решена в пользу позиций И.П.Засецкой (Комар А.В., 2000, с.21-46).

Поскольку к VII в. группы II-III никакого отношения не имеют, нас интересуют только выделенные А.К.Амброзом группы IV-VI. К группе IV отнесены погребения с геральдическими поясами наборами из Аккермена, Рисового, Белозерки, Иловатки, Бережновки, Арцибашево, дату которых А.К.Амброз определял широко VII веком. Синхронными им исследователь считал и комплексы из Морского Чулёка и Джигинской. Также отнесено к этой группе, но обособлено погребение из Большого Токмака с пряжкой “Суцидава” 2-й пол. VI в. (Амброз А.К., 1981, с.13, 16, 18). В группу V А.К.Амброз отнес комплексы высшей знати того же времени: Малую Перещепину, Келегеи, Глодосы; группа VI нач.VIII в. выделена по хронологическому признаку: Вознесенка, Романовская, Ясиново, Новые Санжары, Бородаевка (Амброз А.К., 1981, с.13, 18; рис.6, 48-53). Следует отметить, что в более ранней работе исследователь относил к VIII в. и Глодосы (Амброз А.К., 1971, с.116), но позже склонился к дате “не ранее последней трети или четв.VII в.” (Амброз А.К., 1986, с.61).

Р.С.Орлов серьезно дополнил состав группы IV за счет новооткрытых погребений Северного Причерноморья, предложив выделить их в отдельный “тип или культуру Сивашовки”. Погребения этой группы были датированы исследователем 2-й пол.VI – 1-й пол.VII вв. и соотнесены с кутригурами (Орлов Р.С., 1985, с.101-105), и только для погребения из Яблони была допущена более поздняя дата – нач.VIII в., которую со временем на основании стилистических наблюдений исследователь пересмотрел в сторону IX в. (Орлов Р.С., 1999, с.179-181).

Другой взгляд на эти же группы памятников параллельно предложил А.И.Айбабин, датировав северопричерноморские погребения с геральдическими поясами и поясами с грануляцией и вставками 2-й пол.VII в. и связав их появление, а также появление комплексов типа Перещепины, Келегеев, Ясиново, Новых Санжар, Глодос, Лимарев-

Рис. 19. Поясные детали с грануляцией: 1 – *Перешепина*; 2, 6 – *Уч-Тепе*; 3 – *Камунта*; 4, 8, 10, 28, 34, 39 – *Арцибашево*; 5, 25, 45 – *Мадара*; 7, 11 – *округа Ольвии*; 9, 29-32, 36, 41 – *Крупской*; 12, 13, 16, 18, 20-23, 33 – *Васильевка* (12, 13, 16, 18, 33 – к.2, п.2; 21-23 – к.2, п.1); 14, 37, 40, 42 – *Белозерка*, к.14; 15 – *Калининская*, к.30, п.3; 17, 43 – *Виноградное*, к.5; 19 – *Борисово*; 24, 38 – *Уфа*; 26 – *Дымовка*; 27, 35, 44 – *Портовое*.

Fig. 19. Belt parts with granulation: 1 – *Pereshchepina*; 2, 6 – *Uch-Tepe*; 3 – *Kamunta*; 4, 8, 10, 28, 34, 39 – *Artsibashevo*; 5, 25, 45 – *Madara*; 7, 11 – *Olvia region*; 9, 29-32, 36, 41 – *Krupskoi*; 12, 13, 16, 18, 20-23, 33 – *Vasilievka* (12, 13, 16, 18, 33 – barrow 2, burial 2; 21-23 – barrow 2, burial 1); 14, 37, 40, 42 – *Belozerka*, barrow 14; 15 – *Kalininskaia*, barrow 30, burial 3; 17, 43 – *Vinogradnoie*, barrow 5; 19 – *Borisovo*; 24, 38 – *Ufa*; 26 – *Dymovka*; 27, 35, 44 – *Portovoie*.

ки, Макуховки и Вознесенки в данном регионе с экспансией хазар (Айбабин А.И., 1985, с.197-202; 1991). Позже хронологическая группировка погребений с геральдическими поясами им была уточнена: Малая Терновка и Большой Токмак с пряжками “Суцидава” отнесены ко 2-й пол.VI в.; погребения из Ковалевки, Изобильного, Сивашовки, Рисового, Богачевки, Наташино, Аккерменя и Христофоровки – к 1-й – 3-й четв.VII в.; а погребения из Портового, Белозерки, Костокрызово, Новопокровки, Чапаевского, Крупской, Малаев, Калининской, Старонижестеблиевской, Джигинской, Морского Чулёка вместе с комплексами перещепинского круга были датированы посл. четв.VII – нач.VIII в. (Айбабин А.И., 1999, с.97, 171-185; рис.33; 74). Нетрудно заметить, что в отношении комплексов с геральдическими поясами особенности погребального обряда не учтены, а в третью – “хазарскую” – группу попали в основном погребения с деталями со вставками и грануляцией, а также с псевдопряжками. Созданная исследователем сквозная периодизация могильников Крыма захватывает и более поздний период салтовской культуры. Здесь нужно отметить выделение А.И.Айбабиным на крымских могильниках салтовского круга горизонта, с которым исследователь синхронизировал подкурганное погребение из Столбища, непосредственно предшествующего “классическим” салтовским древностям (Айбабин А.И., 1982; 1993).

Первым к проблеме выделения горизонта кочевнических древностей, предшествующих “классическим” салтовским, подошел А.И.Семенов при интерпретации группы подкурганных погребений “с квадратными ровиками” и монетами 1-й пол.VIII в. Не касаясь детально вопросов собственно хронологии, исследователь на основании признаков погребального обряда и дат чеканки византийских монет предложил разделение кочевнических памятников на “булгарские” и “хазарские” с их разграничением не только культурным, но и хронологическим (Семенов А.И., 1978; 1983; 1985; 1987; 1988; 1991), позже, совместно с А.М.Савиным, сюда был добавлен еще один признак – тип и конструкция лука (Савин А.М., Семенов А.И., 1995; 1998; 1999).

Периодизация средневожских погребений А.В.Богачева (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.150-166), основанная на более ранней работе по классификации и хронологии поясных наборов (Богачев А.В., 1992), для нас интересна не только тем, что в ней предложена синхронизация одного из выделенных этапов – шиловского – с северопричерноморскими комплексами, но и тем, что исследователем был выделен и описан следующий “бруснянский” этап, синхронный нижнедонским раннесалтовским курганам. Согласно периодизации А.В.Богачева, комплексы из Перешепины, Ясиново, Новых Санжар, Портового, к.1-2 Шиловки, к.2 Брусня IV и др. представляют собой отдельный хронологический горизонт 2-й пол.VII в., которому предшествуют погребения “зиновьевского” этапа с геральдическими поясами, а наследуют погребения с литыми поясами “бруснянского” этапа (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с.155-162). Отдельные положения концепции А.В.Богачева были подвергнуты критике И.О.Гавритухиным (Гавритухин И.О., 2000; 2001а); детальнее дискуссия продолжена нами (Комар А.В., 2001а, с.28-32).

В процессе работы над выделением раннего горизонта комплексов “салтово-маяцкой культуры”, а точнее, *салтовской культурно-исторической общности* (КИО), нами была предложена система относительной и абсолютной хронологии кочевнических памятников восточноевропейской степи VIII в. (Комар А.В., 1999). Работа продемонстрировала, что основной состав признаков поясных наборов, вооружения и сбруи погребений “курганов с квадратными ровиками” повторяется в погребениях целого ряда могильников салтовской КИО, а также соседних культур, находящихся в зоне влияния Хазарского каганата, что позволило выделить горизонт “Столбище – Старокорсунская”, отражающий начальный период существования салтовской КИО. Памятники более ранних горизонтов были рассмотрены нами из-за необходимости опереть на фундамент раннесалтовский горизонт, рассмотреть генезис его основных признаков. В основу периодизации была положена система А.К.Амброза, группы V и VI которого были выделены соответ-

ственно в горизонты Перещепины и Вознесенки. В результате рассмотрения взаимосвязей горизонтов Вознесенки и ранесалтовского было установлено наличие группы переходных комплексов, занимающих промежуточное положение между горизонтами Вознесенки и Столбице – Старокорсунская, выделенных нами в отдельный переходной горизонт Галиат-Геленовки (Комар А.В., 1999; 2001а; 2001б). Более подробно общая историческая и этнокультурная периодизация кочевнических памятников Северного Причерноморья VI-VII вв. рассмотрена нами в диссертации (Комар О.В., 2002б), где рядовые подкурганые погребения (группа IV, по А.К.Амброзу) были отнесены к двум историческим периодам: “периоду Тюркских каганатов” (567-631 гг) и “периоду Хазарского каганата” (632-969 гг), а в рамках последнего – к горизонтам Перещепины и Вознесенки.

Диссертационное исследование “курганов с квадратными ровиками” А.А.Иванова (Иванов А.А., 2000) подтвердило наличие не одной, а двух групп погребений этого круга, предшествующих “классическим” салтовским горизонтам, но абсолютные даты исследователь жестко привязал к монетным находкам, вследствие чего ранняя группа заняла позиции в рамках 2-й пол.VII – 1-й четв.VIII в. без малейшего сравнения ее материалов с комплексами горизонта Вознесенки (Иванов А.А., 2000, с.14, 15). Абсолютные датировки А.А.Иванова так же, как и игнорирование существования памятников перещепинского круга горизонта Вознесенки, были подвергнуты резкой критике Е.В.Кругловым, принимающим, в целом, нашу хронологическую систему (Круглов Е.В., 2002а, с.88-90).

Наконец, последнюю систему периодизации памятников периода Хазарского каганата, разработанную, правда, пока только на основании деталей поясов, предложил И.О.Гавритухин (Гавритухин И.О., 2005)⁹. Работа выполнена в характерной манере исследователя – в виде “каркаса” из “синхронистических колонок” комплексов Аварского каганата, Северного Кавказа, степи и салтовской культуры, причем анализу собственно кочевнической культуры уделено не более четверти работы, поскольку ее заявленной целью было именно создание “системы синхронизации” локальных хронологий. Справедливо замечая, что наша работа по периодизации перещепинской и салтовской КИО (Комар А.В., 1999) подобной задачи не ставила и поэтому не может служить “целостной основой для дальнейшей дискуссии” (Гавритухин И.О., 2005), исследователь, тем не менее, серьезно пересматривает и систему относительных и абсолютных дат собственно кочевнических комплексов, к сожалению,

ограничиваясь вместо развернутой аргументации только лаконичными общими высказываниями, по его же определению, носящими характер “претензий” (Гавритухин И.О., 2001б, с.41; 2001в, с.45, 63; 2005). При этом, иницируя дискуссию по хронологии раннесредневековых кочевнических древностей Восточной Европы, сам И.О.Гавритухин главным замечанием А.В.Богачеву поставил именно нежелание обсуждать “основное”, а не “основания”, т.е. аргументы, а не методы анализа (Гавритухин И.О., 2001а).

Впрочем, здесь нужно учесть один немаловажный момент. Круг исследователей хронологии восточноевропейских кочевнических древностей эпохи переселения народов на сегодня крайне узок, и личные отношения часто останавливают наших коллег от открытой критики друг друга, из вежливости ограничивающихся лишь скепсисом или высказыванием своего мнения. Как нам кажется, это не идет на пользу науке. Настоящие добрые отношения наоборот подтверждаются принятием критики, даже довольно резкой в научном смысле, позволяя одновременно следить за ходом дискуссии другим исследователям. Трудно назвать конструктивным и распространенным вообще в археологии использование “скептического аргумента”. Этот логический прием, несомненно, способен оказывать сильное психологическое влияние, особенно, если фразы типа “сомнительно”, “неубедительно”, “маловероятно” исходят от исследователя с именем и авторитетом. Но сам скепсис или ирония, не подкрепленные четкими аргументами “против”, – это никак не *умозаключение*, а всего лишь выражение *эмоций* или *интуиции* автора.

Не желая уклоняться от открытого обсуждения своих идей и игнорировать появившийся новый взгляд на проблему, предложенный не просто нашим коллегой и другом, но и, пожалуй, самым активным хронологом современной раннесредневековой археологии “постсоветского пространства”, рассмотрим ключевые нововведения системы И.О.Гавритухина (Гавритухин И.О., 2005) и их основания.

Отталкиваясь так же, как и мы, от системы группировки кочевнических комплексов А.К.Амброза, И.О.Гавритухин согласился с выделением горизонтов Перещепины и Вознесенки, но в составе комплексов горизонтов произвел некоторую “коррекцию”, связанную с тем, что хронологическая позиция ряда комплексов оказалась ему “неясной”. В результате, к горизонту Перещепины исследователь уверенно отнес только саму Перещепину и Келегеи, Глodosы и Новые Санжары зачислены сюда под знаком вопроса. При этом в

⁹ Благодарим автора за возможность ознакомиться с рукописью работы до ее публикации.

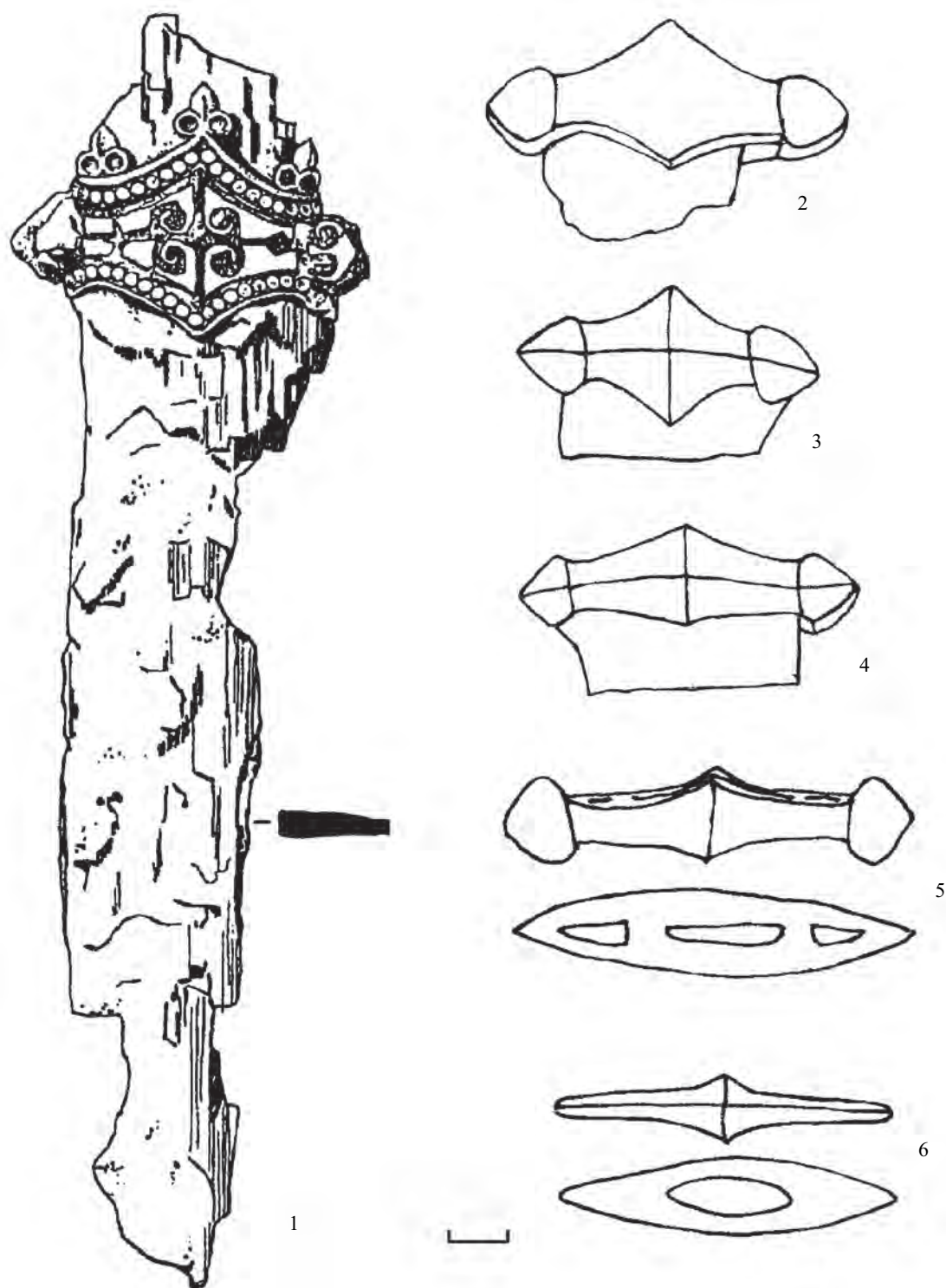

Рис. 20. Перекрестья мечей: 1 – Перецепина; 2-4 – Вознесенка; 5, 6 – Борисово.
 Fig. 20. Sword-guards: 1 – Pereshchepina; 2-4 – Voznesenka; 5, 6 – Borisovo.

синхронистической таблице, являющейся в статье главным инструментом аргументации исследователя (Гавритухин И.О., 2005, рис.1), материалы из Новых Санжар вообще ни с чем не увязаны, а

из Глудос учтен только круглый медальон с перегородчатой инкрустацией (ИС-25), аналогичные которому были и в Вознесенке, и в гораздо более раннем погребении из Суханово (рис.18, 18, 19, 25,

26), т.е. признак, более чем сомнительный по своей хронологической ценности. Не уточняет исследователь и в тексте, в чем же выражается близость Глудос и Новых Санжар к Перещепине, оставляя впечатление полной интуитивности группировки комплексов. Горизонт Вознесенки состоит, по И.О.Гавритухину, кроме самой Вознесенки, из м.1 Новогригорьевки и к.14 Подгорненского IV. Статус Ясиново исследователю опять “неясен”, а Романовская изъята из горизонта Вознесенки и отнесена к горизонту “Галиат – Романовская”.

В синхронистической таблице к.14 Подгорненского IV увязан только признаком “ИС-40” с раннесалтовскими комплексами, но синхронизирован почему-то с горизонтом Вознесенки, с которыми его на таблице не связывает ни один признак. Исследователя не смущает и тот факт, что из около 40 сбруйных комплектов, обнаруженных в Вознесенке, с к.14 Подгорненского IV (где были аркообразные стремяна с восьмеркообразной петлей и вогнутой подножкой типа рис.41, 6 и S-видные псалии из изогнутого, слегка расклепанного конца прута, аналогичные – рис.43, 4) не обнаруживает сходства ни один предмет (!), хотя сам курган по этому показателю сходен с еще 11 погребениями донских раннесалтовских курганов соколовского типа (Иванов А.А., 2000, с.14, 15) и 2 волжскими курганами новинковского типа (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.XLVI, 1; LXXIII, 1, 2). Не совсем точно разобраны и аналогии пряжке из этого комплекса (рис.33, 4). И.О.Гавритухин, вслед за А.А.Ивановым (Иванов А.А., 2001, с.120), сравнивает ее с пряжкой из с.257 Эски-Кермена (рис.33, 3), но она отличается несколькими существенными деталями: прорезным декором щитка и композицией орнамента. Ни в одном достоверном комплексе горизонта Вознесенки пряжек с шарнирным щитком и литым растительным орнаментом пока не обнаружено. Пряжка из Вознесенки имела полый щиток, спаянный из двух пластинок с тисненым декором и ободка с псевдозернью (рис.31, 1), аналогичный по конструкции щитку пряжки из Брестовача (Daim F., 2000, Abb.91a, 1). На литых же щитках пряжек из Шиловки и Директорской Горки декор либо геометрический, либо вообще отсутствует (рис.33, 1, 2). Подгорненская пряжка в ряду декорированных в “растительном” стиле, несомненно, самая ранняя для степи, а эски-керменская – для Крыма. Декор последней – это грубые прототипы листочков плюща “в профиль”, в развитой форме хорошо представленных на изделиях из крымских (Айбабин А.И., 1993, рис.3, 8-11) и кочевнических погребений горизонта Столбище – Старокорсунская (Иванов А.А. и др., 2000, рис.2; 3). Другая композиция у подгорненской пряжки: комбинацию из трехлепестковых и сердцевидных листьев находим на

пряжках из Суук-Су и с.25 Сахарной Головки (Айбабин А.И., 1993, рис.3, 2, 7), а в более развитом вычурном исполнении – на деталях наборов из п.2 к.1 Саловского I и к.1 Романовского I (Иванов А.А. и др., 2000, рис.3, 1, 8, 9, 22). С раннесалтовскими пряжками связывает подгорненский экземпляр и сегментовидная форма рамки (Комар А.В., 1999, табл.2, 3-5, 7, 11-16, 19-22). У пряжек горизонта Вознесенки она овальная (рис.33, 1-3), также еще овальная и рамка пряжки из к.6 Чир-Юрта горизонта Галиат – Геленовка (Комар А.В., 1999, табл.2, 6), зато ранним признаком в подгорненской рамке можно считать В-образный внутренний контур (рис.33, 4). Наблюдаемое в к.14 Подгорненского IV сочетание “переходных” типов стремян, удила и поясных наборов характерно именно для переходного горизонта Галиат – Геленовка, к которому нами и был отнесен рассматриваемый комплекс (Комар А.В., 2001а, с.29, 39).

Трудно признать удачной и попытку И.О.Гавритухина соотнести с горизонтом Галиат – Геленовка погребение из Романовской. Единственный повод, названный исследователем в тексте, – это т.н. “ИС-31: круглые накладки с выделенным центром и украшенные вдоль края “вьюнком” (Гавритухин И.О., 2005, рис.1, 54, 127, 167, 269). Присутствует ли вообще этот признак в Романовской? Судя по приведенному рисунку, И.О.Гавритухин опирается на предположение Х.И.Попова о том, что все четыре фрагмента пластинок с тисненым вручную орнаментом принадлежали одному предмету округлой формы. Но их изучение А.И.Семеновым показало, что эта реконструкция ошибочна, и на самом деле они составляют части *двух разных предметов*, выполненных из пластинок разной толщины. Из двух фрагментов подбирается пластинка подквадратной со скругленными углами формы, а из двух других – пластинка пятиугольной формы (Семенов А.И., 1985, с.95, 96; рис.6; 7, 3). Их декор немного различен по оформлению концов пальметт, но никакого “выделенного центра” на обеих бляшках не было. Тем более они не имеют ничего общего с позднеаварскими литыми круглыми поясными деталями, с которыми И.О.Гавритухин синхронизирует романовское погребение (Гавритухин И.О., 2005, рис.1, 269). Не имеют к ним никакого отношения и тисненые круглые бляшки из кат.52 Дмитриевки (Гавритухин И.О., 2005, рис.1, 127), которые, как мы уже указывали (Комар А.В., 1999, с.126), являются штампованными подражаниями литым круглым деталям с круглой прорезью по центру, известным, кстати, и у авар (Hampré J., 1905, Taf.214, 3). Четвертая бляшка “ИС-31” из кат.2 Хулама (Гавритухин И.О., 2005, рис.1, 54) также не составляет пару ни одной из рассмотренных бляшек, а по ромбовидному центру композиции, от которого отходят завит-

ки, она выказывает отдаленное сходство только с бляшками из Келегеев и Геленовки (рис.37, 58, 59). Некритическое отношение И.С.Гавритухина к формированию состава “индикаторов синхронизации” повторяется и в отношении других признаков: ИС-12-15, 27, 35, 40, под которыми сгруппированы разнотипные и различные по стилю изделия. Между тем, именно при помощи “ИС-31” исследователь и пытается опровергнуть относительную позицию Романовской, предложенную А.К.Амброзом (Амброз А.К., 1981, с.13).

Детально изученный А.И.Семеновым (Семенов А.И., 1985) комплекс погребения из ст.Романовской представляет значительный интерес для исследователей-хазароведов. Погребение, близкое по обряду и локализации нижнедонским погребениями в “курганах с квадратными ровиками”, по вещевому комплексу, тем не менее, неоспоримо принадлежит к памятникам перещепинского круга, являясь на сегодня *единственным достоверным погребением* с инвентарем группы Перещепины. Как уже отмечалось выше, Романовская демонстрирует связи с группами Шв/2, Шг, Va, VIa Перещепины, дополнительно подчеркивая свою связь схожим набором драгоценных камней. Еще прочнее технологические связи Романовской с Глосами и Вознесенкой, хотя в ней и отсутствуют технологические приемы, которые бы не были известны ювелирам Перещепины и Келегеев. Основным хронологическим ориентиром тут выступает не сам набор техник, а присутствие изделий синтезированного варварско-византийского “глосского” стиля, к которому безусловно принадлежат романовские аграфы. Их аварские аналогии разобраны А.И.Семеновым, отметившим, что аналогии в основном приходится на среднеаварский период (Семенов А.И., 1985, с.93-95). Бляшки с пальметтами по ручному способу нанесения декора тесно связываются с Перещепиной и Вознесенкой, поскольку в других комплексах есть только штампованные изделия такого стиля. Сам декор по особенностям стилистики А.И.Семенов рассматривал как промежуточный между перещепинским и ясиновским (Семенов А.И., 1985, с.95, 96). Уже в комплексах горизонта Галиат-Геленовки нет ни изделий с ручным тиснением, ни декора “растрепанными” пальметтами, ни изделий “глосского” стиля; нет их, разумеется, и в более поздних раннесалтовских комплексах. На сегодня романовское погребение занимает уверенную позицию в рамках горизонта Вознесенки, причем его эксклюзивные связи с Перещепиной по набору камней и отдаленным, но пока единственным в Восточной Европе параллелям аграфам (кат.62) указывают на принадлежность к *ранней*, а не заключительной фазе горизонта, что косвенно подтверждается отсутствием перечисленных при-

знаков в территориально и культурно близком погребении к.13 Дорофеевского (Круглов Е.В., 1992г, рис.4), также принадлежащего к горизонту Вознесенки.

Согласиться с И.О.Гавритухиным мы можем в другом, пожалуй, более важном на сегодняшний день вопросе: необходимость *спокойного* открытого обсуждения в печати проблем хронологии степных комплексов VII-VIII вв. становится все более очевидной. Инициированная исследователем в 2000 г дискуссия по хронологии степных памятников Поволжья и Восточной Европы в целом (Гавритухин И.О., 2000; 2001a) должна быть продолжена всеми заинтересованными лицами, но не на уровне *обмена мнениями*, а именно на уровне *анализа материалов и аргументов*, причем различия в методологических подходах, если речь действительно идет о *научных методах*, не могут служить препятствием этому. Любая дискуссия ценна не *мнениями*, а *наблюдениями*, всплывающими в ее процессе. Только так можно провести четкую грань между *мнениями исследователей* и *системой доказательств*, которые, к сожалению, в литературе слишком часто ставятся на одну планку.

Именно из-за последнего обстоятельства обзор современного состояния изучения подкурганных погребений Восточной Европы В.Е.Флёровой (Флёрова В.Е., 2001в; 2002a) создает у постороннего наблюдателя впечатление отсутствия здесь какой-либо упорядоченной научной системы представлений, вместо которой существует только калейдоскоп разнообразных, чаще всего, взаимоисключающих мнений, построенных на “сакральном” принципе гуманитарной науки: “я так вижу”. Главная проблема, на наш взгляд, заключается не столько в сложности проблем, сколько в неадекватности “спроса и предложения”, при которой различные мнения и гипотезы идут не просто впереди источников, но и с большим отрывом от них. Острая актуальность и популярность вопросов истории и археологии тюрков, болгар, хазар и других раннесредневековых кочевнических образований заставляют “научную общественность” требовать уже сейчас немедленного ответа на целый спектр сложных вопросов, требующих на самом деле длительного изучения. При этом даже неспециалистам заметны огромная диспропорция опубликованных и не введенных в научный оборот “курганов с квадратными ровиками”, серьезные блоки неопубликованных или опубликованных лишь частично кочевнических комплексов VII – нач.VIII в., а также салтовских могильников. Очень символично, что даже эпонимные памятники, давшие названия широко используемым в литературе терминам “тип Сивашовки”, “тип Соколовской балки”, “салтовская культура” (Верхний Салтов), сами введены в научный оборот

лишь фрагментарно, как бы отражая состояние изученности проблемы в целом.

Сдвинуть эту “глыбу” с мертвой точки не в состоянии одни лишь призывы к публикациям – помимо серьезного объема работы, в дело вступает также разнообразнейший “человеческий фактор” и, разумеется, проблема материального обеспечения подготовки материалов. Исследователи, имеющие доступ к музейным коллекциям и архивным материалам, также не всегда могут использовать их в полном объеме, причем именно представление реальной картины и удерживает их от “промежуточных” выводов на основании доступного в данный момент для оперирования в публикациях материала. Но наука не терпит “вакуума”, что и приводит к продуцированию скороспелых поверхностных гипотез и утверждений, часто существующих лишь исключительно благодаря авторитетному имени стоящих за ними исследователей.

Настоящую ситуацию нельзя считать типичной: мы находимся только в начале пути, и медленный, но необратимый процесс постепенного введения в научный оборот хотя бы того массива материалов, который уже накоплен многолетними археологическими изысканиями, рано или поздно заставит перейти на надлежащий уровень обсуждения проблемы. Пока же всем следует свыкнуться с постоянной изменчивостью картины, в которой каждый новый фрагмент мозаики может заставить увидеть по-новому всю картину в целом.

3.2.2. Периодизация

Выделяя в предыдущих работах (Комар А.В., 1999; Комар О.В., 2002б) этапы развития культуры кочевников Восточной Европы традиционно, по наиболее ярким и богатым комплексам из Перещепины и Вознесенки, мы, пожалуй, откровенно следовали “путем наименьшего сопротивления”, не рискуя раньше времени поднимать вопрос о необходимости создания более адекватной системы периодизации, одинаково применимой для комплексов высшей знати и рядовых погребений. Но прямому сравнению подлежат только сравнимые вещи, поэтому для “чистоты” исследования анализируемые нами кочевнические комплексы следует четко разделить по составу вещевых наборов на три *социальных группы*: комплексы *правителей и высшей знати*, комплексы *родовой и дружинной верхушки* и комплексы *рядового населения*.

Комплексы высшей знати. Состав комплексов высшей знати закономерно немногочислен, и на группы они распадаются уже на основании предварительного технологического анализа ювелирных предметов. Напомним, группу Перещепи-

ны составили Макуховка и Келегеи, а группу Вознесенки – Глodosы, Ясиново и Новые Санжары. Следует, правда, отметить, что в Вознесенке сочетаются вещи правителя и трех его телохранителей, принадлежавших к более низкой социальной прослойке. Основные категории инвентаря, подлежащие сравнению, – это поясные наборы, оружие, детали сбруи, личные украшения. Труднее оценить социальный статус и отношение к стадийным группам женских комплексов с золотыми изделиями из Морского Чулёка, Джигинской, Романовской, Новопокровки. Два последних комплекса отличаются своим погребальным характером, тогда как в двух первых можно подозревать и “напутственные” комплексы, сходные с мужскими комплексами келегейского типа. Учитывая же наличие группы мужских погребений с золотыми изделиями в погребальном инвентаре, не ясно, не относятся ли погребения из Новопокровки и п.2 Уфы к разряду погребений родовой знати?

Как мы уже отмечали выше, дистанция между комплексами по набору техник довольно небольшая и хронологические изменения отражает преобладание определенных стилей. Отсутствующие в Макуховке и еще относительно слабо представленные в Перещепине изделия “глodosского” стиля, а также прессованные изделия уже лучше репрезентированы в Келегеях, но больше всего распространены в группе Вознесенки. Особенно показательны здесь проволочная псевдозернь и крупные полые шарики на “варварских” изделиях, не известные в Перещепине и Макуховке, но уже отмеченные в Келегеях и широко использовавшиеся на изделиях группы Вознесенки.

Поясные наборы. Наиболее четко разница между группами наблюдается в поясных наборах. В группе Вознесенки уже нет псевдопряжек, массивных литых бляшек, Т-образных застежек. Меняется серьезным образом и сам вид пояса: вместо пояса с равномерно расположенными на нем псевдопряжками или бляшками в Вознесенке и Ясиново находились пояса византийской схемы с U-образными бляшками и ритмично свисающими ремешками с U-образными наконечниками на концах (рис.31, 3). Бляшки U-образной формы и в виде комбинации двух совмещенных U-образных или щитовидных бляшек изготавливались пресовкой из тонкого листа золота или серебра; весь декор или его часть при этом наносились тиснением. Бляшки золотых поясов из Вознесенки и Ясиново (рис.11; 34, 33-35) выполнены из достаточно прочного листа, выдерживающего деформацию, с обратной стороны к ним просто припаяны петли или скобы для крепления к ремню. Более тонкие листы использованы в бляшках “дружинных” поясов из Вознесенки и Новых Санжар (рис.35, 3, 4,

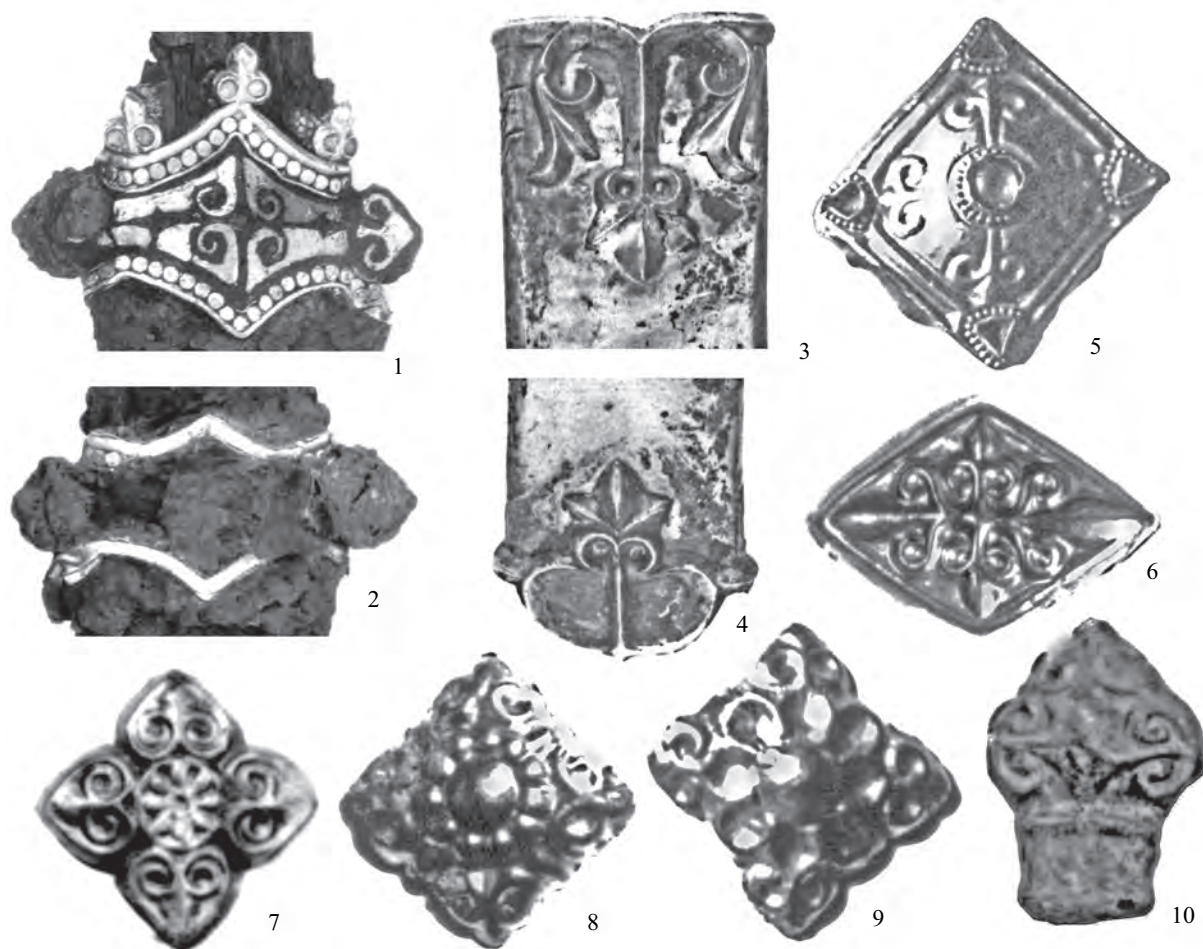

Рис. 21. Перекрестье перещепинского меча и аналогии его оформлению: 1, 2, 5 – Перещепина; 3, 4 – коллекция Алексева (Макуховка?); 6-10 – Вознесенка. Масштаб разный.

Fig. 21. A guard of the Pereshchepina sword and analogies of its design: 1, 2, 5 – Pereshchepina; 3, 4 – Alekseev's collection (Makuhovka?); 6-10 – Voznesenka. The scale is different.

7, 8, 9, 13; 36, 28). Во избежании деформации декор наносился на металлическую (обычно бронзовую) основу, которая сверху в горячем виде покрывалась тонкой золотой фольгой, слегка завернутой на краях внутрь и припаянной к основе. Наконечники ремней изготавливались в той же технике и также скобками крепились к ремню. В поясах побогаче наконечники выполнены в виде коробочки – задняя сторона тисненой пластины запаивалась плоской пластиной или же другой пластинкой с тисненым декором. Ремень пропускался внутрь сквозь отверстие вверху и закреплялся сквозной заклепкой по центру верха наконечника. Такие золотые наконечники присутствуют в Вознесенке, Глудосах, Ясиново и Новых Санжарах.

Стиль оформления наиболее дорогих поясов из Перещепины и Вознесенки в общих чертах близок – крупная грануляция и зернь, создающие пышный

“варварский” декор. Но в Вознесенке между крупными шариками проложено кольцо из псевдозерни (рис.17, 7). Такой же прием А.К.Амброз справедливо отметил на обкладках оружия из Глудос, бляшке из Ветрены и византийской броши из Озоры-Топусты (рис.17, 6) (Амброз А.К., 1986, с.85, 86). Декор и форма двух одинаковых “дружинных” поясов из Вознесенки (рис.34, 18-22) соответствует византийским поясам стиля “Акалан” (рис.35, 1, 5), но это – явно местное подражание, что заметно не только по размерам деталей, технике (обтягивание фольгой бронзовой основы), но и схематизму передачи отдельных элементов декора (рис.35, 3, 4, 7, 8). Судя по сохранившемуся изображению одной из бляшек (рис.36, 28), подражание этому же стилю использовано и на поясе из Новых Санжар. Есть в Вознесенке и одна бляшка от пояса (рис.36, 29) стиля Арадац-Фенлак, по И.О.Гавритухину (Гав-

ритухин И.О., 2001в, рис.38), или типа Фенлак, по Е.Гарам (Garam E., 2001, taf.81-84), но она, скорее, случайна, поскольку целого набора в комплексе не было. Третий “дружинный” пояс из Вознесенки (рис.34, 25-28; 35, 9, 13) представляет собой уже отдаленную местную стилизацию под византийские пояса стиля Мерсины и Сирмия (рис.8, 1-7; 35, 10, 14, 18), хотя такой же цветок и “чешуеобразный” орнамент находим и на наконечнике из Глодос (рис.36, 1), доработанном в чисто византийской манере “чеканом с лица” в стиле “точка с запятой”; такие же цветы использованы и на одном из вознесенских сбруйных наборов (рис.21, 9; 37, 27, 30, 49).

Совсем отошел в декоре от византийских прототипов мастер, изготовивший ясиновский набор (рис.34, 33-36). Использованный здесь декор “растрепанными” пальметтами соответствует стилю оформления многочисленных обкладок оружия из Вознесенки, но рельефное выступание расположенных по контуру бляшек круглых окончаний воллют визуально имитирует бордюр из полого “жемчужника”, что сближает набор с бляшками наборов из Камунты и Директорской Горки (рис.34, 16, 17, 24, 32), а также аварского из Даня (Garam E., 2001, taf.91, 1) и др., уже отошедших от простого имитирования крупной грануляции поясов стиля Бочи – Перещепины. На наконечнике из Новых Санжар так же, как в Ясиново, использованы пальметты, но более “свернутые”, близкие романовским и перещепинским (рис.36, 24).

Появление рассматриваемых поясов у кочевников несомненно было связано с византийским культурным влиянием. Проникновение инокультурных элементов и их адсорбция обычно проходит четыре стадии: 1) поступление оригинальных изделий; 2) изготовление копий и близких подражаний; 3) появление отдаленных подражаний с отходом от первоначальной схемы декора или конструкции; 4) создание на базе инокультурного образца независимого собственного типа. В комплексах группы Вознесенки отсутствуют оригинальные византийские пояса. Здесь есть варварские имитации поясов стиля “Акалан” (рис.35, 3, 4, 7, 8), отдаленные подражания поясам стиля Мерсины (рис.35, 9, 13) и уже местный вариант на базе пояса византийской схемы (рис.11; 31, 3), т.е. фиксируются стадии 2-4. Оригинальных византийских поясов этого типа нет и в крымских погребениях, поэтому мы раньше даже допускали, что заимствование могло произойти не непосредственно от византийцев, а, например, через посредничество авар, где первая стадия хорошо фиксируется поясами из Кунаготы и Озоры (рис.34, 1-11) (Комар А.В., 1999, с.131). Но речь совершенно не шла о том, что такие пояса – “аварские” по стилю или происхождению, поэтому возражения И.О.Гавритухина по этому поводу (Гавритухин

И.О., 2005) безадресны. Асинхронность поясов горизонта Вознесенки и аварских комплексов горизонта Игар-Озора аргументировалась нами именно их различными позициями в *стадиях культурной адаптации*.

Вторая стадия у авар представлена поясами из Фенлака (рис.34, 12-15; 35, 6), Будапешта, п.53 Кишкереш Похибуй-Мачко-дюле, п.154 Ракалмаша и др. (Гавритухин И.О., 2001в, рис.40, 42, 43, 57-61; рис.42, 13-16; Garam E., 2001, taf.84; 85, 2, 6; 86, 7; 98, 2, 3; 100, 1, 5; 103; 111, 6, 9). Третья стадия, с отходом от точного воспроизведения декора византийских оригиналов, – это пояса типа Кечкемета (рис.8, 9, 10, 12-14), п.7, 10 Дунапентеле (рис.35, 12, 16) (Garam E., 1995, Abb.2, 5-7; 11, 3-5), п.212 Гатера (Fettich N., 1926, fig.11), п.26 Кишкереш Похибуй-Мачко-дюле, п.2 Пушта Хернад (рис.35, 17), п.167 Сегед-Фехерто В, п.264 Ясапати-Надьяллаш и др. (Гавритухин И.О., 2001в, рис.40, 5, 6, 17-20, 23, 24, 52-56; Garam E., 2001, Taf.81, 4; 83; 86, 1-5; 88; 89; 91; 97; 98, 1, 4, 6-9; 100, 2, 4; 105; 106-110; 111, 1-5, 7, 8; 112; 113). И, наконец, четвертую стадию маркирует пояс из п.1928 г. Игара и весь среднеаварский горизонт штампованных поясов с декором в виде сложного плетения (Гавритухин И.О., 2001в, рис.5, 3, 23, 30; 7, 4, 16, 40, 47, 55; 8, 2, 3, 13, 39, 42; 9, 48; 10, 29, 45, 46; 11, 33; 12, 42; 14, 32, 33; 17, 43; 48, 23-32 и др.; Garam E., 2001, Taf.114; 115; XVII, 2). Уже на второй и третьей стадиях авары используют позолоту или покрытие золотым листом бронзовой основы (рис.35, 2, 17). При сравнении стадий адаптации оказывается, что первой стадии – подгоризонту Кунаготы-Озоры – в Северном Причерноморье нет соответствия. Второй “аварской” стадии – подгоризонту Фенлака – соответствуют два пояса стиля “Акалан” из Вознесенки. Третьей – подгоризонт Кечкемет-Дунапентеле – третий “дружинный” пояс из Вознесенки и наконечник из Глодос, а четвертой стадии – подгоризонту Игара – соответствуют “каганский” пояс из Вознесенки и пояс из Ясиново. Пояс из Новых Санжар соединяет элементы стадий 3 и 4. Переход от первой до последней стадии адаптации и у авар, и у северопричерноморских кочевников вряд ли занял большой промежуток времени, поэтому все комплексы горизонта в общих чертах близки, но все же небольшая асинхронность горизонтов Вознесенки и Игар-Озора существует за счет отсутствия в Северном Причерноморье комплексов стадии 1.

Не менее интересно также определить относительную позицию подарочных византийских поясов круга Бочи-Перещепины в собственно византийском ряду изделий, а также место “варварских” подражаний в относительной системе “местных” культур. Сами пояса из Перещепины, Бочи, Кунбабоня, Тепе слишком далеки от внутренивизантий-

ских поясов и по форме, и по стилю деталей, но определить их относительную позицию позволяет пояс из Сирмия (рис.5; 7, 4, 7; 35, 18). Окантовка поясных деталей проволочной псевдозернью с обозначением углов, центров длинных сторон и низа сочетанием из нескольких более крупных шариков находит полное соответствие в византийском поясе из Мерсины (рис.8, 1-7; 35, 10, 14). Особенно близки наконечники и U-образные бляшки рассматриваемых поясов. Широкий внутренний бордюр из чешуеобразных углублений (рис.5; 7, 4, 7; 35, 18) аналогичен внутреннему бордюру мерсинской пряжки (рис.8, 3), а также наконечника из Сирии (Porović I., 1997, сл.23, 1a), более отдаленную окантовку находим на пряжке (рис.3, 1) и лицевой стороне наконечника кат.9 из Перещепины. Мерсинский клад сравним с комплексами из Перещепины и Кунбабоня также по браслетам (Кондаков Н., 1896, табл.XVIII, 7-9) и типу пряжки; близкие к мерсинским (Кондаков Н., 1896, табл.XVIII, 4, 5) перстни были в Новых Санжарах (Смиленко А.Т., 1968, рис.1) и п.358 Колькед-Фетекапу (Garam E., 2001, Taf.51, 4), а подвески ожерелья в виде “запых” – в Озоре-Тотипусте (Garam E., 1993, Taf.86, 2). Проникновение стиля мерсинского пояса к восточноевропейским кочевникам пока можно предполагать только по набору из Вознесенки (рис.34, 25-28; 35, 9, 13), у авар же он фиксируется наконечником из п.264 Ясапати-Надьяллаш, также отдаленные пресованные подражания были в п.757 Дьер-Теглавете дюле, п.2 Пушта Хернад (рис.35, 17), Андоче (Гавритухин И.О., 2001в, рис.40, 9, 18-20, 56; Garam E., 2001, Taf.86, 5; 100, 2). В пресованном наборе из Кечкемета меняется декор заполнения щитка бляшек, но сохраняется бордюр с выделенными “узлами” (рис.8, 9, 10, 12, 13). В составе тисненых бляшек поясных наборов горизонта Вознесенки из Камунты (коллекция Ольшевского) находился набор U-образных бляшек, аналогичных сирмийским (рис.35, 18), вместе с бляшкой, идентичной по форме щитку византийской пряжки из Кунбабоня (рис.4, 1) (Архив ИИМК РАН, № Q 506.46)¹⁰. Таким образом, пояс из Сирмия близок по времени к кунбабоньскому и был изготовлен с добавлением псевдопряжек на базе византийского пояса с U-образными бляшками, пресованное подражание которому известно в Камунте, во время активного существования поясов типа Мерсины, знакомство авар с которыми, в свою очередь, фиксируется комплексами подгоризонта Кечкемет-Дунапентеле, а у кочевников Причерноморья – горизонта Вознесенки.

Хронологическая дистанция между Кечкеметом и Бочей с Кунбабоном при этом не была боль-

шой, о чем свидетельствует подражание подарочному византийскому мечу с кольцевым навершием из Кечкемета (рис.8, 15). Еще один такой меч находился в Кунаготе (Garam E., 1993, Taf.56; 57). В п.2 Кунбабоня (Toth E., Horvath A., 1992, Fb. Taf. 7) подражание кинжалу из кунбабоньского п.1 сопровождалось пряжкой “с вытянутыми губами” (рис.33, 8), характерными для комплексов II среднеаварского периода (Гавритухин И.О., 2001в, с.119), и наконечником с тисненым декором “плетенкой” (рис.36, 8). В технике II среднеаварского периода (тиснение с заполнением бляшек внутри пастообразной массой) выполнены и подражания собственно поясным наборам круга Боча-Кунбабонь типа Папа-Урдомба и Пакапушты (Laszlo G., 1955, pl.LXIX). Вполне очевидно, что подарочные византийские комплекты круга Бочи-Кунбабоня еще активно использовались во время появления технологического стиля II среднеаварского периода, и дистанция между комплексами горизонта Бочи-Кунбабоня и Кунаготы-Кечкемета никак не могла составлять больше времени смены поколения, т.е. 20-25 лет.

Эти наблюдения помогают понять особенности келегейского комплекса. Псевдопряжки из Келегеев выполнены комбинированным способом: рамки литые, а щиток пресован из золотой пластины, хотя и гораздо более массивной, чем использовавшиеся на изделиях группы Вознесенки. На обкладках оружия и на псевдопряжках (рис.7, 5; 16, 2) здесь уже использована проволочная псевдозернь византийской традиции, которая в самой Перещепине была только на изделиях византийской группы; полностью в технике бляшек горизонта Вознесенки выполнены штампованные сбруйные бляшки (рис.27, 5, 6). Маленькая пряжка “с вытянутыми губами” (рис.33, 11) идентична пряжке из Кечкемета (рис.8, 11). В общих чертах близок наконечнику из п.2 Кунбабоня и келегейский наконечник с плетеным декором (рис.36, 7, 8). Аналогии пирамидальной келегейской подвеске (рис.24, 6) в комплексах Причерноморья есть только в Глудосах (рис.24, 5), а также в п.248 Дюрсо (рис.30, 28, 29), а келегейская серьга (рис.24, 16) заметно отличается от перещепинской (рис.24, 9) и аналогична серьгам из комплексов горизонта Вознесенки (рис.24, 15). Только в Вознесенке находит аналогии келегейское окончание ножен кинжала (рис.16, 3, 4, 7, 8), а округлая подножка стремени с ребром жесткости в Причерноморье известна в п.248 Дюрсо, Вознесенке (рис.30, 2; 39, 1) и Новых Санжарах. Наконеч, хоть параллели и несколько общего порядка, но у авар близкий келегейскому крест (рис.51, 2) и витая гривна были в Озоре-Тотипусте (Garam E., 1993, taf.86, 1; 87, 1), а розетки в стиле “точка с за-

¹⁰ Благодарим И.О.Гавритухина за предоставление копий фотографий.

пятой”, украшающие концы келегейского креста, находят точную аналогию в центре поясного наконечника из Кунаготы (рис.34, 11) (Garam E., 2001, taf.XXXII).

Получается, что, хотя по псевдопряжкам и поясным деталям “геральдического” стиля Келегеи и относятся к горизонту Перещепины, но по остальному набору комплекс одновременно очень близок группе Вознесенки. По пряжке же “с вытянутыми губами” и наконечнику с “плетенкой” Келегеи синхронны не комплексам I среднеаварского периода, а подгоризонту Кишкёреш-Дунапентеле II среднеаварского периода. Это, в свою очередь, делает группу Вознесенки синхронной лишь заключительному, но наиболее представительному и длительному подгоризонту II среднеаварского периода – подгоризонту Игара.

Оружие. Основные новации комплексов группы Вознесенки в оружии, как и у авар во II среднеаварском периоде, сводятся к появлению слабоизогнутых сабель (Вознесенка), но вознесенские экземпляры (рис.38, 5, 6) отличаются от аварских (рис.38, 8) срезанным под углом острием, характерным для танских и японских клинков VII-VIII вв. (Восточный Туркестан ..., 1995, с.393). Аналогичный клинок найден в кат.113 Мокрой Балки на Северном Кавказе (Рунич А.П., 1977, рис.2, 28, 29). У авар сабли появляются вместе с новым типом перекрестья – с ромбовидным выступом посередине (рис.38, 8), – но в Северном Причерноморье одинаковые перекрестья присутствуют и в группе Перещепины, и Вознесенки (рис.20). Также следует отметить трехлопастные наконечники небольших размеров (до 5-6 см длиной), способные пробивать кольчугу (Вознесенка, Глодосы), которые в ранне-салтовское время полностью вытесняют крупные наконечники длиной до 15 см. Для пробивания доспеха предназначался и четырехгранный наконечник пики из Глодос (Смиленко А.Т., 1965, рис.19, 1). Можно было бы говорить также и о появлении коленчатых боевых ножей (Вознесенка, Глодосы) (рис.22, 7, 10), но асимметричная накладка с вырезом из Макуховки (рис.15, 17), пожалуй, принадлежала такому же ножу.

Снаряжение коня. В комплексах группы Вознесенки в большом количестве представлены стремяна, наибольшую коллекцию которых дает Вознесенка.

Тип I – “восьмеркообразные”. Вариант I-1 – с выгнутой подножкой: вариант I-1-а – округлая подножка в виде раскованной дужки (рис.39, 4); вариант I-1-б – с широкой подножкой, имеющей ребра жесткости (рис.39, 1, 7). Вариант I-2-а – с прямой подножкой из раскованной дужки (рис.39, 2, 6), вариант I-2-б – с широкой слегка вогнутой подножкой с ребром жесткости (рис.41, 1). Тип II – с

округлой дужкой и пластинчатой петлей: вариант II-1-а – с выгнутой подножкой из кованого прута (рис.39, 8); вариант II-1-б – с выгнутой подножкой с ребром жесткости (рис.30, 2); вариант II-2 – с прямой подножкой (рис.39, 9). Тип III – стремяна с округлой дужкой, прямой подножкой и невысокой П-образной петлей (рис.40, 5, 6). Тип IV – дужка приземистой аркообразной формы, подножка ровная, с рельефным ребром: вариант IV-1 – петля трапециевидная, с вырезами возле основания и коробчатым верхом (рис.40, 1, 3); вариант IV-2 – петля такая же по форме, но плоская (рис.40, 2, 4). Тип V – аркообразные стремяна с петлями как у восьмеркообразных стремян представляют уже следующий горизонт. Вариант V-1-а – с прямой подножкой из раскованного прута (рис.41, 2); вариант V-1-б – с прямой подножкой с ребром жесткости (рис.41, 3, 4). Вариант V-2 – с вогнутой подножкой с ребром жесткости (рис.41, 5, 6).

В группе Перещепины представлены только парные стремяна типа II-2. Тип келегейских стремян точно не ясен, от них сохранились лишь округлые подножки с ребром жесткости, в приведенной классификации присутствующие в вариантах I-1-б и II-1-б. Только в группе Вознесенки появляются аркообразные стремяна типов III-IV (Вознесенка, Ясиново, Новые Санжары). Следует отметить, что определение нами ранее формы петли новосанжарского стремени как одинаковой с восьмеркообразными стремянами (Комар А.В., 1999, с.120; 2000, с.136) и отнесение к варианту V-1-б оказалось ошибочным. Скорее всего, А.Т.Смиленко слишком буквально поняла слово “петля”, передав в публикации описание стремени неточно (Смиленко А.Т., 1968, с.164). Проверка оригинала текста А.К.Тахтая показала, что в нем не упоминается ни о каком “изгибе дужки в виде петли”, здесь указывается, что петля стремени “височенька” (“довольно высокая”), но при этом обломана (Тахтай А., (год не известен), Ново-Санджарівський ..., с.9, 10). Подобное возможно только в одном случае, если пластинчатая петля обычного аркообразного стремени типа IV-2, как и на стремени из Ясиново (рис.40, 4), была сломана по линии прорези.

Все четыре аркообразных стремени из Вознесенки непарные. Непарны и стремяна из Новых Санжар, где аркообразное стремя с прямой подножкой сочеталось со стремением с круглой подножкой с ребром жесткости (вариант I-1-б?). Непарны и сохранившиеся стремяна из Глодос. Как отметил А.К.Амброз, эта закономерность прослеживается и в среднеаварских и восточнотюркских комплексах, а использование непарных стремян было связано, скорее всего, с развитием джигитовки (Амброз А.К., 1973б, с.93). Нужно также уточнить, что появление аркообразных стремян было лишь *иннова-*

цей горизонта, но не его характеристикой. Лучше всего это иллюстрирует Вознесенка, где из 58 стремья аркообразными были только 4, остальные же принадлежали к типу “восьмеркообразных”, которые и следует считать типичными для рассматриваемого горизонта.

Также из 40 вознесенских удил только двое имели железные псалии: “гвоздевидные” и фигурные S-видные (рис.43, 1, 2), – наиболее же массовым типом грызл в Вознесенке были грызла с круглыми – вариант 1 (рис.42, 1-3), а не “восьмеркообразными” окончаниями – вариант 2 (рис.42, 4, 5, 8, 9, 10). Третий вариант удил находился в Ясиново: петля на концах грызл изогнута из самого прута, но не заварена, сквозь отверстия пропущены две пары колец разных размеров (рис.42, 7). Похожие удила известны у авар (Szöke В.М., 2000, Taf.2), а в Восточной Европе – в п.248 Дюрсо (рис.30, 1); половина таких удил была соединена с половиной раннесалтовских удил с S-образным псалием в п.187 Крюковско-Кужновского могильника (Иванов П.П., 1952, табл. XXXIX, 5). Остатки костяных псалиев отмечены в Новых Санжарах.

Если сравнивать сбруйные бляшки групп Перещепины и Вознесенки, бросается в глаза схожесть технологии изготовления: это тисненые при помощи штампа золотые или серебряные бляшки с бронзовой подкладкой (рис.37). Но в группе Вознесенки наблюдается заметное уменьшение размеров бляшек и выработка большого ассортимента стилей, лучше всего, разумеется, представленных в самой Вознесенке. Несмотря на обилие разновидностей бляшек, вновь заметим, что в количественном выражении в Вознесенке полностью доминируют полусферические. Среди сбруйных пряжек наиболее многочисленны железные трапециевидные и квадратные, особо нужно отметить железные квадратные пряжки с двумя прямоугольными бронзовыми полосками вместо щитка, представленные в Вознесенке и Новых Санжарах (рис.47, 2).

Украшения механически сравнивать трудно, поскольку слишком уж разнотипны их наборы из комплексов, причем не ясно, что именно считать хронологическими отличиями. При взгляде на перещепинскую группу III замечаем в группе Вознесенки смену ориентации: вместо грубых подражаний вещам византийских форм здесь наоборот происходит возвращение к “варварским” формам и стилю предметов, но выполненных уже с заметным добавлением инноваций в виде византийских технологических приемов. Таковы нагрудные украшения из Глодос, о которых уже упоминалось выше. Подвески из Новых Санжар (Смиленко А.Т., 1968, рис.2, 2) технологически близки византийскому кресту из Келегеев, но среди собственно византийских типов такие украшения нам не известны.

Только в группе Перещепины есть наборные мониста, позже ожерелья из монет уже не интересуют кочевническую знать. Похоже, на этапе Перещепины произошел поверхностный контакт с византийской культурой, вызвавший на первых порах желание подражать византийским украшениям. Но более глубокое знакомство с византийской культурой на этапе Вознесенки убедило кочевников в чуждости им собственно византийских стилей и типов украшений, вследствие чего технический арсенал ювелиров, работающих при дворах правителей просто дополнился отдельными византийскими заимствованиями, но “варварский” стиль вновь вышел на первый план.

Оценить хронологические различия женских комплексов из Джигинской, Новопокровки, п.2 Уфы, Морского Чулёка, Романовской помогает выразительное использование в изделиях из Джигинской “глодосских” приемов: проволоочной псевдозерни, скани “бегущая волна”, гнезд формы “запятых” (рис.24, 32). Вряд ли асинхронны Джигинской остальные погребения с большими колтами (рис.24, 20, 21, 33) – Новопокровка и п.2 Уфы, где на изделиях использованы тисненые псевдокосичка и ободки из псевдозерни. Более ранний – комплекс из Морского Чулёка, где нет упомянутых признаков, зато представлены небольшие калачевидные и сердцевидные подвески (рис.18, 6; 24, 12), а также изделия в стиле перегородчатой инкрустации, которых нет в комплексах первой группы. Учитывая же существование этого стиля уже во время Суханово, дата комплекса из Морского Чулёка вполне может относиться ко 2-й пол.VI в. Интересно, что в группе Морской Чулёк – Суханово (рис.18, 3, 6, 11, 15, 18) ни на одном изделии нет композиций из треугольников или ромбиков зерни. Пока об этом говорить рано из-за скудности выборки, но не возвратилась ли мода гуннского времени на вещи с обильным покрытием поверхности треугольниками зерни под влиянием поясных наборов иранского стиля? Традиционно сравниваемые по наличию схожих шейных украшений комплексы из Джигинской и Морского Чулёка на самом деле разновременные, и это не удивительно, учитывая, что в самой Византии этот тип шейных цепочек использовался на протяжении всего периода VI-VII вв. (Yeroucanou А., 1999, kat.18; 40; 54-56; 58-62; 66, 67), а сама конструкция сложной плетеной цепочки восходит к римскому времени (Yeroucanou А., 1999, kat.4; 8).

Романовская практически не пересекается по типам предметов с Джигинской. Вероятно, тут все та же причина различий, что и между Глодосами с Вознесенкой, поскольку набор украшений из Джигинской гораздо роскошнее и выполнен мастером “чистой” византийской выучки, хотя и работавшего для варваров. Украшений старого “варварского”

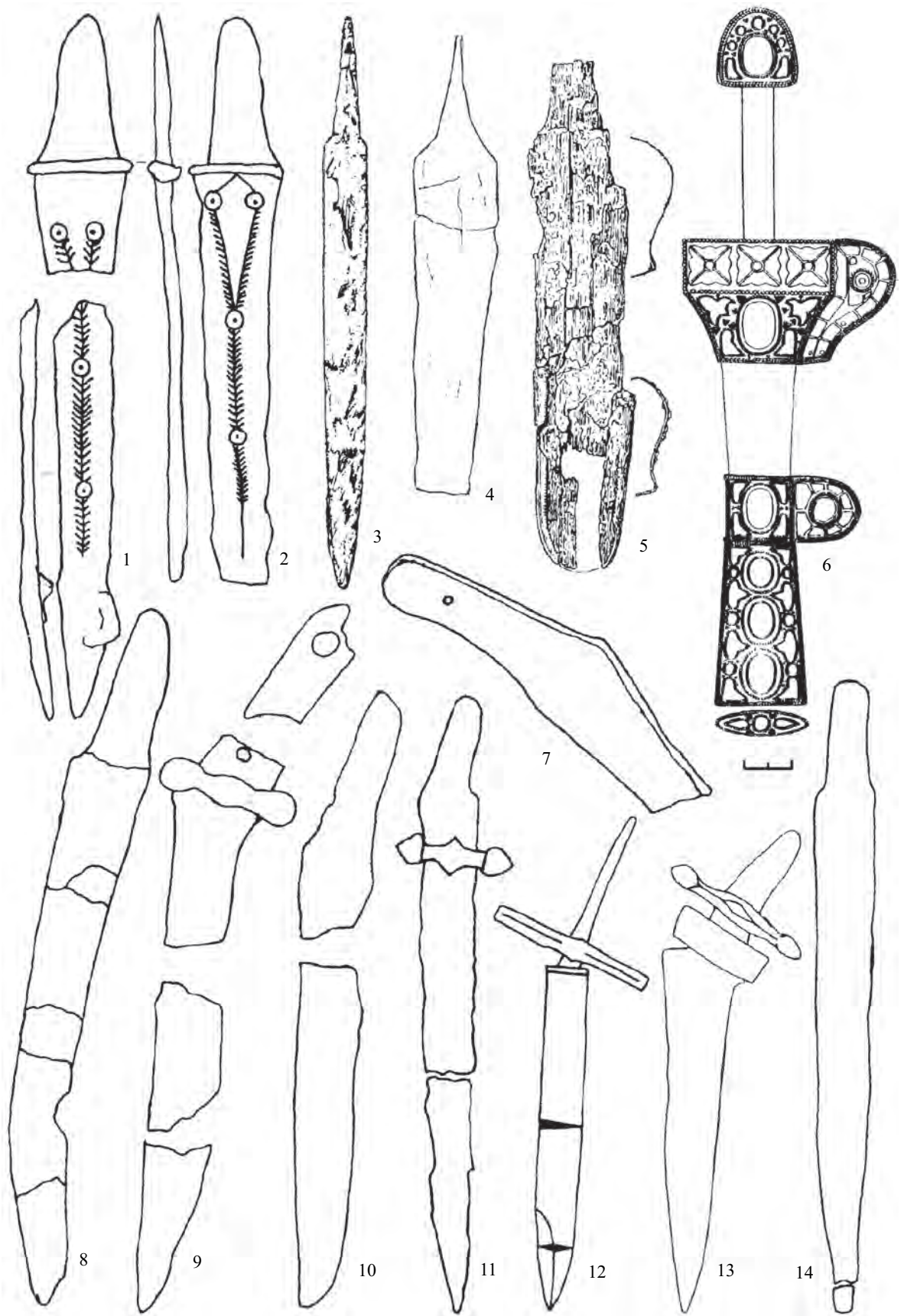

Рис. 22. Боевые ножи: 1, 2, 7 – Вознесенка; 3 – Портовое; 4 – Васильевка, к.2, п.1; 5 – Иловатка; 6 – Боровое (реконструкция И.П.Засецкой); 8 – Костогризово; 9 – Шиловка, к.1; 10 – Глодосы; 11 – Борисово, п.138; 12 – Тополы; 13 – Уйбатский чаа-тас; 14 – Крупской.

Fig. 22. Battle knives: 1, 2, 7 – Voznesenka; 3 – Port; 4 – Vasilievka, barrow 2, burial 1; 5 – Ilovatka; 6 – Borovoie (reconstruction made by I.P.Zasetskaia); 8 – Kostogryzovo; 9 – Shilovka, barrow 1; 10 – Glodosy; 11 – Borisovo, burial 138; 12 – Poplars; 13 – Uybat chaa-tas; 14 – Krupskoi.

стиля в Романовской нет, а вместо них присутствуют бляшки с ручным тиснением пальметтами стиля Вознесенки и “византийские” аграфы, выполненные в “глодосской” технике с добавлением тиснения по матрице. По технологическим и стилистическим особенностям это погребение уверенно синхронно группе Вознесенки.

Относительная хронология. Несмотря на то, что рассмотрение комплексов высшей знати мы начали с традиционного их разделения на две группы (Перецепины и Вознесенки), “на выходе” проведенного выше анализа картина несколько меняется благодаря необходимости отдельно вычленив Келегеи. Отметим сразу, что промежуточная позиция Келегеев стадильная. Также близка позиция Келегеев и Джигинская с ее обильным использованием литой зерни, но, одновременно, и набора “глодосской” техники. При этом группа Перецепины (включающая Макуховку) тесно смыкается с группой Вознесенки (Глодосы, Ясиново, Новые Санжары, Романовская), не позволяя допускать наличие между ними хоть какого-то перерыва. Промежуточное же положение Келегеев и Джигинской означает, что формирование комплексов пришлось на стык групп Перецепины и Вознесенки, и, фактически, их выпадение нужно либо относить уже к этапу Вознесенки, либо выделять в отдельный этап.

Комплексы дружинной и родовой знати. Сюда отнесены мужские погребения с золотыми поясами из Арцибашево, хут.Крупской, Уч-Тепе, Старонижестеблиевской, Новиковки, Мадары, погребения с серебряными наборами с отдельными золотыми деталями из к.5 Виноградного, п.1 и 2 к.2 Васильевки, к.14 Белозерки, п.3 к.30 Калининской, Портового, м.1 Новогригорьевки, п.248 Дюрсо, к.1 Шиловки, п.1 к.2 Брусня IV. Отнесение некоторых из упомянутых комплексов к группе погребений родовой знати, конечно, условно, но даже среди знати во все исторические периоды наблюдалось очень серьезное имущественное расслоение, поэтому наблюдаемая в этой группе картина может вполне быть реальной. Из женских комплексов к группе явно принадлежат к.13 Дорофеевки и п.2 к.1 Березовки I, также, как уже упоминалось, к ним, возможно, относятся Новопокровка и п.2 Уфы.

Пояса и детали обувных ремешков. По технике изготовления золотых деталей выделяются три

группы. Первая группа – используется тонкий золотой лист с напаянной литой зернью, обычно припаянный к серебряной основе: к.5 Виноградного, п.2 к.2 Васильевки, п.3 к.30 Калининской, Новиковка (рис.19, 3, 4, 6, 7, 12, 13, 16-20, 24, 28, 33, 37, 39). Вторая – литая зернь комбинируется с тисненым декором или псевдокосичкой: Арцибашево, хут.Крупской, к.14 Белозерки, Мадара (рис.19, 5, 9, 10, 14, 29-31, 34, 41). Третья группа – детали и декор полностью выполнены тиснением: Уч-Тепе, Старонижестеблиевская, к.1 и п.2 к.2 Шиловки, п.2 к.1 Березовки I (рис.19, 2; 36, 10, 20; 48, 34). В п.1 к.2 Васильевки соединяются элементы групп 1 и 3: золотые бляшки с тисненым декором вставлены в серебряное обрамление (рис.19, 21-23). Стекланные вставки отмечены на поясных бляшках из хут. Крупской, к.14 Белозерки, к.5 Виноградного и Портового. В трех последних комплексах плоские стекланные вставки при помощи пасты крепились в золотом гнезде из тонкой пластинки, напаянном на серебряную основу детали и обрамленном зернью. На пряжке и наконечнике из к.1 Шиловки (рис.36, 41) использовались также вставки из горного хрусталя, посаженного на пасту в позолоченные бронзовые гнезда. Только в Портовом отмечена перегородчатая инкрустация (рис.7, 20; 19, 27; 48, 49, 60). Композиция U-образных бляшек (рис.7, 20) близка изделиям из Бочи и Кунбабоня (рис.7, 18, 19), причем на хорошо сохранившемся экземпляре (рис.7, 20; 17, 8) видно, что мастер пытался при помощи бисера симитировать проволочную псевдозернь кунбабоньских бляшек (рис.7, 19) или же бляшек большого вознесенского пояса (рис.11). Также в Портовом использована и византийская конструкция наконечников с закрытием задней стенки тисненой бляшки и заполнением внутри пастой. Это выделяет изделия из Портового и Шиловки из первой группы и сближает их с изделиями группы Вознесенки.

На деталях группы 2 с комбинированием тиснения и литой зерни при помощи матрицы наносились обычно ободки из псевдозерни и псевдокосичка. Такое же сочетание находим на пояском наборе из Вознесенки (рис.11), но там набор техник дополнен полым “жемчужником”, проволочной псевдозернью и сканью. По композиции декора с Вознесенским поясом сходен только пояс из Мадары, технологически относящийся к первой

группе. Здесь вместо обычных столбиков из обращенных вершинами вниз треугольников зерни использованы ромбы зерни, треугольники же располагаются бордюром по контуру наконечников, основанием параллельно сторонам (рис.19, 5, 25), что сближает этот пояс именно с вознесенским набором (рис.11, 1, 7, 9). Тисненные золотые вставки двух маленьких наконечников из п.1 к.2 Васильевки (рис.19, 23) аналогичны наконечникам из поясного набора из Северного Ирана (Гавритухин И.О., 2001в, рис.42, 24-27), который по пряжке со щитком в виде “рыбьего хвоста” близок к Вознесенке, а по U-образным бляшкам с изображением двух птиц – среднеаварским наборам “с птицами” (Garam E., 2001, taf.111).

Пояс из Уч-Тепе, хотя и полностью выполнен тиснением, стилистически явно связан с группой 2. Более самостоятельны пояса из других комплексов. В Старонижестеблиевской изделиям группы 2 подражает только поясной наконечник (рис.36, 20), хотя нагрузка псевдозерную здесь заметна ослаблена. Наконечники дополнительных ремешков (рис.36, 10) окантованы крупной псевдозерной, а центр занят “елочкой”, что сближает их с наконечниками из Камунты (рис.34, 17) и п.5 Директорской Горки (рис.34, 31), а также наконечником из Вознесенки (рис.36, 4). Оригинальные круглые поясные бляшки из Старонижестеблиевской (рис.36, 27) украшены бордюром, имитирующим крупный “жемчужник”, а в центре изображена монголоидная личина. Отдаленной параллелью таким бляшкам следует считать круглые бляшки набора п.2 к.1 Березовки I, пресованные из бронзовой пластины и покрытие сверху золотой фольгой (рис.36, 35) (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000, рис.5, 2-4). Аналогичные бляшки известны в составе вознесенского комплекса (рис.36, 33, 44, 45), близкие использованы и в поясном наборе из п.2 к.2 Шиловки (рис.36, 36) (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.ХІІ, 2, 3). Из поясных деталей к.1 Шиловки следует отметить византийскую пряжку с шарнирным соединением (рис.33, 1), а также пряжку с “вытянутыми губами” (рис.33, 6). Оригинален еще один шиловский набор из инкрустированных камнями пряжки и наконечника (рис.36, 41). Последний спаян из двух вытянутых U-образных пластин и заполнен пастой, т.е. конструктивно близок к наконечникам группы Вознесенки, но на его обратной стороне есть омегаобразные прорезы с подкладкой синего стекла, что является одновременно отзвуком стиля геральдических наборов.

Сами литые пряжки и бляшки геральдического стиля присутствуют в составе комплексов всех

трех групп и будут детальнее рассмотрены ниже. Нет их только в Мадаре и Старонижестеблиевской, а в п.2 к.1 Березовки I геральдические наконечники пресованные (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000, рис.5, 9, 10, 12).

Оружие. В к.5 Виноградного, Уч-Тепе и п.248 Дюрсо найдены однолезвийные мечи с Р-образными скобами (рис.30, 19, 26; 44, 1, 2). Клинки из Арцибашево (рис.44, 8) и п.248 Дюрсо (рис.30, 19) уже имеют слабый наклон рукояти, позволяющий считать их “протосаблями” (Восточный Туркестан ..., 1995, с.392, 393). В погребении из хут. Крупской находился двулезвийный меч (Атавин А.Г., 1996, табл.3, 10) с немного асимметричным расположением черенка рукояти, что делает его однотипным с ясиновским мечом (рис.44, 7). Также двулезвийным называет клинок из Портового А.А.Щепинский (Щепинский А.А., 1966, с.53). Согласно отчету, меч из-за очень плохой сохранности распался сразу же в поле, но в архиве И.А.Баранова сохранился рисунок этого меча, действительно с обозначенным ромбовидным сечением¹¹. Только в п.2 к.2 Шиловки была сабля с обрезанным острием, аналогичная вознесенским (рис.38, 7). Перекрестье сохранилось на “сабле” из п.248 Дюрсо – это обычное узкое ромбовидное раннесалтовское перекрестье с ромбовидным утолщением по центру (рис.30, 26). Есть различия и в боевых ножах: в Портовом и п.1 к.2 Васильевки это были прямые ножи с узким черенком рукояти (рис.22, 3, 4), а в к.1 Шиловки – коленчатый нож с перекрестьем (рис.22, 9), близкий вознесенскому и глоссскому. В м.І Новогригорьевки и п.248 Дюрсо находились однотипные с глоссским узкие ромбовидные в сечении наконечники пики (Семенов А.И., 1988, рис.2, 1) (рис.30, 13). Все луки, кроме шиловского, принадлежат к типу “гуннских”, и только последний обнаруживает сходство с луками “хазарского” типа (Савин А.М., Семенов А.И., 1999, с.153; Комар А.В., 2001а, с.23-25; детальнее о луках см.: Круглов Е.В., 2005).

Снаряжение коня. Стремена в рассматриваемых комплексах обнаружены в Портовом, м.І Новогригорьевки, п.248 Дюрсо и к.13 Дорофеевки. В последнем погребении находилось аркообразное стремя (Круглов Е.В., 1992г, с.156). В Портовом тип стремян определить сложнее: согласно публикации И.А.Баранова, это была пара “восьмеркообразных” стремян (Баранов И.А., 1990, с.19). Сохранившийся рисунок фрагмента одного стремени из архива И.А.Баранова ясно указывает на тип аркообразного стремени с прямой подножкой, обломанного ниже половины высоты. Обломок прямой подножки второго аркообразного стремени, очевидно, изображен

¹¹ Благодарим В.И.Баранова за предоставленную информацию.

Рис. 23. Браслет из кат.60 (1) и аналогии его оформлению из Кестхей-Фенекпушты (2, 3). Масштаб разный.

Fig. 23. A bracelet from catacomb 60 (1) and analogies of its design from Keshtely-Fenekpuszta (2, 3). The scale is different.

в отчете (Щепинский А.А., 1966, рис.125), также с прямой подножкой схематически нарисовано стремя и на общем плане погребения. Это позволяет уверенно атрибутировать тип стремян из Портового, как аркообразные. Тип петли для путлища по сохранившимся фрагментам установить невозможно. На рисунке из архива И.А.Баранова она реконструирована в виде узкой прямоугольной рамки, что приближает стремяна из Портового к типу III, а в публикации, как уже указывалось, исследователь назвал петли “восьмеркообразными”, что относит стремяна к типу V. К сожалению, основания этих реконструкций пока не установлены, что оставляет тип петли все же под вопросом. “Восьмеркообразное” стремя из Новогригорьевки (рис.39, 6) отнесено нами к варианту I-2, а стремя из Дюрсо – к варианту II-1-б (рис.30, 2). Тип грызл во всех комплексах разный: в Арцибашево – вариант 2 с “восьмеркообразными” цельными окончаниями (рис.42, 8), в к.5 Виноградного – с изогнутыми “восьмеркообразными”, подобными грызлам из п.10 Агойского аула (Миллер А., 1909, рис.23); в к.13 Дорофеевки – вариант 1 с круглыми окончаниями, как и наиболее массовые вознесенские, а в п.248 Дюрсо – вариант 3 (рис.30, 1), как в Ясиново.

Сбруйные бляшки разделяются на прессованные и литые. В к.5 Виноградного это в основном круглые и овальные бляшки со стеклянной вставкой, окантованные зернью (рис.18, 29, 33). В п.1 и 2 к.2 Васильевки, а также в Мадаре похожие бляшки украшали ремень (рис.18, 31, 32, 34, 35), а в Уч-Тепе были их прессованные имитации (Иессен А.А.,

1965, рис.28). Арцибашевские сбруйные бляшки аналогичны украшениям из рядовых комплексов с наборами геральдического стиля, а в Портовом были их прессованные подражания.

В к.13 Дорофеевки бляшки круглые выпуклые прессованные (рис.36, 34), аналогичные вознесенским (рис.36, 33) и поясным из п.2 к.1 Березовки I (рис.36, 35) и к.2 Шиловки (рис.36, 36). Аналогичные вознесенским бляшки из п.1 к.2 Брюсян IV (рис.37, 13) могли использоваться и на поясе, но в Вознесенке они, скорее всего, именно сбруйные. Квадратные бляшки из м.I Новогригорьевки (рис.37, 38, 39) прессованы из бронзовой пластины и обтянуты золотой фольгой. В к.1 Шиловки сбруйные украшения также прессованы из золотой фольги: это полусферическая бляшка и бляшка сердцевидная с выступом (Багаудинов Р.С. и др., 1998, табл.VII, 1, 2), близкие вознесенским и глосским (рис.37, 33, 35, 36, 50, 45), также использованы две круглые плоские железные бляшки, обтянутые золотой фольгой.

Украшения. Украшения в мужских комплексах немногочисленны. Уч-Тепе и Старонижестеблиевская включали витые гривны и провололочные браслеты (Иессен А.А., 1965, рис.30; Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991, рис.3,1, 2), с которыми можно сравнить келегейскую гривну (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, Abb.7, 1). Келегейской и глосским пирамидальным подвескам (рис.24, 5, 6) близки золотые подвески из п.248 Дюрсо (рис.30, 28, 29), условно сравнима с ними и арцибашевская серьга (рис.24, 1). Более массовы серьги “хазарского”

типа, по Д.А.Сташенкову (Сташенков Д.А., 1997), – к.1 Шиловки, к.13 Дорофеевки, Романовская. Из них пара серег из к.1 Шиловки (рис.24, 11) ближе всего ясиновским (рис.24, 10), а третья серьга из комплекса (рис.24, 15) – келегейской (рис.24, 16), отличаясь от нее только наличием кольца из зерни. Серьга из Дорофеевки по наличию напаянного кольца для крепления подвесок сравнима с глосской (рис.24, 18).

Относительная хронология. Таким образом, комплексы рассматриваемой социальной прослойки формируют несколько групп, соответствующих стадийным подгоризонтам. Первая – к.5 Виноградного, п.2 к.2 Васильевки, к.14 Белозерки, п.3 к.30 Калининской, Новиковка; вторая – Арцибашево, хут.Крупской; третья – п.1 к.2 Васильевки, Уч-Тепе, Портовое, Мадара; четвертая – к.1 и п.2 к.2 Шиловки, п.1 к.2 Брусан IV, Романовская, к.13 Дорофеевки, п.2 к.1 Березовки I, м.1 Новогригорьевки, п.248 Дюрсо; Новопокровка и п.2 Уфы могут в равной степени принадлежать к группам 2-3. Трудно жестко определить рубеж синхронизации выделенных групп с группами Вознесенки и Перещепины. Горизонту Перещепины здесь соответствуют комплексы групп 1-3. Дальнейшее развитие в сторону группы Вознесенки отражают комплексы группы 3, стадийно близкие Келегеям, но им близки также комплексы группы 2. Наконец, группа Вознесенки стадийно частично соотносится с группами 3 и 4.

Как и в случае с Келегеями при рассмотрении комплексов высшего социального ранга, здесь мы опять сталкиваемся с ситуацией плавного развития культуры, в которой не фиксируется заметного рубежа, по которому можно было бы провести четкую грань между комплексами горизонта Перещепины и Вознесенки. Возможно, это связано с довольно ограниченными временными рамками существования выделенных групп, вследствие чего группы 1-2, 2-3 и 3-4 сосуществовали в рамках одного поколения людей (20-25 лет), т.е. общая продолжительность рассмотренных четырех подгоризонтов – не более 50-60 лет.

Рядовые погребения. Эту группу выделяет, прежде всего, отсутствие золотых поясных деталей, хотя отдельные украшения из золота, уступающие, правда, по роскоши изделиям из рассмотренных выше групп, в таких комплексах все же есть.

Пояс. Наиболее представительную серию находок из рядовых погребений составляют ременные детали “геральдического” стиля. Специального исследования геральдических наборов из кочевнических погребений пока не появлялось. Краткие замечания А.К.Амброза (Амброз А.К., 1971; 1980; 1981) касаются лишь очень небольшой выборки известных исследователю комплексов. Также ограничено и число кочевнических погребений, учтен-

ных в работах В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 1979; 2000) и А.Г.Атавина (Атавин А.Г., 1996). В работах А.И.Айбабина (Айбабин А.И., 1985; 1990; 1999) выборка больше, но степные наборы рассматриваются исследователем в едином контексте с наборами крымских могильников оседлого населения и просто привязываются к системе хронологии крымских древностей. К хронологии аварских древностей привязываются восточноевропейские комплексы в работе Ч.Балинта (Balint С., 1992). Р.С.Орлов при рассмотрении хронологии наборов в основном ограничивается оценками схожих геральдических деталей из другой этнокультурной среды (Орлов Р.С., 1985). А.Г.Атавин и О.М.Приходнюк сравнивают датировки А.К.Амброза, В.Б.Ковалевской, А.И.Айбабина, Г.Е.Афанасьева, Ч.Балинта и В.Ф.Генинга, отбирая устраивающие их даты, но не предлагая собственной *системы* хронологии (Атавин А.Г., 1996; Приходнюк О.М., 2001). В том же русле историографического обзора, но уже с безапелляционным разделом мнений на “тенденциозные”, “убедительные” и “неубедительные” разбирает проблему хронологии Р.Рашев (Рашев Р., 2004, с.105-116).

В последних работах И.О.Гавритухина мы обнаруживаем утверждение исследователя, что проблема изучения и датировки степных погребений с геральдическими поясами им уже решена, причем его “система”, оснований для пересмотра которой исследователь пока не видит, якобы “разрушает целый блок хронологических и этнокультурных построений”, предложенных в наших работах (Гавритухин И.О., 2001в, с.63; 2005). Не оспаривая важность и занимательность исследований И.О.Гавритухина – признанного знатока древностей Восточной Европы времени “геральдики”, мы вынуждены все же заметить, что в печатных работах, на которые ссылается исследователь (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996; Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998), анализируются аварские, крымские, славянские, кавказские, поволжские, приуральские памятники, но именно *степным* погребениям внимания практически не уделено. Собственно, это и не удивительно, учитывая, что целью указанных работ было хронологическое изучение всего лишь славянского Гапоновского клада и аланского могильника Мокрая Балка, хронология же других памятников и культур Восточной и Центральной Европы рассмотрена исследователем мимоходом, в обзорном стиле, хотя и с далеко идущими выводами. Несмотря на внешнюю фундаментальность обзора деталей геральдических поясов по отдельным регионам (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996), в аналитической части работы мы не только не найдем отдельного раздела по степным погребениям, но и атрибуции около половины типов пряжек

и бляшек, распространенных в них. В заключительном же разделе, посвященном общей синхронизации культур Центральной и Восточной Европы, из рядовых кочевнических погребений фигурируют только одно из христофоровских погребений (“1-я пол.VII в.”), Сивашовка (“1-я треть VII в.”) и два погребения из Калининской (“2-я и 3-я четв.VII в.”) (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.92-94). Датировку остальных можно восстановить лишь самостоятельно, путем поиска в интересующих нас комплексах “ИС” (“индикаторов синхронизации”), наделенных у И.О.Гавритухина четкой датой в рамкой одной-двух четвертей столетия.

Самый важный вопрос – как получены эти абсолютные датировки – специально не обсуждается, поэтому проверить достоверность их оснований не представляется возможным. И.О.Гавритухин не обсуждает и относительную хронологию *стенных погребений* с геральдическими деталями, но на основании его “ИС” выделяются две группы комплексов с датами соответственно “1-2 четв.VII в.” и “2-3 четв.VII в.”. Вторая группа небольшая – в нее входят комплексы с псевдопряжками, наконечниками с боковыми выступами и бляшками с птичьими головками. Именно вторая группа, по И.О.Гавритухину, и синхронна Перещепине. Таким образом получается, что остальная масса погребений с “геральдикой” предшествует Перещепине, не составляя с ней одного хронологического горизонта. Прямо об этом исследователь говорит только в отношении Сивашовки, но состав признаков (ИС) северопричерноморской группы погребений очень близок и подталкивает к выводу о одновременности и, возможно, разнокультурности (?) подкурганых погребений с “геральдикой” и комплексов келегейского типа. Продолжать ряд дальше мы не рискуем, оставив решение этого вопроса самому И.О.Гавритухину. Пока же, к сожалению, в указанных работах исследователя мы не видим прямого предмета дискуссии или обсуждения, поскольку в них отсутствует четкая система аргументации выделения групп именно *кочевнических погребений* и их абсолютных дат, а не дат для инокультурных аналогий.

Задача всестороннего изучения и классификации деталей ремней и ремешков геральдического стиля в настоящей работе не стоит и перед нами, поскольку нам важно лишь установить, наблюдается ли в комплексах с геральдическими наборами группировка, сходная с полученными нами выше для комплексов более высокого социального ранга. Техника же изготовления и морфология геральдических деталей также, как и реконструкция ремней пояса, обуви и сбруи, в оформлении которых они использовались, заслуживают рассмотрения в отдельной работе.

Наиболее объемная классификация деталей геральдического стиля на сегодня создана В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 1979; 2000), но, как неоднократно отмечалось многими исследователями, ее использование сопряжено с большими трудностями, если анализируемый предмет не находит точного соответствия в классификации, поскольку степень ее дробности очень высока. Более удобна в нашем случае классификация А.И.Айбабина, созданная для крымских материалов с учетом кочевнических (Айбабин А.И., 1990; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993), которая легко поддается коррекции и дополнению, и поэтому взята нами за основу описательной систематизации деталей геральдического стиля из кочевнических комплексов.

Пряжки из цветных металлов разделяются на типы и варианты по форме рамки и щитка; классификация дана по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990). *Пряжки с В-образной рамкой* представлены двумя типами. Пряжки типа I – к.16 Наташино. Наташинские пряжки (рис.46, 27, 28), – собственно, только поздние дериваты пряжек типа I, по А.И.Айбабину, и представляют собой самостоятельный вариант. Их напоминает пряжка из п.165 Бирского могильника (Мажитов Н.А., 1968, табл.5, 24), но она типологически гораздо более ранняя. Наташинские же пряжки по оформлению (полая рамка без рельефа, форма щитка) близки также к псевдопряжкам.

Пряжки типа II (Айбабин А.И., 1990, с.38-40) более многочисленны. Пряжки из Иловатки, Чебургола и Чапаевского (рис.45, 6-8) – вариант 2; вариант 3 представляют пряжки из Черноморского, Ковалевки и Родионовки (рис.46, 20, 22, 23); вариант 4-1 – пряжка из п.12 к.7 Христофоровки (рис.45, 43); вариант 4-2 – пряжки из п.7 к.7 Христофоровки, п.10 к.2 Рисового, Дымовки (рис.45, 44-46); вариант 4-3 – пряжки из к.35 Виноградного, Дымовки, п.12 к.7 Христофоровки (рис.45, 30, 38, 39); вариант 4-4 – пряжки из к.5 Виноградного, Сивашского, “Царского кургана” (рис.45, 40-42) и Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.6, 6), поздний дериват пряжек этого варианта был в Октябрьском (рис.46, 30); вариант 5 – пряжка из хут.Крупской (рис.45, 9).

Псевдопряжки представлены двумя вариантами: вариант 1 – литые псевдопряжки из Чапаевского (рис.45, 5); вариант 2 – тисненные псевдопряжки из Малаев (рис.45, 4).

Византийские “*лировидные*” *пряжки* (Айбабин А.И., 1990, с.41) в кочевнических комплексах представлены тремя вариантами: вариант 1 – пряжки из Перещепины (рис.46, 24, 25); вариант 3 – пряжки из хут.Крупской, п.2 Рябовки, “Царского кургана”, Изобильного, Епифаново (рис.45, 10, 11; 46, 1-3, 7); вариант 5 – пряжки из Дымовки, Костогрызово, Епифаново, п.7 к.1 Бережновки I (рис.45,

12-14, 21). Последний можно разделить на два под-варианта по форме щитка: вариант 5-1 – с выступами в виде двух полосок (рис.45, 21), вариант 5-2 – с выступами в виде птичьих головок (рис.45, 12-14). Также к лировидным варианта 2 близка пряжка из “Царского кургана” (рис.46, 6), но у нее нет выраженных выступов в месте соединения рамки и щитка. Следует отметить, что более выразительных кавказских вариантов “лировидных” пряжек в кочевнических комплексах нет, тут можно лишь условно считать их дериватом пряжку из Арцибашево (рис.50, П26).

Более поздними вариациями лировидных пряжек являются пряжка из Вознесенки (рис.46, 15) и пряжки с “вытянутыми губами” из п.1 к.111 Бережновки II, к.1 Шиловки, кат.15 Старого Салтова и т.п. (рис.33, 6, 9, 12).

Пряжки с овальной рамкой, имеющей углубление для язычка без выступов-ограничителей, разделены на два варианта: вариант 1 – бесщитковые: Костогрызово (таб.46, 19); вариант 2 – с неподвижным щитком: п.3 к.30 Калининской (рис.46, 4, 5); вариант 3 – с подвижным щитком – п.7 к.7 Христофоровки (рис.46, 21). Поздними дериватами варианта 2, учитывая их предсалтовскую позицию, можно условно считать пряжки из Геленовки (рис.33, 13, 17).

Оригинальные большие поясные пряжки найдены в п.1 к.2 Васильевки, к.2 Белозерки и Малая (рис.45, 1-3). Они имеют широкую овальную рамку с углублением для язычка, декорированную насечками при помощи узкого зубильца, и подвижный щиток из двух полосок (рис.45, 2, 3) или цельный, но с глубоким вырезом (рис.45, 1). При внешней схожести с пряжками с рифленой V-образной рамкой V-VI вв. (Афанасьев Г.Е., 1980, рис.2, 14, 16; Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989; Csallany D., 1961, taf.CXLII, 8) они составляют совершенно самостоятельный тип и в комплексах с “геральдикой” известны пока только в рассматриваемой нами кочевнической группе.

Пряжки с четырехугольной рамкой А.И.Айбабин объединил в один вид, разделенный на два типа: щитковые и бесщитковые (Айбабин А.И., 1990, с.48-50), но рациональнее все же разделить пряжки на два типа по форме рамки с параллельными вариантами по форме щитка. Тип I – с прямоугольной, а тип II – с трапециевидной рамкой. Бесщитковые: вариант I-1-а – пряжка из Иловатки (рис.45, 15) с широкой полой рамкой; вариант I-1-б – пряжки из Бородаевки (Синицын И.В., 1947, рис.88), Келегеев и Новых Санжар (рис.46, 9, 10); вариант I-1-в – пряжка из к.1 Ясырево II с ограничителями для язычка (рис.46, 14); вариант II-1 – пряжки из Арцибашево и “Царского кургана” (рис.46, 8, 13), им близка также пряжка с отломан-

ным щитком из п.248 Дюрсо (рис.30, 20). Пряжки с прямоугольным щитком: вариант I-2 – пряжки из Портового, Зиновьевки (рис.45, 16, 17), к.13 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.83,6); вариант II-2 – крупные пряжки из к.5 Виноградного, п.12 к.7 Христофоровки и Арцибашево (рис.45, 18-20) и более мелкие из Сивашовки и “Царского кургана” (рис.45, 22, 23). Вариант 3 – с полукруглым или “щитовидным” щитком и вариант 4 – со щитком с боковыми вырезами – представлены пока только для типа II: вариант II-3 – пряжки из Чапаевского, Авилковского, Богачевки, к.5 Виноградного, Аккерменя, п.1 Васильевки, Костогрызово, Келегеев, Вознесенки (рис.45, 24-29, 35-37); вариант II-4 – Сивашовка, к.5 Виноградного, п.1 к.111 Бережновки II (рис.45, 31-34). Вариант 5 – пряжка с трапециевидной рамкой и подвижным щитком из Новоселок (Богачев А.В., 1998, рис.8, 2) в рассматриваемой группе оригинальна, она близка к пряжкам варианта II-2, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.49; рис.46, 2, 3).

Отдельно нужно отметить пряжки с прямоугольной рамкой и выступами-ограничителями для язычка из Перещепины, Вознесенки и Мокрой Балки (рис.46, 11, 16, 17).

Железные пряжки использовались для ремней сбруи, пояса и обуви, отличаясь в размерах, но повторяясь в типах, что позволяет рассмотреть их совокупно. Пряжки представлены четырьмя типами. Тип I – четырехугольные. Вариант I-1 – прямоугольные (рис.47, 1, 3, 6, 10); вариант I-2 – трапециевидные (рис.47, 2, 4, 5, 7, 8). Пряжки этого типа в большом количестве представлены в Вознесенке, где они в основном сбруйные. В п.248 Дюрсо трапециевидная железная пряжка была поясной, а в Сивашовке и Сивашском такие пряжки использовались для застежек обуви. Пряжки варианта I-1, как отмечалось выше, представлены подвариантом с щитком в виде двух бронзовых полосок (Вознесенка, Новые Санжары, Заплавка) (рис.47, 1, 2). Тип II – овальные (рис.47, 13, 15, 16, 18-20). Этот тип распространен в подкурганых погребениях (к.17 Наташино, к.24 Малой Терновки, Портовое, Сивашовка, Сивашское), причем в большинстве случаев именно овальные железные пряжки и были основными поясными пряжками. Тип III – сегментовидные (рис.47, 21, 22) – Аджиголь, п.1 к.2 Васильевки. Тип IV – “восьмеркообразные” пряжки (рис.47, 11, 12) – Вознесенка, п.3 к.30 Калининской; такие же бронзовые были в п.1 к.2 Брусан IV (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.LXX, 6, 7). Тип V – “лировидные” пряжки – два железных экземпляра из Уч-Тепе напоминают по форме пряжки типа IV, но больше – поясные “лировидные” пряжки варианта I.

Бляшки. Двусоставные “двурогие” бляшки представлены вариантами 1-2 (рис.48, 30, 31), 1-3

(рис.48, 33) и 1-4 (рис.48, 32), по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.52), также нужно отметить прессованные с псевдогрануляцией бляшки из Уч-Тепе (рис.48, 34). *Односоставные “двуругие” бляшки* аналогичны верхней части двусоставных бляшек вариантов 1-2 и 1-4 (рис.48, 21, 22, 28, 29); выделяется только бляшка из Иловатки (рис.48, 23), которая является, скорее всего, их прототипом, близким к двучастным накладкам с боковыми вырезами (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.35, 21, 29-31).

Т-образные бляшки представлены вариантами 2 (рис.48, 46-48, 51, 52, 55), 3 (рис.48, 53), 7 (рис.48, 56) и 8 (рис.3, 3) (Айбабин А.И., 1990, с.53); в Келегеях был обломок Т-образной бляшки (рис.48, 54), а в Портовом и хут. Крупской – бляшки, декорированные инкрустацией и зернью (рис.48, 49, 50). Аналогии Т-образным бляшкам из других регионов собраны И.О.Гавритухиным (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.26, 27; рис.37; 38).

Щитовидные бляшки довольно разнообразны, поэтому их трудно уверенно разделить на варианты, особенно учитывая тот факт, что выборка кочевнических комплексов с “геральдикой” пока все еще невелика. Но, все же, даже на этом материале разделение их А.И.Айбабиным только на 3 варианта (Айбабин А.И., 1990, с.54) выглядит недостаточным. Следует выделить пять основных вариантов по форме вырезов на бляшках. Вариант 1 – бляшки с полуовальным вырезом (рис.48, 2, 3, 8); вариант 2 – бляшки с полукруглым вырезом сверху (рис.48, 4-7), сюда же можно отнести и бляшку из Чапаевского (рис.48, 13); вариант 3 – бляшки с круглым вырезом в верхней части щитка (рис.48, 1, 11, 12, 19, 20); вариант 4 – бляшки с волнистым вырезом по центру щитка (рис.48, 9, 10, 14-18); вариант 5 – бляшки с прямоугольной прорезью в верхней части щитка (рис.48, 25-27). Конечно, есть и комбинации вариантов (рис.48, 11, 27).

Трехлопастные бляшки – украшения обуви – также нужно разделить немного иначе, чем А.И.Айбабин (Айбабин А.И., 1990, с.54-55), на четыре варианта: вариант 1 – бляшки с фигурными лопастями (рис.48, 40) (Айбабин А.И., 1990, рис.51, 52); вариант 2 – бляшки с простыми щитками и тремя отверстиями в центре (рис.48, 39); вариант 3 – литые или прессованные бляшки с простыми щитками и треугольным или фигурным углублением в центре (рис.48, 41) (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, табл.ХХIII, 3; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.47, 27, 28; рис.48, 19; рис.60, 20); вариант 4 – чисто декоративные тисненные бляшки из Вознесенки (рис.48, 41) и Новых Санжар (Смиленко А.Т., 1968, рис.1, 5); совсем поздние их дериваты – бляшки из Камунты и Галиата (рис.37, 51, 52). Четырехлопастные бляшки в рассматриваемых

комплексах есть только в инкрустированном варианте из к.14 Белозерки (рис.19, 40).

Двуцифковые застежки обуви представлены четырьмя вариантами: 1 (рис.48, 45) и 2 (рис.48, 42-44), по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.54), а также дополнительными вариантами 3 с инкрустацией (рис.19, 42, 43) и вариантом 4 с грануляцией (рис.48, 36-39) (анalogии см.: Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.40). И.О.Гавритухин объединил с ними двусторонние бляшки-разделители (рис.49, 38, 39), но их зачисление в один тип с предыдущими мы считаем некорректным, так как они различны по форме и функциональному предназначению.

“Восьмеркообразные” бляшки были в пяти погребениях из Богачевки, Изобильного, п.12 к.13 Рисового, Зиновьевки и Сивашовки (рис.48, 62-64), но все они, фактически, представляют собой разные варианты. Наиболее распространенным является вариант из Зиновьевки (рис.48, 63), представленный в таком виде в Крыму (Айбабин А.И., 1990, рис.51, 3), Подунавье (Мавродинов Н., 1959, рис.2), Абхазии (Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, рис.22, 11-13, 15), остальные индивидуальны.

Фигурные бляшки из Сивашовки и Чапаевского (рис.48, 35, 36) использовались для украшений узды и других ремешков.

Омегообразные бляшки, характерные для крымских (Айбабин А.И., 1990, рис.51, 31, 32, 33), ранневарских (Salamon A., 1969, Abb.5, 21) и славянских (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.21, 22-31; 55, 10, 11) комплексов, в кочевнических наоборот редки и представлены только в Чапаевском, Келегеях и Сивашском (рис.48, 37, 38).

В п.10 к.4 и п.3 к.30 Калининской были *бляшки с прорезью и птичьими головками* (рис.48, 58, 59), их инкрустированной имитацией, скорее всего, являются бляшки из Портового (рис.48, 60). Аналогичные бляшки известны в Боче (рис.5, 16), Гудермесе, Мокрой Балке (Гавритухин И.А., Обломский А.М., 1996, рис.82, 45; 87, 21), похожие, но другие по оформлению – в славянскихкладах из Вильховчика (Приходнюк О.М., 1980, рис.61, 7, 8) и Козиевки (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.55, 7), причем в последнем наборе также была и бляшка в виде птичьей головы (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.55, 12), сходная с бляшкой из п.3 к.30 Калининской (рис.48, 57). Интересны также подобранные Ч.Балинтом сирийские и иранские аналогии таким бляшкам (Balint Cs., 1992, taf.31, 5-7, 10, 20).

К поясным деталям относятся также *колчаные крюки*. Вариант 1 – литой экземпляр из п.10 к.4 Калининской (рис.49, 37), аналогичный экземплярам из Бочи (рис.5, 15) и Кунбабоня (Toth E., Horvat A., 1992, Taf.21, 5). Вариант 2 – железные крюки из Костогрызово и п.4 к.11 Шелехметьского II могиль-

Рис. 24. Украшения: 1 – Арцибашево; 2, 4 – Усть-Каменка; 3 – Брусяны II, к.2, п.1; 5, 18 – Глодосы; 6, 16 – Келегеи; 7, 30, 31 – Крыловка; 8, 14 – Новые Санжары; 9 – Перещепина; 10 – Ясиново; 11, 15 – Шиловка, к.1; 12 – Морской Чулёк; 13 – Музей исторических драгоценностей Украины (Киев); 17 – Директорская Горка, п.5; 19 – Романовская; 20, 21 – Новопокровка; 22-29 – Аккермень; 32 – Джигинская; 33 – Уфа, п.2.

Fig. 24. Ornaments: 1 – Artsibashevo; 2, 4 – Ust-Kamenka; 3 – Brusyany II, barrow 2, burial 1; 5, 18 – Glodosy; 6, 16 – Kelegei; 7, 30, 31 – Krylovka; 8, 14 – Novyie Sanzhary; 9 – Pereshchepina; 10 – Yasinovo; 11, 15 – Shilovka, barrow 1; 12 – Morskoi Chulyok; 13 – Museum of historical valuables of Ukraine (Kiev); 17 – Directorskaia Gorka, burial 5; 19 – Romanovskaya; 20, 21 – Novopokrovka; 22-29 – Akkermen; 32 – Dzhigin-skaya; 33 – Ufa, burial 2.

ника (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 10), сходные с крюками из ранней группы раннесалтовских курганов. Крюками для колчана также часто называют детали из Епифанова и п.12 к.7 Христофоровки (рис.49, 35, 36), ближайшие аналогии которым находим у авар: епифановскому аналогичен крючок из Бочи (рис.5, 20), а христофоровскому – из п.147 Кёрнье (Salomon A., 1969, Abb.4, 10), но в Боче, как отмечалось выше, был и другой “колчанный крюк”, т.е. функциональное предназначение таких предметов не стоит жестко суживать.

Наконечники ремней довольно разнообразны. Наиболее распространенный тип поясных наконечников – это коробчатый наконечник, состоящий из двух U-образных пластинок одинакового размера, стыки между которыми запаивались выгнутой узкой пластинкой (рис.49, 1-9, 12). Прорезной декор для таких наконечников отмечен только в к.5 Виноградного (рис.49, 9), Сивашском и к.24 Новинок II (Матвеева Г.И., 1997, рис.107, 7), остальные не орнаментированы. Также по размерам мог быть поясным и наконечник из Арцибашево (рис.49, 13), но типологически в рассматриваемой группе он принадлежит к наконечникам дополнительных ремешков, тем более, что в поясную арцибашевскую пряжку он, как и наконечник кат.9 Перещепины, не проходит.

Наконечники дополнительных ремешков мы, вслед за О.И.Гавритухиным, собравшим наиболее объемную выборку таких изделий (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.43; 45; 46), разделяем на три типа по форме: тип I – наконечники с прямыми сторонами (рис.49, 18-31, 40, 41); тип II – наконечники с боковыми вырезами (рис.49, 13-16); тип III – наконечники с боковыми выступами (рис.49, 17, 32-34). Тип I состоит из двух подтипов – с округлым и заостренным окончанием, которые, в свою очередь, разделяются на варианты. Вариант I-1-1 – наконечники с продольной прорезью (рис.49, 21, 22, 26). Вариант I-1-2 – наконечники с двумя отверстиями в верхней части (рис.49, 40, 41). Вариант I-1-3 – наконечники с дополнительной треугольной или волнистой прорезью (рис.49, 18). Подтип 2 разделен на два подтипа по пропорциям:

подтип 1 – широкие приземистые наконечники из Малой Терновки (рис.49, 31) и “Царского кургана” (Атавин А.Г., 1996, табл.17, 8); вариант 2 – пропорционально более узкие (рис.49, 19, 20, 23-25, 27-30). Последние по декору делятся на подварианты: вариант I-2-2a – с продольной прорезью (рис.49, 25, 27-30); вариант I-2-2б – с треугольной (рис.49, 19, 20, 23, 24). Тип II делится только на два варианта по размерам и декору. Вариант 1 – наконечник из Арцибашево (рис.49, 13). Он несколько чужероден в выборке и, учитывая аналогии из Гапоновского, Мартыновского и Трубчевского кладов (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.23, 18; Корзухина Г.Ф., 1996, табл.19, 24; Приходнюк О.М. и др., 1996, рис.8, 4), возможно, получен от славян. Вариант 2 – небольшие наконечники из Сивашовки, Чапаевского, Богачевки (рис.49, 14-16). Тип III разделен на два варианта: вариант 1 – небольшой наконечник с треугольной прорезью из “Царского кургана” (рис.49, 17); вариант 2 – узкие длинные наконечники из Малаев, Аджиголя, п.10 к.4 Калининской, п.2 к.1 Березовки I (рис.49, 32-34), причем следует заметить, что литые есть только в п.10 к.4 Калининской, остальные прессованные.

Двучастные наконечники (или, возможно, накладки ремешков) были только в Васильевке: вариант 1a, по И.О.Гавритухину, – п.1 к.2 Васильевки (рис.19, 22), а вариант 2a – п.2. к.2 Васильевки (рис.19, 33) (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.24).

Из разнообразных дополнительных деталей, в первую очередь, нужно отметить скобы и обоймы, некоторые из которых повторяют формы геральдических щитков (рис.49, 47-49, 51). Наиболее стабильной является форма ремешковых скоб (рис.49, 45, 46), которые только различаются в размерах, в зависимости от ширины ремней.

Рассматривая картину в целом, прежде всего, в глаза бросается выраженная индивидуальность наборов. Даже однотипные детали обязательно различаются в мелких чертах оформления, технике исполнения, повтор же в наборах разных комплексов больше двух-трех однотипных деталей наблюдается редко. В определенном смысле это характери-

зирует само общество, где каждый его член, даже рядовой, пытался выделиться внешним видом.

Механический статистический анализ встречаемости типов деталей в комплексах в нашем случае практически бесполезен – из-за малой выборки статистическому анализу поддается только очень дробный набор признаков формы, конструкции и декора деталей, воспроизвести который в публикации довольно сложно. Частично заменить его позволяет графическая корреляция признаков (рис.50), под которыми объединены не только однотипные детали, но и близкие по стилю оформления. Наряду с кочевническими, на рис.50 условно введены два инокультурных комплекса: Боча и п.402 Дюрсо. Как уже указывалось выше, комплекс из Бочи содержит детали геральдического стиля, аналогичные восточноевропейским, поэтому в таблице он условно замещает Перещепину, практически лишенную геральдических деталей, пригодных для сравнения; а п.402 Дюрсо введено для увязки признаков 22 и 26 (далее: “П22”, “П26” и т.п.), а также, в некотором роде, как “контрольное”.

Устойчивых комбинаций признаков очень мало, выделяются лишь небольшие блоки (рис.50): П1-П2-П3-П11; П2-П9-П12-П13-П14; П7-П10, П17-П21; П20-П21; П21-П25; П21-П23-П24; П27-П36; П31-П34-П35; П37-П38-П39. К разряду “сильных” единичных признаков можно отнести поясные пряжки. П15 объединяет пряжки из Чапаевского, хут. Крупской и Иловатки, сюда же относится пряжка из Чебургола; П19 – пряжки из Малаев, п.1 к.2 Васильевки и к.2 Белозерки, также по форме рамки и подвижному пластинчатому щитку с ними сравнима пряжка из п.4 к.11 Шелехметьского II могильника (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 23), которая близка васильевской и железным язычком. П20 не совсем ровен: цельный блок составляют пряжки с птичьими головками из Епифанова, Костогрызово и Дымовки; к ним близки пряжки из Дюрсо и п.7 к.1 Бережновки I; пряжка из п.1 к.111 Бережновки II внешне схожа с ними, но она принадлежит уже к другому этапу развития таких пряжек; пряжка из хут.Крупской зачислена в признак по форме рамки и язычка, ей аналогична пряжка из п.2 Рябовки. П27 жестко объединяет между собой пряжки из п.12 к.7 Христофоровки, Арцибашево и к.5 Виноградного; другая подгруппа: пряжки из Сивашовки, к.13 Рисового и “Царского кургана”, остальные пряжки признака индивидуальны. В П29 подгруппы составляют пряжки из п.12 к.7 Христофоровки, к.35 Виноградного, Дымовки, к ним же по форме щитка условно примыкает пряжка из п.7 к.7 Христофоровки, хотя сам щиток относится к П24; вторая подгруппа: пряжки из к.5 Виноградного, Уч-Тепе и Сивашовки, остальные индивидуальны. В П11 две подгруппы: пряжки из

Келегеев, Костогрызово и вторая: пряжки из Богачевки, к.5 Виноградного, п.1 к.2 Васильевки, Новиковки, сюда же относятся пряжки из Аккермена и к.17 Наташино, неучтенные в корреляции; позиция пряжки из Авилковского (рис.45, 27) индивидуальна. Бляшка из Арцибашево в П34 одновременно сочетает признак П36 – длинную прорезь вверх. Очень условны П28 и П26: реальных лировидных пряжек кавказского вида в кочевнических погребениях нет, но, на наш взгляд, есть дериват из Арцибашево и железные имитации из Уч-Тепе; в П28 же собраны “восьмеркообразные” бляшки разных вариантов. Также условно и сравнение огранки рамки пряжки из Епифанова с рифленой рамкой пряжки из Бочи в П5. В П30 прямая связь только между наконечниками из Изобильного и Сивашовки, а также п.12 к.13 Рисового и п.3 к.30 Калининской.

Рассматриваемые комплекты деталей геральдического стиля довольно однородны по стилю оформления: комбинации круглых, треугольных, волнистых прорезей, прорезей в виде “запятах” и “галочек” повторяются на бляшках, пряжках и наконечниках; птичьи головки использованы для оформления пряжек и бляшек. Ни комбинации признаков или отдельных типов геральдических деталей, ни стилистические особенности декора пока не дают надежных оснований для статистической группировки комплексов, отражающей хронологические группы. Более продуктивной представляется технология изготовления наборов. Обратим внимание на комплексы группы Уч-Тепе: в самом уч-тепском погребении двурогая двучастная бляшка (П35) выполнена тиснением, а не литьем, а в п.1 к.2 Васильевки пряжка П11 прессована с последующей заливкой изнутри свинцовым (?) сплавом. Признак П19, связывающий п.1 к.2 Васильевки с Малаями, оказывается не единственным, поскольку весь набор бляшек из Малаев выполнен тиснением. Тисненные наконечники П16 были не только в Малаях, но и в п.2 к.1 Березовки I горизонта Вознесенки (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000, рис.5, 9, 10), а также в Аджиголе (рис.49, 33), п.1 к.7 Новинок II, п.30 Борисово (Саханев В., 1914, рис.20, 9). Серия прессованных наконечников П16 нарушается только литыми из п.10 к.4 Калининской, но этот комплекс близок к погребениям группы Уч-Тепе и признаком П35. В Дымовке прессованная U-образная бляшка с наколотой псевдозернью подражает золотым прессованным изделиям с псевдозернью из Уч-Тепе. В Костогрызово в технике прессовки выполнены двущитковые застежки обуви варианта 1, щитовидные бляшки без прорезей, а также круглая плоская бляшка с надчеканкой в виде концентрических кружков. В Родионовке в технике прессовки выполнены два серебряных наконечника, по форме и скошенным граням подражающих литым

Рис. 25. Кубки: 1-3 – *Перещепина*; 4 – *Боча*; 5 – *Кунагота*; 6 – *Китай*. Масштаб разный.
 Fig. 25. Goblets: 1-3 – *Pereshchepina*; 4 – *Botsa*; 5 – *Kunagota*; 6 – *China*. The scale is different.

геральдическим; на одном есть надчеканка в виде кружков. Аналогичные прессованные наконечники были и в п.1 к.2 Васильевки. Надчеканка в виде кружков есть на литой трехлопастной бляшке из п.9 к.5 Ясырево III (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, табл. XXIII, 3), которая по технике и манере исполнения является уже явным дериватом геральдических. Такая же надчеканка наблюдается и на оригинальной пряжке из п.5 к.9 Богачевки (рис.46, 29), которая пока не имеет близких аналогов и либо относится к группе погребений 1-й пол. VI в. (Комар А.В., 2004а), либо же связана с возобновлением традиции маленьких обувных пряжек с овальной рамкой и подвижным пластинчатым щитком, наблюдаемой в Глодосах (Сміленко А.Т., 1965,

рис.17). Вполне могла бы быть отнесена к горизонту Вознесенки пряжка “с вытянутыми губами” из п.1 к.111 Бережновки II (рис.33, 9), но присутствие в комплексе только литых геральдических деталей позволяет вспомнить и о пряжке “с вытянутыми губами” из Келегеев. Геральдические бляшки из п.1 к.2 Васильевки (рис.48, 8, 28, 30) выделяются на общем фоне увеличенными размерами и заметной грубостью исполнения, напоминая по стилю поясной набор из п.1 к.182 Алтыназара 4е (Левина Л.М., 1996, рис.138).

Также увеличенными размерами подчеркнут и набор из Иловатки (рис.45, 6, 15; 48, 1, 23), но здесь другая манера исполнения деталей: они не имеют характерных резких очертаний и скошен-

ных краев деталей геральдического стиля. Прямо с рассмотренной нами группой геральдических поясов здесь соотносима только пряжка (рис.45, б), но в остальном набор создает впечатление более раннего, являющегося прототипом развитых геральдических наборов других подкурганских погребений, и в этой оценке мы согласны с И.О.Гавритухиным (Гавритухин И.О., 1996, с.123). К горизонту Иловатки исследователем первоначально было отнесено и погребение из Новоселок (Гавритухин И.О., 1996, рис.4), но позже, в полемике с А.В.Богачевым, позиция Новоселок исследователем была “размыта” в рамках всего диапазона существования гарнитур геральдического стиля (Гавритухин И.О., 2000, с.27, 28). Прямых аналогий в рассматриваемой нами группе кочевнических погребений новоселковская пряжка пока не имеет, что действительно может быть косвенным поводом для отнесения новоселковского погребения к более раннему горизонту, но учитывая контекст таких находок в комплексах Крыма и Северного Кавказа, оснований для сужения позиции Новоселок пока действительно нет.

Пожалуй, самый важный для нас вопрос – это все же выделение группы комплексов с “геральдикой” горизонта Бочи-Перещепины. Основными индикаторами тут выступают признаки П1-8, 10, 11. Псевдопряжки связывают с Перещепиной и Келегеями только два погребения из Чапаевского и Малаев. Т-образные застёжки (П2) – признак наиболее массовый в рассматриваемой группе. За исключением бляшки с “рогатым” щитком из Малаев и бляшки с U-образным щитком из хут.Крупской, остальные имели “щитовидные” щитки. П3 связывает Перещепину и Бочу с Келегеями и Чапаевским, а П4 – с Портовым. Признаки П5-6 сближают Бочу с Епифановым, Изобильным, п.3 к.30 Калининской и “Царским курганом”; П7 – с двумя погребениями из Калининской и Портовым, П8 – с Епифановым и условно п.12 к.7 Христофоровки, П10 – с п.10 к.4 Калининской. Признак П11, как минимум, синхронизирует Келегеи и Костогрызово. Упомянутые кочевнические комплексы содержали, в свою очередь, также признаки: П12-24, 27-31, 34, 35.

“Контрольные” комплексы Северного Кавказа с отдельными деталями горизонта Бочи демонстрируют очень близкий набор признаков. В п.402 Дюрсо были признаки: П20-22, 25, 26; в кат.11 Чми (Гавритухин И.А., Обломский А.М., 1996, рис.82, 97-114): П2, 10, 20, 21, 29, 30, 37 (дополнительно следует отметить наконечник и P-образные скобы с грануляцией, а также четырехлопастную бляшку, близкую бляшке из к.14 Белозерки) (рис.19, 40); в Гудермесе (Гавритухин И.А., Обломский А.М., 1996, рис.82, 43-46): П7, 8, 12; в кат.117 Мокрой балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.134):

П7, 11, 26 (а также: пирамидальная серьга, аналогичная арцибашевской, прессованный наконечник с псевдогрануляцией с расположением треугольников зерни ободком, как в Мадаре и Вознесенке, прессованные подражания круглым бляшкам со вставкой, аналогичные уч-тепинским); в дромосе 8 Клино-Яра III (Флёров В.С., 2000а, рис.31): П7, 11. В кат.11, 16, 17, “Д” Чми (Гавритухин И.А., Обломский А.М., 1996, рис.82) находились признаки: П2, 3, 10, 14, 20, 21, 25, 26, 29, 30, 31, 34, 35, 37. В Скалистом (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993) склепы 107, 321, 420, 422, 447, 462, 486 содержали признаки: П2, 3, 6, 11-13, 22, 25, 27, 29-31, 35, 37, 38; а п.7 с.180 Керчи (Засецкая И.П., 1998, табл. XIX): П2, 12, 21, 33, 35, 38. Совстречаемость рассмотренных нами признаков как в кочевнических, так и в соседних им северокавказских и крымских комплексах, позволяет уверенно констатировать, что основной горизонт кочевнических погребений с литыми геральдическими деталями монолитен и хронологически близок Перещепине и Келегеям, отражая с ними один этап развития культуры кочевников Восточной Европы.

Единственное степное погребение с наборным поясом, достоверно предшествующее горизонту Перещепины, – это Иловатка. Несколько странно, но крайне малочисленны и комплексы с прессованными поясными деталями без включения “геральдических” элементов. Это – погребения из Заплавки, Дорофеевки и к.2 Брусян II (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XL, 18-26). В последнем комплексе находились обломки набора с “цветочным” декором, близким декору вознесенских сбруйных бляшек. Квадратная железная пряжка из Заплавки со щитком в виде двух бронзовых полосок (рис.47, 1) находит прямые аналогии в Вознесенке и Новых Санжарах. Плоские круглые бляшки со слегка скошенными гранями, кроме Заплавки, в это время известны в Костогрызово, п.1 к.2 Березовки I (рис.36, 46), п.1 к.2 Брусян IV и кат.29 Клино-Яра III (Флёров В.С., 2000а, рис.39, 16-18). U-образные прессованные бляшки из Заплавки (рис.36, 12) напоминают экземпляры из п.7 Дунапентеле (Garam E., 1995, Abb.2, 7), а бляшки с имитацией “жемчужника” по контуру (рис.36, 12) – бляшки из Камунты (рис.34, 17). По сравнению с упомянутыми аналогиями, заплавские бляшки уже очень далеко отошли от византийских прототипов и маркируют фазу развития культуры даже несколько более позднюю, чем сама Вознесенка; это же можно сказать и о к.2 Брусян II.

Оружие. В Чапаевском и Сивашовке находились однолезвийные мечи с P-образными скобами (рис.44, 3, 4), аналогичные по оформлению ножен и рукоятей экземплярам из к.5 Виноградного и Уч-Тепе. Похожий меч, но короче и без P-образных

скоб, был и в Изобильном (рис.44, б). Из группы несколько выделяется только сивашовский меч, имевший двустороннюю заточку на конце клинка и утяжеляющее “перекрестье” в виде обернутой широкой железной пластины. Эти конструктивные детали сближают сивашовский меч с подарочным мечом из Перещепины и аналогичными аварскими экземплярами I и II среднеаварского периодов (Засецкая И.П., 1998, кат.25). Меч из Заплавки (рис.44, 10) двулезвийный и имел прямое перекрестье, а в п.4 к.11 Шелехметьского II могильника найден экземпляр “классической” салтовской сабли с прямым перекрестьем, который сопровождался также небольшими “салтовскими” типами трехлопастных наконечников стрел (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 8, 9, 15). Других отличий в наборе вооружения рядовых погребений не наблюдается.

Снаряжение коня. “Восьмеркообразные” стремяна варианта I-1-а отмечены в погребениях из Журавлихи и Заплавки (рис.39, 4), обломки такого же стремени были также в к.17 Нагашино, стремяна варианта I-2-а – в к.1 Рождественского III (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.27, 8), а варианта I-2-б – в п.4 к.11 Шелехметьского II могильника (рис.41, 1). В Ковалевке найдено аркообразное стремя неопределенного типа (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, с.55), а в п.10 к.4 Калининской – типа III (рис.40, 5). Тип удила определяется лишь для Сивашовки – грызла варианта 2 с восьмеркообразными окончаниями и костяными псалями, форма которых не установлена, а также для п.4 к.11 Шелехметьского II могильника – грызла варианта 3 с прямыми костяными псалями, в которые вбиты прямоугольные скобы (Бражник О.И. и др., 2000, рис.5, 1), что визуально сближает эти удила с вознесенскими с литыми гвоздевидными псалями (рис.43, 1).

Сбруйные украшения среди бляшек геральдического стиля идентифицировать можно только по материалам зафиксированной *in situ* узды из Сивашовки. Это в основном литые детали, на которых наблюдаются прорезывание (а иногда и пропилены) от круглых отверстий к краю бляшки, а также насечки по краю (рис.48, 65-68; 49, 28, 50).

Украшения. Набор украшений в рядовых погребениях небогат и поэтому материала для сравнения очень мало.

Серьги с овальным кольцом трех вариантов. Вариант 1 – овальное кольцо с одной маленькой бусиной (рис.24, 4) – к.63 Усть-Каменки и погребения новинковского типа (Сташенков Д.А., 1997, рис.1, 24; Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.XLV, 13); вариант 2 – с напаянным широким диском и шипом сверху (рис.24, 7) – Крыловка; вариант 3 – серьги “хазарского” типа, по Д.А.Сташенкову (Сташенков Д.А., 1997, с.63), – п.4 к.11 Шелехметьского II могильника (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 22).

Серьги с овальным или округлым кольцом и припаянной внизу пирамидкой из одного крупного и нескольких мелких шариков (рис.24, 2, 3) – к.63 Усть-Каменки, п.1 к.2 Брусян II; известны также на Пастырском городище (Приходнюк О.М., 1996, рис.7, 14) и у авар (Garam E., 1992, Taf.3, 4; 28, 1-2; 29, 3; 34, 9, 10).

Браслеты известны пока только в бескуранных ингумациях. В п.1, 2 Максимовки находились массивные бронзовые браслеты с утолщениями на концах (Левченко Д.И., 2001), аналогичные по форме браслетам из Морского Чулёка (рис.51, 16), но широко распространенных в V-VIII вв. у оседлых народов. А в п.1 и 4 Рябовки найдены браслеты из узкой пластинки со змеиными головками на концах (рис.51, 9-11). Судя по многочисленным аналогиям из “антских” кладов (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.51, 2, 3, 7-12; 104, 1-5), они вполне могли быть заимствованы кочевниками у славян, правда, нужно учесть и синхронные северокавказские аналогии (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.40, 3, 4).

Бусы в подкуранных погребениях крайне немногочисленны; типы бус определены только для 6 погребений. В Айвазовском находилась стеклянная реберчатая голубая бусина (Кругликова И.Т., 1957, рис.1, 1) отдела 2 типа б, по В.Б.Ковалевской, или МЕР № 113-115 согласно последней работе (Деопик В.Б., 1961, с.218; Ковалевская В.Б., 2000, с.18-20). В погребениях из Крыловки и Аккермена находились стеклянные дву- и трехчастные бусы (рис.24, 25-28, 31) отдел 1 тип 3, по В.Б.Ковалевской (МЕР № 143, 144) (Деопик В.Б., 1961, с.217; Ковалевская В.Б., 2000, с.35, 36). На бусах из Аккермена отмечены следы “позолоты”, т.е. покрытия поверхности желтым стеклом. Такая техника считается поздним признаком, характерным для бус VIII-XI вв. Ребристая трехчастная бусина (рис.24, 30) типа I/9, по С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1989, рис.63), или МЕР № 111, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.117, 118), найдена в Крыловке, такие бусы характерны в основном для VIII-IX вв. Также преимущественно в комплексах VIII-IX вв. попадают и бисерные бусы из прозрачного стекла, пронизка которого была в п.1 Рябовки (Обломский А.Н., Терпиловский Р.В., 2001). Каменные бусы, в основном, янтарные: в Аккермене это – биконические и овальная бусины (рис.24, 22-24), а в Новопокровке и Келегеях – бочковидные (Гаврилов А.В., 1996; Тахтай А., (год не известен), Келегейский ...).

Все упомянутые типы бусин, по В.Б.Ковалевской, наиболее характерны для VIII-IX вв. (Деопик В.Б., 1961; Ковалевская В.Б., 2000) и лучше всего представлены в салтовских могильниках. Этот немногочисленный набор, тем не менее, заметно отличается от синхронных наборов бус соседних славянских кладов или крымских погребений, в

Рис. 26. Предметы технологической группы V из Перещепины. Масштаб разный.
Fig. 26. Items of technological group V from Pereshchepina. The scale is different.

которых нет многочастных бусин с позолотой и многочастных реберчатых. Скорее всего, этот факт указывает на отдельное направление торгово-экономических связей, ориентированных на Северный Кавказ.

Следует также отметить использование в качестве подвесок монет с одним отверстием: п.24 Осиповки, Журавлиха и к.13 Дорофеевки. В Октябрьском не исключена принадлежность к ожерелью массивных бронзовых пуговиц (рис.51, 7, 8).

Интересными находками являются фибулы из подкурганых погребений Березовки и Поставмук. Из двух березовских пальчатых фибул, собственно, на скелете находилась только одна. Она отличается от типичных “днепровских” пальчатых фибул меньшей массивностью, конической формой кнопок и декором (рис.51, 3), имитирующим кербшитный орнамент ранних пальчатых фибул кон.V – VI в. (Айбабин А.И., 1990, рис.14, 8, 10-13; 15, 1, 4). В насыпи этого же кургана найдена и вторая, обычная “днепровская” фибула (рис.51, 1) типа П.С, по И.О.Гавритухину (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.37, 38). Точных славянских аналогий ей нет – можно только отметить близкий декор щитка фибулы из Кидановки (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.60) и близкие пропорции фибулы из Трубчевского клада (Приходнюк О.М. и др., 1996, рис.1, 1). Также редко на славянских фибулах использовался пунсонный декор не двойными, а одинарными кружками с ямками в центре, отмеченными, тем не менее, в степи на вещах из Родионовки, Ясырево, Богачевки. Возможно, что обе березовские фибулы – продукция крымских мастерских. Зато явно славянским ювелиром сделана фибула из Поставмук (рис.51, 4), которой достаточно аналогий в славянском ареале (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.31, 1; 87, 1, 2, 8, 9; 108, 4).

Декоративных бляшек одежды практически нет. Можно отметить только золотой инкрустированный медальон из к.17 Наташино (рис.18, 12) и бронзовое подражание из п.2 к.1 Карнаухова (Ляпушкин И.И., 1958). Как справедливо отметил И.А.Баранов (Баранов И.А., 1990, с.113), наташинской бляшке практически идентичны бляшки из Мадары (рис.18, 13); также близкие аналогии можно отметить в п.1 аварского могильника Сегвар-Оромдюлё вместе с набором инкрустированных подвесок, сходных с п.2 Уфы (Lorinczy G., 1992, Abb.4, 6-9), а также прессованными деталями геральдического стиля.

Относительная хронология. Без учета более раннего горизонта Иловатки, в отличие от комплексов знати, рядовые погребения распадаются только на три группы, отражающие стадийные горизонты. Группу 1 составляют погребения с литыми деталями геральдического стиля без технологических

признаков или предметов горизонта Вознесенки. Это основная часть рассмотренных погребений: Сивашовка, Сивашское, Богачевка, Черноморское, п.10 к.2 и п.12 к.13 Рисового, к.16 Наташино, Изобильное, п.7 и п.12 к.7 Христофоровки, Аккермень, к.35 Виноградного, п.2 Рябовки, Епифанов, Чапаевский, п.10 к.4 Калининской, “Царский курган”, Авилковский, Зиновьевка, Новоселки (?), п.7 к.1 Бережновки I. Группа 2 характеризуется появлением прессованных деталей, больших пряжек с подвижным щитком и рифленой рамкой, пряжек “с вытянутыми губами”, железных колчаных крюков, стремян варианта I-1-а и типа III. В группу входят п.1 к.3 Малой Терновки, Малаи, п.10 к.4 Калининской, Аджиголь, Дымовка, Костогрызово, к.2 Белозерки, Родионовка, к.17 Наташино, п.1 к.111 Бережновки II, п.1 к.7 Новинок II, разрушенное погребение к.1 Ясырево II и засыпка п.9 к.5 Ясырево III. Группа 3: прессованные поясные детали, мечи и сабли с прямым перекрестьем, небольшие наконечники стрел “салтовских” типов, аркообразные стремяна и “восьмеркообразные” всех вариантов, серьги с овальным кольцом и серьги с пирамидкой шариков: Заплавка, Октябрьское, Усть-Каменка, Ковалевка, Крыловка, п.1 к.2 Брусаян II, п.4 к.11 Шелехметь II. Погребения Рябовского могильника, скорее всего, принадлежат все к группе 1, а принадлежность к этой группе погребений из Поставмук и Березовки позволяет утверждать наличие близких фибул в славянских кладах 1-й группы, по О.А.Щегловой. Погребение из Бородаевки по прямоугольной пряжке ближе всего к Арцибашево и Келегеям, т.е. к группе 2. Позиции остальных комплексов в рамках групп менее определены. Так, п.3 к.24 Малой Терновки, п.16 к.14 Великой Знаменки и п.2 к.1 Карнаухова, п.1, 2 Максимовки могут принадлежать к группам 1-2, Журавлиха – к группам 2-3, а погребения из п.24 Осиповки, п.3 к.3 Новой Одессы III – ко всем трем группам. Существует также группа погребений, датировка которых может включать как рассматриваемый период, так более ранние или более поздние периоды, здесь эта группа не рассматривается.

Соотношение групп комплексов различного социального уровня. Выделение групп, отражающих стадии развития культуры населения одного социального уровня – только первый этап создания общей системы периодизации культуры. Задача, которая теперь встает перед нами, – это, фактически, синхронизация “субкультур” трех рассмотренных социальных групп, которая не менее сложна, чем синхронизация различных культур. Для удобства группам высшей, родовой знати и рядового населения присвоим номера соответственно: I, II и III, а рассмотрение начнем с низа вертикали.

Горизонт Иловатки для перещепинской культуры пока представлен единичным комплексом, который, что интересно, по наличию вставки на пряжке сопоставим и с комплексами родовой знати следующего горизонта. Признаки П13, 15, 27, 33 (рис.50) указывают на хронологический стык Иловатки с комплексами группы III-1 (группа Сивашовки), нижняя же относительная граница Иловатки менее определена, поскольку в ранних геральдических наборах византийского круга признаков П13, 27, 33 нет. Отсутствие наборных поясов в группе кочевнических погребений 2-й пол.VI – нач.VII в. Северного Причерноморья (п.1 к.1 Большого Токмака, п.1 к.22 Малой Терновки, п.2 к.8 Суханово, п.4 к.7 Новой Одессы I, п.3 к.1 Новой Одессы IV, п.48 Селиште) (Комар О.В., 2002а, с.7) объясняется как культурной, так и хронологической разницей. Но, учитывая связь погребения из Суханово с рассматриваемой нами культурной группой по таким показателям, как подбой и украшения круга Морской Чулэк – Глодосы, мы склонны относить Иловатку к хронологическому этапу, предшествовавшему горизонту Сивашовки, но непосредственно сменявшему горизонт Суханово.

В самом Северном Причерноморье горизонт Суханово также сменяется следующим хронологическим горизонтом, представленным пока лишь единственным погребением 1 к.3 у с.Шелюги (раскопки А.И.Кубышева 1987 г.). Поясные детали из этого комплекса (рис.52, 1-15) заметно отличаются от поясов горизонта Сивашовки и связаны по стилю с раннегеральдическими дунайскими поясами стиля Садовец-Плевен (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.64; 65; Рашев Р., 2004, табл.109, 1-17; 111, 1-21). Кроме Нижнего Подунавья, этот стиль известен у авар – п.Клярафала В (Balint Cs., 1992, taf.56, 1-11), представлен также в Крыму – п.1 с.74 Лучистого, п.54 Суук-Су (Айбабин А.И., 1999, рис.44; табл.XXXI, 1-23), в Абхазии – погребение из Пышты (Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., 1979, рис.1, 6-12); более поздние вариации – в поясе из Сирии (Balint Cs., 1992, taf.2-3) и славянского клада из Вильховчика (Приходнюк О.М., 2001, рис.67). Но комплекс из Шелюг, наряду с деталями несомненно раннегеральдического стиля (рис.52, 2, 5, 14, 15), включает также пряжки (П20, П22), наконечник ремня (П21) и обоймы (рис.52, 1, 2, 6, 10-13), не идентичные, но близкие изделиям из комплексов группы Сивашовки (рис.45, 12-14; 49, 27-30, 47-49), что и определяет его промежуточную хронологическую позицию. Подчеркнем, пояса группы Сивашовки не являются генетическим продолжением стиля пояса из Шелюг, который гораздо ближе к стилю вышеупомянутых поясов из Садовца, Вильховчика, Сирии. Формально пояс из Шелюг отличается и от стиля поясов причерноморских по-

гребений 2-й пол.VI – нач.VII в. (п.1 к.1 Большого Токмака, п.1 к.22 Малой Терновки, п.2 к.8 Суханово, п.4 к.7 Новой Одессы I, п.3 к.1 Новой Одессы IV, п.48 Селиште) лишь с одной поясной пряжкой, но он явно продолжает тенденцию дунайской моды, совершенно не наблюдаемой в погребениях группы Сивашовки. На наш взгляд, Шелюги репрезентируют финал местной культуры булгарских племен Северного Причерноморья, сменяемой погребениями группы Сивашовки, связанными по происхождению уже с регионом Поволжья и продолжающими стиль и традиции Иловатки.

Следующий горизонт рядовых степных погребений представлен группой III-1 (группа Сивашовки), которой стадияльно соответствует группа погребений знати II-1 (группа Виноградного). Их стадияльная близость подчеркивается и конкретными типами вещей геральдического стиля, не представленных в комплексах других групп (признаки П28, 37-39) (рис.50). В группах III-1 и II-1 нет стремян и прессованных деталей, больших поясных пряжек с рифлением (П16), которые позволяют синхронизировать группы III-2 (группа Малаев) и II-3 (группа Уч-Тепе). Позиция группы II-2 (группа Арцибашево) по использованию тиснения также стадияльно соответствует уже группе III-2, что дополнительно подчеркивается отсутствием здесь упомянутых выше признаков П28, 37-39, а также характерных только для группы III-1 признаков П6, 18, 23, 33; признаки же П15 и П30, как подчеркивалось выше, для Арцибашево и хут.Крупской несколько условны. В группах III-3 (группа Заплавки) и II-4 (группа Шиловки) уже нет литых деталей геральдического стиля, зато присутствуют прессованные поясные и сбруйные детали других стилей, сабли и мечи с прямым перекрестьем, “восьмеркообразные” стремяна всех вариантов, аркообразные стремяна, удила с грызлами вариантов 1 и 3, серьги с овальным кольцом разных вариантов, полые пуговицы.

Таким образом, можно констатировать, что подкуранные и бескуранные погребения родовой знати и рядового населения отражают культуру, развивавшуюся, в целом, в едином ритме. Ее ранний горизонт и, разумеется, начало фиксирует погребение из Иловатки. Следующую стадию развития культуры отражают погребения групп III-1 и II-1, которые можно условно называть “горизонтом Сивашовки”. Третью стадию – “горизонт Уч-Тепе” – представляют погребения групп III-2, II-2, II-3, и, наконец, четвертую – “горизонт Шиловки” – погребения групп III-3 и II-4.

Рассмотрим соотношение с выделенными стадиями комплексов высшей знати. Обкладки оружия из Макуховки и перещепинской группы Па выполнены в стиле изделий группы II-1 и не несут

признаков перехода к группам II-2, II-3. Как показывает рис.50, набор признаков из стадияльно близкого Перещепине комплекса из Бочи (П1-8, 10) также в основном соотносится с комплексами горизонта Сивашовки. Впрочем, признаки П1, 2, 4, 7, 10 находят продолжение и в комплексах горизонта Уч-Тепе, а сами перещепинские пряжки, как уже указывалось в предыдущем разделе, по элементам оформления обнаруживают больше сходства с пряжками горизонта Вознесенки. Прессовка в Перещепине использована в группе предметов ШВ/2, ручное тиснение, штамп и “чекан с лица” – в группе V. Поскольку техника и стиль последней группы в комплексах горизонта Уч-Тепе не имеют аналогий, и их прямое продолжение наблюдается только в Вознесенке и Романовской со стилистическими отзвуками в Келегеях, Ясиново и Новых Санжарах, речь идет о хронологически довольно узкой традиции, носителем которой был золотых дел мастер, работавший при ставке правителя. Его изделия не были доступны даже многим слоям знати, поэтому в рядовой культуре отзвуков этого стиля мы не находим, но стадияльно изделия перещепинской группы V должны быть близки по времени прессованным изделиям горизонта Уч-Тепе. Учитывая, что явно синхронных группе II-1 перещепинских изделий группы Па в самом комплексе очень мало, а варварские вещи Перещепины групп Пб, Ша, ШВ/1, ШВ/2, ШВ/3, Шг, IV, Va, Vb, VIa, VIб уже обнаруживают связи с комплексами горизонта Вознесенки, стадияльно сама Перещепина ближе горизонту Уч-Тепе, чем горизонту Сивашовки. Более явно синхронен горизонту Уч-Тепе келегейский комплекс, который связывают с погребениями горизонта не только использование техники прессовки, но и пряжка с “вытянутыми губами”, крупная серьга в виде перевернутой пирамидки зерни, витая гривна, стремя с округлой подножкой.

Группа Вознесенки по прессованным поясным и сбруйным наборам, пряжкам с шарнирным соединением щитка, квадратным железным пряжкам со щитком из бронзовых полосок, “восьмеркообразным” и аркообразным стременам, удилам с грызлами вариантов 1 и 3, саблям с перекрестьем, коленчатым ножам, наконечникам пик, серьгам “хазарского” типа, литым пуговицам и др. хорошо соотносится с горизонтом Шиловки. Тем не менее, при более внимательном рассмотрении их жесткая синхронность становится не столь очевидной. Например, при сравнении вознесенских сабель, а точнее, едва заметно изогнутых однолезвийных мечей, с уже заметно изогнутой саблей из п.2 к.2 Шиловки, даже с учетом выразительных среднеаварских аналогий остаются сомнения в жесткой синхронности Вознесенки и п.2 к.2 Шиловки, что подтверждается и совершенно другим типом ши-

ловского пояса (рис.36, 36), уже не имеющего ничего общего ни с византийскими поясами VII в., ни с “геральдическими”, с которым в самой Вознесенке схожи только бляшки одного из сбруйных наборов (рис.36, 44, 45). На той же стадии находятся и похожие пояса из Старонижестеблиевской (рис.36, 10, 20, 26, 27) и п.2 к.1 Березовки I (рис.36, 35, 42, 46, 47); довольно далеко отошел от византийских прототипов и пояс из Заплавки (рис.36, 11, 12). В п.1 к.2 Брусян IV найдены четырехлепестковые бляшки – дериваты сбруйных вознесенских (рис.37, 13), но уже вместе с плоской сердцевидной и круглой бляшкой, которые также были в п.2 к.1 Березовки I и п.1 к.2 Брусян II. Как уже аргументировалось нами, это – следствие влияния восточнотюркских наборов VIII в. (Комар А.В., 2001б, с.30, 31), не известное в самой Вознесенке. Совсем невозможна прямая синхронизация с Вознесенкой п.4 к.11 Шелехметьского II могильника, где найдена классическая раннесалтовская сабля. Показательно, что стремена из погребения принадлежат к варианту I-2-б, не известному в Вознесенке, несмотря на большую выборку, а в насыпи самого кургана уже обнаружено аркообразное стремя варианта V-1-а горизонта Галиат-Геленовка (Бражник О.И. и др., 2000, рис.5, 3).

Единственный комплекс в Среднем Поволжье, который стадияльно сравним с группой Вознесенки, – это к.1 Шиловки, хотя присутствие в комплексе деталей лука “хазарского” типа может означать и чуть более позднюю позицию; остальные же погребения (п.2 к.2 Шиловки, п.2 к.1 Березовки I, п.1 к.2 Брусян II, п.1 к.2 Брусян IV, п.4 к.11 Шелехметь II, к.1 Рождественского III) явно принадлежат к более поздней фазе. Не совсем ясна позиция п.1 к.7 Новинки II, которое по поясным деталям должно принадлежать к горизонту Уч-Тепе, но с учетом прессованных наконечников с выступами из п.2 к.1 Березовки I, с таким же успехом может принадлежать и к этой фазе. В междуречье Дона и Волги прямо синхронно Вознесенке лишь погребение из Романовской; “на полшага” дальше – к.13 Дорофеевки. В Восточном Приазовье Глodosам синхронна Джигинская, Вознесенке – разрушенное погребение к.1 Ясырево II из Нижнего Подонья, а ко 2-й фазе принадлежит Старонижестеблиевская. В Северном Причерноморье, кроме Ясиново, Глodos и Новых Санжар, Вознесенке синхронны м.1 Новогригорьевки, Октябрьское, Ковалевка, Новопокровка; фаза 2 – Заплавка, Крыловка, возможно, Усть-Каменка.

Нестандартность этой ситуации очевидна: в Северном Причерноморье четырем комплексам высшей знати группы Вознесенки оказываются синхронными всего 4 погребения более низкого ранга. Из них в двух (Октябрьское и Ковалевка)

Рис. 27. Аналогии декору перещепинских вещей “тюрко-согдийского” стиля из Вознесенки (1-4, 7-10) и Келегеев (5, 6). Масштаб разный.

Fig. 27. The images from Voznesenka (1-4, 7-10) and Kelegei (5, 6) similar to Pereshchepina décor of “Turkic and Sogd” style things. The scale is different.

есть дериваты геральдических деталей, а в Новопокровке стиль украшений восходит еще к традициям 2-й пол. VI в., хотя и передан уже в манере “глюдоской” школы. В Портовом литые и прессованные геральдические детали сочетались с U-образными бляшками и наконечниками (рис.7, 20), повторяющими по стилю оформления ободка детали большого поясного набора из Вознесенки (рис.11), а также

с аркообразными стременами. В п.10 к.4 Калининской находился обломок аркообразного стремени типа III, аналогичного вознесенскому (рис.40, 5). В п.1 к.111 Бережновки II – “пряжка с вытянутыми губами” (рис.33, 9), сравнимая с серией аварских пряжек II среднеаварского периода (Гавритухин И.О., 2001в, рис.3, 1; 6, 1, 7, 20, 39; 7, 1; 8, 10; 10, 33). Прессованные же золотые вставки наконеч-

ников из п.1 к.2 Васильевки (рис.19, 23), как уже отмечалось выше, через аналогии в поясе из Северного Ирана (Гавритухин И.О., 2001в, рис.42, 24-27), по пряжке со щитком в виде “рыбьего хвоста” из последнего синхронизируются с Вознесенкой, а по U-образным бляшкам с изображением двух птиц – со среднеаварскими наборами “с птицами”, т.е. с горизонтом Озоры-Тотипусты. Погребения горизонта Уч-Тепе, таким образом, оказываются как минимум частично синхронными группе Вознесенки, а погребения горизонта Шиловки разбиваются на две фазы, из которых прямо синхронна группе Вознесенки только фаза 1.

Графически соотношение групп комплексов различных социальных уровней иллюстрирует рис.53. Сразу бросается в глаза, что наиболее дробную систему эволюции кочевнической культуры демонстрируют рядовые погребения и погребения нижней прослойки знати. Интересующие нас два горизонта комплексов правителей (Перещепины и Вознесенки) распадаются уже на три горизонта на уровне комплексов высшей знати (Макуховки, Келегеев и Ясиново). Также на три горизонта распадаются и стадияльно близкие погребения более низкого социального уровня (горизонты Сивашовки, Уч-Тепе и Шиловки), но при этом в горизонте Шиловки выделяется две фазы. При попытке *стадияльной* синхронизации рассматриваемых комплексов с культурой авар обнаруживаем все те же три группы – горизонты комплексов. Первый горизонт – комплексы I среднеаварского периода (Боча, Кунбабонь и т.п.) стадияльно синхронны горизонту Сивашовки и Макуховки, а также частично Перещепине, но последняя демонстрирует и дальнейшее развитие культуры в сторону Вознесенки и Глодос. Комплексы II среднеаварского периода, как уже отмечалось выше, стадияльно распадаются на четыре подгоризонта, из которых три первых: Кунаготы-Озоры, Фенлака и Кечкемет-Дунапентеле, очень близки и могут быть объединены в единый горизонт Озоры, а погребения подгоризонта Игара представляют собой отдельный горизонт. Такая же оценка на основании сериации типологических признаков была предложена в диссертационном исследовании П.Штадлером (Daim F., 1987, S.157). Комплексы горизонта Уч-Тепе и Келегеев здесь стадияльно соотносятся с аварским горизонтом Озоры, а его поздним подгоризонтам стадияльно синхронна часть материала из Вознесенки. Следующему среднеаварскому горизонту Игара стадияльно синхронна вторая часть вознесенского комплекса, комплексы высшей знати из Ясиново и Новых Санжар, а также рядовые погребения фазы 1 горизонта Шиловки, хотя финал самого горизонта Игара приходится уже на фазу 2 шиловского горизонта.

Совпадает ли эта *стадияльная* синхронизация с синхронизацией *абсолютной* – вопрос отдельный. Мы вряд ли имеем достаточно оснований предполагать временную асинхронность рассмотренных горизонтов комплексов различного социального уровня у кочевников Восточной Европы. Внедрение новых элементов в культуру знати происходило быстрее, чем в культуру рядового населения, здесь и так ярко наблюдается на примере медленного постепенного отживания “геральдических” традиций в комплексах горизонта Уч-Тепе. Иное дело синхронизация аварских и восточноевропейских древностей, поскольку положенный в основу нашего “отсчета” мощный византийский культурный импульс не обязательно был одновременным.

В реальности полученной нами картины убеждает наличие общего “репера” – византийских подарочных комплектов из Перещепины, Бочи, Кунбабоня, Тепе, вне всякого сомнения, изготовленных и посланных кочевникам в короткий промежуток времени. Как свидетельствуют комплексы из п.2 Кунбабоня, Папа-Урдомб, Пакапушты, Кунаготы, Кечкемета и т.п., подражания такому комплекту у авар в основном относятся уже к стадии II среднеаварского периода. В Восточной Европе подражания из Келегеев и Портового также принадлежат к горизонту Уч-Тепе, переходному от Перещепины к Вознесенке и обнаруживающему параллели со II среднеаварским.

Помогает и сравнительная оценка сохранности вещей из самого подарочного комплекта в Боче, Кунбабоне и Перещепине. Больше всего в глаза бросается разница состояния наборов с псевдопряжками. “Жемчужник” перещепинских щитков псевдопряжек в месте соприкосновения рамки при ее отгибе сильно деформирован. Полые шарики здесь практически сплющены, в то время как в Боче и Кунбабоне деформация довольно небольшая. В случае с кунбабоньскими псевдопряжками это можно еще попытаться объяснить большей толщиной стенок шариков, но это объяснение не проходит с менее массивными, чем перещепинские, деталями из Бочи. Показательно также, что на семи перещепинских псевдопряжках дополнительно наблюдается заметная деформация жемчужника и в других местах щитка, а также деформация рамки, в то время как в Боче и Кунбабоне этого нет. Деформация “жемчужника” заметна также на T-образных застежках и наконечниках, что связано с их использованием. Здесь картина аналогична: больше всего деформированы, просто сплющены шарики ободков из Перещепины, гораздо менее пострадал пояс из Бочи, и слабо заметна деформация в Кунбабоне. Состояние мелких вставок больших византийских пряжек из Перещепины и Кунбабоня также показательно. На пряжке из последнего вставки со-

хранились не только на щитке, но частью даже на рамке и язычке, больше всего поддававшихся воздействию ремня. По сравнению с перещепинской, где вставки на рамке и язычке полностью выпали, кунбабонская пряжка явно использовалась менее интенсивно. При этом в самом Кунбабоне заметно осыпались вставки перегородчатой инкрустации поясных бляшек, наконечника и обкладок меча, т.е. никак нельзя сказать, что эти вещи использовались недолго. Лучше всего по сохранности вставок состояние предметов из Бочи – этот комплект бытовал самый короткий промежуток времени из рассматриваемых. Долше использовались вещи из Кунбабона, а перещепинские “заношены” до самого плохого состояния. Подчеркивается этот вывод и тем фактом, что только перещепинские вещи из комплекта – ножны меча и колчан – ремонтировались варварским мастером (Залеская В.Н. и др., 1997, с.131, 210). Таким образом, разница во времени “выпадения” комплексов из Бочи и Перещепины вполне объясняет стадиальные различия между ними: Боча еще синхронна горизонту Сивашовки, в то время как в Перещепине появляются и “варварские” вещи в стиле и технике горизонта Уч-Тепе.

Перещепинский комплекс также, как и Вознесенский, попадает на рубеж двух стадий развития рядовой культуры восточноевропейских кочевников, а также авар, что вызывает закономерные сомнения в целесообразности выделения отдельных этапов “Перещепины” и “Вознесенки” для культуры в целом. Любая система периодизации в первую очередь создается для материала массового, происходящего из наибольшего количества комплексов, т.е. не для единичных комплексов высшей знати, а для рядовых погребений. Поэтому рационально выделить четыре периода развития рассмотренной нами культуры кочевников Восточной Европы:

период I соответствует горизонту Иловатки;

период II – погребения горизонта Сивашовки и Макуховка;

период III – погребения горизонта Уч-Тепе, Перещепина и Келегеи;

период IVa – погребения горизонта Шиловки фазы 1, а также Вознесенка, Ясиново и Новые Санжары;

период IVб – погребения горизонта Шиловки фазы 2.

Большой набор предметов, а также длительность формирования перещепинского комплекса обусловили ситуацию, при которой его формирование происходило на протяжении II и III периодов, но сокрытие комплекса все же произошло в III период, что и определило позицию Перещепины в предложенной периодизации.

3.2.3. Финал культуры

В используемом нами способе построения абсолютной и относительной системы хронологии культуры обязательным есть поиск верхней границы горизонта, являющейся на практике нижней границей следующего горизонта. Финал же культуры должны маркировать серьезные изменения не только в вещевом наборе комплексов, но и в их распространении и типах, погребальном обряде и т.п. Таким событием в нашем случае есть возникновение салтовской культурно-исторической общности, которое для степи выразилось в появлении памятников “соколовского” типа или “курганов с квадратными ровиками”. Мы неоднократно подчеркивали, что последний тип памятников нуждается в едином приемлемом названии. Предложенное А.И.Семеновым название “тип Соколовской балки” (Семенов А.И., 1978; 1997) заслуживает внимания, поскольку это – первый подобный комплекс, с которого, по сути, и началось выделение типа. “Против” есть только одно обстоятельство – материалы комплекса практически не опубликованы, поэтому насколько он эталонный, пока может судить только ограниченный круг исследователей. Е.В.Кругловым (Круглов Е.В., 2002б) и В.Е.Флэровой (Флэрова В.Е., 2001б) используется вариация предыдущего названия – “соколовский тип”, а А.А.Иванов использует название “культура курганов с квадратными ровиками” (Иванов А.А., 2000, с.23). Рассмотрев вопрос соотношения группы средневожских “курганов с ровиками” с нижнедонскими, мы пришли к выводу о необходимости разделения названия самого типа комплекса “кургана с квадратным ровиком”, представляющего собой “курган-курук”, и культурного типа, для которого рационально использование общего названия “курганы раннесалтовского типа” или просто “раннесалтовские” (Комар А.В., 2001а, с.11-15). В рамках последнего отчетливо наблюдаются две локальные группы: “нижнедонская” (тип Соколовской балки) и “средневожская” (тип Новинок, куда нами отнесены и курганы вне “самарского острова” (Шиловка, Урень)), курганы же нижнего течения Волги больше соотносимы с “нижнедонской” группой при наличии признаков влияния “средневожской” (ровики без перемычек и курганы без ровиков, восточная ориентировка погребенных).

Появление кочевников в зоне расселения нижнедонской и средневожской групп произошло практически одновременно в период IVa (фаза 1 горизонта Шиловки), но в курганах нижнедонского варианта горизонта Шиловки (Романовская и к.13 Дорофеевки) ровики пока не обнаружены, и они сравнимы по обряду с синхронными впускными погребениями с западной ориентировкой из

Северного Причерноморья: Октябрьским, Крыловкой, Заплавкой. Ровики в это время есть только в средневожской группе (к.1 Шиловки, к.1 Березовки I), но они очень специфичны. Наиболее ранний курган с “классическим” квадратным ровиком – это к.14 Подгорненского IV, который и дает начало отсчету курганам “раннесалтовского” типа.

В вещевом наборе общими элементами для всех памятников раннего горизонта салтовской культурно-исторической общности (КИО) является “раннесалтовская триада”: поясные наборы раннесалтовского типа (Комар А.В., 1999; 20016), удила с плоскими S-видными псалями (рис.43, 5) и аркообразные стремяна с трапециевидной петлей, а также “салтовская” сабля с прямым перекрестьем. Уже в п.4 к.11 Шелехметьского II могильника периода IVб появляется первый элемент “раннесалтовской триады” – сабля с прямым ромбовидным перекрестьем. Она отличается лишь мелкими деталями: острие сабли еще не двулезвийное, а на перекрестье нет небольшого ромбовидного утолщения по центру. Такое перекрестье зато находилось в п.248 Дюрсо на мече с P-образными скобами (рис.30, 26) горизонта Вознесенки-Глодос. Сами комплексы горизонта Вознесенки демонстрируют прототипы раннесалтовских аркообразных стремян и удила с S-видными и звездчидными псалями, но они еще очень далеки от раннесалтовских. В насыпи к.11 Шелехметь II найдено аркообразное стремя варианта V-1-а (Бражник О.И. и др., 2000, рис.5, 3) – еще с петлей как у восьмеркообразных стремян, но уже салтовских пропорций. Стремяна этого типа найдены также в п.4 к.14 Новинок II (Матвеева Г.И., 1997, рис.74, 5), насыпи к.1 Шелехметь II (Багаутдинов Р.С., 1995, рис.2, 7, 8) (рис.41, 2), пп.2 и 4 к.12, п.6 к.23 Брусня II, в насыпи к.1 Малой Рязани I (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XLII, 1, 2, 3; XLVI, 1; LXIII, 9-11), причем сопровождалась они либо удилами без псалий, либо же ранними вариантами плоских S-видных (рис.43, 3). В к.14 Подгорненского IV были аркообразные стремяна с петлей как у восьмеркообразных стремян и вогнутой подножкой варианта V-2 (рис.41, 5, 6), а также удила с звездчидными раскованными на концах псалями, изогнутыми в форме S-видных (рис.43, 4). А.А.Иванов относит все погребения с таким комплектом сбруи к ранней группе (Иванов А.А., 2000, с.14, 15), но в п.9 одиночного кургана Брусня II он сочетался уже с обычными поясными деталями горизонта Столбище – Старокорсунская (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.LXXIII, 1, 2; LXXIV, 3-7), что не позволяет придавать данному сочетанию жесткого “раннего” значения.

Горизонт Подгорненского стадияльно промежуточный между погребениями горизонта фазы 2 Шиловки и погребениями фазы 1 раннесалтовско-

го горизонта. В поминальном комплексе кургана из Большой Орловки найден уже обычный раннесалтовский набор, состоявший из стремян с пластинчатой трапециевидной петлей и удила с плоскими S-видными псалями, но литые поясной наконечник и обойма с прорезным декором раннесалтовского типа сочетались с прессованными сбруйными бляшками, отдаленно напоминающими стиль вознесенских (Косяненко В.М., 1983, с.114-116). Бляшки стиля “Акалан” находим и в прессованном сбруйном наборе из кат.52 Дмитровка (рис.36, 31) вместе с двулезвийным мечом с прямым перекрестьем. Близкий меч из п.1 Маняжского могильника в Приуралье сочетался с дериватами геральдических деталей (Мажитов Н.А., 1981, рис.3), а также наконечником с изображением крылатых “сенмурвов” (рис.36, 19). Близкие “сенмурвы” изображены на прессованных бляшках из Галиатского склепа (рис.36, 17) и п.5 Песчанки (рис.36, 18), причем в Галиате следует отметить также набор прессованных бляшек – дериватов сбруйных и поясных горизонта Вознесенки – Игара (рис.37, 37, 52, 54-56), а также саблю с прямым перекрестьем и аркообразные стремяна с трапециевидной пластинчатой петлей и вогнутой подножкой (Крупнов Е.И., 1938). Схожий с галиатским набор бляшек был и в восточном склепе 2 Кугула (Рунич А.П., 1979, рис.9, 11, 12). В п.79 Дмитровка (Плетнева С.А., 1989, рис.86), кат.15 Старого Салтова (Аксенов В.С., 1999, рис.2, 36), п.1 Песчанки (Владимиров И.А., 1901, рис.2), кат.2 Джаги 2 (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998, рис.8, 3) находились позднейшие варианты пряжек “с вытянутыми губами” (рис.33, 12). Указанные комплексы отражают своеобразный период культурной “ломки”, когда новые элементы культуры проникают очень медленно, с трудом вытесняя старые. Между разными комплексами мало прямого сходства – смешение стилей порождает индивидуализацию, но не яркую, а наоборот, маловыразительную. По сравнению с горизонтами Вознесенки и Столбище – Старокорсунской, это период культурного кризиса. В Северном Причерноморье на сегодня к этому горизонту мы относим только погребение из Геленовки, где прессованные бляшки – дериваты стиля вознесенских (рис.37, 59, 60) – сочетались с совершенно новым набором литых пряжек (рис.33, 13, 16-20), по овальным рамкам, рамчатым щиткам, а также язычку с отверстием для оси, близким более поздним салтовским и синхронным пенджикентским (Распопова В.И., 1980, рис.61, 3, 5-8, 13, 16). Наиболее ранний литой поясной набор раннесалтовского типа представлен в к.82 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1981, рис.12, 4, 5). Стадияльно близки к нему, но уже более развитые по форме пряжки и набору бляшек, пояса из п.1929 г Тепсея (Баранов И.А., 1990, рис.35) и п.4

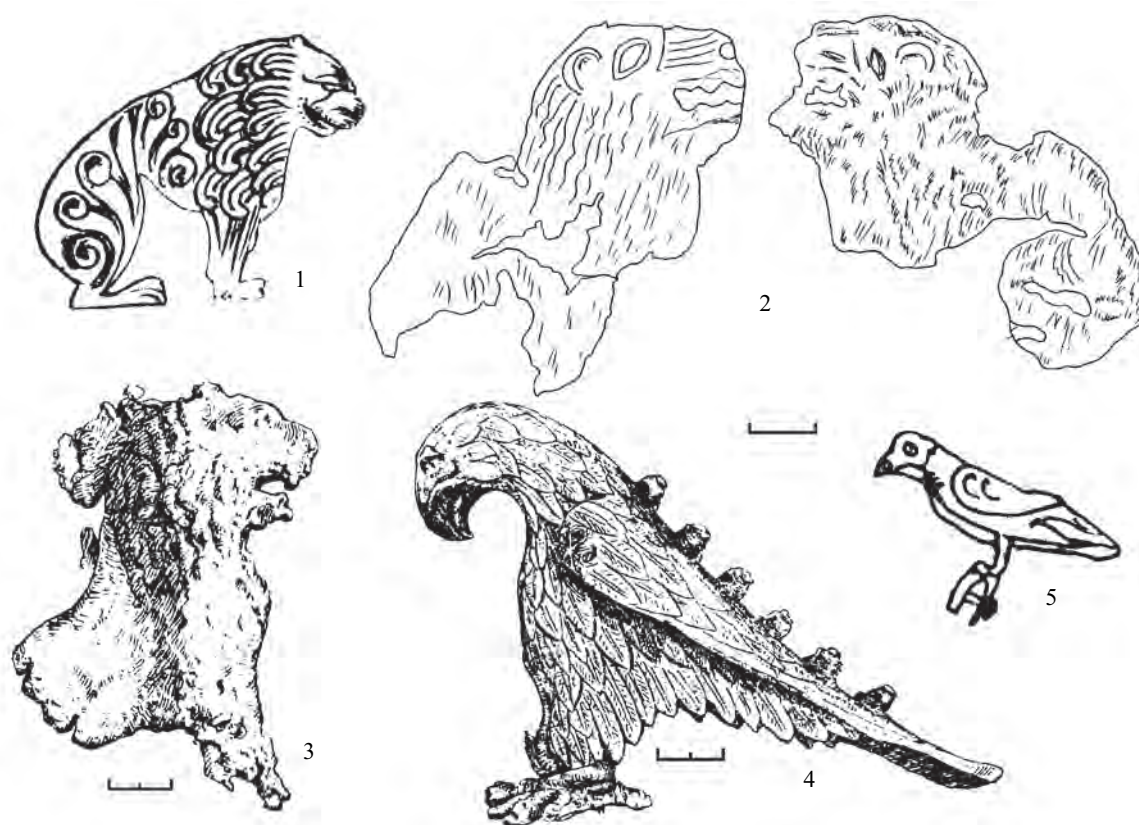

Рис. 28. Изображения животных из Перещепины (1, 5) и Вознесенки (2, 3, 4).

Fig. 28. The images of animals from Pereshchepina (1, 5) and Voznesenka (2, 3, 4).

к.22 Брюсян II (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XL, 1-17), где, в отличие от более поздних поясов с литым растительным декором, бляшки пока гладкие с прорезями. По пряжке с гладким щитком без декора к этой группе близок набор из п.2 к.2 Саловского IV (Парусимов И.Н., 1998).

Рассмотренные комплексы можно было бы вполне объединять в один стадиальный горизонт для кочевников, но именно на этот период и приходится появление могильников оседлого населения салтовской культуры. Это крайне важное событие заставляет нас выделять отдельный горизонт Галиат – Геленовка (или для степных погребений “Подгорненский – Геленовка”), а наиболее поздние погребения относить уже к фазе 1 раннесалтовского периода.

Число известных нам погребений раннесалтовского горизонта, а также их география постоянно растут по мере введения в научный оборот новых материалов. На сегодня горизонт фиксируется в курганных могильниках: Соколовская балка, Веселовский, Новосадковский, Кировский V, Кривая Лука IX, Кривая Лука XV, Кривая Лука XXVII, Подгорненский V, Вербовый Лог IX, Саловский I,

Саловский IV, Романовский I, Романовский II, Романовский III, Терновский I, Потайной I, Кутейниковский II, Обозное, Астахово, Новоаксайский, Западный, Гува I, Купцын Толга, Петрунино IV; Брюсяны II, Брюсяны III, Малая Рязань, Новинки I, Новинки II, Осиновка III; Общественный II; салтовских грунтовых могильниках: Новопокровский, Борисово, Дюрсо, Казазово, Старокорсунский, Сухая Гомольша, Красная Горка, Нетайловка, Крымский, Дроновка III, Тепсень, Судак VI, Судак VII, Дмитровка, Старый Салтов, Тополи, Кочеток, Мохнач и др. Несомненно, они выдвигают много новых вопросов, заслуживающих отдельного рассмотрения. Что же касается именно хронологии, то, по сравнению с работой 1999 г (Комар А.В., 1999), мы несколько упростили внутреннюю периодизацию раннесалтовского горизонта, который теперь разделяем на три фазы.

Фаза 1 раннесалтовского горизонта характеризуется сочетанием вещей горизонтов Галиата – Геленовки и Столбища – Старокорсунской. Это кат.52 и 79 Дмитровки, кат.15 Старого Салтова, п.1929 г Тепсения, п.1 и 2 к.2 Саловского IV, п.4 к.22 Брюсян II. Судя по немногочисленности погребений этой

фазы, она была очень кратковременной и формирование комплексов явно происходило частично синхронно комплексам горизонта Галиата – Геленовки и раннесалтовским фазы 2.

Фаза 2 – основная и самая продолжительная фаза раннесалтовского горизонта. К ней относятся: Столбище, кк.1, 4, 19 Романовского I, п.2 к.1 Саловского I, к.4 Веселовского, к.3 Вербового Лога IX, к.5 Подгорненского V, к.6 Центрального VII, Обозное, Астахово, к.12 Кривой Луки IX, к.1 Кривой Луки XV, к. 5 Кривой Луки XXVII, к.28 Новоаксайского, к.8, 24 Новосадковского, к.3 Кировского V, п.2 единичного кургана и к.4, п.1 к.6, п.1 к.12, п.5 к.14, п.2 к.34 Брусян II, п.3 к.5, к.10 Малой Рязани I, ритуальный комплекс к.7 Новинок I, п.5 к.8, п.2 к.13, п.3 к.14 Новинок II, п.1 к.7 Осиновки III, Тополи, пп.134, 139, 142, 164Б, 215 Нетайловки, п.144 Красной Горки, Фативижский клад, пп.1, 14, 15, 35, 42, 58, 63 Старокорсунской, п.362 Дюрсо, п.109 Крымского, пп.106, 185 Казазово, п.11 Тепсеня, пп.32, 33 Судака VI, п.1 Судака VII, погребение в раскопе 3/1931 г. Патрея. Этому же горизонту синхронны склепы 122, 172, 177, 203, 262, 284, 295а, 303, 353, 364, 384, 394, 402, 436, 552, 760, 763, 767 Скалистого, склепы 181, 339 Эски-Кермена, пп.6, 7, 8 Пещанки, Султановское, пп.139, 343, 405б, 446 и др. Крюковско-Кужновского могильника, п.43, 48, 77 и др. Неволино и др.

Фаза 3 – заключительная и, как и фаза 1, не очень длительная. В комплексах этой фазы уже наблюдается появление отдельных признаков “классического” салтовского стиля и деградация литых деталей фазы 2, которые начинают заменяться прессованными подражаниями. Для комплексов фазы характерны пряжки типа “Старокорсунская” варианта 1б (Комар А.В., 1999, с.124, 125; табл.2, 24-27, 32, 33, 38), которые при более богатом декоре, чем у пряжек варианта 1а, в комплексах сочетаются только с прессованными бляшками. Также появляются и дериваты пряжек типа “Старокорсунская”, уздечные налобники и др. вещи, которые в орнаментации начинают приближаться к предметам переходного горизонта I/II и “классического” салтовского горизонта II. Фаза представлена пп. 7, 8, 47 Старокорсунской, п.54, 270 Сухой Гомольши, п.1 к.7 Новинок I, п.1 к.2 Кутейниковского II, кат. 7, 14, 21, 22 Старого Салтова, п.9 Дроновки III, п.13 к.8 Общественного II, к.1 Брусян III, также, возможно, кат.3 и 5 Дмитровки. Следует заметить, что финал фазы синхронен времени появления погребений горизонта I/II, который во времени пересекается и с салтовским горизонтом II. Комплексы фазы 3 отражают еще не эволюцию раннесалтовских поясов в “классические” среднесалтовские, а просто деградацию стиля раннесалтовских, во время которой появляется стиль переходного горизонта I/II. И

только затем происходит всплеск стиля горизонта II салтовской КИО, отражающий появление узких наборных поясов единого стандарта (Комар А.В., 1999, табл.4, II), стремян с полуовальной петлей (Михеев В.К., 1985, рис.11, 8, 9; Плетнева С.А., 1989, рис.44, 45, 135), сабель с перекрестьем с выступами на концах и по центру (Михеев В.К., 1985, рис.10, 1; 12, 19; Плетнева С.А., 1989, рис.34, 126) и т.д.

Как увидим ниже, ключевой для нас является абсолютная позиция раннесалтовской фазы 2, комплексы которой на основании монет попытка отнести к 1-й пол.VIII в. А.А.Иванов (Иванов А.А., 2000) и, частично, на основании “дунайских соответствий” И.О.Гавритухин (Гавритухин И.О., 2005).

3.2.4. Абсолютные даты

Абсолютные даты – один из самых важных и сложных элементов хронологического исследования, вызывающий традиционные вопросы непрофессионалов: “откуда взята эта дата?” или “как вы знаете, что это так?”. Ирония, но такие же вопросы возникают и у любого археолога, и у специалистов-хронологов при знакомстве с работами своих же коллег по “цеху”. Если относительная хронология еще вызывает меньше разногласий, то в определении абсолютных дат между специалистами согласия традиционно нет. В памяти всплывает афоризм Г.Селье: “Чем меньше мы смыслим в какой-нибудь области науки, тем более авторитетным и непрекаемым нам кажется заключение эксперта в этой области. В нашей же области исследования экспертов нет”.

Психология подсказывает три выхода ориентирования в ситуации разногласий: объяснять незнакомое через призму знакомого с неминуемой “абберацией близости”, объяснять незнакомое через призму кажущегося убедительным объяснения еще менее знакомого с неминуемой “абберацией дальности”, и, наконец, просто занимать скептическую позицию. Пожалуй, первому варианту следуют А.И.Айбабин (Айбабин А.И., 1990; 1999) и Ч.Балинт (Balint Cs., 1989, 1992), привязывая датировки восточноевропейских степных комплексов соответственно к системам хронологии древностей Крыма и Аварского каганата. Второму варианту близки подходы всех исследователей, просто ссылающихся на датировки похожих вещей в Подунавье, Крыму, Приуралье и Кавказе, а также И.О.Гавритухина, все нововведения которого, по сравнению с нашей системой (Комар А.В., 1999) в хронологии степных комплексов “эпохи становления Хазарского каганата” (Гавритухин И.О., 2005), фактически на-

правлены на удревание дат восточноевропейских комплексов путем их синхронизации с аварскими.

Столь частая апелляция к “европейским системам хронологии” характерна не только для работ И.О.Гавритухина, но и, разумеется, для западноевропейских и многих болгарских исследователей. Постоянное подчеркивание “исключительной важности систем хронологии культуры Аварского каганата” для датировки кочевнических и салтовских памятников Восточной Европы и соответствующие попытки подтянуть датировки последних к аварским основаны на действительно впечатляющем количественном перевесе исследованных аварских погребений. Но количество не всегда соседствует с “качеством” и это, к сожалению для аварской хронологии, приходится констатировать как факт. Из исследованных на сегодня около 50 тыс. погребений позднеаварского периода ни одно (!) не имеет самостоятельного абсолютного репера. Как отметил Ф.Дайм, начало позднеаварского периода определяется исследователями практически интуитивно, опираясь только на представление о том, что среднеаварский период относится к VII в., а следовательно, оканчивается “около 700 г” (Daim F., 2000, S.92). И.О.Гавритухин пытается обосновать эту дату при помощи “абсолютного репера” в виде радиоуглеродной даты комплекса из Эрзек “около 700 г”, а также “статистической” даты П.Штадлера – “700±10”, которые исследователь считает “наиболее обоснованной опорой в абсолютном датировании раннего горизонта позднеаварских материалов” (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.69).

Серьезная апелляция к “радиоуглеродной дате Эрзек” вызывает, как минимум, удивление, причем дело даже не в сомнительном происхождении самого комплекса (см.: Штадлер П., 1995, с.30, 31). П.Штадлер отметил, что представленная в каталоге Британского Музея дата дана без всякого интервала и объяснения, просто “около 700 г” (Штадлер П., 1995, с.35), но еще сомнительнее другое обстоятельство. Если комплекс действительно был найден еще в 1894 г и все это время пребывал в частных руках, то какая гарантия, что предъявленный на анализ комиссии аукциона образец органики действительно принадлежал комплексу, который при продаже “для достоверности” даже попытались выдать за часть Врпской находки?

Второе, специальные исследования П.Штадлера показали, что для образцов VIII-IX вв. радиоуглеродный анализ дает слишком большую дисперсию значений, не поддающуюся надежной калибровке, что привело его к выводу о полной неэффективности использования датировки по

S14 для позднеаварских комплексов¹². К примеру, анализ образцов из позднеаварских погребений могильника Челарево той же лабораторией Британского Музея дал результат 969±66 г, который Ч.Балинт предпочел не комментировать (Балинт Ч., 1995, с.61). Абсолютные даты П.Штадлера для позднеаварского периода построены исключительно на статистическом расчете “дистанции” сериационных позиций комплексов, по которым начало I позднеаварского периода исследователь относит к 710 г (Stadler P., 1996, S.457-461). И.О.Гавритухин считает сериации П.Штадлера “довольно эффективными в отношении позднеаварских древностей”, но “дающими сбой в отношении хронологии более ранних комплексов”, высказывая при этом ряд серьезных и небезосновательных замечаний (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.70-72). Но в системе П.Штадлера именно все ранние комплексы с монетами выступают абсолютными реперами статистической калибровки, и не удивительно, что, в результате, в такой сериации они занимают позицию по дате чеканки монеты. Все абсолютные “статистические измерения” дат ведутся от этих реперов, и любые подвижки по абсолютной шкале именно “ранних”, сопровождавшихся монетами комплексов автоматически скажутся на позднеаварских, лишенных собственных абсолютных привязок. Признавая же даты “ранних” комплексов П.Штадлера ошибочными, И.О.Гавритухин автоматически торпедирует всю систему абсолютных дат исследователя, и любые совпадения их мнений на этот счет становятся совершенно случайными.

Без сомнения, для нас важно учитывать реперные события развития аварской культуры, связанные со сменой раннеаварского, среднеаварского и позднеаварского периодов, но начисто лишенные монет кон.VII-VIII в. аварские комплексы не дают никаких абсолютных привязок рубежа среднеаварского и позднеаварского периодов, в то время как восточноевропейские комплексы с территории Хазарского каганата сегодня предлагают целую серию таких находок (Семенов А.И., 1988; Комар А.В., 1999; Круглов Е.В., 2002а). Достаточно сравнить количество и “качество” таких восточноевропейских комплексов VII-VIII вв. с подобной же выборкой аварских комплексов с монетами (Garam E., 1992), чтобы убедиться: наличный материал позволяет создать совершенно самостоятельную систему относительной и абсолютной хронологии, которая, учитывая немаловажный показатель процента комплексов с монетами от общего числа погребений, оказывается гораздо надежнее механического перенесения в Восточную Европу системы хронологии культуры Аварского каганата. Мы не отказываемся

¹² Выражаем признательность П.Штадлеру за консультацию.

от использования ключевых аварских, крымских, кавказских комплексов с монетными находками, но подчеркнем все же приоритетную важность именно кочевнических комплексов с абсолютными реперами.

Основными абсолютными ориентирами выделенных нами горизонтов являются монеты, а также исторические события, но, учитывая неоднозначное отношение многих исследователей к возможностям прямой корреляции археологических “событий” с событиями, отмеченными письменными источниками, мы предложим в данном разделе только “археологические”, т.е. “монетные” абсолютные даты, а их “калибровку” рассмотрим во II части настоящей работы.

Сам обзор монетных находок из рассмотренных кочевнических комплексов приведен в разделе 2.2.4. Из них нас интересуют монеты самых поздних выпусков, способные определить *terminus post quem* для времени совершения погребений горизонтов.

В погребении из Иловатки монетных находок не было, специфичность же набора захоронения не позволяет надежно синхронизировать комплекс с одним из надежно датированных горизонтов соседних культур. Поэтому *terminus post quem* для *периода I* определяется верхней границей существования горизонта Суханово и раннегеральдических наборов, предшествующих горизонту Шелюг. Хронология горизонта Суханово упирается в проблему верхней границы существования пряжек типа “Суцидава” (“Сучидава”), представленных в Суханово, п.1 к.22 Малой Терновки и Большом Токмаке. Дискуссию по этому поводу специально рассмотрел А.И.Айбабин, по мнению которого, в Крыму пряжки типа “Суцидава” выходят за рамки VI в. и использовались еще в 1-й пол.VII в. (Айбабин А.И., 1990, с.48; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2001). И.О.Гавритухин допускает использование таких пряжек до первых десятилетий VII в. (Гавритухин И.О., 2002, с.219, 220), а монетный репер *terminus post quem* в нашем случае – медный тетраграммий Маврикия 590-602 гг чеканки из м.77 Суук-Су. Это позволяет нам ограничить верхнюю границу горизонта Суханово первыми десятилетиями VII в. По мнению А.И.Айбабина и И.О.Гавритухина, до первых десятилетий VII в. бытовали в Крыму и раннегеральдические наборы стиля Садовец-Плевен (Айбабин А.И., 1999, с.274-276, 280; Гавритухин И.О., 2002, с.218-223), что определяет первыми десятилетиями VII в. нижнюю границу горизонта Шелюг, стадийно синхронного Иловатке. Таким образом, наиболее вероятна датировка нижней границы горизонта Иловатки и, соответственно, *периода I* именно первыми десятилетиями VII в.

Формально нижнюю границу *периода II*, т.е. погребений горизонта Сивашовки-Макуховки, определяет солид из Макуховки 638 г чеканки, но сходство клинков из Перещепины и Сивашовки заставляет ориентироваться и на солиды 643-646 гг чеканки из Перещепины, особенно учитывая тот факт, что упомянутый подарочный меч не принадлежит к поздней группе вещей Перещепинского комплекса, определяющей его позицию в рамках горизонта Уч-Тепе-Келегеи. Абсолютным ориентиром для синхронного аварского горизонта погребений I среднеаварского периода здесь выступает п.24 Сегед-Маккошерде (Garam E., 1992, S.144, 145; Taf.56; 57). Это погребение с солидом Константа II 654-659 гг чеканки сочетает элементы поясных деталей I и II среднеаварских периодов, предшествуя или будучи частично синхронным гарнитурам горизонта Озори-Кунаготы (Гавритухин И.О., 2001в, с.89-93). Репер 654 г здесь, скорее, определяет не нижнюю границу горизонта Бочи-Кунбабоня, а только *terminus post quem* его финала.

Позднейшая монета комплексов *периода III* – погребений горизонта Уч-Тепе – Келегеев – это солид 644/645 г чеканки из Келегеев. Этот репер слишком близок к реперу предыдущего горизонта и поэтому малоинформативен. Более точно отражает картину солид Константина IV 668-673 гг чеканки из Озори-Тотипусты, подражание солиду этого же выпуска из п.53 Похибуй-Мачко-дюле (Garam E., 1992, S.146, 147) и серебряная гексаграмма 669-674 гг чеканки из клада в Землянском Врбовке (Štefanovičova T., 1996, S.279), определяющие *terminus post quem* для погребений горизонта Озори-Кунаготы, синхронного восточноевропейскому горизонту Уч-Тепе – Келегеев.

Terminus post quem периода IVa (горизонт Шилловки – Романовской) определяет солид 695-698 гг чеканки из Романовской. Поскольку после поступления 669-674 гг находок монет в аварских погребениях уже нет, аварские комплексы больше не могут помочь в датировке восточноевропейских и наоборот могут привязываться к ним.

В погребениях *периода IVb* датирующих монет или других предметов нет. В кочевнических комплексах *горизонта Галиат – Геленовка* позднейшая монета принадлежит Тиберию Апсимару – 698-705 гг, но при этом позиция самого комплекса из Большой Орловки до полной публикации не может уверенно относиться к горизонту Галиат – Геленовка, поскольку не исключена и его принадлежность *фазе I раннесалтовского горизонта*. Впрочем, тот же рубеж дают индикации монет Тиберия III из восточного склепа № 2 Кугула (Рунич А.П., 1979, с.245) и арабский дирхем ал-Басры 700/701 гг из склепа 1935 г Галиата (Кропоткин В.В., 1962, с.30). Полученный рубеж – 700 г – слишком близок к нижней

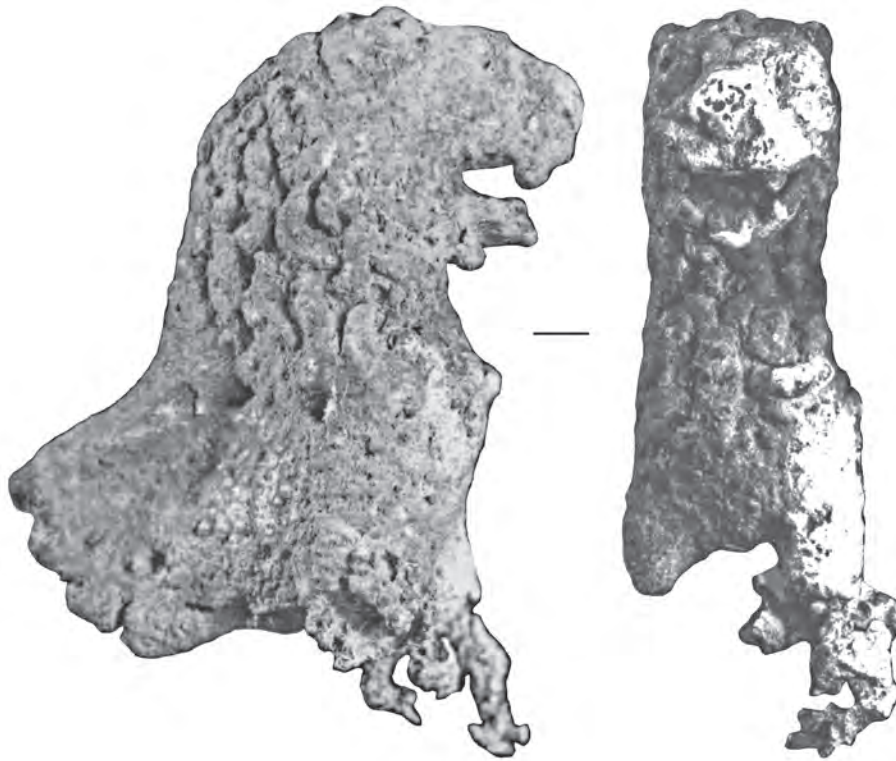

Рис. 29. Статуэтка льва из Вознесенки. Масштаб 1 : 1.
 Fig. 29. A statuette of a lion from Voznesenka. The scale of 1 : 1.

границе *периода IVa* (695 г) и поэтому нуждается в “калибровке”. То же касается и границы *фазы 1 раннесалтовского горизонта*, по позднейшей монете Тиберия Аписмара из п.1 к.2 Саловского IV также попадающей на 698 г.

Резкий скачок границы, связанный с новыми монетными поступлениями, происходит при рассмотрении *фазы 2 раннесалтовского горизонта*. “Эталонные” погребения здесь содержали солиды Льва III и Константина V: в п.2 к.1 Саловского I 720-732 гг, в к.11 Соколовской балки 728-732 гг, в к.1 Романовского I 737-741 гг (Семенов А.И., 1978, с.180-181; 1991, с.125; Копылов В.П., Смоляк А.Р., 1988, с.59-60). Солид периода 737-741 гг найден в другом кургане уже с солидом Константина V 741-751 гг (Семенов А.И., 1991, с.125), а позднейшая монета фазы 2 – солид Константина V 751-757 гг – обнаружена в п.164Б Нетайловки (Zironkina O., 1997, p.251), по набору двусоставных бляшек близком п.2 к.1 Саловского I и к.1 Романовского I. Близкий рубеж дает и погребение этой же фазы из с.364 Скалистого с солидом Константина V 741-775 гг (Кропоткин В.В., 1962, с.34; Веймарн В.Е., Айбабин А.И., 1993, с.167), а также погребение к.7 Петрунино IV фаз 2-3 с дирхемом Абу-Джафар Ал-Мансура 756/757 г (Круглов Е.В., 1992в, с.182).

Нижний абсолютный рубеж погребений *фазы 2 раннесалтовского горизонта* однозначно не ранее 741 г, а учитывая монету из п.164Б Нетайловки, его можно сдвигать и к 751 г.

Таким образом, на промежуток 698-751 гг приходится фактически два стадийных периода (горизонты Шиловки и Галиата-Геленовки) и фаза 1 раннесалтовского горизонта. Все эти горизонты были довольно кратковременными и явно пересекались во времени, поэтому отвечающие им периоды – это лишь временные рамки “пиков” каждого из горизонтов. “Поделить” между ними промежуток 698-751 гг без учета исторических событий можно разве что очень условно: период IVa – 698-715 гг; период IVб – 715-725 гг; период Галиата – Геленовки – 725-740 гг; фаза 1 раннесалтовского горизонта – 740-751 гг.

Без “калибровки” по историческим событиям и оценки продолжительности горизонтов, получаем такие рамки рассмотренных периодов:

- период I (горизонт Иловатки) – условно около 610-643 гг;
- период II (горизонт Сивашовки – Макуховки) – 643-669 гг;
- период III (горизонт Уч-Тепе – Келегеев) – 669-698 гг;

период IV (горизонт Шиловки – Романовской) – 698 – условно около 725 гг.

Что стоит за полученными нами рамками? Определили ли мы *время формирования комплексов* или же *диапазон их выпадения в землю*? Чтобы уйти от чисто интуитивных размышлений, на наш взгляд, нужно расширить круг источников за счет письменных данных и сравнительного анализа исторической картины эпохи. Но прежде, попытаемся суммировать полученную информацию о Перещепине и ее культурном окружении.

3.3. Перещепинская культура

Термин “перещепинская культура” был впервые предложен М.И.Артамоновым для определения богатых комплексов перещепинского круга, включая Глососы и Вознесенку (Артамонов М.И., 1990; 2002б, с.521-524). Но хронология памятников типа Сивашовки показывает, что одновременно с комплексами “келегейского” типа, куруками и кремациями существовали и погребения более низкого социального ранга, совершенные в курганах или без них по обряду ингумации. Расширение рамок перещепинской культуры за счет рядовых погребений серьезным образом меняет общий культурный контекст Перещепины, заставляя рассматривать ее в рамках большого кочевнического объединения, занимающего огромную степную зону Восточной Европы от Южного Буга до Заволжья с отдельными “выплесками” представителей населения или же культурного влияния в Северо-Восточной Болгарии (Мадара), Восточном Закавказье (Уч-Тепе), Приуралье (Уфа, Новиковка) (рис.1). В таком широком понимании термин “перещепинская культура” был предложен А.И.Айбабиным (Айбабин А.И., 1985; 1990; 1991; 1999; 2002а) и поддержан нами (Комар А.В., 1999; Комар О.В., 2000; 2002б), а также С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 2003, с.37).

Ареал. Ареал памятников перещепинской культуры не оставался неизменным на протяжении времени существования культуры, и его изменения отражают не просто передвижения кочевников, но и их участие в определенных исторических событиях.

Начальный период – горизонт Иловатки – демонстрирует странную, на первый взгляд, картину: полное отсутствие кочевнического населения во всей степной полосе от Дуная до Северного Прикаспия. И только на левобережье Нижней Волги выше широты распространения полупустынь отмечено единственное погребение из Иловатки. Наблюдаемый кризис, как уже неоднократно указывалось нами, явно был связан с длительным засушливым периодом, охватившим в Северном Причерно-

морье промежутков 598-677 гг (Комар А.В., 2001а, с.34; Комар О.В., 2002а, с.6, 7; 2004а, с.194-199). Как показали палеопочвоведческие исследования степной части Европейской России и Приазовья в том числе, усыхание степей сопровождалось *засолением почв*, которое здесь фиксируется с V по XI вв., и только в XII-XIV вв., во время климатического оптимума, произошло вымывание солей из почвы и восстановление прежнего состава степной растительности (Среда обитания человека ..., 2002, с.76-81; Песочина Л.С., 2003, с.147-151). Именно засоление грунтов и было главной причиной роста полупустынь в VI-VII вв. Практически вся современная южная подзона степи в этот период должна была претерпеть изменение состава растительности в направлении комплекса, характерного для солонцеватых грунтов. Это требовало от кочевников либо изменения традиционной зоны проживания, либо изменения состава стад с практически полным отказом от крупного рогатого скота и сменой породы лошадей на привычную к галофитам. Судя по наблюдаемой археологической картине, освоить комплекс скотоводства на полупустынных и солонцеватых степных грунтах, близкий к хозяйству калмыков (Булатов В.Э., 2000, с.131, 132), кочевникам удалось только в периоды II-III, когда погребения кочевников появляются в зоне полупустынь и солонцеватых грунтов Северного Причерноморья (Келегеи, Аджиголь, Черноморское, Васильевка, Сивашовка, Сивашское, Родионовка) и Северо-Восточного Крыма (Портовое, Рисовое, Наташино, Богачевка).

Резкие изменения происходят в период II. На левобережье Нижней Волги население остается (Бережновка), но фиксируется появление его погребений и на правобережье (Авиловский, Зиновьевка) с проникновением на север, в среднее течение Волги (Новоселки). Но самым ярким событием, безусловно, стало резкое появление северопричерноморской и восточноприазовской групп. В период II кочевники занимают Юго-Восточное Приазовье, Северное Приазовье и весь Северо-Восточный Крым, переходят через Днепр в Южное Побужье, а на левом берегу Днепра глубоко проникают в славянскую лесостепь. Пустой остается только зона между нижними течениями Дона и Волги, а также Северный Прикаспий. Столь масштабная экспансия вряд ли могла пройти мимо внимания древних писателей, особенно учитывая появление рассматриваемой группы кочевников в Крыму и их вступление в непосредственный контакт с византийцами (амфора из Изобильного).

В период III во всех занятых ранее зонах ситуация остается стабильной, но появляются отдельные “выплески” погребений оторванно от основного ареала – в Северо-Восточной Болгарии

(Мадара), в Верхнем Подонье (Арцибашево), Кавказской Албании (Уч-Тепе). Также в этот период в кочевнических погребениях Северного Причерноморья появляется гончарная посуда, маркирующая начало функционирования аланских гончарных центров Канцирки и Мачех. Очевидно, синхронно в Крыму появляется и другая группа оседлого кавказского населения, оставившая памятники типа Тау-Кипчак.

В период IVa фиксируется глубокое проникновение кочевников в лесостепное Днепровское Правобережье (Журавлиха, Белая Церковь), а также появление погребений в районе Самарской Луки и в междуречье Дона и Волги. Зато исчезает “саратовская” нижневолжская группа погребений. В период IVб подкурганые погребения с восточной ориентировкой исчезают и в Северном Причерноморье, где остаются только “западники” (Заплавка, Крыловка); кочевники уходят из лесостепи и правобережья Днепра, зато продолжают развиваться появившиеся в период IVa волго-донская и самарская группы, которые уже приобретают облик памятников типа Новинки и Соколовской балки. На этапе Геленовки-Подгорненского к западу от Дона остается только одно эпизодическое погребение из Геленовки, фиксирующее скорее сохранение контроля над славянским населением правобережной Киевщины, чем присутствие кочевников в Северном Причерноморье. Этот hiatus был кратковременным, поскольку уже в фазе 1 раннесалтовского горизонта в Северо-Восточный Крым, бассейн Северского Донца и Подонье проникают группы оседлого и полuosедлого салтовского населения.

По своей локализации Перещепина связана с возникновением лесостепной группы кочевнических памятников Левобережного Среднего Поднепровья. Эта группа включает подкурганые погребения (Поставмуки, Березовка, Топыло), бескурганые могильники (Рябовка, Максимовка) и отдельные погребения (Осиповка), комплексы “келегейского” типа (Перещепина, Макуховка, Новые Санжары) и аланское поселение гончаров в Мачехах. К южной части этой локальной группы примыкает и степное погребение из Заплавки, но оно самое позднее из всех.

Вся лесостепная группа находится в ареале пеньковской культуры, что автоматически поднимает вопрос о славяно-кочевнических взаимоотношениях. Рассматривая пеньковскую культуру как культуру болгар-кутригур, М.И.Артамонов связывал исчезновение этой культуры на Днепровском Левобережье, а также выпадение “антских” кладов с вторжением в лесостепь кочевников-хазар – носителей перещепинской культуры (Артамонов М.И., 2002б, с.521-524). О.А.Щеглова, разделив “антские” клады на две хронологические группы,

предположила, что с вторжением хазар было связано только выпадение кладов 2-й группы, наиболее же многочисленные клады 1-й группы оказались в земле вследствие продвижения на север групп болгар (Щеглова О.А., 1990). По мнению О.М.Приходнюка, выпадение кладов 1-й группы действительно было связано с вторжением хазар, но именно перещепинская группа кочевников к этому никак не причастна. Исследователь считает, что отношения славян и “перещепинцев” были не просто мирными, а носили характер конфедеративный, даже симбиотический, поскольку “под Полтавой располагался летник номадов, куда из Приазовья протобулгарский хан и его ближайшее окружение двигались вслед за своими табунами”. Отражением же мирного сосуществования пеньковцев и “перещепинцев” О.М.Приходнюк считает “стойбище” у с.Полузерье (Приходнюк О.М., 2002, с.129, 130). Такой же конфедеративный характер отношений славян с “Великой Булгарией” усматривают в данной ситуации И.О.Гавритухин и А.М.Обломский, но выпадение “антских” кладов 1-й группы исследователи связывают не с хазарами, а с вторжением на левый берег Днепра “агрессивной” группы правобережных славян – носителей культуры “типа Сахновки” (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.144-147).

И.О.Гавритухин и А.М.Обломский совершенно верно заметили, что ареал распространения славянских кладов 1-й группы на Правобережье и Левобережье Днепра в целом совпадает с ареалом распространения вольнцевской культуры. Ускользнуло от их внимания только то, что вольнцевская культура отражает зону расселения славянских племен – данников Хазарского каганата, а клады 1-й группы четко ложатся в ареал племенных союзов северян, полян, радимичей и вятичей. Пересекается ареал кладов 1-й группы и с лесостепными кочевническими памятниками (рис.1): левобережная группа – с Блажками и Новой Одессой – Козиевкой, а правобережные клады (Мартиновка, Хацки, Малый Ржавец) оказались на пути кочевников, достигших Киевщины (Журавлиха, Белая Церковь, Геленовка). Еще 4 левобережных клада: Гапоново, Суджа, Колосково и Великие Будки, охватывают полукольцом северную границу распространения кочевнических комплексов (линия: Поставмуки – Рябовка – Павловка), а Трубчевский клад оказывается на одной широте с Арцибашево.

На левом берегу Днепра вторжение кочевников в лесостепь произошло в период II, а их присутствие здесь фиксируется до периода IVa. На Правобережье лесостепные погребения относятся к периодам IVa и Галиата – Геленовки, но позиция Журавлихи не исключает и периода III. В обоих случаях речь идет не о кратковременном событии,

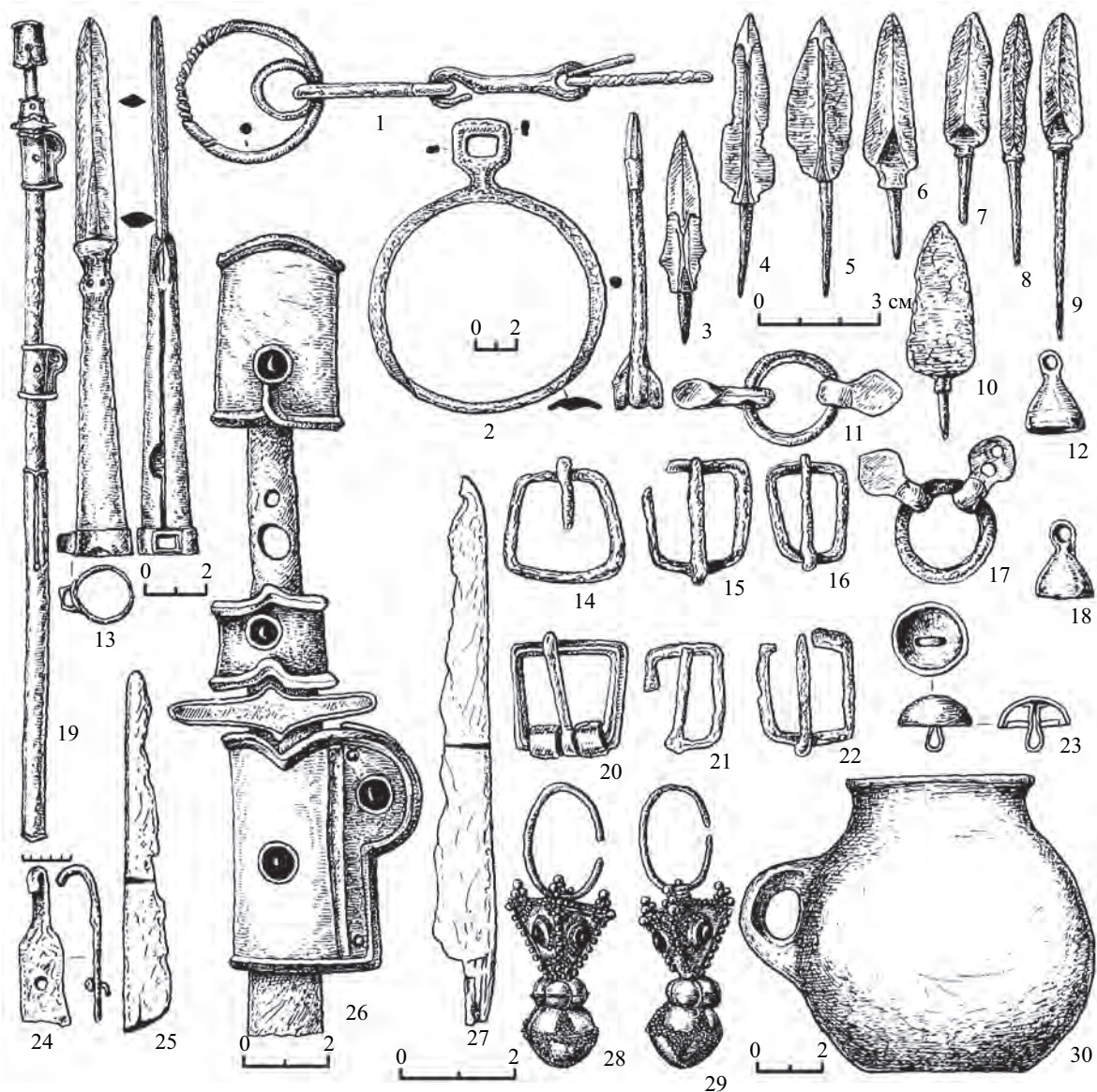

Рис. 30. Инвентарь п.248 Дюрсо.
 Fig. 30. The stock of burial 248 Durso.

а о занятии территории на продолжительное время, несомненно сопровождавшееся вытеснением большей части славянского населения из региона и обусловившее, по определению И.О.Гавритухина, “катастрофический финал культуры” (Гавритухин И.О., 2001в, с.46). Случилось это, по мнению исследователя, на этапе Перещепины (Гавритухин И.О., 2005), но “катастрофический финал” касается только славянской культуры, а никак не кочевнической, которая спокойно эволюционировала в более поздние фазы как в степи, так и в лесостепной группе Перещепины, о чем свидетельствует комплекс из Новых Санжар периода IVa. В нашей системе периодизации с кочевническими погребениями периода

III сравним только клад из Мартыновки с прессованными и паянными поясными деталями, а также, по золотым вставкам с композицией зерни, близкой наконечникам из Мадары (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.21, 10-12), клад из Хацков. Из левобережных – Гапоновский клад по наличию прессованных деталей со свинцово-оловянистым заполнением (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.30, 6-22). Остальные клады 1-й группы, по О.А.Щегловой, стадильно синхронны комплексам горизонта Сивашовки-Макуховки, т.е. периода II. Небольшая асинхронность право- и левобережных кладов сопровождается и временной разницей в появлении кочевнических погребений в обоих регионах: на

левом берегу кочевники проникают в лесостепь уже в период II, в то время как на правом – не ранее периода III, что дополнительно подчеркивает взаимосвязь этих событий.

Произошло ли полное вытеснение славян кочевниками или же только частичное – вопрос сложный. Отметим только, что явно должно было прекратить свое существование пеньковское поселение, расположенное всего в нескольких сотнях метров от места обнаружения перещепинского комплекса, на котором, кстати, собраны отдельные вещи горизонта кладов I-й группы (браслеты, бляшка типа П12) (Левченко Д.И., 1999). Как показывает картографирование, комплексы “келегейского” типа пытались скрыть далеко на север от основного ареала рядовых погребений (рис.1). Единственное исключение – это Келегеи, но оно скрыто в нижнеднепровских песках, малопригодных для пастбищ. В этом плане откровенно лишенной какой-либо логики выглядит попытка “спрятать” столь фантастически богатый комплекс рядом с существующим пеньковским поселением.

То же касается и пеньковского поселения Полузорье I возле Новых Санжар (Казанский М.М., Серета Д.В., 2001), соседство которого со “стойбищем” Полузорье II О.М.Приходнюк рассматривает как свидетельство сосуществования пеньковцев и “перещепинцев” (Приходнюк О.М., 2002, с.129, 130). Тезис о “стойбище” на самом деле основывается только на разведочных исследованиях культурного слоя поселений. Сам же набор сероглиняных фрагментов из “стойбищ” Лаврики, Белокопи, Вовки, Чередники, Полузорье II достаточно выразителен (Горюнов Е.А., 1987, рис.2; Kazanski M., 1987, fig.15; 16) и включает классические волынцевские горшки с вертикальными венчиками, орнаментированные узкими, пролощенными по сухой поверхности линиями, при полном отсутствии фрагментов канцирской керамики с характерными налепными валиками и шишечками и орнаментацией глубокими широкими линиями, нанесенными по мокрой поверхности. Одно из “салтоидных” поселений – Вовки – оказалось просто волынцевским. “Позднепеньковский” горизонт поселения Полузорье I, синхронный соседнему “стойбищу” Полузорье II, также представлен жилищем 2 с обычными волынцевскими горшком и двумя типичными высокими мисками (Казанский М.М., Серета Д.В., 2001, с.23, 24; рис.4, 3-6). Вся концепция “салтоидной культуры” Среднего Поднепровья, как уже аргументировалось нами (Комар А.В., 2004б), возникла на недоразумении, а памятники, отнесенные к ней Е.А.Горюновым, на самом деле являются обычными волынцевскими. Дата появления волынцевской культуры все еще остается предметом дискуссии, но самый ранний на сегодня волынцевский ком-

плекс с датирующими предметами – Харьковский клад – по пряжке и пластинчатым фибулам синхронен горизонту Галиат – Геленовка. Памятники волынцевской культуры однозначно появляются в рассматриваемом регионе лишь после ухода отсюда кочевников и прямо генетически не связаны с пеньковской культурой.

Мы, конечно же, не отрицаем возможности сохранения части пеньковского населения в регионе, что, возможно, демонстрируется атипичными для славян сооружениями из Осиповки и Чернечины, но комплексы “келегейского” типа из Перещепины, Новых Санжар и Макуховки однозначно были сокрыты в зоне, покинутой славянами под давлением именно носителей перещепинской культуры.

Этнические группы и происхождение населения. Детальный анализ погребального обряда населения перещепинской культуры нами будет предложен в отдельной работе, сейчас же важно кратко очертить основные группы населения, выделяющиеся по данным погребального обряда и культурной специфике вещевого набора.

Комплексы высшей знати демонстрируют существование оригинального обряда проводов, с которым связано происхождение комплексов “келегейского” типа. Более выразительно происхождение Вознесенского комплекса, представлявшего собой, как продемонстрировал А.К.Амброз (Амброз А.К., 1982), тюркское каменно-земляное поминально-мемориальное сооружение – курук. Самые западные тюркские куруки пока известны в Казахстане – Городищенское IX, к.14 Канса (Боталов С.Г., 1998, с.323-325; рис.1-2), но Вознесенка гораздо ближе монгольским курукам I типа, по В.Е.Войтову, – Гиндин-Булак I, Унгету I, Их-Хушот (Войтов В.Е., 1996, рис.9; 13; 17). Куруки I типа, по В.Е.Войтову, сооружались только для каганов и членов их семей – тегинов, ябгу, шадов. Поэтому по форме, размерам и трудозатратам Вознесенка уверенно относится к тюркютским каганским курукам (Комар О.В., 2000б, с.131).

Глодосы, хотя и представляют вариант комплексов “келегейского” типа, явно связаны с погребением по обряду кремации. Кремациями на месте под округлыми каменными или земляными насыпями были м.И Новогригорьевки и Геленовка. Указывая на наличие кремаций в Восточной Европе еще в гуннское время, М.А.Артамонов, тем не менее, сравнивал кремирование знати перещепинской культуры с обрядами алтайских тюрков и хакасов (Артамонов М.И., 2002б, с.523). Согласно письменным источникам, тюркюты практиковали обряд трупосожжения до I-й трети VII в. К сожжению, достоверных археологических данных о тюркских трупосожжениях пока мало, и они не образуют полноценную выборку (Грач А.Д., 1968,

с.207-213; Могильников В.А., 1981, с.31, 32; Савинов Д.Г., 1973, с.341, 342; 1984, с.24, 35-37), но в общих чертах – остатки трупосожжения находятся на уровне древней поверхности или несколько углубленно, кости коня, каменная выкладка – они очень близки м.І Новогригорьевки. Тюркские кремации в основном концентрируются в Туве, но, как и в Северном Причерноморье, не составляют там заметного процента. Лучшие кремации представлены у хакасов, где обряд трупосожжения на стороне был основным. Тут ближайшие поднепровским кремации известны в Верхнем Прииртышье (Арсланова Ф.Х., 1972, с.56-76).

Показательно, что центральноазиатские связи группы комплексов высшей знати прослеживаются и в вещевом наборе. Это – ювелирные изделия “тюрко-согдийского” стиля, золотая “насечка” по железу, сабли со срезанным острием, коленчатые боевые ножи, статуэтки львов из Перещепины и Вознесенки, перещепинская посуда, кресало из Глодос. Параллели в погребальном обряде, идеологических представлениях, архитектуре (конструкция куруков и курганов), художественно-изобразительных традициях, ювелирной технике, типах оружия, кресал, металлической и деревянной посуды, обкладок седла и т.п. отражают прямую генетическую связь “перещепинской” высшей знати с тюркютами Западнотюркского и II Тюркского каганатов. Подчеркнем, речь не идет ни об “интернациональной моде”, ни о традициях, распространенных у различных тюркских народов, – при столь внушительной географической отдаленности степень концентрации рассмотренных признаков в комплексах высшей знати перещепинской культуры слишком высока, чтобы отражать что-либо иное, кроме ее тюркютского происхождения.

В салтовское время обряды кремации и поминальных “тайничков” сохраняются в лесостепном бассейне Северского Донца (Ново-Покровка, Сухая Гомольша, Красная Горка, Лысый Горб, Тополи, Кочеток), в Восточном Причерноморье (Борисово, Дюрсо) и Прикубанье (Псекупский, Молдованка, Казазово-2, Общественный II) (Саханев В.В., 1914; Кухаренко Ю.В., 1951; Дмитриев А.В., 1979; 1982; Михеев В.К., 1982; 1985; 1986; 1990; Шрамко Б.А., 1983; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1996; Аксенов В.С., Воловик С.И., 1999; Сорокина И.А., 2001), одна кремация открыта также в дельте Волги (Вакуровский Бугор). Согласно сведениям Мархонда, “в древние времена” обряд кремации практиковали хазары, бросая покойников в огонь под звуки песнопений и барабанов; “говорят, что этот обычай остался в тех странах по настоящее время” (Захедер Б.Н., 1962, с.150).

Основной обряд рядовых погребений перещепинской культуры другой – это впускное трупопо-

ложение в сопровождении коня в яме с заплечиками или в подбое, ориентированное в сектор СВ-ЮВ, но с преобладанием северо-восточной ориентировки. Последнее важно, так как на северо-восток, в отличие от традиционного для тюркютов “строгого” востока, ориентирован и Вознесенский курук. Отдельную территориально, хронологически и по обряду группу составляют памятники новинковского типа, которые уже детально рассмотрены (Матвеева Г.И., 1997; Багаутдинов Р.С. и др., 1998; Комар А.В., 2001а). Общая же картина в основном степном регионе, базирующаяся на имеющейся в нашем распоряжении небольшой выборке (66 погребений периодов I-IV с установленными датой и деталями обряда) (Комар О.В., 2002б), выглядит так: подкурганые погребения – 86%, бескурганые – 14%; основные подкурганые – 10%, впускные – 90%; простые ямы и ямы с заплечиками – 69,1%; подбой – 29,1%, катакомбы – 1,8%; ориентировка: С – 11,1%, СВ – 48,2%, В – 25,9%, З – 14,8%; шкура коня – 37,9%, туша коня – 10,3%, кости коня в целом – 47,5%; гробовище – 11%; органическая подстилка – 13,4%; меловая подсыпка – 3,4%; жертвенная пища – 36,2%; посуда – 32,8%; нож – 51,7%. Эти цифры из-за резкого численного перевеса северо-причерноморской группы, конечно, в целом близки к статистике по последней (Комар О.В., 2002а, с.8, 9), но локальные отличия восточноприазовской и нижневолжской групп не так уж и велики.

Кроме памятников Самарско-Ульяновского Поволжья типа Новинки, обособливаются территориально по обряду основные подкурганые погребения с западной ориентировкой из Романовской и Дорофеевки, явно связанные с хронологически более поздними памятниками типа Соколовской балки. В этом регионе нет синхронных или более ранних впускных погребений с восточной ориентировкой, которые, что интересно, распространены строго на запад от Дона, а восточноприазовская группа находится гораздо южнее Подонья. К сожалению, не известен обряд разрушенного погребения в к.1 Ясырево II, а геральдическая бляшка из п.9 к.5 Ясырево III найдена в заполнении безынвентарного парного погребения с ориентировкой на СВВ, но в скорченных позах и с посыпкой охрой, т.е., очевидно, эпохи бронзы (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, с.74). Похоже, население, оставившее позже памятники типа Соколовской балки, впервые появляется в междуречье Дона и Волги в период IVa и остается там до последней трети VIII в.

Впускные погребения с западной ориентировкой из Северного Причерноморья (к.5 Виноградного, Октябрьское, Крыловка, Заплавка) так же, как и Уч-Тепе, отдельной группы не составляют, обособливаясь, правда, на этапе IVб. Возможно, это

население связано с носителями типа Соколовской балки, но в периоды II – IVa в Северном Причерноморье оно было частью других общин. Во всех регионах наряду с погребениями, ориентированными в сектор СВ-ЮВ, присутствуют и погребения с ориентировкой на север (4 – в Северном Причерноморье, по одному – в Восточном Приазовье и Нижнем Поволжье). Не исключено, что это – просто отклонение от ориентировки на СВ, но так же ориентированное на север погребение из Мадары близко по обряду более поздним могильникам VIII-IX вв. Болгарии, где доминирует именно северная ориентировка (Димитров Д., 1987, с.210), поэтому вполне возможна связь северной ориентировки с болгарским компонентом перещепинской культуры.

Отметим один момент, связанный с интерпретацией данных статистики об ориентировке погребений. Несмотря на то, что этот вопрос специально анализировался нами (Комар А.В., 2001а, с.17), Р.Рашев, почему-то избегая обсуждения, привел для болгарских читателей собственную “альтернативную” статистику (Рашев Р., 2004, с.93), в которой восточная ориентировка оказалась представленной в равном процентном соотношении с северной, а общий вывод сводится к меридиональному ориентированию погребений “типа Сивашовки”, рассматриваемых автором как генетическую подоснову культуры дунайских праболгар VIII-IX вв.

Каждый автор, несомненно, вправе доверять своим выборкам, но трудно не заметить, что критерии работы Р.Рашева с каталогом погребений “типа Сивашовки” основаны на принципе массового списывания упоминаний литературы без малейшей проверки содержащихся в ней данных (Рашев Р., 2004, с.70-89). А это, как нам пришлось убедиться в процессе работы с материалами “степных” экспедиций, возглавляемых в основном специалистами по культурам бронзового века или скифо-сарматской археологии, очень важно. Дело в том, что среди впускных погребений украинской степи встречается довольно большое количество безынвентарных или маловыразительных погребений, ориентированных в сектор С-В, часто с костями коня, близких по обряду “группе Сивашовки”. Но подобные датированные комплексы есть и в других хронологических группах: сарматские III-IV вв., гуннские кон. IV – V в., половецкие XI-XIII вв., причем в абсолютном количестве безоговорочно преобладают половецкие погребения. Устные же легенды о “большом количестве” новооткрытых погребений типа Сивашовки, как оказалось, возникли именно на почве отнесения к этой группе любых похожих по обряду погребений с неопределимой датой. В

каталоге Р.Рашева к таким относятся №№ 6, 17, 23, 28, 32, 35, 87, 88, 93, 119. В отчетных материалах Херсонской экспедиции А.И.Кубышева, хранящихся в Научном архиве Института археологии НАН Украины, не содержится никаких данных, позволяющих датировать VI-VII вв. и №№ 8, 9, 27, 29, 30, 49, 58, 65, 75, 76, 80, 95, 96, 98, 100, на которые ссылается Р.Рашев. Погребение из Дорофеевки (№ 36), скорее, относится к ранним, типа Соколовской балки, №№ 14 и 61 – сарматские, №№ 18, 64, 67 – половецкие, а под №№ 73 и 117 скрывается одно и то же венгерское погребение IX в. Из выделенной Е.В.Кругловым группы погребений *угорского обряда* “авиловского” типа¹³, только авиловское погребение относится к интересующему нас периоду, остальные (№№ 13, 52, 82, 86, 91, 102, 103, по Р.Рашеву) – более поздние. Наоборот, более ранние (VI – нач. VII в.) – №№ 43, 71, 76, 94, 108. Не понятно, что такое №№ 46, 62, 72, 78, списанные с карты О.М.Приходнюка; №№ 79 и 115 – одно погребение, а №№ 31, 48 – случайные находки геральдических деталей. Наконец, о №№ 20, 38, 40, 84, 101, 105-107 с территории России у нас пока нет никаких дополнительных данных, кроме находок в них обломков луков “гунно-булгарского” типа, дата которых на самом деле довольно широка: I-XIII вв. В передаче информации также допущено много неточностей, иногда значимых. Например, № 63 ориентирован на самом деле на СВ, а № 92 – на С, причем относительно ориентировки погребений автор не учитывает более дробное деление сектора, вследствие чего “северо-восток” у Р.Рашева включает как ССВ (№ 71), так и СВВ (№№ 3, 41, 60). Не понятно, почему отнесены к впускным, а не к грунтовым погребения №№ 4, 7, 28, 47, 94, 109. В № 66 дописан инвентарь еще из трех погребений могильника. Детали обряда многих погребений Р.Рашеву не известны, плюс в каталоге отсутствуют данные еще по 17 погребениям Северного Причерноморья с достоверной датой. “Результат” соответствующий, непонятно, правда, что вообще побудило автора, не имея доступа ни непосредственно к материалам погребений, ни к архивным данным, ни ко многим публикациям и, главное, осознавая это, в столь безапелляционной форме высказываться о проблеме, не говоря уже о ведении дискуссии в том же стиле с исследователями “постсоветского пространства”?

Согласно нашей небольшой выборке (Комар О.В., 2002б), в которую были отобраны только погребения с достоверной датой, для основной части рядового населения перещепинской культуры и его родовой знати (около 75%) была характерна ориентировка в сектор СВ-ЮВ, т.е. головой в сторону точки восхода солнца или ногами в сторону точки

¹³ Благодарим Е.В.Круглова за разъяснение вопроса.

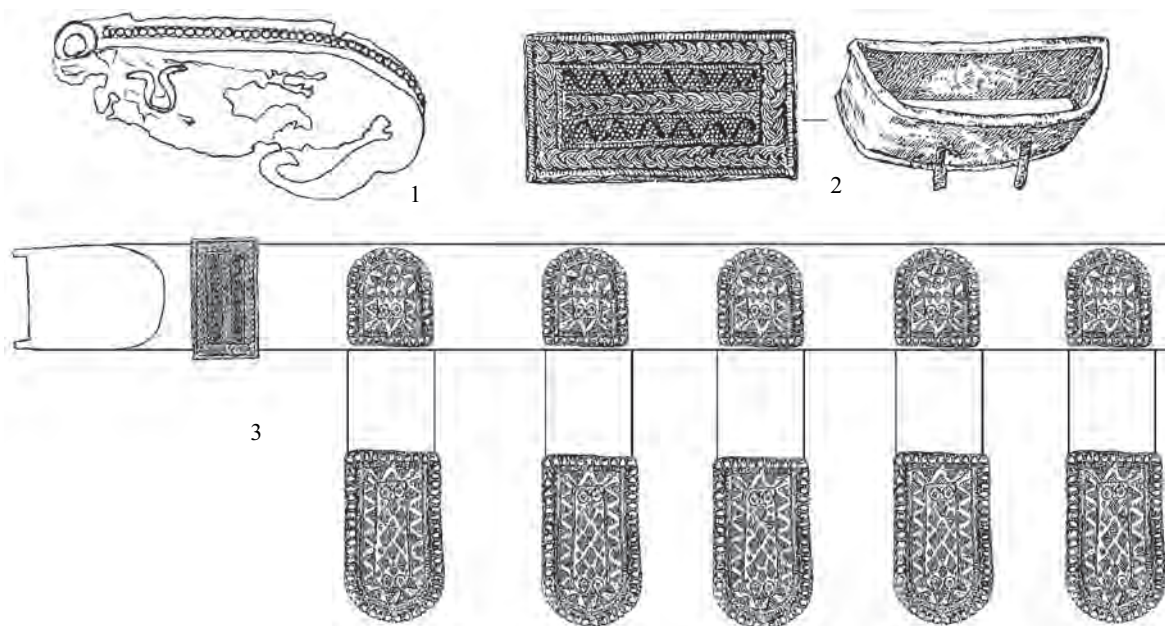

Рис. 31. Пояс из Вознесенки: 1 – щиток пряжки, 2 – ременная скоба; 3 – схематический вариант реконструкции расположения деталей на поясе.

Fig. 31. A belt from Voznesenka: 1 – a buckle shield, 2 – a belt staple; 3 – a schematic variant of reconstruction of the details location on the belt.

захода солнца. Это утверждение хорошо понятно украинским исследователям, поскольку большинство погребений с территории Украины с достоверно западной ориентировкой в хронологическом срезе от скифских погребений до средневековых и современных христианских кладбищ имеют отклонение к югу, достигающее иногда до 80-85°. Т.е. способ определения линии З-В по утреннему или заходящему солнцу в Северном Причерноморье уже в силу природных условий большую часть сезона предполагал отклонение к оси ЮЗ-СВ.

Ориентирование по линии С-Ю опиралось на направление “лицом к полуденному солнцу” (Жуковская Н.Л., 2002, с.198-200) и традиционно предполагает еще большую долю допуска, но, заметим, отклонений в оба сектора: северо-западный и северо-восточный. Сравним, для примера, ориентировку сарматских погребений южной и центральной степных подзон Северного Причерноморья, в которых, собственно, позже и была сосредоточена основная масса погребений “типа Сивашовки”. В небольшой группе роксоланских погребений II-I вв. до н.э. распределение таково: СЗ – 5, С – 5, СВ – 6, В – 3; в I-III вв. количество сарматских погребений резко возрастает и доля сектора СЗ-СВ в нем составляет 76,2%, в котором СЗ – 17,5%, С – 28,7%, СВ – 30%; в южном секторе (15%) картина отклонений похожа: ЮЗ – 5%, Ю – 6,3%, ЮВ – 3,7%), а на В ориентированы лишь 2,5% (Симоненко А.В.,

1993, с.23, 79). Для северной подзоны степи, в Самаро-Орельском междуречье, сарматские погребения II в. до н.э. – IV в. н.э. дают такую картину: СЗ – 17, С – 19, СВ – 22, В – 3 погребения (Костенко В.И., 1986, с.62). Также нестабилен и южный сектор: ЮЗ – 10, Ю – 11, ЮВ – 8 (Костенко В.И., 1986, с.62). Как видим, восточная ориентировка здесь однозначно представлена в виде “примеси”, а в отклонении оси С-Ю чуть преобладает отклонение к оси ЮЗ-СВ. Но, заметим, в сумме погребения с ориентировкой в сектор СЗ-С решительно преобладают над погребениями с ориентировкой в сектор СВ-В, и это хороший контрольный показатель именно меридиональной системы ориентирования погребенных сарматами.

В “группе Сивашовки” отклонений ориентировки на СЗ пока не известно вообще, т.е. сектор СЗ-С составляет лишь 11,1%, в то время, как сектор СВ-В – 74,1%. Но, пожалуй, в вопросе преемственности погребений “типа Сивашовки” и могильников дунайских булгар более весомо высказываются немногочисленные достоверно болгарские погребения Северного Причерноморья кон.V – 1-й пол. VI в. (Комар А.В., 2004а) и 2-й пол. VI – нач.VII в. (Комар О.В., 2002а, с.7), из которых первая группа Р.Рашеву не известна, а вторая слита с погребениями “типа Сивашовки”, несмотря на хронологическую разницу. В первой хронологической группе у погребений с установленными деталями обряда

ориентировка такова: С – 2 (п.7 кургана из Старой Сараты, п.4 Животино), СВ – 1 (п.3 к.3 Ново-Подкряжа), а погребение из Лихачевки ориентировано на СВ (согласно публикации) или на СЗ (согласно архивному отчету) (Зарецкий И.А., 1888; Обломский А.М., 2002, с.83). Во второй группе картина близкая: СЗ – 1 (п.1 к.1 Большого Токмака), С – 3 (п.1 к.22 Малой Терновки; п.2 к.8 Суханово, п.4 к.7 Новой Одессы I), СВ – п.3 к.1 Новой Одессы IV, СВ – п.3 к.1 Новой Одессы IV, В – 1 (п.48 Селиште). Несмотря на крайнюю скудность выборки, она, тем не менее, довольно выразительно свидетельствует о меридиональной ориентировке погребений Северного Причерноморья кон.V – нач.VII в., которые связывает еще одна интересная деталь – отсутствие костей или снаряжения коня, несмотря на широкое распространение этого обряда у кочевников в гуннское время и позже – в VII-XIII вв.

Отличие “сивашовского” обряда от болгарских погребений кон.V – нач.VII в., Мадары и могильников Болгарии VIII-IX вв. не только в широтной ориентировке, здесь, кроме этого, доминировало сопровождение погребенного не тушей коня, а только его шкурой, иногда сложенной, а иногда и набитой в виде чучела. Погребения с восточной ориентировкой, но с целым скелетом коня характерны для алтайских памятников берельского типа (V – 1-я пол.VI в.) (Гаврилова А.А., 1965, с.54-57; Савинов Д.Г., 1984, с.29, 30). В Горном Алтае восточная ориентировка отмечена в памятниках катандинского (в основном VIII в.) и курайского типов (IX-X вв.), а погребения VI-VII вв. с такой ориентировкой открыты на Западном Алтае (Гилёво VIII) (Гаврилова А.А., 1965, с.55-66; Савинов Д.Г., 1982, с.118; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.108). VI в. датируется погребение из Улуг-Хорума, позволившее отнести к VI-VII вв. и тувинские погребения с восточной ориентировкой (Грач В.А., 1982; Савинов Д.Г., 1984, с.39, 40, 52-54). Похожие тюркские погребения известны и в зоне расселения племен Западнотюркского каганата у р.Чу и Иссык-Куля (Шер А.Я., 1963, с.162, 163; Абетеков А.К., 1967, с.46-48), Средней Азии и Казахстане (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.108-109; Нурмуханбетов Б., 1969, с.168). По мнению Д.Г.Савинова, схожесть обряда и вещевого набора территориально отдаленных тюркских памятников VI-VII вв. связана с довольно быстрым распространением населения, обладавшего устойчивой культурной традицией, из одного региона, который нужно связывать с Алтаем, а саму причину этого распространения – с образованием I Тюркского каганата (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.110).

Единого мнения об этносе носителей обряда погребения с конем и восточной ориентировкой среди исследователей нет. Так, Д.Г.Савинов свя-

зывает его с племенами теле, что подчеркивается “предтюркской” датировкой памятников берельского типа и “послетюркской” – памятников курайского типа, а также сообщением китайских хронистов, что “туцзюэсцы их силами геройствовали в пустынях севера” (Савинов Д.Г., 1984; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994). Впрочем, В.А.Могильниковым замечено, что появление тюрков-тугю на Алтае во 2-й пол.V в. не исключает и принадлежность им памятников берельского типа, особенно учитывая их соседство с Турфаном, где, согласно письменным источникам, раньше проживали тюркюты рода Ашина (Могильников В.А., 1996, с.28, 29). В самой Турфанской котловине наше внимание привлекает могильник 1-й пол. I тыс. н.э. Чаоухугоу-3, где присутствуют подкурганые погребения с восточной ориентировкой в подбоях и ямах с заплечиками, в решетчатых гробовищах, в сопровождении шкуры коня и жертвенного мяса овцы (Молодин В.И., Кан Ин Ук, 2000). Сам могильник исследователи соотносят с юечжами, но если бы не значительная хронологическая разница, прямая связь данной группы населения с носителями перешепинской культуры была бы очень вероятной.

Реальная картина выглядит чуть иначе: сначала в V в. на Алтае появляются памятники берельского типа, близкие по обряду погребениям кочевников Турфана. Затем, в VI-VII вв. происходит широкое распространение алтайского населения – носителей обряда погребения с конем и ориентировкой в направлении восхода солнца – по территории I Тюркского каганата, представители которого в нач. VII в. появляются и в Поволжье (Иловатка). В этом контексте оказывается совершенно не лишним вспомнить, что именно с “горами севернее Гаочана (Турфана)” и связывают происхождение тюркютов Ашина китайские источники, согласно которым тюркюты переселились на Алтай в 460 г после разгрома жуань-жуанями (аварами) последнего хуннского объединения “Северное Лян” (Кляшторный С.Г., 1965, с.278-281; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.12, 13).

Кем бы не было рассматриваемое нами население: собственно тюркютами или же местными алтайскими телесскими племенами, несомненно, что именно оно и составляло основную ударную силу Тюркского каганата, обеспечившую ему захват столь обширных территорий. Родственное ему население перешепинской культуры в VII в. уже, конечно, заметно отличалось, что объясняется их серьезной географической обособленностью, обусловившей уже полностью “европейский” облик вещевого набора погребений. Тем не менее, связь украшений стиля Морской Чулэк – Глодосы (рис.18) с украшениями из джетыасарских погребений Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996,

рис.109, 1, 3-6; 119; 148; 149), комплекса из Борового (Казахстан) (Засецкая И.П., 1975, кат.13-32), погребения из Шамши (Чуйская долина) (История Киргизской ССР, 1984, цветная вклейка), Пенджикента (Распопова В.И., 1980, рис.74, 1-4) подчеркивает родственность культурных традиций перещепинского населения и племен Западнотюркского каганата.

С перещепинской культурой связано появление в Северном Причерноморье еще двух типов памятников: Канцирки и Тау-Кипчак. Переселение группы аланских гончаров с Северного Кавказа специально для обслуживания “перещепинских” кочевников стало, несомненно, следствием “привычки” кочевников получать ремесленные изделия от аланского населения. Их продукция в большом количестве представлена в Вознесенке и Келегеях, один кувшин был в Ясиново, обломок второго отмечен в Новых Санжарах, а в к.35 Виноградного, Арцибашево и п.16 к.14 Великой Знаменки находились обломки гончарных сероглиняных горшков. Как показала дальнейшая история, эта акция была только предвестником масштабного заселения аланами Подонья в салтовское время.

Памятники типа Тау-Кипчак И.А.Баранов определил как поселения оседающих на землю кочевников рассмотренной нами группы (Баранов И.А., 1990), но использование в жилищном строительстве сложного типа кладки “в елочку” не позволяет согласиться с таким утверждением. Специально рассмотрев проблему ее происхождения, С.А.Плетнева пришла к выводу, что крымские дома с кладкой “в елочку” связаны по происхождению с регионами Дагестана и Закавказья (Кавказская Албания и Грузия) и могли быть принесены в Крым только оседлым тюркским населением из Дагестана, которое исследовательница считает хазарами (Плетнева С.А., 1967, с.49, 63; 1999, с.143; 2003, с.31).

Связь перещепинского населения с аланами и тюркским населением Дагестана хорошо коррелируется с отмеченными нами прямыми торговыми связями этой группы кочевников с Сасанидским Ираном в Восточном или Центральном Кавказе, прямой схожестью их геральдических поясных наборов с наборами Чми, а также присутствием в комплексах отдельных вещей кавказского круга (Перещепина, Новые Санжары), свидетельствующих о формировании “перещепинского” кочевнического объединения до его появления в Северном Причерноморье в регионе, соседствующем с Центральным и Восточным Северным Кавказом.

Уровень общественной организации. Комплексы перещепинской культуры четко разделяются на группы по социальному и имущественному признаку.

Комплексы правителей: Перещепина, Глодосы, Вознесенка. Имущественный статус “перещепинского” правителя тут вне конкуренции. По приблизительной оценке, в комплексе присутствовало около 25 кг золота и 50 кг серебра (Залеская В.Н. и др., 1997, с.3). Даже без учета того, что все эти вещи представляют собой ювелирные изделия, в стоимость которых входила очень дорогая работа лучших византийских, сасанидских и кочевнических ювелиров, стоимость перещепинских вещей как лома в VII в. равнялась около 6250 номисм в Византии или около 6500 динаров в Арабском халифате. В VI-VII вв. в Византии овца стоила половину номисмы, корова – 2-3 номисмы, молодая лошадь – 12 номисм (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.138; Сорочан С.Б., 2001, с.142). Нетрудно убедиться, что наследники “перещепинского” правителя без сожаления отправили с умершим в загробный мир ценностей, эквивалентных стаду из 12500 овец или 520 лошадей. Для сравнения, в 6480 номисм в VI в. была оценена богатая усадьба патрикия Домиана в Константинополе, прожиточный же минимум рядового константинопольского ремесленника составлял 14-16 номисм в год (Сорочан С.Б., 2001, с.168, 218). У арабов прожиточный минимум семьи ремесленника составлял 12 динаров в год, необлагаемый налогом “минимум” имущества составлял 20 динаров или, для скотоводов, 39 овец и 4 верблюда; а имущество, например, самого богатого араба сер.VII в. – Абдаррахмана б. Ауфа составляло миллион дирхемов (около 83 тыс. динаров), 1000 верблюдов, 3000 овец и 100 лошадей (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.138, 150, 156).

То, что перещепинский комплекс – не клад и не все имущество покойного, пожалуй, лучше всего иллюстрирует практически полное отсутствие здесь обычных монет, не использованных для украшений, а также откровенного лома или слитков серебра и золота. Повторимся, что мы имеем дело лишь с той малой частью имущества человека, которую надо было положить с ним в могилу по ритуалу. Также следует учесть тот немаловажный факт, что традиционно основную часть богатства кочевнической семьи составляли все же стада лошадей и овец, а не драгоценности. Поэтому стоимость перещепинского комплекса однозначно указывает на его принадлежность одной из самых богатых семей Европы VII в. Для сравнения, в таких же “каганских” аварских комплексах из Кунбабона и Бочи было всего около 3 кг и 2,6 кг золота соответственно.

Два других комплекса правителей – Глодосы и Вознесенка – демонстрируют более скромный подход к погребальному обряду. “Стоимость” вещей из Глодос (2583 г золота и 1026 г серебра) эквивалентна всего 590 номисмам или стаду в 1180 овец, а в

Вознесенке (1238 г золота и 3614 г серебра) и того меньше – 314 номисм или 628 овец. Но, как справедливо отмечено А.К.Амброзом, в Вознесенке мы наблюдаем другой, более серьезный признак государственной организации рассматриваемого кочевнического объединения – это открытый публичный культ царских предков, совершавшийся в специально построенном при помощи большого коллектива людей поминальном храме – куруке (Амброз А.К., 1982, с.220).

Комплексы высшей знати: Келегеи, Макуховка, Новые Санжары, Ясиново, Лимаревка, Павловка по роскоши уже заметно уступают рассмотренным: “стоимость”, например, комплекса из Келегеев, даже с учетом несохранившейся части серебряных вещей, – около 75 номисм или 150 овец; Новых Санжар – 60 номисм или 120 овец. Эта часть знати практиковала тот же обряд проводов, что и правители, поэтому, возможно, даже находилась в родственных отношениях с семьей правителя.

Представители *родовой и дружинной знати* наоборот погребаются как рядовые члены общества – в курганах. Отличает их только наличие золотых или серебряных с отдельными золотыми вставками поясов. “Стоимость” самых богатых комплексов по сравнению с предыдущей группой падает в 3 раза, но самые скромные опускаются в стоимости всего до 2-3 номисм, т.е. до уровня богатых *рядовых погребенных*, различающихся по материалу поясов: серебряных и бронзовых.

Наблюдаемая четкая имущественная и ранговая стратификация общества, вертикаль которой оканчивается, пожалуй, самым богатым комплексом раннесредневековой Европы и грандиозным поминальным храмом в честь умершего правителя, указывает на хорошо отлаженную систему кочевнического государственного образования с царской династией “божественного происхождения”.

Политические контакты. Весомость рассматриваемого кочевнического объединения выразительно подчеркивается и его политическими связями.

Монеты, особенно двадцатикратные солиды, чеканенные специально для направленных выплат “перещепинцам”, указывают на их очень тесные политические отношения с Византией, которые поддерживались во время Маврикия-Тиберия (582-602 гг), Фоки (602-610 гг), Ираклия (613-625, 629-632, 638 гг), Константа II (642-646, 647-663 гг), возможно, также Константина IV (681-685 гг) и Леонтия II (695-698 гг), но более достоверно – во время Тиберия III (698-705 гг), т.е. на время Константина IV и Леонтия II (период 668-698 гг) вполне вероятен временный разрыв отношений. “Монетные” связи дополнительно подчеркиваются подарочными комплектами посуды с клеймами

времен Маврикия-Тиберия (582-602 гг) и Ираклия (629-641 гг) из Перещепины, а также подарочными медальонами 629-632 гг чеканки и перстнями с монограммой с лигатурой “патрикий”, которые, вне всякого сомнения, маркируют эпизоды союзнических отношений. В период 638-659 гг практически одновременно к “перещепинцам” и аварам с посольством особой важности поступили великолепные подарочные комплекты византийской работы, состоящие из пояса, меча, сбруи. Как показал наш анализ, случилось это еще до переселения “перещепинцев” в Северное Причерноморье, поскольку византийцы оказались очень слабо знакомы с типами поясов и оружия, используемых этой группой кочевников. Еще во время формирования перещепинского комплекса прямые ремесленные контакты “перещепинцев” и византийцев наблюдаются крайне слабо, зато они ярко проявляют себя в период IVa, свидетельствуя об установлении прочных соседских отношений. Учитывая же, что переселение “перещепинцев” в Крым происходит еще в период II, это подталкивает к выводу, что культура кочевников этого этапа сформирована в другом регионе, скорее всего, соседствующем с Центральной и Восточной зонами Северного Кавказа.

Об этом говорит и наличие сасанидской группы предметов, поступавшей к “перещепинцам” по эксклюзивным каналам. Золотые же перещепинские кувшин и чаша (кат.21, 22), по мнению Б.И.Маршака, изготовлены для сасанидского двора и могли попасть к кочевникам только в качестве исключительного дипломатического дара либо же во время разграбления византийцами и тюркютами в 628 г Дастакерта (Залесская В.Н. и др., 1997, с.67, 68, 125, 126). Только путем грабежа могли попасть к “перещепинцам” блюдо Патерна и серебряная амфора, которые, учитывая их не византийскую доработку, на наш взгляд, прошли через руки закавказских мастеров и были захвачены “перещепинцами” именно в этом регионе.

Непосредственным следствием вторжения “перещепинцев” в Закавказье является погребение из Уч-Тепе, совершенное в период III, т.е. в 669-698 гг. В этот же период фиксируется вторжение одной из групп “перещепинцев” в Северо-Восточную Болгарию (Мадара). Чуть раньше они занимают Северное Причерноморье и Восточное Приазовье, непосредственно столкнувшись с византийцами, а в периоды II и III вторгаются в лесостепную зону Украины, вытесняя или подчиняя славянское население, в зоне проживания которого позже отмечаются племена полян, северян, радимичей, вятичей и уличей, из которых только последние не фигурируют в списке данников Хазарского каганата.

Продолжительность существования культуры и историческая судьба населения. Общие

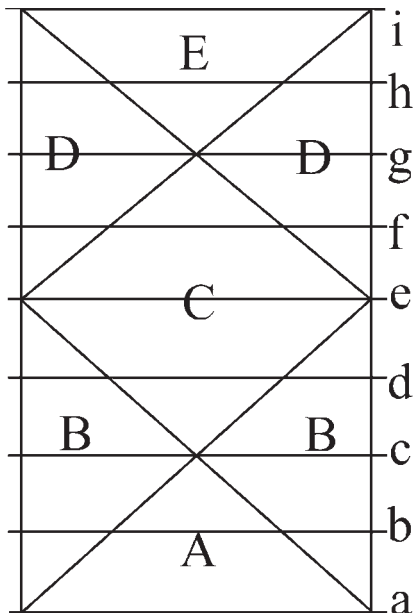

Рис. 32.
Fig. 32.

абсолютные рамки перещепинской культуры охватывают период от нач. VII в. до 30-х гг VIII в., после чего она сменяется памятниками салтовской КИО. Но полученная на основании механической фиксации дат чеканки монет из комплексов продолжительность горизонтов Сивашовки, Уч-Тепе и Шиловки (643-725 гг) не может быть признанной удовлетворительной.

Большинство погребений и комплексов перещепинской культуры единичны. Это впускные погребения в случайно выбранных местах, т.е. эквивалент I стадии кочевания, по С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1982). Но, вместе с тем, и в Северном Причерноморье (Белозерка, Васильевка, Виноградное, Малая Терновка, Наташино, Рисовое, Христофоровка, возможно также Богачевка) и в Восточном Приазовье (Калининская), и в Поволжье (Бережновка, Шиловка) известны пункты сразу с двумя подкурганскими погребениями, а в лесостепном Поднепровье – и два бескурганских могильника с двумя (Максимовка) и четырьмя (Рябовка) погребениями. В Васильевке и Христофоровке по два погребения впущены в один курган, т.е. это явно члены одной семьи или рода. “Казус Рябовки” – это тоже семейный, скорее всего, одномоментный могильник, образовавшийся вследствие внезапной смерти семьи. Из-за бича средневековья – вирусных эпидемий – такие эпизоды, увы, были частым явлением. Остальные же “могильники” содержат только по два погребения, отражая кратковременность проживания перещепинского населения на занятых землях.

Интересно проследить хронологическое соотношение погребений на таких “могильниках”. В Христофоровке, Виноградном, Рисовом и Рябовке все погребения принадлежат к горизонту Сивашовки; в Белозерке, Васильевке, Наташино, Калининской и Бережновке – одно погребение горизонта Сивашовки, другое – горизонта Уч-Тепе. В Малой Терновке открыто более раннее погребение горизонта Суханово с меридиональной ориентировкой (п.1 к.22), а также два погребения перещепинской культуры (п.1 к.3 и п.3 к.24). Инвентарь последних не очень выразителен, но п.3 к.24 с бронзовыми круглыми бляшками с насечками по краю периодов II-III и железной петлей, аналогичной петле из к.5 Виноградного и аварского погребения из Кечкемета, может относиться как к горизонту Сивашовки, так и горизонту Уч-Тепе, а п.1 к.3 с прессованным наконечником, скорее, принадлежит к горизонту Уч-Тепе. Таким образом, большинство степных “могильников” возникли в период II и прекратили существование в период III, причем промежуток между погребениями вряд ли составлял более одного поколения, т.е. 20-25 лет. Учитывая же четкий хронологический стык и частичное сосуществование горизонтов Уч-Тепе – Келегеев (после 669 г) и Шиловки – Романовской (после 698 г), нам трудно допускать появление погребений горизонта Сивашовки на “могильниках” Белозерки, Бережновки, Васильевки, Калининской, Малой Терновки, Наташино ранее 665-670 гг, что автоматически сдвигает и нижнюю границу горизонта Уч-Тепе минимум к 680 г. Если же появление “перещепинцев” в Северном Причерноморье было одномоментной акцией, а не длительным процессом постепенного переселения, то и остальные погребения горизонта Сивашовки появились в регионе где-то около 665 г.

Погребения периода II только впускные, но уже в период III появляются курганы (к.17 Наташино), а в Васильевке древний курган в раннесредневековое время окружили ровиком. Еще два кургана в Северном Причерноморье соорудили в период IVa или IVб (Усть-Каменка) и на этапе Геленовки (Геленовка), но продолжения традиции дальше нет – “перещепинское” население покидает этот регион. Зато в период IV появляются основные подкурганские погребения и могильники в междуречье Дона и Волги (Романовская, Дорофеевка), Среднем Поволжье (Шиловка, Новинки II, Шелехметь II, Рождественское, Брусяны), которые продолжают функционировать и в раннесалтовское время, относясь к памятникам типа Соколовской балки и типа Новинок.

Как мы уже отмечали (Комар А.В., 2001а, с.32-39), исчезновение “перещепинского” населения из Северного Причерноморья и Восточного Приазовья в период IV не может быть связано только с его

миграцией в Болгарию, где в период III появляется группа населения, несомненно входившая раньше в культурный круг перещепинского населения, но несколько отличающаяся от него по обряду (меридиональная ориентировка, отсутствие подбоев и “шкура” коня). Отличие ориентировки погребенных у “перещепинцев” и болгар означало различное понимание направления, по которому отправлялся умерший в загробный мир. Очевидно, это связано и с различиями в системе ориентирования “вперед-назад”, наблюдаемой и сейчас у тюркских народов. В то время, как у древних тюркютов, а также современных якутов, чувашей, тофаларов понятие “вперед” означает “на восток”, лицом к восходящему солнцу, у тувинцев, казахов, киргизов, ногайцев, монголов “вперед” означает “на юг”, лицом к полуденному солнцу (Жуковская Н.Л., 2002, с.198-200). Человек, положенный головой на север, оказывался обращенным лицом на юг, т.е. “вперед”, отправляясь в “хорошую дорогу” (тюркское пожелание “дороги на юг” равнозначно “удачного пути”), в то время как ориентировка на восток отправляла дух умершего на запад, традиционно связанный у тюрков со стороной мертвых, т.е. “кратчайшей дорогой” в загробный мир. Аналогичную “перещепинцам” систему представлений имело население, оставившее памятники новинковского типа на Средней Волге, близкое также по инвентарю и другим особенностям обряда (Комар А.В., 2001а), поэтому с оттоком “перещепинцев”, скорее, связано появление памятников новинковского типа, а также чуть позже, Нетайловского могильника на Северском Донце. В последней четв. VIII в. памятники типа Новинки и Соколовской балки практически полностью исчезают. Причины этого процесса пока не изучены, вероятно, они связаны с целым комплексом изменений в хозяйственном укладе и общественно-политическом устройстве Хазарского каганата, обусловивших интеграцию кочевников в культуру оседлого и полuosедлого населения салтовской КИО.

“Перещепинский” правитель по данным археологии. На основании изложенных выше наблюдений, но без привлечения данных письменных источников о кочевниках Восточной Европы VII в. собственника перещепинского комплекса можно, в целом, описать так. Это – правитель крупного кочевнического политического объединения, занимавшего в последней трети VII – нач. VIII в. территорию от Южного Побужья до Заволжья, держа в зависимости ряд аланских и тюркских племен Северного Кавказа и славянских Среднего Поднепровья.

Четкая социальная стратификация населения свидетельствует о серьезных традициях государственного управления, причем верхушку знати и

ближайшее окружение правителя явно составляли тюркюты, еще во 2-й пол. VII в. тесно связанные с остатками тюркютов Западнотюркского каганата и Согдом; рядовое же население было родственно тюрко-телесским племенам Западнотюркского каганата. Это объединение поддерживало тесные союзнические отношения с Византией на протяжении всего периода 582-663 гг, в т.ч. участвовало в войне с Ираном 624-628 гг, после 663 г фиксируется охлаждение отношений, которое оканчивается около 698 г. Именно во время этого разрыва и происходит широкая экспансия рассматриваемого кочевнического объединения на запад, приведшая к захвату Северного Причерноморья и Восточного Приазовья, вытеснению и подчинению части славянских племен Среднего Поднепровья, в т.ч. и в зоне полтавской лесостепи, где в период около 680-698 гг во время ритуала проводов духа умершего правителя и спрятали комплекс принадлежащих ему предметов. Наследники “перещепинского” правителя остаются в Среднем Поднепровье еще на некоторое время, где позже появляются комплексы из Глосос и Вознесенки, но сразу после смерти “вознесенского” правителя (случившейся после 698 г) основная масса кочевников покидает степи Северного Причерноморья, откочевывая в Поволжье, где оставляет уже культуру раннесалтовского периода.

Так выглядит картина, полученная нами в результате анализа археологического материала. Работу собственно археолога на этом этапе можно считать завершенной, поскольку следующий этап анализа принадлежит уже к уровню синтезированного междисциплинарного исследования, требующего использования источников другого рода – нарративных и лингвистических. Как уже отмечалось в самом начале нашей работы, в отношении Перещепины археологи перешли этот “рубикон” давно, причем резко и безоглядно, заставляя и нас тем самым либо избегать любых дальнейших исторических интерпретаций, либо же последовать “протоптанным путем”, но попытаться оттолкнуться не от уже существующих в историографии исторических моделей и гипотез, а непосредственно от *источников*, имеющихся в нашем распоряжении, рассмотрев поэтапно целый ряд исторических проблем, важных, в первую очередь, для археологов.

Часть II. История

Несмотря на довольно яркую “археологическую” характеристику рассмотренного в предыдущей части кочевнического объединения, соотнести его с реальным историческим образованием не так просто из-за существования в историографии раз-

личных, порой диаметрально противоположных взглядов на политическую историю восточноевропейской степи VII в. и, в частности, на роль и историческую судьбу Западнотюркского каганата в Восточной Европе, механизмы образования и историю раннего Хазарского каганата и ранних булгарских объединений.

Информацию о кочевниках данного периода среди письменных известий приходится собирать по крупицам, уделяя максимум внимания даже мельчайшим косвенным деталям, последовательно отработывая множество версий и гипотез в поисках единого сценария развития событий. Но сотканное из разрозненных прерывистых ниточек единое историческое полотно эпохи будет всегда оставаться лишь непрочной реконструкцией, одной из многих возможных, если полученная картина не найдет дополнительного подтверждения в другом круге источников – археологическом материале.

Раздел.1. Ранний Хазарский каганат

Состояние вопроса в археологической литературе. Прозвучит несколько странно, но в условиях активного обсуждения проблемы выделения археологических памятников хазар, развернувшегося в последние десятилетия (Семенов И.А., 1978; 1988; 1991; 1997; Айбабин А.И., 1985; 1991; 1998; 1999; 2002а; Плетнева С.А., 1990; 1999; 2002; 2003; Круглов Е.В., 1990а; 1992б; 2002а; 2002б; Иванов А.А., 2000; 2002а; Афанасьев Г.Е., 2001; Афанасьев Г.Е., Атавин А.Г., 2002; Флёрова В.Е., 2001б; 2001в; 2002а; Приходнюк О.М., 2001), археологи совершенно обходят стороной вопрос, кем же были этнические хазары, т.е. чьи памятники мы, собственно, пытаемся выделить. Несомненно центральная фигура современного хазароведения – С.А.Плетнева (Плетнева С.А., 1999, с.5) – в этом вопросе отсылает читателя к противоречащим во многом друг другу монографиям М.И.Артамонова (Артамонов М.И., 1962; см. также переиздание: Артамонов М.И., 2002а) и А.П.Новосельцева (Новосельцев А.П., 1990), а также к собственному популярному изданию (Плетнева С.А., 1986), вкратце пересказывающему концепцию М.И.Артамонова. Взгляды М.И.Артамонова и С.А.Плетневой повторяет О.М.Приходнюк (Приходнюк О.М., 2001, с.72-75). А.И.Айбабин опирается на концепцию Д.М.Данлопа (Айбабин А.И., 1999, с.171-173), а И.О.Гавритухин (Гавритухин И.О., 2005) – на концепцию К.Цукермана (Цукерман К., 2001), предлагающую, правда, пока только аргументацию contra, но не дающую реального ответа на вопрос о происхождении хазар и механизме образования их каганата.

Остальные исследователи предпочитают вообще не касаться этих тем, либо просто ссылаются на монографию М.И.Артамонова (1962), несомненно оказавшую серьезнейшее влияние на все исследования археологии и истории Хазарского каганата 2-й пол.ХХ в. Актуальна книга и сейчас, что подчеркивается ее двукратным переизданием за последние несколько лет. Но, превратившись в классику исторической литературы, исследование М.И.Артамонова не преодолело своей главной проблемы – опоры на переведенные источники. Пожалуй, ситуацию трудно выразить точнее С.А.Плетневой, отрывок из рецензии которой мы позволим себе привести дословно: “Послегуннская эпоха так же, как и история самого каганата, долгое время оставалась наиболее темным и слабо изученным периодом в истории юга и юго-востока нашей страны. Разрозненные и краткие упоминания, разбросанные в трудах западных и восточных писателей того времени, и их интерпретация вызвали ожесточенные споры историков XIX в. и наших дней. Особенно затрудняется работа над источниками потому, что написаны они на разных языках: греческом, латинском, еврейском, арабском, армянском, грузинском и китайском. Естественно, что нет ни одного историка, который мог бы пользоваться всеми источниками в подлинниках. А переводы на русский или любой другой доступный европейский язык также сопровождались и сопровождаются дискуссиями и постоянно подвергаются критике и исправлениям. В связи с этим перед историком постоянно стоит дилемма – можно или нет пользоваться ныне существующими переводами при анализе исторической обстановки в ту или иную интересующую его эпоху. Любое исследование, в котором широко используются переведенные письменные источники, всегда встречается резкой критикой лингвистов – специалистов по какому-нибудь одному или нескольким из перечисленных языков. Причем, как правило, основным аргументом этой критики является категорическое заявление, что все до сих пор существующие переводы безнадежно устарели и потому сильно искажают действительный смысл повествования” (Плетнева С.А., 1963, с.279). Уточним, что основной упор критики падает все же не на *перевод*, а на смысловое *прочтение* источника, которое в т.н. “темных местах” иногда допускает просто десятки трактовок, соответственным образом отражающихся в переводах.

М.И.Артамонов предложил комплексный анализ источников по доступным ему переводам, охватив весь их спектр. Повторить такую работу на новом, современном уровне анализа невозможно, поскольку в силу вступают языковые ограничения, не позволяющие историкам выйти за рамки источников, доступных им в оригиналах. Примером

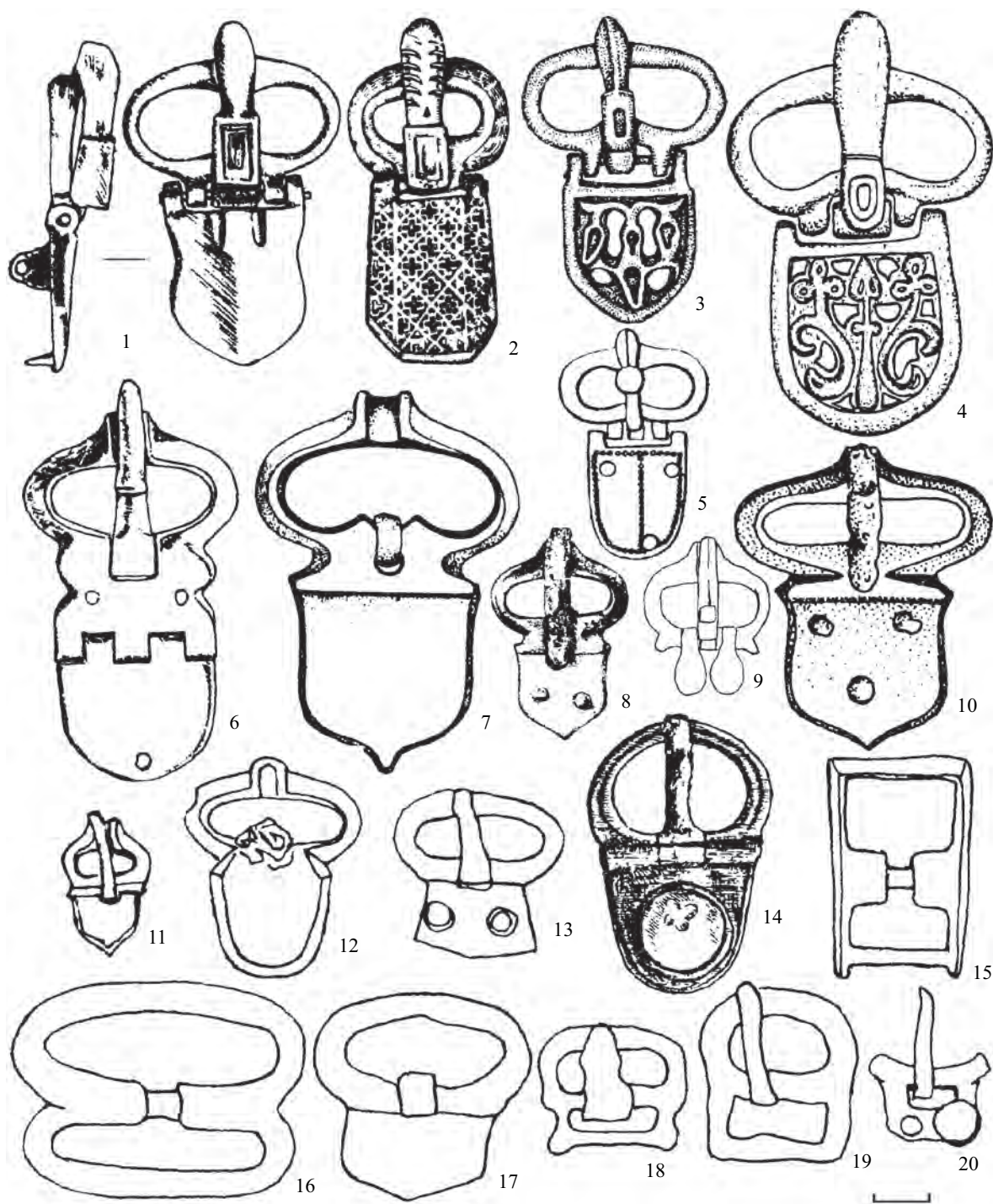

Рис. 33. Пряжки: 1, 6, 14 – Шиловка, к.1; 2 – Директорская Горка, п.5; 3 – Эски-Кермен, с.257; 4 – к.14 Подгорненского IV; 5 – Перещепина; 7 – Озора-Тотипуста; 8 – Кунбабонь, п.2; 9 – Бережновка, к.111, п.1; 10 – Кунагота; 11 – Келегеи; 12 – Старый Салтов, кат.15; 13, 16-20 – Геленовка; 15 – Дорофеевка.

Fig. 33. Buckles: 1, 6, 14 – Shilovka, barrow 1; 2 – Directorskaia Gorka, burial 5; 3 – Eski-Kermen, p.257; 4 – Podgornenskii IV barrow 14; 5 – Pereshchepina; 7 – Ozora-Totipusztá; 8 – Kunbabony, burial 2; 9 – Berezhnovka, barrow 111, burial 1; 10 – Kunagota; 11 – Kelegei; 12 – Staryi Saltov, catacomb 15; 13, 16-20 – Gelenovka; 15 – Dorofeievka.

тому служит монография востоковеда А.П.Новосельцева (Новосельцев А.П., 1990), в которой при великолепном знании арабо-персидской части источников слабо учтены другие, а “абберация дальности” в отношении китайских, например, заставляет исследователя сомневаться даже в годах правления Тон-джабгу-кагана (Новосельцев А.П., 1990, с.88). Выводы исследователя в этой ситуации, разумеется, в основном построены на сведениях арабо-персидской литературы, от которых, наоборот полностью отказывается К.Цукерман, делая упор на армянские источники (Цукерман К., 2001). В обоих случаях неминуем “перекос”, а постороннему наблюдателю не остается ничего лучшего, как присоединяться к одному из мнений, либо же строить собственные выводы на доступных ему источниках.

Для археолога это, в первую очередь, источники археологические, поэтому не удивительно, что после М.И.Артамонова археологи-хазароведы пытались реконструировать историческую картину в основном по материалам исследований материальной культуры, как заметил А.П.Новосельцев, часто получая выводы, противоречащие письменным источникам (Новосельцев А.П., 1990, с.59). Интерес к последним постепенно упал – из публикаций археологов полностью исчезла критика письменных источников, которую заменило простое цитирование или “логические” масштабные исторические реконструкции, отражающие авторское видение эпохи. Поэтому скептическая оценка А.П.Новосельцевым этого этапа развития археологического хазароведения, сделанная с тактичным акцентом на “провинциальную археологию” (Новосельцев А.П., 1990, с.59), к нашему сожалению, имеет основания.

Впрочем, период после выхода монографии А.П.Новосельцева существенно изменил ситуацию уровня и собственно исторических работ. Рост доступности полиграфических услуг резко увеличил число научных изданий, под маркой которых, как в “провинциях”, так и в “столицах”, часто проходят не просто малопрофессиональные, но и откровенно непрофессиональные работы. Особенного процветания в таких условиях достигла т.н. “школа Л.Н.Гумилева”, несомненно эрудированные представители которой предлагают обычно “глубокий” анализ исторических сюжетов или глобальные событийные, этнические, социальные и палеогеографические реконструкции без малейшей источниковедческой работы, не говоря уже об анализе источников на языке их оригинала и, тем более, по палеотипам. На этом фоне выход каждой новой работы представителей старой источниковедческой школы, к сожалению, уже превращается в редкое интеллектуальное событие.

Что в таких условиях делать археологу? Как разрешить дилемму поиска археологических памятников хазар? Должны ли мы на основании письменных источников или их анализа историками каждый для себя решить, кто такие хазары, и искать соответствующие памятники, или же на основании косвенных социальных и территориальных признаков выделить группу памятников гипотетических хазар, изучив которые, сделать выводы о характере их культуры? Последний выход, хотя и покажется разумным многим археологам, сопряжен на самом деле с серьезными трудностями из-за неминуемой эволюции хазарского этноса и его культуры за четыре века существования. Опыт изучения археологии Древней Руси показывает полную бессмысленность попытки механически сравнить культуру “руссов” и славянского населения “Русско-го каганата” IX в. с древнерусской культурой XII в., а ведь Хазарский каганат прошел в своей истории через сходные этапы: от растущего путем экспансии политического новообразования до стабильного централизованного государства, от языческого пантеона до государственной религии.

Как бы не старались археологи уйти от этой темы, но для каждого периода хазарской истории нужно четко формулировать, что мы подразумеваем под названием “хазары”: макроэтноним, этнос, социальную группу, иначе обсуждение проблемы археологических памятников “хазар” заранее обречено на провал. Речь не обязательно идет о самостоятельных масштабных исследованиях вопроса, а всего лишь о конкретизации авторской позиции, хотя бы в контексте новейших обобщающих исторических работ или обзоров источников.

Ниже мы попытаемся кратко изложить свои взгляды на “хазарскую проблему”, разумеется, отдавая отчет в невозможности для нас проверить адекватность используемых переводов практически всего “восточного” блока источников.

Этноним. Арабские источники для ситуации IX-X вв. сообщают, что именов “хазар” называется народ, государство, страна, город, река, море и климат (географическая единица) (Калинина Т.М., 2002а). Речь идет о пике хазарского могущества и известности, но что означало это название в начальный период своего существования?

Суммируя информацию разноязычных источников о передаче названия “хазар”, А.П.Новосельцев констатирует, что именно форма “хазар” и является базовой для большинства источников. По мнению исследователя, сам этноним “хазар” не может быть удовлетворительно объяснен ни из какого известного языка, но в примечаниях осторожно допускает, что он может восходить к иранскому “хазар” – “тысяча”, вошедшему также в армянский и венгерский языки (Новосельцев А.П., 1990, с.76,

97). Эту версию М.И.Артамонов отбросил еще в своей ранней работе, обратив внимание на то, что “хазар” – это персидское название военно-административной единицы – “тысячи” (Артамонов М.И., 1936, с.84), вероятно, полагая, что оно никак не может принадлежать народу. Но в древнетюркском языке *hāzar* также известно и означает все ту же “тысячу” (Древнетюркский словарь, 1969, с.197). Утверждение ал-Мас’уди, что “по-тюркски” хазары зовутся “сабир” (Заходер Б.Н., 1962, с.131), скорее всего, восходит к интерпретации тюрк. *savār kesār* – “лекарство” (Древнетюркский словарь, 1969, с.302, 492) и представляет собой лингвистическое недоразумение.

Реальные тюркские варианты этимологии слова “хазар” другие. Аффикс -*ar* част в этнонимах и топонимах “западной” группы: “булгар”, “авар”, “Сувар”, “Баланджар” и т.д. В уйгурских надписях хазары известны в форме *qasar*. Если допускать его происхождение от древнетюркского **qaz* – “гусь” или “кора” (Древнетюркский словарь, 1969, с.438, 439; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.107), реконструируемое **qaz-ar* – скорее всего, “[народ] гусей”. У тюркских народов не сохранилось следов особого почитания гуся, и только у якутов гусь отмечен в числе тотемных животных (Алексеев Н.А., 1980, с.110). Производный от *qaz* этноним **qazar* первоначально должен быть родовым названием по имени тотема рода – гуся. Древнерусская форма “козарь” может дать маловероятную вариацию от тюрк. **koz-ar* – “орехи” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.112), а китайская “Ке-са” – от **kez-ar* – “оперение стрел”, “стрелы” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.572). Последний вариант перекликается с *on oq bodun* – “народ десяти стрел” – общим названием населения Западнотюркского каганата после реформы Ышбара Хилаш-кагана 635 г, но сам этноним “хазар” известен уже в сер. VI в.

Если все же считать форму “хазар” фонетически неискаженной, ее происхождение от *hazar* – “тысяча” – говорит, что перед нами не этноним, а всего лишь ираноязычное название тюркской военно-административной единицы (древнетюрк. *buḡa* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.574)). Превратиться в этноним слово “хазар” могло исключительно в глазах других народов, воспринимавших его как племенное название. Закрепившись за этой группой населения, название “хазар” постепенно полностью вытеснило из обихода его настоящий этноним, а после образования каганата превратилось в макроэтноним. Подобный генезис макроэтнонимов не редкость – достаточно вспомнить примеры “татар” или “русов”. Другой вариант этимологии – от тюрк. **qaz-ar* – предполагает, что

“хазар” – это первоначально название узкой родоплеменной группы, имевшей тотемом гуся.

Этнос. Наиболее ранние источники, сообщающие об этнической принадлежности “хазар”, – это восходящие к VII в. разделы китайской хроники “Таншу” и албанской хроники Мовсэса Дасхуранци (Каланкатуаци).

В “Таншу” при передаче географического описания Византии и Персии, на север от Персии, на северо-восток от Византии и на северо-запад от Приаралья локализуется “тукюеское поколение Кеса” (Бичурин Н.Я., 1950, т.2, с.315, 326, 329) или, в переводе А.Г.Малявкина, “туцзюэский род Хеса” (“Кэса” в “Повествовании о Босы”) (Малявкин А.Г., 1989, с.84, 272). Источник упоминает о вторжении тюркютов в Персию в правление Тон-джабгу-кагана (627-628 гг), далее – посольство 638 г, после чего его информация касается уже не Персии, а только ее бывших северо-восточных провинций, ставших в 60-70-х гг ареной борьбы между Китаем и арабами. Поскольку источник знает о завоевании Персии арабами, но в интересующей нас части текста еще говорит о ней, как о реалии его дня, эти данные однозначно относятся к периоду до 652 г, и их нельзя относить к донесению чиновника Ван Минъюня, посланного к Перозу для переговоров о возможной китайской помощи, на основании которого было произведено районирование “Западного края” (Малявкин А.Г., 1989, с.80, 193). Географическое описание “Повествование о Босы”, использованное редактором “Таншу” Оуян Сю, было написано в период, когда Персия находилась еще в зените известности, что, учитывая катастрофические для персов последствия битвы при Нихавенде, относит его составление однозначно до 637-642 гг, когда арабы разгромили персов при Кадисии и Джалуде и захватили столицу Персии Ктесифон (Колесников А.И., 1982, с.86-145; Большаков О.Г., 2000, т.2, с.59-69). Впрочем, две разных формы этнонима: “Кеса” и “Хеса”, отражающие подбор иероглифов двумя разным людьми, возможно, означают, что второе упоминание хазар при локализации “владения Хосюнь” принадлежит таки Ван Минъюню и относится к 50 гг VII в.

Локализация “Кеса” точно соответствует расположению Хазарского каганата, а фонетическое сходство этнонимов не оставляет сомнений в том, что “Кеса” – это хазары. “Таншу” трижды называет их “тукюеским поколением” (тюркютским родом или племенем). Китайские источники никогда не называли так никого, кроме тюркютов, а чаще всего – объединения “дулу” и “нушиби”. В литературе последние обычно называются “племенами” или “племенными союзами”, но, заметим, “дулу” и “нушиби” могут быть и китайской передачей названий восточного и западного крыльев Тюркских кага-

нагов – тѣлис и тардуш, т.е. *военно-административных единиц*. Независимо от лингвистического сходства, последнее совершенно четко показывает реформа Ышбара Хилаш-кагана, разделившего племена Западнотюркского каганата на два крыла: “дулу” и “нушиби”, каждое из которых, в свою очередь, делилось на пять “стрел”, после чего западные тюркюты и получили известное название “десятистрельный народ”. Л.Н.Гумилев, считая “хазар” самостоятельным этносом, а “дулу” и “нушиби” – племенными союзами тюркютов, попытался объяснить определение “Таншу” предположением, что “тукюеским поколением” китайцы называли и племена, добровольно подчинившиеся тюркютам (Гумилев Л.Н., 1993, с.159-160). Но сами хазары и оказываются тому единственным примером, поэтому подвергать сомнению информации китайского источника таким способом оснований пока нет.

Проблема в другом: “Таншу” использует “Кеса” как важный географический ориентир для описания локализации Византии и Персии, но более ранние хроники Чжоушу (629 г) и Суйшу (636 г), рассказы которых о тюркютах и были использованы при составлении “Таншу” Оуян Сю (Итс Р.Ф., 1958, с.102), не знают ни такого племени, ни административной части Западнотюркского каганата. Похоже, сведения географического источника, использованного Оуян Сю, отражают новые реалии, сложившиеся уже после смерти Тон-джабгу-кагана (630/631 г), но до разгрома (637 г) и завоевания Персии арабами (652 г).

Из европейских источников наиболее ранний пласт информации о хазарах содержат албанские хроники. Известия хроники Мовсэса Дасхуранци в контексте ранней хазарской истории недавно вновь критически разобраны К.Цукерманом (Цукерман К., 2001). Исследователь справедливо заметил, что информация хроники о кавказской кампании Ираклия в союзе с тюркютами восходит к двум источникам, которые К.Цукерман предложил условно называть источниками “А” (главы 9-11) и “В” (главы 12-16). По его мнению, источник А написан около 670 г, а источник В – современником вторжения тюркютов в Албанию. Считая наиболее точным именно источник В, исследователь акцентирует внимание на то, что “хазирами” союзников Ираклия называет только источник А, более же “точный” источник В их не упоминает.

Мы вполне можем согласиться с К.Цукерманом, что труднопереводимое с армянского turkan источника В может быть персидской формой множественного числа от этнонима turk, как действительно называют союзников Ираклия грузинские и китайские источники, “История Себеоса”, а также Никифор. Но Феофан утверждает, что Ираклий заключил союз с τοὺς Τοῦρκοὺς ἐκ τῆς ἑώρας οὗς

Χάζαραις ὀνμάζουσιν (Чичуров И.С., 1980, с.34) – “с Тюрками с востока, называющимися Хазарами”. Источник А упоминает “хазир” в главе XI (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.77, 78). Согласно его версии, после зимы 625/626 г в Албанию “подстрекательством Ираклия” “бесчисленной толпой” вторглись “хазирь”. Первое вторжение принесло богатую добычу, увидев которую, через Дербент явился уже с огромным разноэтничным войском “князь” хазар “Джебу хахан”. Источник В говорит о тех же событиях, но передает не более точную, как считает К.Цукерман, а наоборот, совершенно легендарную версию. Согласно источнику В, первый эпизод был не вторжением, а лишь проникновением в Албанию посланников “Джебу хахана” к Ираклию – “отборных воинов-всадников, искусных лучников, числом в одну тысячу”, которые якобы прошли через все Закавказье, уничтожая всех, кого встретят на пути, переплыли “великое море”, чтобы встретиться с Ираклием, а потом “тем же путем возвратились в свою страну, не замеченные никем” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81). Легендарный стиль повествования в данном случае очевиден, и принадлежат эти слова никак не современнику событий. К тому же, Ираклий в это время пребывал в Западной Грузии, поэтому смысла посланникам плыть в Константинополь просто не было (Шагинян А.К., 2003, с.41). Интересней другой момент: вместо “хазир” источника А источник В сообщает о “тысяче воинов”. Учитывая наличие в источнике В персидской формы “тюрки” – turkan, весьма вероятно, что он изначально был персоязычным, позднее пересказанным на древнеармянском. Но тогда замена персидского hazar (присутствующего, кстати, и в древнеармянском языке) (Новосельцев А.П., 1990, с.76, 97) на “тысячу воинов” находит элементарное логическое объяснение.

Более реалистическую картину первого вторжения тюркютов 626 г., несомненно, дает источник А. Это был пробный поход, своеобразная “разведка боем”, которую успешно выполнило дислоцированное к северу от Дербента военное подразделение тюркютов – “хазар” или же “тысяча” тюркютов. Только затем была объявлена общая мобилизация зависимых племен, и в дело вступили основные силы, совершив второй поход в Албанию и Грузию в 627 г.

Вопрос, какой из источников ошибся: источник А, посчитавший “хазар” (“тысячу”) этнонимом, или источник В, наоборот переведший с персидского этноним “хазар”, не так уж и важен. Автор источника А действительно мог перенести на события 20 гг VII в. этноним известного ему народа. Но, с другой стороны, он был уверен, что знакомые ему “хазирь” и есть те самые *тюркюты*, которые воевали вместе с Ираклием. Подчеркивается эта уверенность

и дальше по тексту, поскольку автор в контексте событий уже 2-й пол.VII в. называет кагана хазар “царем Туркестана” (Мовсэс Каланкатуац, 1984, с.100, 102, 127). Отметим также, что этноним “хазар” не был новым для албанцев, поскольку эта же хроника знает и о вторжении хазар 589 г, которому посвящена глава VI, рассказывающая о “пленении страны Алуанк”, сожжении церквей и разрушении города Чора, из-за чего патриарший престол был перенесен в город Партав. Эта история хорошо коррелируется с данными арабской хроники ат-Табари (лист 991), ранние сюжеты которой основаны на достоверных персидских исторических сочинениях. Нападавших автор также именуется “хазарами”, а само вторжение произошло в рамках тюрко-византийского союза 589 г, причем по просьбе Маврикия хазарам должен был помогать грузинский князь Гуарам (Артамонов М.И., 2002а, с.158; Новосельцев А.П., 1990, с.85, 86; Шагинян А.К., 2003, с.25-28, 135). Этнонимы тюрков и хазар смешивает еще один армянский источник VII в. – длинная и краткая редакции “Армянской географии” (Патканов К., 1883, с.28-31; Цукерман К., 2001, с.329). Феофан же, который называет тюркютов – союзников Ираклия – “хазарами”, в контексте еще более поздних событий 729-732, 763 и 764/765 гг называет “тюрками” (Тоурко) хазар, а “Тюркией” (Тоуркия) – Хазарию (Чичуров И.С., 1980, с.45).

Более путаны известия арабских авторов, которые то причисляют хазар к “тюркам”, то отрицают их тождественность, то смешивают эти этнонимы в описаниях исторических событий VII-VIII вв. (Новосельцев А.П., 1990, с.76-79; 2000, с.372; Калинина Т.М., 2002б; Артамонов М.И., 2002а, с.197). Причина различия рядом авторов хазар и тюрков проста – в IX-X вв., когда уже не существовало II Тюркского каганата, “тюрками” арабы называли гузов, карлуков и токузгузов, с которыми хазар связывало “восточное” происхождение (Калинина Т.М., 1988, с.96, 97; 2002б, с.48). А поскольку вся арабо-персидская географическая литература написана уже после падения II Тюркского каганата, и сравнивать язык, обычаи, этнос хазар арабам приходилось с доступными им материалами наблюдений над волжскими булгарами, венграми, гузами, печенегами, бургасами и т.п. племенами, эти данные не могут быть механически экстраполированы на ситуацию VII в.

Еще одну, крайне интересную, версию происхождения хазар и связанных с ними в Европе берсиллов предлагает древнеуйгурская Тэсинская руническая надпись, внимание хазароведов на которую обратил С.Г.Кляшторный (1983). Высеченная около 761-762 гг надпись содержит краткую версию истории уйгуров. Согласно ей, первое уйгурское государство “мудрых и великих каганов”,

включавшее “тысячу элей”, просуществовало 300 лет. “Потом их народ погиб”, причиной чему стал мятеж, поднятый подстрекательством “ничтожного Кюля”, а также “двух именитых” – “Беда Берсила и Кадыр Касара”. Автор констатирует, что “тот мой народ затевал многие распри и ссоры”. Затем последовало восстание против табгачей, позволившее проправить уйгурским каганам 10 лет. И лишь по прошествии 70 лет каганом стал неборожденный Элетмиш (Кляшторный С.Г., 1983, с.88). Хронология событий реконструируется так: от 759 г (интронизация Элетмиша) ровно на 70 лет отстоит 689 г (битва при Толе, в которой токуз-огузы были разбиты тюркютами и потеряли свою независимость), а еще 10 лет назад, в 679 г, восстание против китайцев действительно было, но подняли его тюркюты. Восстание же уйгуров, о котором помнил уйгурский автор, произошло, скорее всего, в 647 г, когда их эльтебер Тумиду объявил себя каганом (Кляшторный С.Г., 2003, с.448). Период смуты и распрей – это, несомненно, 628-646 гг, когда один из телесских союзов – сеяньто – сначала откочевал из Западнотюркского каганата в Восточнотюркский, а затем в 631 г образовал собственный каганат, уничтоженный китайцами при помощи тюркютов и уйгуров. Следовательно, восстание “вождей” “Берсила” и “Касара” произошло около 628-631 гг, а образование “уйгурского эля” случилось около 328 г, что близко времени усиления объединения тоба.

Другую версию истории дают Терхинская надпись и надпись из Шине Усу, упоминающие о двух государствах уйгуров, существовавших 200 и 80 лет, а также о двух периодах зависимости, продолжительностью в 100 и 50 лет (Кляшторный С.Г., 1983, с.84, 85). Начав обратный отсчет от образования Уйгурского каганата (742-744 гг), минус 50 лет, мы получаем дату 692 г, близкую к 689 г – битве при Толе и смерти Баз-кагана. Учитывая, что каганов “второго царства” Терхинская надпись от имени Элетмиша называет “мои предки”, 80 лет нужно отсчитывать непосредственно от этой даты, т.е. образование нового эля произошло около 609 г. В истории телесских племен это действительно значимый период. В 605 г теле начали роптать на правление тюркютов, но Чурын-каган, собрав на совет несколько сот телесских старейшин, просто убил их. Событие вызвало немедленное восстание теле против Западнотюркского каганата (605-608 гг), вследствие которого уйгуры откочевали в Северную Монголию и образовали независимое ханство (Кляшторный С.Г., 2003, с.448). Если следовать далее надписи из Шине Усу, то на период 508-608 гг падают 100 лет зависимости уйгуров и токуз-огузов, и только раньше 200 лет существовало “первое царство” Терхинской надписи (около 308-508 гг). Но прямолинейному сравнению обеих

надписей в данном случае мешает факт упоминания Терхинской надписью среди каганов “первого царства” Бумына – основателя I Тюркского каганата, возглавившего объединенное восстание тюркютов и теле против жуань-жуаней.

Парадокс, но автор Терхинской надписи считал I Тюркский каганат законным государством теле. Нечто подобное в отношении Западнотюркского каганата испытывал и автор Тэсинской надписи, рассматривающий восстания теле против Западнотюркского каганата 628–630 гг как мятеж, ошибку, спровоцированную “вождями-бузуками” – “ничтожным Кюлем” (скорее всего, сеяньгосский вождь Инань), а также “двумя именитыми” – “Беда Берсилом” и “Кадыр Касаром”, причем последние, согласно надписи, после этого погибли. Вероятно, оценки китайских хроникеров племен теле, что “туцзюэсы их силами геройствовали в пустынях севера”, полностью разделяли и сами телецы, воспринимая завоевания Тюркского каганата как свои собственные достижения. Это сознание трансформировалось в “героические” рассказы, заставляющие знать новообразованного в сер.VIII в. Уйгурского каганата с сожалением вспоминать о временах “мудрых и великих каганов”.

Автор Тэсинской надписи передал часть “героической” традиции, вынесенной из среды не собственно уйгуров (чью традицию отразила Терхинская надпись), а телеского населения Западнотюркского каганата, остававшегося в его составе и после восстания 605–608 гг. Это население помнило “золотой век” Тон-джабгу-кагана, принесшего Западному каганату наибольшую славу, и после смерти которого теле окончательно вышли из состава каганата. Одними из главных виновников распада каганата народная память сделала “именитых” вождей “Беда Берсила” и “Кадыр Касара”, “погибших” в результате смуты. Факты, которые следует вынести из этой традиции, – это, прежде всего, телеское происхождение хазар и берсилов в глазах уйгуров, а также причастность этих племен к распаду Западнотюркского каганата и их исчезновение из поля контактов с остальными племенами союза теле после 628–631 гг.

Связь берсилов и хазар в VII в. подтверждают и европейские авторы. Так, Феофан и Никифор утверждают, что хазары вышли “из внутренних глубин Берзилии” (Чичуров И.С., 1980, с.37, 153), а краткая редакция “Армянской географии” рассказывает о династических связях берсилов с хазарами в кон.VII в.: “Царь Севера называется Хаган. Он владыка Хазар. Царица же, жена Хагана, происходит из рода Басилов” (Патканов К.П., 1877, с.36–38). Несколько иначе представляет модель отношений берсилов с хазарами “пространная” редакция, рассказывающая о том, что посреди реки

Атль находится остров, “на котором укрывается народ Баслов [берсилов] от сильных народов Хазар и Бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на востоке и на западе от реки” (Патканов К., 1883, с.29). Здесь берсилы выступают уже больше как зависимое племя, и действительно, судьба берсилов и хазар была различной.

Берсилы появляются в Европе раньше хазар – их упоминает вместе с савирами Феофилакт Симокатта в связи с прибытием на Северный Кавказ авар (Феофилакт Симокатта, 1996, с.189). Позже, в IX–X вв. арабские авторы относят берсилов уже к одному из “трех разрядов” волжских булгар, правда, отделяя от самого “разряда” булгар (Заходер Б.Н., 1962, с.28, 29), а савиров как “разряд” в их составе упоминает ибн-Фадлан (Ковалевский А.П., 1956, с.139). Ибн-Фадлан застал ситуацию восстания савиров против булгар под руководством вождя Вырыга и “нейтралитета” племени эскэл, не принявшего мусульманство, но и не пытавшегося вооружено противостоять булгарам. Восстание савиров при попытке булгар создать мусульманскую коалицию против хазар довольно наглядно демонстрирует, что объединение булгарского эльтебера состояло из нескольких различных по происхождению племен, из которых савиры считали себя связанными присягой с хазарским каганом. Похоже, что савиры, берсилы и эскэл были переданы в управление булгарским эльтеберам и переселены в Волго-Камье намеренно, дабы возможный сепаратизм булгар нейтрализовался сепаратизмом внутри их же объединения. В таком случае савир и берсилов хазары однозначно рассматривали как более родственные и лояльные им племена, чем булгары.

Тэсинская надпись несомненно отражает какую-то историческую память уйгуров о родственности хазар и берсилов и об их общем историческом прошлом, но “тюркютские” и “телесские” истоки хазар все же трудно разграничить на основании сохранившихся данных источников.

К сожалению, достоверных данных о языке и антропологическом типе ранних “хазар” практически нет, да и откровенно трудно по древним хроникам отыскивать детали, позволившие бы сейчас уловить такие различия между хазарами и другими древними тюркскими народами. Колоритное и детальное описание войск тюркютов-“хазар” у Мовсэса Дасхуранци относится еще к периоду Западнотюркского каганата, часто же используемое в литературе для характеристики ранних хазар описание обычаев “гуннов” Варахана (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.124–131) вообще не применимо к самим хазарам, поскольку передает этнографические реалии другого племени – савиров. Нельзя рассматривать как хазарского наместника савиров и их правителя – “Алп-Или-

Рис. 34. Поясные наборы горизонта Вознесенки: 1-5 – *Озора-Тотипушта*; 6-11, 37 – *Кунагота*; 12-15 – *Фенлак*; 16, 17, 24 – *Камунта*; 18-23, 25-28 – *Вознесенка*; 29-32 – *Директорская Горка* (29-31 – п.5; 32 – п.3); 33-36 – *Ясиново*.

Fig. 34. Belt sets of Voznesenka horizon: 1-5 – *Ozora-Totipuszta*; 6-11, 37 – *Kunagota*; 12-15 – *Fönlak*; 16, 17, 24 – *Kamunta*; 18-23, 25-28 – *Voznesenka*; 29-32 – *Directorskaia Gorka* (29-31 – burial 5; 32 – burial 3); 33-36 – *Yasinovo*.

туэра”, поскольку титул “эльтебер” носили как раз вожди подчиненных тюркютам племен, а наместники, надзиравшие за ними, назывались “тудунами” (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.283).

Поздние арабские писатели сохранили мало данных о хазарском язычестве, утверждая лишь, что “вера хазар походит на веру тюрков”. Гардизи уточняет, каких именно тюрков – гузов, т.е. племена с “телесскими” корнями, предки которого ранее принадлежали к Западнотюркскому каганату. Благодаря запискам Ибн-Фадлана, об обычаях гузов известно довольно много (Ковалевский А.П., 1956, с.125-130), но из религиозных воззрений можно отметить лишь почитание, в целом, общетюркского культа Тенгри (Неба), следы которого можно увидеть и в характеристике хазарским каганом своей веры перед Константином Философом: хазары верят в единого бога и молятся на восток (Цукерман К., 2002б, с.59). Интересно отметить и существование у гузов очень близкого тюркютскому обычая ставить балбалов возле могилы, правда, этот обряд не упоминается у самих хазар. Единственное же сведение, действительно важное в контексте сравнения погребальных обычаев хазар и тюркютов, – это упоминание Мархонда об обряде кремации у хазар, бросавших “в древние времена” покойников в огонь “под звуки песнопений и барабанов”, т.е. под камлание шаманов, о существовании которых у хазар упоминают и другие арабские источники (Заходер Б.Н., 1962, с.148-150). Именно обряд кремации, согласно китайским хроникам Чжоушу (629 г), Суйшу (636 г) и Бэйши (659 г), практиковали тюркюты в кон.VI – 1-й пол.VII в. (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.230; Итс Р.Ф., 1958, с.102). Сходство поминальных церемоний тюркютов и хазар иллюстрируют данные Менандра и Феофана о жертвоприношении пленников после смерти Истеми (Дестунис С., 1860, с.422) и хазарского тудуна Херсонеса (Чичуров И.С., 1980, с.41). Примечательно, что оба автора называют обряд одним и тем же словом – *дохя* у Менандра и *дохн* у Феофана, – восходящим к древнетюркскому *du'a* – “молитва”, “обряд” (Древнетюркский словарь, 1969, с.161). Культ Тенгри и шаманизм в раннем средневековье были характерны для большинства тюркских народов, но близость погребального и поминального обрядов тюркютов и хазар может служить все же важным показателем их этнической родственности.

Таким образом, учитывая данные наиболее ранних источников, следует констатировать, что китайские, армянские и византийские авторы считали “хазар” тюркютским племенем (родом) или же самостоятельной военно-административной единицей тюркютов, полукольцом охватывавшей зону Северного Прикаспия от Дербента до Южного Приуралья. Альтернативную версию об этносе хазар в источниках VII-VIII вв. предлагает только уйгурский автор сер.VIII в., считавший хазар и берсиллов родственными уйгурам племенами союза теле.

Государственный аппарат. Вертикаль власти раннего Хазарского каганата оканчивалась единоличным правителем – “хаканом” (каганом). Даже намек на существование у хазар “двоевластия” в этот период нет (Новосельцев А.П., 1990, с.134-143; 2000, с.368-376; Цукерман К., 2002а). Церемония возведения кагана на престол, описанная у Ибн-Хаукаля и Ал-Истахри, включала обряд его удушения шелковым шнурком, после чего шнур отпускали и спрашивали у хакана, сколько лет он будет править (Заходер Б.Н., 1962, с.214). Этот же обряд китайцы раньше наблюдали у тюркютов (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.229). Еще одним элементом обряда интронизации кагана было принятие им нового “тронного” имени, обычно включавшего одно из почетных имен-титлов (например, “Ышбара”, “Тербин”, “Кары” и т.п.) (Зуев Ю.А., 1998, с.154-158). У хазар из таких отмечено тюркское ханское имя-титул “Багатур” (Артамонов М.И., 2002а, с.254).

“Главная” жена хазарского кагана называлась “хатун”, т.е. тюрк. *qatun*, *хатун* (Древнетюркский словарь, 1969, с.436, 637; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.296, 297). Катун у тюркютов составляла кагану не только “политическую” пару (император – императрица), но и сакральную, являясь воплощением Умай – богини Луны и Ночи, богини плодородия (Зуев Ю.А., 1998, с.156; Кляшторный С.Г., 2003, с.334), в то время как каган символизировал Голубое Небо (Кок Тенгри). В позднем Хазарском каганате роль хатун, скорее всего, перешла на жену бега (царя), поскольку в письме царя Иосифа подчеркивается разделение “хазарской” части Атиля на “женскую” и “мужскую”, в одной из которых проживала “царица”, а в другой – “царь” (Кокцов Н.К., 1932, с.84, 85). Эта оппозиция вос-

ходит также к традиционному для тюрков разделению юрты на “мужскую” и “женскую” половины.

Из высших лиц, причастных к государственному управлению, у хазар известны титулы “бег” и “шад”, но, к сожалению, их функции описаны только для периода “двоевластия”, когда в системе хазарского государственного аппарата произошли серьезные изменения. Картина, описанная арабами для кон. IX – X в., дает очень четкое разделение функций (Новосельцев А.П., 1990, с.134-143). За выборным каганом сохранились только ритуальные обязанности – это “сакральный правитель”, лишенный каких-либо административных функций. Последние полностью возложены на наследственного “царя” – бега, а “шад” – это звание командующего войсками. В Тюркских каганатах эти титулы принадлежали другим лицам. Шад (šad) – “принц крови” – это титул члена рода Ашина. Обычно шадом поручалось управление отдельными зависимыми областями и племенами, командование войсками, но только тогда, когда в поход не выступали каган или старшие представители рода Ашина – йабгу – jаbу (“джабгу” в произношении западных тюрков).

Беги занимали в социальной структуре Тюркских каганатов более низкую ступень. Они не являлись членами правящего рода, но, тем не менее, довольно часто исполняли те же функции, что и шады – управляли отдельными родами и зависимыми городами, возглавляли войска. В отличие от тудунов и тарханов, беги сохраняли полунезависимый статус от кагана, что заставляет видеть в них глав племен (Кляшторный С.Г., 2003, с.493) и больших родов (ср.: казахское бек – “избираемый глава рода”) (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.320). Воцарение одного из бегов в Хазарском каганате в IX в. означало не только государственное, но и социальное переворот. Учрежденный институт “выборного кагана”, которым, согласно арабским писателям, мог стать любой рядовой член общества, принадлежавший к определенному “роду” (понятие “род” здесь гораздо шире, скорее, имеется ввиду тот же контекст, что и у Константина Багрянородного, относящего племя кабар к “роду хазар”) (Константин Багрянородный, 1991, с.163), явно означал прекращение каганской династии.

Не имея возможности взять на себя функции сакрального правителя божественного происхождения (ср.: титул кагана турфанских уйгуров – tengriken – “божественный”, “небесный”) (Кляшторный С.Г., 2003, с.459), хазарскому бегу-реформатору (Булану? Обадии?) пришлось учредить специальные должности “кагана” и “шада”, принадлежавшие раньше только членам каганского рода, а также попытаться сменить культ Тенгри, воплощением которого выступал каган, новой “демократич-

ной” государственной религией – иудаизмом. Своей главной цели – свести “кагана” к формальной должности, – хазарским бегам фактически достичь так и не удалось. Парадокс, но даже выборный каган-иудей в глазах языческого тюркского населения каганата все равно оставался воплощением Тенгри, что заставляло бегов сохранять и унизительные ритуалы поклонения кагану, никак не совместимые ни с их реальным положением, ни с новой иудейской религией. Это свидетельствует о глубокой мощной традиции каганской власти у хазар, а также о важнейшей роли “сакрального правителя” – кагана – в обществе раннего Хазарского каганата.

Следующие по рангу после бегов в Хазарском каганате были “тудуны” и “тарханы”. Тюркютское “тудун” – это не титул, а должность специального распорядителя, которых имели не только каганы, но и йабгу и шады. Согласно китайским источникам, в обязанности каганских тудунов входили надзор над правителями подчиненных племен – эльтеберами, а также сбор податей (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.283), воспринималась же эта должность китайцами как “управляющий областью” (Зуев Ю.А., 1998, с.154). Поскольку у хазар “тудун” известен как наместник кагана в Херсоне (Чичуров И.С., 1980, с.64), его функции в раннем Хазарском государстве явно были аналогичны. Скорее всего, тудунов выбирали из “тарханов” – общетюркского названия родовой знати. Отдельные хазарские тарханы упоминаются в источниках с титулами “князя”, но параллельно есть и упоминания о “тысяче тарханов” и даже 4 тыс. “детей тарханов”, что побудило А.П.Новосельцева рассматривать тарханов просто как наиболее привилегированную часть хазарского войска (Новосельцев А.П., 1990, с.118, 119). Заметим, даже число 4 тыс. тарханов, участвовавших в военных действиях, может быть вполне реальным, но также не исключено, что арабы распространяли этот титул и на самое низкое из привилегированных сословий тюркютов, названного в Бугутской надписи просто “конными воинами” (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с.140). Вызывающий же недоумение хазарский титул “тархан-хакан” из “Худуд Ал-Алем” (Бартольд В.В., 1930, с.32), на наш взгляд, является неверной записью тюркютской должности jargan – “распоряжающийся”, также jаrуan – лицо, приводящее в исполнение наказание (ср.: “йарган-тегин”) (Зуев Ю.А., 1998, с.157; Древнетюркский словарь, 1969, с.240). Титулы “йарган-кагана” и “кундур-кагана” в поздний период принадлежали “заместителям царя” (Новосельцев А.П., 1990, с.143).

Еще один титул – эльтебер – в Хазарском государстве отмечен у “князя гуннов” Дагестана (т.е. савиров) “Алп-Илитуера”, а также правителей волжских булгар (Кляшторный С.Г., 1984, с.21). Как и в Тюркских каганатах, этот титул у хазар но-

Рис. 35. Детали византийских поясов (1, 5, 10, 11, 14, 15, 18) и их варварские подражания (2-4, 6-9, 12, 13, 16, 17): 1, 2 – Акалан; 2 – Мезокомаром; 3, 4, 7, 8, 9, 13 – Вознесенка; 6 – Фенлак; 10, 14 – Мерсина; 11, 15 – Кунагота; 12, 16 – Дунапентеле, п.10; 17 – Хернад; 18 – Сирмий. Масштаб разный.

Fig. 35. Parts of the Byzantine belts (1, 5, 10, 11, 14, 15, 18) and their barbarous imitations (2-4, 6-9, 12, 13, 16, 17): 1, 2 – Akalan; 2 – Mezokomarom; 3, 4, 7, 8, 9, 13 – Voznesenka; 6 – Fönlak; 10, 14 – Mersina; 11, 15 – Kunagota; 12, 16 – Dunapentele, burial 10; 17 – Hernad; 18 – Sirmium. The scale is different.

сили вожди подчиненных племен. У Мовсэса Дасхуранци почетным титулом называется все сочетание “Алп-эльтебер” (Мовсэс Каланкагуаци, 1984, с.127), но “алп” – “меткий стрелок” (Древнетюркский словарь, 1969, с.36) – это лишь почетное имя-звание, которое “князь гуннов” заработал, согласно той же “Истории страны Алуанк”, в спортивном состязании в ставке кагана. У тюркютов это звание носили и лица с другими титулами: “алп-тархан”, “алп-тегин” (Древнетюркский словарь, 1969, с.36).

Прямо не упоминаются у поздних хазар только два титула, которые носили члены рода Ашина – “йабгу” и “тегин”, что, возможно, объяснимо малочисленностью каганской семьи, так и не разросшейся у хазар до размеров рода и полностью прекратившей свое существование в сер. IX в. Сведения о “Джабгу” хазар 627-630 гг относятся еще к периоду Западнотюркского каганата, поэтому мы их не учитываем, а в более позднее время титул “джабгу” можно увидеть разве что в арабском “джавшыгыр” (“джавшигар”, “джавишгар”), как называется второй заместитель “хакан-бега” (Ковалевский А.П., 1956, с.146; Заходер Б.Н., 1962, с.204; Новосельцев А.П., 1990, с.143). Ближе и гораздо интереснее форма “джабан”, упоминаемая Халифой ибн Хаййата ал-’Усуфи в контексте событий 723/724 гг, которую издатели обычно переправляли на “хакан” (Бейлис В.М., 2000, с.38, 48). Несмотря на различие деталей, сообщения Халифы об арабо-хазарских войнах 104 и 105 г.Х., скорее всего, представляют собой описания одних и тех же событий, заимствованных из разных источников и перепутанных по хронологии, поскольку поход хазар в Армению наоборот предшествовал походу ал-Джарраха на Баланджар. Согласно ал-Куфи и Ибн ал-Асиру, противником ал-Джарраха был не каган, а сын хазарского кагана Барджиль (у ал-Куфи – “Барсбек”) (Артамонов М.И., 2002а, с.221-223; Новосельцев А.П., 1990, с.179, 180); собственно, сына кагана как противника ал-Джарраха упоминает и сам Халифа при описании событий захвата Баланджара в 104 г.Х. В этом контексте титул “джабан”, принадлежащий Барджиллю, может быть истолкован только как “джабгу”. Ношение титула “джабгу” в 20 гг VIII в. сыном кагана опровергает мнение А.П.Новосельцева о том, что титул “джабгу” хазарский каган сохранил за собой (Новосельцев А.П., 1990, с.89).

А вот форм титулов, даже отдаленно близких “тегин”, в источниках о хазарах действительно нет. Также не упоминается у хазар и характерное административное деление Тюркских каганатов на восточное и западное крылья с разделом их на “10 стрел”. Причина, вероятно, тривиальна – малочисленность ранних хазар. В Восточнотюркском, а позже II Тюркском каганатах это деление применя-

лось в основном к тюркютским племенам. В Западнотюркском каганате, где удельный вес тюркютов был гораздо меньше, к “дулу” и “нушиби” относились и родственные тюркские племена. Другое дело – поздний Хазарский каганат, где арабские источники фиксируют разделение хазар на две части: “кара-хазар” (“черных хазар”) и “светлых хазар” (Заходер Б.Н., 1962, с.139). М.И.Артамонов соотносит это членение с социальной структурой тюркютского общества, сравнив “кара-хазар” с тюркютским *qara bodun* – “черный люд”, “простой народ” (Артамонов М.И., 2002а, с.403). Но также следует учесть еще одну параллель – это раздел тюркешей на “черные” и “желтые” роды (Гумилев Л.Н., 1993, с.353), отражающий разницу в их происхождении.

Несмотря на небольшие отличия, социальная и государственная структура раннего Хазарского каганата чрезвычайно близка организации Тюркских каганатов и несомненно восходит к устройству I Тюркского каганата, что позволяет считать Хазарское государство его генетическим продолжением.

Возникновение Хазарского государства. Первое достоверное упоминание хазар в источниках принадлежит хронике Псевдозахарии 569 г “Хазары” здесь упоминаются в числе кочевых народов, живущих к северу от “Каспийских ворот” (Дербента) (Пигулевская Н.В., 1939, с.114). Дату составления списка определяет присутствие в нем авар и эфталитов, разгромленных тюркютами соответственно в 552 и 565 гг. При этом время появления авар на Северном Кавказе пока нет оснований относить ранее 557/558 г.

К.Цукерман считает, что список не дает никаких оснований утверждать присутствие хазар в это время уже на Северном Кавказе (Цукерман К., 2001, с.313, 314). Действительно, список включает “абдел” и “эфталитов” – названия одного среднеазиатского народа. Но, с другой стороны, они размещены в самом конце списка, хазары же упоминаются после кутригуров и авар, но до сарагуров – племени, несомненно проживавшего на Северном Кавказе. А вот фантастические народы: амазонки, карлики и псиголовцы упоминаются уже в следующем предложении, не подрывая достоверность предыдущего списка кочевников.

Рассматриваемый список содержит не только первое упоминание хазар, но и впервые фиксирует знакомство европейцев с аварами. Разгромленные тюркютами авары (жуань-жуани) бежали на запад и около 558 г появились на Северном Кавказе. Согласно Феофилакту Симокатте (Кн. VII.VIII.1-5), их появление вызвало панику у савиров, берсиллов и оногуров (Феофилакт Симокатта, 1996, с.189). Ее причины проясняют данные Приска, сообщающего, что в 463 г на Северном Кавказе появились огурские племена сарагуров, оногуров и огуров (урогов),

изгнанных из своих земель савирами, которых, в свою очередь, разбили авары (Латышев В.В., 1948, с.264). Эти события, вне всякого сомнения, были связаны с разгромом жуань-жуанями (аварами) в 460 г последнего хуннского политического объединения “Северное Лян”. Л.Н.Гумилев, считая авар и жуань-жуаней разными народами, приписывает изгнание савир “абарам”, которых якобы “напугал” неизвестный поход эфталитов того же 460 г (Гумилев Л.Н., 1994, с.201). Но вражда огуров и савиров с аварами явно была взаимной, поскольку “псевдоавары”, попав на Кавказ в 557/558 г, первым же делом развязали войну как с племенами огуурского союза – кутригурами и утигурами, так и с савирами (Дестунис С., 1860, с.323, 324).

Как уже упоминалось выше, в 460 г от жуань-жуаней пострадало еще одно племя – тюркюты, переселившееся на Алтай и почти столетие собиравшее силы для разгрома самих жуань-жуаней. Очевидная связь появления савиров и берсиллов в Европе с разгромом в 460 г жуань-жуанями “Северного Лян”, пожалуй, хорошо объясняет родственность с ними появившихся здесь гораздо позже тюркютов-“хазар”.

По словам Менандра, Истеми отложил погоню за аварами до окончания войны с эфталитами, т.е. до 563-565 гг (Дестунис С., 1860, с.328). С.Г.Кляшторный наоборот считает, что первоочередной задачей тюркютов был именно окончательный разгром авар, поэтому захват Приуралья и Поволжья исследователь относит уже к 558 г (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.19; Кляшторный С.Г., 2003, с.436). Это предположение объясняет внешне нелогичное поведение авар, которые, подчинив себе целый ряд племен Северного Кавказа, неожиданно покидают его и в 562 г поселяются в Малой Скифии на Дунае. О конфликте авар с тюркютами уже в Восточном Приазовье действительно сообщает Монеувасийская хроника с ссылкой на автора VI в. Евагрия (Литаврин Г.Г., 1995а, с.328). В 568 г “именем Истеми” уже был поставлен правитель племени огуров (Дестунис С., 1860, с.382), а сразу же по возвращению посольства Земарха тюркюты в 569-570 гг подчинили утигуров и алан. Полностью завоевание Северного Кавказа было завершено до 571 г (Артамонов М.И., 2002а, с.156).

Если следовать версии письменных источников о том, что “хазары” – это часть тюркютов, становится закономерным совпадение времени их появления на Северном Кавказе. Но почему тогда, все-таки, кавказское население называло этих тюркютов “тысячей”? Было ли это фонетическим искажением тюрко-телесского *qasar*, или же на Кавказе действительно дислоцировалась всего “тысяча” тюркютов? Сама по себе военная единица “тысяча” говорит немного. Так, к приме-

ру, число монгольских войск, полученное в удел Джучи-ханом, составляло всего 4 тыс. человек, но их хватило для того, чтобы собрать огромную армию для завоевания западных земель покоренных и добровольно подчинившихся народов (Усманов М.А., 2002, с.103-107). Тогда, пожалуй, так же, как попавшие в Восточную Европу монголы быстро потеряли свое самоназвание, превратившись в “татар”, так и тюркюты, войска которых на Северном Кавказе состояли из пестрого конгломерата зависимых племен, назывались по имени военно-административной, а не этнической единицы – “хазар” (“тысяча”).

Опять-таки, пришло время вспомнить племена теле и то, что “туцзюэсцы их силами героизировали в пустынях севера”. Оставшиеся на своих землях, но подчиненные тюркютам, телесские племена полностью сохранили свое этническое самосознание. Но как должны были себя вести теле, оторванные от родины и вместе с тюркютами участвовавшие в завоевании запада? В новом окружении они были носителями власти и культуры Тюркского каганата, т.е. такими же “тюрками”, и только при очень близком знакомстве соседи могли различать телесцев и собственно тюркютов. Этот компромисс, на наш взгляд, позволяет примирить “тюркютскую” и “уйгурскую” версии происхождения хазар: воспринимавшиеся как один народ, “хазары” состояли на самом деле из тюркютского военного контингента (возможно, даже сменного) и переселенного тюркютами для постоянного проживания в степях Северо-Восточного Прикаспия племени телесского происхождения (*qasar*), служившего главной базой тюркютской администрации региона.

Пример подобной дислокации тюркютских контингентов дает не только упоминание Менандра о правителе огуров, поставленном Истеми, но и другой, более показательный эпизод. Состоянием на 576 г Менандр фиксирует наличие у утигуров правителя Анагея (ср.: имя последнего кагана жуань-жуаней – Анагуй) (Кызласов Л.Р., 1992, с.33), которого А.И.Айбабин даже называет “ханом утигуров” (Айбабин А.И., 1999, с.134). Тем не менее, статус Анагея, имевшего привилегию назначать правителей соседним племенам, как свидетельствует о том эпизод с Аккагой, никак не совместим с картиной полного унижения утигуров, обрисованной Валентином Турксанфом (Дестунис С., 1860, с.420). На это несоответствие уже неоднократно обращалось внимание в литературе, обычно предполагая, что положение утигуров наоборот было “высокопоставленным”. В.Златарский предлагал другой вариант, считая, что уже с 568 г утигурами управлял ставленник Истеми (Златарский В., 1994, с.78-79), впрочем, это предположение строилось

только на отождествлении “угуров” Менандра не с огурами, а с утигурами. На наш взгляд, ответ под-сказывает эпизод взятия тюркютами Боспора. По словам Менандра, Анагей ожидал “Бохана” (Бори-хан Жудань) возле Боспора с войсками не *утигу-ров*, а “*турков*” (Дестунис С., 1860, с.422). Т.е. в распоряжении Анагея находился *тюркютский во-енный контингент*, достаточный по силе для того, чтобы самостоятельно начать осаду Боспора. Этот факт однозначно свидетельствует, что Анагей был не племенным вождем утигуров, а тюркютским на-местником Восточного Приазовья – *тудуном*. На-личие здесь тюркютского военного контингента делает полностью объяснимой и постоянное при-сутствие “тысячи” тюркютов на Северо-Восточном Кавказе, ставшего ареной продолжительной борь-бы тюркютов с персами.

Стратегическая важность этого региона для Тюркского каганата обусловила постоянный рост численности “хазар” за счет притока новых войск. Во время же наиболее ответственных кампаний военные действия возглавляли сами представите-ли правящего рода. В 576 г война с византийцами была поручена “Бори-хану” Жуданю – младшему брату Таспар-кагана и двоюродному племяннику Бёгю-кагана (“Турксанфа”) (Комар О.В., 2001а). “Царь” хазар возникает в источниках при описа-нии событий войны Тюркского каганата с перса-ми 589-591 гг, проводившейся тюркютами “на два фронта”: в Закавказье и Средней Азии (Артамонов М.И., 2002а, с.158, 159; Новосельцев А.П., 1990, с.86; Шагинян А.К., 2003, с.28, 135). Следующий раз “правитель хазар” возникает на арене только в 626-630 гг во время тюрко-византийского союза.

Замечания А.П.Новосельцева (Новосельцев А.П., 1990, с.86-89) и К.Цукермана по поводу лич-ности упоминаемого в источниках “Джебу-хакана” (Цукерман К., 2001, с.321, 322) демонстрируют, что в вопросе его идентификации все еще нет согласия. Впрочем, позиции упомянутых исследователей от-кровенно соответствуют, по выражению Л.Н.Гуми-лева, ситуации “абerrации дальности”.

А.П.Новосельцев прямо отмечает в своей ра-боте, что история Тюркского каганата ему известна плохо, поэтому этот пласт информации им почерп-нут из арабо-персидских источников (Новосельцев А.П., 1990, с.88). В результате исследователь счита-ет совершенно реальной ситуацию, что “джабгу-ка-ган” хазар мог быть практически самостоятельным лицом, лишь номинально признающим власть Тон-джабгу-кагана. Отрицая при этом принадлежность хазарской династии к роду Ашина, он вынужден предполагать брак “джабгу-кагана” и сестры Тон-джабгу-кагана, чтобы сын первого оказался “пле-мянником царя севера”. То есть в этой концепции “второй по положению после кагана” человек За-

паднотюркского каганата в эпоху его наибольшего могущества оказывается всего лишь локальным правителем одного из племен Северного Кавказа, причем не только не из рода Ашина, но даже не тюркютом!

Не менее серьезные следствия тянет за собой и концепция К.Цукермана, повторившего иденти-фикацию “царя севера” хроники Мовсэса Дасхуранци Ю.Кулаковского и А.Бомбачи как Хьели-кагана (Цу-керман К., 2001, с.321, 322). Исследователя, похоже, смутило присутствие в титулатуре Тон-джабгу-кага-на титула “джабгу” (йабгу), который со времени Ис-теми сохраняли в официальной титулатуре все пра-вители Западного Тюркского каганата (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.10), в т.ч. и правившие после гибели Восточного каганата. Тон-джабгу-каган выступает у К.Цукермана “вторым по положению” после Хьели-кагана (Эль-кагана) – правителя Вос-точного каганата и, в реальности, одного из злейших врагов Тон-джабгу-кагана, поддерживавшего союз с Китаем. Если же следовать информации источника В Мовсэса Дасхуранци (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81), получается, что войска тюркютов на помощь Ираклию послал “царь севера”, т.е. Эль-каган, от-правив как своих “подданных” в Закавказье самого Тон-джабгу-кагана и его сына!

Время правления Тон-джабгу-кагана (618-630 гг) и Эль-кагана (620-630 гг) – это последний пик могущества Западного и Восточного каганатов перед их падением, не последнюю роль в котором сыграла именно вражда между самими западными и восточными тюркютами. Несмотря на традици-онное высокомерие восточных каганов, считавших свою линию рода главной, никакой, даже номиналь-ной, формы зависимости западных каганов от вос-точных в это время, разумеется, не существовало. Обратим внимание еще на один важный момент: ни один европейский источник вообще не знает о су-ществовании двух Тюркских каганатов. С момента проникновения тюркютов в Восточную Европу и до падения Западнотюркского каганата верховны-ми сюзеренами подчиненных тюркютам местных племен оставались западные каганы, наследника-ми которых в сер.VII в. в глазах европейцев стали каганы хазар.

Опираясь на сообщение китайской хрони-ки о том, что “в конце династии Суй Западный тукюеский Шеху Хан [Тон-джабгу] опустошил Босы [Персию], убил государя Кусахо [Хосро-ва II]” (Бичурин Н.Я., 1950, т.2, с.327), версию И.Маркварта об идентификации “Джебу-хакана” с Тон-джабгу-каганом и о его личном участии в персидском походе поддержал и С.Г.Кляшторный (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с.90-91), но с этим согласиться трудно. В глазах китайского источника Персию, конечно же, “опустошил” Тон-

джабгу-каган, а не его полководцы, поскольку не только в Китае, но и во всех государствах мира действия подчиненных всегда приписывались правителю. Воспринять как двух человек “царя севера” и “Джебу-кагана” албанский источник теоретически мог, но тогда трудно объяснить, почему он четко называет “Шата” племянником “царя севера” и сыном “Джебу-хакана” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81). Сам титул “джабгу-каган” есть только у Мовсэса Дасхуранци. У Феофана он звучит иначе – “Дзиебил” (ср.: “Сильдзибил”), т.е. просто “джабгу”; только “Джибго” называют его и грузинские летописи (Новосельцев А.П., 1990, с.87). Да и сама “История страны Алуанк” прямо называет его “преемник царя севера, второй человек в его царстве” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81). А.П.Новосельцев переводит “йаджорд” не как “преемник”, а как “следующий [по чину]” (Новосельцев А.П., 1990, с.87), но тогда получается повтор, поскольку то же означает и “второй человек в его царстве”. Так же “Дзиебила” (джабгу) называет и Феофан – “второй после хагана по положению” (Чичуров И.С., 1980, с.35). Судя же по упоминанию в “Истории страны Алуанк”, что его сын приходился племянником “царю севера”, речь однозначно идет не о Тон-джабгу-кагане, а о его родном брате. Именно младший брат кагана и был обычно “вторым лицом”, а также, согласно лестничной системе престолонаследования тюркютов, преемником кагана.

Л.М.Гумилев попытался пойти дальше и отождествил джабгу с Мохэ-шадом, а его сына с Борисшадом (Гумилев Л.Н., 1993, с.159), эту же версию с оговорками принял и М.И.Артамонов (Артамонов М.И., 2002а, с.165, 166). Но в “Таншу” Мохэшад (Бага-шад) назван всего лишь “подданным” Тон-джабгу-кагана, а не его наследником (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.285), противоречит такому отождествлению и различие титулов. Еще одно замечание: “История страны Алуанк” называет “Шата” единственным наследником “Джебу-хакана” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.93), тогда как Бага-шад имел четырех сыновей (Кляшторный С.Г., 1985, с.167), старший из которых – Нишу Гана-шад – в 630-631 гг действовал как лидер “оппозиционной партии” племен западного крыла “нушиби”, а не находился в Закавказье.

630/631 г принес Западнотюркскому каганату смуту. Согласно китайским источникам, политика Тон-джабгу-кагана вызывала недовольство части населения. Кончилось это все восстанием теле, а также убийством кагана его родственником Мохэду-хоу (Багатуром), провозгласившим себя каганом (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.284; Кляшторный С.Г., 2003, с.440). В этом же году, согласно албанской хронике, во время вторжения в Армению погиб и

“Джебу-хакан”. Туманная риторика источника позволила Л.Н.Гумилеву утверждать прямую связь гибели джабгу с усобицей в каганате (Гумилев Л.Н., 1993, с.202), но оснований для этого нет. Намек на смуту содержится в фразе: “Однако после того котел севера обратил лицо свое против сыновей своих. И стал он спорить с самим собой и всю ярость гнева своего обрушил на головы сыновей своих, и за одного претерпели тысячи, а за двоих – десять тысяч.” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.93). Это риторическое обобщение, свидетельствующее об осведомленности автора о смуте внутри каганата, впрочем, не проясняет конкретных событий реальной исторической ситуации.

Согласно хронике, “властитель севера” в 630 г организовал масштабный поход в Армению. Вперед был выслан передовой трехтысячный отряд под руководством Чорпан-тархана, а джабгу “не спеша двинулся за ним, после того, как снабдил всем необходимым множество своих войск”. Судя по ремарке хроники чуть ниже, тюркюты одновременно двигались “по ущельям трех стран” – Армении, Иберии и Албании, т.е. сам джабгу возглавлял лишь вторжение в Армению с севера, а из Албании действовал его сын шад. Несмотря на успех передового отряда Чорпан-тархана, поход почему-то закончился провалом и гибелью джабгу. Албанский автор, не зная подробностей, вложил в уста джабгу туманную фразу о “нападении грабителей” и рекомендацию шаду немедленно покинуть Албанию (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.93).

Связь этих событий с усобицей в каганате у нас вызывает серьезные сомнения. После убийства Тон-джабгу-кагана его брат, преемник и “второй человек в его царстве” джабгу, разумеется, должен был немедленно поспешить домой вместе с большим войском, но появления на политической арене главного претендента на престол и его поражения в борьбе за власть, которые предполагали Л.Н.Гумилев и М.И.Артамонов (Гумилев Л.Н., 1993, с.202; Артамонов М.И., 2002а, с.173, 174), не знают китайские хронисты, внимательно следившие за событиями усобицы в союзном им государстве. Убийство Тон-джабгу-кагана датируется 630/631 гг, в то время как вторжение “Джебу-хакана” в Армению, завершившее его поражением и смертью, случилось “летом” после 2-го года правления Арташира, т.е. летом 630 г. Хронология событий подсказывает, что первым погиб джабгу, и лишь затем произошло убийство Тон-джабгу-кагана. Именно такая последовательность, на наш взгляд, и объясняет смелость действий дяди Тон-джабгу-кагана Багатура, который *уже знал* о гибели брата кагана и его поражении, а следовательно, был уверен в отсутствии сильного конкурента в борьбе за власть в каганате после убийства племянника.

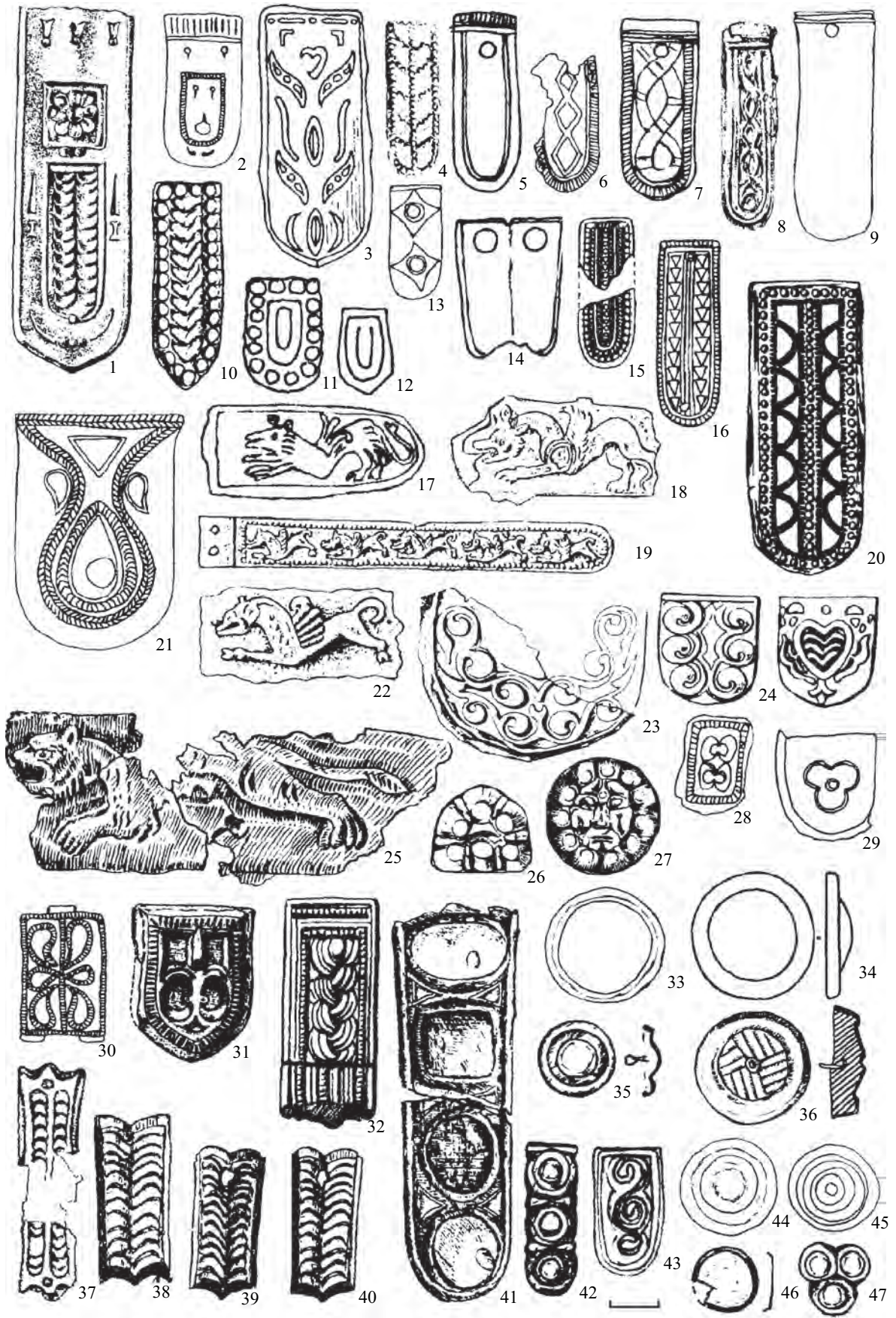

Рис. 36. Детали ремней и сбруи: 1, 30 – Глodosы; 2, 4, 6, 9, 13, 25, 29, 32-34, 43-45 – Вознесенка; 3 – Чир-Юрт, к.66а; 5, 21 – Перещепина; 7 – Келегеи; 8 – Кунбабонь, п.2; 10, 20, 26, 27 – Старонизхестеблиевская; 11, 12 – Заплавка; 14 – Геленовка; 15, 16 – Директорская Горка, п.3; 17, 38 – Галиат; 18 – Песчанка, п.5; 19, 22 – Маняк, п.1; 23 – Романовская; 24, 28 – Новые Санжары; 31, 39, 40 – Дмитровка, кат.52; 35, 42, 46, 47 – Березовский I, к.2, п.1; 36 – Шиловка, к.2, п.2; 37 – Скалистое, с.381; 41 – Шиловка, к.1.

Fig. 36. Parts of belts and harness: 1, 30 – Glodosy; 2, 4, 6, 9, 13, 25, 29, 32-34, 43-45 – Voznesenka; 3 – Chir-Yurt, barrow 66a; 5, 21 – Pereshchepina; 7 – Kelegei; 8 – Kunbabony, burial 2; 10, 20, 26, 27 – Staronizhesteblievskaia; 11, 12 – Zaplavka; 14 – Gelenovka; 15, 16 – Directorskaia Gorka, burial 3; 17, 38 – Galiat; 18 – Peschanka, burial 5; 19, 22 – Manak, burial 1; 23 – Romanovskaia; 24, 28 – Novyie Sanzhary; 31, 39, 40 – Dmitrovka, catacomb 52; 35, 42, 46, 47 – Berezovskii I, barrow 2, burial 1; 36 – Shilovka, barrow 2, burial 2; 37 – Skalistoie, p.381; 41 – Shilovka, barrow 1.

Багатур поначалу выделил племена крыла “дулу” в “малое ханство”, а затем объявил себя Кюлюг Сыби-Багатур-ханом. В ответ племена крыла “нушиби” сделали каганом сына Тон-джабгу Шилитегина (Тили-тегин), принявшем имя Иби-Бололюйшеху-хана (Эль-Билге Ышбара-ябгу-каган) (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.284-285; Кляшторный С.Г., 1985, с.166-169). Но уже в 631 г. первый был убит, а через год и его противник был свергнут с престола “оппозиционной партией”, сложившейся в среде самих “нушиби” вокруг уже упоминавшегося выше Нишу Гана-шада, объявленного “Дулу-ханом”. После его быстрой смерти в 634 г. каганом стал его брат Ышбара Хилаш-каган, известный административной реформой 635 (или 638) г., когда каганат был разделен на “десять стрел”, по пять у каждого крыла, после чего тюркюты и получили название “десятистрельный народ” (Кюннер Н.В., 1961, с.191-192).

Заметим, что десятичное деление страны не было нововведением Ышбара Хилаш-кагана, поскольку эта административная система известна у западных тюркютов со времени Истеми и восходит к делению еще легендарного племени Ашина (Кляшторный С.Г., 2003, с.424, 427, 435). После смутных времен, восстаний зависимых племен и откола отдельных тюркютских родов, кагану просто пришлось провести своеобразный “переучет” населения с его разделом по новым административным единицам – “стрелам”. Важность этого события для нас заключается в том, что земли на запад от Аральского моря уже никогда не фигурируют в числе территорий Западнотюркского каганата, зато в китайских источниках на границах Византии и Персии неожиданно появляется новый “туцзюэский род” – “Кеса”, т.е. хазары.

История смуты 631-641 гг в Западнотюркском каганате – это, прежде всего, история заговоров знати. Хроники не упоминают крупных сражений между противоборствующими партиями, и это закономерно, поскольку повода для братоубийственной войны у рядовых воинов не было. Согласно китайским источникам, инициаторами заговоров

чаще всего выступали лица с титулами тархан, тудун и эльтебер (Гумилев Л.Н., 1993, с.211, 215, 216), т.е. в основном наместники отдельных областей и главы зависимых племен, но выдвигаемые ими претенденты на престол были только шадми – представителями рода Ашина. Неразрывная связь правителя и правящего рода в сознании древних тюрков отразилась даже в языке, где слово қап означало также “кровь” (Древнетюркский словарь, 1969, с.417).

Несмотря на восстания отдельных телесских племен, в 628-631 г ни одно из них в это время не добилось полной самостоятельности и не образовало отдельного ханства *на своих землях* – максимум, что удавалось совершить, это откочевать в другое место или поддаться Китаю. Каким же образом в этой ситуации мог возникнуть полностью независимый каганат в степях Северного Прикаспия?

Подавляющее большинство хазароведов сходятся во мнении, что основателями Хазарского каганата были представители рода Ашина. Но эта гипотеза была подвергнута критике А.П.Новосельцевым (Новосельцев А.П., 1990, с.134-138); еще более резко высказался недавно К.Цукерман, назвавший связь хазарской династии с родом Ашина “старым фантомом хазарологии” (Цукерман К., 2001, с.315). Один из основных аргументов contra обоим исследователям источниковедческий – это отрицание связи “Ашина” с “Анса” арабо-персидской литературы. А.П.Новосельцев справедливо отметил, что “анса” в арабской графике очень схоже с “иша”, т.е. “шад”, и поэтому вполне может быть его искажением. Но упоминание “Худуд Ал-Алем” о том, что хазарский “царь”, называемый “тархан-хакан”, “из потомков Анса” (Бартольд В.В., 1930, с.32), на наш взгляд, вообще является искаженным рядом из хазарских титулов: “царь, йарган-каган (менее вероятно: “тархан, каган”), шад”, и никак не применимо к ранней истории Хазарского каганата. Убедиться в этом нетрудно, поскольку беги в Тюркских каганатах никогда не принадлежали к роду кагана, а популярная в арабской литературе исто-

рия о том, как каганом однажды чуть не выбрали юношу-мусульманина, торговавшего в Атиле на базаре, однозначно отрицает и принадлежность поздних “выборных” хазарских каганов к одному правящему роду. В позднем Хазарском каганате (или точнее: “Хазарском царстве”) ни бег (“царь”), ни избранный из простых хазар “каган” уже не могли иметь какое-либо отношение к тюркютскому каганскому роду Ашина. И даже если в арабских текстах действительно содержится упоминание рода Ашина, то оно либо анахроническое, либо в IX-X вв. у хазар возродилось раннее широкое понимание “рода Ашина” как “народа тюркютов”. В последнем случае условие принадлежности кандидата в каганы к определенному “роду”, о котором упоминают арабские авторы, означало не более, чем принадлежность к “роду тюркютов” (скорее всего, “светлых хазар”).

Совершенно другую ситуацию наблюдаем в 30-40 гг VII в. После падения Восточнотюркского каганата только два народа – авары и западные тюркюты имели собственных каганов, но на карте появилось и новое Сеяньтоское ханство, претендующее стать в ранг с каганатом. Подвластные Восточному каганату телесские племена еще при Чуло-кагане восстали против тюркютов и основали собственное политическое образование, которое, впрочем, было скорее племенным союзом, чем государством. Но в 631 г китайскому императору Тай-цзуну, ощутившему всю нестабильность ситуации на северной границе после разгрома Восточнотюркского каганата, пришла идея организовать новый “лояльный” каганат из телесских племен союза сеяньто. Их вождю Инаню был пожалован титул Чжень-чжу Бильге-хана, а племенной союз был трансформирован по образцу Тюркских каганатов в раннегосударственное образование с разделом его на два крыла: тѣлис и тардуш, и заимствованием тюркютской системы рангов (Гумилев Л.Н., 1993, с.180, 221-223). Новое образование оказалось нестабильным и нелояльным, и к 646 г китайцам при помощи зависимых от них тюркютов и уйгуров пришлось полностью ликвидировать каганат сеяньто. Именно этот период уйгурский автор Тэсинской надписи вспоминал как период распрей. “Вакантное место” телесского государства попытались занять уйгуры. Их эльтебер Тумиду в 647 г провозгласил себя каганом и вновь заимствовал тюркскую систему организации государства (Кляшторный С.Г., 2003, с.448). Впрочем, Тумиду вскоре погиб, а сами уйгуры с переменным успехом боролись с Китаем до 689 г, когда они подчинились воссозданному II Тюркскому каганату. И только в 742-744 гг телесским племенам наконец удалось самим создать мощное государство – Уйгурский каганат.

Западнотюркский каганат продержался несколько дольше Восточного – в 651 г он распался из-за усобиц и окончательно пал под ударами китайцев в 656-659 гг. В 682 г восточным тюркютам удалось восстановить свой каганат, получивший в истории название II Тюркского каганата. В 698 г образовали собственное государство и тюргеши – одно из родственных тюркютам племен крыла “дулу”. Согласно надписи Бильге-кагана, “Тюргешский каган был наш же тюрк, нашего же народа” (Малов С.Е., 1951, с.38), а самих тюргешей надпись называет “народом десяти стрел”, отождествляя их с западными тюркютами. Т.е. в глазах восточных тюркютов с образованием Тюргешского каганата произошла своеобразная “реставрация” Западнотюркского каганата. Это образование просуществовало несколько дольше II Тюркского каганата, но к 766 г и оно окончательно пало под давлением соседних племен.

Хазарский каганат пережил и Западнотюркский (581-651 гг), и II Тюркский (682-744 гг), и Тюргешский (698-766 гг), и Уйгурский (745-840 гг) каганаты, оказавшись *самым устойчивым кочевническим государственным образованием Евразии раннего средневековья*. Предпосылками этого феномена, несомненно, стала мощная структура государственного аппарата, унаследованная Хазарским каганатом от Западнотюркского, но реализованная в условиях реальной автократии, а не “коллективного правления” рода Ашина. Традиция правителя “божественного происхождения” – кагана – оказалась в хазарском обществе настолько сильной, что даже после прекращения каганского рода в сер. IX в. ее не сумели преодолеть ни полное лишение нового “кагана” власти, ни смена государственной религии. Унизительные церемонии поклонения хазарского царя в X в. символическому выборному “кагану” демонстрируют остатки прежнего положения кагана в обществе, который даже для высшей знати не был “первым среди равных”, а принадлежал к “харизматическому клану” – одному из главных признаков степной империи, по О.Прицаку (Pritsak O., 1981, p.12, 13).

Пытаясь объяснить разницу между титулами “хан” и “хакан”, арабский ученый IX в. ал-Хваризми переводил “хакан” как “вождь вождей”, “хан ханов” (Новосельцев А.П., 1990, с.135). В целом верно отражая соотношение веса этих титулов, ал-Хваризми все же не понимал самого главного отличия – в то время как хан являлся главой обычного раннегосударственного объединения, тюркский каган возглавлял “божественное, небесное государство” (teŋri el), созданное Тенгри, сам будучи “небороденным” и “небоподобным” (teŋriken), воплощая вместе со своей женой (qatun) небесную пару Тенги – Умай (Кляшторный С.Г., 2003, с.334, 337, 338). Каждый новый каган давался тюркам Не-

бом, и состояние его ума и тела отражало состояние государства. Тюркские рунические надписи противоставляют “мудрых смелых” и “неразумных трусливых” каганов, создателей и губителей “вечного тюркского эля” (Малов С.Е., 1951, с.36). Отдельно следует упомянуть о кагане Капагане, которого Йоллыг-тегин, автор надписи в честь Кюль-тегана, считал самовольно севшим на царство, не избранным Небом, из-за чего “тогда в Отюкенской черни не было хорошего владыки”, а тюрков постигли смута и несчастья (Кляшторный С.Г., 2003, с.244, 245). “Порча” кагана несла несчастья всему элю и народу, поэтому у поздних хазар даже лишенный реальной власти символический “каган” мог заплатить жизнью во время бедствий в стране, если народ считал его ответственным за таковые (Новосельцев А.П., 1990, с.142).

Что же могло положить начало столь сильной традиции “божественного кагана” в Хазарском каганате? История показывает, что телесские вожди сеяньто и уйгуров либо получали, либо сами присваивали себе титулы каганов. Но, полностью занимая социально-политическую организацию Тюркских каганатов, при этом ни один из них не пытался претендовать на *преемственность* с Тюркским государством, всячески подчеркивая свою нетюркскую принадлежность. Совершенно иначе вели себя хазарские каганы, которых источники во 2-й пол.VII в. называют “царями Туркестана”, по замечанию К.Цукермана, согласно созданному ими образу преемников Тюркского каганата (Цукерман К., 2001, с.331). Учитывая же несомненный тюркский компонент хазарского объединения, а также время возникновения каганата (сер.VII в.), в этой ситуации откровенно трудно предполагать что-либо иное, чем принадлежность первого кагана хазар к священному правящему роду тюркютов, т.е. роду Ашина.

Когда и при каких условиях претендент на каганский престол из рода Ашина мог оказаться на Северном Кавказе у тюркютов-“хазар” и объявить себя каганом? Л.Н.Гумилев и М.И.Артамонов видели только одну такую возможность – в 651 г к хазарам могли убежать гипотетические наследники Иби-Шегуй-хана (Гумилев Л.Н., 1993, с. 237; Артамонов М.И., 2002а, с.188, 189). Но этот вариант – только *возможность*, аргументация же требует хоть какой-нибудь опоры на известия источников. Последние же фиксируют самое позднее присутствие членов рода Ашина на Северном Кавказе в 630 г, и именно с данным эпизодом и связывает основание хазарской династии большинство западноевропейских исследователей (обзор литературы см.: Цукерман К., 2001, с.315).

Прямое свидетельство территориальной привязки владений Ашина к Северному Кавказу есть

в албанской хронике Мовсэса Дасхуранци. Разговаривая в 629 г с сыном джабгу шадом, албанский католикос Виро узнал о присоединении Албании к личному уделу джабгу: “ибо, говорил шад, получил отец мой эти три страны – Агванию, Чога и Лбинию *в вечное владение*” (Моисей Каганкатвацци, 1861, с.127). Следовательно, в 629 г Тон-джабгу-каган подарил своему брату в наследственное владение как минимум новозахваченные земли Закавказья. Полностью удел джабгу состоянием на 626 г хроника описывает так: “И вот он [Джебу хахан] распорядился, чтобы все, кто находился под его властью, все племена и роды, проживающие в горах и долинах, на суше или островах, оседлые или кочующие, бреющие головы или носящие косы, чтобы все они были готовы [явиться] по первому же зову его” (Мовсэс Каланкатуацци, 1984, с.78). Роль же джабгу в политических отношениях с Византией в 626-630 гг, а особенно эпизод его обречения с дочерью императора Ираклия свидетельствуют, что джабгу был полноценным правителем западного удела Западнотюркского каганата.

В 630 г джабгу гибнет. Последние сообщения албанской хроники касаются рекомендации джабгу своему сыну шаду покинуть Албанию. Судя по ее подчинению вскоре после 632 г уже персам (Артамонов М.И., 2002а, с.173), удержать эти земли за собой тюркютам действительно не удалось, но о судьбе самого шада мы не имеем больше никакой информации. Логическое развитие событий предполагает вступление молодого шада в права правителя западного удела каганата. Вопрос же заключается в другом: если шад действительно остался на Северном Кавказе, то когда он смог принять каганский титул, ведь для этого нужно было стать *прямым законным претендентом* на каганский престол?

Согласно лестничной системе престолонаследования у тюркютов, в 630 г, после гибели брата и преемника Тон-джабгу-кагана в Армении, новым преемником кагана становился его старший сын – Тили-тегин (Шиши-тегин). Как показали дальнейшие события, популярностью у тюркютов этот претендент не пользовался, поэтому недовольный политикой Тон-джабгу-кагана, его дядя Багатур вполне мог рассчитывать, что после убийства племянника население каганата станет на его сторону. Его ошибкой была ставка только на племена крыла “дулу”, из-за которой “нушиби” были вынуждены провозгласить в том же 630 г каганом именно Тили-тегина. Указание Мовсэса Дасхуранци на то, что шад – племянник Тон-джабгу-кагана – был единственным наследником “Джебу-хакана” (Мовсэс Каланкатуацци, 1984, с.93), означало, что в случае интронизации последнего именно “Шат”, а не младший сын Тон-джабгу-кагана – Тарду-шад

Рис. 37. Декоративные бляшки сбруи: 1, 4, 6, 15, 19-22, 32 – *Директорская Горка* (1, 4, 15, 20-22, 32 – п.5; 6 – п.1); 2, 16, 24, 43, 53 – *Мокрая Балка*; 3, 51 – *Камунта*; 5, 7, 10-12, 14, 17, 18, 23, 25-28, 30, 31, 33, 36, 42, 46, 48-50 – *Вознесенка*; 8, 9 – *Чир-Юрт* (8 – к.26; 9 – к.66а); 13 – *Брусяны IV*, к.2, п.1; 29, 35, 44, 45, 47 – *Глодосы*; 34, 40, 41 – *Перецепина*; 37, 52, 54-56 – *Галиат*; 38, 39 – *Новогригорьевка, м.1*; 57, 58 – *Келегеи*; 59, 60 – *Геленовка*.

Fig. 37. Decorative plaques of a harness: 1, 4, 6, 15, 19-22, 32 – *Directorskaia Gorka* (1, 4, 15, 20-22, 32 – burial 5; 6 – burial 1); 2, 16, 24, 43, 53 – *Mokraia Balka*; 3, 51 – *Kamunta*; 5, 7, 10-12, 14, 17, 18, 23, 25-28, 30, 31, 33, 36, 42, 46, 48-50 – *Voznesenka*; 8, 9 – *Chir-Yurt* (8 – barrow 26; 9 – barrow 66a); 13 – *Brusyany IV*, barrow 2, burial 1; 29, 35, 44, 45, 47 – *Glodosy*; 34, 40, 41 – *Pereshchepina*; 37, 52, 54-56 – *Galiat*; 38, 39 – *Novogrigorievka, burial I*; 57, 58 – *Kelegei*; 59, 60 – *Gelenovka*.

становился претендентом на престол после Шилитегина. Но непопулярность нового Эль-Бильге-Ышбара-джабгу-кагана (Тили-тегина) привела к неожиданным последствиям: в 631 г в среде самих нушиби сложилась оппозиция кагану, который бежал из ставки и вскоре погиб (632 г). Роль нового лидера нушиби возложили на Нишу Гана-шада, сына Бага-шада, который после провозглашения себя каганом в 632 г “отправил посланника донести Двору [императора Тай-цзуна], что не осмеливается носить титул хана; император отправил сановника Лю Шань-инь с бунчуком и грамотой, которой жаловал ему титул Туньалеу Балиби Дулу-хана” (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.285).

Чем было вызвано признание Нишу Гана-шадом *нелегитимности* собственной власти? Это заявление одновременно честное и серьезное, ибо самовольно провозглашенный, а не “избранный Небом” каган рисковал стать “дурным” каганом. Кто же был законным претендентом? На тот момент Эль-Бильге Ышбара-джабгу-каган был уже мертв, а наместник Тохаристана Тарду-шад, получивший в правление брата следующий титул “джабгу” и основавший независимую династию тохаристанских “джабгуйа” (Маликов А.М., 2000, с.15), пожалуй, ограничился этим, не претендуя на большее. Остается только один претендент на престол, о котором вряд ли могли знать китайские хронисты – это племянник Тон-джабгу-кагана, по сведениям Феофана, в 627/628 г командовавший сорокатысячным тюркютским войском во время войны с персами на Северном Кавказе (Чичуров И.С., 1980, с.59). К 632 г этот контингент, как минимум 6-7 лет служивший шаду “хазар” и поэтому преданный только ему, мог составлять серьезную угрозу для Нишу Гана-шада и всей нушибийской “оппозиции”. Опасность была тем более велика, что именно шад “хазар” был прямым претендентом на титул и, не замешанный в непопулярных действиях Тон-джабгу-кагана и его сына, вполне мог рассчитывать на благосклонность населения каганата. Очевидно, отдавая себе в этом отчет, Нишу Гана-шад и вынужден был просить жаловать ему каганский титул у китайского императора Тай-цзу-

на, обретая, таким образом, одновременно могущественного покровителя.

Опасения Нишу Гана-шада оказались напрасными – внутри каганата никто не решился оспаривать его титул, но с западными владениями каганата пришлось проститься: там возникло независимое образование, получившее позднее название “Хазарский каганат”. В реальности же в 632 г племянник Тон-джабгу-кагана мог провозгласить себя только *каганом западных тюркютов*. Именно “царем Туркестана” и называет хазарских каганов 2-й пол.VII в. албанская хроника (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.100, 102, 127). Но поддержали его в каганате, как свидетельствует Тэсинская надпись, на самом деле только хазары и берсилы, ставшие той силой, на которую смог опереться новый каган. Мы хотим специально подчеркнуть, в 632 г юридически произошло *не образование нового государства, а раскол* Западнотюркского каганата так же, как в 581 г Тюркский каганат раскололся на Восточный и Западный каганаты. Причем так же, как и в 581 г, этот раскол никак не отразился на зависимом от каганата населении Восточной Европы, остававшемся в подчинении тех же тюркютов, тех же правителей. Мирный раскол обусловила географическая обособленность нового каганата, а также нежелание или опасение его правителя вмешиваться в борьбу за власть в среднеазиатских землях. После 651-658 гг Хазарский каганат оказался единственным выжившим независимым образованием западных тюркютов, которых в Восточной Европе все чаще начали называть “хазарами”.

Раздел 2. Булгары в VII в.

Согласно концепции, которую с полным правом можно назвать “господствующей” в исторической и археологической литературе, смута 630-632 гг в Западнотюркском каганате одновременно привела к возникновению в Восточной Европе еще одного мощного кочевнического образования – т.н. “Великой Булгарии” во главе с правителем “Кувратом” (Кубратом). Упомянуть всех исследователей,

касавшихся этой темы, практически невозможно – столь серьезный интерес она вызвала и вызывает по сей день в литературе (обзоры историографии см.: Ангелов Д., 1981; Артамонов М.И., 2002а; Бешевлиев В., 1981б; Божилев И., Димитров Х., 1995; Димитров Д., 1987; Литаврин Г.Г., 2001; Петров П., 1981; Цукерман К., 2001; Чичуров И.С., 1976 и др.). Обилие комментирующей литературы и различных гипотез, впрочем, разительно контрастирует с количеством реальных данных источников, имеющихся в нашем распоряжении.

2.1. “Первая Булгария”

Краткие сведения о “первой Булгарии” сохранились в исторических сочинениях Феофана и Никифора, передающими известия компилятивной хроники 1-й пол. VIII в., автор которой точно не установлен (далее: “Хроника”). Как отметил Г.Г.Литаврин, в пассажах Феофана и Никифора о булгарах анализу уже было подвергнуто буквально каждое слово (Литаврин Г.Г., 2001, с.195). Современная ситуация располагает скорее к комментированию комментариев к комментариям, чем анализу собственно источников. Тем не менее, трудно не согласиться с Г.Г.Литавриным, что толкованием текста всегда является уже сам перевод, а его интерпретация требует полной уверенности в правильности понимания текста, ясного определения того круга фактов и явлений, вытекающих из показаний данных источников (Литаврин Г.Г., 2001, с.198).

Точное чтение древнего текста, изобилующего грамматическими и синтаксическими ошибками, многозначительными выражениями, неясными вставками и обрывками фраз, всегда требует четкого понимания контекста повествования. Если же предметом обсуждения является сам контекст, прерогативу нужно отдавать максимально точной передаче грамматического строя текста, даже если полученная картина оказывается “темной”, непонятной читателю (Богданова Н.М., 1988).

Настоящая работа написана археологом и, в первую очередь, для археологов, поэтому мы намеренно упрощаем или наоборот детализируем объяснение отдельных моментов анализа и чтения источников, что может показаться несколько излишним исследователям-историкам. Также мы предлагаем анализ соответствующих фрагментов Феофана и Никифора без сравнения палеографии, по наиболее доступному для “постсоветских” исследователей изданию И.С.Чичурова (Чичуров И.С., 1980), попытавшись при переводах максимально сохранить

все “неровности” и “шероховатости” языка источников, сглаживаемые раньше исследователями в желании передать их содержание в более понятной или литературной форме¹⁴.

Ответ на вопрос, кто из двух авторов: Феофан или Никифор точнее передал интересующие нас данные “Хроники”, прямо зависит от авторской манеры изложения обоих историков. Никифор традиционно ясен и точен, критически подходит к источникам и дает им свою оценку, книга написана литературным языком и в хорошем стиле (Литаврин Г.Г., 1995б, с.221-224). Труд Феофана написан намного проще – источники используются без какой-либо критики, причем нередко из них списаны целые пассажи (по мнению И.С.Чичурова, как минимум 300 из 503 страниц издания К. Де Боора). Вследствие этого язык и стиль крайне неровны – местами литературны и даже изысканны, местами же безыскусны, с вульгаризмами (Чичуров И.С., 1981, с.79; Литаврин Г.Г., 1995в, с.248-251). Феофан редко следит и за унификацией этнических и географических названий, терминов, из-за чего “склейки” источников в его тексте хорошо заметны, в то время как у Никифора они сглажены, что не позволяет уверенно отличать оригинальный текст источников от их авторской интерпретации. В этой ситуации, как ни парадоксально, мы вынуждены признать более ценной компиляцию Феофана, точнее передавшего содержание своих источников, или, как выразился сам Феофан в предисловии, “ничего не добавив от себя”. Ценность работы Феофана подчеркивается еще одним моментом – она сохранилась также в латинском переводе Анастасия Библиотекаря, позволяющем проконтролировать понимание раннесредневековым греком “темных мест” текста Феофана.

Пассаж Феофана о происхождении булгар (Чичуров И.С., 1980, с.36-38) композиционно состоит из трех различных по стилю и происхождению частей: географического, а точнее, “хорографического” описания местоположения Булгарии (“Описание”), легенды о расселении булгар (“Легенды”) и исторического рассказа о вторжении Аспаруха во Фракию (“Рассказ”). Яснее всего происхождение “Рассказа”, явно написанного младшим современником Константина IV, которого автор иногда именуется просто “василевс”. “Рассказ” очень эмоционален, его автор – глубоко религиозный человек – остро переживает поражение византийцев, хотя сам и не был прямым очевидцем событий. На наш взгляд, “Рассказ” написан еще до Трульского собора (691-692 гг), скорее всего, около 685-686 гг, сразу после кончины Константина IV, и первоначально

¹⁴ Выражаем признательность за консультации при переводе греческих текстов А.А.Савенко и А.Ю.Виноградову.

входил в сочинение, посвященное, преимущественно, церковной деятельности Константина IV.

Хронологически и по текстуальным ссылкам (например, “описанное выше укрепление” – т.е. “Огл”) “Рассказ” смыкается с “Легендой”, составляющей с ним часть единого авторского текста. Сюжет “Легенды” довольно стандартный: отец, имеющий пять сыновей, умирая, завещает им жить вместе, но нарушение отеческого завета приводит к изгнанию их из родной земли. При внешней схожести с народной легендой, сюжет на самом деле глубоко книжный, восходящий к традициям античной литературы. Внимание привлекает нарушение порядка повествования: после первого и второго сыновей Батбаяна и Котрага в тексте неожиданно следуют безымянные “четвертый” и “пятый”, только после которых появляется “третий” сын Аспарух, переселение которого в тексте неразрывно увязано с последующими событиями “Рассказа”. Вставка “четвертого” и “пятого” сыновей явно принадлежит редактору – автору “Хроники”, и в первоначальном варианте “Легенды” они отсутствовали.

Текст хорографического “Описания” сокращен до минимума у Никифора и полностью передан Феофаном. Это позволило И.С.Чичурову допустить, что его автором был сам Феофан, но это практически исключено. Дело в том, что локализация Берзилии Никифором “вблизи Сарматов” (Чичуров И.С., 1980, с.153, 154) не имела никакого смысла в VIII–IX вв. У Феофана же в этом месте упоминаются не сарматы, а “Первая Сарматия”, т.е. “Азиатская Сарматия” Птолемея, простиравшаяся от Меотиды до Ателя. Поскольку в начале “Описания” у Феофана сарматы упомянуты как племя, по территории которого протекает Атель (Чичуров И.С., 1980, с.36), Никифор просто заменил невнятную локализацию Берзилии “Хроники” (“из внутренних глубин Берзилии Первой Сарматии”) на более понятную для себя “вблизи сарматов”, т.е. “вблизи Ателя”. Это однозначно свидетельствует, что “Описание” уже присутствовало в “Хронике”, но было выброшено Никифором.

Скорее всего, путанная информация “Описания”, заимствованная его автором из какого-то позднеантичного хорографического источника, показалась Никифору просто малодостоверной, поэтому он и свел вопрос локализации “Булгарии” всего к двум предложениям (Чичуров И.С., 1980, с.153)¹⁵: “Скажем теперь о вождях так называемых Уннов и Булгар и их положении. За Меотийским озером по реке Кофина существует называемая прежде “большой” Булгария и так называемые

Котраги, одноплеменные им, также там пребывающие”.

Феофан сохранил более полный текст “Описания” (Чичуров И.С., 1980, с.36): “А в это время народ Булгар пришел во Фракию. Необходимо однако рассказать и о древностях Унногундурув Булгар и Котрагов. У северных противоположных частей Эвксинского Понта, у называемого Меотидой озера, куда приходит [впадает] самая большая река, несущаяся от океана через земли Сарматов, называемая “Атель”, в которую приходит [впадает] называемая “Танаис” река, и сама от Иверийских ворот исходящая в Кавказских горах, дальше же от слияния Танаиса и Ателя (недалеко от вышеупомянутого озера Меотиды Атель разделен) стремится называемая “Куфис” река и отдается [впадает] в край Понтийского моря вблизи Некропил у мыса, называемого “Баранья Морда”. Дальше от упомянутого озера как река море и приходит в море Эвксинский Понт через земли Босфора и Киммерия [море, подобно реке, впадает в Эвксинский Понт через земли Боспора Киммерийского], где из реки ловят так называемую “мурзули” и ей подобную, и там, конечно же, у восточной стороны лежащего впереди озера [Меотиды], у Фанагории и живущих там Евреев находятся много народов. Дальше от этого озера у называемой “Куфис” реки, где ловят булгарскую рыбу ксис, есть большой старая Булгария, и так называемые “Котраги”, одноплеменные им, также там пребывающие”.

“Описание” временами пытается сохранять стиль позднеантичного источника, но слишком неудачная компиляция отрывков создает нагромождение второстепенных предложений с потерей связей между ними, а также между одельными словами и словосочетаниями, поэтому как пунктуация, так и чтение отдельных предложений допускают несколько вариантов. По языку и стилю оно явно чужеродно для “Легенды” и “Рассказа”, представляя вставку более позднего редактора, скорее всего, автора “Хроники”.

Первый предмет многочисленных споров – это запись Ούννογονδοῦρων Βουλγάρων, которую передают через запятую, дефис или раздельно. Еще интереснее обошелся с проблемой Анастасий: Ονογουνδουρσιον Βουλγάρων et Contragensium – “Оногундурские Булгары и Кутригурские” (Григоров-Златанов Р., 1960, с.247). Мы сохранили запись оригинала: “Унногундурув Булгар”, но считаем также возможным и вариант с запятой, поскольку упоминание автором трех племен: “унногундурув, булгар и котрагов” могло быть намеренным в связи

¹⁵ Здесь и далее: ссылки на греческие и латинские тексты размещены перед нашими переводами, ссылки же после русского текста маркируют использование переводов других исследователей; в квадратных скобках даны разъяснения текста.

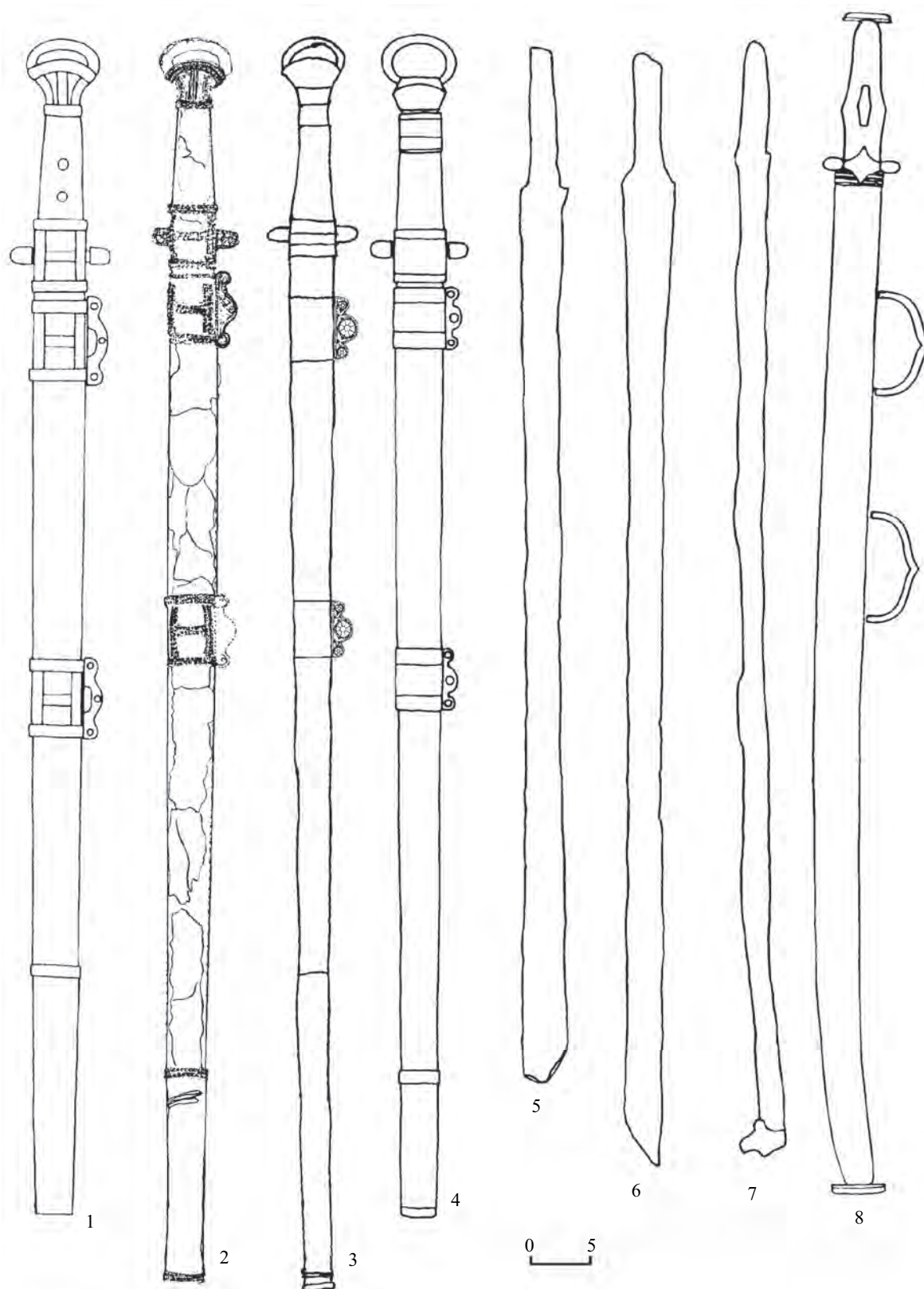

Рис. 38. Однолезвийные мечи (1-4) и сабли (5-8): 1 – Боча; 2 – Кунбабонь; 3 – Перещепина; 4 – Кунагота; 5-7 – Вознесенка; 8 – Озора-Тотипуста.

Fig. 38. One-blade swords (1-4) and sabres (5-8): 1 – Bocsa; 2 – Kunbabony; 3 – Pereshchepina; 4 – Kunagota; 5-7 – Voznesenka; 8 – Ozora-Totipusztá.

с разделом болгар между тремя братьями, согласно “Легенде”.

Наиболее принципиальная разница прочтения касается предложения, где упоминается “Булгария”: *ἀπό δέ της αὐτῆς λίμνης ἐπὶ τὸν λεγόμενον Κουφὴν ποταμὸν, ... ἡ παλαιὰ Βουλγαρία ἐστὶ ἡ μεγάλη, καὶ οἱ λεγόμενοι Κότραγοὶ ὁμόφυλοι αὐτῶν καὶ οὗτοι τυγχάνοντες*. Предложение, как и остальные, синтаксически слишком перегружено вставками компилятора и явно склеено из нескольких фрагментов. Так, его заключительная часть “и так называемые “Котраги”, одноплеменные им, также там пребывающие”, однозначно связана с главным предложением, где вместо “Булгарии” первоначально стояло название *племени*, которому Котраги, собственно, и были “одноплеменны”. Весь отрывок о Булгарии не столько труднопереводим, сколько сложен для адекватной передачи из-за различия синтаксиса. Традиционного словосочетания русских переводов “Великая Булгария” (ἡ μεγάλη Βουλγαρία) в тексте однозначно нет, который дословно гласит: *ἡ παλαιὰ Βουλγαρία ἐστὶ ἡ μεγάλη – “старая Булгария есть большой”*. Но глагол *ἐστὶ* одновременно указывает на положение Булгарии в определенном месте, т.е. перевод, скорее, “старая (прежняя) Булгария есть [и] большая”. Близкое по записи выражение Анастасия “*antiquitus Vulgaria est magna*” означает “прежде большая Булгария”, а само предложение переводчиком немного подправлено, чтобы прояснить его смысл: *Ab eisdem autem paludibus usque in amnem, que dicitur Cuphis ... antiquitus Vulgaria est magna, et hi, qui dicuntur Contragi, eiusdem, cuius et ipsi, tribus existunt* (Григорьев-Златанов Р., 1960, с.247, 248) – “от этого же болота вплоть до реки, называемой Куфис... существуют в прошлом большая Булгария и некие, называемые Контрагами, такие же, как и они, племена”.

Никифор попытался кардинальнее разъяснить это предложение, переставив *μεγάλη* до “Булгарии”: *ἡ παλαιὰ καλουμένη μεγάλη Βουλγαρία – “называемая прежде “большой” Булгария”, соответственно традиционной для греческой географии форме: ἡ μεγάλη Βουλγαρία*. Но другими источниками она не отмечена, поэтому Никифору и пришлось оговорить, что она существовала “прежде”. В оригинале “Описания” такой формы однозначно не было, а была лишь обычная неудачная склейка компилятора. Обратим также внимание на оттенки значений слов *παλαιά* и *μεγάλη*. Первое не имеет оттенка “древняя” (*αρχαία*), который вкладывает И.С.Чичуров (Чичуров И.С., 1980, с.60), *παλαιά* здесь означает “старая”, “прежняя” (у Никифора, соответственно, “называемая прежде”, а не “в древности”). Слово же *μεγάλη* означает “большая” (по территории) и уж никак не “великая”, что было бы

очень странно для автора, называющего ниже болгар *μισαροῦ καὶ νεοφανοῦς ἔθνους* (Чичуров И.С., 1980, с.38) – “мерзким и новоявленным племенем”. Также всего лишь “большим народом” – *μέγα ἔθνος* (Чичуров И.С., 1980, с.37), а не “великим” называет автор и хазар.

Судя по отмеченной выше несвязности выражения *ὁμόφυλοι αὐτῶν* – “одноплеменные им” в отношении Котрагов, в оригинале текста, который правил автор “Описания”, не было и самого слова “Булгария”, вместо которого стоял этноним (“булгары” или “унногундуры”). Подобную картину наблюдаем еще раз ниже по тексту. Никифор называет Коврата: *Κοβρατος τις ὄνομα κύριος γενόμενος τῶν φύλων – “господин по имени Коврат, родом из тех племен”*. Та же фраза у Феофана звучит иначе: *Κροβάτου του κυρίου της λεχθείσης Βουλγαρίας καὶ τῶν Κοτράγων – “Кроват, господин упомянутых Булгарии и Котрагов”*. Мы полагаем, что в первоначальном тексте “Легенды” *географического термина* “Булгария” действительно не было. Появился он позже, во время составления компиляции древних известий автором “Хроники” 1-й пол. VIII в. В его время понятие “Булгария” уже существовало и использовалось для обозначения земли дунайских болгар, которая для автора “Легенды” и “Рассказа” еще была “своей”, византийской, но захваченной “мерзким и новоявленным племенем”. Именно поэтому в “Описании” фигурирует “прежняя большая Булгария” или *πρώτης Βουλγαρία* – “первая Булгария” (Чичуров И.С., 1980, с.37), которую автор “Хроники” решил противопоставить остальным “малым” Булгариям, образовавшимся вследствие ее раскола. Похоже, именно этому автору принадлежит и вставка в “Легенду” еще двух сыновей Коврата.

Подчеркнем жестко: “старая (прежняя) Булгария” – это название не *государства* или политического объединения, а *территории*, появившееся не ранее нач. VIII в. В VII в. его еще не существовало, поэтому следует помнить об условности этого термина при его использовании в описании событий VII в.

Проблема локализации “первой Булгарии” упирается частично в чтение источников, частично в само понимание исследователями представлений византийской географии. Спор о “широкой” или “узкой” локализации болгар продолжается уже больше века, причем набор аргументов обеих сторон практически не меняется. Никифор указывает расположение просто: “за Меотийским озером по реке Кофина”. Различные трактовки же возникают при анализе “Описания”, переданного Феофаном. Аргументы сторонников “широкой” локализации сводятся вкратце к двум пунктам: двойному упоминанию “Куфиса” как рек Южного Буга и Кубани

и чтения фразы Феофана о локализации Булгарии “от этого озера [Меотиды] до реки, называемой Куфис”.

Вопрос чтения предлогов *ἀπό* и *ἐπί* в фразе *ἀπό δέ της αὐτης λίμνης ἐπί τόν λεγόμενον Κουφίν ποταμόν* как “от... до” возник, пожалуй, из-за перевода Анастасия: *ab eisdem autem paludibus usque in amnem, que dicitur Cyphis* – “от этого же болота вплоть до реки, называемой Куфис”. Поскольку “Куфис” – Кубань сам впадает в Меотиду, теретически можно допустить, что речь идет о другом “Куфисе” – Южном Буге. Соответственно, территория “первой Булгарии” раздвигается от Восточного Приазовья до Северного Причерноморья. Действительно, при связке *ἀπό* и *ἐπί* чтение “от ... до” возможно, но в нашем случае следует обратить внимание на то, что *ἀπό* *δέ* начинает предложения в “Описании” трижды. Несмотря на знакомство автора с терминами Птолемея, принцип построения “Описания” соответствует не географической системе (т.е. привязке к системе координат), а хорографической, т.е. старой античной системе перизгеса, использовавшей квадрат основных ориентиров с локализацией объектов при помощи предлогов и выражений типа “дальше”, “за”, “по ту сторону”, “выше”, “ниже”, “справа”, “слева” и т. п. (Петрухин В.Я., Шелов-Коведяев Ф.В., 1988, с.186-188). Именно таким “указателем” в “Описании” и выступает *ἀπό* *δέ* – “дальше же”. Этот момент учтен еще в одном из первых русских переводов Феофана В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского: “За тем озером выше реки Куфиса” (Оболенский В.И., Терновский Ф.А., 1884, с.262).

Перизгесы, а особенно периплы и итенерарии (“дорожники”), всегда имели четкое направление перечисления географических объектов, иначе терялся сам смысл словесной локализации. Автор нашего “Описания” начал с общего сюжета о главных реках в районе Северного Кавказа, но локализирует Булгарию при помощи другого, более конкретного и точного источника. В предложении последовательно упоминаются Южный Буг (Куфис) и его место впадения в Понт, Некропилы, затем Боспор Киммерийский, восточная сторона *προκειμένης λίμνης* (“лежащего впереди озера”) Меотиды, Фанагория и живущие возле нее народы. А уже далее на восток, у р.Куфис (Кубань), и располагалась Булгария. Использованный здесь источник – однозначно перипл, описывающий морской путь от устья Дуная до Фанагории.

Согласно сторонникам “широкой” локализации Булгарии, далее в “Описании” должен последовать неожиданный “разворот” на 180° и возвращение описания назад к Южному Бугу “по суше”, противоречащее всем принципам античной хорографии. К тому же, автоматически возникает

вопрос, почему тогда для локализации “Булгарии” не упомянуты совсем даже не рядовые ориентиры в виде Днепра и Дона? Разумного объяснения этому нет и не будет, тем более, что фактически нет и самого предмета для спора: чуть ниже по тексту в “Легенде” более чем ясно говорится, что и Аспаруху, и “Котрагу” пришлось *перейти Танаис*, убегая от хазар, а в стране отца, т.е. к востоку от Танаиса, остался только Батбаян. Благодаря “Легенде”, локализация “первой Булгарии” к востоку от Дона неоспорима, важнее другое – где именно она располагалась?

Основной набор ориентиров греков на Северном Кавказе составляли Меотида, Танаис, Куфис, Атель, Каспийское море, Кавказский хребет, Дарьяльское ущелье и Дербент, но представления о их местонахождении были довольно смутными. Локализация “дальше от Меотиды у реки Куфис” означала, что Булгария была отдалена от Дона, Волги и Кавказского хребта, так как к этим ориентирам нет привязок в тексте. Особенно интересно, что автор “Описания” не упоминает как границу булгар хорошо известный грекам Танаис, оставляя только догадываться, где же именно на восток от Фанагории “у Куфиса”, по мнению греческих авторов, располагалась Булгария, если речь не идет о степном Восточном Приазовье.

Так называемая “Армянская география” (“Ашхарацуйц”) уточняет лишь прежнюю зону проживания булгар Аспаруха – на “Типийских горах” (Патканов К., 1883, с.29), которые М.И.Артамонов соотносит с Ергенями и Ставропольской возвышенностью (Артамонов М.И., 2002а, с.190). Согласно Никифору Григоре, действительно “булгары с женами и детьми пришли от Волги” (Сиротенко В.Т., 1972, с.211), но сообщение этого автора редко привлекают при анализе расселения булгар. Между тем, судя по тексту Феофана, описанной им “первой Булгарией”, локализованной в Прикубанье, остался владеть Батбаян, хронология же болгаро-хазарского конфликта подсказывает, что Аспарух действительно проживал восточнее своего брата, в непосредственном соседстве с хазарами. Могли ли его земли простираться к северо-востоку от Маныча и доходили ли они до Волги, сказать, разумеется, сложно, но факт несовпадения границ “первой Булгарии” в представлениях греков с реальной зоной расселения булгарских племен во 2-й пол.VII в. налицо.

Расположение остальных булгарских племен, упомянутых в “Ашхарацуйц”: “Купи-Булгар”, “Дучи-Булкар”, “Огхондор-Блкар - пришельцы” и “Чдар-Болкар” определяется лишь ориентирами “к северу от рек Валданис (Кубань) и Псевхрос”. Также текст упоминает, что “Между Болгарами и Понтийским морем живут народы: Гарши, Куты

и Сваны до города Питинунта на морском берегу страны Авазов” (Патканов К., 1883, с.29), что, пожалуй, исключает из земель болгар Тамань, поскольку автор представлял себе расположение болгар на северо-восток от Понта. Общая локализация болгар к востоку от Тамани и к северу от р.Кубани, в целом, соответствует греческой локализации “первой Булгарии”.

Более конкретно расселение племен не уточняется, но упоминание “Ашхарауиц” о том, что болгары “именуются по названиям рек”, позволило ряду исследователей попытаться идентифицировать “реки” “Купи”, “Дучи” и “Чдар”, самой “Географией” не упомянутые (Артамонов М.И., 2002а, с.186, 186; Ангелов Д., 1981, с.175). К сожалению, ни одна из предложенных версий пока не представляется доказательной. Так, полностью противоречит данным “Ашхарауиц” отождествление “Дучи” с рекой “Кочо”, впадающей в Понтийское море в *Европейской Сарматии*, в то время как болгары локализованы источником в *Сарматии Азиатской*. Границей обеих Сарматий “Армянская география” четко называет Танаис (Патканов К., 1883, с.27, 28), поэтому локализация всех упомянутых в ней болгарских племен к востоку от Дона просто не подлежит обсуждению. Неудовлетворительно и сближение “Купи” с “Куфис”, поскольку источник сведений “Ашхарауиц” о булгарах однозначно не греческий, сама же Кубань фигурирует в тексте как “Валданис”. Учитывая же, что одно из упомянутых названий – “огхондор” (Woghkhondor) – явно соответствует греческому “унногундур” и арабскому “в-н-н-т-р”, также весьма вероятно, что и остальные названия – племенные, а не “речные”. Интерпретация определения “пришельцы” в отношении “огхондор”, на наш взгляд, должна учитывать и то обстоятельство, что сведения “Армянской географии” и описанная ею ситуация разделения болгар на четыре племена относится уже к периоду *после поселения унногундугов Аспаруха во Фракии*. Это может означать, что “огхондор-блкар-пришельцы” являются частью племени Аспаруха, не ушедшей с ним на Дунай, а отколовшейся и поселившейся в другом месте на Северном Кавказе.

В последнее время более популярной стала другая модификация “широкой” локализации “первой Булгарии”, сторонники которой признают верность расположения унногундугов в Прикубанье, но считают, что к западу от Дона в это время проживало племя “котраги”, входившие с унногундурами в одно политическое объединение (Петров П., 1981, с.127, Божилов И., Димитров Х., 1995, с.28; Степанов Цв., 1995, с.9, 10; Приходнюк О.М., 2001, с.20, 21; Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001, с.192; Рашев Р., 2004, с.56, 57 и др.). Эта гипотеза, впрочем, основана, скорее, на концептуальном

видении истории болгарских племен исследователями, чем на интерпретации письменных источников.

“Котраги” традиционно отождествляются с “кутригурами”, благодаря упомянутой Менандром форме названия последних – “котрагиры”. Судьба племени кутригуров, проживавшего в Северном Причерноморье в кон.V – сер.VI в., хорошо известна по письменным источникам; появились, наконец, и данные, позволяющие выделить памятники материальной культуры кутригуров (Комар А.В., 2004а). Рассказывая о поселении кутригуров в Северном Приазовье, Прокопий замечает, что они “и до моего еще времени жили на этих местах” (Прокопий Кесарийский, 1996, с.23). Книга написана в 553 г, но это не значит, что кутригуры исчезли уже в 553 г, просто после разгрома 551 г, учиненного им утигурами, кутригуры, согласно свидетельству Агафия, переселились в нижнее Подунавье, откуда в 559 г. совершили очередной набег на Византию (Агафий Миринейский, 1996, с.185). Это вызвало новую волну конфликта кутригуров с утигурами, в конце концов печально закончившегося для обоих племен. Современник событий Агафий Миринейский свидетельствует (Кн. V, 25): “И затем в течение долгого времени [они] были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами” (Агафий Миринейский, 1996, с.206). Попав в подчинение к аварам, кутригуры в 567-568 гг переселились вместе с ними в Паннонию. Последнее же упоминание кутригуров как племени относится к 568 г, после чего аварский каган Баян заявил византийским послам, что он “уничтожил” и кутригуров, и утигуров (Дестунис С., 1860, с.391-392). Впрочем, как уже упоминалось выше, утигуры последний раз всплывают в исторических событиях позже – в 576 г, когда они находились под властью Тюркского каганата; кутригуры же надолго исчезают из источников.

Неожиданное появление “котрагов” в трудах Феофана и Никифора, при полном молчании о них других источников VII-IX вв., заставляет обратить более пристальное внимание на сюжеты, связанные с ними. Первый раз котраги упоминаются у Феофана в “Описании” как соплеменники болгар или унногундугов, вместо которых редактор вставил “прежнюю Булгарию”. Согласно тексту, καὶ οἱ λεγόμενοι Κότραγοὶ ὁμόφυλοι αὐτῶν καὶ οὗτοι τυγχάνοντες – “и так называемые “Котраги”, одноплеменные им, также там пребывающие”, т.е. находящиеся на

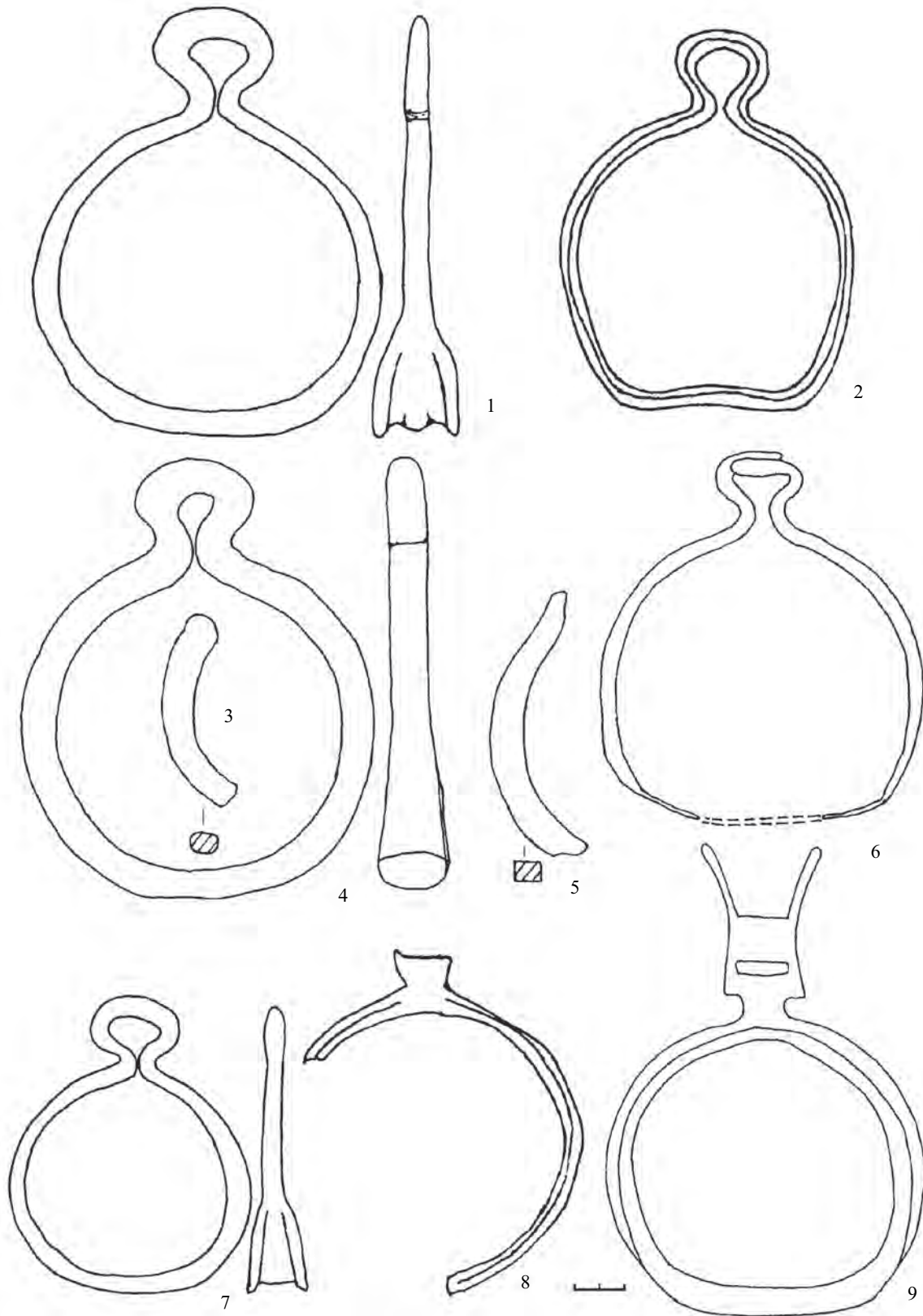

Рис. 39. Стремена: 1, 7 – Вознесенка; 2, 8 – Глодосы; 3, 5 – Наташино, к.17; 4 – Заплавка; 6 – Новогригорьевка, м.І; 9 – Перецепина.

Fig. 39. Stirrups: 1, 7 – Voznesenka; 2, 8 – Glodosy; 3, 5 – Natashino, barrow 17; 4 – Zaplavka; 6 – Novogrigorievka, burial I; 9 – Pereshchepina.

момент повествования в *Прикубанье*. Настоящее время глагола использует в переводе и Анастасий (existunt), утверждая, что “контраги” располагаются там же, где и “прежде большая Булгария”. Но ниже, в рассказе “Легенды” о расселении сыновей Кровата, утверждается уже другое: “Второй же его брат, по имени Котраг, перейдя через реку Танаис, поселился напротив первого брата [Батбаяна]”. То есть, в то время, как согласно “Легенде” котраги (в лице “Котрага”) *после раздела болгар* переселились в Северное Приазовье, “Описание” утверждает, что они *все еще остаются* там же, в “старой Булгарии”. Устранить это противоречие мы предложили через конъюнктуру οἱτοί τυχάνοντες “[теперь там] не пребывающие” вместо οἱτοί τυχάνοντες (Комар О.В., 2000б, с.150), но это – лишь вариант. Скорее, предложение просто искажено автором “Описания”, и первоначально события излагались в прошедшем времени, рассказывая о проживании прежде болгар-унногундуров и котрагов к востоку от Меотиды в Прикубанье. Буквально следуя тексту источников, можно либо утверждать, что котраги так и *остались в Прикубанье и после 680 г.*, либо же переселились в Северное Приазовье перед Аспарухом *после смерти Коврата*. Т.е., в любом случае, земли к западу от Дона в состав Булгарии времени Коврата однозначно не входили.

Как мы уже отмечали, реальных исторических данных о существовании “котрагов” или сына Кровата “Котрага” в источниках VII-VIII вв. нет (Комар О.В., 2001б, с.143-145). Зато многими исследователями неоднократно подчеркивалось, что история “Легенды” слишком уж напоминает легенду о расселении племен кутригуров и утигуров, рассказанную Прокопием Кесарийским (BG, VIII, 5). Согласно Прокопию, возле восточного берега Меотиды и Танаиса в древности проживали множество “гуннов”, которыми управлял один царь. После его смерти два сына Кутригур и Утигур разделились, поделив народ на две части: утигуров и кутригуров, из которых кутригуры перешли через Танаис и осели в Северном Приазовье, а утигуры остались в “отцовских землях” (Прокопий Кесарийский, 1996, с.21-24). Поскольку создание подобных легенд было древней и практически обязательной (!) традицией греческой исторической литературы, автору “Рассказа”, следуя правилам и стилю жанра, пришлось для описания происхождения болгар прибегнуть к такому же приему и создать анализируемую нами “Легенду”.

В первоначальном варианте “Легенды” явно фигурировали только три брата: Батбаян, Котраг и Аспарух. Двух безымянных братьев: “четвертого” и “пятого” в текст уже добавил автор “Хроники” (он же – автор “Описания”) для полноты картины расселения болгар состоянием на нач.VIII в. При

этом главный лейтмотив “Легенды” – нарушение братьями завета отца “никаким образом не отделяться друг от друга в местопребывании, постоянно быть самим господами и не попадать в рабство к другим народам”, как оказалось, коснулся только двух “именных” братьев – Батбаяна и Аспаруха, о судьбе же “Котрага” источник не сообщает ничего, хотя знает о вторжении хазар в Северное Причерноморье, где, казалось бы, и этот брат должен был быть “наказан за нарушение обета”. Не всплывают больше “котраги” и ни в одном другом источнике VII-IX вв., подтверждая тем самым, что упоминание “котрагов” и “Котрага” в “Легенде” является книжной аллюзией на легенду о происхождении болгар Прокопия Кесарийского, также, кстати, включающей сюжет более древней легенды Аммиана Марцеллина о проникновении гуннов в Северное Причерноморье, в свою очередь, связанных автором происхождением с еще более древним местным племенем – киммерийцами. Отметим еще один факт: из многочисленных родоначальников-эпонимов античных и раннесредневековых книжных легенд (Скиф, Пал, Нап, Савромат, Роксолан, Алан, Сармат, Гот, Утигур, Кутригур, Авар, Берсил, Булгар, Хазар, Рус, Чех, Лях, Хорват и т.д.) ни один из них в реальности не существовал, и этот символизм, кстати, очень хорошо понимали и сами древние авторы.

Другой, достаточно редко упоминаемый в литературе источник, позволявший предполагать некоторым исследователям проживание болгар VII в. в Северном Приазовье – это “Космография” Равеннского Анонима, составленная, судя по упоминанию болгар во Фракии, уже после 680 г. Источник упоминает страну “Оногорию”, расположенную у Понтийского моря, “по соседству с верхней точкой Меотийского болота” (Подосинов А.В., 2002, с.192). На реконструкции карты К.Миллера “Оногория” локализована в Северном Приазовье (Подосинов А.В., 2002, рис.22), но контекст повествования этому никак не располагает. В указанной части “Космографии” описываются земли, соседящие с *восточной*, а не северной частью Понта. Аноним упоминает “Оногорию” после абсиллов, абасгов, аланов и зихов, но перед “страной Босфоранией”, т.е. речь однозначно идет о Восточном Приазовье. Такая локализация оногуров в целом близка локализации унногундуров греческих источников и может служить ценным аргументом в пользу, по крайней мере, родственности оногуров и унногундуров. К сожалению, хронология упомянутой информации “Космографии”, традиционно для раннесредневековой картографии смешивающей воедино античные, римские и раннесредневековые пласты (Чекин Л.С., 1999, с.19), не совсем четкая и часто реконструируется только на основании противоречий

самого текста, наслаивающего на одну и ту же территорию несколько стран или народов. Благодаря этому ясно, что на момент составления самой “Космографии” (около 700 г.), “Оногории” в указанных границах уже не существовало, поскольку автор упоминает Куфис уже в числе рек “чрезвычайно обширной как в длину, так и в ширину [страны], которая называется Хазарией” (Подосинов А.В., 2002, с.191). А вот различить, относятся ли данные об “Оногории” к реальным оногурам кон.V – сер.VI в., или же под ними скрывается локализация унногундуrow VII в., называемых Агатоном “уногурами” (Дуйчев Ив., 1960, с.183), к сожалению, нельзя.

В любом случае, сравнение данных греческих, армянских и латинских источников о локализации булгар до момента их конфликта с хазарами позволяет довольно уверенно очертить основную зону проживания булгар в рамках своеобразного треугольника “Восточное Приазовье – Кубань – Маныч”. Степи к северо-востоку от Маныча также могли входить в зону кочевания унногундуrow Аспаруха, но эта территория остается под вопросом, также как и проблема более конкретной локализации булгарских племен в рамках очерченного “треугольника”.

Возможно, прояснить вопрос помогут данные археологии. Дело в том, что булгары принесли в Подунавье специфическую гончарную керамику “салтоидной” традиции, представленной целым рядом типов посуды, по Л.Дончевой-Петковой, горшки типов IV-VII, IX, кувшины типа I, амфоровидные кувшины типа I (Дончева-Петкова Л., 1977, с.53-67, 70, 71, 78, 79), по У.Фидлеру, большинство типов кувшинов группы F и двуручных горшков группы E, также часть горшков серий D и C (Fiedler U., 1992, Abb.26-30), проблема происхождения которой является одной из главных в современной болгарской археологии. Поскольку старые концепции о ее связях с салтовской культурой и появлением в Болгарии после переселения отдельных групп “салтовских” булгар и алан в сер.VIII в. не подтверждаются, исследователи все больше склоняются к мысли, что случилось это в кон.VII в., а следовательно, освоение булгарами гончарных традиций произошло на Северном Кавказе еще раньше – в VI-VII вв. (Флёрв В.С., 1983, с.105-107; Ангелова С., Дончева-Петкова Л., 1990, с.63-67). Одним из свидетельств в пользу раннего заимствования булгарами гончарных традиций может служить гончарный кувшин из кутригурского п.4 Животино I-й пол.VI в. (Комар А.В., 2004а, рис.4, 3). Закономерный вопрос: где же произошел контакт булгар с носителями этой традиции?

Сразу исключается регион Восточного Приазовья, где подобной керамики в VI-VII вв. не из-

вестно, также отпадает и северо-восточное побережье Черного моря, поскольку посуда Борисово, Дюрсо и соседних памятников принадлежит к другой традиции. Западная граница распространения серолощенной посуды сходных с болгарскими форм в Прикубанье находится приблизительно на долготе современного Краснодара. Керамика Пашковского могильника еще резко отлична по форме (Покровский М.В., 1936, рис.8), на юг от р.Кубани начинается зона памятников (Руфабго, Тахтамукай, Козлзов и др.), которые соотносятся с древними адыгскими племенами и включают отдельные типы посуды, которые находят аналогии в Болгарии. В районе поворота Кубани на юг расположена и ближайшая группа памятников алан (Ковалевская В.Б., 1981б, рис.57), у которых также можно было заимствовать гончарные традиции. Похоже, именно зона Северного Прикубанья между современными Краснодаром и Армавиrom, а также, вероятно, и до Ставрополя, и может быть той самой территорией “первой Булгарии”. Учитывая же, что гончарные традиции в Болгарию принесли именно унногундуры Аспаруха, мы склонны локализовать это племя в северо-западной части Ставропольской возвышенности, хотя не исключаем и использование для кочевий части степей к северо-востоку от р.Маныч.

2.2. “Куврат”

В историографии вопрос биографии первого правителя булгар, отца Аспаруха и Баятбаяна, традиционно упирается в проблему идентификации трех персон, которых, в зависимости от авторских позиций исследователей, сводят в единую личность, либо же рассматривают как трех различных людей.

Отец Аспаруха. Информации о личности отца Аспаруха и Баятбаяна сохранилось крайне мало, причем проблемой остается даже настоящая форма имени этого правителя. У Феофана оно звучит Κροβάτου – “Крват”, у Анастасия – Crobatus – “Кробат”, у Никифора – Κοβρατος – “Коврат”, в “Армянской географии” – “Худбадр” и “Хубраат”, в “Именнике” болгарских ханов – “Курт”. Только одна из форм – “Курт” – имеет четкую тюркскую этимологию: Kurt – “волк”, “червь” (Древнетюркский словарь, 1969, с.469). Остальные либо слишком искажены, либо передают нетюркское имя. Связь с “Курт” можно допустить для формы Феофана “Кробат” посредством искажения славянского “хробак” – “червь”. Теоретически это возможно, но форма Феофана, скорее, включает традиционную для византийцев перестановку букв слога, которую мы наблюдаем и в записи Константином Багряно-

родным фонетически сходного этнонима “хорваты” и производных от него имени “Хорват” и названия “Хорватия” – Χρωβάτοι, Χρωβάτος, Χρωβατία (Константин Багрянородный, 1991, с.130). Поэтому формы “Кроват” и “Коврат” Феофана и Никифора можно считать параллельными. Интересно, что вариант славяноязычного посредника позволяет довольно уверенно свести к “Курт” форму Κοβρατος Никифора: *Κοῦγᾶτ < *Κοῦρᾶτ < Qurt. Нельзя, конечно, полностью исключать и обратный вариант – позднего сближения к тюркскому Qurt имени не-тюркского происхождения, но, в любом случае, вариант болгарского “Именника” на сегодня остается единственным объяснимым.

В передаче “Легенды” Феофаном говорится (Чичуров И.С., 1980, с.36): “Во время Константина, который на западе, Кроват, господин упомянутых Булгарии и Котрагов, переменял жизнь [умер] и оставил пять сыновей, предписав никаким образом не отделяться друг от друга в местопребывании, постоянно быть самим господами и не попадать в рабство к другим народам; через небольшое время [после] его смерти разделились, рассорившись, его пять сыновей, разошлись друг от друга вынужденно каждый с подвластными ему людьми”. Чуть иначе понял ἑλληλοθότες Анастасий, передав его через латинское venientes, из-за чего в его переводе братья разошлись, не “рассорившись”, а “возмужав”, т.е. Крват, по его мнению, умер, когда его сыновья были еще несовершеннолетними. Еще больше отличается текст у Никифора (Чичуров И.С., 1980, с.153): “Во времена Константина, умершего на западе, господин по имени Коврат, родом из тех племен, переменяв жизнь, оставил пять сыновей. Завещал никаким образом не отделяться друг от друга в местопребывании, быть друг к другу благожелательными и сохранять свою власть. Те же, мало заботясь об отеческом наставлении, спустя небольшое время разошлись друг от друга, каждый со своей собственной частью народа отделившись”.

Различия между двумя авторами касаются не только передачи имени вождя: Феофан называет Кровата “господином упомянутых Булгарии и Котрагов” – κυρου της λεχθείσης Βουλγαρίας καὶ τῶν Κοτράγων, а Никифор: Κοβρατος τις ονομα κύριος γενόμενος τῶν φύλων – “господин по имени Коврат, происходящий родом из тех племен”. Неверный перевод этой фразы как “господин тех племен” дан и в русских переводах Е.Э.Липшица, И.С.Чичурова, Г.Г.Литаврина (Липшиц Е.Э., 1950; Чичуров И.С., 1980; Литаврин Г.Г., 1995б), и в болгарском переводе В.Бешевлиева (Бешевлиев В., 1960). Значение этой, казалось бы, незначительной поправки Никифора мы объясним ниже, пока же обратим внимание на время смерти Коврата. Фраза Феофана несколько туманна: ἐπὶ δὲ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου,

του εἰς τὴν δύσιν – “во время Константина, который на западе”. Анастасий разъясняет ее как: qui in Occidente regnavit – “который правил на западе”, а Никифор: ὅς κατα τὴν δύσιν ετελεύτα – “который умер на западе”. То есть речь идет о Константе II, и это мнение в целом остается преобладающей трактовкой и до ныне. Но нас интересует другой момент: манера перегружать предложения малосвязными вставками-разъяснениями в анализируемом нами тексте “Хроники” однозначно принадлежит ее составителю, т.е. автору I-й пол. VIII в. Реплика “который на западе” (умер?, жил?, правил? похоронен?) – выглядит как один из типичных его комментариев и стилистически не вписывается в первоначальный вариант “Легенды”. Автор же “Легенды” и “Рассказа”, писавший в 80 гг. VII в., “Константином” называет Константина IV. Наши подозрения усиливают замечания автора о том, что братья разделились μετ’ ὀλίγων δὲ χρόνων – “через малое время” после смерти Коврата. Далее же он подчеркивает, что “прошло недолго” (βραχύτητι κατανησάντων) после разделения, как хазары подчинили Батбаяна и овладели Северным Причерноморьем (Чичуров И.С., 1980, с.37). Напомним, что речь идет об авторе кон. VII в. (писавшем в 80 гг.), для которого “малое время” еще не было “понятием растяжимым”. Если же принять правку составителя “Хроники” и отнести время смерти Коврата к правлению Константа II (641-668 гг.), то “малое время” и “недолго” выльются в 13-15 лет, т.е. почти в целый срок правления Константина IV. Скорее всего, эмоциональный стиль “Рассказа” заставил составителя “Хроники” считать, что эти слова написаны современником Константина IV *еще до смерти императора*, поэтому он и интерпретировал ссылку на “время Константина” указанием на время Константа II.

На основании этой поправки целый ряд исследователей, к которым принадлежал и М.И.Артамонов, датируют переселение Аспаруха к Нижнему Дунаю около 660 г (Артамонов М.И., 2002а, с.190). Но, как отметил Г.Г.Литаврин, несколько сомнительно, чтобы Аспарух мирно отсиживался в “Онгле” почти 20 лет, перед тем, как начать набег на Византию (Литаврин Г.Г., 2001, с.199, 200). Да и автор “Рассказа” ясно называет болгар, заключивших в 681 г договор с империей, νεοφανούς ἔθνους – “новоявленным племенем” (Чичуров И.С., 1980, с.38). Датировка К.Цукерманом данных “Армянской географии” о проживании Аспаруха на Дунае уже в 660-665 гг (Цукерман К., 2001, с.325, 330) также не согласуется с византийскими источниками. Традиционно сообщение “Армянской географии” о проживании Аспаруха на “острове Пюки” (Певка) сравнивается с сообщениями “Легенды” об “Онгле”, но внимание нужно обратить на совершенно другой факт – “Пюки”, согласно источнику, находится *во Фракии*

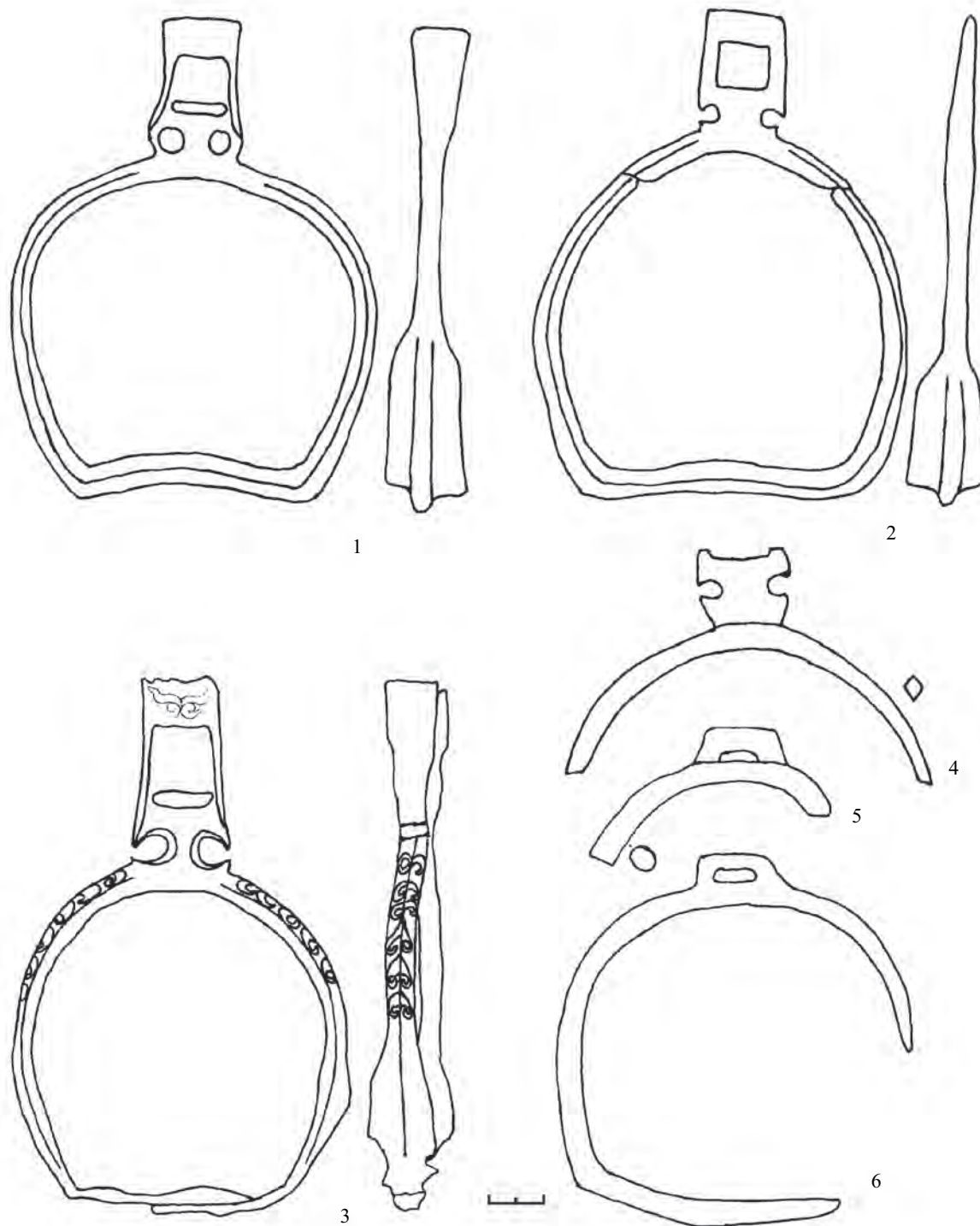

Рис. 40. Стремена (продолжение): 1-3, 6 – Вознесенка; 4 – Ясиново; 5 – Калининская, к.4, п.10.
 Fig. 40. Stirrups (continuation): 1-3, 6 – *Voznesenka*; 4 – *Yasinovo*; 5 – *Kalininskaia*, barrow 4, burial 10.

(Патканов К., 1883, с.26). Также “Армянская география” упоминает о том, что Аспарух “прогнал авар на запад”, согласно же Феофану, с аварами булгары столкнулись только после захвата Фракии, расселив на западной границе с “Аварией” часть славян “семи

родов Северов” (Чичуров И.С., 1980, с.37; Литаврин Г.Г., 2001, с.196-205; 246). Эти факты означают датировку данных “Армянской географии” однозначно после 681 г, когда булгары вторглись во Фракию и основали там I Болгарское царство.

Третий источник, который традиционно используется для определения времени смерти отца Аспаруха, пожалуй, самый сложный – это “Именник” болгарских князей, сохранившийся в поздних рукописях, но, несомненно восходящий к устной тюркской болгарской традиции (Тихомиров М.Н., 1946). Именник знает “Испериха” (“Есперериха”), приведшего болгар в “страну Дуная” и правившего 61 год. “По ту сторону Дуная” ему предшествовали “Безмер” (3 года) и “Курт” (60 лет) из рода “Дуло” (Тихомиров М.Н., 1946, с.87). Наверное, излишне напоминать, что информация “Именника”, скорее всего, заметно искажена вследствие многовекового существования в устной форме, переписыванию и переводу с тюркского на славянский. Ее сравнение с историческими данными византийских источников носит несколько условный характер, но результат все же интересен. Традиционная идентификация “Испериха” с “Аспарухом”, а “Курта” с “Ковратом” практически ни у кого не вызывала сомнений. Но сроки правления “Курта” и “Испериха” – 60 и 61 год – выглядят слишком нереальными и обретают смысл, только если признать их годами жизни правителей (Артамонов М.И., 2002а, с.183, 184). Между ними “Именник” вклинивает еще одного хана, правившего всего 3 года, – “Безмера”, в котором также нетрудно узнать старшего брата Аспаруха – Батбаяна. Реконструированная хронология “Именника” предлагает такую картину: Курт (“Коврат”) жил 60 лет; после его смерти ханом стал “Безмер” (Батбаян), правивший всего 3 года; затем что-то случилось, и “Исперих” привел болгар к Дунаю, умерев в 61 год. Становится вполне очевидным, что 3 года правления Батбаяна и означают то самое “малое время”, которое прошло после смерти Курта до подчинения болгар хазарам и переселения болгар на Дунай.

В болгарской историко-публицистической литературе очень популярны вычисления годов правления и жизни болгарских вождей VII в., а также связанных с ними событий на основании информации “Именника”. В русскоязычной научной литературе к ним обращаются очень редко, но при всей умозрительности большинства версий сам подход заключает в себе один рациональный момент. Жизнедеятельность человека тесно связана с его биологическим циклом развития. Рождение, детство, достижение зрелости, брак, рождение детей, смерть – все эти события происходят в определенной последовательности, через определенные промежутки времени. Поэтому реконструкция биографии любого исторического деятеля должна учитывать этот момент и оперировать здоровыми числовыми показателями жизненного цикла человека.

Если принять за основу поправку к данным “Именника”, следует отталкиваться от трех цифр:

возраст Курта и Аспаруха – 60 и 61 год соответственно, время правления Батбаяна после смерти Курта до ухода Аспаруха на Дунай – 3 года. Мы точно знаем, что в 679-680 гг болгары уже совершали набеги на Византию в Подунавье. Но сколько они проживали в “Онгле” до этого? При кратковременности пребывания Аспаруха в “Онгле” прежде, чем болгары перешли Дунай (3-5 лет), дата переселения Аспаруха и подчинения Батбаяна – около 675-677 гг. Соответственно, смерть Курта приходится на 672-674 гг, т.е., все таки на правление Константина IV, а не Константа II. Полученные годы жизни Курта – 612/614 – 672/674 гг. Вторая точка отсчета – смерть Аспаруха. Время смерти Аспаруха точно не известно, но оно совпадает с началом правления Тервеля, которое датируют преимущественно в промежутке 700-704 гг (Бешевлиев В., 1984, с.71). Г.Г.Литаврин дает “среднюю” цифру – 702 г (Литаврин Г.Г., 1995в, с.317). Аспарух, таким образом, родился в 639-643 гг или около 641 г. Обычный возраст времени рождения второго сына – это 20-30 лет, т.е. сам Курт родился в промежутке около 611-621 гг и умер, соответственно, около 671-681 гг. “Откалибровал” верхнюю границу последней цифры путем исключения 679-681 гг. и как минимум 3 лет правления Батбаяна, получаем диапазон 611/616 – 671/676 гг. Как видим, обе полученные даты смерти и рождения Курта очень близки и вполне реальны. Мы специально подчеркиваем, “поздняя” дата смерти Курта *не противоречит* греческим источникам, поскольку в оригинале “Легенды” время смерти “Коврата” вполне могло быть отнесено к правлению Константина IV (668-685 гг), а не Константа II.

Традиционная датировка смерти Курта временем Константа II (641-668 гг), разумеется, также вполне вероятна. В этом случае Курт родился до 608 г, а в 641 г, когда родился Аспарух, ему исполнилось не менее 33 лет. Еще одна деталь – “Именник” дает Курту и Аспаруху около 60 лет жизни. Отталкиваясь от этой цифры, старший сын Курта – Батбаян – должен был родиться не ранее 630 г, поскольку на конец 80 гг VII в. он все еще был жив. Это обстоятельство важно, поскольку у праболгар времени Тервеля хан одновременно еще являлся и “первосвященником”. Древние же народы, в среде которых правитель исполнял и религиозные функции, обычно очень щепетильно относились к “мужской силе” вождя, считая “неблагополучными” даже мужей, у которых “поздно”, т.е. после 25-30 лет, рождались первые сыновья. Учитывая же тот факт, что Курт, скорее всего, был не наследственным, а первым признанным вождем унногундулов, его “добрая слава” у болгар означала полное соответствие представлениям о “хорошем правителе”. Мы полагаем, что Курт вряд ли мог родиться ранее

600-605 гг, что и очерчивает наиболее вероятные “ранние” рамки его рождения 600-608 гг, а время смерти, соответственно, 660-668 гг. Х.Димитров принимает более узкий вариант – 663-668 гг, хотя считает возможной и предложенную О.Прицаком дату 665 г (Димитров Х., 1989, с.49). К этой дате склоняются И.Божилов и Х.Димитров и в более поздней работе (Божилов И., Димитров Х., 1995, с.32, 33).

Суммируя, следуя отметить, что наиболее вероятная форма имени отца Аспаруха и Батбаяна отражена в “Именнике” – это тюркское “Курт” – “Волк”. Существуют две одинаково возможные даты его жизни: “ранняя” (600/608 – 660/668 гг) и “поздняя” (612/614 – 672/674 гг). Курт имел двух “исторических” сыновей: старшего Батбаяна (родился в 630-640 гг) и младшего Аспаруха (641-702 гг). Источники ничего говорят о его титуле, но благодаря “Именнику” можно заключить, что Курт был основателем или предком ханской династии булгар рода Дуло.

Подданный аварского кагана. В контексте событий 634-640 гг у Никифора размещено краткое сообщение, составленное в небрежной конспективной манере, характерной в повествовании Никифора для сокращения больших сюжетов своих источников за счет выделения главного. Этот отрывок вызывает споры уже более двух столетий, причем в острых дискуссиях оспаривается все: чтение, исторический контекст, датировка и локализация событий.

Отрывок (Чичуров И.С., 1980, с.153) допускает довольно много толкований, поэтому рассмотрим его поэтапно. Начало первого предложения довольно прозрачно: Ὑπὸ δὲ τὸν αὐτὸν καιρὸν Κοῦβρατος ὁ ἀνεψιὸς Ὁργανα ὁ τῶν Ουνογουνδούρων κύριος τῶ τῶν Ἀβάρων χαγάνῳ – “Около этого же времени восстал Куврат, племянник Органы, господин Уногундуров, против хагана Авар”. Но вот дальше следует часть: καὶ ὃν εἶχε παρ’ αὐτοῦ λαὸν περὶβρίσας ἐξεδίωξε τῆς οἰκείας γῆς, которая переводится различными исследователями исключительно в контексте исторической интерпретации, поскольку буквально каждое слово здесь имеет по несколько значений. “Интерпретационный” вариант перевода был предложен ранее и нами (Комар О.В., 2000б, с.140), но именно это его делает таким же уязвимым, как и остальные.

Как избежать интерпретации? Попытаемся, в первую очередь, проследить грамматические и синтаксические связи слов. Первый важный момент: выражение παρ’ αὐτοῦ λαὸν нельзя переводить дословно. Греческое οἱ παρ’ ἐμοί (дословно “те, что при мне”) имело устоявшееся значение “мои люди”, “мои подчиненные”, поэтому παρ’ αὐτοῦ λαος – это “его народ”, “свой народ”, “под-

чиненный ему народ”. Значения λαος “люди” и “народ” в целом параллельны, но В.Бешевлиев также акцентирует внимание на редком значении “войско” (Бешевлиев В., 1992а, с.11-12). Слово-сочетание ὃν εἶχε указывает на действие с чем-то, принадлежавшем подлежащему, т.е. “Куврату”, а не “хагану Авар”. Поэтому частая трактовка παρ’ αὐτοῦ λαος как “людей хагана” чисто контекстуальная. Допустив, что περὶβρίσας в настоящем предложении является причастием, можно связать его с λαος; в таком случае, λαος περὶβρίσας – это “народ возгордившийся”. Гораздо чаще περὶβρίσας рассматривается как деепричастие. Основное лексическое значение ὑβρις – это негативные оттенки “гордости”: “надменность”, “наглость”, “нахальство” и т.п., а также следствие такого состояния – “нанесенная обида”, “оскорбление” и т.д. Усиленное при помощи περι-, περὶβρίσας означает вхождение в состояние крайней надменности, дерзости, нанесение сильного оскорбления, насильственные действия. Как деепричастие περὶβρίσας связано только с подлежащим главного предложения, т.е. “Кувратом”. Завершается предложение выражением ἐξεδίωξε τῆς οἰκείας γῆς. Большинство исследователей используют при переводе редкое значение слова ἐξεδίωξε – “изгнал” (Липшиц Е.Э., 1950; Бешевлиев В., 1960; Чичуров И.С., 1980), которое среди основных в словарях вообще не значится. Но без контекстуальной трактовки фразу ἐξεδίωξε τῆς οἰκείας γῆς следует читать по базовому значению ἐξεδίωξε – “ушел из родной земли”, “покинул родную землю”. При этом выражение οἰκείας γῆς – “родная земля” – здесь не имеет оттенка “отеческая земля” и ближе к “своя земля”, означая не место рождения, а место обитания народа.

Все предложение в переводе должно звучать так: “Около этого же времени восстал Куврат, племянник Органы, господин Уногундуров, против хагана Авар, и со всем подчиненным ему народом, крайне возгордившись, ушел из своей земли”. Второй возможный вариант окончания предложения: “... и весь подчиненный ему народ насильственно увел из его родной земли”.

Как бы не звучали отдельные детали, смысл фразы в любом случае сводится к тому, что Куврат в результате восстания заставил именно подчиненный ему народ покинуть свою землю. Кажущаяся бессмысленность фразы закономерно заставляла исследователей предполагать в тексте ошибку, исправляя “народ Куврата” на “людей хагана”, но, как увидим ниже, никакого противоречия здесь нет.

Далее у Никифора следуют две лаконичные конспективные выписки: “Посылает послов к Ираклию и заключает между ними мир, который хранит до конца его жизни. [Император] дары, конечно, ему послал и удостоил звания патрикия”.

Первое, что бросается в глаза, это сходство имен Κοὐβρατός и Κοβρατός, которое усиливается указанием Никифора на то, что “Куврат” был “господином Уногундуrow”. Вот только сам Никифор в пассаже о расселении болгар этноним Οὐνωγοῦνδοῦρων счел ошибочным и заменил его на “более понятный” Οὐνωων – “Унны”, так же, как имя Βατβαίαν заменил на более известное Βαίανος (Чичуров И.С., 1980, с.153). Чем же объяснить правку этнонима “уногундуры” на “унны”, если Никифор сам использует его раньше по тексту? Затем, что жалование титула патрикия болгарскому вождю Никифор рассматривает как нечто, само собой разумеющееся: “конечно, ... удостоил звания патрикия”, но в VII в. император жаловал этот титул в основном лично, что подтверждает и сам Никифор в рассказе о посещении Константинополя “гуннским” вождем около 619 г (Чичуров И.С., 1980, с.159, 168). То есть произошел не просто обмен посольствами, но и встреча Куврата с императором? Где, вообще, Никифор смог найти эту информацию, неизвестную Феофану, хотя тот и явно интересовался сюжетами о кочевниках (Литаврин Г.Г., 1995в, с.251)?

Ответ на этот вопрос позволяет дать небольшое отличие более древнего, чем “Ватиканский”, “Лондонского” списка “Бревиария” (кон. IX – I-я пол. X в.), где вместо имен Ορυατα и Κοὐβρατός стоят ορυατα и Κοβρατός (Чичуров И.С., 1980, с.153). Первая форма не очень принципиальна, хотя она позволяет предложить этимологию имени “Аргана” от тюрк. *Ar qan – “красный хан”, или же от должности jaŋqan. А вот вторая форма – Κοβρατός – очень напоминает Κοβερ “Чудес св. Дмитрия Солунского”.

Рассказ “Чудес св. Дмитрия Солунского” о Кувере (Иванова О.В., 1995, с.171-179) написан жителем Фессалоники в 80-90 гг VII в. Он повествует о болгарском вожде Кувере, поставленном каганом авар главой многочисленного населения греко-варварского происхождения, потомков пленных сирмисиан, которое, помня о своих корнях, хотело вернуться в Византию. Следуя желаниям подчиненного ему народа, Кувер решился на восстание против авар. Преследуемый каганом, Кувер сумел нанести ему несколько поражений, после чего беспрепятственно перешел Дунай и занял Керамиссийское поле под Фессалоникой. Оттуда Кувер послал посольство императору с просьбой разрешить ему остаться в византийских пределах и получил благосклонный ответ. Дальнейшая детективная история касается подданного Кувера Мавра, который, согласно автору рассказа, специально по приказу Кувера перешел на службу к византийцам для того, чтобы устроить заговор против императора. Мавр быстро сделал себе карьеру и скоро

был назначен императором “архонтом”, но после раскрытия “заговора” впал в немилость. О последствиях для Кувера автор, резко негативно настроенный к своему персонажу, ничего не сообщает, а это подразумевает, что Кувер так и остался федератом Византии, охраняя пограничную область. Прямых свидетельств о получении Кувером титула патрикия нет, но они есть для его подданного – Мавра. Известна печать VII – нач. VIII в. с надписью “Мавру патрикию и архонту Сирмисиан и Булгар” (Бешевлиев В., 1992б, с.245). Учитывая, что Кувер сразу же называется источником “архонтом” (Мавр сначала получил звание ипата), титул патрикия он мог получить еще раньше, после посылки послов к императору и заключения федеративного договора, а автор “Чудес” умолчал об этом факте (так же, как и патрикианстве Мавра) исключительно из предвзятости. Интересно, что по той же причине автор ни разу не упоминает о *христианстве* Кувера и Мавра, хотя в отношении последнего это совершенно очевидно. О.В.Иванова почему-то считает, что Мавр остался язычником (Иванова О.В., 2001, с.62), но в том-то и парадокс, что при всей враждебности к своим персонажам, автор “Чудес св. Дмитрия Солунского” ни разу не называет не только Мавра, но и Кувера “язычниками”. Да и сама исследовательница подчеркивает, что в византийских законодательных актах четко запрещалось принимать язычников на гражданскую и военную службу (Иванова О.В., 2001, с.57).

Сюжеты о “Куваре” Никифора и “Кувере” “Чудес” совпадают в основных исторических деталях: 1) оба были вождями болгар и вассалами аварского кагана; 2) оба подняли успешное восстание против авар; 3) оба в результате восстания вместе с подчиненным им народом ушли из своей страны, причем автор “Чудес”, сравнивая возвращение Кувером потомков пленных ромеев в Византию (“к отчим городам”) с библейским ἐξέδου των Ἰουδαίων “исходом иудеев из Египта” (Иванова О.В., 1995, с.170, 171), использует фактически то же выражение, что и Никифор в ἐξεδίωξε τῆς οἰκείας γῆς; 4) оба послали посольство к императору и стали союзниками империи; 5) возможно, оба получили титул патрикия. Даже опираясь на традиционную трактовку текста Никифора об “изгнании Кувратом авар из своей страны”, Ф.И.Успенский счел совпадение исторических событий в описании “Чудес” и Никифора убедительным поводом отождествить “Куврата” не с отцом Аспаруха “Ковратом”, а именно “Кувером” “Чудес св. Дмитрия Солунского” (Успенский Ф.И., 2001, т.2, с.16-22).

Рассматривая взгляды исследователей-византистов, отождествляющих “Кувара” Никифора с “Кувером” “Чудес св. Дмитрия Солунского”, И.С.Чичуров заметил, что единственным аргумен-

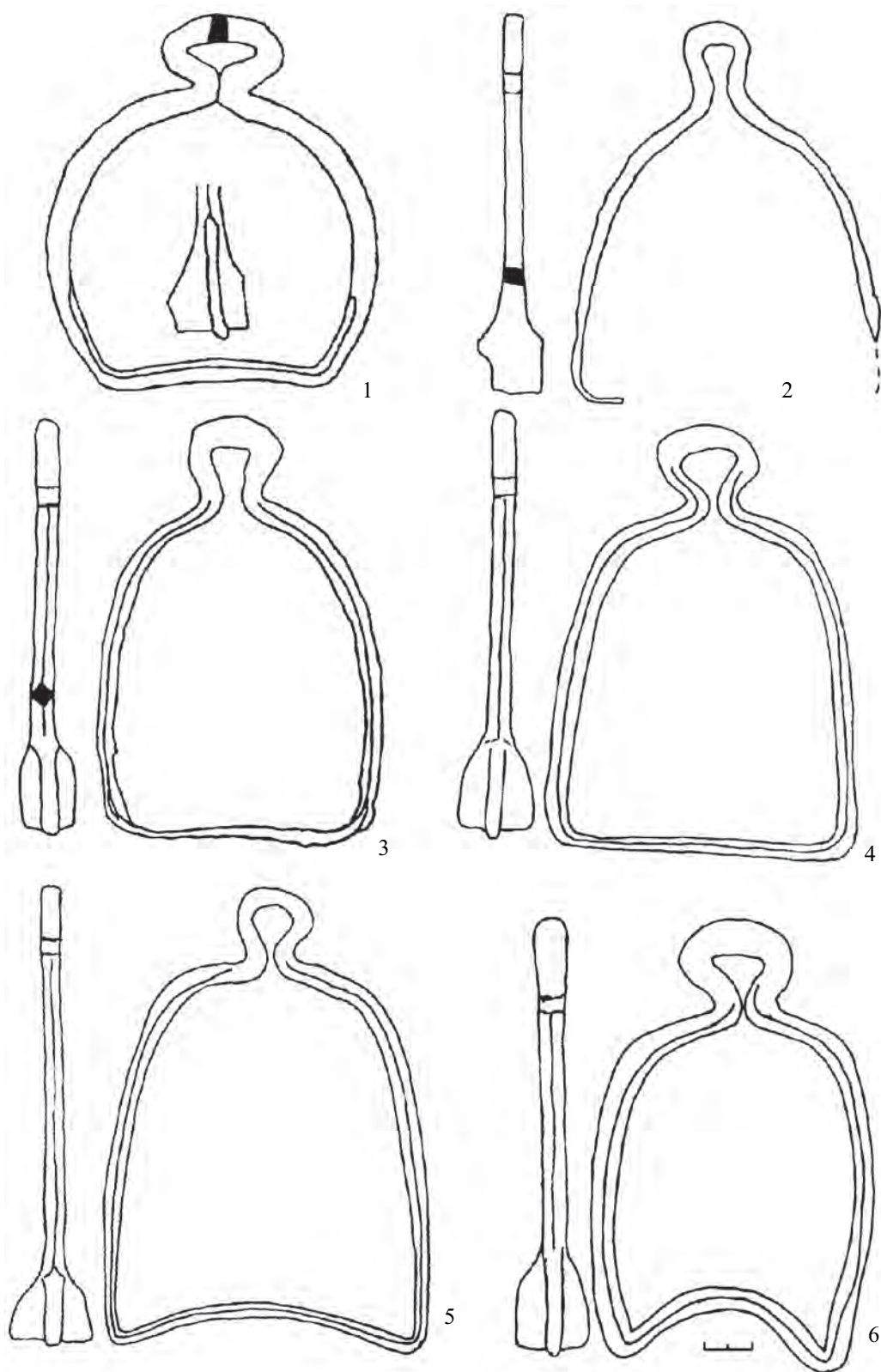

Рис. 41. Стремена (окончание): 1 – Шелехметь II, к.11, п.4; 2 – Шелехметь II, к.1; 3-5 – Брусяны II (3 – к.12, п.2; 4 – одиночный курган, п.2; 5 – к.23, п.6); 6 – Новинки II, к.14, п.4.

Fig. 41. Stirrups (ending): 1 – Shelekhmet II, barrow 11, burial 4; 2 – Shelekhmet II, barrow 1; 3-5 – Brusyany II (3 – barrow 12, burial 2; 4 – single barrow, burial 2; 5 – barrow 23, burial 6); 6 – Novinki II, barrow 14, burial 4.

том “против” является хронология событий у Никифора, который относит их ко времени правления Ираклия, в то время, как сейчас восстание Кувера датируют более поздним временем (Чичуров И.С., 1980, с.174-176). Но прежде, чем возводить это замечание в ранг аргумента, нужно поставить себя на место Никифора. Сюжет “Чудес св. Дмитрия Солунского” написан современником событий. Для него время действия очевидно, причем не называется даже имя императора, поэтому сюжет о Кувере полностью лишен хронологических указаний. Современная датировка событий (680-685 гг) основана на *многолетней дискуссии* о хронологии событий “Чудес” (Иванова О.В., 1980, с.82, 83, 105, 106; 1995, с.206), с тонкостями которой, разумеется, не был знаком историк кон. VIII в.

Какими реальными хронологическими ориентирами располагал Никифор? Первое – это имя вождя булгар, второе – восстание булгар против аварского кагана, третье – посольство к императору и заключение союза. Самое громкое восстание булгар против авар произошло в 630/631 гг (Ронин В.К., 1995, с.367-371). В сохранившихся греческих источниках оно не отмечено, но в свое время Никифор еще мог узнать, что это произошло во времена Ираклия. Интересно, что именно с событиями 630/631 гг связывает восстание Куврата В.Поль (Pohl W., 1988, S.273, 274). Второй ориентир – союз вождя булгар с Ираклием, судя по упоминанию “Куврата, племянника Органы”, явно вывел Никифора на личность “вождя гуннов” из “Хроники” Иоанна Никиусского.

Друг Ираклия. Сведения Иоанна Никиусского о Кубрате детально разобрал В.Бешевлиев (Beševliev V., 1978). В своей последней статье (Бешевлиев В., 1992а, с.7-11) исследователь был вынужден вновь констатировать, что состояние издания этого источника, сохранившегося в эфиопском переводе, все еще осталось неудовлетворительным. Речь, в первую очередь, идет о заметных расхождениях между французским переводом А.Х.Зотенберга (1883) и английским Р.Х.Чарльза (1916) в транскрипции упомянутых в “Хронике” имен. В французском переводе формы имен даны как *Quetrades* и *Kuernaka*, в то время как английский предлагает формы *Organa* и *Kubratos*, добуквенно совпадающие с Никифором и поэтому закономерно вызывающие подозрение в натяжке переводчика. В.Т.Сиротенко вообще приводит “средний” вариант перевода: “Куернак... племянник Органы” (Сиротенко В.Т., 1972, с.212). Форма *Kuernaka* близка имени одного из сыновей Атилы – *Нернас* (Иордан, 1997, с.166), также ср.: *Кубер*.

Биография “правителя гуннов” “Хроники” Иоанна Никиусского (назовем его традиционно: “Кубрат”) довольно богатая. В детстве он был привезен

в Константинополь и крещен, вырос при дворе и был связан дружбой с Ираклием. Затем “силой святого и животворящего крещения” побеждал варваров и язычников, а после смерти Ираклия покровительствовал Мартине и ее сыновьям и, “как говорили”, поддерживал их в правах на престол, что и вызвало бунт в Константинополе. Приезд “Кубрата” в детстве в Константинополь и его крещение уже давно и надежно связывают с событиями посещения Константинополя “гуннским” вождем со свитой около 619 г, упомянутыми Никифором (Чичуров И.С., 1980, с.159, 168), а самого вождя идентифицируют с “Органой” (или “Арганой”). Идиллию полного союза и крещения варваров, впрочем, нарушает факт оставления “Кубрата” в Константинополе. На самом деле – это обычная практика византийцев страховки “союза” с ненадежными партнерами, представляющими возможную угрозу империи, при помощи заложников – сыновей или ближайших родственников вождей. Судя по тому, что “Кубрат” так и вырос при дворе, либо к Органе у византийцев до конца не было доверия, либо же “Кубрат” сознательно остался жить в Константинополе. Оценить последующие деяния “Кубрата” против “варваров и язычников” в позитивном плане, греческий автор мог, конечно, и чисто риторически, но, скорее, эти победы служили *Византии*, а не личной корысти “Кубрата” как суверенного правителя. То же, что “Кубрат” и на момент смерти Ираклия представлял собой влиятельного человека, способного в глазах константинопольской публики покровительствовать Мартине и ее сыновьям, означало только одно – “Кубрат” был обычным высокопоставленным византийским военачальником варварского происхождения, а Органа – вождем “гуннов”-федератов, проживавших на византийских границах (Бешевлиев В., 1992б, с.7-11).

Гипотезы о том, что “Кубрат” Иоанна Никиусского мог быть суверенным вождем какой-нибудь группы кочевников Северного Причерноморья или Прикубанья – откровенный синтез “абerrации дальности” по отношению к Византии и “абerrации близости” в оценке влияния кочевников. “Кубрат” был заподозрен не в “заговоре”, а в *дворцовых интригах*, причем восстание спровоцировал сам слух о том, что “Кубрат” собирается возвести на престол сыновей императрицы Мартины, пользовавшейся крайней непопулярностью у населения города. Следовательно, его имя было в Константинополе “на слуху” у довольно широкой прослойки рядового населения, и речь идет о *влиятельном византийце*, а не проживающем в тысяче километров от города варваре.

З.А.Львова для поддержки последней версии приводит “прецеденты” – нападение на Константинополь Виталиана в 514 г и его осаду 626 г (Залес-

ская В.Н. и др., 1997, с.141), но их трудно признать удачными. Цель персидско-аварской коалиции 626 г просто не имела никакого отношения к борьбе за престол в Византии – фактически, союзники вообще не выдвинули византийцам ни одного политического требования, прозрачно указав, что их цель – банальный захват Константинополя. Совсем другая ситуация с Виталианом, а также, добавим, Юстинианом II и Варданом Филиппиком, добывавших престол “вооруженной рукой” при помощи кочевников. Традиционная схема византийских государственных переворотов – восстание военачальника в отдаленном уголке империи с последующим походом на Константинополь, как показывает история, довольно часто приносила успех. Но в ситуации 641 г речь идет о событиях не где-то на периферии, а в Константинополе, более того – в окружении императрицы.

Подчеркнем одну деталь: Иоанн Никиусский освещает события, уже находясь под влиянием позорного наказания и ссылки Мартины и Ираклеона, но юридически *заговором* являлись действия оппозиционной партии и спровоцированное ими константинопольское восстание против императрицы и законного наследника престола Ираклеона. Мы можем согласиться с З.А.Львовой – “Кубрат” действительно не был “бессильным придворным интриганом” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.141), иначе известие о его намерении оказать поддержку Мартине не вызвало бы немедленных решительных действий заговорщиков, во главе которых стояло военное сословие (Успенский Ф.И., 2001, т.2, с.66). Но исследовательница не обратила внимание на другой момент: в этой политической ситуации оппозиция пока лишь обвиняла Мартину в недоказанном отравлении Константина, сама же идея позвать на помощь *суверенного* вождя кочевников автоматически квалифицировалась как *государственная измена* и давала полную свободу действий военной партии. Напомним, согласно Никифору, чуть раньше, после смерти Ираклия, именно этот пункт стал препятствием назначения Мартины самодержицей: “Ты не можешь, госпожа, принимать или вести разговоры с варварами и чужеплеменниками, прибывающими в государство; не дай бог, чтобы в такое состояние пришло ромейское государство” (Липшиц Е.Э., 1950). Можно было бы допустить, что таким образом оппозиция и вызвала народное восстание, но этот пункт обвинения не прозвучал на суде, да и Иоанн Никиусский четко противопоставляет “Кубрата” не только “язычникам”, но и “варварам”.

Понятие “варвар” для византийца VII в. было фактически тождественно “иностранец”, независимо от уровня культурного развития народа или его вероисповедания. К примеру, Феофилакт Симокатта называет “варварами” не только славян и раз-

личных кочевников, но и персов, а также христиан франков и гепидов. Противопоставление же “Кубрата” “варварам” однозначно свидетельствует, что он все же был успешным *византийским* военачальником, обладавшим довольно высоким авторитетом в войсках, а благодаря дружбе с Ираклием, очевидно, и у части населения империи, и поэтому представлявшим серьезную угрозу оппозиции.

Судя по деталям из “Лондонского” списка, неотмеченным в “Хронике” Иоанна Никиусского (Чичуров И.С., 1980, с.168), а также по детализации рассказа о событиях 640-641 гг, вообще переданных крайне лаконично у Феофана, Никифор пользовался каким-то параллельным подробным источником 40 гг VII в., где, в т.ч., рассказывалась и история о “Кубрате” (или “Куернаке”). Сравнив его имя с “Кувер” и “Коврат”, Никифор вполне мог допустить, что речь идет об одном человеке, но вывести “общую биографию” ему практически не удалось, чем и объясняется исключительная краткость и конспективность его сообщения о “Куваре”. Хорошо понимая, что вождь прикубанских уннугундуров “Коврат” не мог иметь никакого отношения ни к Куверу, ни к “Кубрату”, Никифор сделал в тексте небольшую поправку, на которую раньше почему-то не обращалось внимание: *Κοβρατος τις ονομα κύριος γενόμενος των φύλων* – “господин по имени Коврат, *происходящий родом из тех племен*”. Эта небольшая деталь позволила ему отождествить “Кубрата” с “Ковратом”, поскольку связь “Коврата” с Прикубаньем ограничилась, таким образом, лишь происхождением вождя, еще в детстве попавшего в Константинополь и позже лишь посадившего в Прикубанье вождями своих сыновей. Каким образом, по мнению Никифора, “Куврат” оказался еще и подданным аварского кагана, судить трудно, но смешение историком данных источников о трех разных лицах: “Кубрате”, Кувере и Коврате, налицо.

Мы специально акцентируем внимание на том факте, что труд Никифора не является ни записями современника, ни простой компиляцией более древних источников. Перед нами уже довольно зрелое *историческое исследование* с авторским анализом фактов, которые всегда требуют критики и, в первую очередь, установления *их источника*. Сообщение о “Куваре” стало синтезом информации из трех различных источников, причем та дискуссия, которая продолжается вокруг отождествления “Кубрата”, “Кувера” и “Коврата” в современной исторической литературе, не позволяет считать концепцию Никифора механической ошибкой. Середина VII в. для него уже была слишком отдаленным прошлым, и, как обратил внимание Ю.А.Кулаковский, в “Бревиарии” есть более показательные ошибки – смешение имен императоров Константина III, Константа II и Константина IV, обусловившее неточности в

передаче собственно византийских династических сюжетов (Кулаковский Ю.А., 1996, с.174).

Мы полагаем, что в анализируемом пассаже Никифора пласт известий о восстании вождя болгар “Куvara” против кагана авар, его уходе из своей страны и посольстве к византийскому императору относится к Куверу “Чудес св. Дмитрия Солунского”; упоминание о том, что “Кувар” был племянником Органы и жил во время Ираклия – к “Кубрату” “Хроники” Иоанна Никиусского; а титул “господин унногундуrow” принадлежал “Коврату” из “Легенды” о расселении болгар.

2.3. Политическое объединение

Уровень политической организации болгарских племен “первой Булгарии” времени Курта определяется исследователями по-разному: от “племенного союза” до “государства”, “каганата” и даже “империи”, как решил передать немецкое “Reich” болгарский переводчик Й.Вернера (Вернер Й., 1988, с.39). Но достоверных данных даже о титуле Курта, не говоря уже о каком-либо описании организации подвластных ему племен, в источниках нет, что и подталкивает исследователей к чисто теоретическим реконструкциям.

Тюркютская модель. Автором тюркютской версии организации объединения Курта, фактически, стал Л.Н.Гумилев, взгляды которого почти дословно были включены в соответствующие разделы книги М.И.Артамонова (Гумилев Л.Н., 1993, с.202, 203; Артамонов М.И., 2002а, с.176-183). Гипотеза построена в стиле Л.Н.Гумилева на целом ряде рискованных и ничем не аргументированных предположений, но благодаря авторитету М.И.Артамонова она прочно вошла в научный обиход и до сих пор пользуется поразительным доверием (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, с.109; Петров П., 1981, с.122, 123; Плетнева С.А., 1986; Димитров Х., 1989, с.48, 49; Божилев И., Димитров Х., 1995, с.27; Тортика А.А., 1999, с.9, 10; Приходнюк О.М., 2001, с.18, 19, 72; Рашев Р., 2004, с.50, 51 и др.).

Согласно размышлениям Л.Н.Гумилева, посольство гуннов около 619 г в Константинополь пришло из Прикубанья, где в это время не было правителей, независимых от Западнотюркского каганата, а “следовательно”, речь идет об удельном хане тюркютов “Орхане”, которого автор отождествил с Мохэду-хоу (Багатуром). Поскольку же Курт относится “Именником” не к роду Ашина, а к роду “Дуло”, исследователь сблизил название рода с китайским “дулу”, а Курта (“Кубрата”) на основании собственной лингвистической гипотезы о происхождении имени “Кубрат” назвал племянником Органы по матери. Далее, в событиях 631 г, Курт

якобы поддерживает в усобице “дядю” Багатура и племена “дулу”, в отличие от хазар, которые служат “нушиби”. Таким образом основывается новое болгарское ханство с тюркютской династией, система организации которого и, соответственно, государственные традиции оказываются унаследованными от Тюркского каганата.

Пробой гипотезы Л.Н.Гумилева начинаются с первого же положения, поскольку никаких оснований соотносить “гуннов”, принявших около 619 г христианство, с тюркютами, унногундурами или другими кочевниками Северного Кавказа нет, а их весьма вероятная связь с Органой “Хроники” Иоанна Никиусского, скорее, локализует племя на византийских границах в Подунавье. Оставление “Кубрата” заложником означало, что Органа переметнулся к грекам “из вражеского лагеря” (скорее всего, от авар) и еще должен был заслужить доверие к себе, которое указанные “гунны” обрели лишь после войн с “варварами” (аварами и славянами) его племянника “Кубрата”. Тюркюты же, которые и так с 90 гг VI в. были традиционными союзниками Византии, заложников никогда не оставляли, да и греческие источники, в т.ч. и Феофан с Никифором, не называют их “гуннами”. Соответственно, версия об “удельном тюркютском хане” теряет любые основания для ее рассмотрения.

Второй элемент гипотезы Л.Н.Гумилева – это версия о “дулуском” происхождении Курта. Фонетическое сходство названия рода Курта в “Именнике” болгарских ханов – “Дуло” с “дулу”, т.е. китайской передачей названия восточного крыла Западнотюркского каганата, вряд ли можно воспринимать серьезно, поскольку настоящий тюркют никак не спутает *род* с названием племенного объединения, а точнее, административной единицы каганата (ср.: телис). Наконец, в варианте о “дулуском” происхождении Органы и Кубрата не понятно, каким же образом представитель тюркютской администрации восточного крыла Западнотюркского каганата мог заняться делами крыла западного, причем даже лично со всеми своими “архонтами” явиться в Константинополь?

Как ни парадоксально это звучит, но достоверных сведений источников нет даже о зависимости унногундуrow от тюркютов. Источники VI в. знают лишь о подчинении тюркютам двух племен бывшего огуурского племенного союза – огуrow и утигуров, которых С.Г.Кляшторный считает предками болгар (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.62-65). Еще одно племя огуурского союза – оногуры – традиционно отождествляется с “унногундурами” Феофана и Никифора на основании упоминания Агатоном дунайских болгар в дополнениях к записям VI Вселенского собора 680-681 гг как Οὐννογοῦρων Βουλγάρων – “Унногуров Бул-

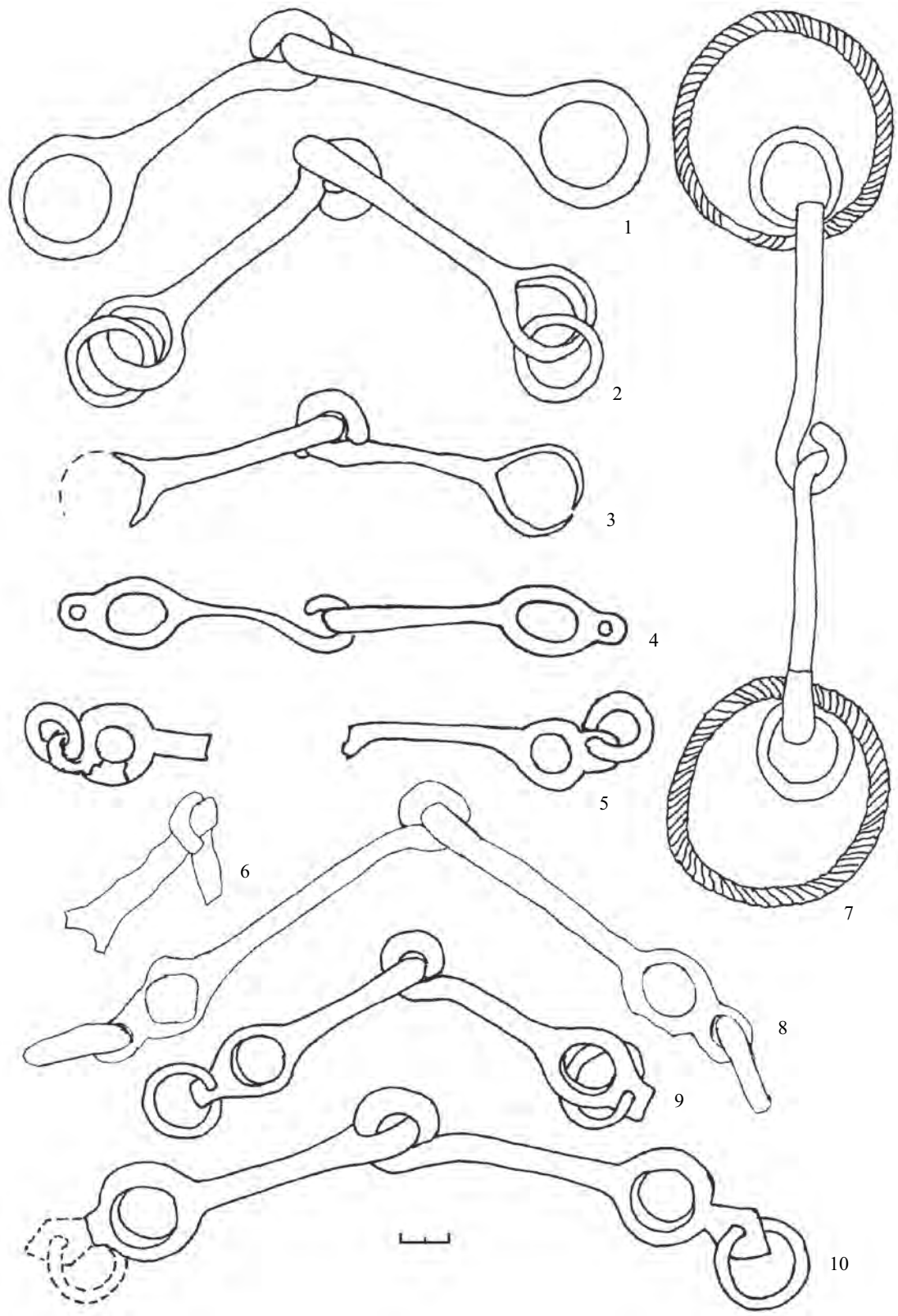

Рис. 42. Удила: 1, 2, 9, 10 – Вознесенка; 3 – Брюсяны II, к.12, п.2; 4 – Глodosы; 5 – Сивашовка; 6 – Портовоє; 7 – Ясиново; 8 – Арцибашево.

Fig. 42. Bits: 1, 2, 9, 10 – Voznesenka; 3 – Brusyany II, barrow 12, burial 2; 4 – Glodosy; 5 – Sivashovka; 6 – Portovoie; 7 – Yasinovo; 8 – Artsibashevo.

гар” (Дуйчев Ив., 1960, с.183), а также локализации “Оногории” Равенского Анонима (Подосинов А.В., 2002, с.192). Этноним “он-огур” обычно переводят с тюркского как “десять племен” (он оуиг, где оуиг – форма мн. ч. от оуиш) (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.323). “Бертинские анналы” действительно отмечают у дунайских болгар в IX в. существование десяти племен (Чичуров И.С., 1980, с.107).

Вопрос сходства названий “оногуры” и “унногундуры” был специально рассмотрен В.Бешевлиевым (Бешевлиев В., 1981а, с.21), который оспаривал мнение Г.Моравчика об “унногундур” как иноязычной передаче “оногур”. Впрочем, апелляция исследователя к суффиксальному окончанию -dur, скорее, подтверждает позиции Г.Моравчика, так как это монгольский суффикс множественности -dur. В тюркских языках суффиксы -dur, -tur в основном выражают залог глаголов, следы же родственного монгольскому -dur показателя множественного числа сохранились только в современном казахском в виде -дар/-дер (Тюркские языки, 1997, с.247). Впрочем, иноязычная передача “оногуры” должна дать форму “он-огур-дур”, но все известные формы: “унногундур”, “в-нн-т-р”, “хайландурк” теряют “r” в оуиг, т.е., похоже, носители этого языка все же отдавали себе отчет в том, что -r – это болгарский суффикс множественности (Тюркские языки, 1997, с.50). В монголоязычности из раннесредневековых европейских кочевников “подозреваются” пока лишь авары; другой же, тюркский вариант, заставляет предполагать языковое посредничество племени, родственного предкам современных казахов.

Как бы то ни было, в VII в. ни одно из огурских племен Северного Кавказа (огуры, сарагуры, оногуры, утигуры) больше не фигурирует в источниках, поэтому гипотеза о возникновении их общего названия “оногундуры” или “унногундуры” имеет право на существование.

Единственным свидетельством зависимого положения унногундуров до Курта является указание “Именника” на то, что ему предшествовал “Гостунъ наместникъ сын 2 лет(а), род ему Ерми” (Тихомиров М.Н., 1946, с.87). В.Златарский считал, что “Гостун” – это “Органа” Никифора, который был регентом при малолетнем “Кубрате” (Златарский В., 1994, с.84-90). Эту версию можно развить через форму имени Лондонского списка “Бревиария” – аруага (Чичуров И.С., 1980, с.153), напоминающую тюркютский должностной титул jaγuan – “распоряжающийся”, “лицо, приводящее в исполнение наказание” (Зуев Ю.А., 1998, с.157; Древнетюркский словарь, 1969, с.240). Судя по сохранившемуся титулу “йарган-тегин”, йарганами могли назначаться члены каганской семьи, но это

все же – исполнительный титул доверенного лица кагана, т.е. фактически должность. У праболгар ближе всего к нему приближается титул “капхана” (Бешевлиев В., 1992б, с.67, 68). “Йарган” – это, конечно же, не регент, также и ни в одном славянском языке “наместник” не означал “регента”, речь идет о распорядителе правителя. В праболгарских надписях известен знатный род “Ермиар” (Бешевлиев В., 1992б, с.234), и, если продолжать развитие гипотезы дальше, Гостун окажется дядей Курту по материнской линии из рода “Ермиар”, назначенным йарганом на время пребывания Курта (Кубрата) в Константинополе. Правда, источники сохранили и близкое “Ерми” аварское имя Ермицис (Тьпкова-Займова В., 1960, с.83), позволяющее предполагать и возможность аварского протектората, особенно следуя в русле буквального понимания сообщения Никифора о восстании Куврата против кагана авар. В таком случае, Гостун следует рассматривать как йаргана (“распорядителя”) аварского кагана, назначенного управлять булгарами.

Разумеется, эти лингвистические построения довольно шатки с точки зрения исторического анализа источников, и строить на них выводы опасно. В свете известий Иоанна Никиусского о Кубрате, наиболее вероятно, что “Аргана” действительно был аварским йарганом (но так же, как и позже Кувер, болгарского происхождения) при каком-то болгарском племени Подунавья, затем перешедшем на сторону Византии, но линия “Именника” с ними никак не связана.

Другой вариант событий предлагает этимология слова “Ерми”. Сохранившаяся форма “ерми” – т.е. тюрк. “двадцать” – больше похожа не на название рода, а на какую-то военную должность (“двадцатник”) или же адаптацию под тюркское произношение нетюркского слова. Но принадлежность “Гостуна” к роду “Ерми” может дать интересную зацепку при рассмотрении версии Ф.Альтхайма о связи “Ерми” с Ермиχιόνιον – “ермихион” Феофана (Чичуров И.С., 1980, с.30). “Ермихион” – это персидское Karmīr Нуḍn – “красные гунны”, а Karmīr – “Красные” – общее название врагов, вторгавшихся в Персию с северо-запада. В зороастрийской литературе они часто упоминаются вместе тюркютами (Sereti S.G., 2000, p.193-196, 202), а в указанном фрагменте Феофана “ермихион” просто замещает этноним тюркютов. Последнее объяснимо, так как языком международных отношений тюрков с византийцами был согдийский, а иранские наречия, в целом, составляли язык всей торговли “Великого Шелкового пути”. В раннем средневековье именно купцы были главным источником географических познаний, а их языковая среда определяла географическую номенклатуру и звучание названий. В этой ситуации нет ничего

удивительного в том, что и болгарскому населению Северного Кавказа тюркюты впервые могли стать известными от ираноязычных купцов как *Kamīr* или *Ḫrīq*, сохранившееся в “Именнике” в виде приближенного к тюркскому “Ерми” (“двадцать”).

Слово “Гостун” явно не тюркское и имеет прозрачную славянскую этимологию – “гостюющий”. Она хорошо увязывается с дальнейшим разъяснением “Именника”: “Гостун, наместник”, но сама форма, скорее всего, является славянской адаптацией похоже звучащего иноязычного слова. Ближе всего по контексту и звучанию к “гостун” тюркское “тудун”, которое действительно полностью соответствует термину “наместник”. Сообщение “Именника”, в таком случае, можно реконструировать так: “тудун, наместник, из рода Ерми [из народа тюркютов]”. Срок 2 года вряд ли означает всего два года зависимости уннугундуров от тюркютов, учитывая, что институт тудуна в зоне проживания утигуров, а позже – уннугундуров, очевидно, существовал уже в 576 г. Скорее всего, тудун просто сменялся каганом каждые два года, и это и зафиксировал “Именник”.

Согласно китайским источникам, тудун “надзирал” над вождями зависимых племен – эльтеберами (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.283). Включение зависимых племен в структуру каганата в такой модели было лишь поверхностным. Это вполне устраивало тюркютов, так как вся система государственного управления в захваченных областях сводилась к самому простому институту наместничества. Замена титулов локальных правителей на “эльтебер” и церемония их выражения верности кагану мало отличалась от позднейших посещений Орды древнерусскими князьями. Тудуны же, имевшие в своем подчинении небольшие военные контингенты, хотя и обладали несколько большей полнотой власти, чем монгольские баскаки, но, в сущности, также не имели серьезного механизма влияния на внутреннюю жизнь подчиненных тюркютам племен.

В Приазовье мы сталкиваемся с несколько другой ситуацией. Менаандр в событиях 576 г упоминает, что Анагей напрямую управлял утигурами. То же утверждает и “Именник”: тудун (“Гостун”) сам управлял булгарами до появления Курта. Если цепочка наших рассуждений верна, то в последней четв. VI – 1-й пол. VII в. булгары напрямую управлялись тюркютским наместником тудуном, сменявшимся каждые два года, вероятно, вместе с подчиненным ему тюркютским военным контингентом. Такая ротация не позволяла тюркютам сливаться с местным населением, а тудунам проникаться “местным патриотизмом”. Эпизод с Аккагой демонстрирует, что тудуны полностью сохранили местное самоуправление мелких племен Восточного Приазовья и Прикубанья, а следовательно, никакого пе-

реноса тюркютской социальной и государственной системы Тюркского каганата внутрь традиционных племенных структур булгар этого региона также не произошло. Освободившись от власти Тюркского каганата, булгары легко могли вернуть своему правителю отобранный тюркютами титул хана, но для заимствования государственной структуры каганата нужны были слишком серьезные реформы, следов которых, как мы увидим ниже, в обществе дунайских болгар не сохранилось.

Праболгарская модель. Общественное устройство болгарских племен времени Курта, несомненно, должно было хотя бы частично сохраниться у булгар (или “праболгар”) Аспаруха. Структура же должностей и титулов Болгарского ханства, к счастью, хорошо известна благодаря сохранившимся праболгарским надписям (Бешевлиев В., 1981б, с.39-66; 1992б; Литаврин Г.Г., 2001, с.222, 223, 259, 260), которые, на наш взгляд, играют первостепенную роль в реконструкции системы управления ранних булгар.

Верховный правитель праболгар носил общетюркский титул “хан” (*ḫan*), но значение этого титула у каждого тюркского народа было различным. В то время как глава тюрков назывался “иль-хан” (*il ḫan*), т.е. “глава государства” или “глава народа”, правитель праболгар носил титул “хан сюбиги” – “глава войска”. Заметим, что последний титул может происходить не только от традиционного **sü beg*, но и от **sü bük* – “собирать войска” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.564), дающего более близкую фонетическую форму **ḫan sü büi* – “хан, собирающий войска”. Судя по тому, что титул в неизменном виде просуществовал до IX в., он опирался на серьезную длительную традицию. “Хан сюбиги” исполнял высшие административные, военные и жреческие функции, но уже, судя по названию самого титула, он был лишь первым среди равных, выделившись в эпоху “дружинной демократии”.

Его ближайшим советником и соправителем являлся “капхан” – титул, известный также у авар (Бешевлиев В., 1992б, с.68). Этимология слова (**kap ḫan* – дословно: “закрывающий хана”) относит возникновение термина к все тому же древнему периоду “военной демократии”, когда “заместителем” вождя считался его ближайший телохранитель, обычно лучший из воинов. Но у праболгар капхан уже принадлежал к роду хана. Сейчас трудно сказать, насколько реальной была ситуация двоевластия, отмеченная у праболгар в нач. VIII в., для более раннего периода, но существование капхана указывает на *неабсолютный характер* власти “хана сюбиги”, поскольку капханы даже сами заключали договора с Византией. Абсолютизация власти хана в IX в. стала уже следствием процесса унификации

молодого государства, контуры которого в нач. VIII в. еще только намечались.

Следующий по рангу после капхана – “ирчигу боил” – “внутренний боил”, был первым из высшей знати – “боилов” – и соответствовал славянскому “старший боярин”. Более низкая прослойка знати именовалась “багаинами”. Известны у праболгар и общетюркский титул “таркан”, и славянский “жупан”, явно принадлежавший локальным славянским старейшинам. В надписях также упоминаются еще целый ряд менее значительных титулов. Интересно, что во II Тюркском каганате “боила” и “бага” были как бы “усилительными” титулами, например, полный титул Тоньюкука звучал *bojla baqa taqan* (Древнетюркский словарь, 1969, с.110), схожего же деления знати на “боилов” и “багаинов” у тюркотов не было.

Социальная структура праболгарского общества VIII-IX вв., несомненно, уже отличалась в деталях от системы общественной организации булгар времени Курта, но ее основные принципы должны были сохраниться. А они красноречиво свидетельствуют о том, что система социальной и раннегосударственной организации булгарских племен не была ни копией, ни аллюзией на организацию Тюркских каганатов, а опиралась на собственные оригинальные традиции племенного управления. Пришедшие на Дунай булгары Аспаруха находились еще на стадии отхода от родоплеменной организации, сохраняя обычные для кочевой орды децентрализирующие факторы. Мощным же толчком к формированию настоящей государственной системы управления стал захват славянских территорий и включение в структуру праболгарского объединения славянских общин и “Славиний”, потребовавшее коренной реорганизации традиционных кочевнических племенных институтов с переходом от *родового* к *территориальному* принципу управления (Литаврин Г.Г., 2001, с.249-254, 325, 326).

В кон.VII – нач.VIII в. уровень развития собственно праболгар мало отличался от уровня общественной организации гузов, печенегов, половцев, политические объединения которых в литературе никогда не называются “государствами”. Еще меньше оснований предполагать наличие признаков именно *государственной организации* в объединении Курта, о структуре которого мы, к сожалению, не имеем абсолютно никакой информации.

Образование племенного объединения.

Традиционная модель образования объединения Курта в историографии – это восстание против кагана: аварского у сторонников буквального понимания известий Никифора о “Куваре” и тюркского – у сторонников концепции пребывания булгар в составе Тюркского каганата. Интересно, что обе

концепции сходятся к близкой дате: 630/631 гг и 631/632 гг.

В 630-631 гг в Аварском каганате произошло крупное восстание булгар, закончившееся их полным поражением, но надолго подорвавшее силы самого каганата (см.: Avenarius A., 1974; Pohl W., 1988; Ронин В.К., 1995, с.367-371). “Аварская” гипотеза, особенно популярная у венгерских исследователей, предполагает, что в то время как силы булгар внутри самого каганата были разбиты, в результате восстания удалось добыть независимость булгарам Прикубанья во главе с “Кувратом”. Самый уязвимый элемент гипотезы – это аварская власть в Прикубанье в VII в. Ее сторонники пытаются подать ситуацию как сохранение аварской власти над Северным Причерноморьем и Восточным Приазовьем и после переселения авар в Паннонию, но это, как минимум, попытка закрыть глаза на события 60-80 гг VI в., в результате которых тюркюты не только изгнали из Северного Кавказа авар, захватили Восточное Приазовье и подчиненных аварам утигуров, но и вторглись в Крым. Если же по каким-то причинам около 630 г Приазовье снова оказалось в руках авар, то речь идет о *реставрации* здесь аварской власти, которая могла произойти только вооруженным путем. Но ни второго появления авар на Северном Кавказе, ни “поражения” тюркютов от авар, ни попыток тюркютов “вернуть” себе Приазовье, ни вообще малейших намеков на присутствие авар в этом регионе после 570 г в источниках на самом деле нет.

Вернуть “аварской” гипотезе здравый смысл может разве что другой вариант событий. Согласно франкской хронике, остатки разбитых в 630/631 гг булгар бежали в Баварию, но часть вполне могла уйти и к византийцам, и даже в Северное Причерноморье. Никифор говорит, что в результате восстания Кувар (“Куврат”) *ἔξεδίωξε τῆς οἰκείας γῆς* – “ушел из родной земли”. Если предположить, что речь все-таки идет не о Кувере, а о другом человеке – Курте (“Коврате”), то теоретически возможным делается и вариант откочевки части убежавших от авар булгар во главе с Куртом “на родину” в Прикубанье, где они и создают уже независимое от авар и тюркютов объединение булгарских племен.

“Тюркютская” версия проще. Она предполагает наличие в тексте Никифора ошибочного “хаган Авар” вместо “хаган Тюрков”, а восстание “Куврата” относит к периоду смуты в Западнотюркском каганате 630-632 гг, когда ослабленным и занятым внутренними неурядицами тюркютам было не до зависимых племен. Проблема этой версии состоит в том, что все события смуты происходили исключительно в Средней Азии и не коснулись Северного Кавказа. Хазары, конечно, в 630 г потерпели поражение в Армении, но скорее случайное, поскольку

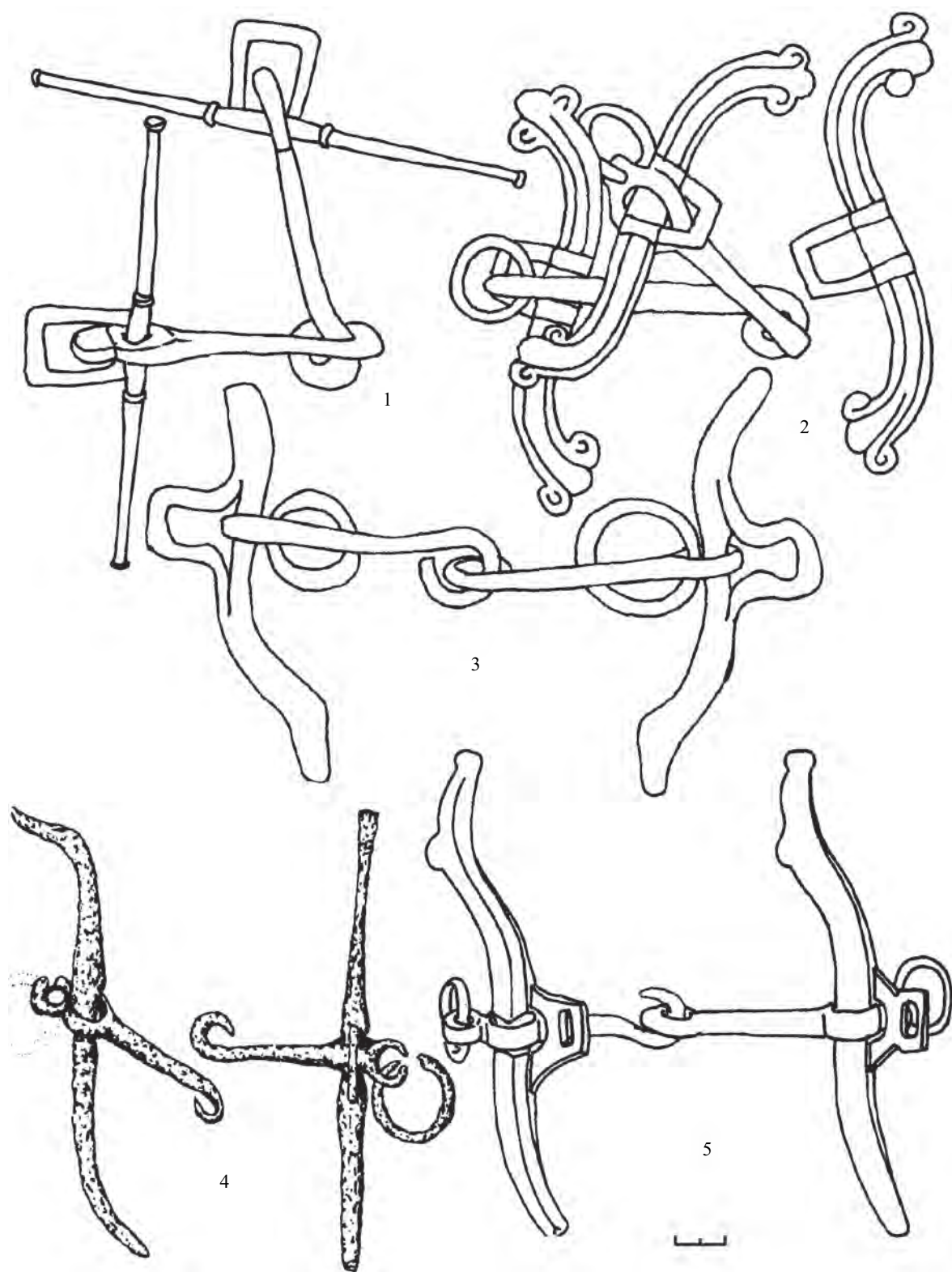

Рис. 43. Удила с псалями: 1, 2 – Вознесенка; 3, 4 – Брусяны II (3 – к.23, п.6; 4 – одиночный курган, п.2); 5 – Тополи.

Fig. 43. Bits with cheek-pieces: 1, 2 – Voznesenka; 3, 4 – Brusyany II (3 – barrow 23, burial 6; 4 – single barrow, burial 2); 5 – Topoli.

ку армянские источники не сообщают ни о какой громкой победе персов. Скорее, здесь просто имела место случайная гибель джабгу, похожая на эпизод 737 г, когда командующий хазарскими войсками “Хазар-тархан”, решив поохотиться с небольшим сопровождением, случайно попал в засаду арабов, даже не понявших поначалу, кого они убили (Артамонов М.И., 2002а, с.235). Этому объяснению хорошо соответствуют загадочные слова Джебу-хакана в “Истории страны Алуанк”: “напали на меня грабители” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.93). Его сын “Шат”, услышав о смерти отца, вывел войска тюркютов из Закавказья (по обычаю, он должен был лично провести ритуал погребения и поминовения отца в степи), но и данных о том, что он насовсем покинул Северный Кавказ, у нас нет. Существование в 632 г легитимного претендента на каганский титул, лично не вмешавшегося в смуту, но из-за которого Нишу Гана-шад был вынужден просить подтверждение своего титула у китайского императора, потеря Западнотюркским каганатом всех европейских земель состоянием на 635 г, а также появление на их месте в китайских источниках до 637-642 гг нового тюркютского объединения “хазар” – события явно взаимосвязанные, отражающие образование в 632 г Хазарского каганата.

После смерти джабгу в 630 г верховным союзенном зависимых от тюркютов племен Северного Кавказа стал его сын шад, вероятно, признавший в 631 г законную власть своего двоюродного брата Тили-тегина, но после его убийства в 632 г не признавший нового кагана-узурпатора Нишу Гана-шада (Дулу-хана) и объявивший каганом тюркютов себя. Поскольку в 627 г Феофан описывает его еще как юношу “с пушком на бороде”, т.е. 14-16 летнего, в 632 г первому кагану хазар было всего 19-21 год. Столь смелый акт молодого человека означал, что в его распоряжении находилась серьезная военная сила, достаточная для того, чтобы выдержать возможную войну с Нишу Гана-шадом (Дулу-ханом), т.е. фактически новым Западнотюркским каганатом. И тот факт, что ни Дулу-хан, ни его преемник и младший брат Ышбара Хилаш-каган так и не решились на конфликт с отколовшимся Хазарским каганатом, тому более чем серьезное подтверждение. Восстание в этих условиях против хазар кого-то из зависимых племен было бы прямым сигналом к действию западнотюркским каганам, но источники о подобных фактах умалчивают. А вопрос, тем не менее, очень серьезный: если Хазарский каганат не смог ничего поделать всего с одним подчиненным ему народом – булгарами, почему гораздо более могущественный Западнотюркский каганат не раздавил его “в зародыше”?

По нашим расчетам, родившийся в период 600-614 гг Курт в 632 г мог быть как ровесником

нового кагана хазар, так и уже опытным 30-летним человеком. Но в то время как пойти на конфронтацию с остальными племенами Западнотюркского каганата и объявить себя каганом шад вынудили обстоятельства по истине крайние (убийство отца, дяди и старшего двоюродного брата), мог ли в 631-632 гг самостоятельно поднять восстание против тюркютов Курт и, более того, повести за собой остальные булгарские племена и их вождей? Независимо от своего возраста (17-30 лет) в 632 г Курт или вообще еще не имел сыновей, или же максимум имел младенца Батбаяна. Обстоятельство не самое благоприятное для того, чтобы Курта признали “первым среди равных” другие булгарские вожди: правитель без дееспособного наследника – слабый правитель. Выдвинуть Курта в этих обстоятельствах на первый план могли только его военные способности, но что, в таком случае, стало причиной успеха гипотетического восстания булгар против тюркютов, и почему хазарам понадобилось почти 40 лет, чтобы восстановить status quo? Наконец, почему булгары за эти 40 лет так ни разу и не упоминаются в бурных исторических событиях на Северном Кавказе?

Традиционная схема историографии с ссылкой на Никифора упоминает о посольстве булгар к Ираклию, что делает Курта (Куврата) и булгар уже с 30 гг VII в. союзниками Византии, или даже больше – с ссылкой на “победы над язычниками” Кубрата Иоанна Никиусского – активными военными партнерами. Предположение очень серьезное с точки зрения политической истории, поскольку заключение союза с булгарами для Византии означало бы автоматический и бесповоротный *разрыв* с традиционными союзниками – тюркютами, а также изменение всей генеральной линии “восточной” дипломатии империи.

Был ли для этого повод у Ираклия, в 630 г едва не выдавшего свою дочь за джабгу тюркютов, а в 627-628 гг успешно воевавшего в знаменитой персидской кампании вместе с будущим каганом хазар? Что могло так резко склонить Ираклия в пользу племени, уже в силу своего географического положения практически бесполезного как потенциального союзника против главных врагов империи – авар, персов, а затем арабов? Личная привязанность к “другу Куврату”? Сомнения в силе отколовшегося Хазарского каганата? Допустим такое развитие событий. Почему же тогда резкие перемены в политике империи по отношению к тюркам опять случились после воцарения внука Ираклия – Константа II? Ведь в 645 г, а затем в 654 г в войне с арабами на помощь Византии все так же, по-старому, приходят союзники-тюрки (хазары) и зависимые от них аланы, а также абхазы (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.163, 164, 170).

Булгары не только не участвуют в этих событиях и вообще не упоминаются источниками в числе византийских военных союзников 30-60 гг VII в. Сын Куврата, “до смерти хранившего союз с Византией”, – Аспарух – наоборот, вскоре после смерти отца вторгается в византийские пределы во Фракии, а не апеллирует к давним союзническим отношениям с Византией или не просит земель для поселения, как это сделал, заметим, бывший аварский подданный Кувер “Чудес св. Дмитрия Солунского”. Не помнили о каких-либо союзных отношениях с булгарами и сами византийцы, для которых вторгшиеся в 680 г во Фракию булгары были “мерзким и новоявленным племенем” (Чичуров И.С., 1980, с.38).

Попытаемся истолковать события иначе: союз Куврата с Ираклием носил персональный характер и длился лишь до смерти Ираклия. Следовательно, возможный период союзнических отношений булгар с Византией, по хронологии Никифора, – это всего лишь 638-641 гг.

Временное усиление Западнотюркского каганата, несомненно вызывавшее опасение у хазар, именно в 638-641 гг прервалось очередной смутой. Стало окончательно ясно, что Западный каганат ожидает судьба Восточного, а хазары, как оказалось, на два столетия избавились от проблем на восточной границе. Иначе ситуация складывалась у Византии, которая в 636-641 гг терпела просто сокрушительные поражения от арабов, теряя одну провинцию за другой и тщетно пытаясь найти ресурсы для борьбы. В 639 г арабы вторглись в Закавказье, чем немедленно воспользовались армяне и свергли византийского ставленника, но арабы не остановились на этом и в 640 г вторглись и в Армению. Влияние Византии на Кавказе катастрофически падало, не менее катастрофически чувствовала себя и Персия, доживавшая последние дни. Политические интересы Византии несомненно требовали наличие сильного союзника в этом регионе. Таким потенциальным союзником еще 10 лет назад воевавшим лично с Ираклием в Албании, Армении, Грузии и Персии, т.е. тех же “горячих точках”, был каган хазар. В 642 г арабы разгромили персов, захватили Албанию и вышли к Дербенту, действительно столкнувшись уже напрямую с хазарами. Согласно какой же логике в такой ситуации Ираклию понадобилось поддержать “восставшего против тюрков” Куврата, пойдя на *открытый конфликт* с бывшим и потенциальным стратегическим союзником? И сколько тогда усилий и средств стоило византийской дипломатии вернуть хазар к союзу в правление Константа II?

Приходится констатировать, что политическая обстановка 636-641 гг никак не благоприятствовала союзу Византии с булгарами, а следовательно,

Никифор все-таки ошибался в дате, а не адресате восстания “Кувара”. Свое мнение о датировке и контексте упомянутых событий мы изложили выше, но, отметим все же, что в других сохранившихся источниках нет не только прямых указаний, но и косвенных следов образования нового независимого политического объединения булгар или даже просто изменения геополитической ситуации на Северном Кавказе в сер.VII в.

Третий вариант развития событий дает болгарский “Именник”. Перечислив правителей из рода Дуло: легендарных “Авитохола” (Агтилы) и “Ирника” (Эрнака), наместника “Гостуна” (тудуна), Курта и “Бермера” (Батбаяна), “Именник” сообщает, что “Сии 5 князь дръжаше княжение обоку страну Дуная лет 500 и 15 остриженами главами” (Тихомиров М.Н., 1946, с.87). Почему “Именник” подчеркивает тот факт, что болгарские “князья” до Аспаруха правили с “остриженными главами”? М.И.Артамонов обратил внимание на то, что стрижка волос в культурах, практиковавших ношение кос и длинных волос, обычно была признаком рабского, зависимого положения (Артамонов М.И., 1936, с.82, 83). У тюркютов, согласно китайским источникам, в обычное время только каган ходил с распущенными волосами, его же свита заплетала волосы в косы (Фонякова Н.А., 2001, с.68, 69). Но в описании вторжения тюркютов в Албанию 627 г автор упоминает именно распущенные волосы (Мовсэс Каланкатуацци, 1984, с.78), поэтому воинам явно позволялось распускать волосы в бою для психологического давления на противника. Чуть выше по тексту албанский автор противопоставляет среди подданных Джебу-хакана “оседлых и кочующих, бреющих головы или носящих косы” (Мовсэс Каланкатуацци, 1984, с.78), что очень напоминает оппозицию: “зависимые-свободные”. Согласно реконструируемому “языку” причесок тюркютов, длинные распущенные волосы – каган, косы – тюркюты, стриженные (бритые) головы – подчиненное население. Поэтому мнение Г.Г.Литаврина, что “остриженные головы” болгарских правителей на протяжении 515 лет их истории, до перехода Аспарухом Дуная в 681 г, означали их зависимое положение от гуннов, авар и хазар (Литаврин Г.Г., 2001, с.327), выглядит на сегодня наиболее обоснованным.

Итак, в нашем распоряжении есть три версии образования болгарского объединения. Первая – “аварская” – сомнительна по целому ряду причин, из которых главная – это слишком точное совпадение деталей восстания против авар “Кувара” Никифора с восстанием Кувера “Чудес св. Дм. Солунского”. Вторая версия – “тюркютская” – в варианте Л.Н.Гумилева и М.И.Артамонова не имеет никакой опоры на источники, а в более распространенном варианте использования Куртом ситуации

смуты 631-632 гг опирается всего лишь на теоретическую *возможность*, а не на подтвержденный источниками факт. Наконец, третья версия – версия болгарского “Именника” – представляется нам наиболее вероятной, хотя она и заставляет несколько по-новому взглянуть на сам механизм образования объединения уннугундуrow.

Традиционные общие фразы историографии о “процессах консолидации болгарских племен, обусловивших возникновение Великой Булгарии”, странным образом ни у кого из исследователей не вызвали вопроса, как же именно происходила такая “консолидация”? Каким образом отдельные племена объединялись в более крупные союзы, подчиняясь другим вождям, а, возможно, и другим порядкам, традициям? Каким образом мелкие вожди признавали власть более крупных и т.д.? Исторический опыт показывает, что никогда и ни при каких обстоятельствах люди, наделенные хотя бы минимальной властью, не расставались с ней добровольно. Любые же попытки подчинить племена, даже близкородственные, вызывали войны или хотя бы небольшие локальные столкновения. Наконец, неужели в условиях зависимости болгарских племен от тюркютов последние спокойно взирали бы на “консолидационные” усилия болгарских вождей, позволяя нарушать установленные тюркютскими тудунами порядки?

Совершенно ясно, что объединение различных болгарских племен в один союз стало либо следствием одномоментной чрезвычайной акции, либо же административной деятельности самих тюркютов. Как уже указывалось выше, в 568-576 гг огурские племена огуrow и утигуров еще упоминаются как отдельные племена с отдельными тюркютскими наместниками. Но в VII в. все племенные названия огурских племен исчезают, их заменяет один новый этноним “уннугундуrow”. Творцами нового объединения, скорее всего, действительно были тюркюты, объединившие для удобства управления, контроля и налогообложения целый ряд огурских и других племен Прикубанья в единую подконтрольную тудуну область. Эта реформа, скорее всего, связана с известной административной реформой Тон-джабгу-кагана (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.283; Кляшторный С.Г., 2003, с.440). Согласно “Именнику”, такая ситуация сохранялась до времени Курта, когда болгары получили первого собственного правителя. Но зависимый, по мнению автора “Именника”, статус Курта и “Безмера” (Батбаяна) означал, что они были не *ханами*, а *эльтеберами*, как позже правители Волжской Булгарии.

Несмотря на то, что эльтеберы признавали верховную власть кагана, фактически они были полунезависимыми правителями, самостоятельно проводившими внутреннюю политику (Кляштор-

ный С.Г., 2000, с.122). Жалование местным племенам Северного Кавказа собственных эльтеберов вместо тудуrow, несомненно, означало начало новой политики в отношении к зависимым племенам, направленной на завоевание большего доверия и поддержки с их стороны. Сомнительно, чтобы это событие произошло еще в 632 г, во время провозглашения каганом “шада”, поскольку в силу возраста и “семейного положения” Курт тогда вряд ли мог претендовать на роль лидера болгарских племен. Скорее, это произошло только в 50-60 гг VII в., когда Западнотюркский каганат окончательно рухнул, а сам Хазарский каганат смог реально оценить степень арабской угрозы.

Конфликт с хазарами. Согласно “ранней” дате смерти, первый эльтебер болгарских племен Курт умер в период 660-668 гг. Его сменил старший сын Батбаян – *της πρώτης Βουλγαρίας ἀρχοντα* – “правитель первой Булгарии”, с которого, согласно ремарке автора “Легенды”, хазары получают дань *μέχρι του νυν* – “и до ныне” (Чичуров И.С., 1980, с.37), т.е. еще в конце 80-х гг VII в. Батбаян оставался эльтебером прикубанских болгар. Срок же “3 года”, который ему отвел “Именник”, касается времени, прошедшего от смерти Курта до изгнания хазарами Аспаруха на Дунай, где последний и принял титул “хана сюбиги”.

О причинах конфликта хазар с булгарами Аспаруха ни один источник не сообщает. Только позднее еврейское сочинение кон.X – нач.XI в., известное как “Ответное письмо хазарского царя Иосифа Хаздая ибн-Шафруту”, называет в качестве причины банальный территориальный захват (Кокковцов П.К., 1932, с.75, 92). Отношение к этому источнику у исследователей неоднозначное, но все же в историографии XX в. постепенно исчезло мнение о “хазарско-еврейской переписке” как позднем фальсификате. Осталась другая проблема: является ли указанный текст подлинным, или же это еврейское литературное сочинение XI-XIII вв., основанное на пласте в целом достоверной информации, вынесенной из среды иудеев Хазарии? К сожалению хазароведов, пока более предпочтительным выглядит второй вариант.

“Письмо царя Иосифа” изобилует географической информацией, находящей ряд параллелей в арабской географической литературе, но, так же, как и географические данные из письма Хаздая ибн-Шафрута, отличающейся от арабской. Скорее всего, они восходят к данным еврейского ученого Дунаша ибн Тамима, который, по его же словам, составил специально для Хаздая ибн-Шафрута книгу астрономического характера. Учитывая, что письмо Хаздая включает целый ряд географических координат, не совпадающих с арабскими, мы склонны считать указанную книгу Дунаша ибн Та-

мима больше географической, чем астрономической. Описание Хазарии у Иосифа крайне скудно и включает минимум информации о северо-западной части каганата, куда не доходили или просто не допускались арабские купцы. Данные же о столице и способе жизни царя имеют выраженный “занимательный” характер. При этом еврейский автор писем откровенно слабо понимал смысл кочевого быта хазар, интерпретировав откочевку Иосифа в апреле из Атиля в степи как выход “к своему полю и саду [в пространной редакции – винограднику] и к своей (полевой) работе” (Коковцов П.К., 1932, с.85, 102). О тенденциозности составителя, не упомянувшего ни о кагане, ни о язычниках и мусульманах Хазарии, уже писалось много. К.Цукерман обращает внимание также на подлинность известий “Жития Кирилла” об обращении хазар в иудаизм, согласно которым “религиозный диспут” произошел только в 860 или 861 г (Цукерман К., 2002а, с.525-532; 2002б, с.57-74), что девальвирует и версию “Письма Иосифа” об этих событиях. Наконец, по тексту “письма” о хазарах слишком часто говорится в *третьем лице*, что выдает явное заимствование информации о хазарах из какого-то источника. Прямой и очевидной целью составителя письма было создание документа, подтверждающего существование “иудейского государства”, поэтому факты о Хазарии, вынесенные, вне всякого сомнения, из среды самих хазарских евреев, были просто соответствующим образом препарированы.

Согласно пространной редакции “письма Иосифа”, раньше страну, в которой он жил, занимали “В-н-н-т-р”, “многочисленные, как песок у моря”. Но хазары победили в войне, и “В-н-н-т-р” оставили страну и “бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки “Дуна”. До настоящего дня они расположены на реке “Дуна” по близости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня” (Коковцов П.К., 1932, с.92).

Не столь “героическим” выглядит рассказ византийского автора “Легенды”, согласно которому, в передаче Феофана (Чичуров И.С., 1980, с.37), после разделения болгар “прошло недолго, вышел большой народ Хазар из внутренних глубин Берзилии Первой Сарматии и овладел всей противолежащей землей до Понтийского моря. А первого брата Батбаяна, архонта первой Булгарии, обяжал платить дань, которую он [народ хазар] получает и до ныне”. Несколько иначе передает текст Никифор (Чичуров И.С., 1980, с.153, 154): “Таким образом, поскольку народ разделился и рассеялся, племя Хазар из глубины страны, именуемой Берсилией, вблизи Сарматов, тогда совершенно безнаказанно отсюда нападало. Они везде опустошили округу над землей Понта Эвксинского и достигли моря. Затем и Баяна, сделав подвластным, вынудили платить дань”.

Значение выражения *περατικῆς γῆς* “противолежащая земля” в тексте Феофана довольно четко определяется в начале “Описания”, где *περατικοῦ μέρους* “противоположной стороной” Эвксинского Понта называется северная (*ἀρκτικός*) сторона (Чичуров И.С., 1980, с.36). О вторжении хазар в Северное Причерноморье говорит и Никифор, упоминая опустошение *χωρία τῆς ὑπὲρ Πόντουτον Εὐξεινον γῆς* “округи над землей Понта Эвксинского”. Эти сведения практически подтверждают версию “письма Иосифа” о преследовании хазарами болгар Аспаруха до Дуная. Обратим внимание и на тот факт, что Аспарух был вынужден пройти все Северное Причерноморье и остановиться только в “Онгле”, локализованном Анастасием у *boreos interiores Danubio fluvios* – “находящихся севернее Дуная рек”, т.е. Прута и Серета (Литаврин Г.Г., 2001, с.197). По мнению Х.Димитрова, только за Днестром Аспарух смог почувствовать себя в безопасности от хазар (Димитров Х., 1989, с.53). Похоже, речь действительно шла о молниеносном захвате хазарами всего Северного Причерноморья, переход же Аспарухом Дуная во многом был предопределен именно давлением хазар, от которых болгары сумели обезопасить себя только во Фракии.

Если верить “письму Иосифа”, т.е. поздней хазарской версии событий, пересказанной еврейским автором, победа на унногундурами (в-н-н-т-р) позволила хазарам занять страну, в которой проживал Иосиф. Скорее всего, источник имеет в виду не дельту Волги, а более широкую зону кочевания хазар Иосифа, охватывавшую современные Калмыкию и Ростовскую область. Именно в эту зону и вклинивается ареал расселения унногундуров Аспаруха, по М.И.Артамонову (Артамонов М.И., 1936, с.45-48). По логике событий, болгары Аспаруха оказались препятствием для расселения хазар на запад от Волги. Отказавшись добровольно отдать свои земли хазарам и переселиться в указанное новое место, Аспарух пошел на конфликт, в котором потерпел поражение и бежал со всем племенем на запад. Вслед за ним в Северное Причерноморье проникли хазары.

Согласно Феофану, “народ хазар” просто “овладел всей противолежащей землей до Понтийского моря”, но Никифор уточняет: “они везде опустошили округу над землей Понта Эвксинского”, что подразумевает совсем даже не мирную картину появления хазар в Северном Причерноморье. Никифор не говорит об опустошении именно “селений”, как перевел отрывок И.С.Чичуров (Чичуров И.С., 1980, с.162), его *χωρία* – это “область”, “округа”. Но сообщение вполне можно трактовать как нападение именно на византийские области Северного Причерноморья, где археологически в это время действительно фиксируются следы разрушений и

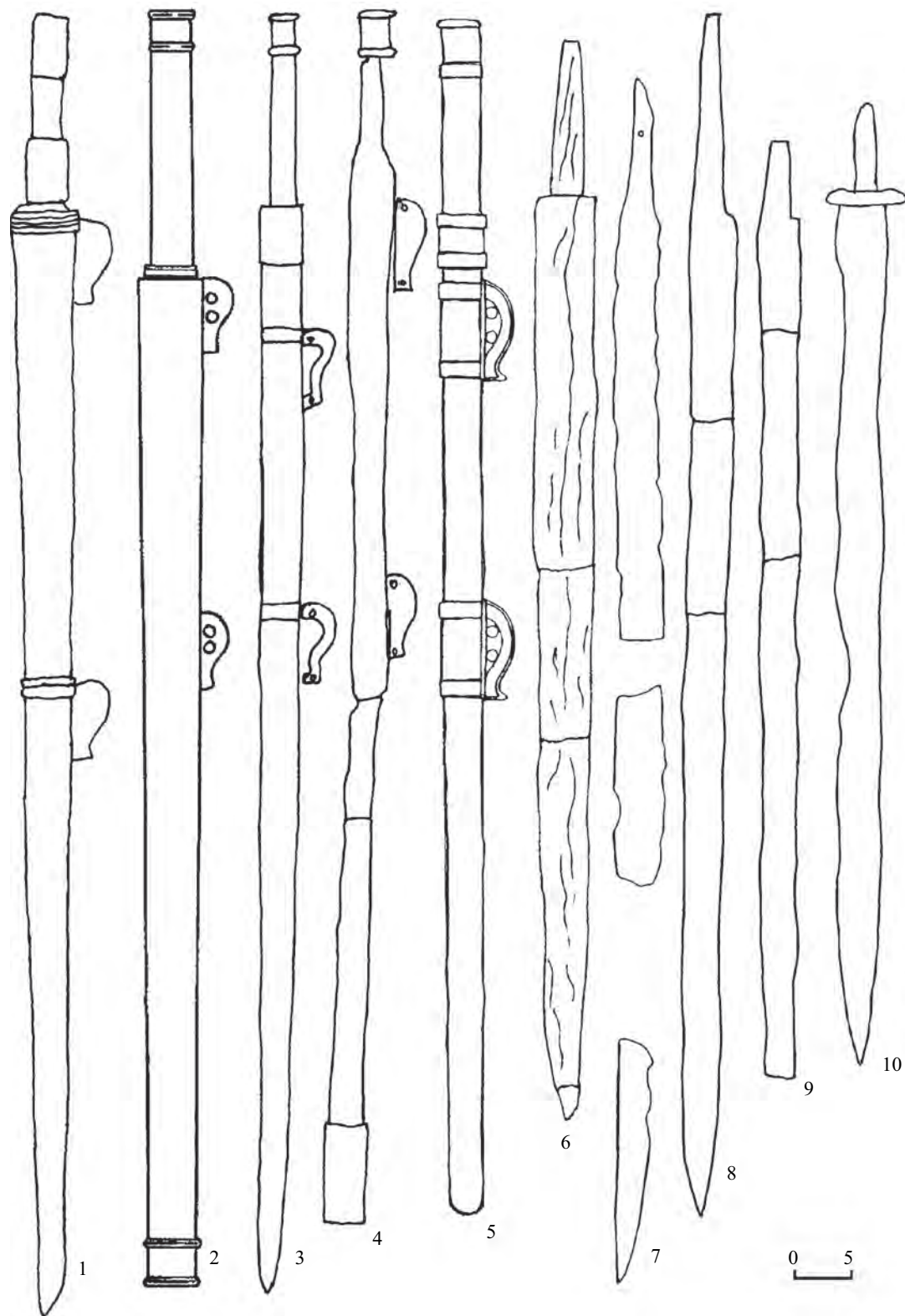

Рис. 44. Однолезвийные (1-6) и двулезвийные (10) мечи, палаши (7-9): 1 – Уч-Тепе; 2 – Виноградное, к.5; 3 – Сивашовка; 4 – Чапаевский; 5 – Мадараш; 6 – Изобильное; 7 – Ясиново; 8 – Арцибашево; 9 – Епифанов; 10 – Заплавка.

Fig. 44. One-blade (1-6) and two-blade (10) swords, broadswords (7-9): 1 – Uch-Tepe; 2 – Vinogradnoie, barrow 5; 3 – Sivashovka; 4 – Chapaievskii; 5 – Madarash; 6 – Izobilnoie; 7 – Yasinovo; 8 – Artisibashevo; 9 – Yepifanov; 10 – Zaplavka.

пожаров (Айбабин А.И., 1998; 1999, с.185-187). Мы акцентируем внимание на этом факте, поскольку он однозначно свидетельствует о *конфликте* Византии и хазар в это время, прозрачно объясняющем, почему в 680-681 гг Византия так и не обратилась за помощью против болгар Аспаруха к своим традиционным союзникам хазарам.

Возможно ли уточнить датировку рассмотренных событий? М.И.Артамонов относил появление хазар в Северном Причерноморье еще к 653 г., ссылаясь на нехватку хлеба в Херсоне, отмеченную в письмах папы Мартина и вызванную, по мнению исследователя, хазарским вторжением в Крым (Артамонов М.И., 2002а, с.211, 212). Свидетельством, даже косвенным, этот источник назвать на самом деле трудно, так как Мартин жалуется на постоянное состояние дел, эмоционально подчеркивая свое бедственное положение и отсутствие средств к существованию, ни словом не упоминая о враждебности окружающих Херсон “язычников” (Бородин О.Р., 1991, с.178-180; Сорочан С.Б., 2004а, с.342-348). Реальная “ранняя” дата хазарского вторжения в Северное Причерноморье опирается на другое обстоятельство – традиционную датировку смерти Курта (“Куврата”) временем Константа II (642-668 гг). Если следовать информации “Именника”, Аспарух был изгнан всего через три года после смерти Курта, т.е. дата болгаро-хазарского конфликта в этом случае – не позже 670 г и не ранее 645 г. Уточнение времени рождения Курта (не ранее 600 г.) позволяет сузить эту дату до 663-670 гг.

Разрыв в отношениях с Византией у хазар в действительности произошел в 662 г, когда хазары вторглись в принадлежащую Византии Албанию. Но немедленное вторжение хазар и в Северное Причерноморье в это время вряд было возможно, поскольку в упомянутом походе 662 г в Албанию хазары потерпели неудачу, плюс в это же время в земли подчиненных хазарам алан вторглись арабы. Только поход 664 г, лично возглавленный каганом, достиг цели заключения нужного хазарам договора с албанским князем Джуаншером, женившимся на дочери кагана. Несмотря на неустойчивую политическую ориентацию Джуаншера, союзником хазар он оставался до последних дней своей жизни. Албания в это время играла роль надежного “буфера” между хазарами и арабами, что и развязало, наконец, хазарам руки на других стратегических для них направлениях. Только с 665 г действительно стали возможными и разгром болгар, и вторжение хазар в Северное Причерноморье. Убийство Джуаншера, датируемое 669/670 гг (Артамонов М.И., 2002а, с.204; Новосельцев А.П., 1990, с.175) или 680/681 гг. (Большаков О.Г., 1998, с.214; Цукерман К., 2001, с. 318; Шагинян А.К., 2003, с.95), вызвало немедленную реакцию вождя дагестанских “гун-

нов” Алп-эльтебера, который, “мстя за кровь Джуаншера”, опустошил Албанию. Новый непрочный мирный договор албанцам удалось заключить только при посредничестве епископа Елиасара, причем переговоры вел сам Алп-эльтебер, а не каган хазар (Мовсэс Каланкатцуаци, 1984, с.120, 121). В 670-682 гг албанская хроника пишет только о нападениях на Албанию “гуннов” и политических контактах только с “князем гуннов” Алп-эльтебером. Хазары полностью исчезают из поля зрения албанцев до 684-685 г, когда они неожиданно “напомнили о себе” масштабнейшим вторжением в Албанию и Армению (Гер-Гевондян А.Н., 1977, с.51). М.И.Артамонов связал этот поход с освобождением основных сил хазар после войн на западе (Артамонов М.И., 2002а, с.207). Разбор ситуации на “албанском фронте” показывает отсутствие упоминания хазар в Закавказском регионе в период 665-684 гг. Особенно показателен эпизод убийства зятя хазарского кагана Джуаншера, когда ни каган лично, ни хазары не приняли участия в карательном походе на Албанию и последующем “разбирательстве” вины Вараз-Трдата, что было поручено выполнить вассалу и еще одному зятю кагана – “князю гуннов” Алп-эльтеберу. Хазар же явно отвлекали другие, более важные события, происходящие вдалеке от Албании.

Суммируя фрагменты мозаики исторической картины 60-70 гг VII в., мы отчетливо выделяем период 665-684 гг, когда внимание хазар было отвлечено от традиционно стратегически важного для них региона Восточного Закавказья и приковано к другому региону – Северо-Западному Кавказу и Северному Причерноморью.

Ключевым для понимания событий 60 гг VII в., пожалуй, оказывается эпизод 664 г. В декабре 664 г хазарский каган неожиданно с многотысячной армией вторгается в Албанию. Угнав множество скота и пленников, каган располагается ставкой на берегу р.Куры и вызывает к себе албанского ишхана Джуашера. И хотя “ни один из персидских царей не осмеливался лицом к лицу предстать перед царем туркестанским”, Джуаншер, разбивший в 662 г хазар и вполне опасавшийся их мести, тем не менее, вместе с семнадцатью спутниками выполняет приказ кагана. Результат встречи ошарашил албанцев: каган неожиданно выдает за Джуаншера свою дочь, а также возвращает ему всю захваченную добычу: 120 тыс. голов скота, 7 тыс. лошадей и 1200 пленников (Мовсэс Каланкатцуаци, 1984, с.102, 103). Необъяснимое великодушие кагана вызывает еще больше вопросов в свете дальнейшего поведения Джуаншера, дважды съездившего в Дамаск добровольно подтвердить свою преданность Халифату. Если в 666 г Албании угрожали арабы, почему Джуаншер даже не попытался оказать им

сопротивления, опираясь на хазар? Наконец, почему, несмотря на подданство арабам, хазары не только не рассорились с Джуаншером, но и выступили “мстителями за его кровь” после убийства ишхана? Похоже, поход 664 г преследовал совершенно конкретную цель – превратить Джуаншера не в *подданного*, а в надежного *партнера* хазарского кагана с целью обезопасить свои дагестанские владения от арабов и получить возможность отвлечь основные силы на другой “фронт”. Следовательно, уже в конце 664 г хазарам пришлось решать какую-то сложную политическую проблему, потребовавшую полной мобилизации их военных сил.

Реконструировать ситуацию на основе имеющихся у нас источников можно только приблизительно. В 662 г после отъезда Константа II на Сицилию и резкой активизации арабов хазары почувствовали себя лишенными византийской поддержки в Закавказье и сделали попытку захватить принадлежащую на тот момент Византии Албанию. Джуаншер отразил набег, продолжить же войну хазарам, по иронии, не удалось из-за неожиданного похода арабов на алан, совершенного, скорее всего, в рамках общей антивизантийской кампании этого года. Сами лишившие себя главного союзника, а также потерпевшие поражения от албанцев и арабов, хазары оказались в ситуации, отдаленно напоминающей положение авар после поражения 626 г. Тогда, в 626–630 гг восстали лишенные веры в непобедимость авар зависимые племена каганата – славяне под предводительством франка Само, а также болгары. Поражения хазар 662 г, конечно, мало сравнимы с аварским 626 г, но вера в непобедимость хазар вполне могла зашататься даже после такого эпизода. Главным катализатором неприятностей стали “многочисленные, как песок у моря” болгары.

Если следовать распространенной версии о том, что “шегор вечем” болгарского “Именника” означает “год быка” и год смерти Курта, согласно восточному календарю, эта дата падает на 665 г. В таком случае, подготовка войны хазарами против болгар велась еще при жизни Курта и, скорее всего, должна была стать непосредственной *причиной* его гибели, о чем, правда, не упоминают источники, наоборот, передающие версию о *конflikте сыновей Курта* с хазарами. Хронология гипотетического конфликта в первом варианте будет такой: 662 г – восстание болгар; 665 г – поражение и смерть Курта; 668 г – второе восстание Аспаруха, его поражение и уход в Подунавье. Если все же следовать версии византийских авторов и намеку “Именника” на зависимый статус Курта, “шегор вечем”, т.е. 665 г, скорее, окажется датой объявления ханом Аспаруха, которую народная память слила воедино со смертью Курта.

Мы полагаем, что первый эльтебер болгар Курт действительно умер около 662 г. Его наследником закономерно назначили старшего сына – Батбаяна, но, вследствие каких-то внутренних разногласий, болгары пошли на нарушение установленного хазарами административного порядка и разделили союз на две части, одну из которых возглавил Аспарух. Судя по отнесению “Именником” Батбаяна к правителям болгар “с остриженными главами”, не он являлся источником смуты, а его брат Аспарух. Наверное, уже невозможно установить, в чем именно заключалась крамольность поведения Аспаруха: открытом непризнании власти хазар, неуплате дани, территориальном конфликте с соседними хазарскими родами, неподчинении какому-то приказу кагана и т.д. В любом случае, причина не замыкалась на самом Аспарухе, а затрагивала интересы всего племени, иначе после поражения от хазар большинство родов не пошли бы за Аспарухом на далекий Дунай, а остались бы в Прикубанье с Батабаяном.

Готовя поход 664 г в Албанию, хазары, похоже, уже планировали свой уход из Прикаспия. Их договор с Джуаншером был направлен не на кратковременный отвод войск, а на долгосрочное сотрудничество с целью недопущения арабских походов в Дагестан. Интересно, что северным соседом Джуаншера становилось “царство гуннов” во главе с еще одним зятем кагана – Алп-эльтебером. Судя по данным Мовсэса Дасхуранци, титул эльтебера, т.е. полномочия полусамостоятельного правителя, “великий князь гуннов” Алп получил одновременно с браком (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.127, 128). Решение кагана в данном случае носило политическое значение и вряд ли сводилось только лишь к “любви хакана” к Алпу. Похоже, браками своих дочерей с Джуаншером и Алпом, а также наделением вождя “гуннов” Дагестана титулом и полномочиями эльтебера каган преследовал четкие цели укрепления позиций каганата в Западном Прикаспии не путем ужесточения своей власти, а наоборот, обретением преданных, но почти независимых союзников. Сомнительно, чтобы такая серьезнейшая подготовка велась всего лишь к обычной войне с булгарами на Кавказе – скорее, в декабре 664 г каган уже принял решение о преследовании Аспаруха и захвате Северного Причерноморья. Полностью отдавая себе отчет в том, что такая акция ослабит позиции хазар в Прикаспии, каган и решил сделать своими личными союзниками и зятьями Джуаншера и Алп-эльтебера. И, следует признать, эта политика себя в целом оправдала. Вряд ли в 666 г Джуаншер предал хазар – скорее всего, он *знал*, что на помощь хазар в случае вторжения арабов рассчитывать нельзя ввиду их занятости войной на западе, поэтому и признал подданство Халифату до-

бровольно. Но арабские войска при этом не вошли в Албанию и не заняли стратегическую для хазар крепость Дербента. Это был несомненный политический успех Джуаншера, позволивший ему до смерти оставаться в приятельских отношениях с хазарами, и с арабами.

Хронология реконструируемых событий выглядит такой: 662 г – поражения хазар в Албании и Алании, смерть Курта, разделение болгарских племен между Батбаяном и Аспарухом; 664 г – вооруженный конфликт хазар с Аспарухом, уход племени в Северное Причерноморье; декабрь 664 г – поход хазар в Албанию, договор с Джуаншером; весна 665 г – уход хазар из Прикаспия, начало экспансии в западном направлении.

Одним из этапов этой экспансии стал захват византийского Боспора, но историческая ситуация вряд ли располагала к открытому конфликту хазар с Византией уже в 665–670 гг. В это время арабы не предпринимали на фронте серьезных действий, помешавших бы византийцам отреагировать на вторжение хазар в Крым. И только в 671–678 гг, когда арабы осадили Константинополь, византийцы оказались совершенно беспомощными перед набегами славян, болгар и хазар. Впрочем, захват хазарами степей Северного Причерноморья не обязательно сопровождался их немедленным вторжением и в византийские владения – в этой ситуации возможна поэтапность действий: 665–670 гг – появление и обоснование в причерноморских степях, 671–678 гг – вторжение в византийский Крым.

Судьба уннугундуров Аспаруха в этой модели выглядит такой: 664 г – поражение от хазар, уход в Северное Причерноморье; 665 г – появление первых отрядов хазар в Приазовье и Причерноморье, уход болгар в “Онгл”; 675–679 гг – начало sporadических набегов во Фракию; 680 г – экспедиция Константина IV против болгар, его поражение и масштабное вторжение болгар во Фракию; 681 г – заключение болгаро-византийского договора, полное переселение уннугундуров Аспаруха во Фракию.

Этнополитическая ситуация в степях Восточной Европы кон.VII в. Картину восточно-европейской степи кон.VII в. можно представить благодаря двум географическим сочинениям – “Армянской географии” и “Космографии” Равеннского Анонима.

“Ашхарауц” – “Описание Земли” или “Армянская география” (Патканов К.П., 1877; 1883) – известна в двух списках, авторство одного из которых ныне отдают Анании Ширакаци. К.П.Патканов считал начальной краткую редакцию, а пространную – созданной на ее основе другим автором (Патканов К., 1883, с.23). К.Цукерман, наоборот, предполагает, что более ранняя пространная редакция, а краткая была создана позже самим же

Ананией (Цукерман К., 2001, с.325). Мы не исключаем, что краткая редакция действительно могла быть создана на основании пространной, но только не на основе известного нам *списка*, включающего множество ремарок-замечаний и дополнений, характерных именно для редактируемых текстов. Ремарки же этого редактора представляют для нас исключительный интерес. В то время как редактор краткой версии локализует во Фракии только славян, готов и византийцев, редактор пространной версии уже знает о завоевании Фракии “Аспархруком”, сыном “Хубраата”, “бежавшем от Хазар с гор Булгарских и прогнавшим авар на запад” (Патканов К., 1883, с.25, 26). Эта ремарка однозначно сделана около 681 г, еще “по горячим следам” событий. Автор или редактор краткой версии об этом не знал, не интересовали его и подробности расселения кочевнических племен Восточной Европы, из которых он упоминает только “гуннов” к северу о Дербента, “басилов” (берсилов) в дельте Волги, а также хазар и “бушхов” (башкир?), отмечая: “Царь Севера называется Хаган. Он владыка Хазар. Царица же, жена Хагана, происходит из рода Басилов” (Патканов К.П., 1877, с.36–38). В пространной редакции информация и детальнее, и разнообразнее. Редактор располагает к северу от р.Кубани “народы Турков и Болгар, которые именуется по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор Блкар – пришельцы, Чдар-Болкар”, упоминая также о Гиппийских горах, с которых “бежал сын Худбадра”. В дельте Волги автор локализует “баслов” (берсилов), к которым “приходят на зимние пастбища и располагаются на восток и на запад от реки” “сильные народы Хазар и Бушхов”. “К северу (от Дербента) близ моря находится царство Гуннов, на западе у Кавказа город Гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр (Семендер). К востоку живут Савиры до реки Талта (Атль), отделяющей азиатскую Сарматия от Скифии, то же что Апахтар или Туркестан. Царь их называется хаган, а царица, жена хагана, хатун” (Патканов К., 1883, с.29–31).

Общими сюжетами обеих редакций “Географии”, заимствованными из первоначального источника, являются рассказы о “царстве гуннов”, о взаимоотношениях хазар, берсилов и “бушхов” в районе дельты Волги и локализации “Туркестана” к востоку от Волги. Можно согласиться с К.Цукерманом, что редактор краткой версии изменил фразу пространной редакции о хагане – правителе Туркестана на соответствующее новым политическим реалиям “владыка хазар” (Цукерман К., 2001, с.329), но и пространная редакция, по сравнению с начальным сводом и краткой редакцией, сообщает новые исторические подробности, а именно: о расселении тюрков к северу от Кубани рядом с булгарами. Последнее явно не случайно указывается источником

вместе с упоминанием о бегстве “сына Худбадра”, т.е. связывается с *последствиями* болгаро-хазарского конфликта. Краткая редакция об этом конфликте еще не знает, о чем ярко свидетельствует ее описание Фракии, т.е. составлена она до 680 г, но не ранее 60 г VII в., поскольку ее редактор уже информирован о падении Западнотюркского каганата и о том, что в его время “царь севера хаган” остался всего лишь “владыкой хазар”, а не всего “Туркестана”. Еще к более раннему времени может относиться начальный свод “Ашхарацуиц”, где о Западнотюркском каганате еще говорилось как о реалии, но, по мнению А.П.Новосельцева, сведения “Географии” о “Туркестане” заимствованы из персидских источников (Новосельцев А.П., 1990, с.82), действительно более ранних, чем “Армянская география”. К раннему пласту известий А.П.Новосельцев относит и упоминание пространной редакции о савирах (Новосельцев А.П., 1990, с.82).

Данные “Армянской географии” позволяют заключить, что состоянием на 80 г VII в. в восточноевропейской степи произошли изменения, прямо связанные с хазаро-булгарским конфликтом. Его следствием стал захват земель булгар-унногундуров Аспаруха тюрками – “хазарами”, которые теперь расселились не только в непосредственной близости низовий Волги, но и к северу от Кубани. О Северном Причерноморье армянские географы, к сожалению, информацией не владели, поэтому население этого региона ими разделяется не более, чем на “христиан” и “язычников” (Патканов К., 1883, с.27).

Около 700 г западноевропейский географ из Равенны, составивший “Космографию”, также уже знал о стране Хазарии. Согласно Анониму, на картах хазар располагают (точнее, *ascribitur* – “надписывают”) в “десятом часу ночи”, между Меотийскими болотами и “пустынной” или “древней” Скифией (Подосинов А.В., 2002, с.181). Далее в рукописях “Космографии” утверждается, что “Великой Скифией” называют саму Хазарию, но порядок предложений Й.Шнетц и А.В.Подосинов здесь считают перепутанным (Подосинов А.В., 2002, с.191, 246). Особых противоречий в тексте на самом деле нет. Пытаясь совместить разновременную информацию на одной карте, Аноним не мог не осознавать, что названия стран со временем претерпевают изменения, поэтому отождествление “Великой Скифии” с “Хазарией” на рубеже VII-VIII вв. имело все основания. Сама Хазария локализуется в “Космографии” в Европе ниже “Океана” и “Римфейских гор”, из которых вытекает Танаис: *Item ponitur in locis planitiis longe lateque nimis spatiosissima [patria] que dicitur Chazaria ... per quam Chazirorum patriam plurima transeunt flumina, inter cetera fluvius maximus qui dicitur Cuphis* (Подоси-

нов А.В., 2002, с.191) – “Также расположена в равнинной местности в длину и ширину чрезвычайно обширная [страна], которая называется Хазария ... Через эту страну Хазиров протекают очень много рек, среди прочих большая река, которую называют Куфис”. Ниже Хазарии упоминаются Лазия и Абсилия, причем Лазия, по Анониму, уже располагается в Азии, хотя границу Азии и Европы он проводит по линии Боспора (Подосинов А.В., 2002, с.191). Если согласиться с перестановкой предложений Й.Шнетца и А.В.Подосинова, окажется, что Хазарию нужно рассматривать как небольшое образование, расположенное вплотную к Меотиде так, чтобы к востоку от нее до Волги еще могла поместиться обширная “пустынная Скифия”. Если же следовать буквально тексту “Космографии”, Хазария должна находиться южнее Среднерусской возвышенности, севернее Кавказского хребта, к востоку от Азовского моря и западнее Волги. Судя по контексту, к числу рек Хазарии должен относиться и Дон, но о проживании хазар к западу от Дона источник не знает. Это и не удивительно, учитывая, что вся информация Анонима о землях “девятого часа ночи” восходит к Иордану, Страбону, Порфирию, Ливанию и Евтропию, вследствие чего в Северном Причерноморье “Космография” знает только амазонок и “страну Дарданию”, почему-то не только перенесенную к востоку от Дуная, но и растянутую до Приазовья (Подосинов А.В., 2002, с.181, 194, 195, 215). Совершенно ясно, что автор просто не обладал современной ему информацией о Северном Причерноморье, а возможно, также исходил из ошибочной локализации “Великой Скифии”, располагая ее фактически к востоку от Меотиды. В последнем случае реальные границы Хазарии, тождественной, по мнению Анонима, “Великой Скифии”, должны распространяться и на Северное Причерноморье, т.е. соответствовать информации греческих источников о захвате хазарами этого региона около 679 г. С другой стороны, соседство Хазарии на востоке с обширной “пустынной Скифией” может также восходить к пониманию Скифии как “Апахтарк” или “страны Турков” “Армянской географии” (Патканов К., 1883, с.31, 32). В таком случае восточной границей Хазарии действительно оказывается Волга, служившая в “Ашхарацуиц” границей между Азиатской Сарматией и Скифией, а у Равеннского Анонима – крайней западной границей “Великой Скифии”, тождественной “Хазарии”.

Представления автора “Космографии” о “Скифии” или “Скифиях”, конечно, крайне путаны, поэтому строить на них заключения о локализации Хазарии довольно опасно. Несомненно другое – уже около 700 г в Западной Европе хорошо знали об обширной стране хазар, располагавшейся от

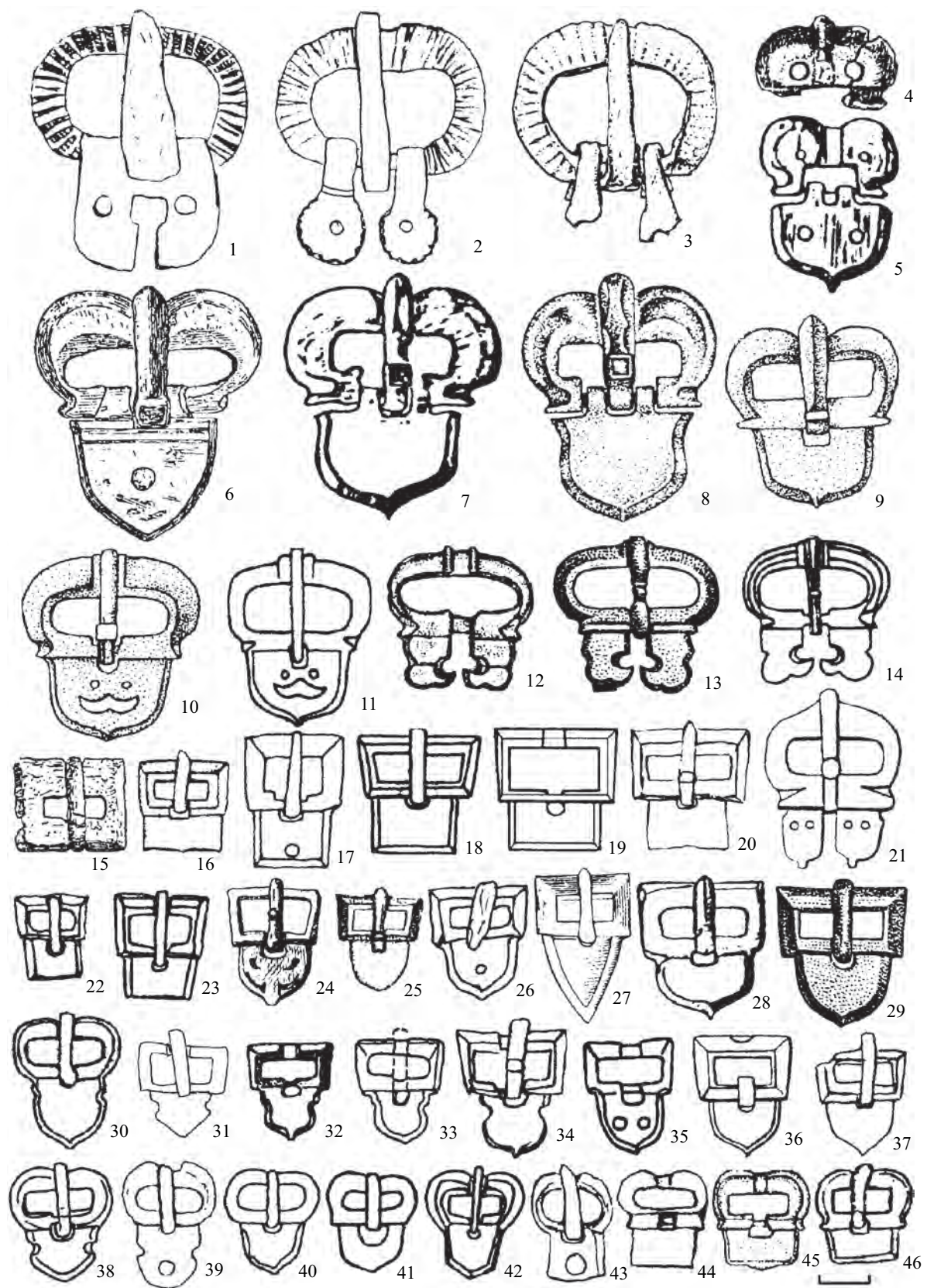

Рис. 45. Пряжки: 1, 37 – Васильевка, к.2, п.1; 2 – Белозерка, к.2; 3, 4 – Малаи; 6, 15 – Иловатка; 5, 7, 28 – Чапаевский; 8 – Чебугол; 9, 10 – Крупской; 11 – Рябовка, п.2; 12, 30, 46 – Дымовка; 13, 29 – Костогрызово; 14 – Епифанов; 16 – Портовое; 17 – Зиновьевка; 18, 33, 35, 38, 40, 41 – Виноградное (18, 33, 35, 40, 41 – к.5; 38 – к.35); 19 – Арцибашево; 20, 39, 43, 44 – Христофоровка (20, 39, 43 – к.7, п.12; 44 – к.7, п.7); 21, 31 – Бережновка, к.1, п.7; 22, 32, 34 – Сивашовка; 23, 42 – “Царский курган”; 24 – Вознесенка; 25 – Келегеи; 26 – Богачёвка, к.8, п.12; 27 – Авилковский; 36 – Аккермень; 45 – Рисовое, к.2, п.10.

Fig. 45. Buckles: 1, 37 – Vasilievka, barrow 2, burial 1; 2 – Belozerka, barrow 2; 3, 4 – Malai; 6, 15 – Ilovatka; 5, 7, 28 – Chapaiievskii; 8 – Chebugol; 9, 10 – Krupskoi; 11 – Ryabovka, burial 2; 12, 30, 46 – Dymovka; 13, 29 – Kostogryzovo; 14 – Yepifanov; 16 – Portovoie; 17 – Zinovievka; 18, 33, 35, 38, 40, 41 – Vinogradnoie (18, 33, 35, 40, 41 – barrow 5; 38 – barrow 35); 19 – Artsibashevo; 20, 39, 43, 44 – Khristoforovka (20, 39, 43 – barrow 7, burial 12; 44 – barrow 7, burial 7); 21, 31 – Berezhnovka, barrow 1, burial 7; 22, 32, 34 – Sivashovka; 23, 42 – “Tsarskii kurgan”; 24 – Voznesenka; 25 – Kelegei; 26 – Bogachyovka, barrow 8, burial 12; 27 – Avilovskii; 36 – Akkermen; 45 – Risovoie, barrow 2, burial 10.

Приазовья до Волги и включающей Прикубанье – бывшую “Оногорию”.

События 664-681 гг закрепили новую этно-географию юга Восточной Европы. Изгнанные со своих земель болгары Аспаруха обосновались во Фракии, а отколовшаяся от его племени часть – “огхондор-блкар-пришельцы” “Армянской географии” – осталась на Северном Кавказе, но сменила место проживания, что, вероятно, вызвало определенные территориальные перераспределения и у части болгарских племен, оставшихся под властью Батбаяна. Судя по данным “Армянской географии”, основная часть болгарских племен осталась на своих землях к северу от р.Кубани, но в этой зоне появилось и новое население – тюрки-“хазары”, занявшие, в первую очередь, прежние земли племени Аспаруха. К сожалению, армянские и западноевропейские географы кон. VII в. были слабо информированы о ситуации в Северном Причерноморье, но, согласно греческим и более поздним еврейско-хазарским источникам, до 679 г вся степная зона вплоть до Дуная была захвачена хазарами, вторгшимися также в Крым и захватившими византийский Боспор.

Историческое значение объединения Курта.

Находясь с 568-570 гг под властью Тюркского каганата, а позже Западнотюркского, болгарские племена были долгое время лишены самостоятельности в управлении. “Тюркютский” период их истории ознаменовался ликвидацией обособленности отдельных племен, включенных в единую административную область под управлением тюркютского тудуна. Тем не менее, такая форма управления не нарушала внутренней структуры организации болгарских племен, не навязывала тюркютских социальных институтов, а в более широком смысле – тюркютских обычаев и культуры.

Образование в 632 г Хазарского каганата, вероятно, не сразу отразилось на положении болгар. Только в 50-60 гг VII в. внутренняя реформа в ка-

ганате дала нескольким наиболее крупным племенным союзам зависимого тюркского населения Северного Кавказа собственных правителей – эльтеберов. Для болгар получение первого эльтебера, которым стал Курт (602-662 гг) из рода Дуло, стало несомненным прогрессом. Вместо административной области под управлением тудуна на карте Хазарского каганата появилось довольно крупное племенное объединение болгарских племен во главе с собственным вождем, подчинявшимся уже только напрямую кагану и проводившим полностью самостоятельную внутреннюю политику. В исторических событиях 2-й пол. VII в. на Северном Кавказе как полусамостоятельные объединения также вновь начинают упоминаться аланы и савиры (“гунны”). Сейчас трудно сказать, чем именно была вызвана реформа в Хазарском каганате, вернувшая самоуправление наиболее крупным зависимым племенам: давлением местной знати на серьезно ослабевших после раскола и образования собственного каганата тюркютов-“хазар” или же политическим расчетом хазар, заинтересованных в усилении “пограничных” зависимых племен в условиях возрастающей угрозы со стороны арабов. В любом случае, на примере савиров и алан эта политика себя оправдала.

Несмотря на то, что объединение болгарских племен Курта – “унногундуры” – было творением тюркютской (“хазарской”) администрации, его система управления, общественной и военной организации опиралась на собственные болгарские традиции, а не была заимствована у тюркютов. Единственное, что вряд ли было изменено, это тюркютская система налогообложения, но сам сбор податей уже переходил в компетенцию не тюркютского наместника-тудуна, а болгарского эльтебера.

Источники не имеют никакой достоверной информации о самостоятельной политической деятельности Курта. В сообщении Никифора о восста-

нии “Кувара” против кагана авар и его посольстве к византийскому императору именно эти факты и служат доказательством заимствования сюжета из “Чудес св. Дм. Солунского” о Кувере – вожде зависимого болгарского населения Аварского каганата. Остальные источники не знают ни о каком восстании болгар на Северном Кавказе и даже не упоминают местных болгар до эпизода болгаро-хазарского конфликта. Согласно “Именнику” болгарских князей, Курт и Батбаян (Безмер) правили “с остриженными главами”, т.е. как зависимые правители (эльтеберы), первым же независимым “ханом сьобиги” стал Аспарух, приняв этот титул “в стране Дуная” (т.е. после ухода с Северного Кавказа, а не буквально, после захвата Фракии). Его конфликт с хазарами 664 г носил локальный, скорее всего, территориальный характер и не затронул основную часть болгар Батбаяна, как и раньше, сохранявшего унаследованный от отца титул эльтебера болгар.

Историческое значение объединения Курта состоит в образовании первого крупного племенного объединения болгар во главе с собственным правителем – эльтебером, подчинявшемся верховному сюзеру многих племен Северного Кавказа – кагану хазар. Получение самоуправления в рамках Хазарского каганата уже было серьезным достижением болгар. Оно заложило основы собственной системы управления, дальнейшее развитие которой вылилось в образование независимого Болгарского ханства на Дунае. Появление последнего трудно назвать “логическим следствием” развития объединения Курта. Речь, скорее, идет о совпадении ряда обстоятельств, которыми сумела великолепно воспользоваться незаурядная “пассионарная” личность – сын Курта Аспарух, сумевший превратить поражение от хазар и изгнание из родины в блестящую победу над византийцами и обретение “новой родины” на Дунае.

Раздел 3. Дипломатические отношения Византии и кочевников Восточной Европы кон. VI – нач. VIII в.

Анализ византийских изделий и монет из самого перещепинского комплекса, а также других комплексов перещепинской культуры свидетельствует о тесных отношениях рассмотренной нами группы кочевников с Византией на протяжении большого периода с кон. VI до нач. VIII в. На каких принципах строились эти отношения? С какими историческими событиями они связаны? Наконец, какие исторические народы были в них задействованы?

3.1. Принципы дипломатии

Шаблонный образ Византии в археологических работах, посвященных исследованию истории и культуры “варваров”, довольно выразительно отражает ситуацию “абберации дальности”. В вопросе дипломатических отношений Византию обычно представляют как некую безликую супердержаву, поддерживающую постоянные контакты со всеми окружающими народами, подвергающуюся постоянным грабежам варваров, но, тем не менее, одновременно безболезненно тратящую огромные средства на ежегодные денежные выплаты и подарки варварам. Отдельные факты в этом стереотипе сливаются в закономерности, отдельные события превращаются в постоянный процесс, а конкретная событийная история замещается общей исторической моделью.

К сожалению, при интерпретации комплексов перещепинской культуры чаще всего исследователи обращались именно к *моделям* отношений византийцев и варваров, а не к анализу конкретных *событий*. Сделав безусловно верный вывод о том, что перещепинские вещи I группы – не работа византийской мастерской по заказу кочевников, а дипломатические дары, З.А.Львова тут же предполагает, что “снабжение варварских предводителей сбруей, поясами и оружием стало своего рода политическим обычаем Византии” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.71), и что такие дипломатические дары “в избытке получали от Византии аварские каганы вплоть до 70-х годов VII в.” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.137). Так ли проста эта ситуация? Действительно ли византийцы так охотно одаривали варварских правителей и именно таким составом даров? Перед нами предстает проблема, настолько же сложная, как и сама история дипломатических отношений Византии с кочевниками, несомненно, нуждающаяся в отдельном историческом исследовании со стороны византинистов¹⁶. Мы же можем предложить вниманию читателей только краткий обзорный исторический очерк.

Начало формирования традиций дипломатического общения Византии с кочевниками, пожалуй, можно отнести к первым контактам Восточной Римской империи с гуннами, носивших характер вербовки федератов для войны с готами. Далее уже сама империя нуждалась в защите от гуннов, вследствие чего начались регулярные выплаты дани в виде “подарков”, а также обмен посольствами. Если во времена Руи встречи происходили на пограничной территории, то во время правления Атилы восточно- и западноримские посольства прибывали уже непосредственно в ставку гуннов,

¹⁶ В настоящее время эта проблема специально изучается Е.Н.Нечаевой.

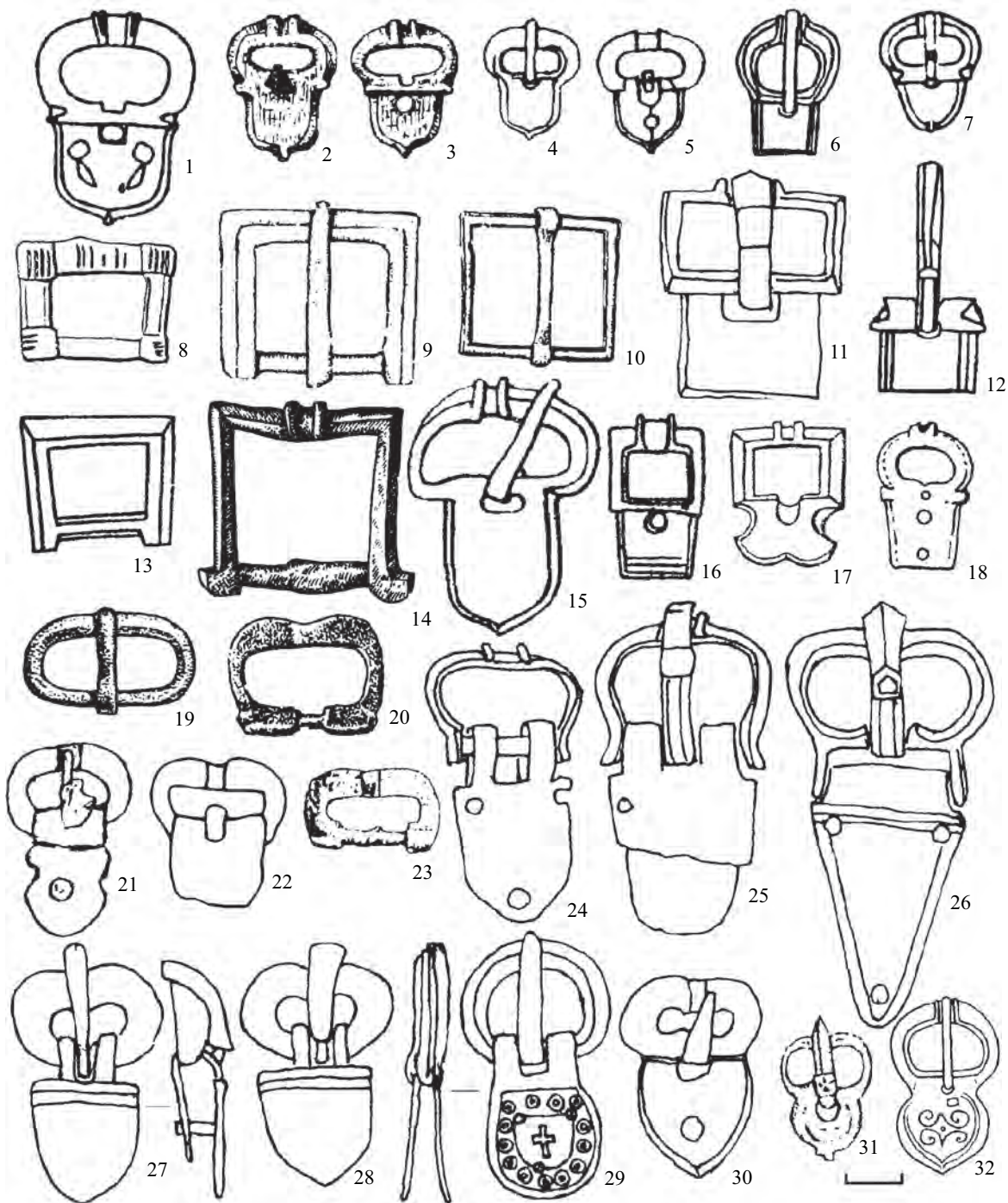

Рис. 46. Пряжки (продолжение): 1, 6, 12, 13 – “Царский курган”; 2, 3 – Изобильное; 4, 5 – Калининская, к.30, п.3; 7 – Епифанов; 8 – Арцибашево; 9 – Келегеи; 10 – Новые Санжары; 11, 24-26, 31 – Перещетина; 14 – Ясырево II, к.1; 15, 17 – Вознесенка; 16 – Мокрая Балка; 18 – Чир-Юрт; 19 – Костогрызово; 20 – Родионовка; 21 – Христофоровка, к.7, п.7; 22 – Черноморское; 23 – Ковалёвка; 27, 28 – Наташино, к.16; 29 – Богачёвка, к.9 п.5; 30 – Октябрьское; 32 – Директорская Горка, п.5.

Fig. 46. Buckles (continuation): 1, 6, 12, 13 – “Tsarskii kurgan”; 2, 3 – Izobilnoie; 4, 5 – Kalininskaia, barrow 30, burial 3; 7 – Yepifanov; 8 – Artsibashevo; 9 – Kelegei; 10 – Novyie Sanzhary; 11, 24-26, 31 – Pereshchepina; 14 – Yasyrevo II, barrow 1; 15, 17 – Voznesenka; 16 – Mokraia Balka; 18 – Chir-Yurt; 19 – Kostogryzovo; 20 – Rodionovka; 21 – Khristoforovka, barrow 7, burial 7; 22 – Chernomorskoie; 23 – Kovalyovka; 27, 28 – Natashino, barrow 16; 29 – Bogachyovka, barrow 9 burial 5; 30 – Oktiabrskoie; 32 – Directorskaia Gorka, burial 5.

причем варвары даже разработали целую систему сопровождения и постоя послов. Не менее четкой выглядела и система одаривания гуннов: дары получали наиболее влиятельные лица в варварском “государстве”, их послы, а также все лица, в помощи которых были заинтересованы греки. Но то, что “работало” в случае с гуннами, нельзя было механически переносить и на других кочевников. Это ярко показал эпизод с акацирами, когда ошибка в определении рангов акацирских вождей при раздаче даров обернулась полным провалом посольства, в результате чего вместо союзника Византии против гуннов, акациры стали новыми подданными Атилы (Латышев В.В., 1948, с.252). Соблюдение рангов для кочевников было всегда важной деталью, поэтому, например, отправляясь с посольством к командующему войсками хазар в 629 г Шату, албанский католикос Виро заранее расспросил у хазар “об именах вельмож и князей, воевод и полководцев, начальников каждого племени их войска, о высоком или низком их положении, чтобы знать, какие подарки им поднести. Он разделил подарки по именам их, сделал на них надписи и опечатал их” (Моисей Каганкатвацци, 1861, с.124, 125).

Удачнее, чем в гуннское время, политику “разделяй и властвуй” византийские дипломаты реализовали позже с утигурами и кутригурами (Дестунис С., 1860, с.323, 324; Прокопий Кесарийский, 1993, с.353) и, на первых порах, с аварами, используя их против враждебных Византии кочевников и славян (Дестунис С., 1860, с.320, 321, 432, 433). Но знакомство с каждым новым народом нужно было начинать с нуля, серьезно рискуя жизнями послов, как показывают примеры убийства аварами антского посла Мезамира (Дестунис С., 1860, с.324, 325), арест византийского посольства Эльпидия и Коментиола аварами (Феофилакт Симокатта, 1996, с.18) и задержание посольства Валентина тюркютами (Дестунис С., 1860, с.418-422).

Изучение варварского этикета, обычаев, манеры ведения беседы, эстетических вкусов и т.д. было обязанностью каждого посольства. Основываясь на этих наблюдениях, строилась линия поведения послов, определялись состав и количество даров, порядок и способ их раздачи. Свои наблюдения послы обычно записывали, чтобы их можно было использовать позже другим посольствам. Показательно, что в X в. по инициативе Константина Багрянородного была создана даже специальная энциклопедия “Извлечения о послах”, представлявшая собой объемную хрестоматию отрывков из книг античных и византийских писателей (Левинская И.А., Тохтасев С.Р., 1991, с.313).

Аваро-византийские дипломатические отношения в целом довольно неплохо описаны источ-

никами до 626 г, поэтому о характере посольств можно сложить общее впечатление. Во-первых, несмотря на наличие договоренностей об ежегодной выплате дани, византийские посольства к аварам не были регулярными, поскольку дань получали наоборот аварские послы. Все описанные случаи византийских посольств касаются чрезвычайных ситуаций, связанных обычно с военными событиями. Аварский каган принимал послов всегда на выезде из основной ставки. Возможно, такое впечатление создается только благодаря состоянию источников, но более вероятно все же, что авары сознательно не пускали греков глубоко внутрь каганата и намеренно не выдавали центры расположения главных ставок своих вождей. Иначе трудно объяснить, почему византийские источники не знают практически ничего о внутренних областях каганата, о его структуре, политических центрах, об обычаях авар и даже имен аварских каганов, кроме Баяна. Наконец, гораздо чаще, чем о посылке даров аварам, источники упоминают об одаривании аварских послов, специально являвшихся в Константинополь под разными предлогами получить дары для себя и кагана.

Первое серьезное посольство византийцев (Валентина) к аварам везло в качестве подарков “цепочки, украшенные золотом, и ложа, и шелковые одежды, и множество других вещей” (Дестунис С., 1860, с.323). Расположенным еще на Северном Кавказе аварам греки, в первую очередь, везли вещи, но сразу же после их переселения в Малую Скифию дары стали преимущественно денежными. Менандр упоминает о том, что аварские посольства немедленно меняли полученные деньги на нужные им вещи (Дестунис С., 1860, с.327, 324; Левинская И.А., Тохтасев С.Р., 1991, с.323). Но далеко не все вещи были для византийцев желанным предметом экспорта. Прокопий Кесарийский (НА, XXV, 4) упоминает о специальной таможне у Босфорского пролива, следившей, “не вывозится ли к поселившимся у Понта Эвксинского варварам что-нибудь из недозволенного к вывозу из земли римлян к варварам”; одним из таких предметов контроля, причем не только на вывоз, но и ввоз, было оружие (Прокопий Кесарийский, 1993, с.399). Специально изданная Юстинианом после восстания Ника новелла 85 Юридического кодекса жестко ставила под контроль производство и продажу оружия в Византии. Согласно закону, все оружие должно было соответствовать четким нормам и сдаваться в государственный арсенал, а производилось оно преимущественно государственными мастерскими под руководством магистра оффиций. Ремесленники-оружейники не имели права покинуть корпорацию, для подкрепления чего им даже выжигались на руках клейма-стигматы (Чекалова А.А., 1986).

Несмотря на это, частные ремесленники, вероятно, пытались нарушать это постановление и втайне продавать оружие “на сторону”. Как показывает эпизод 562 г, положивший, по мнению Менадра, начало войнам Византии с аvaraми (Дестунис С., 1860, с.327), аvarы все-таки где-то смогли купить оружие и попытались вывезти его из империи. Но запрет на вывоз аvarами византийского оружия существовал даже с начального, союзнического этапа византийско-аварских отношений, тем более невозможной была продажа и изготовление оружия для аvar византийскими мастерами после начала долголетнего военного конфликта. Наоборот, в противостоянии вооружений византийцы даже сами пытались заимствовать аварский сложносоставный лук (Pohl W., 1992, S.19).

Вооружение всегда, даже в раннем средневековье, являлось предметом, оберегаемым от взоров потенциальных противников, а технология его изготовления так же, как и сейчас, представляла собой “военную тайну”. Показательно в этом плане сообщение Гильома де Рубрука, побывавшего в ставке монгольского хана, прошедшего всю страну монголов туда и обратно, и после этого, уже в Кавказских горах, получив, в виду опасности от алан, в сопровождение 20 татар, неожиданно замечаящего: “я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим” (Рубрук Г., 1997, с.181). Так же, как западноевропейские послы к монголам строго оберегали информацию о сухопутных дорогах Европы, опасаясь выдать кочевникам пути нападения в свои страны, так же и монголы строго охраняли от глаз чужеземного посольства свои “военные тайны”.

Дипломатические отношения Византии с аvarами – тюркютами – были не менее сложными, хотя и гораздо более теплыми. Первым прибыло в 568 г в Константинополь посольство тюркютов “с письмами, приветствиями и подарками, состоявшими из немалого количества шелка” (Дестунис С., 1860, с.373). Ответное посольство Зимарха также привезло дары Истеми-джабгу-кагану, но о их составе Менадр не сообщает, упоминая только, что в числе ответных даров Истеми подарил Зимарху рабыню-киргизку (Дестунис С., 1860, с.379). Детальную информацию о византийских дарах тюркютам мы имеем только для событий 626-628 гг, когда созданная тюрко-византийская коалиция успешно действовала против персов. Начало союза положило посольство Андрея, пообещавшего, по словам “Истории страны Алуанк”, “насытить алчность златолюбивого, звериных нравов народа коносоцев” “великими и несметными сокровищами” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81). Другой источник этой албанской хроники словами Хосрова опи-

сывает византийские дары так: “золото и серебро, драгоценные камни или одеянья, расшитые золотом и жемчугами, “behez” и пурпуровые мантии” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.77, 79). При личной встрече джабгу тюркютов и Ираклия у Тбилиси, по словам Никифора, “Ираклий, сняв со своей головы венец, возложил его на голову турка; устроив для него пир, Ираклий даровал ему всю пиршественную утварь, императорские одежды и украшенные жемчугом серьги. Точно также император собственноручно украсил подобными серьгами и сопровождавших турка архонтов” (Чичуров И.С., 1980, с.159). Состав византийских даров тюркютам напоминает начальный этап аваро-византийских отношений – это преимущественно богатая одежда и личные украшения, а также ценные золотые и серебряные вещи. Небольшие монетные подарки, возможно, также скрываются под общим термином “золото”, но о специальных денежных выплатах источники не говорят ни слова.

Другая ситуация с аvarами. Военные поражения от аvar заставили византийцев ежегодно выплачивать огромные суммы денег в качестве дани, которую греки все еще пытались называть “подарками” (Pohl W., 1992, S.17, 18). Но кроме этого, аварские правители время от времени требовали от византийцев дополнительных даров, часто служивших не более, чем символами унижения “подданного” аvarам императора. Именно такими были прихоти кагана, потребовавшего от Маврикия сначала слона, потом золотое ложе и демонстративно отославшего эти подарки назад, как ненужные (Феофилакт Симокатта, 1996, с.13, 14).

Отношение самих греков к любым выплатам варварам было крайне негативным, о чем свидетельствуют эмоциональные пассажи Прокопия из “Тайной истории” (Прокопий Кесарийский, 1993, с.353, 382, 388). И даже союзное посольство франков 592 г. Маврикий, остро нуждающийся в поддержке, одарил богатыми подарками, но наотрез отказался от любых денежных субсидий франкам (Феофилакт Симокатта, 1996, с.162, 163). Как уже отмечалось выше, в Византии даже существовал запрет на вывоз золотой монеты из государства (Залеская В.Н. и др., 1997, с.20, 21), поэтому любые поступления византийского золота к кочевникам были либо *вынужденными* выплатами дани, либо “подарками”, преследовавшими определенные цели.

Мы хотим специально подчеркнуть – сотрясаемая внутренними переворотами и пандемиями, постоянными вторжениями варваров, а также тяжелейшими войнами с персами и арабами Византия VI-VII вв. не имела, пожалуй, ни одного года финансового благополучия и находилась еще далеко от средневекового образа “златообильной Визан-

тии”. Выплаты варварам ложились тяжелым бременем на казну и население империи, не говоря уже о том, что “наследниками Римской империи” они воспринимались как политическое унижение. Поэтому каждая конкретная выплата имела *серьезные основания*, а не объяснялась “традицией” снабжения варваров золотом.

Переговоры византийцев с варварами обычно происходили в атмосфере крайнего недоверия. Согласно стереотипу византийцев, все варвары чрезвычайно алчны и готовы на любой поступок ради денег и даров, а свою дружбу не дарят, а продают. Войны они завязывают без причины и завершают их, не заключая договоров, а подписав соглашение, не держат слова (Литаврин Г.Г., 2001, с.593). Варвары платили византийцам той же монетой, создавая образ “лживого, лукавого грека”, “употребляющего десять языков и один обман” (Дестунис С., 1860, с.418, 419). В результате, византийцы лучшим способом переговоров считали “покупку дружбы” варваров, что вполне устраивало и последних, так как никто особо не верил в искренность греков.

Чеканка специальной легковесной монеты для выплат варварам означала *целенаправленную подготовку к дипломатическому контакту*. Как отметил Дж.Смедли, ни один из варварских народов не был настолько изолированным от Византии, чтобы не отличить столь прозрачный обман, тем более, что легковесные монеты специально маркировались (Smeadly J., 1988, p.124). Кого же предупреждала маркировка солида? Однозначно аргиропратов-менял, находившихся в Византии на государственной службе. “Меченые” двадцатикаратные солиды служили маркером контрабандистов – нарушителей монополии государственной торговли с “нежелательными” варварами, которых заставляли отдавать товары и золото государственным торговым корпорациям по монопольным завышенным ценам. Подчеркнем еще раз тот факт, что ни в аварских, ни в восточноевропейских кочевнических погребениях, где найдены легковесные солиды, нет серебряной византийской монеты, служившей единицей торгового обмена византийских купцов от Пиренеев до Китая. Следовательно, *открытой торговли* между этими группами кочевников и Византией не существовало.

Если речь шла о дани, византийцы обычно ждали посольства от варваров, пытаясь одновременно до последнего оттянуть момент выплаты под различными предложениями. Получив же дань на руки, варвары ставились перед выбором: или обменять ее на товары тут же, в государственной таможне, по спекулятивному курсу, или же увезти золото с собой, зная, что “меченую” монету не примет в расчетах никто, кроме контрабандистов, также, разу-

меется, завышающих стоимость товара “за профессиональный риск”.

Когда монета чеканилась для подарков, инициатива посольства принадлежала самим византийцам. Полновесные монеты и вещевые подарки получали “дружеские” варварские послы во время приемов, а также варварская знать во время византийских посольств, поэтому здесь инициатива контакта менее определена. Зато в случае одаривания неполновесными монетами византийцы должны были быть совершенно уверены, что варвары не обнаружат этот факт немедленно, а следовательно, неполновесными солидами никогда не одаривали “дружеские” варварские посольства, да и выплаты ими делали только тогда, когда между Византией и указанными варварами не существовало открытых торговых отношений.

Рассматриваемые нами археологические следы выплат и подарков византийцев кочевникам могут быть данью, платой за нейтралитет или союз. В большинстве этих случаев инициатива посольств принадлежала византийцам, а следовательно, их причины нужно искать в общеполитической ситуации.

3.2. Византийские посольства

3.2.1. Денежные выплаты

В археологических комплексах восточноевропейских кочевников целый ряд эпизодов дипломатических контактов с Византией в VI – нач. VIII в. выделяется благодаря нумизматическому материалу (см.: раздел 2.2.4 части I).

Наиболее ранние монеты Юстиниана I в дипломатическом плане малоинформативны. Они могли попасть к интересующей нас группе кочевников от утигуров и савиров в качестве выплат дани или просто военной добычи, или же принадлежали тюркам, чьи предки участвовали в политических сношениях с византийцами в 60-70 гг VI в. Начинается же “фиксируемая” история контактов с Византией во время правления императора Маврикия.

Посольство Маврикия (582-602 гг). Полновесные солиды Маврикия – Тиберия могли, разумеется, поступить к кочевникам и с более поздними выплатами, но мы все же должны учитывать все варианты, а также то обстоятельство, что речь идет об официальных дипломатических отношениях, в которых правящие императоры предпочитали использовать все же монеты со своими изображениями. Также позднее мог быть подарен и серебряный перешепинский рукомойный прибор из ковша и кувшина с клеймами этого периода (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.3, 4), поэтому реконструируе-

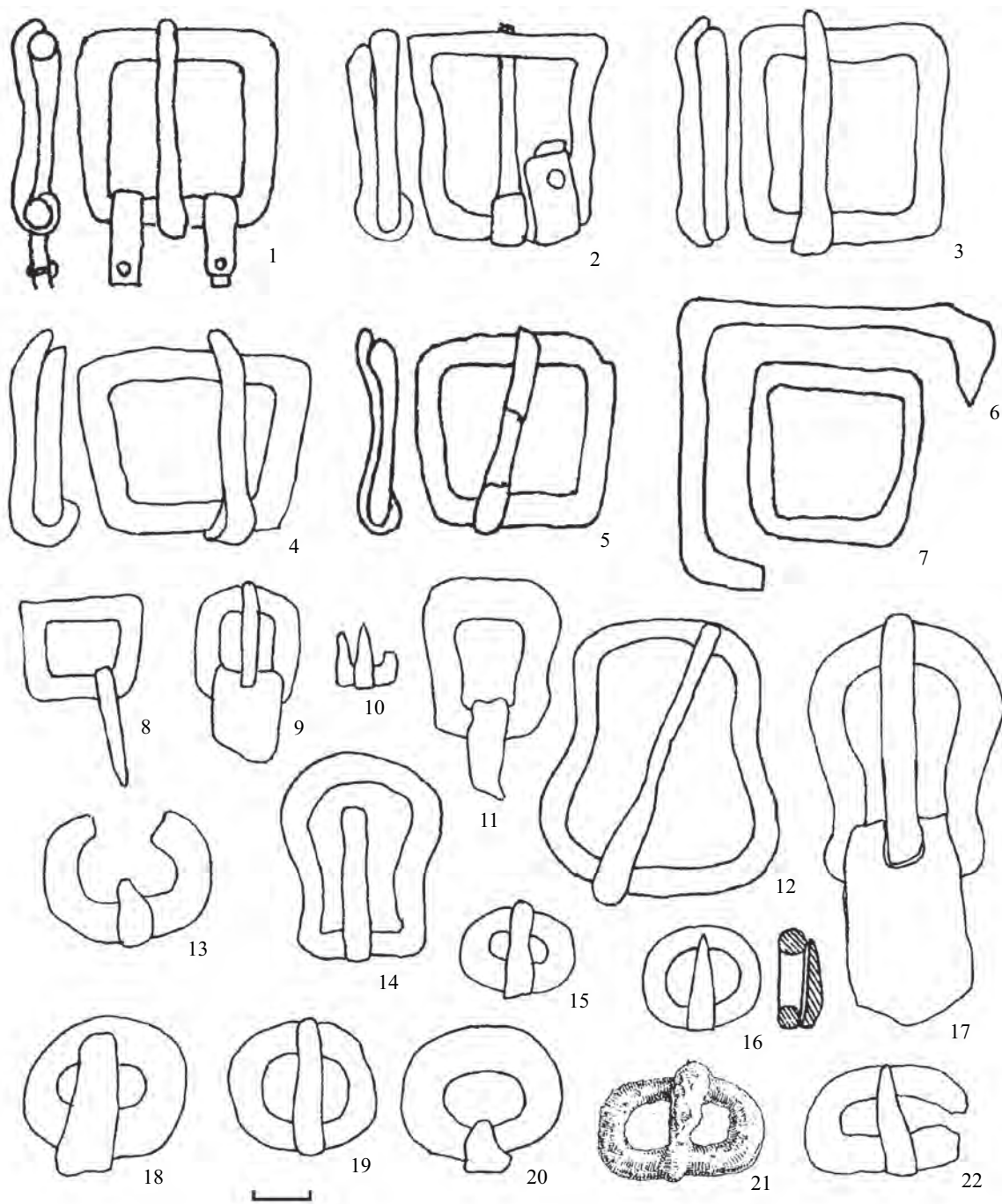

Рис. 47. Железные пряжки: 1, 3 – Заплавка; 2, 4, 5, 8, 12 – Вознесенка; 6, 7 – Глодосы; 9, 15, 19 – Наташино, к.17; 10 – Старонизхестеблиевская; 11, 20 – Калининская (11 – к.30, п.3; 20 – к.4, п.10); 13 – Малая Терновка, к.24, п.3; 14, 17 – Уч-Тепе; 16 – “Царский курган”; 18 – Портовое; 21 – Аджиголь; 22 – Васильевка, к.2, п.1.

Fig. 47. Iron buckles: 1, 3 – Zaplavka; 2, 4, 5, 8, 12 – Voznesenka; 6, 7 – Glodosy; 9, 15, 19 – Natashino, barrow 17; 10 – Staronizhesteblievskaia; 11, 20 – Kalininskaia (11 – barrow 30, burial 3; 20 – barrow 4, burial 10); 13 – Malaia Ternovka, barrow 24, burial 3; 14, 17 – Uch-Tepe; 16 – “Tsarskii kurgan”; 18 – Portovoie; 21 – Adzhigol; 22 – Vasilievka, barrow 2, burial 1.

мое византийское посольство периода Маврикия к рассматриваемой группе кочевников остается под вопросом.

Более уверенно о существовании дипломатических отношений с кочевниками Восточной Европы в это время говорят письменные источники. В 589 г Византия при посредничестве грузинского царя Гууарама заключила военный союз с тюркютами против Персии, следствием которого стало вторжение хазар в Албанию и Армению и тюркютов в восточные провинции Персии (Артамонов М.И., 2002а, с.158, 159; Гумилев Л.Н., 1993, с.125-132; Шагинян А.К., 2003, с.25-27, 135). Следующий контакт тюркютов с византийцами произошел в 600 г (или в 598 г, по Феофилакту Симокатте) (Кн. VII. 7-8), когда в Константинополь к императору Маврикию пришло посольство от Бёгю-кагана (Дату-хана или “Турксанфа”) сообщить, что уже престарелый каган западных тюркютов сумел вновь объединить Западный и Восточный каганаты. В этом случае византийцами могли быть одарены лишь послы Бёгю-кагана и сам каган, поэтому происхождение перещепинских монет и посуды времени Маврикия – Тиберия можно связать только с посольством 589 г. Судя по находке похожего солида вблизи Бухары (Кропоткин В.В., 1962, с.47), “отголоски” этой выплаты достигли и основного района расселения тюркютов.

Посольство Фоки (602-610 гг). Посольство времени Фоки реконструируется лишь благодаря двадцатикаратным монетам этого императора. Письменных упоминаний о нем нет, но в контексте исторических событий такое посольство выглядит вполне возможным.

Вступление Фоки на престол в 602 г, а точнее, убийство Маврикия, вернувшего в свое время престол персидскому шаху Хосрову II, вызвало закономерный разрыв византийско-персидского договора 591 г и означало новый виток войны на Ближнем Востоке. Стремясь обезопасить себя со стороны авар, Фока заключил в 604 г с ними договор, но, как уже упоминалось выше, монеты Фоки из аварских погребений и восточноевропейских кочевнических комплексов разные и не связаны с одной выплатой. С другой стороны, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в 603 г в войну с Персией вступил Западнотюркский каганат. Согласно “Истории епископа Себеоса”, тюрки пришли на помощь восставшим кушанам (История епископа Себеоса, 1939, с.58-60), но во всей этой истории нельзя полностью исключать и “руку” византийской дипломатии, особенно учитывая, что одновременно в 603-604 гг подняли восстание против персов и албанцы. В начавшейся с 604 г активной стадии войны Византии с персами позиции византийцев таяли с каждым днем, и Фока, вне всякого

сомнения, должен был попытаться искать помощи у тюрков. Но Западнотюркский каганат в это время сам переживал не лучшие времена, поэтому попытки византийских дипломатов вовлечь тюрков в новые военные действия против персов вряд ли имели шансы на успех. Если восстания кушан и албанцев 603 г, а также вмешательство тюрков в эти события были действительно скоординированы византийцами, то посольство к тюркам следует ожидать в 603 г.

Посольство Ираклия 613-628 гг. Широкая география распространения солидов Ираклия и Ираклия Константина 613-625 гг в кочевнических комплексах Восточной Европы делает весьма маловероятной их связь с одариванием Ираклием правителя “гуннов”, явившегося около 619 г в Константинополь вместе со своей семьей и свитой, да и возможно подобное путешествие всей верхушки племени со своими семьями разве что на очень близкое расстояние, т.е. из Подунавья. Следы одаривания подобного посольства следовало бы ожидать увидеть в наиболее богатых комплексах, в то время как в Перещепине монет этого времени нет вообще, а в Келегеях один из солидов легковесный, а другой – всего лишь подражание. Совстречаемость же солидов чеканки 613-625 гг и 626-628 гг в Чир-Юрте указывает, что они попали к этой группе кочевников (савирам), скорее всего, одновременно во время событий 625-628 гг. С этими же событиями могут быть связаны и находки из Киргизии и Таджикистана (Кропоткин В.В., 1962, с.46, 51).

Согласно источнику В Мовсэса Дасхуранци, в 625 г Ираклий “снарядил в путь одного из своих нахараров по имени Андрэ, мужа мудрого и одаренного, и отправил его [к тюркютам], обещая великие и несметные сокровища: “Лишь бы протянул мне руку в этом великом мщении, и я обязуюсь насытить алчность златолюбивого, звериных нравов народа косоносцев” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.81). Посольство Андрея оказалось успешным: ему удалось заключить союз с братом Тон-джабгукагана, и с разрешения самого кагана тот вместе со своим сыном в 627 г. вторгся в Закавказье на помощь Ираклию.

История действий союзников неоднократно разбиралась до деталей (Артамонов М.И., 1936, с.49-62; 2002а, с.164-169; Цукерман К., 2001, с.315-324). Нам важно отметить, что с эпизодами встречи Ираклия и джабгу тюркютов у Тбилиси 627 г и разграбления персидской столицы Дастакерта Б.И.Маршак и К.М.Скалон связали происхождение части перещепинских византийских сосудов, а также золотых сасанидских (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.21, 22) (Маршак Б.И., Скалон К.М., 1972, с.7-19; Залесская В.Н. и др., 1997, с.67, 68, 125, 126). Очевидно, опираясь на слова Феофана о том,

что тюркюты в персидском походе Ираклия непосредственно не участвовали, поскольку “разбежались”, Б.И.Маршак и З.А.Львова допускают, что золотая сасанидская посуда могла быть подарена правителю тюркютов Ираклием (Залеская В.Н. и др., 1997, с.92). Но, как продемонстрировал К.Цукерман (Цукерман, К., 2001, с.322-324), сведения Феофана неточны, и именно участие сорокатысячной армии тюркютов и позволило Ираклию столь легко занять персидскую столицу. Следовательно, происходящие из царской сокровищницы Сасанидов перещепинские сосуды кат.21 и 22 принадлежали шаду – командующему тюркютскими войсками и непосредственному участнику персидского похода.

Посольство Ираклия 629-632 гг. Существование этого посольства маркируют полновесные солиды Ираклия и Ираклия Константина 629-632 гг чеканки, а также перещепинские подарочные медальоны того же выпуска. З.А.Львова и Б.И.Маршак связывают это посольство с отсылкой Ираклием в 630 г своей дочери Евдокии к тюркютам (Залеская В.Н. и др., 1997, с.90). Согласно Никифору, во время совместной осады Тбилиси в 627 г Ираклий обручил свою дочь с джабгу тюркютов (Чичуров И.С., 1980, с.151, 160). Речь в тексте идет совершенно четко о *джабгу*, а не о его брате Тонджабгу-кагане. Вопреки скептицизму некоторых исследователей, этот брак был бы равным, так как именно младший брат Тонджабгу-кагана и являлся его преемником, т.е. потенциальным следующим каганом Западнотюркского каганата. В 630 г Евдокия, согласно обещанию, была направлена к тюркютам, но вернулась, поскольку по дороге посольство узнало о гибели жениха (Чичуров И.С., 1980, с.153, 161). Разумеется, византийцы не могли оставить тюркютов совсем без компенсации, поэтому часть состава посольства, на наш взгляд, продолжила путь и привезла сыну джабгу шаду подарки, в числе которых оказались и перещепинские медальоны. Судя по дате изготовления, с этим посольством вполне могло прийти и перещепинское блюдо с крестом (кат.5), но также вероятно и его отношение к более поздним подаркам (Залеская В.Н. и др., 1997, с.90).

Особенно интересной представляется находка золотого брактеата Ираклия и Ираклия Константина 630 г чеканки в Таджикистане (Кропоткин В.В., 1962, с.51). Похоже на то, что одновременно соболезнования в связи с гибелью брата и подарки были посланы Ираклием и самому Тонджабгу-кагану.

Посольство Ираклия 638-641 гг. Существование данного посольства несколько под вопросом, поскольку солиды Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона этого периода, по мнению И.В.Соколовой, могли прийти к кочевникам и позже, в виде

единой выплаты с монетами Константа II 643-646 гг (Залеская В.Н. и др., 1997, с.24). Но здесь важен другой факт – во 2-й пол. 638 г Ираклий отчеканил партию двадцатикаратных солидов, изготавливаемых, как мы убедились выше, в основном специально для выплат кочевникам Восточной Европы. Почему это произошло?

Согласно хронологии Никифора, на период 638-641 гг падает восстание “Кувара” (“Куврата”) против авар. Но даже приняв эту хронологию, мы все равно должны отбросить версию об одаривании “дружеского” варварского посольства двадцатикаратными солидами, поскольку послы могли немедленно убедиться в “жульничестве”, попытавшись что-либо купить у частных торговцев на эти деньги в Константинополе или на обратном пути. Двадцатикаратные солиды можно, конечно, было вручить послам как дар варварскому вождю в запечатанном кошеле, но сама версия о чеканке специального выпуска двадцатикаратных солидов ради одаривания вождя кочевников, самого пришедшего посольство и попросившего заключить с ним союз, выглядит слишком претенциозной и отражает “абerrацию дальности” исследователей-номадистов. Подготовиться к приезду посольства “Кувара” византийцам было невозможно, поскольку оно стало следствием неожиданного восстания против авар. Следовательно, вопрос одаривания “Кувара” решался уже *во время пребывания его послов в Константинополе*. Но изготовление партии монет – дело не столь быстрое. Сомнительно, конечно, чтобы для небольших легковесных выпусков изготавливались трудоемкие маточники – тут вполне можно было обойтись и несколькими чеканками, но сам смысл “экономии” на двадцатикаратных выпусках при небольшой партии монет просто терялся – византийцы явно хотели проследить контакты этой группы варваров, не допустив их, так же как и авар, к свободному торговому обмену. Довольно странное отношение к союзному вождю, наделенному Ираклием сенатским званием патрикия! Еще нелепее выглядит эта ситуация, если отождествить “Кувара” с Кубратом Иоанна Никиусского, ведь посылка “другу”, воспитанному при дворе, неполновесной монеты с запретом свободной торговли означала уже явный недружелюбный акт.

Скорее всего, двадцатикаратный выпуск солидов Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона 2-й пол.638 г чеканился независимо от событий в степи и предназначался для выплат, обусловленных важной государственной потребностью. Причины же для подготовки таких выплат в 638 г явно были. Война с, казалось бы, примитивными пустынными кочевниками-арабами складывалась для Византии крайне неудачно. Постаревший Ираклий доволь-

но инертно взирал на маневры арабов 635-636 гг, а после полного разгрома византийской армии на р.Йармук и потери Дамаска в 636 г, вместо того, чтобы лично возглавить новую армию, покинул Антиохию, предоставив разбираться с арабами своим полководцам и местному населению. В начале 637 г арабам сдался Иерусалим. Падение священного города христианского мира вызвало вялую попытку контрнаступления византийцев в нач. 638 г, но они вновь были разбиты при Ма'аррат Мисрин, и арабы вышли к Антиохии. Главный город Сирии на протяжении всех военных действий 634-638 гг представлял собой основной пункт сбора византийских войск, а в 638 г в нем сосредоточились остатки византийской армии и тысячи беженцев. Попытка остановить арабов на подступах к городу опять оказалась неудачной, и город был полностью блокирован. Не имея надежды на внешнюю помощь и средств для выдерживания длительной осады, в августе 638 г Антиохия сдалась (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.74-78; Кривов М.В., 2002, с.60-64). Не лучше дела обстояли у персов, которые в 637 г претерпели два серьезнейших поражения при Кадисии и Джалуле, потеряв столицу Ктесифон (Колесников А.И., 1982, с.86-101; Большаков О.Г., 2000, т.2, с.59-69). Дальнейшее продвижение арабов приостановилось из-за бездарности Мугиры, но весной 638 г новым наместником Басры был назначен Абу Муса, резко исправивший положение (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.86-91).

Во 2-й пол. 638 г, когда Ираклий отчеканил партию двадцатикаратных солидов, Византия и Персия находились в состоянии "нокдауна". Арабы двинулись в Северную Месопотамию, угрожая выйти к Армении, но до непосредственной угрозы Закавказью с этой стороны дело пока не дошло. Не было ее еще и со стороны Персии, но византийцы вполне могли расценить начало новых активных военных действий летом 638 г как предвестие ее скорого падения. Византии в этой ситуации отчаянно нужны были союзники, для "покупки дружбы" которых и была отчеканена партия легковесных солидов. Из кочевников же Восточной Европы единственной силой, которая могла в ближайшем будущем пригодиться против арабов, в конце 638 г были только "хазары", т.е. северокавказские тюркюты. Теоретически византийское посольство могли послать сразу же, не ожидая дальнейшего развития событий, но ситуация следующего 639 г склоняет нас к версии о том, что двадцатикаратные солиды Ираклия 638 г могли быть придержаны в казне до более удобного случая.

639 г дал Византии и Персии относительную передышку в войне с арабами. Причиной этого стали страшный голод и пандемия чумы, разразившиеся в арабских землях, а также в захваченных ими

Палестине, Ираке и Сирии. Голод начался в январе 639 г и длился до ноября (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.78, 79). Активность арабских войск серьезно упала и наступление в Джебзире, которое следовало ожидать уже в начале года, началось только в августе 639 г.

Ситуацией обоюдной слабости Византии и Персии неожиданно решили воспользоваться армяне. В византийской части Армении произошло восстание, в результате которого византийский ставленник ишхан Давит Сахратуни был свергнут, и обе Армении объединились под властью Теодороса Рштуни (Тер-Гевондян А.Н., 1977, с.23-25). Но оказать сопротивление арабам оказалось гораздо сложнее. Летом 640 г арабы, пройдя византийскую провинцию Осроену, вторглись и в "Четвертую Армению". Разграбив византийскую часть Армении и взяв штурмом ее главный город Двин, арабы беспрепятственно ушли с добычей. Это вторжение наглядно показало Теодоросу Рштуни бесперспективность попыток самостоятельной борьбы с арабами, следствием чего стал его союз с Византией (Тер-Гевондян А.Н., 1977, с.26).

Оценивая историческую ситуацию 638-640 гг, приходим к выводу, что единственным действительно важным поводом для посольства византийцев к северокавказским кочевникам могло стать только восстание армянских нахараров против Давита Сахратуни. В период кон. 639 – 1-й пол. 640 гг Византия не имела реальной возможности давления на Теодороса Рштуни, и помощь со стороны тюркютов-"хазар", уже вторгавшихся в Армению ранее в 589 и 630 гг, могла вполне оказаться полезной. Если двадцатикаратные солиды Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона 638 г. чеканки действительно поступили к кочевникам отдельной партией, то единственный удобный момент для этого – это 1-я пол. 640 г.

Посольство Константа II 643-646 гг. Гораздо более уверенно реконструируется византийское посольство, доставившее двадцатикаратные солиды Константа II 643-646 гг чеканки.

Поражение персидской армии в битве при Нихавенде в 642 г фактически означало конец существования государства Сасанидов; дальнейшая история завоевания Персии до 652 г – это история подчинения отдельных провинций. В конце 642 г или 1-й пол. 643 г. арабские войска подчинили провинцию Азербайжан и захватили Дербент, впервые столкнувшись с тюркютами-"хазарами". Согласно ат-Табари, арабы тут же совершили и поход на Баланджар (Новосельцев А.П., 1990, с.173, 174), но эти сведения вызывают сомнения (Артамонов М.И., 2002а, с.196). Достоверно мы можем констатировать только первый контакт хазар с арабами и установление соседства двух государств, что для

византийцев означало появление нового реального союзника в борьбе с арабами.

Смерть Ираклия в 641 г и последовавшие за тем волнения внутри столицы только усугубили положение в Египте. Возведенный на престол в 642 г 11-летний Константин II пока еще не мог принимать самостоятельных решений, армия была лишена единого руководства, а многочисленные советники не выработали единой политики войны. В результате, решения по обороне Александрии так и не было принято, и, согласно договору о капитуляции от 8 ноября 641 г, 22 сентября 642 г византийская армия оставила Александрию арабам, что означало окончательную потерю Египта. Масштабное контрнаступление византийцы организовали только в 645 г. Византийский десант высадился в Египте и занял Александрию, одновременно произошла высадка на сирийском побережье и захват Ирки (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.159, 163; Кривов М.В., 2002, с.76-78). Было начато и серьезное наступление в Малой Азии, которое даже вынудило Муавию просить помощи, после чего к нему прислали 6000-й отряд во главе с Салманом ибн Раби'а. В качестве союзников византийцев, против которых сражался Хабиб ибн Маслама, арабские источники упоминают "тюрков", которые, по мнению О.Г.Большакова, действовали не вместе с византийской армией, а сепаратно, со стороны Азейбарджана (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.163, 164). Сообщение об участии тюрков в этих событиях на стороне Византии не до конца уверенное, поскольку ат-Табари мог спутать и более позднюю похожую ситуацию 654 г, в которой те же полководцы Хабиб и Салман сражались против хазар. Но, учитывая всю масштабность подготовки наступления 645 г, обращение Византии за помощью к хазарам выглядит вполне реальным.

Вовлечение тюркютов-"хазар" в коалицию против арабов летом 645 г явно было достигнуто посольством, направленным в начале этого года. Показательно, что дата чеканки солида Константа II из Келегеев может быть сужена до 644/645 г (Семенов А.И., 1991, с.126). Именно с посольством 645 г и следует связывать выплату кочевникам двадцатикратными солидами Константа II 643-646 гг чеканки.

Отношения с Константином II в 646-663 гг. Формально на солиде Константа II 646/647 гг чеканки из Журавлихи поступления византийской монеты к рассматриваемой нами группе кочевников Северного Причерноморья обрываются, хотя из Купянского уезда Харьковской губ. происходит и случайная находка солида выпуска 654-659 гг (Кропоткин В.В., 1962, с.37). Поступления же солидов Константа II 651-663 гг чеканки фиксируются уже в погребениях типа Соколовской балки к востоку от Дона.

Территориально и хронологически известные находки солидов Константа II 647-668 гг чеканки пока распадаются на две группы: солид 646/647 гг из Журавлихи и случайная находка солида 654-659 гг из Купянского уезда найдены к западу от Дона, тогда как к востоку от Дона известны солид 651-654 гг в к.14 Подгорненского, солиды 661-663 гг в указанном погребении, а также в к.3 Романовской и случайная находка двадцатикратного солида 659-668 гг у хут.Чембурко. "Западная" группа, возможно, маркирует какое-то поступление в период 654-659 гг, тогда как "восточная" – выплату 661-663 гг.

А.И.Семенов интерпретировал эту ситуацию как смену политического центра кочевников, с которым Византия поддерживала тесные отношения (Семенов А.И., 1988; 1991). Но в ней есть небольшой нюанс: с 60 гг VII в. византийские монеты не "стали поступать на Дон, где обосновались хазары" (Залеская В.Н. и др., 1997, с.100) – просто все монеты выпусков 2-й пол.VII в. выпадают в погребениях VIII в. типа Соколовской балки к востоку от Дона, когда в Северном Причерноморье *кочевнических погребений уже просто не было*. Политический же центр кочевников перещепинской культуры состоянием на нач.VIII в. остается там же, где и был – в Среднем Поднепровье, где в это время появляются богатейшие комплексы из Вознесенки, Глудос, Новых Санжар и Ясиново.

Допустим крайний вариант: после 659 г происходит обрыв поступлений монет к кочевникам перещепинской культуры, зато с 60 гг они начинают поступать к предкам кочевников – носителей культурного типа Соколовской балки. Само прекращение поступлений византийских монет еще не означало политического разрыва с Византией. Речь лишь идет о прекращении *денежных выплат* за участие в военных кампаниях против врагов Византии. Спорадические же обмены посольствами без серьезных политических поводов приносили кочевникам максимум небольшие денежные подарки, которые не расходились дальше свиты правителя и быстро расходовались, имея мало шансов попасть в погребения. Впрочем, в нашем случае историческая ситуация 50-60 гг VII в. все-таки позволяет допустить существование разрыва.

Поступление солидов Константа II 654-659 гг к кочевникам опять хорошо объясняется. В 654 г арабы осадили город Феодосиополь в Армении. Деблокировать город должны были византийские войска под руководством Мавриана, на помощь которому пришли отряды абхазов, алан и хазар. Но Хабиб ибн Маслама выступил навстречу союзникам и решительным нападением выиграл битву (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.170). Второе вмешательство хазар в войну с арабами на стороне Византии стало поводом для похода против них самих. Поход возглави-

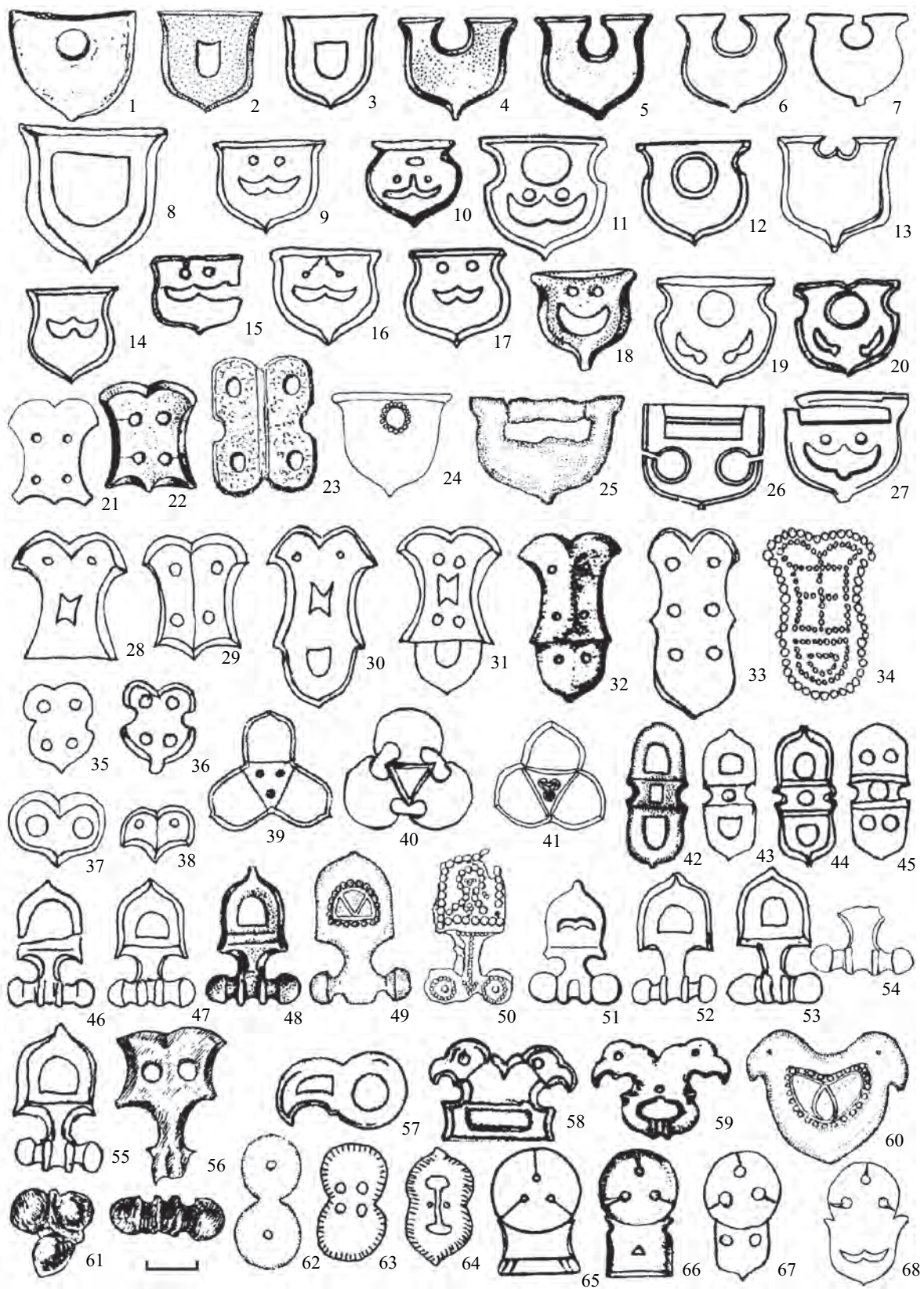

Рис. 48. Детали ремней: 1, 23 – Иловатка; 2, 50 – Крупской; 3, 14, 46 – Виноградное (3 – к.35; 14, 46 – к.5); 4, 18, 22, 36, 43, 48, 67 – Сивашовка; 5, 10, 15, 20, 32, 57-59, 66 – Калининская (5, 10, 32, 59, 66 – к.4, п.10; 15, 20, 57, 58 – к.30 п.3); 6, 65 – Епифанов; 7, 21, 51 – Бережновка, к.1, п.7; 8, 28, 30, 55

– Васильевка (8, 28, 30 – к.2, п.1; 55 – к.2, п.2); 9, 19, 31, 47 – Черноморское; 11, 27 – Арцибашево; 12, 17, 26, 44 – “Царский курган”; 13, 29, 35, 38, 52 – Чапаевский; 16, 53, 64 – Богачёвка, к.8, п.12; 24 – Северное Причерноморье; 25, 42, 62 – Рисовое (25, 62 – к.13, п.12; 42 – к.2, п.10); 33, 40, 45 – Христофоровка, к.7, п.7; 34 – Уч-Тепе; 37, 54 – Кеlegeи; 39, 68 – Дымовка; 41 – Вознесенка; 49, 60 – Портовое; 56, 61 – Малаи; 63 – Зиновьевка.

Fig. 48. Parts of belts: 1, 23 – Plovatka; 2, 50 – Krupskoi; 3, 14, 46 – Vinogradnoie (3 – barrow 35; 14, 46 – barrow 5); 4, 18, 22, 36, 43, 48, 67 – Sivashovka; 5, 10, 15, 20, 32, 57-59, 66 – Kalininskaia (5, 10, 32, 59, 66 – barrow 4, burial 10; 15, 20, 57, 58 – barrow 30 burial 3); 6, 65 – Yerpifanov; 7, 21, 51 – Berezhnovka, barrow 1, burial 7; 8, 28, 30, 55 – Vasilievka (8, 28, 30 – barrow 2, burial 1; 55 – barrow 2, burial 2); 9, 19, 31, 47 – Chernomorskoie; 11, 27 – Artsibashevo; 12, 17, 26, 44 – “Tsarskii kurgan”; 13, 29, 35, 38, 52 – Chapaiievskii; 16, 53, 64 – Bogachyovka, barrow 8, burial 12; 24 – Northern Black Sea reaches; 25, 42, 62 – Risovoie (25, 62 – barrow 13, burial 12; 42 – barrow 2, burial 10); 33, 40, 45 – Khristoforovka, barrow 7, burial 7; 34 – Uch-Tepe; 37, 54 – Kelegei; 39, 68 – Dymovka; 41 – Voznesenka; 49, 60 – Portovoie; 56, 61 – Malai; 63 – Zinovievka.

ли Салман ибн Раби’а ал-Бахили и его брат Абд ар-Рахман. Десятитысячный отряд арабов довольно спокойно прошел до самого Баланджара и осадил город, оказавший арабам серьезное сопротивление. Баланджарцы (савиры) сумели продержаться до подхода тюрков (“хазар”), которые полностью разбили арабский отряд, уничтожив 4 тыс. арабов и их предводителя (Артамонов М.И., 2002а, с.195-197; Большаков О.Г., 2000, т.2, с.174, 175, 252; Гмыря Л., 2002, с.34-36; Новосельцев А.П., 1990, с.102, 174, 175; Шагинян А.К., 2003, с.86, 87). Арабские источники путаются в вопросе, кто из братьев погиб: Салман или Абд ар-Рахман, но тот факт, что оба больше не фигурируют ни в одном источнике, позволяет нам согласиться с мнением О.Г.Большакова о гибели обоих военачальников. Поражение и гибель Салмана серьезно ударило по позициям арабов в Закавказье. Они вновь потеряли Албанию, а Хабиб был вынужден уйти из Армении, прихватив, правда, с собой полторы тысячи пленников из армянских знатных семей (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.175). Победа над известным арабским полководцем была событием резонансным, которое, разумеется, не могли пропустить союзники хазар – византийцы. Следует полагать, что солиды Константа периода 647-659 гг попали к восточноевропейским кочевникам именно вследствие хазаро-византийского союза 653-654 гг.

Эпизод выплаты 661-663 гг сложнее. По мнению А.П.Новосельцева, в 662/663 гг существовал союз Византии с аланами, против которых арабы совершили поход в 662/663 гг (Новосельцев А.П., 1990, с.175). Исследователь полагал, что аланы здесь выступают лишь как подданные хазар, т.е. союз существовал именно с ними, но ситуация гораздо сложнее и запутаннее. В 656 г в Халифате началась усобица, резко ослабившая его силы и кардинально изменившая положение в арабо-византийской войне. В 658 г арабы были вынуждены подписать с Византией уничижительный договор, по которому они обязались выплачивать большую

дань империи. Уверенный в прочности положения своей страны на востоке, в 661 г. Константин II покинул Константинополь и переселился на Сицилию, что стало для халифа Муавии поводом прекратить выплату дани и начать новую войну. В 662 г арабы совершили одновременный поход на Византию и алан, разгромив в т.ч. византийско-армянские войска, после чего Армения признала власть Халифата (Большаков О.Г., 1998, с.108, 109, 136, 137; Тер-Гевондян А.Н., 1977, с.47, 48).

Реакция хазар в этих условиях оказалась совершенно непредсказуемой. В 662 г хазары сами вторглись в Албанию, но были разбиты Джуаншером (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.100, 101). Учитывая, что Джуаншер на этот момент был византийским подданным, действия хазар означали открытую конфронтацию с Византией. Действовать же координированно с византийцами хазары могли только при одном условии, если Джуаншер принял подданство Халифата, не дожидаясь вторжения в свои земли арабских войск. Если такой факт и имел место, то хроники о нем молчат, а следовательно, в 662 г произошел разрыв хазаро-византийских отношений. Следует согласиться с М.В.Кривовым – в этой ситуации хазары преследовали исключительно свои цели и были уверены, что Византия не сможет прийти на помощь албанцам (Кривов М.В., 2002, с.108). Вторжение в Албанию хазары повторили в 664 г, причем на этот раз его возглавил сам каган. Потребовав к себе Джуаншера, каган заключил с ним договор, который скрепил браком Джуаншера со своей дочерью (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.102, 103). Лавируя между тремя претендующими на Албанию государствами, Джуаншер в 666 г добровольно признал власть Халифата, но его договор с хазарами, скорее всего, носил персональный характер, поскольку на отношение к нему кагана это не повлияло. Наоборот, после убийства Джуаншера около 680 г подданный хазар Алп-эльтебер вторгся в Албанию, “мстя за кровь Джуаншера” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.120, 121). Оценивая полити-

ку хазар в отношении Албании в 60 гг VII в., мы констатируем ее полное противоречие византийским интересам, поэтому если выплата Константа II 661-663 гг действительно существовала, то пришла она никак не к хазарам.

Указанный факт совершенно запутывает и так непростую проблему этнической атрибуции памятников соколовского типа, но есть еще одно объяснение наличия солидов Константа II выпуска 661-663 гг в погребениях кочевников Хазарского каганата – это их попадание с более поздними поступлениями. Хождение солидов Константа II и Константина IV в нач. VIII в. объяснялось внутренними особенностями финансовой ситуации в Византии. После свержения в 695 г Юстиниана II в империи начался период смут, продолжавшийся до 717 г. Часто сменяющиеся императоры не успевали отчеканить большие эмиссии со своими портретами, да и серьезнейший экономический кризис препятствовал этому. Ко всему, происходила перечеканка монет свергнутых императоров, вследствие чего выпуски солидов периода 685-717 гг в современных нумизматических собраниях очень редки. Существовал еще один фактор – внешний. В 695 г произошло воссоединение Халифата, и одним из первых шагов Абдалмалика стала денежная реформа, призванная положить конец хождению на территории Халифата византийской монеты. С 696/697 гг новый арабский динар стал 22,5-каратным (Большаков О.Г., 1998, с.274-280).

В нач. VIII в. количество находящихся в обороте византийских солидов резко сократилось. Из них в самой Византии количественно по-прежнему преобладали солиды выпусков Константина IV и Константа II, которые считались населением и “более надежными” ввиду частых смен императоров, а в Халифате еще продолжали ходить в основном выпуски до 695 г, которые высоко ценились на фоне “неполновесных” новых арабских динаров. Только относительная стабилизация обстановки в империи с воцарением в 717 г Льва Исавра позволила постепенно изъять из оборота старые монеты VII в.

Если мы посмотрим на хронологию погребений типа Соколовской балки с солидами Константа II и Константина IV, единственное погребение, которое могло быть совершено до 717 г, – это наиболее ранний комплекс, принадлежащий еще к перещепинской культуре, – погребение 1884 г у ст. Романовской. Остальные, однозначно, более поздние, поэтому предположение, что солиды Константа II 661-663 гг чеканки, а также Константина IV попали к хазарам в составе “сборных” поступлений нач. VIII в., представляется нам наиболее реальным.

Хазаро-византийские отношения в 663-712 гг. В 662 г произошел разрыв в хазаро-византий-

ских отношениях, который в 671-678 гг был усугублен вторжением хазар в византийские крымские владения и захватом Боспора. Оказать сопротивление хазарам византийцы в это время просто не могли, поскольку их главные силы в 671-678 гг были скованы арабской осадой Константинополя. Император не смог помочь даже второму крупнейшему городу Балкан – Фессалонике, выдерживавшему осаду славян. Но в 678 г византийцы заключили с арабами победный мир, известие о котором заставило соседних государей немедленно прислать посольства с дарами. В их числе было и посольство от аварского кагана, но не от хазар (Литаврин Г.Г., 1995в, с.275). Свидетельств попыток хазар наладить политические отношения с Константином IV и Леонтием II мы не имеем, но и новых конфликтов в 680-700 гг в Крыму не наблюдалось, что означало молчаливое признание обеими сторонами существующего положения. Не примирилась зато Византия с положением в Закавказье, где после масштабного похода 684 г хазары временно подчинили себе Армению, Албанию и Грузию. В 686 г (или 688 г) Юстиниан II направил туда войска под началом Леонтия, которым удалось переподчинить указанные страны себе (Шагинян А.К., 2003, с.97-99). Когда же в 698-704 гг к хазарам бежал уже сам император Юстиниан II, он явно пытался скрыться не у союзника империи, но и Тиберий Апсимар, попросив кагана выдать ему Юстиниана, обращался вряд ли к явному врагу империи. Похоже, отношения обоих государств к нач. VIII в. постепенно пришли к нейтралитету.

История отношений Юстиниана II с хазарами хорошо разобрана (Успенский Ф.И., 2001, т.2, с.82-91; Артамонов М.И., 2002а, с.212-216; Айбабин А.И., 1999, с.194-196). Мы должны констатировать в ней несколько этапов. Первый этап – 698-704 гг – это установление контакта с хазарами, затем его бегство к хазарам и женитьба на сестре кагана Феодоре. Второй этап – 704 г – посольство к хазарам от Тиберия III и согласие кагана “Ибудзира Глиавана” убить Юстиниана; его бегство к болгарам. Третий этап – 706 г – попытка послать флот против хазар для вооруженного захвата своей жены; гибель флота и добровольная выдача хазарским каганом своей сестры и племянника Юстиниану. Но союзные отношения вряд ли были восстановлены, поскольку в 711 г Херсонес оказался под управлением хазарского тудуна, а Юстиниан отправляет флот уничтожить жителей мятежного города. Четвертый этап – 711 г – очередная осада Херсонеса, в которую вмешивает хазарский каган; восстание армии и провозглашение императором хазарского кандидата – Вардана Филиппика.

Таким образом, первое свидетельство восстановления государственных отношений Византии

и Хазарии – это тайное соглашение о ликвидации Юстиниана II между Тиберием Апсимаром и каганом “Ибудзиром Глиаваном” в 704 г. Но только с 711 г мы вновь можем говорить о восстановлении полноценного союза между Хазарией и Византией. Общий период разрыва дипломатических отношений охватил 662-704 гг., а разрыва союза – 662-711 гг.

Констатируя, что в период 662-704 гг к хазарам не поступали ни дипломатические выплаты, ни подарки от Византии, мы не должны забывать другой факт – в период 671-678 гг хазары вторглись в Крым, захватив часть византийских владений и впервые непосредственно столкнувшись с рядовым византийским населением, византийской “производственной” культурой. То есть именно в период дипломатического разрыва с Византией хазарам удалось впервые установить тесный экономический и культурный контакт с крымской частью ее населения.

3.2.2. Дипломатические дары

Византийские монетные выплаты и подарки кочевникам хорошо “локализируются” во времени, гораздо сложнее определить время и обстоятельства получения кочевниками вещевых даров.

В перещепинском комплексе уверенно в единый подарочный комплект собираются предметы византийской работы, но “варварского” стиля: пояс, меч, сбруя, ритон и колчан. Этот набор имеет прямые аналогии в комплексах аварской знати, свидетельствуя о *временной близости обоих посольств, а также о их схожей цели*. Взаимосвязь аварских и перещепинского комплектов несомненна, поэтому любая интерпретация перещепинского комплекта должна автоматически “работать” и для аварских; интерпретация же аварских комплектов должна четко объяснять и происхождение перещепинского. Отталкиваясь от этого правила, мы не усложняем, а наоборот, упрощаем проблему, поскольку целью поиска становится взаимосвязанная политическая ситуация, затрагивавшая одновременно интересы Византии, Аварского каганата и кочевников Восточной Европы.

Версия Й.Вернера (Werner J., 1984) и ее модификация В.Н.Залесской, З.А.Львовой и Б.И.Маршака (Залесская В.Н. и др., 1997, с.42, 43, 89-100, 140-144) связывает происхождение рассматриваемого перещепинского комплекта с сообщением Никифора о восстании “Кувара” против авар, его посольством к Ираклию и получением титула патрикия. Сам сюжет, как аргументировалось выше, почерпнут Никифором из рассказа “Чудес св. Дм. Солунского” о восстании Кувара, но жесткая вза-

имосвязь происхождения аварских и перещепинского комплектов в любом случае делает гипотезу Й.Вернера несостоятельной. Дело в том, что признав связь перещепинских византийских подарков “Куврату” и его награждения титулом патрикия с восстанием против авар, мы автоматически приходим к выводу, что византийцы за то же “наградили” ... самого аварского кагана и его окружение! Рискованность такой гипотезы не остановила А.Киша, считавшего “кунбабоньского” кагана союзником Византии (Kiss A., 1995, S.183, 184). Собственно, для византийской дипломатии, употреблявшей “десять языков и один обман”, такая ситуация вряд ли была чем-то исключительным, но вопрос в другом – зачем вообще Византии понадобился союзник в виде аварского кагана?

В варианте З.А.Львовой “кунбабоньский” каган союзником Византии не называется, наоборот, исследовательница считает, что такие дипломатические дары были для византийцев “политическим обычаем”, и их “в избытке получали от Византии аварские каганы вплоть до 70 гг VII в.” (Залесская В.Н. и др., 1997, с. 71, 137). Но такое объяснение наталкивается на серьезные возражения при рассмотрении роли Аварского каганата в исторической ситуации сер.VII в.

Обильные ежегодные выплаты дани, унижительные подарки и постоянные выкупы за захваченных пленников – вся эта картина полного бессилия Византии перед аварами продолжалась лишь до 626 г. Последними выплатами аварам стали часть обещанных Ираклием 200 тыс. номисм, отдавать которые полностью не довелось из-за нарушения каганом условий перемирия и его крупного поражения 626 г у Константинополя. Затем последовал выкуп сестрой Ираклия Марией своего сына и византийских заложников магистром Антонином (Чичуров И.С., 1980, с.160, 161), на который, скорее всего, пошли специально отчеканенные для обещанной выплаты легковесные солиды.

Поражение 626 г имело для авар серьезнейшие последствия. После него они надолго исчезают из византийских источников и появляются вновь лишь в 678 г, когда Константин заключил победный мир с арабами. “Узнав об этом, и обитатели западных стран, и аварский хаган ... отправили через посланников дары василевсу, обращаясь с просьбой даровать им благодать мира. Посему василевс, снизойдя к их просьбам, пожаловал им государев мир” (Литаврин Г.Г., 1995в, с.275). Причины отсутствия серьезных столкновений между аварами и Византией после 626 г кроются не столько в разгроме авар, сколько в ситуации, сложившейся в это время внутри самого каганата. В то время как внимание кагана было сосредоточено на южной границе, проблемы возникли в северо-западной

части каганата. По данным “Хроники Фредегара”, именно около 626 г восстали против кагана и добились независимости славяне под предводительством франка Само, а в 630/631 г внутри каганата возникла крупная междоусобица между аvaraми и булгарами, завершившаяся в пользу авар (Ронин В.К., 1995, с.367-371). Отголосками этих событий были переселение булгар Алциока около 663 г в Италию (Ронин В.К., 1995, с.394, 395), а позже и восстание булгар Кувера и его уход в Византию в 80 гг VII в.

Сотрясаемый внутренними неурядицами, Аварский каганат в сер.VII в. был вынужден сойти с активной политической арены и уже не представлял серьезной опасности для Византии. Ни о денежных выплатах аvarам, ни о вынужденных унижительных подарках после событий 626-631 гг уже и речи быть не могло. Любые византийские дары, полученные аvarами в это время, были добровольными и вызванными исключительно *внутренними интересами* Византии. Так чем же были вызваны рассматриваемые нами подарочные комплекты, полученные верхушкой сразу двух кочевнических объединений?

Начать нужно с анализа знаковой семантики самих даров, чрезвычайно важной не только для варваров, но и самих византийцев. И “перещепинский”, и “кунбабоньский” правители получили дорогой золотой пояс “варварского” стиля и большую “должностную” византийскую пряжку. Просто пояс без пряжки получил собственник комплекса из Бочи. Мечи, ритоны и колчаны получили все три человека. “Перещепинский” правитель получил также роскошную сбрую; “кунбабоньский” – боевой нож и золотой сосуд “аварского” стиля; собственники комплексов из Бочи и Тепе – золотые кубки.

Первое, что бросается в глаза, – дарение варварам оружия, причем не просто “варварам”, а аvarам, долгое время выступавшим злейшими врагами империи. Комплект оружия состоял из меча и колчана, которые в Кунбабоне дополнял боевой нож. Опоясать аварского кагана и его ближайших приближенных мечами – акт крайне экстраординарный для византийской дипломатии, который означал только одно – просьбу военного союза.

Не менее интересны и пояса. Как уже было показано выше, византийцы воспринимали пояс, скорее, не как символ знатности, а как символ высокого должностного ранга и положения в обществе. То же, по-видимому, распространялось и на варварских правителей. Пытаясь подчеркнуть царский статус свергнутого Хосрова II, император Маврикий прислал ему тиару, золотое ложе¹⁷ и

стол, а также “украшенный драгоценными камнями пояс” (Феофилакт Симокатта, 1996, с.137). При сравнении аварских и восточноевропейских поясов с псевдопряжками исследователи давно обращают внимание на их количество. Перещепинский оказывается самым большим – 11 псевдопряжек. Затем идет Боча – 6 и Сирмий – 5. В Кунбабоне и Келегеях сохранилось по две псевдопряжки, лишь одна – в Тепе. Если отбросить показания последних трех комплексов как не отражающих первоначальную картину, по количеству псевдопряжек самый престижный пояс – это перещепинский, затем идет Боча и Сирмий. Но очень важен еще один показатель – это размер деталей. Наиболее крупные экземпляры псевдопряжек в Кунбабоне, затем идут псевдопряжки из Келегеев, за ними – экземпляры из Сирмия и Тепе, только после этого перещепинские, а самые мелкие – псевдопряжки из Бочи. Расположенный рядом с поясом из Кунбабона или Сирмия пояс из Бочи создает откровенное впечатление детского, хотя и снабжен совсем не детским мечом. Что именно хотели подчеркнуть такой разницей византийские мастера?

На наш взгляд, присутствие в подарочном комплекте из Бочи меча никак не противоречит версии о его возможном дарении сыну кагана. Согласно тюркским руническим надписям, мальчики приобщались к службе хану и участию в военных походах очень рано – еще в 9 лет (Кызласов И.Л., 1993, с.224), а, как показывает пример будущего кагана хазар, племянника Тон-джабгу-кагана, в 14-16 лет шады уже самостоятельно командовали крупными боевыми действиями. На сегодня, кроме упомянутых комплексов, известны еще две случайные находки псевдопряжек византийской работы на территории Аварского каганата (Laszlo G., 1955, pl.LVII, 4, 5). Они принадлежат небольшим “детским” экземплярам. Полученная картина одаренного рода аварского кагана по размерам поясных деталей такова: каган (Кунбабонь), взрослый член семьи (Тепе) и трое юношей (Боча и две случайные находки). “Взрослый” пояс из Сирмия принадлежит к другому поступлению.

У “перещепинцев” такая схема анализа приводит к несколько неожиданному результату: келегейские подражания сделаны с более крупных, чем перещепинские, псевдопряжек, сами же перещепинские детали едва дотягивают до взрослого статуса. Конечно, не исключена и более прозаическая причина небольших размеров перещепинских деталей – сохранение определенной пропорции веса пояса. Но ранговость золотых поясов предусматривает все же четкую и понятную “стратификацию”, при которой не нужно ломать голову, что

¹⁷ Уточнение Е.Н.Нечаевой.

солиднее: пояс с малым числом крупных деталей или пояс с большим числом небольших деталей. Такая двусмысленность при раздаче дипломатических даров могла окончиться плачевно (пример византийского посольства к акацирам!), а значит, ее изначально не существовало. Иными словами, на момент получения даров “перещепинским” собственником он был еще только *вторым лицом*, скорее всего, сыном правителя.

Как уже упоминалось выше, большая византийская пряжка могла принадлежать как непосредственно перещепинскому поясу с псевдопряжками, так и другому, “отцовскому”. В любом случае, мы имеем возможность сравнить, насколько высоко византийцы оценивали статус предводителей авар и правителя “перещепинских” кочевников. Вес перещепинской пряжки равен 454,32 г, пряжки из Сирмия – 153,1 г, кунбабоньской – 134,4 г. Сама по себе разница в размерах византийской пряжки говорит, скорее, о важности этого союзника для Византии, поскольку пряжка указывала на “высокую должность” его собственника по внутренне-византийским меркам. Но в сочетании с серьезнейшей разницей в стоимости кунбабоньского и перещепинского комплексов можно утверждать, что византийская оценка отражала в определенной степени и реальный политический вес аварского и “перещепинского” правителя в глазах византийских дипломатов.

Следующий элемент подарочного комплекта – сосуд “варварского” облика. “Кунбабоньскому” кагану преподнесли золотую кружку, а лицам ниже рангом из Тепе и Бочи – по золотому кубку. В Перещепине такой сосуд выделить трудно, но больше шансов, что византийским окажется кубок. По тюркским изваяниям уловить разницу между статусом человека с кружкой или кубком (Кубарев В.Д., 1984, табл.I-L) невозможно, очевидно, ее и не было. Вручение кагану кружки, а членам его семьи – кубков, скорее, отображало просто разницу в стоимости самих сосудов (кружка больше и массивнее, чем кубки), а не какую-то ранговую символику. Определенной знаковой нагрузки как дипломатического дара сосуды также не несли, но в нашем случае византийцы сознательно пошли на изготовление сосудов аварских форм, имитирующих деревянные. Попытка угодить аварским вкусам однозначно выдает желание максимально расположить авар к заключению договора, который, как показывает наличие среди даров оружия, носил характер военного союза.

Еще больше византийцы постарались угодить “перещепинским” кочевникам. Собственно, все предметы “варварского” стиля разрабатывались изначально под их вкусы, и только после посольства к ним византийцы повторили тот же комплект для

посольства к аварам. В части I мы пришли к выводу именно о такой хронологии событий. Сложная политическая ситуация заставила византийцев искать помощи и военного союза с отдаленной от ее границ восточной группой кочевников, об оружии и вкусах которых византийцы получили информацию от купцов “Шелкового пути”. Инициатива посольства полностью принадлежит византийцам, а тщательность, с которой подбирались и готовились дары, говорит об *исключительной важности* миссии. Политическая ситуация была настолько сложной, что в рамках того же года или следующего такое же посольство было отправлено и к аварам. Империя добровольно попросила военного союза у двух правителей мощнейших кочевнических объединений Востока и Запада. Факт совершенно не рядовой, который не мог укрыться от внимания хронистов, а если и ускользнул, то сама политическая ситуация, обусловившая заключение союзов, столь специфична, что ее идентификация, по идее, не должна вызывать трудностей у современного исследователя.

Анализируя ранее эту проблему, мы связали отсылку вещевых даров с византийским посольством к хазарам 644/645 гг (Комар А.В., 1999, с.114; 2001б, с.103, 104). Подготовка большого контрнаступления против арабов, несомненно, требовала помощи союзников, но в чем тогда заключалась роль авар? Версия, что византийцы просто покупали нейтралитет авар, несколько противоречит составу даров, делающих акцент именно на военном союзе. Наконец, если выплата солидами Константа II 643-646 гг чеканки пришла вместе с дарами, почему ее следов или даже других монет этого же периода совершенно нет в аварских комплексах? Скорее, вспомнить об аварях и послать к ним посольство с просьбой военного союза византийцы могли в случае возникновения непосредственной угрозы от арабов Константинополю и европейским землям империи. Персидско-аварский альянс и осада столицы 626 г еще были остро памяты грекам, поэтому постараться обезопасить себя от авар византийцы явно должны были при первых признаках арабской угрозы Константинополю.

События 645/646 гг, когда византийцы легко высадили морской десант в Египте и Сирии, подсажали арабам необходимость строить собственный флот, чем они и занялись в 647 г. А уже в 648 г был совершен первый успешный морской поход на Кипр. В 653/654 гг киприоты восстали, и для их вторичного покорения в 654 г был послан флот во главе с Абу-л-А'варом. Арабы вновь успешно захватили Кипр и пошли дальше, высадившись на Родосе, Косе и Крите. Византийцы больше всего запомнили разграбление Родоса и разруше-

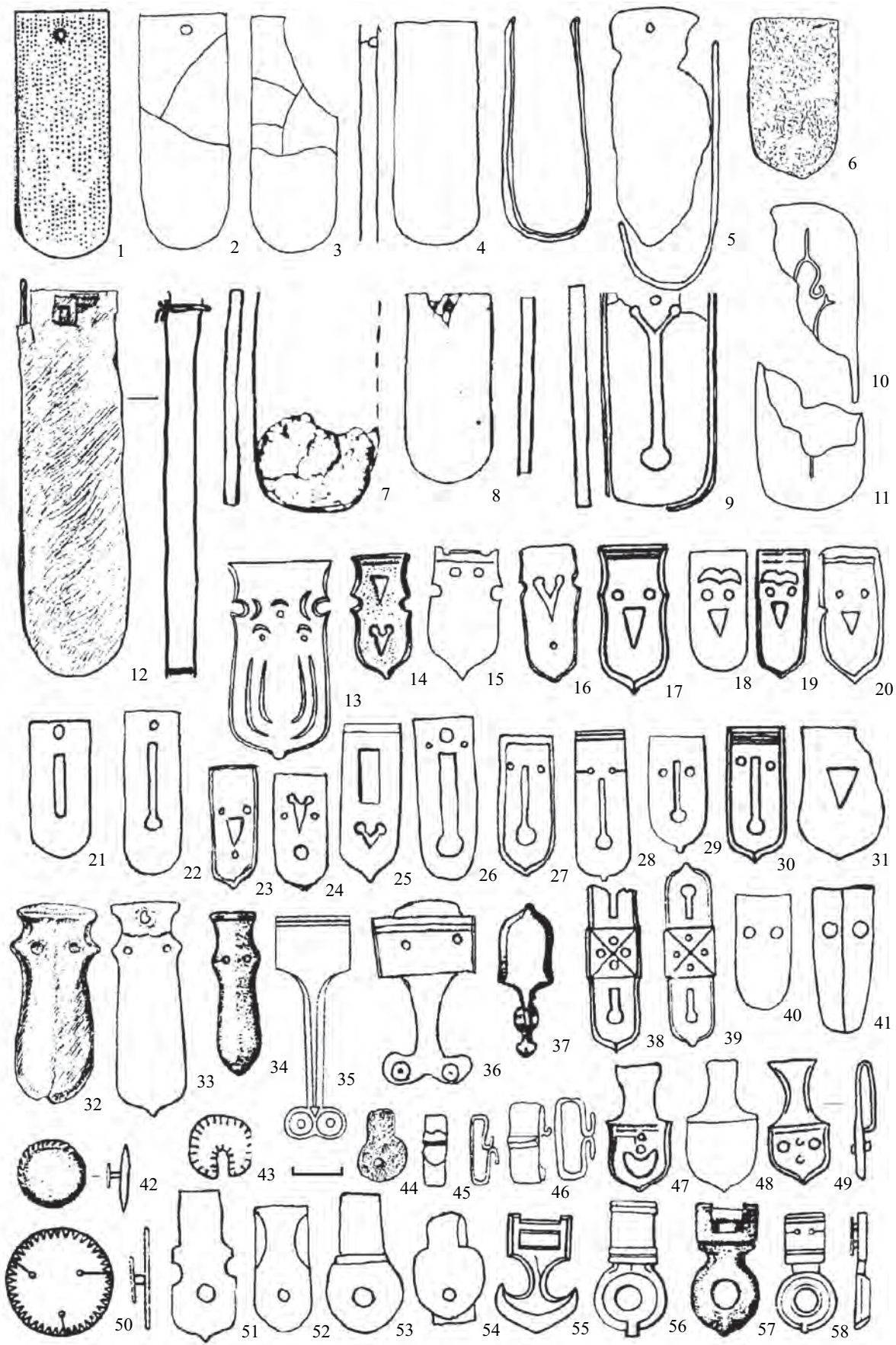

Рис. 49. Наконечники и детали ремней: 1, 14, 22, 40, 53 – Сивашовка; 2, 3 – Черноморское; 4, 16, 20, 27, 52 – Богачёвка, к.8, п.12; 5 – Наташино, к.16; 6, 44 – Иловатка; 7, 8, 15, 48 – Чапаевский; 9, 18, 21, 43, 49 – Виноградное, к.5; 10, 11 – Перецепина; 12, 32 – Малаи; 13, 56 – Арцибашево; 17, 30, 38, 50, 55 – “Царский курган”; 19, 34, 37, 47, 57 – Калининская (19, 47 – к.30, п.3; 34, 37, 57 – к.4, п.10); 23, 24, 36 – Христофоровка (23, 36 – к.7, п.12; 24 – к.7, п.7); 25, 29 – Бережновка, к.1, п.7; 26, 41, 54 – Зиновьевка; 28, 35, 39, 45, 50, 58 – Епифанов; 31, 42 – Малая Терновка (31 – к.3, п.1; 42 – к.24, п.3); 33 – Аджиголь; 46 – Ковалёвка; 51 – Васильевка, к.2, п.1.

Fig. 49. Ferrules and parts of belts: 1, 14, 22, 40, 53 – Sivashovka; 2, 3 – Chernomorskoie; 4, 16, 20, 27, 52 – Bogachyovka, barrow 8, burial 12; 5 – Natashino, barrow 16; 6, 44 – Ilovatka; 7, 8, 15, 48 – Chapaievskii; 9, 18, 21, 43, 49 – Vinogradnoie, barrow 5; 10, 11 – Pereshchepina; 12, 32 – Malai; 13, 56 – Artsibashevo; 17, 30, 38, 50, 55 – “Tsarskii kurgan”; 19, 34, 37, 47, 57 – Kalininskaia (19, 47 – barrow 30, burial 3; 34, 37, 57 – barrow 4, burial 10); 23, 24, 36 – Khristoforovka (23, 36 – barrow 7, burial 12; 24 – barrow 7, burial 7); 25, 29 – Berezhnovka, barrow 1, burial 7; 26, 41, 54 – Zinovievka; 28, 35, 39, 45, 50, 58 – Yepifanov; 31, 42 – Malaia Ternovka (31 – barrow 3, burial 1; 42 – barrow 24, burial 3); 33 – Adzhigol; 46 – Kovalyovka; 51 – Vasilievka, barrow 2, burial 1.

ние знаменитого “колосса”, но Константин Багрянородный упоминает, что Муавия (которому он приписывает этот поход) после Родоса “прибыл оттуда к Константинополю, но, проведя здесь продолжительное время и разорив все вокруг Византия, вернулся, не достигнув цели” (Константин Багрянородный, 1991, с.77). В следующем 655 г произошла знаменитая “Битва мачт” при Фениксе, в которой арабы разгромили византийский флот. Арабские корабли вновь достигли Константинополя, но буря помешала им осадить столицу (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.164-166; Кривов М.В., 2002, с.100; Успенский Ф.И., 2000, т.2, с.225, 226). Если византийцы действительно поспешили заключить союз с аварами после первого появления арабов под стенами Константинополя, то случилось это в 654-655 гг.

Согласно нашей хронологии событий, посольству к аварам предшествовала подготовка посольства к восточноевропейским кочевникам, т.е. сначала Византия ощутила острую потребность в помощи в другом регионе – северо-восточном.

События в Закавказье 652-655 гг не вызывают особых противоречий у исследователей по сути происшедшего, но их хронология несколько различается, в т.ч. и в новейших работах О.Г.Большакова, М.В.Кривова, А.К.Шагиняна (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.168-175; Кривов М.В., 2002, с.96-104; Шагинян А.К., 2003, с.80-88). В 652 или 653 г ишхан Армении Теодорос Рштуни решил порвать отношения с Византией и признал власть Халифата, заключив договор с Муавией. Константин II решил лично возглавить карательный поход и в конце 652 г (по О.Г.Большакову) вступил с армией в Армению. А.К.Шагинян относит этот поход к 653 г (Шагинян А.К., 2003, с.81), а М.В.Кривов разделяет акцию Константа II на два похода и датирует их иначе: сначала император в 653 г двинулся на Кесарию Каппадокийскую, но вернулся назад, и

только в 654 г вступил с войсками в Армению, заняв Феодосиополь (Кривов М.В., 2002, с.97, 98). В Армении Констант II собрал два резонансных совета священнослужителей и знати, на одном из которых низложил Теодороса Рштуни и назначил нового ишхана, на другом – провел объединение церквей. Но Теодорос Рштуни не только не сдался, но и сам перешел к активным действиям, арестовав всю прибывшую к нему делегацию и получив поддержку от Грузии и Албании. Византийские войска были вынуждены подчинять преданные Теодоросу районы Армении, а также вторгнуться в Грузию и Албанию. После этого Константу II пришлось срочно возвратиться в Константинополь. Воспользовавшись отъездом императора, Теодорос получил помощь от арабов и разбил византийцев в области Тайк, после чего дошел до Трапезунда, а оттуда явился в Дамаск. Муавия торжественно провозгласил Теодороса правителем всего Закавказья и передал войска для его завоевания. Завершить этот план не удалось из-за зимы и болезни Теодороса, но в следующем году в Закавказье появились арабские войска под началом Хабиба ибн Масламы и Салмана ибн Раби`и ал Балхили.

В уже упоминавшейся выше битве при Феодосиополе на помощь византийцам пришли союзные войска хазар и алан, после чего направленная в Албанию армия Салмана легко достигла Дербента. О.Г.Большаков, считая, что целью похода было завоевание Албании, с удивлением констатирует факт отсутствия сведений о сопротивлении албанцев, так же как и гарнизона Дербента. По мнению исследователя, “легкий успех вкружил голову Салмана”, что и стало причиной его похода на Баланджар (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.173-175). Но, как отмечает А.П.Новосельцев, уже в 650/651 гг брат Салмана Абд ар-Рахман был наместником Дербента (Новосельцев А.П., 1990, с.174), т.е. войска Салмана всего лишь соединились у Дербента

с арабским гарнизоном Абд ар-Рахмана и вместе совершили целенаправленный поход против хазар, который был задуман как этап разгрома провизантийской коалиции.

Удачнее дела обстояли у Хабиба ибн Масламы, который разбил византийские войска Мавриана и занял почти всю Армению, после чего двинул войска на Грузию. Не дожидаясь разорения своей страны, грузинский правитель выслал послов на встречу и подписал договор о подданстве арабам. Но уничтожение войск Салмана хазарами, а также наступление зимы, позволившей активизироваться более привычным к холодному климату византийцам, заставило Хабиба отступить, а затем вообще покинуть Армению (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.170-175).

Наиболее приемлемая хронология рассмотренных событий представляется нам такой: 652 г – восстание Теодороса Рштуни, поход Константа II на Кесарию Каппадокийскую; 653 г – поход Константа II в Армению и возвращение до конца этого же года в Константинополь, контрнаступление Теодороса Рштуни; 654 г – действия армий Хабиба и Салмана в Закавказье, осада Феодосиополя, завоевание Армении и Грузии, разгром Салмана хазарами; зима 654/655 гг – возвращение Хабиба в Сирию.

Личный поход Константа II в Закавказье состоялся в 653 г. В нач. 654 г на помощь Мавриану приходят союзные войска хазар и алан, а затем арабы совершают неудачный поход против хазар как союзников византийцев. В том же 654 г арабский флот появляется под Константинополем, что повторяется и в 655 г. В 656 г происходит убийство халифа Усмана, в Халифате начинается смута, что кардинально меняет положение дел на арабском фронте. В 657 г Констант II подписывает договор с арабами, по которому уже арабы обязываются выплачивать дань. Затем, первой же акцией императора стал личный поход 658 г против “Славиний” Македонии и Фракии (Литаврин Г.Г., 2001, с.238).

Причины похода Константа II против славян точно не известны, но тот факт, что император лично возглавил войска, свидетельствует о важности данного мероприятия. Скорее всего, славяне задолго до 658 г начали тревожить византийцев, но только мирный договор с арабами 657 г развязал Константу II руки и он сумел справиться со славянской проблемой. Похоже, в 654-655 гг, когда арабы появились под Константинополем, не авары создавали главную угрозу византийским землям на севере империи, а именно славяне. В.Бешевлиев относит к рассматриваемому периоду рассказ “Чудес св. Дм. Солунского” о славянском вожде Первуде и 5-й славянской осаде Фессалоники (Бешевлиев

В., 1984, с.35, 36), но эта датировка не бесспорна (Иванова О.В., 1980, с.105, 106). Другое дело, что славянские нападения на Фессалонику в 70 гг VII в. во время арабской осады Константинополя дают возможность предполагать подобную же картину и в 50 гг VII в.

В 653-658 гг Византия ощущала серьезнейшие проблемы в Закавказье (в Армении) и на Балканах (в Македонии и Фракии), для ликвидации которых император Констант II *лично* возглавил два похода 653 г и 658 г. Личное появление императора на границе в зоне военных действий, – пожалуй, более чем уважительный повод для византийских дипломатов добиваться союза с главными силами рассматриваемых регионов, которых враги империи (в данном случае – армяне и славяне) могли привлечь к союзу с собой. В нашем распоряжении есть прямые свидетельства источников того, что в 653 г был заключен союз Византии с хазарами. Точнее, собственно “заключением союза” этот эпизод назвать трудно, так как в 645 г эти же тюркюты-“хазары” участвовали в войне против арабов на стороне Византии. Но если в 645 г помощь хазар была банально куплена большой денежной выплатой, в 653 г византийцы нуждались не просто в военной помощи или подтверждении союзных отношений, а в “особых гарантиях лояльности” от своих союзников в связи с явным риском для жизни самого императора. Этим и объясняется факт посылки очень дорогого подарочного комплекта, а не обычной суммы денег.

В случае с аварами речь тоже шла о получении гарантий “лояльности” с возможностью также военной помощи авар против славянских племен. Прямых сведений письменных источников о заключении такого договора у нас нет, но тут помогают данные археологии. После довольно долгого перерыва (с 626 г) поступлений византийских монет к аварам следующий выпуск, попавший в аварские погребения, – это солиды Константа II и Константина IV 654-659 гг чеканки из п.24 Сегед-Маккошерде (Garam E., 1992, S.144, 145) и п.64 Диенесдиаса (Müller R., 1996, S.413).

Следующее и оно же последнее поступление к аварам солидов 668-673 гг чеканки в Озоре-Тотипусте сочетается с подарочным византийским золотым поясом. Происходит это посольство к аварам на фоне уже знакомой исторической картины. В конце 670 г Фадала ибн Убайд достиг Халкидона, но не смог пробиться к Константинополю. В 671 г ему на помощь пришли войска Йазида, а в 672 г арабы устроили настоящую морскую блокаду всем гаваням от Киликии до Смирны. Практически весь 673 г прошел в боях под Константинополем, а перелом в битве принесло изобретение Калинником знаменитого “греческого огня”, с помощью которого ви-

зантийцы в конце концов и нанесли решающее поражение арабскому флоту. Инициатива войны далее перешла к византийцам, и в 678 г они заключили с арабами победный мир (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.163, 164). Согласно Феофану, услышав об этом мире, каган авар сам прислал посольство с дарами (Литаврин Г.Г., 1995в, с.275). Но в 671-673 гг союза с аварами искали именно византийцы, причем, как и в ситуации 658 г, подписав мирный договор с арабами, император Константин IV сразу же в 678 г совершил поход против славян, осаждавших Фессалонику (Литаврин Г.Г., 2001, с.238).

Так же как и 671-678 гг, в 652-658 гг приоритетным фронтом для Византии была война с арабами. Отложение в 652 г Армении спровоцировало Константа II на немедленный поход, из которого он, впрочем, быстро вернулся, предоставив дипломатам возможность подготовить договоренность о взаимодействии с хазарами. Посольство к хазарам, скорее всего, направили в нач. 653 г, а получив позитивный ответ, в поход выступил сам император. Активизация арабов в Средиземноморье, несомненно, имела целью отвлечь Константа II от армянских дел, что и было достигнуто. Появление арабского флота в 654-655 гг под Константинополем и активизация славян вынудили византийцев просить военного союза и у авар. На наш взгляд, именно в 654-655 гг и поступили к аварам подарочные комплекты из Кунбабоня, Бочи, Тепе. Сразу же после заключения договора с арабами Константин II в 658 г совершает поход против славян. Очевидно, чтобы окончательно быть уверенными в “лояльности” авар, локальному аварскому вождю, которому подчинялись пограничные с Византией области к северу от Сирмия, в это время был послан еще один пояс. Позже к аварам в 672-673 гг пришли также подарочные византийские комплекты из Озоры-Тотипусты и Кунаготы.

Даты изготовления рассмотренных византийских подарочных комплектов, на наш взгляд, таковы: Перешепина – кон.652 г; Кунбабонь, Боча, Тепе – 654-655 гг; Сирмий – 657-658 гг; Кунагота, Озора-Тотипуста – 672-673 гг.

Нерассмотренными из перешепинских византийских вещей остались браслеты кат.10 и перстни кат.13-15, на двух из которых присутствует монограмма с лигатурой титула “патрикий”. Интерпретировать эти вещи гораздо сложнее, чем обычные дипломатические подарки, поскольку в источниках нам не удалось подобрать факты вхождения личных украшений (перстней, браслетов, серег и т.п.) в состав дипломатических даров. Зато они дарились императором при *личной встрече*, обычно лично император жаловал и титул патрикия.

Так, в 627 г при встрече Ираклия и джабгу тюркютов у Тбилиси Ираклий подарил тюрку

императорский венец, императорские одежды и украшенные жемчугом серьги, “также император собственноручно украсил подобными серьгами и сопровождавших турка архонтов” (Чичуров И.С., 1980, с.159). В эпизоде принятия албанским князем Джуаншером византийского подданства в ответ на послание Джуаншера 656 г Константин II “отправил богатые дары – серебрянный чеканный трон с позолоченной спинкой, золототканые одеяния и свой собственный меч с ножнами, усыпанными перлами. И возвел он его в сан протон патрикия. Он приказал также отправить ему патины патрикия ипата, апуипата, стрателата и элиста на тысячу двести человек, чтобы сам [Джуаншер] пожаловал их кому захочет” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.99). При личной же встрече Константа II и Джуаншера в 660 г “опоясал его император царским поясом деда своего Ираклия и предка Никиты, накинул на плечи ему свою мантию и дал два знамени, а двум сыновьям его, отрокам, пожаловал чин патрикия” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.100). Чуть раньше, лично от персидского царя Джуаншер получил трубы, два золотых копья и два щита, отделанных золотом, золотой пояс, усыпанный жемчугом, меч с золотой рукоятью, браслеты, диадему, жемчужное ожерелье в несколько рядов, шаровары голубого цвета с четырьмя кистями и шелковое златотканное одеяние (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.98).

Византийский набор “княжеских” инсигний, которыми императоры одаривали вождей “западных” варваров, был похожим и включал белый хитон с изображением императора и золотыми нашивками, белую шелковую хламиду с золотым императорским ромбом-тавлионом, в центре которого изображался император, золотую пряжку и пояс с жемчугом, золотую диадему с драгоценными камнями (Чекалова А.А., 2001, с.100, 101). При внешней схожести с императорским набором, создающим у варваров иллюзию признания равенности императора и варварского вождя, ношение таких инсигний в глазах греков на самом деле символизировало подданство. Интересен еще один момент: создавая иллюзию “императорских инсигний” дарами варварским вождям, дипломаты, тем не менее, действительно использовали по набору тканей, золотых украшений и камней изделия “императорского облика”. Согласно же кодексу Юстиниана (Codex Justinianus, XI, 11), украшения, принятые для царственных лиц, должны были производиться “в моем доме”, т.е. во дворце, “дворцовыми ремесленниками” (*artifices palatini*), а частным мастерским запрещалось изготовление подобной продукции под страхом штрафа в 100 либр золота. Этот факт еще раз свидетельствует об изготовлении подарочных комплектов из Перешепи-

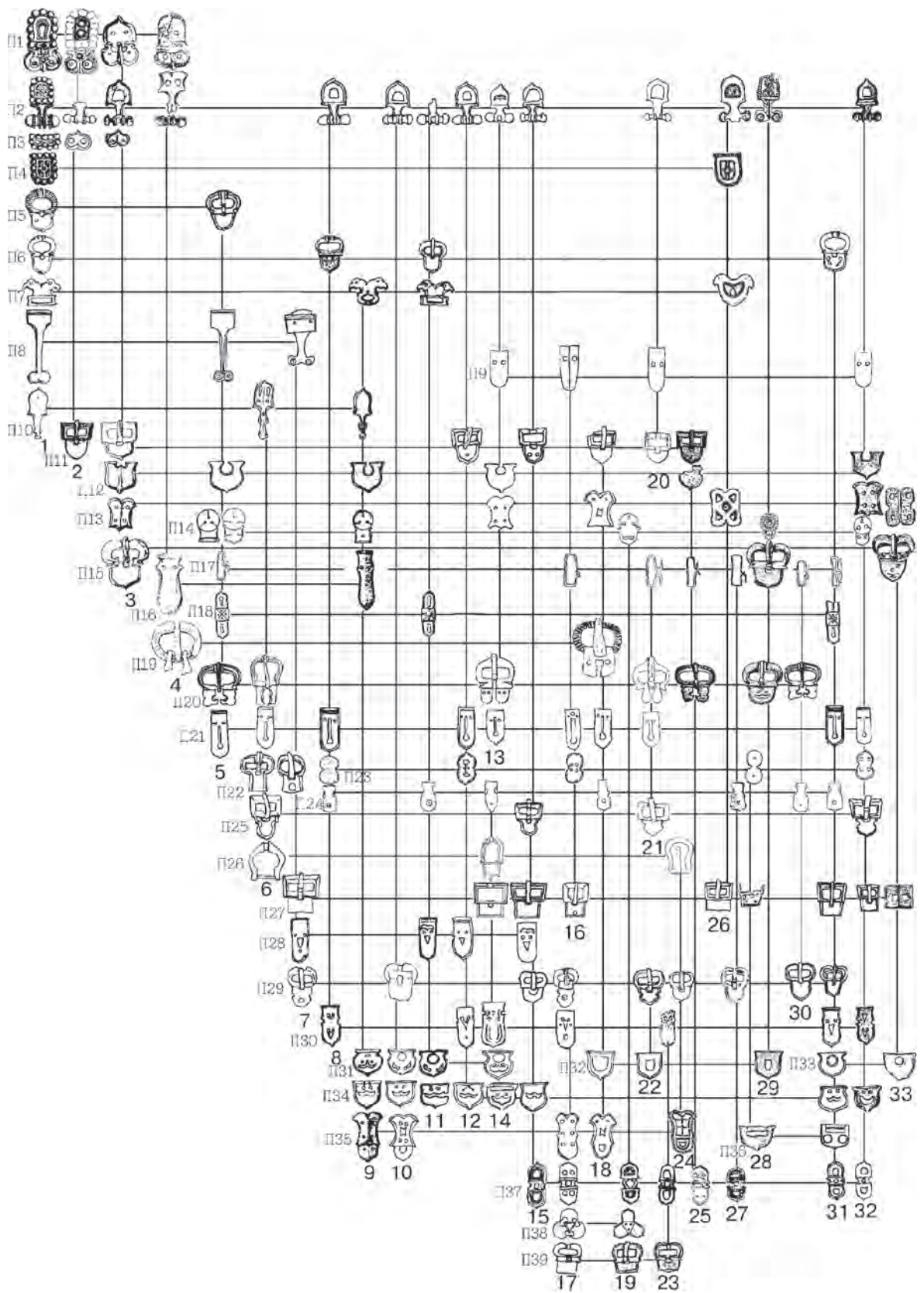

Рис. 50. Корреляция совстречаемости признаков наборов “геральдического” стиля из степных погребений: 1 – Боча; 2 – Келегеи; 3 – Чапаевский; 4 – Малаи; 5 – Епифанов; 6 – Дурсо, п.402; 7 – Христофоровка, к.7 п.12; 8 – Изобильное; 9 – Калининская, к.4 п.10; 10 – Черноморское; 11 – Калининская, к.30 п.3; 12 – Богачевка, к.8 п.12; 13 – Бережновка I, к.1 п.7; 14 – Арцибашево; 15 – Виноградное, к.5; 16 – Зиновьевка; 17 – Христофоровка, к.7 п.7; 18 – Васильевка, к.2 п.1; 19 – Белозерка, к.14; 20 – Новинка; 21 – Бережновка II, к.111 п.1; 22 – Виноградное, к.35; 23 – Рисовое, к.2 п.10; 24 – Уч-Тепе; 25 – Костогрызово; 26 – Портовое; 27 – Сивашское; 28 – Рисовое, к.13 п.12; 29 – Крупской; 30 – Дымовка; 31 – “Царский курган”; 32 – Сивашовка; 33 – Иловатка.

Fig. 50. A correlation of co-occurrence of features of “heraldic” style sets from steppe burials: 1 – Bocsa; 2 – Kelegei; 3 – Chapaievskii; 4 – Malai; 5 – Yepifanov; 6 – Durso, burial 402; 7 – Khristoforovka, barrow 7 burial 12; 8 – Izobilnoie; 9 – Kalininskaia, barrow 4 burial 10; 10 – Chernomorskoie; 11 – Kalininskaia, barrow 30 burial 3; 12 – Bogachevka, barrow 8 burial 12; 13 – Berezhnovka I, barrow 1 burial 7; 14 – Artsibashevo; 15 – Vinogradnoie, barrow 5; 16 – Zinovievka; 17 – Khristoforovka, barrow 7 burial 7; 18 – Vasilievka, barrow 2 burial 1; 19 – Belozerka, barrow 14; 20 – Novinovka; 21 – Berezhnovka II, barrow 111 burial 1; 22 – Vinogradnoie, barrow 35; 23 – Risovoie, barrow 2 burial 10; 24 – Uch-Tepe; 25 – Kostogryzovo; 26 – Portovoie; 27 – Sivashskoe; 28 – Risovoie, barrow 13 burial 12; 29 – Krupskoi; 30 – Dymovka; 31 – “Tsarskii kurgan”; 32 – Sivashovka; 33 – Ilovatka.

пины, Кунбабоня и Бочи столичными дворцовыми мастерами.

В Перещепине есть три элемента описанного выше набора инсигний: пряжка, меч и браслеты. Но в нашем случае выполненные в варварском стиле меч вместе с поясом однозначно принадлежит просто дарам, а не византийским инсигниям. Не наблюдается в Перещепине и следов “императорских” диадемы и ожерелья. По составу дошедших до нас византийских вещей, “перещепинский” правитель лично мог получить только браслеты и перстни с титулатурой “патрикий”, но последние выглядят очень странно из-за грубости исполнения монограмм. Если титул патрикия ему был послан посольством вместе с соответствующими инсигниями, то почему монограммы выполнены столь неуклюже? Если же они выполнены спешно “в полевых условиях”, то это, скорее, свидетельство в пользу встречи с императором.

Возможна ли была личная встреча Константа II с каким-либо кочевническим вождем? Несмотря на его пребывание в Закавказье в 653, 659, 660 гг, источники не дают для этого оснований. В кампании 653-654 гг хазары явились на помощь Мавриану, когда император уже покинул Армению, а в 662 г они уже оказались вне союза с Византией, что было бы странно в случае гипотетической персональной встречи вождя кочевников и Константа II в 659-660 гг. Других же возможностей встречи, пожалуй, не было.

Лично контактировал с восточноевропейскими кочевниками только Иракий. Он персонально встречался с джабгу тюркютов в 627 г, а затем в 627-628 гг вместе с сыном джабгу шадом сражался против персов. Судя по тому, что при встрече с джабгу Иракий одел ему на голову “княжеский” венец, титул патрикия ему был не совсем по рангу. Албанский князь Джуаншер также сначала был

удостоен императором титула “протон патрикия”, но затем получил “княжескую” диадему, патрикиями же Константин II сделал его юных сыновей и молодого племянника – Вараз-Трдата (Мовсэс Каланкатуацы, 1984, с.100, 120). Похожа и история с Шахрваразом: согласно Никифору, как только он занял персидский престол, Иракий дал его сыну Никите титул патрикия (Липшиц Е.Э., 1950). То есть, если перстни действительно принадлежали собственнику перещепинского комплекса, то получить титул патрикия он, скорее всего, мог в юности, поскольку позже “патрикий” просто не соответствовал положению правителя столь мощного кочевнического объединения. И византийский подарочный пояс, и перстни с монограммами кат.14, 15 подталкивают нас к выводу о том, что на момент дипломатического контакта с византийцами их получало только *второе лицо* в своем объединении, скорее всего, старший сын правителя.

Это важная деталь в понимании дипломатической логики византийцев. Чужой правитель, даже совсем мелкого образования, тем не менее, требовал к себе соответствующего “царского” обращения, видимость которого приходилось создавать специфическими “псевдоимператорскими” инсигниями (трон, диадема, одежда, пояс, меч и т.п.). Степень ценности и приближенности таких даров к реальным императорским вещам, разумеется, определялась степенью заинтересованности Византии в конкретных лицах. Но при этом дипломаты ни на миг не забывали о необходимости “сохранения лица”, хитростью или открыто придавая акту принятия даров формальный вид признания протектората Византии. Одним из таких “трюков”, вероятно, была и раздача варварам символических титулов *Honorary patricius*, на что обращал внимание Й.Вернер (Werner J., 1984, S.40-42). Но “обратная сторона медали”

в такой бюрократической стране, как Византия, требует более серьезного отношения к каждому такому акту присваивания консульского титула “патрикий”, несомненно, носившему в свете византийского законодательства явную юридическую нагрузку. Интересен в этом плане сюжет союза албанского князя Джуаншера с Константином II 656 г.

В ответ на письменную просьбу о союзе Константин II немедленно выслал посольство к Джуаншеру. По словам албанской хроники, “Он отправил богатые дары – серебряный чеканный трон с позолоченной спинкой, золототканые одеяния и свой собственный меч с ножнами, усыпанными перлами. И возвел он его в сан протон патрикия. Он приказал также отправить ему пativity патрикия ипата, апуипата, стрателата и элиста на тысячу двести человек, чтобы сам [Джуаншер] пожаловал их кому захочет. И даже частицу животворного Креста Христова, которую он постоянно носил на груди, снял и отправил ему” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.99). Представленные летописцем как признание величия Джуаншера византийские дары наоборот делали Джуаншера прямым подданным и, к тому же, фактически означали приказ привести управление уже бывшей когда-то временно византийской провинцией Албанией к внутренне-византийским образцам путем раздачи византийских должностей и титулов. Значение всех этих действий вообще трудно истолковать иначе, как разговор с позиции силы, которой Константин II, с учетом добровольного признания протектората Арменией, чей правитель получил чуть раньше такое же “серебряное седалище” (История епископа Себеоса, 1939, с.128), смуты внутри Халифата и наличия союзников-хазар на севере Албании, несомненно, располагал. В 659 г, после победы над арабами, Константин II опять лично посетил Закавказье, вызвав к себе Джуаншера. Будучи великолепным дипломатом, Джуаншер сумел расположить к себе персидского, арабского, хазарского правителей; не стал исключением и Константин II. Получив сначала частицу мощей и построив для них православную церковь, а затем, доказав таким образом лояльность албанской церкви к православию, Джуаншер удостоился в 660 г уже настоящего “княжеского” приема, будучи наделенным упомянутыми выше инсигниями с “императорского плеча” и титулами патрикия для своих сыновей. Но несмотря на постоянное подчеркивание албанским историком независимого царского статуса Джуаншера, “равного” императору, юридически действия Константа II означали превращение Албании в византийскую провинцию.

Как нам представляется, такой же подтекст всегда присутствовал и в других “союзных договорах”, в которых византийские дипломаты, подобно

китайским, не упускали возможности причислить союзников к подданным императора. Формально или реально – вопрос в каждом из случаев, разумеется, отдельный. Так, в эпизоде визита около 619 г “гуннского” вождя в Константинополь практически очевидно признание варварским архонтом федеративного статуса, который юридически полностью объясняет получение им консульского титула. Этот сюжет очень близок истории “гуннского” вождя Горда, когда крещение сопровождалось принятием федеративных обязанностей, а также отсылкой на Боспор византийского военного контингента и администрации (Чичуров И.С., 1980, с.51). Однозначно федеративный статус имели и булгары Кувера, расположившиеся на византийских землях возле Фессалоники, поэтому известия Никифора о получении “Куваром” титула патрикия нужно воспринимать в этом же юридическом контексте. Отметим, в этом эпизоде также есть все основания предполагать и христианское вероисповедание Кувера и его соратника Мавра. Христианское имя сына Шахрвараза, получившего титул патрикия, – Никита – также свидетельствует о его крещении, причем сам Шахрвараз, согласно ремарке Никифора, еще до получения царского титула обещал стать “службой” Ираклия. Упомянутые сюжеты вызывают закономерный вопрос к византийцам: известны ли вообще случаи жалования титула патрикия нехристианину? Мог ли получить титул патрикия собственник Перещепинского комплекса, не приняв христианство?

Как уже отмечалось выше, вопреки гипотезам, свидетельств христианской принадлежности собственника комплекса на самом деле нет. Комплекс однозначно связан с языческим ритуалом, причем даже в версии З.А.Львовой о “двоеверии” (Львова З.А., 2002, с.37, 38) реальным может быть только вариант фиктивного крещения, вероятно, воспринятого кочевниками просто как обряд выражения почтения богам своих союзников. Подобным примером “тактической” смены веры кочевниками может быть зафиксированное арабскими источниками принятие мусульманства хазарами в 737 г после их поражения от Мервана. Сюжеты о христианстве хазар (Горянов Б.Т., 1945, с.273) в основном более поздние, хотя скрытый потенциал в этом плане явно носит эпизод несостоявшегося брака 630 г джабгу хазар и дочери Ираклия Евдокии.

В церковной истории император Ираклий – личность, несомненно, контroversийная. Известный своим конфликтом с церковью из-за скандального кровосмесительного брака с племянницей, Ираклий, тем не менее, сделал довольно много для распространения православия в его монофелитском варианте. Среди его поступков были и доволь-

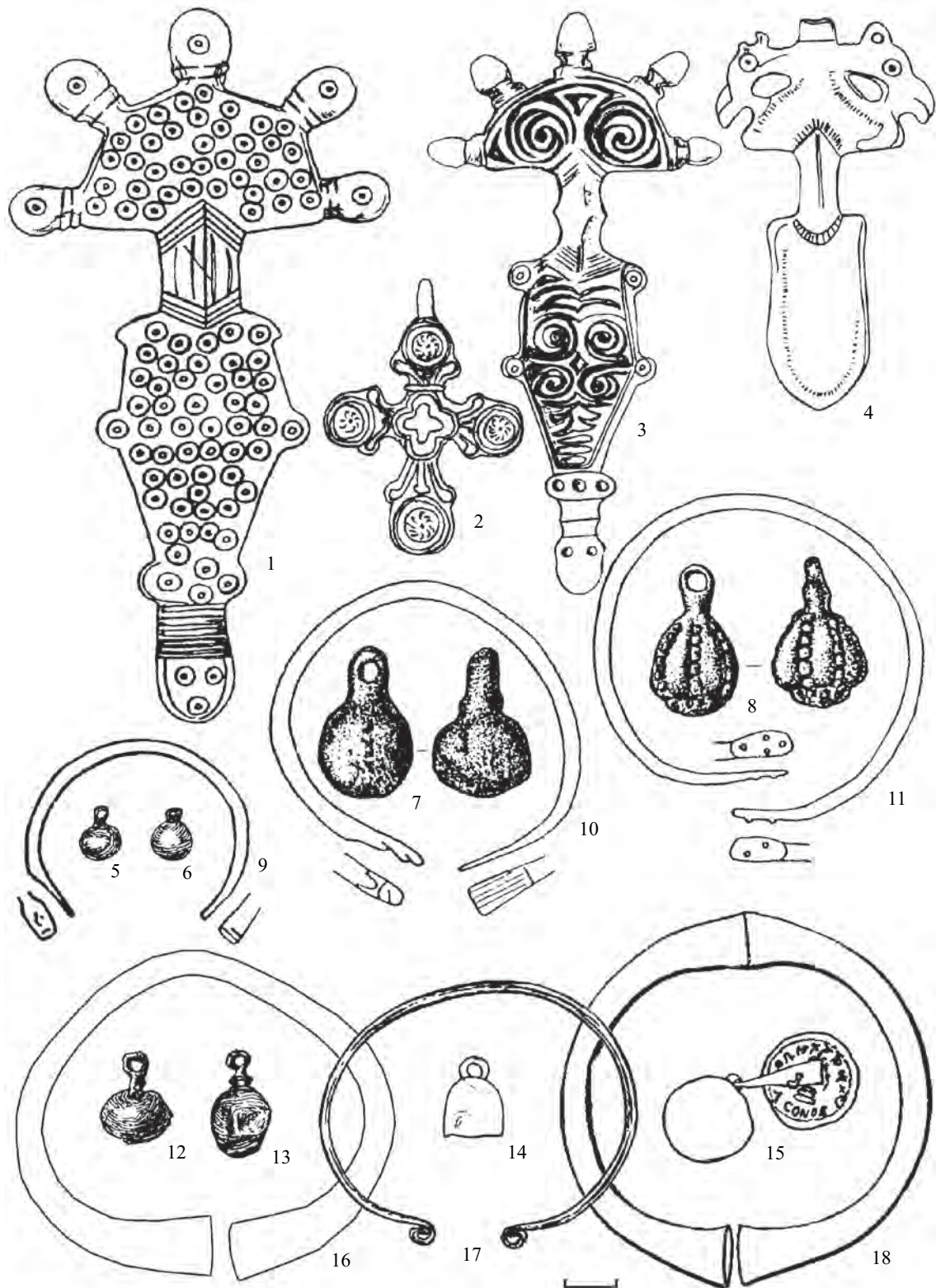

Рис. 51. Украшения и пуговицы: 1, 3 – Березовка; 2, 14 – Келегеи; 4 – Поставмуки; 5, 6, 12, 13 – Вознесенка; 7, 8 – Октябрьское; 9-11 – Рябовка (9 – п.1; 10, 11 – п.4); 15, 18 – Перещепина; 16 – Морской Чулёк; 17 – Старонизхестеблиевская.

Fig. 51. Ornaments and buttons: 1, 3 – Berezovka; 2, 14 – Kelegei; 4 – Postavmuki; 5, 6, 12, 13 – Voznesenka; 7, 8 – Oktiabrskoie; 9-11 – Ryabovka (9 – burial 1; 10, 11 – burial 4); 15, 18 – Pereshchepina; 16 – Morskoï Chulyok; 17 – Staronizhesteblievskaia.

но жесткие – например, насильственное крещение евреев империи. Еще одним резким решением Ираклия стал арест александрийского патриарха Кира. Пытаясь лавировать между арабами и Византией, Кир предложил компромиссный вариант решения “египетского вопроса”, который наряду с политическими и экономическими пунктами включал рекомендацию Ираклию скрепить договор браком его дочери Евдокии с арабским полководцем Амром, причем с *условием принятия последним христианства*. Вариант был отброшен, но позже, после падения Египта, Кир был вызван на суд в Константинополь, где его предложения уже были расценены как измена. В передаче Никифора: “Император же назвал Кира эллином [язычником], замышляющим отдать в жены эллину и богоборцу, имеющему вражду против христиан, Амбру – саракинскому филарху, дочь императора. При этом он вознегодовал на него и стал угрожать ему казнью; его отдали городскому префекту, чтобы подвергнуть пытке” (Лишиц Е.Э., 1950). Столь жестокое наказание Кира никак не вяжется с историей десятилетней давности, когда Ираклий собственноручно отправил в жены тюркскому джабгу все ту же августу Евдокию. Неужели тогда и император, и церковь могли допустить брак византийской принцессы с язычником?

Красочная церемония встречи союзников в 627 г. возле Тбилиси описана Никифором и Феофаном. О крещении джабгу ни один из них не упоминает, но текст Никифора включает довольно странную фразу, вложенную в уста Ираклия: ἦνωσεν ἡμᾶς ὁ θεός, σε τέκνον ἐμὸν ἀπέδειξεν (Чичуров И.С., 1980, с.151) – “Соединил нас Бог, тебя дитям моим объявив [вариант: “освятив”]”. Фраза не привлекала особого внимания, учитывая, что далее Ираклий предложил джабгу брак со своей дочерью и, таким образом, действительно стал ему “вторым отцом”. Но ведь Ираклий начал предложение с этой фразы, отталкиваясь от нее, как от важного события, только следующим шагом после которого и предлагался брак. Учитывая же, что выше по тексту, в описании крещения “гуннского вождя” около 619 г, Никифор использует форму ἐτέκνωσάντο (Чичуров И.С., 1980, с.151) в совершенно определенном смысле, пожалуй, не остается ничего другого, как видеть в выражении “соединил нас Господь, тебя дитям моим освятив [провозгласив]” обычную византийскую речевую формулу, означавшую крещение джабгу Ираклием.

Рассказ Никифора о встрече двух правителей несколько скромнее. Это прекрасно видно по стилю, поскольку Никифор, экономя время и пергамент, резко сокращает несомненно длинную и детальную предысторию союза и самой встречи в описании своего источника (Чичуров И.С., 1980, с.151):

“Оттуда [из Лазики Ираклий] посылает дары вождю Тюрков, пригласив к союзу против Персов. Приняв, пообещав военную помощь. И таким образом обрадованный Ираклий выступил сам к нему, и по прибытии императора с множеством Тюрков он императора встретил, и сойдя с коня, императору к земле поклонился. Последовал же этому и со всем своим народом. Император же, увидев это чрезмерное почтение, понял, так ли его дружба крепка, и приблизился верхом, и в то же время дитям своим назвал. Затем, конечно же, тот обнял [вариант: “расцеловал”, переключаясь с “поцелуем в плечо” у Феофана] императора”. Далее последовала уже упомянутая церемония венчания джабгу императорской диадемой и торжественный пир. Отметим, случилось это уже после того, как император τέκνον ἰδίων ἀποκαλῶν (“назвал своим дитям”) джабгу тюрков.

Почему же ни Никифор, ни Феофан не говорят прямо о крещении джабгу и его окружения? Возможно, об этом умалчивает уже сам их источник, несомненно осведомленный о полной фиктивности этой попытки христианизации тюрков, которую никак нельзя было засчитать в актив Ираклию. Не склонны были признавать поражения христианской церкви и ее далеко не рядовые представители – патриарх Никифор и игумен Феофан. Тем не менее, ни один из хронистов при этом не ставит Ираклию в укор и попытку брака его дочери с язычником, что может все же свидетельствовать в пользу попытки крещения тюрков в 627 г.

Возвращаясь к предмету нашего анализа, констатируем, что в 627 г. при встрече Ираклия и джабгу тюрков у Тбилиси вполне могло иметь место не только личное одаривание императором джабгу и его сына шада, но также их крещение и получение шадом титула патрикия. Прямая связь как минимум сасанидской части Перещепинского комплекса с событиями 627-628 гг. заставляет нас внимательнее отнестись к этой информации, поскольку она дает ранее не учитывавшийся в литературе вариант происхождения перещепинских перстней с монограммами и браслетов.

Значение перещепинских перстней с монограммами кат.14, 15 на этом не ограничивается. Такие перстни не входили в состав инсигний патрикия, также перстни с монограммами не упоминаются и в составе “знаковых” дипломатических даров. Не отличаясь ни красотой, ни особой ценностью, ни знаковой символикой, перещепинские перстни важны только одним – функциональностью. Представляя собой подарок византийской канцелярии, перстни-печати с монограммами служили идентификационным знаком письменных документов, созданных в “канцелярии” варварской. Наличие таких перстней в Перещепине, пожалуй,

означает существование *перепишки* между кочевническим и византийским дворами, поддерживаемой в один из периодов тесных союзнических отношений между ними.

Раздел 4. Монограммы

Три золотых перещепинских перстня с крестообразными византийскими монограммами не принадлежат к самым аттрактивным типам перстней рассматриваемого времени. В перещепинском комплексе они не могли оказаться и просто как “дорогие безделушки”, захваченные у соседей. Если перед нами трофей, то трофей, несомненно, знаковый, принадлежавший уважаемому врагу. Поэтому ношение или хранение собственником перещепинского комплекса таких перстней подчеркивает особую важность и значимость нанесенных на их щитках монограмм.

4.1. Принципы прочтения

Принцип чтения монограммы очень близок к ребусу, но с одним отличием, – вписывая имя в монограмму, ее автор все же хотел сделать ее максимально узнаваемой, а не наоборот. Поэтому всегда учитывался стереотип пространственной ориентации, который при чтении у древних греков и современных европейцев одинаков: слева направо, сверху вниз, по часовой стрелке. Начальная буква при этом обычно специально подчеркивалась увеличенными размерами, к тому же, ее редко нагружали сочетанием с другими буквами. Разумеется, в сложных многобуквенных монограммах это правило соблюсти сложно, к тому же часто используемые шаблонные схемы лигатур и расположения букв могли нарушать локализацию начальной буквы. Все это крайне усложняет чтение монограмм и, собственно, приводит к ситуации, когда главным методом “чтения” монограмм становится подстановка знакомых имен и слов.

Стереотипа узнаваемости прочтения, разумеется, избежать очень сложно, почти невозможно – чтение, не напоминающее нам знакомых имен или слов, всегда будет казаться маловероятным, даже будучи абсолютно корректным. Поэтому имя, не сохранившееся в источниках, имеет все шансы никогда не быть “прочитанным” в монограмме, и это, к сожалению, – объективная реальность.

Важно четко представлять и разницу научного определения результатов – чтение монограммы, т.е. подбор букв по определенной схеме, дает лишь набор наиболее вероятных с точки зрения пространственного стереотипа комбинаций букв

и слогов; подстановка же конкретного имени уже является *экспертизой*, т.е. исследователь ограничивается ответственностью только за один из возможных вариантов чтения. Механизм выбора именно этого варианта обычно не афишируется, что и создает часто у читателя ошибочное впечатление о безвариантности и точности предложенного ему чтения.

Реально существуют три главных способа прочтения монограмм: буквоподбор, подстановка известных из источников имен и подстановка лингвистически корректных имен. Ни в коей мере не претендуя на объективное раскрытие всех возможных вариантов чтения перещепинских монограмм, мы все же постараемся вывести этот процесс “из тени”, сделав его максимально прозрачным.

4.2. Варианты прочтения

4.2.1. Монограмма № 1

Монограмма перстня кат.13 (рис.13, 1; 54, 1а) не обратная, т.е. функционально больше собственническая, чем предназначенная для оттиска. Гравировка нанесена уверенной рукой при помощи тонкого острого резца; работа византийского ювелира. Слева в монограмме расположена литера Р (или лигатура “Р, Г”); справа – В; сверху – лигатура из О, V, (Y), Т, (I); внизу – X, О, А, (Λ, V, Y). Расположение окончаний “OV” (*ov*) или “OY” (*ov*) и лигатуры “XA” на центральной оси типично для византийских монограмм VII в., т.е. создатель монограммы № 1 пользовался распространенным шаблоном. Из находок в “варварских” комплексах ближе всего перстню кат.13 серебряный перстень из аварского могильника Кестхей-Фенек (Garam E., 2001, taf. XXIII, 1).

В.Н.Бенешевич прочел монограмму № 1 как РАВАХАТОУ (Бенешевич В.Н., 1913, с.116), а В.Финк, опираясь на имена двух епископов IV-V вв., как ВАТРАХОУ (Werner J., 1984, S.32). В.Зайбт, согласившись, что чтение В.Финк возможно, тем не менее, “учитывая условия находки”, более вероятными назвал все же варианты ХОВРАТОУ, ХРОВАТОУ, ХОВОУРТ и т.п. (Werner J., 1984, S.44), а И.Йорданов предложил вариант ХОУВРАТОУ (Йорданов И., 1991, с.36, 37). И.Божилев и Х.Димитров справедливо заметили, что прочтение В.Зайбта сделано уже под влиянием интерпретации комплекса Й.Вернером (Божилев И., Димитров Х., 1995, с.33), но, собственно, подстановка известных имен и является основным методом расшифровки монограмм. В нашем случае важно другое: расхождения между специалистами вызывает даже начальная

буква имени, а без этого, собственно, объективное прочтение невозможно.

Начальная “Р”. Выбор в перещепинской монограмме № 1 как начальных всех трех букв: Р, В и Х, имеет свою логику. Буква Р монограммы № 1 находится в обычной точке начала чтения – слева, к тому же, она несколько крупнее остальных, что может быть признаком ее подчеркивания. Основа из согласных Р-В-Т-Х определена В.Н.Бенешевичем, на наш взгляд, верно, но вот использование в чтении сразу трех “А” и ни одной “О” или “У” несколько сомнительно. Вариантов окончаний имени может быть два – ОУ (*ov*) и ОУ (*ov*). Непосредственно на основу имени они не влияют, поэтому ниже при рассмотрении вариантов чтений имени окончания мы опускаем.

Набор наиболее корректных вариантов корней при буквоподборе: РУВХАТ, РОУВХАТ, РОВХАТ, РОУВІХАТ, РІВХАТ, РУВАХТ, РОУВТАХ, РОУВАХТ, РАВХАТ, РАВТАХ. Теоретическое наличие в нижней лигатуре литеры “Л” может дать также варианты типа: РОУВТААХ, РОВТААХ и т.д.

Особой благозвучностью варианты типа “Рибхат”, “Рубхат”, “Рубтах”, “Рубахт” или “Рубталх”, конечно, не отличаются, но, например, имя “Сандилх” мы вряд ли признали бы вероятным, если бы оно было вписано в монограмме, а не на страницах Агафия. Близких вариантов имен кочевнических вождей нам не известно, в языковом же отношении вариант имени на “Р” интересен тем, что оно вряд ли может быть тюркским. В древнетюркском практически не известно слов с начальным “р”, накопление же подобных слов в тюркских языках происходило за счет заимствований, преимущественно, из иранских языков. К таким заимствованиям, например, принадлежит *gab* – “бог” (Древнетюркский словарь, 1969, с.476). Древнетюркские личные имена с этим компонентом нам не известны, но теоретически возможен вариант РАВ-ТАХ, где ТАХ отражает либо орхоно-енисейский уподобительный аффикс *-täg*: *Rab-täg – “Богopodobный”, либо тюрк. *taγ* – “гора” (Древнетюркский словарь, 1969, с.526): *Rab Taγ – “Бог-Гора”, “Божья гора”. Главное препятствие предложенному чтению – это проникновение ираноязычных заимствований в области духовной культуры в тюркские языки преимущественно вместе с буддизмом и манихейством, что в нашем случае крайне сомнительно.

Начальная “В”. В варианте чтения монограммы В.Финк начальной является буква “В”. Но становится она начальной только в одном случае – если монограмма была изначально задумана как зеркальная, но гравер не понял замысла или намеренно не потрудился обратить буквы “Р” и “В”. При оттиске перстня (рис.54, 1б) действительно слева

оказывается “В”, поэтому, учитывая наличие в комплексе также двух перстней-печатей с “зеркальными” монограммами, вариант с начальной “В” также вполне возможен.

Монограмма в схеме чтения В.Финк имеет, кроме ВАТРАХ, варианты: ВОТРАХ, ВОУТРАХ, ВУТОРАХ. Поскольку “Т” расположено на центральной оси вверху, где более вероятно наличие не второй буквы, а окончания, последовательность согласных основы может быть другой: В-Р-Х-Т, но следует отметить, что размещение “Т” в верхней части центральной оси встречается на многих монограммах, так что это вполне может быть просто дань стереотипу. Варианты буквоподбора очень многочисленны: ВОУХАТ, ВОІХАТ, ВОУРІХАТ, ВАРХАТ, ВІРХАТ, ВОУРХАТ, ВОУРТАХ, ВОУРТААХ, ВУРТАХ, ВАХРАТ, ВІРХОУТ, ВУРХОУТ, ВОУХАРАТ и т.д.

Вариант В.Финк “Батрах” соответствует древнегреческому Βάτραχος – “Лягушка”. Но существует и древнетюркская параллель в виде имени *Batraq* (Древнетюркский словарь, 1969, с.89). Придыхательное окончание “х” здесь добавлено к основе греками, традиционно пытавшихся “замкнуть” иноязычную основу мужского негреческого имени на гласный при помощи согласных “х”, “к” и т.п., для возможности его склонения. В нашем случае имя, скорее всего, записано в форме генитива – *Batraqov*, т.е. “[печать] Батра-ха”. Не исключен и вариант происхождения “Батрах” от тюрк. *batraq* – “знамя” (Древнетюркский словарь, 1969, с.89).

Богатые материалы древнетюркской антропологии, к сожалению, пока не привлекались для расшифровки перещепинских монограмм. Использование же этого блока аналогий дает просто огромное количество возможных вариантов имен.

Известным древнетюркским личным именем-титолом является ВАХАТОУР – *Bayatur* – “Богатырь, Герой” (Древнетюркский словарь, 1969, с.77; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.560). Формы ВОУРХУТ, ВОУРХОУТ могут восходить к тюрк. *Bürkit, Bürgüt* – “Беркут” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.169); вариант ВОУХАРАТ – “Бухарат” – напоминает “бухарец”, а ВОУРТАХ – “Буртах” – этноним “буртас”.

Очень продуктивны двучастные реконструкции других вариантов буквоподбора. Рассматриваемое имя состоит либо из двух корней, либо из корня с окончанием. В последнем случае это может быть лишь окончание -ТАХ как вариант орхоно-енисейского уподобительного аффикса *-täg*, а имя с таким аффиксом – не настоящим именем правителя, запрещенным для произношения вслух, а иносказательным “[чему-то]-подобный”.

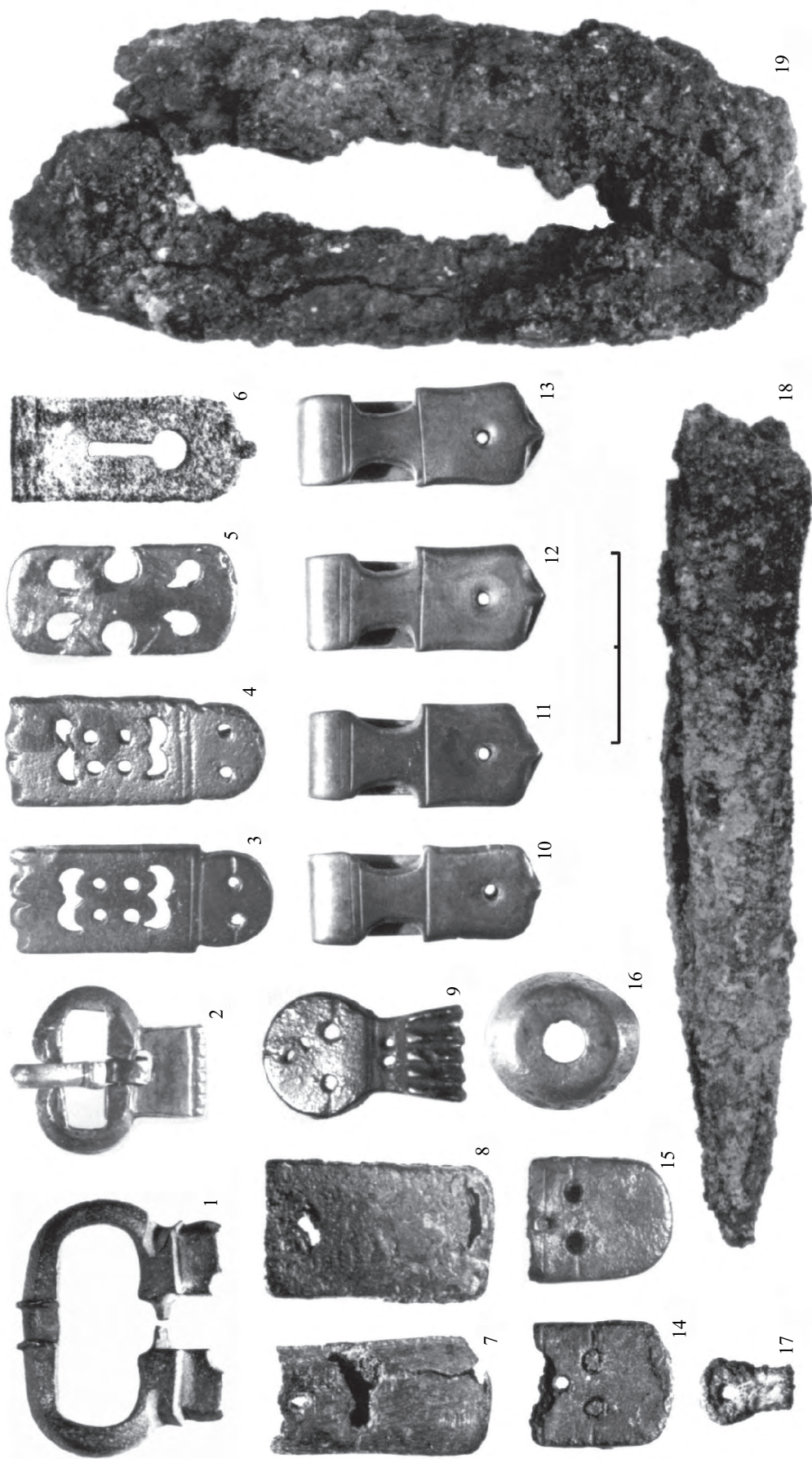

Рис. 52. Инвентарь погребения 1 к.3 у с.Шелуги.
 Fig. 52. Stock of burial 1 of barrow 3 near Shelugi village.

Корневые основы, часто используемые в личных именах и возможные в монограмме № 1, это **BOYPI-TAX** – *Böri-täg – “подобный волку”; **BOYXPA-TAX** – *Buğa-täg, то же: **BOYXOYP-TAX** – *Buğur-täg – “подобный верблюду”; **BOPAV-TAX** – *Boran-täg, то же: **BOYPAV-TAX** – *Buran-täg – “подобный буре”; **BAXYP-TAX** – *Bağur-täg – “подобный меди” (Древнетюркский словарь, 1969, с.118; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.405, 446, 634, 642, 644). Более вероятным нам представляется, что компонент **-TAX** отражает не аффикс **-täg**, а тюрк. **tağ** – “гора”, часто используемое в личных именах (Древнетюркский словарь, 1969, с.526; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.638). Приведенные выше варианты чтения монограммы № 1 с компонентом **-TAX** в этом случае соответствуют двойным тюркским именам *Böri Tağ – “Волк-Гора”; *Buğa Tağ, *Buğur Tağ – “Верблюд-Гора”; *Boran Tağ, *Buran Tağ – “Буря-Гора”; *Bağur Tağ – “Медная Гора”. Есть также варианты **BATOYP-TAX** – *Batur Tağ, то же: **BATYP-TAX** – *Batur Tağ – “Герой, Витязь – Гора” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.560).

Один из частых компонентов тюркских имен знатных лиц – это титул. В рассмотренных нами выше именах теоретически допустимо наличие титула “шат” (şad) в виде компонента **-XAT**, в котором литера “X” могла быть использована греками для записи звука “ш” вместо “сигмы”. В этом случае все рассмотренные выше варианты с компонентом “**-TAX**” просто должны читаться с титулом “шат” (**XAT**). Фонетически корректнее в монограмме вписывается титул тархан (tarḡan) – **TAPXAV**. В этом случае также остаются корректными все корневые основы: **BOYPI**, **BOYXPA**, **BOYXOYP**, **BOPAV**, **BOYPAV**, **BATOYP**, **BATYP**, **BAXYP**, добавляются также основы **BATOY** – Batu – “драгоценный камень” (Древнетюркский словарь, 1969, с.89), **BOYXOY** – Buçu – “олень” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.152), **BOYXA** – Buça – “бык” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.645, 647), **BOYPA** – Bura – “песок” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.100). Возможен и двойной титул – **BAXA-TAPXAV** – baça tarḡan – “бага тархан” (Древнетюркский словарь, 1969, с.77). Титул – “хан” – в монограмме № 1 также корректен, но из приведенных выше вариантов, в таком случае, остаются только имеющие в корне одновременно “B”, “T” и “P”: **BATOYP-XAV**, **BATYP-XAV**, **BAXATOYP-XAV** – “Герой, Витязь, Богатырь – хан”; **BATAP-XAV** – *Batar ḡan – “Западный хан”, “хан Запада” (Древнетюркский словарь, 1969, с.89).

Варианты просто двойных имен многочисленны. Компоненты: **BOYPI**, **BOYXPA**, **BOYXOYP**,

BOPAV, **BOYPAV**, **BATOYP**, **BATYP**, **BATOY**, **BOYXOY**, **BOYXA**, **BOYPA**, **BAXYP** могут не только комбинироваться между собой, но и сочетаться с другими возможными компонентами имен: **ABA** – aba – “отец”, **ATA** – ata – “дед, отец”; **AXA** – aça – “старший брат”, (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.291, 294, 304-306, 653-655); **APXAP** – arkar – “горный баран” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.155); **AT** – at – “конь”, **ATXYP** – atur – “жеребец” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.441, 442); **APYX** – açu – “пчела, оса” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.186); **OPOYX** – oquq – “тропа” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.531); **TAIXAV** – tajvan – “борзая” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.422); **TOXAV** – toyan, **TOIXAV** – tojgan – “сокол” (Древнетюркский словарь, 1969, с.571; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.169); **TOYPA** – tura – “крепость” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.486); **XARTY** – karty – “орел” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.169) и т.д. Единственное правило комбинирования в данном случае – это использование в имени всех согласных: B, P, T, X, а из гласных как минимум “A” (литеры “O” и “Y” можно отнести к греческому окончанию). То есть, в монограмме № 1 возможны варианты типа: **BOYPI-TOXAV** – “Волк-Сокол”, **BOYPI-XARTY** – “Волк-Орел”, **BATYP-AXA** – “Витязь – Старший брат”, **BATOY-APXAP** – “Драгоценный камень – Архар” и т.п., но не варианты типа: **BOYPI-ABA**, **BOYXPA-OPOYX**, **BATOY-ATA**, **BAXYP-APXAP**, **BOPAV-BATYP** и т.д.

Частым первым компонентом в тюркских именах выступает **baj** (**BAJ**, **BAI**) – “богатый” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.668-670), которое в нашем случае может сочетаться только с компонентами, включающими “P”, “T” и “X”: **BAI-TAPXAV**, **BAI-BAXATOYP**, **BAI-BATYP-XAV**, **BAI-XARTY**, **BAI-ATXYP**. Мужские тюркские имена также часто образованы от числительных (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.691), из которых компонентом имени в монограмме № 1 может быть **VIP** (**BYP**) – bir – “один”. Компоненты здесь должны включать “A”, “T” и “X”: **VIP-XARTY**, **VIP-ATXYP**, **BYP-TOXAV**, **VIP-AT-OPOYX**, **VIP-BATOY-XAV** и т.д.

Искать среди возможных комбинаций “наиболее правдоподобные” практически бессмысленно, поскольку комбинации слов в древнетюркских именах чаще всего лишены какой-либо видимой логики (см.: Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.703-717). “Виновен” в том, скорее всего, тюркский обычай подбирать имя по первому предмету, который попадет на глаза, или о кото-

ром подумает старейшина в момент имянаречения (Фиельструп Ф.А., 2002, с.77, 78).

Начальная “Х”. Версия В.Зайбта о начальной нижней “Х” основывается на стереотипном размещении соединения “Х” и “А” в нижней части центральной оси монограммы. То есть, если имя начиналось на “Х”, автор монограммы все равно, следуя шаблону, разместил бы начальную “Х” внизу, хотя в таком случае и следовало бы подчеркнуть ее более крупными размерами. Выбор В.Зайбтом варианта ХОВРАТОУ определен приближением имени к форме “Коврат” Никифора и чтению по оттиску, т.е. исходя из локализации слева “В”, а не “Р”. И.Йорданов предпочел вариант ХОУВРАТОУ (Йорданов И., 1991, с.36, 37). Другие варианты этой же схемы чтения: ХАВРАТ, ХОУВРАТ, ХОВРАХТ и т.д. При необоротной монограмме основа определяется расположением букв по часовой стрелке как Х-Р-В-Т; варианты: ХОРВАТ, ХАРВАТ, ХРОВАТ, ХРУВАТ, ХОРУВАТ, ХАРУВАТ и т.п. Из них “Хроват” и “Хорват” напоминают исторические “Кроват” Феофана (Чичуров И.С., 1980, с.61) и “Хроват” (Хорват) Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, 1991, с.131).

Ни один из приведенных вариантов буквоподбора на тюркской основе правдоподобно не объясняется. Из двухкомпонентных тюркских имен в нашем случае возможны только имена с первым компонентом ХАРА – *hara* (*qara*) – “черный” (Древнетюркский словарь, 1969, с.422; Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.592, 680) и ХАРУ – *qarī* – “старый” (Древнетюркский словарь, 1969, с.426; Зуев Ю.А., 1998, с.155). Вторым компонентом могут выступать уже упоминавшиеся ВАТОУ – “драгоценный камень”, ВАТОУР, ВАТУР, ВАХАТОУР – “Герой, Витязь, Богатырь”. Также возможны варианты с ХАРТУ – “орел”: ХАРТУ-ВОУРИ – “Орел-Волк”, ХАРТУ-ВАТОУ – “Орел – Драгоценный камень”, ХАРТУ-АВА (ХОУ) – “Орел-Отец”. Трехчленные комбинации по схеме: ХАРУ-АТА-ВОУРИ – “Старый отец – Волк”, ХАРА-АТ-ВАУ – “Черный конь – богач”, ХАРА-АТХУР-АВА – “Черный жеребец – отец” и т.п.

Начальная “А”. В схеме с начальной буквой в нижней части монограммы присутствует еще одна – четвертая возможная начальная литера “А”, поскольку ее соединение с нижней “Х” также стереотипно. Варианты буквоподбора по “позитивной” монограмме – АРВАХТ, АРОУВАХТ, АРВАТАХ, АХРОВАТ, АРТОВАХ; по схеме оттиска – АВРОУХТ, АВРАХТ, АВАРОУХТ, АВОРХАТ, АВОУРАХТ, АХВАРТ, АХТАВИР и т.д.

Тюркские имена с первым компонентом на “А” довольно многочисленны. В первую очередь, сле-

дует выделить компоненты, отражающие термины родства: *aba* (АВА) – “отец”, *aya* (АХА) – “старший брат”, *ata* (АТА) – “дед, отец” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.291, 294, 304-306, 653-655). У тюркских народов широко известно использование *aba* (*ara*) и в значении “медведь” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.159) из-за запрета произношения вслух табуированного имени этого животного, игравшего видную роль в верованиях тюрков (Вайнштейн С.И., 1991, с.230-233); также в нашем случае можно вспомнить и саланскую форму *atiḡ* (АТУХ) от общетюркского *adug* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.159). Другие названия животных на “А”, возможных в монограмме № 1 как первый компонент: *arhar* (АРХАР) – “горный баран”; *aryu* (АРУХ) – “пчела, оса”, *at* (АТ) – “конь”, *atyr* (АТХУР) – “жеребец” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.155, 186, 441, 442). Частым элементом тюркских имен является *aq*, *ay*, *ah* (АХ) – “белый” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.598-600, 679), менее продуктивно *ar* (АР) – “рыжий” (Древнетюркский словарь, 1969, с.50). Известны и имена собственные *Abi* (АВУ) и *Abiq* (АВУХ) (Древнетюркский словарь, 1969, с.2). Наконец, нельзя исключать и компонент АВАР – “авар”.

Практически со всеми перечисленными компонентами легко комбинируются формы ВАТОУР, ВАТУР, ВАХАТОУР. Компоненты АВА-, АВУ-, АВУХ – соединяются с ТАРХАВ. Другие комбинации: АТ-ВОУРИХ, АТ-ВОУРИ-ХАВ, АТА-ВОУРИ-ХАВ, АТУХ-ВОУРИ, АТХУР-ВОУРИ, АТ-ВОУРИ-ТАРХАВ, АРУХ-ВАТОУ, АТ-ВАТОУ-ТАРХАВ, АР-ВАТОУ-ХАВ, АТХУР-ВАТОУ, АР-ВОУХОУ-ТАРХАВ, АТХУР-ВОУХА, АТА-ВОУХОУР, АХ-ВОУХОУР, АР-ВОУХОУР, АРХАР-ВАТОУ, АРХАР-АВА; АВА-ХАРУ и т.д. Из не упоминавшихся ранее возможных компонентов имен, можно отметить варианты: АВА-ХОУТОУР – **Aba Qutur* – “Отец – Благородный олень” (Древнетюркский словарь, 1969, с.475), АВА-ОРТАХ – **Aba Ortaq* – “Медведь-Друг” (Древнетюркский словарь, 1969, с.372), АВА-ХОУРТ – **Aba Qurt* – “Отец-Волк” (Древнетюркский словарь, 1969, с.469) и др.

Как видим, существует четыре возможных отправных точки чтения монограммы № 1, которые дают десятки буквенных комбинаций и больше сотни (!) лингвистически возможных тюркских имен. Причем, что самое неприятное, никакой гарантии тюркского происхождения имени нет, и вполне возможно, что на базе других языков: иранских, монгольских, кавказских, мы бы также получили большое количество в целом корректных вариантов.

4.2.2. Монограммы № 2-3

Общая характеристика. Перстни кат.14 и кат.15 парные (рис.13, 2, 3). Они крупнее, чем перстень кат.13, имеют практически одинаковый диаметр кольца, а также щитки идентичных размеров и формы. На обоих вырезаны монограммы под оттиск печати. Монограммы одинаковой схемы, хотя и немного различные в мелких деталях. Эти различия позволили В.Н.Залесской предположить, что монограммы разные, а сами перстни разновременны (Залесская В.Н. и др., 1997, с.121). С такой оценкой не согласились В.Зайбт, Й.Вернер и И.Йорданов, не увидевшие между перстнями и монограммами на них принципиальной разницы (Werner J., 1992, S.430-432; Йорданов И., 1991, с.36-39). Действительно, при той грубости исполнения монограмм, которую мы наблюдаем на перстнях, отличия в начертании литеры “В” можно считать несущественными. Зато нам трудно согласиться с В.Зайбтом и Й.Вернером относительно оценки монограмм № 2-3 как “варварского” подражания.

Ювелиры, изготовившие предметы “варварского” круга из Перещепины, обладали достаточно высоким уровнем мастерства. Даже не понимая монограммы и воспринимая ее лишь как декор, ювелир-варвар, тем не менее, мог абсолютно точно скопировать рисунок. Тем более, он сделал бы оба изображения монограмм *идентичными и четкими*. Мы же наблюдаем на обоих перстнях довольно неуверенную руку гравера, которая сносно передает симметричные буквы, но становится максимально неустойчивой при передаче зеркального изображения букв “В”, “Р” и “К”. На перстне кат.14 (рис.13, 2) гравер явно пытался повторить подчеркивание снизу буквы “В” монограммы № 1; отдельно вырезана “О” верхней лигатуры “ОУ”, после чего к ней добавлены вертикальные черточки от “У”. На перстне кат.15 (рис.13, 3) этого уже нет – “бета” передана максимально просто двумя линиями (“и так сойдет”), а лигатура “ОУ” или “эпсилон” переданы вообще в рукописном стиле. Эти детали откровенно выдадут человека, *умеющего писать по-гречески*, но слабо знакомого с граверным делом. Контрастирует с перстнем кат.13 и инструмент, которым нанесена гравировка на перстнях кат.14 и 15. Вместо тонкого острого резца здесь наблюдаем широкий туповатый инструмент, возможно, самый обычный нож.

Трудно сказать, был ли наш гравер автором монограммы или же имел в наличии для копирования уже готовый перстень с византийской монограммой, как предполагают В.Зайбт и Й.Вернер. Отметим все же, что второй вариант менее предпочтителен, поскольку при желании скопировать

монограмму на другой перстень перещепинский правитель явно мог поручить эту работу ювелиру, а не обычному греку, находящемуся при его дворе. Если же греку все-таки было поручено скопировать монограммы, то, значит, кочевники полностью отдавали себе отчет в том, что монограмма – это не знак типа тамги, а именно *текст*. В таком случае греку с одинаковым успехом могли поручить и “написать” на перстнях новый текст по образцу монограммы № 1, т.е. сделать новую монограмму. Наконец, если перстень-оригинал существовал, то почему его нет в перещепинском комплексе?

Ответ на последний вопрос важен, так как он тянет за собой различные варианты развития событий. Вариант первый: перстень утерян при обнаружении комплекса. В этом случае возникает вопрос, зачем понадобилось изготавливать еще два подражания, которые носились тем же человеком? Ведь кочевник понимал, что на перстнях нанесена не его личная тамга, не тамга рода, а просто записано его имя в виде, значимом лишь для византийцев. Делать копии лично для себя смысла не было, раздавать же копии перстня своему окружению как символ власти – идея тоже не из лучших, поскольку подчиненное население знало, в первую очередь, традиционные тамги рода правителя. Вариант второй: оригинальный перстень принадлежал отцу “перещепинского” правителя и, соответственно, попал в погребение отца. Копии же с перстня были сделаны для сына (или сыновей). В таком случае варварское имя, записанное в монограмме, должно быть всего лишь почетным именем-титолом, который отец, по традиции, передал сыну. Две копии перстня находят объяснение через призму келегейского комплекса, собственник которого носил симметрично на двух руках 4 византийских перстня: по одному с плоским щитком и одному перстню со вставкой на каждом. На щитковых келегейских перстнях монограмм нет, но сама мода ношения двух подобных перстней у интересующей нас группы кочевников показательна.

Версия о том, что столь грубые монограммы могли сделать и византийцы, также возможна. Византийское посольство к варварам вполне могло не знать имен не только ближайших родственников, но и самого варварского правителя (достаточно вспомнить, что нам не известно из источников ни одного имени аварских каганов VII в.). И только расспросив варваров уже на месте или по дороге, один из посланников, как сумел в этих условиях, нанес на чистые заготовленные перстни монограммы, что и дало столь неприглядный результат. Вопрос в другом: несмотря на то, что перстень с монограммой в состав инсигний патрикия или просто

		ранне-салтовский горизонт	II поздне-аварский период
		горизонт Геленовки	I поздне-аварский период
		фаза 2 горизонта Шиловки	горизонт Игара
Вознесенка, Глодосы	Ясиново, Новые Санжары	фаза 1 горизонта Шиловки	
	Келегей	горизонт Уч-Тепе	Озора-Тотицуста, Кунагота
Перецепина	Макуховка	горизонт Сивашовки	Кунбабонь, Боча, Тепе
		Иловатка/Шелюги	II ранне-аварский период
		горизонт Суханово	I ранне-аварский период

Рис. 53. Схема синхронизации этапов развития материальной культуры степных комплексов разного социального уровня и культуры авар.

Fig. 53. A synchronization circuit of stages of material culture development of different social rank steppe complexes and Avar Culture.

дипломатических даров не входил, и, следовательно, жаловать его было совершенно не обязательно, византийцы все же преподнесли варварскому вождю перстни-печати с неуклюжей монограммой. Сделано это явно было с умыслом – греки дарили варвару *печать*, по которой собирались в будущем идентифицировать его *письменные послания*. Судя по наличию в перецепинском комплексе сразу двух перстней с одной монограммой, она явно не случайна и в большей степени, чем монограмма № 1, может претендовать на имя собственника комплекса.

Монограммы № 2-3 (рис.54, 2б, 3б) В.Н.Бенешевич прочел как ΘΕΛΕΠΧΑΡΟΥ (Бенешевич В.Н., 1913, с.116). В.Зайбт, убедительно объяснивший лигатуру “ПТКІ” как сокращение титула “патрикий”, чтение имени произвел в контексте монограммы № 1 как ХОВРАТОУ ПАТРИКІΟΥ (Werner J., 1984, S.44). В.Н.Залеская с таким чтением согласилась только для перстня кат.15, а монограмму перстня кат.14 прочитала как ВАТОРХА[N]ΟΥ ПАТРИКІΟΥ, т.е. “Бат Орхана патрикия” (Залеская В.Н. и др., 1997, с.121), что было поддано критике

В.Зайбтом, Й.Вернером и И.Йордановым (Werner J., 1992, S.430-432; Йорданов И., 1991, с.37-39).

Обратим внимание на один момент – на перстнях кат.14 и 15 обе нижних лигатуры переданы с подчеркнуто оттянутой вниз, до самого края щитка, перекладной литеры “А”. В этом начертании лигатура обычно означает “X, O, (Y)”, а не “X, A, (Y)”. Особенно это заметно на перстне кат.14 (рис.13, 2; 54, 2б), где концы перекладки просто соединяются с нижними концами “X”, оставляя выступать наружу только декоративные утолщения. Эту деталь можно, конечно, списать на неумелую гравировку, но скопировать более короткую перекладную монограммы № 1 наоборот, проще. Резчик же пошел по пути осложнения работы, что диктовалось какими-то соображениями. Судя по результату, причиной могло быть только желание подчеркнуть, что нижняя лигатура все-таки является соединением именно литер X и O, а не X и A. С другой стороны, резчик мог таким образом попытаться подчеркнуть и то, что лигатура представляет собой соединение “X, A, O”, а не просто “X, A”.

Учитывая наличие справа сокращения “ПТКІ”, выбор начальных букв ограничен только “В” и “X”, хотя подчеркивание буквы “O” снизу теоретически позволяет учитывать и имена на “O”. Есть еще одна сложность – учитывать ли в имени буквы из лигатуры “ПТКІ”, или эта часть монограммы была “неприкасаема”? Также вопрос: символизировала ли титул “патрикий” сама шаблонная лигатура, или же автор монограммы воспользовался возможностью вписать титул полностью как ПАТРИКІΟΥ?

Начальная “В”. При “строгом” подходе к чтению мы должны ориентироваться на максимально короткое имя, с минимальным количеством двойного использования одной и той же буквы, вписанное по кольцевому принципу, начиная с левой буквы. В монограммах № 2-3, таким образом, нужно исключить из имени литеры лигатуры ПТКІ, а особенности начертания нижней лигатуры, как уже подчеркивалось, условно удаляют из нее литеру “А”. Впрочем, если “А” в ней есть, то она точно использована автором монограммы для записи титула ПАТРИКІΟΥ. При крайне строгом варианте из согласных для имени остаются только литеры “В” и “X”, но даже при этом полученная форма ВОУХОУ соответствует тюрк. *Вуҫу* – “Олень” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.152). Менее строгий вариант чтения – это исключение из имени только литер лигатуры ПТКІ. Наиболее простая схема в этом случае – это начальная “В” и далее по часовой стрелке сверху вниз и обратно: ВОРІ + ХОУ, т.е. “[печать] Бори-ха”. Фонетически тот же вариант получаем при ВОУХОУ. Или последовательность: “В” – верхняя

“О” – “У” – “Р” – “Т” – “Х” – нижние “О” – “У”, т.е. – ΒΟΥΡΙΧΟΥ. Все три формы отражают одно и то же имя: “Бурих”, “Борих”, полностью соответствующее тюркскому Böri – “Волк” (Древнетюркский словарь, 1969, с.118). В праболгарских надписях известна запись βορι τα[ρ]χανος (Бешевлиев В., 1992б, с.75) без согласного в конце. Но упомянутая надпись стоит в номинативе, тогда как в нашем случае придыхательное окончание “х” традиционно добавлено греками к варварскому имени на последний гласный для того, чтобы придать ему форму генетива мужского рода – Βορι-χου, т.е. “[печать] Бори-ха”. Впрочем, нельзя исключать и другой формы – тюрк. böruk (ср. также осетинское biræg – “волк”, русское “бирюк”) (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.160), которой отвечают варианты: ΒΟΥΥΧ, ΒΥΟΥΥΧ. Чтение против часовой стрелки дает другой вариант: ΒΟΧΟΥΡ, ΒΟΧΟΥΡΟΥ, ΒΟΥΧΟΥΡ, соответствующий тюрк. Буууг – “Верблюду” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.446), более распространенному, правда, в личных именах в форме Бууга (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.644, 645) – ΒΟΥΧΡΑ. Возможны другие вариации: ΒΥΡΟΧΟΥ, ΒΟΥΧΡΟΥ, ΒΟΧΙΡΟΥ. Двойное использование “Р” позволяет прочитать по простейшей схеме и имя ΒΥΡΧΟΡ, ΒΙΡΧΟΡΟΥ или ΒΟΥΡΧΟΡ.

Использование же при чтении всех возможных букв монограммы (А, В, I, К, V (v), О, П, Р, Т, Х, У) позволяет учесть все до единого варианты имен с начальной “В”, упомянутые нами при анализе чтения монограммы № 1, а также добавить еще несколько десятков новых вариантов, которые, разумеется, только усугубят и без этого сложную ситуацию.

Начальные “Х” и “О”. Варианты корня имени с начальной “Х” при потере “А” и “неприкасаемости” “ПТКІ” оказываются скудными – ХОВР, ХОВІР, ХОВУР, ХΟΥВОР – “Хобр”, “Хобир”, “Хубор”; с начальной “О” – ОВРОХ, ОВХОР, ОВУХОР, ОХВІР и т.п. – “Оброх”, “Обхор”, “Обихор”, “Охбир”. Сносных вариантов древнетюркских имен среди них нет. Если же использовать буквы из лигатуры “ПТКІ”, набор литер в нашем распоряжении увеличивается серьезным образом: В, I, К, V (v), О, П, Р, Т, Х, У. Вариантов буквенных комбинаций наоборот становится слишком много – тут нужно подставлять только конкретные имена, поскольку пытаться учесть все возможные варианты буквоподбора просто невозможно.

Важный для нас вариант В.Зайбта ХОВРАТОУ ПТКІ в этом варианте пока невозможен из-за отсутствия литеры “А”. Но, как уже отмечалось выше, наличие “А” в нижней лигатуре ставит под сомне-

ние только специфичность исполнения лигатуры. К тому же, если в монограмму вписано все слово ПАТΡΙΚΙΟΥ, а не сокращение ПТКІ, литера “А” здесь просто необходима. Сохранение “А” в монограммах № 2-3, разумеется, совершенно возможно, разве что она не может быть начальной. Интересно, что здесь по часовой читается именно “Хобрат”, а не “Хорват” или “Хроват”, как в монограмме № 1, но оба эти варианта также возможны и в монограмме № 2-3 при чтении по спирали против часовой, что, наоборот, оказывается более логичным, исходя из локализации заключительной буквы корня “Т” справа (схема: “Х” – нижняя “О” – “Р” – “В” – “А” – “Т” – верхняя “О” – “У” = ХОРВАТОУ).

Развивать тему вариантов далее мы считаем неразумным, поскольку набор литер в нашем распоряжении включает половину алфавита (А, В, I, К, [Λ], V (v), О, П, Р, Т, Х, У), а, следовательно, поле для фантазии просто огромно. Утверждать, что в монограммах № 2-3 можно при желании прочитать все, что угодно, конечно, будет преувеличением, но то обилие вариантов, с которыми приходится иметь дело, не может не вызвать скепсис относительно возможности когда-нибудь приблизиться к выбору правильного варианта прочтения.

Версия общего имени. Версия о том, что монограмма № 1 и монограммы № 2-3 отражают одно и то же имя, позволяет значительно сузить количество вариантов. Она, конечно, не безупречна, но повтор в обеих монограммах согласных “В”, “Р”, “Х”, “Т”, а также расположение литер делают ее вполне вероятной. И даже, если имена в монограммах разные, сходство их схемы не может не наталкивать на мысль о их зависимости. По предположению Й.Вернера, перстень с монограммой № 1 сделан до получения его собственником титула патрикия, после же получения были изготовлены перстни с монограммой № 2-3. Если это так, то монограмма № 2-3 представляет собой модификацию монограммы № 1 в варианте ее оттиска, т.е. литеры “Р” и “Т” просто поменяли местами, заменив при этом “Т” лигатурой “ПТКІ”. Поправки, внесенные во второй монограмме, как мы уже отмечали выше, либо подчеркнули, что здесь в нижней лигатуре вписана еще и литера “О”, либо подчеркнули, что в ней нет литеры “А”. В последнем случае из вариантов чтения монограммы № 1 придется убрать все, включающие “А”. Более интересной может оказаться версия о том, что замена “А” на “О” во второй монограмме отображает не добавление, а смену титула, вместо которого был вписан “патрикий”. Возможные начальные буквы, общие для всех трех монограмм, – это “В” и “Х”.

Важная деталь: вариант, в котором обе монограммы, сделанные разными людьми в разное время, заключают одно и то же имя, сводит к минимуму

элемент звукового искажения – оба автора монограмм или опирались на уже традиционную для каких-то письменных документов форму записи имени, или же слышали его совершенно одинаково.

4.3. Проблема выбора

Приступая к анализу перещепинских монограмм, мы полностью отдавали себе отчет в том, насколько объемным окажется пласт возможных прочтений, и насколько сложно будет сформулировать выводы. Главная же причина, почему разбор монограмм представлен в столь детальном виде, заключается в широкой популярности ныне версии чтения монограмм В.Зайбга, используемой многими археологами как *аргумент* в интерпретации перещепинского комплекса, несмотря на то, что сам исследователь, хорошо представляющий всю сложность анализа монограмм с неизвестным негреческим именем, в письме к Й.Вернеру свое прочтение назвал лишь “*возможностью*” (Werner J., 1984, S.44).

Вполне возможно, что одна из более чем сотни рассмотренных нами выше комбинаций действительно отражает записанное в монограммах имя. Вполне возможно, что даже в это число реальное имя не попало. Важно просто отдавать себе отчет в том, что любое из прочтений является лишь *гипотезой*, а не *фактом*, поэтому апеллировать к данным “расшифровки монограмм”, как *аргументу* в научном исследовании, совершенно некорректно.

Впрочем, сделать свой собственный, субъективный выбор “наиболее приемлемого” варианта прочтения каждому из нас это не мешает. Субъективным он останется в любом случае, несмотря на все попытки очистить сознание от “стереотипа узнаваемости”, следовать наиболее доказательной схеме чтения или доверяться филологически корректным вариантам имен. На каждом этапе нам все равно придется делать выбор, разделяя признаки на “главные” и “второстепенные”, подсознательно или сознательно доверяясь определенной концептуальной линии анализа.

“Узнаваемые” имена. Элементарный вопрос: сколько мы имеем в нашем распоряжении имен кочевнических вождей Восточной Европы VII в., сводит объективность восприятия историка практически к нулю. Нам не известно ни одного имени аварских и хазарских каганов этого периода, местных правителей Западнотюркского каганата, предводителей берсилов, савиров, других тюркских племен. Источники знают их лишь по титулам: “Хаган”, “Джабгу”, “Шат”, “Алп-эльтебер” и т.п. Возможно, указанные правители были слишком слабо знакомы народам, имеющим письменность,

либо же у них существовало табуирование открытого произношения имени правителя. В любом случае, данные антропонимии для VII в. мы имеем исключительно для болгарских вождей, да и то в различных передачах: Органа (Аргана), Курт (Коврат, Кроват, Куврат, Худбадр, Хубраат), Кувер (Кувар), Аспарух (Аспар-хрук, Исперих, Есперерих), Батбаян (Баян, Батай, Безмер).

В условиях такой безальтернативности мы автоматически признаем более доказательной именно “болгарскую” линию сравнений, поскольку других попросту не существует. Эту линию представляют варианты: ХРОВАТ, ХОВРАТ, ХОУВРАТ, напоминающие многочисленные формы имени отца Аспаруха. При этом фонетически гораздо более корректный вариант ХОРВАТ почему-то исключается сразу, так как создает “ненужные” исторические проблемы схожестью со славянским этнонимом и именем легендарного вождя хорватов.

Пожалуй, самая слабая сторона “болгарской” версии – лингвистическая. Булгарская форма имени отца Аспаруха – “Курт” (Qurt) – в монограммах может угадываться только в двусоставных именах типа: АВА-ХОУРТ – Aba Qurt – “Отец-Волк”, то же: ХОУРТ-АВА; ВАІ-ХОУРТ, ВАІАV-ХОУРТ – “Богач-Волк”. Другие же варианты: ХРОВАТ, ХОВРАТ, ХОУВРАТ – на тюркской основе непередаваемы, а от византийских форм имени отца Аспаруха – “Коврат”, “Кроват” – отличаются начальной “Х”, а не “К”. Апелляция же Й.Вернера к армянской форме “Хубраат” (Werner J., 1992, S.432) в нашем случае бесполезна, поскольку речь идет о форме имени, появившейся на перстнях в результате прямого византийско-кочевнического контакта, а следовательно, отражающей языковые нормы только тюркского и греческого языков, но никак не армянского.

“Односторонний баланс” нарушает элементарное расширение нашей сравнительной базы за счет имен хазарских правителей VIII в.: “Ибудзир Глиаван”, “Вирхор”, “Барджиль” и “Багатур”. Ближе всего по времени к перещепинскому комплексу каган Ἰβούζηρος Γλιόβανος (Чичуров И.С., 1980, с.125). Его имя явно искажено, поэтому, “вписывать” его в перещепинские монограммы мы считаем занятием беспечным. “Вирхор” – Вурхор (Virchor) – так звали хазарского кагана, породнившегося с императором Львом III (Иванов С.А., 2002, с.42, 43). Имя “Вирхор” легко читается в монограммах № 2-3: ВУРХОР, ВІРХОРОУ; общая же возможная для всех монограмм форма – ВУРХОРТ, ВІРХОРТОУ, т.е. “Вирхорт”. Реконструкция имени точно не ясна, возможно, это *Vir Qor – “Один горящий уголь” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.366), *Vir Qurt – “Одинокий Волк”, либо же *Var-kör – “Богач-

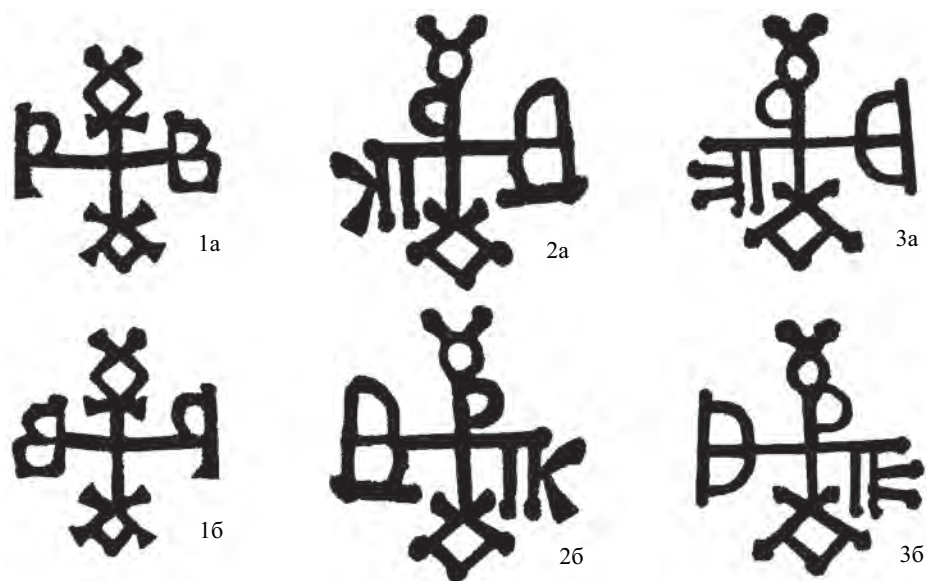

Рис. 54. Монограммы перещепинских перстней (а – позитив; б – оттиски).

Fig. 54. Monograms of Pereshchepina seal-rings (a – positive; б – imprints).

тый” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.332, 333). Имя “Барджиль” (дословно *Bar jyl – “Богатый год”, возможно также: *Bar jil/jel – “Богатый Ветер” либо *Bar jel/il – “Богатый народ”) (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.40, 70, 316; 332, 333) носил сын хазарского кагана, скорее всего, того же Вирхора, имевший титул джабгу. Схожая форма имени угадывается в возможных для монограмм № 2-3 вариантах ВАРХУЛОУ, ВАРХІЛОУ, но дифтонг “дж” все же, скорее, был бы передан “дзетой”. Наконец, “Багатур” – имя кагана 60-х гг. VIII в. (Артамонов М.И., 2002а, с.254) и, скорее всего, преемника Вирхора, уверенно читается в монограммах № 1-3 в виде ВАХАТОУР или ВАХАТОУРОУ, с единственной и фонетически корректной заменой “γ” на “х”. Эта замена, скорее всего, должна быть отнесена на счет восприятия греками тюркского “γ”, поскольку в известных тюркских формах оглушается только один из слогов: baγatur, bahadur, впрочем, в армяно-кыпчакском известна и близкая форма bahatir (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.560). В праболгарских надписях форма baγatur не искажена – Ваγатоур (Бешевлиев В., 1992б, с.193, 248, 249).

Из упомянутых “исторических” имен лучше всего “вписывается” в обе перещепинские монограммы “Бахатур”. Эта форма не только прозрачно объясняется из древнетюркского, но и хорошо известна в составе древнетюркских личных имен или, точнее, как почетное “тронное” имя правителей (Древнетюркский словарь, 1969, с.77).

Схема чтения “Бахатур” (Baγatour) в обеих монограммах простейшая. В монограмме № 1 – это синусоид. По “позитиву”: В – переход по часовой вниз – АХА – далее вверх – ТОУ – и против часовой – Р; по оттиску: В – переход на нижнюю лигатуру – АХА – вверх – ТОУ – по часовой – Р. В монограммах № 2-3 “Бахатур” читается в оттиске по кругу против часовой: В – переход вниз – АХА – переход вправо – Т – вверх – ОУ и вниз в той же лигатуре – Р. Единственное смущающее обстоятельство – это все то же злополучное начертание нижней лигатуры в монограммах № 2-3, где “альфу” опознать довольно трудно. Правда, еще труднее на этих монограммах опознать “В” и “К”, т.е. замечание в данном случае не слишком принципиальное. Тем более, что в монограммах № 2-3 действительно возникла необходимость в еще одном окончании “ОУ” для титула ПАТРИКІОУ, т.е. автору этой монограммы пришлось реализовать “скрытый потенциал” лигатуры “Х, А” за счет подчеркивания наличия в ней также “О, У”.

Таким образом, монограмма № 1 может быть прочитана как ВАХАТОУР – “Бахатур”, а монограммы № 2-3 – как ВАХАТОУРОУ ПАТРИКІОУ – “[печать] Бахатура патрикия”. Этот вариант на сегодня, пожалуй, лингвистически самый предпочтительный по всем основным показателям: слово легко объясняется из древнетюркского как “Витязь, Богатырь, Герой” и известно как почетное имя-титул правителей Тюркских и Хазарского каганатов, Болгарского ханства, монголов династии Джучидов и др.

Историческая экспертиза. Несмотря на аргументированность варианта чтения ВАХАТОУР, наличие имени “Багатур” в монограммах № 2-3, с точки зрения историка, все же может быть сомнительным. Как уже аргументировалось выше, титул “патрикий” жаловался византийскими императорами вождям-федератам мелких кочевнических образований, правителям мелких зависимых областей и их окружению, но он никак не соответствовал рангу правителей Западнотюркского или Хазарского каганатов, в подконтрольных же им областях никто не смел носить почетное ханское имя. “Девальвация” имени “Багатур” началась у тюрков не ранее 2-й пол. VIII в., когда после падения II Тюркского каганата легенда о “неборужденности” каганов постепенно зашаталась, и ханские почетные имена начали присваиваться знатью. У праболгар титул “Багатур-хан” известен в титулатуре неизвестного локального правителя Иоанна еще и в IX в., но в среде основной массы болгар этот титул уже начинает присваиваться и знатными багаинами (Бешевлиев В., 1992б, с.193, 248, 249).

Возможность сочетания титула патрикия и имени “Бахатур”, на наш взгляд, все же могла быть в титулатуре джабгу тюркютов, встретившегося в 627 г с Ираклием. В пользу этого, кроме получения титула патрикия Джуаншером в ответ на письменное заключение союза с Константином II, есть также интересное свидетельство пресвитера Фомы о встрече Ираклия с Шахрваразом при подписании договора о возвращении захваченных персами земель. Фома называет Шахрвараза “патрикием”, в то время как, согласно Никифору, после этой встречи “патрикия” Ираклий жаловал его сыну Никите (Липшиц Е.Э., 1950). Не существовало ли у византийцев практики “предварительного” “письменного” жалования титула патрикия союзным вождям, которые получали “княжеские” инсигнии лишь после личного выражения преданности императору при встрече?

Титул “патрикий” вполне мог бы соответствовать положению вождя болгар Курта, но, заметим, только в случае его признания *протектората Византии*. Главная проблема в этом варианте – зачем империи в сер. VII в. мог понадобиться подданный в виде кочевнического вождя из зоны влияния Тюркского или Хазарского каганатов? Неужели Византия пошла на открытый конфликт со своими традиционными союзниками? Против какого врага тогда могли оказаться полезными Византии прикубанские болгары, сами империи уже давно не угрожавшие? Историческая ситуация сер. VII в., пожалуй, полностью противоречит такому предположению, поскольку Византия в 626-630, 645 и 654 гг все еще находилась в состоянии *союзнических отношений* с тюрками. Их разрыв про-

изошел только в 662 г, когда Константин II утратил интерес к Кавказскому региону и практически отказался от борьбы за него с арабами. Но и в этих условиях любая попытка поддержать “оппозиционную” хазарам кочевническую силу Восточной Европы, т.е. начать контригру не против главного врага – арабов, а против бывших союзников, выглядела бы просто политической авантюрой. Собственно, этого, скорее всего, и не было, поскольку появившийся в сер. 70 гг VII в. у берегов Дуная сын Курта Аспарух никаких признаков лояльности к Византии не обнаружил, а для самих греков болгары были “мерзким и новоявленным племенем” (Чичуров И.С., 1980, с.38).

Другой “исторический” вариант объяснения монограмм в общих чертах уже был нами изложен (Комар О.В., 2000б). Мы предлагаем обратить наиболее пристальное внимание на монограммы № 2-3. Во-первых, это имя представлено на двух перстнях и поэтому явно не случайно. Во-вторых, монограммы сделаны греком, но, скорее всего, уже в варварской среде, т.е. он был непосредственно знаком со звучанием имени и мог свести к минимуму фонетические искажения. В третьих, собственник перстней кат.14-15 непосредственно участвовал в византийско-кочевнических политических отношениях, о чем свидетельствует пожалование ему титула патрикия.

Кроме вариантов хазарского “Вирхор” – ВУРХОР, ВІРХОРОУ, ВУРХОРТ, монограммы № 2-3 дают также разные вариации имен “Бухур”, “Бухра” (ВОХОУРОУ, ВОУХОУР, ВОУХРА), т.е. тюрк. Бууур, Бууга – “Верблюд”, а также “Борих” (“Бурих”) – ВОРІХОУ, ВОРУХОУ, ВОУРІХОУ – т.е. древнетюркского Böri – “Волк”. “Бори”, хотя и воспринимается многими исследователями как имя собственное, распространенное среди представителей династии Ашина, согласно китайской записке VIII в. “о чинах и званиях” у тюркютов, на самом деле так же, как и “Багатур”, было почетным титулом (Зуев Ю.А., 1998, с.154, 155). По наблюдению Ю.А.Зуева, титул “Бори” носили представители династии определенной возрастной категории. Он часто присваивался младшему брату кагана, будущему или возможному претенденту на каганский престол. Наделение титулом “Бори” обычно сопровождалось отсылкой в пограничные опасные районы и как бы символизировало прохождение его носителем курса военной и захватнической (“волчьей”) академии перед последующим правлением всем государством (Зуев Ю.А., 1998, с.158). Хотя китайский текст говорит о “фулинькаганах” (бори-каганах), на практике чаще всего титул “Бори” сочетался с рангом шада, и только в 572 г младший брат Таспар-кагана Жудань получил титул “Бори-хан” с назначением пребывания “в За-

падной стороне” (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.233). Очевидно, именно он и упоминается у Менандра как “Бохан”, командовавший войсками тюркютов при взятии Боспора в 576 г (Дестунис С., 1860, с.422). В более поздних тюркских и праболгарских надписях, как и в случае с “Багатур”, происходит “девальвация” и этого имени; у праболгар, например, оно сочетается с титулом тархана (Бешевлиев В., 1992б, с.75).

Наиболее частое сочетание титулов “Боришад” заставляет обратить особое внимание на варианты чтения монограммы № 1 – ΒΟΡΙΧΑΤΟΥ, ΒΟΥΡΙΧΑΤ, ΒΟΥΡΥΧΑΤ – “Борихат”, “Бурихат”. Графически передать звук “ш” в греческом тексте проще всего было “сигмой”, но в крестообразных монограммах “сигма” принадлежала к разряду “неудобных” литер, сложных для вписывания в лигатуры. В нашем же случае расклад согласных и гласных именно такой, при котором “сигме” в лигатуре места совершенно нет. Поэтому предположение, что автор монограммы передал звук “ш” титула “шад” (“шат”) при помощи литеры “X”, в целом, правомерно. Во всех трех монограммах варианты ΒΟΡΙΧΑΤΟΥ, ΒΟΥΡΙΧΑΤ, ΒΟΥΡΥΧΑΤΟΥ читаются без труда, но следует учесть также возможность замены титула “шат” в монограммах № 2-3 на византийский титул “патрикий”. В последнем случае монограммы будут выглядеть несколько различно: монограмма № 1 – ΒΟΡΙΧΑΤΟΥ или ΒΟΥΡΙΧΑΤ – “Борихат” (*Böri şat), монограммы № 2-3 – ΒΟΡΙΧΟΥ (ΒΟΥΡΙΧΟΥ) ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ – “Бориха патрикия” (*Böri-şou patrikiou).

Версия о ношении собственником перстней кат.14, 15 тюркютского титула “Боришад” в момент получения от греков титула патрикия хорошо согласуется с отмеченной нами выше ситуацией одаривания Константином II при личной встрече албанского князя Джуаншера, когда титул патрикия был пожалован его юным сыновьям и племяннику, а не самому князю, получившему от императора “княжеские” инсигнии (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.99, 100). Подобную картину вручения “княжеских” инсигний можно было наблюдать и при встрече джабгу тюркютов с Ираклием у Тбилиси в 627 г, правда, тюркют при этом был обручен с дочерью Ираклия и торжественно назван императором “сыном”, что, вероятно, отображает его крещение (Чичуров И.С., 1980, с.159). Никифор, к сожалению, не сообщает о том, как император отметил сына джабгу, носившего титул “шат” и лично возглавившего 40-тысячное войско тюркютов, участвовавшее в походе Ираклия в Персию, но вряд ли можно назвать смелой гипотезой предположение о награждении “шата” титулом “патрикий”. Факт же самостоятельного командования юным шадом – будущим претендентом на каганский престол – боль-

шим тюркютским воинским контингентом, участвовавшим в важной завоевательной кампании, как нельзя лучше соответствует ситуации ношения тюркютского имени-титула “Бори”, по Ю.А.Зуеву (Зуев Ю.А., 1998, с.158). Этот титул, разумеется, мог сохраняться и позже у хазар, но другого удобного случая сочетания тюркского “Бори” и византийского “патрикий” в титулатуре одного человека в источниках найти трудно.

Данный эпизод интересен также тем, что патриkiem шادا Ираклий мог сделать только у Тбилиси либо позже в Персии, после взятия Дастегерда, но в любом случае перстни с титулатурой патрикия были бы изготовлены уже в “полевых”, походных условиях. Грубость исполнения монограмм перещепинских перстней кат.14, 15 здесь становится не только объяснимой, но и закономерной. Находит объяснение и сама причина изготовления перстней-печатей для варвара – координация действий византийского и тюркютского отрядов во время персидской кампании требовала постоянного контакта Ираклия и шادا, в т.ч. обмена письменными посланиями, для чего при шаде однозначно находился грек-секретарь.

Перстень кат.13 явно создан в других условиях – его, например, могли заготовить заранее для встречи императора с тюркютами по рекомендации посольства патрикия Андрея, несомненно, собравшего максимум информации о тюркютских вождях. Впрочем, перстень также мог предназначаться и отцу “шата” – “джабгу”, для которого имя-титул “Бахатур” вполне допустимо; монограмму же перстней кат.14, 15 “Бориха патрикия” просто создали уже на месте на основе близкой “отцовской”. Перстень кат.13 мог получить позже и сам собственник перстней кат.14, 15, когда он стал правителем, а следовательно, “перерос” титул патрикия или “заслужил” имя “Бахатур”. Наконец, этот перстень мог принадлежать и его сыну, получившему в наследство перстни кат.14, 15.

Возвратимся к главному факту, обусловившему само возникновение анализируемых перстней, – кочевническо-византийской переписке. Наиболее тесные отношения Византии с кочевниками в VII в., подразумевающие неоднократный обмен посольствами и письменными посланиями, – это события 625-630 гг., следы которых в Перещепине отмечены в виде византийских монет и медальонов 629-632 гг. чеканки, а также золотой сасанидской посуды. В 645 г координация союзных действий войск тюркютов и византийцев также должна была быть достигнута обменом сообщениями, в т.ч. и письменными. Более уверенно об этом можно говорить в 653-655 гг: помощь союзников хазар и алан пришла в Армению к византийскому полководцу Мавриану в тот момент, когда Константин II удалился

в Малую Азию, а арабы начали контрнаступление в Закавказье, т.е. хазар вызвали срочным сообщением. Скорее всего, все три эпизода военного союза были связаны с именем одного человека – племянника Тон-джабгу-кагана и первого кагана хазар, известного в источниках для событий 625-630 гг под титулом “шат” (шад). В 627 г ему было всего 14-16 лет, в 645 г – 32-34 года, в 654 г – 41-43 года. При условии доживания, как болгарские вожди Курт и Аспарух, до 60 лет, умер первый каган хазар только около 671-673 гг, т.е. эпизод разрыва политических отношений с Византией в 662 г. также вполне попадает на годы его правления. Получается, что даже его сын уже вряд ли имел шанс получить подобный перстень самостоятельно.

Непосредственно в переписке с византийцами участвовал сам каган (шад) и его отец джабгу. Отправляясь в совместный поход с тюркютами, Ираклий рассчитывал на личное участие в нем джабгу тюркютов, т.е. именно для него, в первую очередь, должны были заранее приготовить перстень-печатку. Но после осады Тбилиси выяснилось, что сам джабгу с Ираклием в Персию не пойдет, а войска тюрков в этом походе возглавит его сын – шад. Возникла необходимость во втором перстне-печатке, и, если его предусмотрительно не приготовили, изготовить перстень с монограммой нужно было срочно на месте. Выполнить такую монограмму у Тбилиси пришлось случайному человеку, не ювелиру, а за образец монограммы в этом случае легче всего было взять перстень, приготовленный для джабгу. Учитывая же чрезвычайную продуктивность в древнетюркском слов с подобной комбинацией звуков, схожесть монограмм отца и сына не удивительна, тем более, что в нашем случае такими, скорее всего, выступают “шаблонные” почетные имена-титулы “Бахатур” и “Бори”.

Подчеркнем одно обстоятельство: монограммы № 1 и № 2-3 явно взаимосвязаны, но в случае их принадлежности одному человеку нужно настаивать на особом значении перстня с монограммой как инсигнии патрикия, оснований для чего пока нет. Это касается как рассматриваемого “тюркского” контекста, так и контекста версии Й.Вернера о принадлежности всех трех перстней болгарскому вождю “Хубрату”. Изменение первоначальной монограммы для добавления на печать титула “патрикий” в этом случае – чистая блажь, прихоть варвара, привыкшего к обязательному перечислению в имени своих титулов. Это важная деталь, так как в этой версии из вариантов прочтения монограмм следует учитывать только двусоставные с вторым компонентом-титолом: ХАУ (хан), ХАТ (шат), ТАРХАУ (тархан), ВАХА (бага).

При версии “отцовского” имени в монограмме № 1 судьба перстней нам представляется следую-

щей. В 630 г “Бахатур”-джабгу гибнет, а его перстень переходит к “Бори-патрикию” (шаду) в качестве своеобразного внешнеполитического символа. Такими же символами выступали все три перстня и тогда, когда их собственником был один “Бори-шат” (“Бори-шат патрикий”), продолжавший маркировать ими свои письма к византийскому двору, и уже будучи каганом. Эти перстни воспринимались тюрками не как инсигнии власти, а как знаки *эксклюзивной связи* с византийскими императорами, поэтому после смерти кагана перстни переходят к его сыну-наследнику – собственнику перещепинского комплекса. Но в правление последнего в 70-80 гг VII в. отношения с Византией не только не восстанавливаются, но и усугубляются вторжением хазар в Крым. Византийские перстни теряют свою главную символику и функции, поэтому после смерти “перещепинского” правителя их уже не передают наследнику, а, по тюркскому обычаю, в составе предметов умершего отправляют в Нижний мир с тем, чтобы тот “вернул” перстни отцу. Из отцовских предметов тем же способом “возвращают” ему также захваченные во время закавказской кампании или полученные в качестве даров от греков драгоценные сосуды (кат.1-5, 19-24), подарочные медальоны Ираклия и старые монеты.

В рассмотренном варианте событий на перстнях кат.13-15 нет имени непосредственного собственника перещепинского комплекса. Возникает такая возможность только в варианте посылки всех трех перстней с посольством к хазарам в 653 г. Теоретически допустимо, что византийское посольство знало только имя кагана, нанесенное в виде монограммы на перстень кат.13, а имя его старшего сына, которого было поручено от имени императора удостоить титула патрикия, нет, что и вызвало появление “кустарных” монограмм № 2-3 на перстнях кат.14, 15. В этом варианте в монограмме № 1 оказывается вписанным “тронное” имя кагана, например, то же “Бахатур”, а в монограммах № 2-3 – “юношеское” имя его сына, вероятно, “Бори”. После провозглашения каганом “Бори” (Бори-шада) его имя однозначно меняется на почетное “тронное”, поэтому на момент смерти “перещепинский” правитель не мог носить то же имя, под которым он в юности получил от греков титул патрикия. Данная версия предлагает, по крайней мере, одно из возможных имен “перещепинского” правителя, но она заметно слабее предыдущей, поскольку само посольство 653 г. лишь реконструировано нами на основании синтеза исторических и археологических данных.

Наконец, версия “трофея” предполагает, что указанные перстни захвачены “перещепинским” правителем у одного из вождей-федератов Византии. Сохранность перстней заставляет отбросить

варианты с кочевниками-федератами Юстиниана, хотя в нашем случае интересные параллели есть. Речь идет об именах вождя савиров Балаха и его жены Боарикс (Чичуров И.С., 1980, с.50). В монограммах № 1-3 им соответствуют варианты чтений ВАРАХОУ (“Барах” з заменой р – л) и ВОАРУХ (“Боарих”). Отобразить перстни как символы власти или самостоятельной внешней политики у савирских вождей могли тюрки в 560-570 гг. У хазар же они могли храниться уже как символ власти над савирами.

Подчинение тюрками племен Северного Кавказа сделало их основным стратегическим партнером Византии в данном регионе. В VII в. эти отношения нарушились только в 662 г, когда хазары начали вторгаться в Албанию, а позже и Армению. Только в этих регионах во 2-й пол.VII в. хазары и могли захватить важного пленника с негреческим именем, носившего византийский титул патрикия. Для полноценного анализа монограмм № 1-3 нужно, конечно, широко привлечь еще и данные древнеармянской антропонимии, но мы укажем только на один важный вариант прочтения, возможный для всех монограмм № 1-3 – ВАХРАТОУVI – “Бахратуни” (Багратуни).

Подобное прочтение монограмм указывает на принадлежность перстней одному из многочисленных представителей рода Багратидов, давшего Армении VI-VIII вв. большое количество выдающихся политических деятелей. Перстни одного из Багратидов для хазар представляли бы собой почетный трофей, который в составе комплекса предметов проводов седьмого дня одновременно должен символизировать служение поверженного врага в загробном мире “перещепинскому” правителю. Собственно, значительная часть поминально-похоронного ритуала тюркютов направлена была именно на достижение подобной цели, для чего специально изготавливались балбалы – символы убитых врагов (Войтов В.Е., 1996, с.83-91). Наиболее реально получить перстни Багратида “перещепинский” правитель мог в 654 г, когда войска хазар и алан участвовали в “карательной” акции византийцев против восставших армянских феодалов, или в 684/685 гг, когда в битве с хазарами пали ишхан Армении Григор Мамиконян и многие армянские князья (Тер-Гевондян А.Н., 1977, с.37-43, 51).

Впрочем, потенциал “армянской” версии на этом далеко не исчерпывается, поскольку не только представители правящих семей Армении и Албании носили в сер. – 2-й пол.VII в. титул патрикия. Досточно вспомнить эпизод присоединения Албании к Византии, когда Константин II не только дал титул Джуаншеру, но и “приказал также отправить ему пativity патрикия ипата, апуипата, стратела-

та и элиста на тысячу двести человек, чтобы сам [Джуаншер] пожаловал их кому захочет” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.99), т.е. Джуаншер был наделен правом раздать всему своему окружению византийские должности и титулы, дабы привести управление страной к образцам византийских провинций. Чем данный эпизод не причина появления грубых монограмм № 2-3?

Итоги. Для читателя, ожидавшего увидеть в конце настоящего раздела “простое решение” или, по крайней мере, четко сформулированные выводы с аргументированно отобранным “наиболее вероятным” вариантом прочтения, полученный результат, несомненно, покажется обескураживающим. Не ясно, заключают монограммы № 1-3 два имени или одно. Не ясен язык имен монограмм, варианты же прочтения на базе наиболее вероятной древнетюркской основы слишком многочисленны. Не установлена прямая связь появления перстней с определенными историческими событиями и личностями. Все ответы не выходят за рамки реконструкций, предположений и вероятностей, не позволяя не только назвать имя собственника перещепинского комплекса, но даже утверждать, что именно оно и заключается в монограммах.

Предложенный анализ, тем не менее, убеждает в другом: реальный ответ на вопрос, кому принадлежал перещепинский комплекс, может дать только детальный историко-археологический анализ предметов из его состава. Это – большой и яркий пласт информации, в котором довольно отчетливо вырисовывается история формирования перещепинского комплекса и всей перещепинской культуры, тесно связанная с судьбами многих народов Восточной Европы VII в.

Заключение

На момент сокрытия предметы перещепинского комплекса представляли собой собственность одного человека – правителя крупного кочевнического раннегосударственного объединения, богатство рода которого формировалось на протяжении целого столетия из дипломатических подарков и выплат, военной добычи, продукции различных мастеров.

Наиболее ярко этот род характеризуют дипломатические дары и военные трофеи, происхождение которых прямо связано с историей византийско-тюркских союзнических отношений. Самые ранние поступления в сокровищницу рода отражают солиды Маврикия 582-602 гг (кат.М1) и, возможно, византийский серебряный рукомойный прибор с клеймами этого же периода (кат.3, 4), попавшие к тюркютам-“хазарам” в

589 г в составе византийских даров при заключении союзного договора против персов. Затем, в 602-610 гг, в составе выплаты поступили солиды Фоки (кат.М2). Результатом совместного тюрко-византийского похода в Персию 628 г стало появление в сокровищнице как минимум царских сасанидских золотых сосудов (кат.21, 22), а также, возможно, перстней с монограммами (кат.13-15) и византийских браслетов (кат.10). С разграблением тюркютами Грузии, Армении и Албании в 626-630 гг могут быть связаны блюдо Патерна (кат.1), серебряная амфора (кат.2) и золотая чаша (кат.24). В 630 г к этим же тюркютам поступили солиды и подарочные медальоны Ираклия и Ираклия Константина 629-632 гг (кат.М4-9), а также, возможно, серебряное блюдо (кат.5). Выплата солидами Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона 638 г чеканки (кат.М10-50) самостоятельно могла прийти только в нач. 640 г, если же принять мнение И.В.Соколовой о их поступлении вместе с выплатой солидами Константа II 642-646 гг чеканки (кат.М51-69), то тогда выплата пришла в 645 г как плата за союзное участие тюркютов в войне против арабов. Возможно, одному из кошель с монетами принадлежали византийские пряжка и обоймица (кат.6, 7). В 653 г одному или двум представителям рода новым византийским посольством был вручен дорогой подарочный комплект вещей “варварского” стиля, включавший пояс (кат.8, 9, 11, 30-37), меч с портупеей (кат.25, 28, 29, 101, 102), ритон (кат.26), колчан (кат.87) и сбрую (кат.48-54, 121). Это был последний дипломатический контакт византийцев с рассматриваемой группой кочевников, отраженный в перещепинском комплексе. Отсутствие здесь следующих поступлений монет или более поздних вещей византийского производства хорошо согласуется с ситуацией политического разрыва 662-704 гг. между Хазарией и Византией.

Все события внешнеполитических контактов семьи собственника перещепинского комплекса с 589 г по 653 г четко укладываются в рамки тюрко-византийских союзнических отношений, причем, уже начиная с совместной войны 589 г, источники параллельно называют интересующую нас группу тюркютов “хазарами”. Факт концентрации в руках одного рода византийских выплат и подарков 589-653 гг за участие тюркютов в войнах против общих врагов – персов и арабов – подталкивает нас к важному выводу о существовании уже с VI в. отдельной административной единицы Тюркского каганата – “западного удела”, власть над которым передавалась представителям одной семьи.

В 576 г византийцы контактировали с правителем западного удела, сыном Истеми-джабгу-

кагана, имя которого передано у Менандра как “Турксанф”, т.е. согдийское “господин тюрков”. Идентификация “Турксанфра” Л.Н.Гумилевым с Тяньхань-ханом (“Тяньшаньским ханом”) китайских источников, как мы уже иллюстрировали (Комар О.В., 2001а, с.88), ошибочна. В 576 г “Турксанф” не был верховным сувереном всех тюрков, но, тем не менее, все внешнеполитические решения по Византии принимал совершенно самостоятельно. Так, византийское посольство Валентина 576 г “Турксанф” просто не пустил к “Арсиле” – Таспар-кагану, направив его вместо этого к своему брату Тарду, и тут же, явно без дополнительных консультаций с Таспар-каганом, развязал военные действия против Византии. Непосредственно тюркским войсками при взятии Боспора командовал “Бохан”. т.е. младший брат Таспар-кагана – Жудань, который в 572 г получил титул “Бори-хана” с назначением пребывания “в Западной стороне” (Бичурин Н.Я., 1950, т.1, с.233). Поскольку титул (или даже, скорее, должность) “Бори” означал не административную нагрузку, а командование тюркской “волчьей” гвардией в захватнических операциях (Зуев Ю.А., 1998, с.158), следует полагать, что Таспар-каган уже в 572 г запланировал начало экспансии каганата в западном направлении, прерванной в 582 г в связи со смертью Таспар-кагана и началом усобицы в каганате. Единственным человеком, которому в этот период соответствовал статус “Турксанфа”, был “Дяньгу”, “Дату-хан” или “Бугя-хан” китайских источников, он же: “Кара Джуриин Тюрк” или “Биягу” персидских. Общее имя китайских и персидских источников отражает тюркское *Vögü* – “Герой, Богатырь” (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.561). После смерти Таспар-кагана последовал период распрей, и в источниках для эпизода византийско-тюркского союза 589 г впервые упоминаются хазары как отдельная политическая единица (Артамонов М.И., 2002а, с.158, 159). По сообщению Феофилакты Симокатты (Кн.VII, VII-IX), только в 598 г Бёгю-каган прислал послов к Маврикию с целью сообщить, что после долгой смуты он, наконец, “восстановил” свою единоличную власть в каганате, но китайские источники относят это событие к 600 г, когда Бёгю-кагану удалось на короткое время объединить под своей властью Восточный и Западный каганаты. В период же 576-600 гг именно Бёгю-каган был единственным правителем “западного удела”, пожалуй, уже со времени Истеми превратившегося в полноценный “Западный каганат”.

В 625-630 гг казна “западного удела” теперь уже Западнотюркского каганата оказалась в руках внука Бёгю-кагана, младшего брата Тон-джабгу-кагана, известного только под титулом “джабгу”. На-

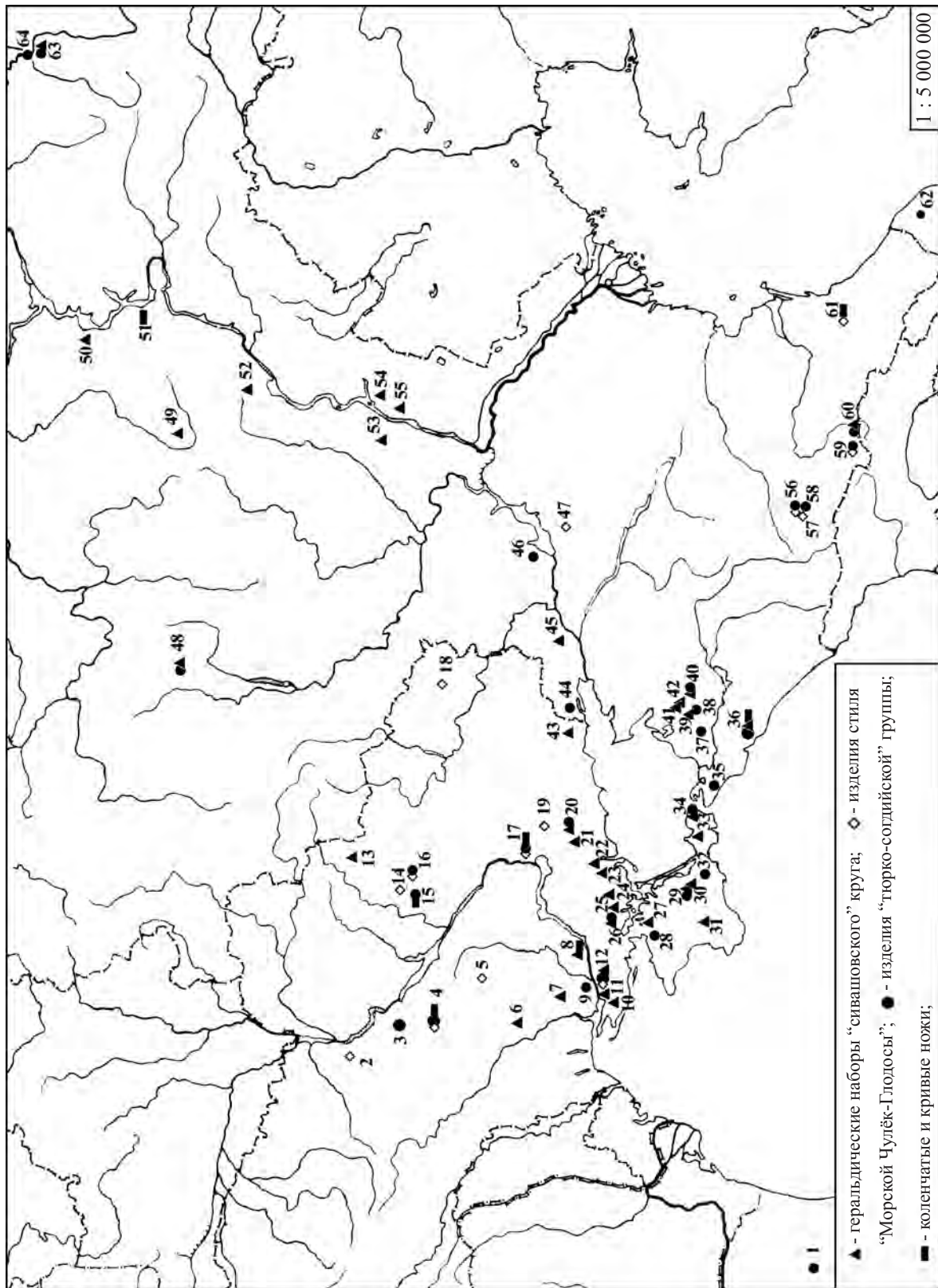

Рис. 55. Распространение культурно-стилистических групп: 1 – Мадара; 2 – Геленовка; 3 – Хацки; 4 – Глодосы; 5 – Ясиново; 6 – Дымовка; 7 – Христофоровка; 8 – Костогрызово; 9 – Белозерка; 10 – Черноморское; 11 – Адзиголь; 12 – Келегеи; 13 – Рябовка; 14 – Новые Санжары; 15 – Макуховка; 16 – Малая Перецепина; 17 – Вознесенка; 18 – Лимарёвка; 19 – Новогригорьевка; 20 – Виноградное; 21 – Аккермень; 22 – Малая Терновка; 23 – Родионовка; 24 – Сивашское; 25 – Сивашовка; 26 – Васильевка; 27 – Рисовое; 28 – Портовое; 29 – Наташино; 30 – Богачёвка; 31 – Скалистое; 32 – Новопокровка; 33 – Изобильное; 34 – Керчь; 35 – Джигинская; 36 – Борисово; 37 – Крупской; 38 – Старонижестеблиевская; 39 – Чапаевский; 40 – Калининская; 41 – “Царский курган”; 42 – Малаи; 43 – Октябрьское; 44 – Морской Чулёк; 45 – Епифанов; 46 – Карнаухов; 47 – Романовская; 48 – Арцибашево; 49 – Селикса; 50 – Новосёлки; 51 – Шиловка; 52 – Зиновьевка; 53 – Авилковский; 54 – Иловатка; 55 – Бережновка; 56 – Директорская Горка; 57 – Мокрая Балка (курук); 58 – Мокрая Балка (могильник); 59 – Камунта; 60 – Чми; 61 – Чир-Юрт; 62 – Уч-Тене; 63 – Новинковка; 64 – Уфа.

Fig. 55. Distribution of cultural and stylistic groups: 1 – Madara; 2 – Gelenovka; 3 – Hatski; 4 – Glodosy; 5 – Yasinovo; 6 – Dymovka; 7 – Khristoforovka; 8 – Kostogryzovo; 9 – Belozerka; 10 – Chernomorskoie; 11 – Adzhigol; 12 – Kelegei; 13 – Ryabovka; 14 – Novyie Sanzhary; 15 – Makuhovka; 16 – Malaia Pereshchepina; 17 – Voznesenka; 18 – Limaryovka; 19 – Novogrigorievka; 20 – Vinogradnoie; 21 – Akkermen; 22 – Malaia Ternovka; 23 – Rodionovka; 24 – Sivashskoe; 25 – Sivashovka; 26 – Vasilievka; 27 – Risovoie; 28 – Portovoie; 29 – Natashino; 30 – Bogachyovka; 31 – Skalistoie; 32 – Novopokrovka; 33 – Izobilnoie; 34 – Kerch; 35 – Dzhiginskaiia; 36 – Borisovo; 37 – Krupskoi; 38 – Staronizhesteblievskaia; 39 – Chapaievskii; 40 – Kalininskaia; 41 – “Tsarskii kurgan”; 42 – Malai; 43 – Oktiabrskoie; 44 – Morskoi Chulyok; 45 – Yepifanov; 46 – Karnauhov; 47 – Romanovskaya; 48 – Artsibashevo; 49 – Seliksa; 50 – Novosyolki; 51 – Shilovka; 52 – Zinovievka; 53 – Avilovskii; 54 – Ilovatka; 55 – Berezhnovka; 56 – Directorskaia Gorka; 57 – Mokraia Balka (kuruk); 58 – Mokraia Balka (burial ground); 59 – Kamunta; 60 – Chmi; 61 – Chir-Yurt; 62 – Uch-Tepe; 63 – Novinovka; 64 – Ufa.

следственный характер власти в западном уделе, на наш взгляд, подтверждает албанская хроника, передающая слова сына джабгу – “шад”, сообщившего в разговоре с католикосом Виро, что захваченные им в 629 г земли Закавказья присоединены к уделу: “ибо, говорил шад, получил отец мой эти три страны – Агванию, Чога и Лбинию в вечное владение” (Моисей Каганкатваца, 1861, с.127). Действительно, в 625-630 гг византийцы вели все переговоры не непосредственно с каганом, а лишь с его братом, и именно с джабгу, а не Тон-джабгу-каганом Ираклий обручил свою дочь. Это очень напоминает ситуацию 576 г, когда при формальном существовании более высокого лица – Таспар-кагана – правитель “западного удела” Дат-хан концентрирует все политические отношения с Византией в своих руках. Похоже на то, что принимать посольства и подарки от византийцев было едва ли не нормативно узаконенной привилегией правителей “западного удела”. С 630 г удел перешел к сыну джабгу, носившему в 626-632 гг титул “шад”, а с 632 г ставшему первым каганом нового Хазарского каганата.

“Археологические следы” династии Ашина в Северном Причерноморье не ограничиваются лишь перещепинским комплексом. Сооружения другого, культурно и хронологически близкого Перещепине, комплекса из Вознесенки были атрибутированы как каганский поминальный храм еще А.К.Амброзом (Амброз А.К., 1981; 1982). Сегодня этот вывод обретает дополнительный подтекст, в связи

с тем, что все известные близкие по типу и размерам тюркские куруки VI – нач.VIII вв. (Войтов В.Е., 1996, табл.1), судя по надписям, сооружены исключительно для каганов и членов их семей, т.е. фактически, для представителей династии Ашина. Существование подобного комплекса в Поднепровье не находит иного объяснения, кроме его связи с хазарской ветвью Ашина.

“Восточный” тюркский компонент в перещепинской культуре и в перещепинском комплексе, в частности, отчетливо фиксируется изделиями групп IIIa, IV, V, VIa, из которых особенно показательны предметы “тюрко-согдийского” стиля группы V. “Тюрко-согдийские” элементы форм, стиля и техники исполнения ювелирных изделий в перещепинской культуре узколокальны во всех отношениях: территориально, хронологически и в социальном плане (рис.55). Они представлены только в комплексах правителей и высшей знати из Среднего Поднепровья (Перещепина, Вознесенка, Глодосы, Ясиново, Новые Санжары), а также в погребении из Романовской в Нижнем Подонье, причем только Перещепина из них не относится к периоду IV (горизонту Шиловки – Романовской), абсолютные рамки которого условно определяются 698-725 гг. Перещепинские изделия при этом демонстрируют не только самый большой набор ассортимента, но и наиболее “чистый” “тюрко-согдийский” стиль, пока еще лишенный признаков влияния синтезированного византийско-варварско-

го “глодосского” стиля. Совершенно ясно, что речь идет о кратковременном “восточном” импульсе, появившемся при “перещепинском” дворе мастера или группы мастеров, навыки которых сформировались в условиях тесного контакта тюркских и согдийских эстетических и производственных традиций. Оказав кратковременное влияние на окружение “перещепинского” правителя, “тюрко-согдийский” стиль, тем не менее, не сумел выдержать конкуренцию с сильнейшим новым влиянием – византийским, следствием которого сначала стало появление синтезированного “глодосского” стиля ювелирных изделий, а затем – формирование византиноидного раннесалтовского комплекса украшений.

Проникновение “тюрко-согдийского” стиля к восточноевропейским кочевникам произошло в последней трети VII в. О возможности откочевки к хазарам в 50-60 гг VII в. части тюркютов после разгрома Западнотюркского каганата (657-659 гг) в литературе упоминалось довольно часто. Проблема этой гипотезы состоит в отсутствии каких-либо письменных упоминаний или надежных археологических следов притока нового населения в Восточную Европу именно в это время. Единственное же косвенное свидетельство в пользу этой версии – это начало масштабной хазарской экспансии в 664-665 гг, одной из причин которой могло стать усложнение демографической ситуации в полупустынях Северо-Восточного Прикаспия после притока сюда в 658-660 гг групп родственных хазарам западных тюркютов.

Наиболее четко появление новой группы населения в перещепинской культуре фиксируется в горизонте Шиловки – Романовской, т.е. только в нач. VIII в., и речь идет о будущих носителях культурного типа Соколовской балки. Комплексов, допускающих датировку в рамках последней трети VII в., среди них пока нет, а следовательно, даже с учетом времени на обживание новых земель и адаптации к новым условиям, появление этой группы населения к западу от Волги произошло не ранее кон. VII в.

Полученная дата не согласуется с временем разгрома Западнотюркского каганата, но существует и другая возможная причина миграции тюркютов на запад в последней трети VII в. В начале 674 г арабский наместник Хорасана Убайдаллах б. Зийад начал мощное наступление против Бухары. На помощь бухарцам, подчинявшимся тюркской правительнице хатун, явились тюрки, но арабы разгромили объединенную тюрко-согдийскую армию, обязав хатун платить дань. На следующий год уже новый наместник Са'ид снова прошел около Бухары и совершил поход вглубь Согда на Самарканд (Большаков О.Г., 1998, с.160-162). Разгром тюрко-согдийских войск и подчинение этих

владений арабам вполне могло вызвать откочевку части тюркских племен на север, в казахстанские степи, но возможен и направленный уход на запад, в родственные тюркютам Хазарский каганат. Такая группа тюркютов, несомненно, принесла бы в Европу яркие элементы синтезной тюрко-согдийской культуры, подобные наблюдаемым нами в перещепинском комплексе.

Дата поражения западных тюркютов в войне с арабами за Согд – 674-675 гг – чрезвычайно близка к упомянутой нами выше возможной “поздней” дате смерти Курта (672-674 гг), а следовательно, и “поздней” дате хазаро-булгарского конфликта – 675-677 гг. В этой модели именно в промежуток 675-677 гг хазары вступают в территориальный спор с северной группировкой булгар – уннотундурами Аспаруха, занимавшими часть степей Волго-Донского междуречья, где в нач. VIII в. мы уже фиксируем проживание предков носителей культурного типа Соколовской балки (Романовская, Дорофеевка). Случайно ли это совпадение? Тесная взаимосвязь событий истории кочевников на Западе и Востоке в эпоху раннего средневековья – явление объективное, не нуждающееся в дополнительных примерах или обосновании. Масштабная территориальная экспансия, предпринятая хазарами в 60-70 гг VII в., была обусловлена какими-то объективными потребностями Хазарского государства, из которых нам сейчас понятны только политические. Предпосылок же для внутреннего демографического взрыва у, собственно, хазар не было. Причиной возможного кризиса, потребовавшего резкого расширения зоны обитания хазарских племен, мог стать приток новой большой группы родственного кочевнического населения, которой в 70 гг VII в. могли быть только среднеазиатские потомки западных тюркютов, разгромленных в 674-675 гг арабами. Но тогда хазары появляются в Северном Причерноморье действительно только около 679 г. Возможен и третий вариант: два притока нового населения с востока в 658-660 гг и 674-676 гг.

“Ранняя” (665-670 гг) и “поздняя” (677-679 гг) возможные даты появления хазар в Северном Причерноморье разнятся всего на десять лет. По археологическим меркам, разница почти несущественная, но “поздняя” дата все же труднее согласуется с временем появления здесь памятников перещепинской культуры. Между тем, этапы хазарской экспансии очень хорошо объясняют изменения в расселении “перещепинцев”. В начальный период I (горизонт Иловатки) “перещепинцы” фиксируются только к востоку от Волги, но уже в период II (горизонт Сивашовки – Макуховки), нижняя граница которого определена нами около 665 г, их погребения появляются не только на

Правобережном Поволжье, но и в Северном Причерноморье, и в Восточном Приазовье. Масштабность этого захвата так же как и его результаты однозначно сравнимы только с захватами хазар в 60-70 гг VII в. В этот же период происходит и проникновение “перещепинцев” в славянскую лесостепь, обусловившее массовое выпадение кладов в зоне проживания племен северян, вятичей и радимичей, известных в IX-X вв. как хазарских данников. В период III (горизонт Уч-Тепе – Келегеев) – условно после 680 г – одна из групп “перещепинцев” проникает в Болгарию (Мадара). Речь однозначно идет об унногундурах Аспаруха, проживавших еще в 60 гг VII в. в едином культурном пространстве с хазарами, а в 681 г поселившихся во Фракии. Другая группа “перещепинцев” в этот же период проникает в Кавказскую Албанию, где появляется погребение из Уч-Тепе. Обстоятельства совершения погребения свидетельствуют о том, что это не были поспешные похороны – церемония проходила в спокойной обстановке на земле, считавшейся кочевниками захваченной. Также важная деталь – в этой операции участвовали не только дагестанские кочевники, но и отряды из более отдаленных регионов степи, к одному из которых и принадлежал погребенный в Уч-Тепе. Такая ситуация не соответствует кратковременному набегу. Речь идет о крупном походе, которым, скорее всего, был хазарский поход 684/685 гг, в результате которого хазары разорили Армению, Албанию и Грузию, разгромили их войска и убили в сражении армянских и албанских правителей. До конца периода IV (горизонт Шиловки – Романовской) – 698-725 гг – “перещепинцы” неожиданно ушли из недавно захваченных степей Северного Причерноморья и Восточного Приазовья; их культура нашла дальнейшее развитие в памятниках новинковского типа в Среднем Поволжье, а также в памятниках типа Соколовской балки. Поскольку поступления монет из Романовской вряд ли пришли к хазарам ранее 704 г, нижняя граница начала периода должна быть сдвинута к этой дате.

Дату ухода основной массы кочевых хазар из Северного Причерноморья установить несколько сложнее, тем более, что отдельные исследователи вообще сомневаются в самой возможности проживания хазар в этом регионе. Так, О.М.Приходнюк считает хазарское присутствие в степях Поднепровья после распада “Великой Булгарии” просто “невероятным”, аргументируя это тем, что “в условиях арабской экспансии все их силы были мобилизованы на удержание своих позиций в Приморском Дагестане, где располагался центр Хазарии” (Приходнюк О.М., 2001, с.38).

Локализацию центра раннего Хазарского каганата в районе Дагестана, пользуясь выражением

К.Цукермана, можно уверенно назвать “старым фантомом хазарологии”. Возникновению этой гипотезы мы, пожалуй, обязаны арабским авторам, называющим в числе “первых столиц” Хазарии Баланджар и Самандар. Число “хазарских столиц” этими городами не ограничивается: следует вспомнить также ал-Байду, Атиль и Керчь. Но вместо концепции поэтапного перенесения “центра Хазарии” следует вспомнить один важный момент: ранний Хазарский каганат был классическим кочевническим государством, “центр” которого всегда располагался там, где в данный момент находилась ставка кагана, арабские же писатели воспринимали понятие “центра” буквально, наделяя любой город, где пребывал глава государства, столичным статусом. В исторических событиях VII – 1-й пол.VIII вв. каган хазар действительно не раз появлялся в районе Баланджара или Самандара, но те же письменные арабские источники, например, довольно четко отделяют жителей и правителя Баланджара от хазар (тюрков) и в 654 г, и позже, в 723 г (Новосельцев А.П., 1990, с.124, 125). Ранних описаний Самандара нет, но в X в. городом управлял отдельный царь (малик), находившийся в родстве с царем хазар (Новосельцев А.П., 1990, с.127). “Армянская география” знает оба города в формах “Вараджан” и “Мсндр”, называя их “городами гуннов”, принадлежащими к “царству гуннов” (Патканов К., 1883, с.31). Подробное описание Вараджана сохранилось в “Истории страны Алуанк” (Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с.123-131). В 682 г в городе располагалась ставка правителя “гуннов” Алп-эльтебера, который был вассалом “царя Туркестана”, т.е. кагана хазар.

Племенная принадлежность “гуннов” армянскими и албанскими источниками четко не оговаривалась, но она и не составляет особой проблемы для современного исследователя. В VI в. земли к северу от Дербента занимали многочисленные племена савиров (Артамонов М.И., 2002а, с.92-99). Краткая редакция “Армянской географии” на этом месте в сер.VII в. уже локализирует “гуннов” (Патканов П.К., 1877, с.38), а пространная – “царство гуннов”. Но в пространной редакции к востоку от Самандара до реки Волги упоминается еще одно племя – савиры (Патканов К., 1883, с.31), хотя в степях к западу от Волги, согласно тому же источнику, в это время должны были проживать хазары. Похоже, савиры замещены здесь автором из другого, более раннего источника и размещены “к востоку” от “гуннов” только вследствие поиска “свободного места” на карте. Савиры исчезают как самостоятельное племя с появлением в Восточной Европе тюркютов и вместе с берсилами вновь возникают в источниках уже в X в. в составе Волжской Булгарии. Где проживали савиры до образования Булгарии в кон.VIII в., не из-

вестно, по-видимому, они так и оставались в кон. VI – VII в. на своих землях в районе Дагестана. Даже после поражения от авар и тюркютов савиры должны были оставаться крупнейшим кочевнических племенным союзом Северо-Восточного Кавказа, поэтому их отождествление с “гуннами” армянских источников, на наш взгляд, на сегодня – единственная аргументированная версия.

Независимо от верности или ошибочности идентификации “царства гуннов” как объединения савиров, в сер. VII – 1-й трети VIII в. не хазары, а именно “гунны” населяли полупустыни и предгорные районы Северо-Восточного Кавказа, хазары же появлялись в этом регионе исключительно как военная сила. Никакой “арабской угрозы” дагестанским владениям хазар в 80-90 гг VII в. не существовало. Наоборот, в 680-682 гг “гунны” самостоятельно совершали набеги в Албанию, прекратить которые албанцам удалось только благодаря миссии епископа Исаэла по христианизации “гуннов”. Ее результаты, впрочем, свели к нулю хазары, которые, окончательно закончив захват Северного Причерноморья, в 684/685 гг совершили опустошительный поход в Армению и Албанию. Данный поход трудно назвать свидетельством возвращения хазар в Прикаспийский регион, поскольку после 685 г источники опять долгое время не вспоминают о хазарах в Закавказье. Хазары молча наблюдали за борьбой Византии и арабов за Армению и Албанию, пока в 708 г арабы, наконец, не совершили поход против самих хазар, захватив Дербент. В 711 г хазары вернули себе крепость, выбив арабов за р. Куру, а в 716/717 гг новое арабское вторжение уже закончилось неудачей (Новосельцев А.П., 1990, с.177-179; Артамонов М.И., 2002а, с.219, 220).

Поход 716/717 гг представляет для нас особый интерес тем, что впервые с 664 г в исторических событиях в Дагестане вновь упоминается личное участие кагана хазар. В период 665-698 гг каган известен не более, как “царь севера”, верховный суверен Хазарии, проживающий где-то неопределенно в степях на север от Кавказа. Зато в 698-711 гг хазарский каган “Ибудзир Глиаван” лично появляется в Крыму. Эпизоды его встречи с Юстинианом II в крепости Дори (698-700 гг), договоренности с Тиберием об убийстве Юстиниана (704 г), бегство к кагану Вардана и вообще все события 711 г (Артамонов М.И., 2002а, с.213-217) довольно четко указывают на локализацию ставки кагана в *пределах близкой досягаемости* от Херсона и Боспора, т.е. на севере Крыма или же в Северном Приазовье. Главным политически стратегическим регионом для хазар в 698-711 гг однозначно был Крым, и только окончательно решив свои проблемы с Византией в 711 г, хазары переключаются на закавказский фронт (Артамонов М.И., 2002а, с.219), где отныне

действуют против арабов в тесной координации с Византией (Новосельцев А.П., 1990, с.178, 179). Хотя первый контрудар хазары наносят арабам уже в 711 г, полная откочевка племени в Прикаспий вполне могла затянуться до 715-716 гг, когда тут появляется уже сам каган.

Вновь хазары пропадают из поля зрения арабских источников в период 737-759 гг (Новосельцев А.П., 1990, с.189) после сокрушительного поражения от Мервана. Долгое время считалось, что хазарам пришлось выполнять униженные условия договора с арабами и разорвать дипломатические отношения с Византией, но, как свидетельствуют солиды Константина VII 740-757 гг выпуска из салтовских погребений и памятников (Семенов А.И., 1991, с.127; Круглов Е.В., 1992в, с.182; Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001, с.249; Zironkina O., 1997, p.251), такой разрыв произошел не ранее 757 г, очевидно, в 759-760 гг (Комар А.В., 1999, с.131, 132). Наш вывод полностью подтвердил армянский перевод “Жития Стефана Сурожского”, согласно которому тесть византийского императора Льва III – хазарский каган Вирхор – в 40-50 гг VIII в. проживал в Керчи, а в славянском переводе “Жития” он даже именуется “керческим царем” (Иванов С.А., 2002, с.42-43; Сорочан С.Б., 2004б, с.337).

Второй случай перенесения ставки хазарского кагана в Крым после поражения 737 г от арабов сопровождался в 40-50 гг VIII в. массовым появлением памятников раннесалтовского горизонта салтово-маяцкой КИО в Подонье и Крыму, формировавшихся, как мы неоднократно указывали (Комар А.В., 1999; 2001б), под сильнейшим византийским влиянием. В последней же трети VII в. в Северном Причерноморье наблюдалось резкое появления погребений перещепинской культуры. Наши выводы об уровне общественной организации носителей перещепинской культуры, а также о их близкой родственности тюрко-телесскому населению Западнотюркого каганата полностью соответствуют организации и происхождению населения Хазарского каганата, не оставляя сомнения в том, что именно перещепинская культура и является археологическим эквивалентом культуры раннего Хазарского каганата, предшествующей периоду салтово-маяцкой КИО.

Проблема исторической судьбы перещепинского населения пока наиболее сложная. Открытие памятников новинковского типа в Поволжье, близких как по обряду, так и по инвентарю рядовым погребениям перещепинской культуры, позволило предположить Г.И.Матвеевой, А.В.Богачеву, Р.С.Багаутдинову их прямую генетическую связь (Матвеева Г.И., 1997; Богачев А.В., 1998; Багаутдинов и др., 1998). К близким выводам пришли и

мы, хотя в версии прямой миграции и смущали моменты кавказских связей новинковцев, особенно наличие у них собственной (а не аланской) гончарной посуды, которой нет в северопричерноморской группе (Комар А.В., 2001а; Комар О.В., 2002а). Игнорируя существование памятников новинковского типа, Р.Рашев предложил другое направление миграции – Подунавье (Рашев Р., 2000), причем в новом, исправленном издании книги (Рашев Р., 2004) ситуация “умолчания” сохраняется, а упор аргументации делается лишь на признак “меридиональной” ориентировки погребений “типа Сивашовки”, достоверность которого мы уже рассмотрели выше.

Наиболее интересным новым поворотом в этой проблеме, пожалуй, стала статья К.Цукермана, локализовавшего на Самарской Луке “Черный остров” берсилы “Армянской географии” и соотнесшего новинковские памятники с культурой этого племени (Цукерман К., 2001, с.325-330). Наличие в регионе памятников с “хазарскими” связями исследователь связал с тесным симбиозом хазар с берсилами, подобным симбиозу тюркютов и теле: “Хазарские завоеватели, которые покорили Северный Кавказ и Понтийские степи, включали сильный барсильский элемент. В новой стране барсилы, несомненно, считались хазарами” (Цукерман К., 2001, с.329). Переложение концепции К.Цукермана на ситуацию перещепинской культуры предполагает, что все подкурганые погребения рядового населения и родовой знати в зоне от Южного Буга до Заволжья оставлены именно берсилами, а хазарам принадлежат только немногочисленные комплексы высшей знати и правителей. Проблема же причин миграции перещепинского населения назад на Волгу (см: Комар А.В., 2001а, с.34, 35) тогда нашла бы прямое объяснение в виде возвращения берсилы на свои земли после выполнения “завоевательской миссии”.

Модель любопытная, но в этом варианте хазары опять оказываются лишь немногочисленной “паразитической социальной верхушкой”, лишенной опоры в виде рядового хазарского населения. Другой вариант объяснения ситуации дает Тэсинская стела: берсилы и хазары были изначально родственными народами телесской группы, которым, очевидно, также были близки и савиры. Историческое прошлое связывало эти народы и с тюркютами. Скорее всего, все они входили в хуннское объединение “Северное Лян”, а в 460 г, после его разгрома жуань-жуанями (аварами), савиры и берсилы поэтапно откочевали в Европу, выбив по дороге со своих земель ряд племен огуурского союза – предков болгар; тюркюты ушли на Алтай, а хазары, возможно, закрепились в степи западнее Чуйской долины, где арабскими

географами и согдийскими надписями зафиксирован город “ал-Хазар” (Толстов С.П., 1946, с.103; Калинина Т.М., 1988, с.74-77; 2002б). Около 551 г хазары, наряду с другими телесскими племенами, вошли в состав I Тюркского каганата, и переселенные тюркютами в район Северо-Восточного Прикаспия, стали главной опорой тюркютов в западных войнах. Управляемые напрямую тюркютовской знатью и, сражаясь в тюркских войсках, хазары воспринимались соседями как тюркюты, хотя родственные им племена телесской группы и помнили о различиях хазар и тюркютов.

Помнили об этом и сами тюркюты. Сделав ставку на племена хазар и берсилы, первый каган хазар создал с их помощью большое независимое государство. Но после притока в кон.VII – в нач.VIII в. новых групп тюркского населения из бывших районов Западнотюркского каганата, ставших носителями памятников типа Соколовской балки, именно на них сделали ставку новые каганы. Носители соколовского культурного типа составили ядро новой орды кагана, реорганизатором которой, скорее всего, был сын “Ибудзира Глиавана” и отец Вирхора. Старые же преданные хазарские роды, а также савиры и берсилы постепенно отошли на второй план. Расселенные по периферии каганата с целью укрепить пограничные регионы они быстро потеряли влияние, поскольку так же, как и в Болгарском царстве, захват многочисленного оседлого населения обусловил переход от родовой к территориальной форме управления с неминуемым ограничением передвижения кочевников и их постепенной седентаризацией.

Рассмотренная модель отражает, пожалуй, суть такого явления как “кочевническая империя”, всегда представлявшая собой не *государство народа*, а *государство династии*. Хазарский каганат странным образом избежал бича всех степных империй – раскола между многочисленными наследниками правителей. Зато обязанный своему рождению кочевому племени хазар Хазарский каганат в нач.VIII в. перешел под влияние кочевников – потомков западных тюркютов, не устоявших в кон.VIII – нач.IX в. перед давлением торгово-ремесленной городской культуры оседлого населения каганата, также, в свою очередь, проигравших во 2-й пол.IX в. в борьбе за влияние еврейской общины Атиля.

Перещепинская культура отражает наиболее ранний, кочевнический этап культуры Хазарского каганата времени тюркюто-хазарского симбиоза. Полученные нами исторические рамки пребывания основной массы кочевых хазар в Северном Причерноморье – 665-715 гг фактически ограничивают причерноморские памятники перещепинской культуры трех горизонтов: Сивашовки – Макуховки,

Уч-Тепе – Келегеев и Шиловки – Романовской диапозоном в 50 лет. Это полностью соответствует реальной дистанции между комплексами указанных горизонтов, отражающих материальную культуру не более 2-3-х поколений.

“Откалиброванные” с учетом исторических событий абсолютные даты периодов развития перещепинской культуры выглядят так:

период I (горизонт Иловатки) – около 610-665 гг;

период II (горизонт Сивашовки – Макуховки) – 665-685 гг;

период III (горизонт Уч-Тепе – Келегеев) – 685-704 гг;

период IVa (горизонт Шиловки – Романовской) – 704-715 гг;

период IVб (горизонт Шиловки, фаза 2) – 715-725 гг;

горизонт Галиат – Геленовка – 725-737 гг.

Перещепинский комплекс формировался в периоды II – III. Его попаданию в землю предшествовали грандиозные события хазарской истории – захват Северного Причерноморья, вторжение в лесостепь Среднего Поднепровья и подчинение славянских племен. В 653 г собственник комплекса был еще только вторым лицом в Хазарском каганате, скорее всего, старшим сыном первого кагана хазар. На момент же своей смерти (685-695 гг) он уже унаследовал отцовские трофеи и византийские дипломатические подарки, накопленные его родом в 589-654 гг, ярко свидетельствующие уже о высшем статусе – каганском.

Сохранили ли о нем какую-либо информацию письменные источники? Хроника Мовсэса Дасхуранци в описании событий христианизации дагестанских “гуннов”-савиров 682 г рассказывает об Алп-эльтебере: “совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хакане хазиров, он снискал любовь хакана, и тот выдал за него свою дочь” (Мовсэс Каланкатуази, 1984, с.127, 128). К сожалению, из текста не ясно, говорит ли автор о действующем в 682 г кагане, или же о его предшественнике. “Хакан хазиров”, он же – “царь туркестанский”, ставший тестем Алп-эльтебера и Джуаншера в 60-х гг VII в., теоретически в равной степени мог быть как самим “перещепинским” каганом, так и его отцом. Убеждают в этом несложные расчеты их возможного возраста. “Шат” родился около 611-613 гг, т.е. в 664 г ему бы исполнилось 51-53 года. В 626-630 гг он постоянно находился в походах и поэтому вряд ли мог иметь детей до 631 г. Последнее же означает, что в 664 г “перещепинскому” кагану было не более 33 лет. Теоретически в 664 г он уже вполне мог иметь двух дочерей 13-ти и 15-ти лет, по раннесредневековым меркам, “девушек на выданье”. Но,

как показывает история, дипломатические браки всегда шли особой статьей, при их заключении руководствовались только политическими соображениями, не останавливаясь и перед 9-10-летним возрастом “невест”.

Косвенным, но, пожалуй, решающим свидетельством в нашем случае является указание албанского автора на то, что Алп-эльтебер сначала прославился подвигами на службе при дворе кагана и лишь затем стал собственно правителем (эльтебером) “гуннов”. Речь все же идет о человеке старшем Алп-эльтебера, который был каганом уже в дни его молодости. Показателен и тот факт, что ставка кагана локализуется “в Туркестане”, а сам он называется источником “царем туркестанским”, перед которым не осмеливался предстать лицом к лицу ни один из персидских царей (Мовсэс Каланкатуази, 1984, с.102). Специальное подчеркивание общетюркского статуса власти этого “хакана хазиров” характерно только для первого кагана хазар, а точнее, самопровозглашенного кагана западных тюркютов, создавшего в 632 г отдельный Хазарский каганат. Похоже, именно он в 664 г разбил уннугундуров Аспаруха, выдал своих дочерей за Джуаншера и Алп-эльтебера, а в 665 г организовал преследование Аспаруха, в ходе которого каганат обрел огромные новые территории на западе.

Могила или поминальный комплекс этого, без преувеличения, выдающегося исторического деятеля, потомка Истеми и Бёгю-кагана, племянника Тон-джабгу-кагана, союзника Ираклия и Константа II, несомненно, должна отличаться максимальной пышностью на фоне богатых комплексов перещепинской культуры. Но при всей привлекательности предположения о принадлежности ему самого перещепинского комплекса эта версия все же встречает возражения. Этапу хазарской экспансии на запад соответствует период II перещепинской культуры. Погребения этого периода (горизонта Сивашовки – Макуховки) принадлежат “поколению завоевателей”, пришедших в Северное Причерноморье уже с полностью сформированным культурным комплексом. Состав перещепинского комплекса формировался не одно десятилетие, поэтому наличие в нем элементов горизонта Сивашовки – Макуховки не удивительно. Но вместе с этим, нельзя не учитывать выразительную близость части предметов к комплексам периода IVa (горизонта Шиловки – Романовской). Позиция Перещепины в рамках промежуточного периода III (горизонта Уч-Тепе – Келегеев) на сегодня очень четкая. Его абсолютные рамки определяются по монетам как 669-698 гг, а благодаря корреляции археологического материала с историческими событиями, более узкую историческую датировку обретают два погребения – Мадара (после 681 г) и Уч-Тепе (685 г).

Учитывая “культурно-эволюционное расстояние” между комплексами горизонта, Перещепина находится стадильно дальше Мадары и Уч-Тепе, но несколько ближе Келегеев. Если выпадение указанных комплексов происходило последовательно, то наиболее вероятные рамки попадания в землю перещепинского комплекса можно условно сузить к 685-695 гг.

Согласно “Именнику” болгарских князей, “средняя” продолжительность жизни кочевнических вождей VII в. равнялась около 60 лет. Родившийся около 611-613 гг первый каган хазар должен был по этой закономерности умереть около 671-673 гг. К 685 г ему бы уже исполнилось 72-74 года – возраст малореальный, по раннесредневековым меркам. В Перещепине действительно есть много предметов, непосредственно принадлежавших этому человеку, но сам комплекс, практически с полной уверенностью, появился вследствие смерти его старшего сына, являвшегося на тот момент каганом хазар. С именем “перещепинского” кагана, правившего в 70-80 гг VII в., связаны события вторжения хазар в византийский Крым, а также подчинение славянских племенных союзов: северян, радимичей, вятичей, возможно, уличей. Именно под его давлением уннотундры Аспаруха были вынуждены искать счастья в набегах во Фракию и, в конце концов, переселиться туда в 681 г. В его же правление произошло и масштабное вторжение хазар в Закавказье 685 г, после которого, скорее всего, возвращаясь в Северное Причерноморье, хазары и переселили сюда аланских гончаров Канцирского и Мачехского центров, а также тюркское население, оставившее памятники типа Тау-Кипчак.

Наследнику “перещепинского” кагана (умершего, на наш взгляд, в период около 686-695 гг) достался уже практически полностью сформированный в его “классических” границах каганат. В его правление хазары только закрепили свои позиции в Правобережном Среднем Поднепровье, разгромив Пастырское городище и достигнув Киева, больше же каган “Ибудзир Глиаван” известен благодаря своим отношениям с Византией в 700-711 гг. Судя по тому, что около 700 г он имел сестру “на выданье”, ставшей женой опального императора Юстиниана II, “Ибудзир Глиаван” никак не мог быть младшим братом “перещепинского” кагана – это его сын, а, возможно даже, и внук. Последний вариант следует из указания Феофана на то, что Феодора была “Ибудзир Глиавану” *την γνησίαν αὐτοῦ ἀδελφήν* – “его родной сестрой” (Чичуров И.С., 1980, с.39). Греческое *γνησίος* сильнее, чем просто “родной”, это – “единокровная сестра” (Чичуров И.С., 1980, с.62) или “законнорожденная”. У тюрков “единокровными” сестрами и братьями кагана считались вообще дети, рожденные от катун, – “главной

жены” кагана. Учитывая же, что в средневековые женщины не доживали и до 30-40 лет, каганы часто имели детей от разных катун. В нашем случае Феодора может быть только очень поздним ребенком “перещепинского” кагана, либо же его внучкой от старшего сына, преждевременно умершего или погибшего, а “Ибудзир Глиаван”, соответственно, как старшим сыном, так и старшим внуком от старшего сына. Передача власти от отца к сыну или внуку свидетельствует, что лестничная система престолонаследования, характерная для Тюркских каганатов, в Хазарском была окончательно заменена на более четкую и понятную наследственную власть, заменившую систему “коллективного правления” рода Ашина.

К сожалению, письменные источники не сохранили имя “перещепинского” кагана, не упоминают они и серьезные события с его непосредственным участием. Он явно пребывал “в тени” своего отца, и это, что показательно, хорошо отражает и сам перещепинский комплекс. Наиболее аттрактивные и дорогие вещи сасанидского и византийского производства здесь связаны с дипломатическими подарками или военными трофеями времени правления его отца и даже более далеких предков, византийский же комплект вещей “варварского” стиля, полученный “перещепинским” правителем непосредственно в 653 г, скорее, был обусловлен всего лишь его статусом старшего сына и наследника кагана, а не особой ролью в политических отношениях с Византией. Личными военными трофеями “перещепинского” кагана могут оказаться разве что блюдо Патерна и серебряная амфора (кат.1, 2), которые, правда, хазары могли захватить в Албании, Грузии или Армении в равной степени как в 626-630 гг, при отце кагана, так и в 684/685 гг. Несмотря на полную успешность, поход 684/685 гг не закрепил за Хазарией закавказские земли. Пожалуй, главным достижением “перещепинского” кагана стало все же подчинение славянских племен Днепровского Левобережья – северян, радимичей и вятичей, остававшихся данниками Хазарского каганата почти до последних дней его существования. И это, наверное, символично, что комплекс вещей, связанных с проводом духа умершего кагана в Нижний мир, во время ритуала зарыли именно в лесостепи, на захваченной им славянской территории.

Выводы настоящей работы трудно сформулировать в нескольких фразах. Скорее, их составляет целый комплекс археологических и исторических наблюдений, развивающих в сумме видение Перещепинского комплекса и его места в истории и археологии восточноевропейских номадов VII-VIII вв. Н.Е.Макаренко, В.А.Гринченко, М.И.Артамо-

нова, Б.И.Маршака, А.И.Айбабина, Е.В.Круглова и др. исследователей, связывающих происхождение комплекса с тюркюто-хазарской средой раннего Хазарского каганата. “Восточный”, тюркютский компонент в культуре высшей знати “перещепинского” объединения очень выразителен, что в сочетании с не менее выразительными “археологическими” следами военно-политических контактов рассматриваемой группы кочевников с Византией и Сасанидами, четко укладывающимися в рамки тюрко-хазаро-византийских военных альянсов, не оставляет сомнений в ведущей роли тюркютов и их правящей династии в образовании Хазарского каганата. Перещепинский комплекс, наряду с Вознесенским поминальным куруком, на сегодня также является важнейшим историческим свидетельством постоянного присутствия представителей династии Ашина в Восточной Европе с 80 гг VI в. до нач.VIII в., отражающего генетическую связь Хазарского каганата с обособленным западным уделом Западнотюркского каганата. Перед нами тот самый редкий случай, когда археология способна вмешаться в историческую дискуссию, прояснив краткие и разрозненные упоминания письменных источников яркими фактами материальной культуры.

* * *

Эпилог настоящей работы появился спонтанно, уже после ее полной подготовки к печати, а причиной его появления стало великолепное археологическое открытие на памятнике Хушо-Цайдам I – поминальном комплексе (куруке) Бильге-кагана (735 г). Первые же сообщения о находке комплекса дорогих предметов внутри каменного храма-барк обнадежили увидеть близкую параллель европейским комплексам из Перещепины и Вознесенки, но до предварительной публикации о его точном составе судить было сложно. И действительно, “напутственный” комплекс Бильге-кагана превзошел все наши ожидания. Согласно предварительной публикации (Баяр Д., 2004), комплект включал два набора посуды: золотой (высокий кувшин, кружка, ковш, две тарелки) и серебряной (высокий кувшин, кубок); предметы убора кагана – золотая диадема и золотые серьги “хазарского типа”, по Д.А.Сташенкову (Сташенков Д.А., 1997), детали деревянных предметов, возможно, от сундучка, а также более 1800 серебряных бляшек-розеток и др.

Значение открытого комплекса трудно переоценить. Несмотря на большую географическую удаленность, культурно-политические различия и хронологическую дистанцию в около полстолетия

между Перещепиной и куруком Бильге-кагана, “напутственный” комплект включал все те же главные элементы: дорогие предметы убора и набор золотой и серебряной посуды. Согласно данным китайских источников, Бильге-каган умер 25 ноября 734 г и похоронен 22 июня 735 г. Возможно, к моменту похорон был завершён уже и поминальный комплекс, где китайские послы установили курительные свечи (Кляшторный С.Г., 2003, с.60). В любом случае, “отправление” вещей умершему произошло после похорон отдельным ритуалом, причем наличие в их составе диадемы, аналогичной изображению на скульптуре Кюль-тегина, не оставляет сомнений в том, что комплект представлял собой именно вещи умершего, а не погребальные дары. Тот же ритуал “передачи” вещей умершему отдельным ритуалом мы наблюдаем в Северном Причерноморье в комплексах келегейского типа.

“Имущественный” статус “напутственного” комплекса Бильге-кагана, даже по предварительной оценке, на фоне рассмотренных нами восточноевропейских и аварских комплексов оказывается выше комплекса аварского кагана из Кунбабоня, но он все же никак не сравним с Перещепиной. Вряд ли это объясняется лишь упрощением ритуала, сокращением перечня “необходимых” умершему вещей – просто имущество “перещепинского” кагана собиралось его родом около 80 лет на пике могущества Западнотюркского, а затем раннего Хазарского каганатов, в то время как новообразованный II Тюркский каганат времени Бильге-кагана (716-734 гг) был еще далек от славы и могущества своего предшественника – Восточнотюркского каганата.

Дополнительно подчеркивая незаурядность политического объединения “перещепинского” правителя, а также тюркютские истоки погребально-поминальных обрядов его высшей знати, комплекс из курука Бильге-кагана заставляет в очередной раз отдать дань научной интуиции А.К.Амброза, первым связавшим обряд Вознесенского и Перещепинского комплексов с поминальными храмами правителей II Тюркского каганата (Амброз А.К., 1982), а также Б.И.Маршака и К.М.Скалон, связавших происхождение Перещепинского комплекса с хазарской ветвью правителей Западнотюркского каганата (Маршак Б.И., Скалон К.М., 1972). Одновременно, открывая новый период в исследовании древностей Тюркских каганатов, раскопки курука Бильге-кагана дают надежду на серию новых открытий, которые позволят в будущем рельефно очертить культуру высшей знати эпохи I Тюркского каганата и, несомненно, уточнят и существенно расширят наши представления о Перещепинском комплексе.

Summary

A.V.Komar (Kiev, Ukraine)

PERESHCHEPINA COMPLEX IN THE CONTEXT OF THE PIVOTAL PROBLEMS OF HISTORY AND CULTURE OF THE NOMADS IN EASTERN EUROPE (VII – EARLY VIII C.)

A prolific set of objects found in 1912 in the vicinity of Malaia Pereshchepina village (Poltava province, Ukraine) has been a subject of controversial scholarly argument for nearly a century as to its cultural, chronological, ethnic and historical attribution. These issues have become particularly topical after publication of J.Werner's book (Werner J., 1984) and a joint monograph of the Hermitage researchers devoted to complete presentation of the set objects (Zalesskaia V.N. et al., 1997). The principles of classification and differentiation of objects into cultural-stylistic and technological groups developed by the above authors permitted a distinct division of the complex earlier attributed as "supercultural" "international" hoard into two major parts: the objects of barbaric manufacture, which automatically pose a question of their cultural and chronological relationship with other nomadic complexes of Eastern Europe, and the objects of "political import", which display diplomatic and military contacts of this group of nomads with the neighbouring states, i.e. Byzantia, Persia and the Avar chaganate. The variants of the complex attribution proposed in literature can be reduced to the two basic versions: its connection either with the interment of Kuvrat, leader of the Bulgars-Onogundurs, or an unknown Khazar chagan.

Pereshchepina complex attributed as a "hoard" since its discovery bears the same name at present, although now it is more often considered as the remnants of a burial made by the inhumation or cremation rite. However, in complexes from Kelegei, Novye Sanzhary, Makukhovka, Yasinovo, Limariovka and Pavlovka, similar by their inventory and by the conditions of their discovery, no traces of human bones were found, though horse bones and organic compounds were retained. Those are neither hoards, nor interments or cenotaphs, though the complexes are clearly involved in the funeral rite. Apparently, we observe the traces of some ritual, which presupposed placing into the hole, along with a part of a bridled horse's carcass or "skin", the dead person's arms, clothes, personal decorations and crockery for the banquet in the next world. The rite was accompanied with the ritual actions using fire. That was done in secret, the place of interment was concealed. The dead person's body was transported to the next world by a different ritual in a different place, i.e. spacial and temporal differentiation between two rituals involving the burial of the same person is observed. According to ethnographic data, such a ritual is generally close to the Turkic rite of sending-off the spirit of a dead man to the "Lower World", which was performed on the 7th or the 40th day after his death. Analysis of the remnants of the lining and the wooden parts found in Pereshchepina most likely indicates that a travelling-trunk also serving as a cart, lined with cloth and golden plates and described in literature concerning Khazars and Mongols, was dug in there. To define this type of a ritual complex the terms "parting complex" and "Kelegei type complex" are proposed.

The basic groups of "barbaric" objects from Pereshchepina considered in detail display their obvious morphological, technological and stylistic proximity to sets of other rich nomadic complexes of Northern Black Sea territory. The most closely related to Pereshchepina is Glodosy complex, then comes Voznesenka; not so rich complexes, e.g. Kelegei, Novye Sanzhary, Yasinovo, Romanovskaia, Makukhovka contain fewer analogies to the technology of Pereshchepina "barbaric" objects. With the object morphology taken into consideration, the relationship between Pereshchepina and the above complexes will change being expressed in the following series: Makukhovka – Pereshchepina – Kelegei – Romanovskaia – Glodosy/Voznesenka – Novye Sanzhary – Yasinovo. The issue of Pereshchepina cultural relationship with the ordinary sub-barrow and barrowless nomadic interments is much more intricate, since their direct comparison is hardly possible due to sharp social distance. Estimation of the similarity between sub-barrow interments and Kelegei-type complexes when compared with the monuments of the neighbouring cultures displays their obvious proximity. However, when we focus straightforwardly on the nomadic complexes, their differences are clearly seen. In this situation we observe the social, rather than chronological or ethnical, nature of the differences. The complexes clearly fall into four social groups: the rulers (Pereshchepina, Glodosy, Voznesenka), the nobility (Kelegei, Yasinovo, Novye Sanzhary, Makukhovka, Romanovskaia, limariovka, Pavlovka), the armed force and tribal nobility (burials with golden belting details, Artsybashevo group), commoners (burials with silver and bronze belts, Sivashovka group). To denote the compound culture under consideration we use the term "Pereshchepina culture" proposed by M.I.Artamonov and A.I.Babin.

The paper focuses on the problems of periodisation and chronology in Pereshchepina culture. As a result, four periods of cultural development have been highlighted with the following “pure” archeological indicators of absolute boundaries based on the latest minting dates imprinted on the coins found in the complexes, but without involving the estimation of the time of the horizons and historical dating:

- period I (Ilovatka horizon) – ca. 610-638;
- period II (Sivashovka – Makukhovka horizon) – 638-669;
- period III (Uch-Tepe – Kelegeev horizon) - 669-698;
- period IV (Shilovka – Romanovskaia horizon) – 698 – ca. 725.

A wide variety of objects, as well as the duration of formation of Pereshchepina complex account for the fact that its formation occurred within two periods, i.e. II and III, though the complex was concealed during period III which determined Pereshchepina position in our periodization.

The owner of Pereshchepina complex appears to be a ruler of a large nomadic political amalgamation occupying the territory from the South Bug reaches to the Volga left-bank areas, with a number of the Alan and Turkic tribes of Northern Caucasus and Slavic tribes of the medium Dnieper areas depending. Clear-cut social stratification of the population is indicative of rigorous traditions of state government, with the top layer of nobility and the nearest milieu of the ruler obviously consisting of the Turkuts who were closely connected with the remnants of the Turkuts from Western-Turkic chaganate and Sogd, whereas ordinary population was related to the Turkic and Tele tribes of Western-Turkic chaganate. That amalgamation maintained close ally relationship with Byzantia during the entire period of 582-663, in particular, it participated in a war with Iran in 624-628; then a period of alienation followed which ended ca. 698. It was just at that alienation period that the above amalgamation largely expanded westward which resulted in the seizure of Northern Black Sea and Eastern Azov Sea areas, ousting and submission of a part of Slavic tribes of the medium Dnieper reaches, Poltava forest-steppe zone included, where at the time of ca. 680-698 during the farewell rite for the dead ruler spirit a set of objects belonging to him was hidden. Heirs of “Pereshchepina” ruler remained in the medium Dnieper area for some time where complexes from Glodosy and Voznesenka appeared later, but immediately after the death of “Voznesenka” ruler (which occurred after 698) a great deal of nomads left Northern Black Sea steppes and migrated to the Volga area.

If we consider Pereshchepina complex as an integrity, and not as an entity combining heterogeneous objects at random, all the events of outer political contacts of Pereshchepina complex owner’s family from 589 till 653 clearly fall into the framework of the Turkic-Byzantine allied relations. It should be pointed out that since the joint war of 589 the sources have likewise called the group of Turkuts in question the “Khazars”. The fact of concentration of the Byzantine payments and presents for the Turkuts participation in the wars of 589-653 against their mutual enemies, i.e. the Persians and Arabs, in the hands of one clan permits a conclusion about the existence of a separate administrative unit of the Turkic chaganate – the “western apanage” since the VIth c. with the power handed over to representatives of one family which later separated its apanage into a new chaganate, the one of Khazar.

Analysis of written sources did not confirm J.Werner’s hypothesis about Pereshchepina belonging to “Kuvrat, the chagane of Great Bulgaria”. The hypothesis was based on Nikiphor’s passage giving together the data of three different persons. The layer of the news about “Kuvar”’s insurrection against the Avars’ chagan, his leaving the country and the mission to Byzantine emperor refers to the Bulgar leader Kuver from “The Miracles of St.Dimitry Solunsky”; mentioning the fact that “Kuvar” was Organa’s nephew and lived in the time of Iraklij - to Byzantine military leader of barbaric origin “Kubrat” from Ioann Nikiusky’s chronicles; and the title “Onogundurs’ lord” belonged to “Kovrat” from “The Legend” about Bulgars’ dispersal. Localization of Kovrat’s “old Bulgaria” to the east of the Taman peninsula, i.e. in Kuban area, is even more definite. According to Bulgarian “Imennik”, the first independent Bulgarian chagan was Asparukh, and his father Kurt ruled “with his hair cut”, i.e. was a ruler dependent on the Khazars who obviously laid the foundation of the dynasty of ... of the Volga Bulgars. V.Seibt’s decoding of the name XOBRA TOY in Pereshchepina monograms cannot be considered convincing since the well-known Greek (Kovrat, Krovat, Kuvrat) and especially the Bulgarian (Kurt) forms of the name definitely contradict it. Finally, direct migration of Pereshchepina culture carriers to the Danube territory has not been confirmed archeologically.

On the contrary, the written sources about the origin of the Khazars and Khazar chaganate well agree with the picture obtained after the analysis of archeological data. Byzantine, Armenian and Chinese sources call the Khazars “the Turkutes”, thus emphasizing the relationship between Western Turkic and Khazar chaganates. Uigur runic inscription dates the Khazars and Berzils back to the Tele population of Western Turkic chaganate. The dual nature of the origin of the Khazars involving the bulk of ordinary Tele population and the chagan suite

of the Turkut origin is displayed in different funeral traditions and different sets of objects in various social groups of Pereshchepina culture. The founder of Khazar chaganate was a Shad, Ton-Djabhu-chagan's nephew, who, according to the system of Turkuts' succession to the throne, was a direct successor to the chagan's throne in 632. However, the aspirant was not able to interfere the dynastic argument in the chaganate, since he was in Northern Caucasus at the time, and therefore, Nishu Gana-Shad was elected chagan who overtly confessed the illegitimacy of his power to the Chinese emperor and was blessed by him to his throne.

The "archeological traces" of Ashin's dynasty in Northern Black Sea areas are not confined by Pereshchepina complex only. The constructions of another complex from Voznesenka, which is culturally and chronologically close to the one of Pereshchepina, were attributed as a chagan funeral temple by A.K.Ambros. At present this conclusion acquires additional implications due to the fact that all known Turkic kuruks of the VIth – beginning of the VIIIth c., judging by inscriptions, similar by the type and size were built exceptionally for chagans and their families, i.e. for the representatives of Ashin's dynasty. The existence of such a complex in the Dnieper reaches can be accounted for exceptionally by its connection with Ashin's Khazar branch.

Pereshchepina culture exhibits the earliest, nomadic step in the culture of Khazar chaganate of the Turkut-Khazar symbiosis time. The obtained historical boundaries for the existence of the major bulk of nomadic Khazars in Northern Black Sea areas, i.e. 665-715, virtually confine the Black-Sea-area monuments of Pereshchepina culture in three horizons: Sivashovka-Makukhovka, Uch-Tepe – Kelegeev and Shilovka – Romanovskaia, to the period of 50 years. This is in complete agreement with the real distance between the complexes of the above horizons displaying the material culture of not more than 2-3 generations, as well as the occurrence of not more than two interments in the same ground burial.

Thus, the absolute dates for the periods of development of Pereshchepina culture made more precise with historical events taken into account are as follows:

- period I (Ilovatka horizon) – ca. 610-665;
- period II (Sivashovka – Makukhovka horizon) – 665-685;
- period III (Uch-Tepe – Kelegeev horizon) - 685-704;
- period IVa (Shilovka – Romanovskaia horizon) – 704 – 715;
- period Ivb (Shilovka horizon, step 2) – 715-725;
- Galiat – Gelenovka horizon – 725-737.

Pereshchepina complex was formed within periods II-III. Significant events in Khazar history, i.e. seizure of Northern Black-Sea areas, invasion of forest-steppe medium Dnieper reaches and submission of the Slavonic tribes preceded its getting into the ground. In 653 the complex owner was only the second person in Khazar chaganate, most probably, the elder son of the first Khazar chagan, whereas by the time of his death (ca. 685-695) he had inherited his father's trophies and Byzantine diplomatic gifts accumulated by his clan during 589-654 which clearly indicates his higher status – that of a chagan.

Unfortunately, the written sources did not retain "Pereshchepina's" chagan's name. He was obviously "shadowed" by his father which, symbolically as it is, is well shown by Pereshchepina complex. The most attractive and expensive things of the Sasanidian and Byzantian manufacture involve diplomatic gifts or war trophies of the time of his father's rule, whereas the Byzantian set of objects of "barbaric" style obtained by the "Pereshchepina" ruler just in 653 was due rather to his status as the chagan's elder son and heir than his prominent role in the political relations with Byzantia. In this case analysis of monograms on "Pereshchepina" rings where about a hundred of various versions of Turkic names can be found among which honorary khan's titles, such as BAXATOYP ("warrior") and POBIXOY, BOPYXOY ("wolf") can be pointed out as most probable, is of no use. Even the very fact of the rings belonging to "Pereshchepina" chagan himself, and not to his father, remains doubtful.

The conclusions of the present work are made up of a complex of archeological and historical observations jointly developing a view of Pereshchepina complex and its place in history and archeology of Eastern European nomads of the VIIth-VIIIth c. expounded by N.E.Makarenko, V.A.Grishchenko, M.I.Artamonov, B.I.Marshak, A.I.Aibabin, Ye.V.Kruglov and other scholars who relate the complex origin to the Turkut-Khazar milieu of the Early Khazar chaganate. The "Oriental" Turkute constituent in the culture of higher nobility of "Pereshchepina" unity is very expressive, which, combined with the not less prominent "archeological" traces of military and political contacts of the group of nomads under consideration with Byzantia and Sasanids definitely fitting into the framework of the Turkic-Khazar-Byzantine military alliances, leaves no doubts as to the leading role of the Turkuts and their ruling dynasty in the formation of the Khazar chaganate. Pereshchepina complex, along with Voznesenka funeral kuruk, is an important historical evidence for perpetual presence of the representatives of Ashin's dynasty in Eastern Europe since the 80s of the VIth c. till the beginning of the

VIIIth c. which displays the genetic link of the Khazar chaganate with the separate apanage of Western Turkic chaganate. This is a rare case when archeology is able to interfere the historical discussion and illustrate brief mentioning of the written sources by the bright facts of material culture.

Статья поступила в редакцию в июне 2005 г